ИСТОРИЯ РУССКОЙ
И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В.Б. Миронов

Древняя Греция

Annotation

Очередной том, выходящий в рамках масштабного проекта, посвященного истории русской и мировой культуры, рассказывает об Элладе – родине европейской цивилизации. Автор живо и увлекательно прослеживает историю удивительной эллинской культуры, – одновременно изысканной и мужественной, мудрой и жизнерадостной, – от самых ее истоков, от повествований о богах и героях, от сказаний о Троянской войне до классического периода, когда получили блестящее развитие искусство и наука, философия и литература, до эпохи Александра Македонского, распространившей эллинские традиции далеко за пределы Греции. Особое внимание уделяется наследию эллинской цивилизации в России: ведь древнерусскую духовную культуру иначе просто невозможно по-настоящему понять.

- Владимир Борисович Миронов
  - Глава 1. ГРЕЦИЯ – РОДИНА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
    - Греческие боги и мифы
    - Крито-минойская цивилизация
    - Микенская Греция
    - Гомер и Гесиод. Троянская война
    - Характер жизни греков и их облик
    - Система образования: школы и учителя в античном мире
    - Спорт в жизни древних греков
    - Роль искусств в воспитании народа
    - Женщины в Греции: их положение и нравы
  - Глава 2. НАУКА И ПОЛИТИКА. ВОЙНА И МИР
    - Наука и техника в Древней Греции
    - Вершины греческой философии
    - Историки и географы Древней Греции
    - Политическая хорография: демократия и тирания
    - Риторика и софистика в греческом обществе

        - Эпоха Перикла – «золотой век» или век войн и междоусобиц?
        - Афины, Спарта и Фивы– битва за гегемонию
        - Александр Македонский и греки
        - Злаки и плевелы в наследии эллинов
        - Греческое наследие: скифы и Россия
        - Литература
- notes
    - 1

Владимир Борисович Миронов
Древняя Греция

Глава 1. ГРЕЦИЯ – РОДИНА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

История как особый вид научного знания – или, лучше сказать, творчества – была детищем именно античной цивилизации. Разумеется, и у других древних народов, и, в частности, в соседних с греками странах классического Востока, бытовал интерес к прошлому и существовали известные формы фиксации главных, знаменательных событий из этого прошлого… Однако в силу большей на Востоке, по сравнению с античностью, скованности социальной и интеллектуальной жизни рамками теократического и деспотического надзора историописание здесь остановилось на подступах к собственно истории. Эпос не приобрел здесь того светского характера, каким у греков отличались уже гомеровские поэмы, автобиографические повествования не обрели вида развернутых мемуаров, а хроники, оставаясь по существу официальными царскими прокламациями, так и не трансформировались в индивидуализированное историописание, нацеленное на научную реконструкцию прошлого, проникнутое оригинальной философской идеей… Иначе обстояло дело с историческими занятиями у древних греков… История древних греков отличалась замечательным своеобразием, сильнейшим образом способствовавшим подъему народной культуры и самосознания – по крайней мере на отрезке времени в две тысячи лет…

Э. Д. Фролов. Факел Прометея

Греческие боги и мифы

Обратимся теперь к Греции, с которой в памяти любого из нас связаны многие понятия и представления нынешней цивилизации. Греция – эпицентр всей западной культуры. По мнению ряда историков и писателей прошлого, древние изображали ойкумену круглой, посредине же, как полагали, «лежит Эллада и посредине последней – Дельфы. Они – пуп Земли» (Агафемер). К слову сказать, почти все народы мира склонны рассматривать именно свою землю как «пуп земли», как «райский уголок», особо отмеченный печатью богов. Хотя в нашу задачу не входит разбивать последующее повествование, подобно зеркалу андерсеновской Герды, на тысячи хрустально-временных осколков, но все ж надо хотя бы как-то упорядочить представления о тогдашнем времени и пространстве. Наш рассказ ограничивается странами, расположенными в центре исторических событий, на главных торговых путях (Египет, Ассирия, Вавилон, Персия, Палестина, Индия, Греция, Рим, Китай).

Представленная картина создана путем синтеза двух понятий: мира-как-истории (Шпенглер) и мира-как-культуры. История греков – «центральное звено» нынешней человеческой цивилизации, ибо прежде всего через них и посредством их узнаем жизнь мира, а не только схему мировой истории. Близость греков к рассмотренным ранее ареалам Востока очевидна и находит проявление во многих эпизодах. «Запад являет собой взаимосвязанный мир – от Вавилона и Египта до наших дней. Однако со времен греков внутри этой культурной сферы Запада произошло разделение на Восток и Запад, на Восточный и Западный мир», – писал философ Карл Ясперс.

Карта Греции

Древний мир был населен богами. Причины, порождавшие веру в богов, вызвавшие преклонение перед ними, лежат на поверхности. Две из них очевидны – страх и неуверенность. Демокрит, автор первой известной античной теории происхождения религии в ее натуралистическом духе, сказал: «Древние люди, наблюдая небесные явления, такие как, например, гром и молнию, перуны и соединения звезд, затмения солнца и луны, были поражены ужасом, полагая, что боги суть виновники этих явлений». Лукреций говорит: «Primus in orbe deos fecit timor». Петроний выразил мысль примерно такой же фразой: «Первых богов на земле создал страх». У Гомера человек с ужасом взирает на разбитый молнией дуб, пастух боится темной тучи – предвестницы дождя, моряк напуган бурей… Но ведь и сегодняшние обитатели земли, более просвещенные и гораздо более информированные в научном плане, боятся тех неожиданностей, которые может принести на землю непредсказуемая природа или космос с его кометами, солнечной радиацией и т.д. и т.п. Страх продолжает жить в нас (даже и подсознательно). Вспомним, какая

нешуточная паника и волнение возникли в мире в 1999 году на рубеже тысячелетий (во время последнего солнечного затмения).

Греческие боги

Если после стольких столетий, казалось бы, «полнейшего торжества» наук, культуры, образования, воспитания, после стольких достижений цивилизации и так называемых побед разума в современных обществах наблюдаются дичайшие пророчества, а в массе популярны прогнозы магов, гадалок и колдунов, если даже у твердых рационалистов XXI века заметны колебания духа, что же говорить о древней публике. «Страх есть причина, благодаря которой суеверие возникает, сохраняется и поддерживается» (Спиноза).

О греческой религии и мифологии составил обширный труд афинский грамматик Аполлодор в начале II века до н.э. («О богах»), который, к сожалению, не сохранился. Одни представители античности считали, что религия есть продукт договора меж царями и жрецами, с одной стороны, народами – с другой (Секст Эмпирик). Другие же склонны были видеть в ней разновидность социально-политического обмана, вне зависимости от того, навязан ли он народу царями и жрецами или философами и политиками (афинский тиран Критий). Кстати, и в Средние века мысль о том, что религия была чистой воды обманом, воплотилась в идею «о трех обманщиках» – это Моисей, Христос, Мухаммед. Хотя вряд ли обман, страх, надежда, как и идея религии как опия (Вольтер) или социоморфных образов, полностью исчерпывают религиозную идею.

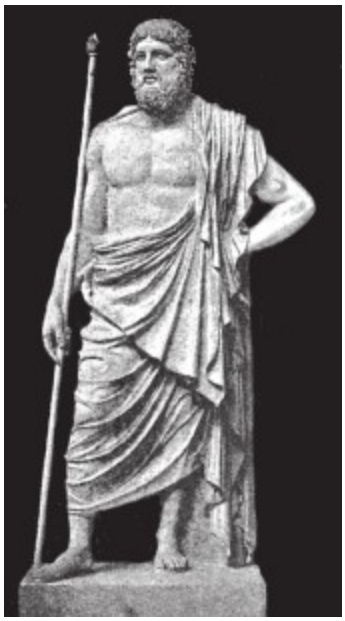
Младенец Зевс на острове Крит

В основе верований земледельцев, скотоводов или охотников, живших в городах и селах (древние города вначале были лишь большими деревнями), лежали обычные, повседневные нужды. Всё у греков было организовано почти как у современных людей. Поэтому даже и в обителях богов наблюдается расслоение, как в «Метаморфозах» Овидия:

Есть дорога в выси, на ясном
зримая небе;
Млечным зовется Путем,
своей белизною заметна.
То для всевышних богов —
дорога под кров Громовержца,
В царский Юпитера дом.
Красуются справа и слева
Атрии знатных богов, с дверями,
открытыми настежь.
Чернь где придется живет.
В передней же части чертога
Встали пенаты богов —
небожителей, властию славных.
Это-то место – когда б
в выраженьях был я смелее —
Я бы назвал, не боясь,

Палатином великого неба.

Какую роль в жизни играли боги и различного рода культы? По мнению греков, судьбой человека руководят боги (Софокл). Греки делили всех богов на небесных или Олимпийских, земных и подземных. Когда боги в их представлении стали все более походить на людей, возникло стремление выстроить для них жилища. Уже в гомеровских поэмах встречаются упоминания богов. Их изображения вначале люди делали из дерева, а затем уже из камня. Простой люд считал, что все боги наделены сверхъестественной силой и в состоянии вершить чудеса. Павсаний рассказывает о чудесах, что свершались статуями Геракла в Эрифрах, Аполлона в Гилах, другими. Одной из самых почитаемых богинь в древности была Геката. Причина ее популярности в том, что в Древней Греции колдовство и ведовство были женскими сферами, а Геката – богиня, царствующая над привидениями и чудовищами. Считалось, что она пробирается в спальню счастливых матерей и крадет у них детей, чтобы затем напиться их крови, хотя она не чужда и сострадания. Считалось, что она могла помочь тем, кто потерял близких, найти возлюбленных в подземном царстве Аида (а в некоторых случаях даже вернуть их в реальный мир). Любовь и стремление овладеть чарами магии (и заодно мужчинами) особенно привлекали к ней дам.



Зевс

Плутарх пишет и о силе статуи Артемиды в ахейском городе Пеллене. Считалось, что статуи Артемиды в Спарте излечивают от подагры и кашля. И вообще деяния богов всячески персонифицировали и живописали. Говорили даже, что тела богов в ряде случаев обливались потом, копья в их руках дрожали, менялось выражение лица богов и т.д. На то, что эти чудеса воспринимались всерьез, что в них свято верили, указывает и такое любопытное свидетельство: эфесцы при осаде их города Крезом соединили стены города веревками с храмом Артемиды, чтобы таким вот хитрым способом доверить град защите почитаемой богини. Иногда статуи с целью удержания бога или богини на данном месте приковывали цепями. О разного рода реликвиях и предметах, якобы обладавших чудодейственной силой, тут и говорить не приходится. Вещи, камни, предметы, масла, кости – всё шло в ход. Понятно, что богам, храмам, жрецам приносились многочисленные дары: чаши, бокалы, лампы, светильники, ожерелья, браслеты, платья, статуи, картины, рельефы, золото и пр.

У. Блейк. Геката, или Три судьбы

Люди просят у богов то, чего нехватало или что хотели получить. Воды было мало. Реки и источники ценились высоко. К ним обращались с мольбой о плодородии и о рождении детей. Обычно без молитвы даже не переплывали реку. Посейдон был богом моря, коней и землетрясений. В Лаконии его называли «тот, кто ездит под землей». При первых признаках землетрясения ему пели гимны. Считалось, что это он ударом трезубца открыл источник воды на Афинском Акрополе, тогда как Пегас ударом копыта вызвал к жизни поэтический источник на горе Геликон (источник Гиппокрена). Боги являлись грекам в образе животных, с кем тесно связана жизнь земледельца и воина (бык и конь). Духами воды являлись кентавры и силены, воплощавшие мощь

природы. К этой же группе богов могут быть отнесены сатиры и нимфы, перешедшие затем в культуру и искусство. Первые божества выглядели довольно грубо. Скульпторам потребовалось время и мастерство для создания их гениальных образов – статуй Афины-Девы и Зевса Олимпийского (работы Фидия).

Посейдон

Артемида Версальская

По словам Страбона, у устья реки Алфей в цветущих долинах встречались святилища Посейдона, а также немало святилищ Артемид, Афродит или нимф. Поэт и ученый Каллимах (310—240 гг. до н.э.), деятель александрийского Мусея, создатель знаменитых «Каллимаховых таблиц» (120 книг), писал об Артемиде:

Артемиду, кого не к добру
воспевать песнопевцу,
Мы воспоем, возлюбившую лук,
и охоты, и травли,
И хоровод круговой, и пляски
на горных высотах;
Петь же начнем от времен,
когда еще девочкой малой,
Сидя на отчих коленях, она
лепетала умильно:
«Папенька, ты подари мне дар
вековечного детства,
Много имен подари, чтобы Феб
не спорил со мною!
Дай мне стрелы и лук – или нет,
отец, не пекися
Ты о луке и стрелах; скуют мне
проворно киклопы
Множество стрел, и гибкою
лук наделят тетивою.
Ты же мне светочи даруй
в удел и хитон, до колена
Лишь доходящий, дабы нагнать
мне зверя лесного…
Жить на высях я буду, людей
города навещая
Только по зову рожающих жен,
что в пронзительных муках
Станут ко мне вопиять,
мне в удел сужденные первый
Мойрою; им я должна помогать

и нести избавленье,
Ибо не ведала мук, нося меня
и рождая,
Мать, но безбольно на свет
из родимой явила утробы.

«Гесиод и Гомер… впервые и установили для эллинов родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образы», – отмечал Геродот. Хотя греки и не знали страха перед смертными, но богов они все же опасались, стремясь всячески их умилостивить. Нередко к ним обращались с личными просьбами или с просьбами даровать победу. Ни один греческий полководец не начинал похода или битвы без обращения к божеству. Ни одно сколь-либо важное действо не совершалось без возложения на алтарь богов даров и благовоний. Греческому войску под Троей вожди внушают, что надо чтить богов, выполнять свои обещания, ибо, как сказано, «отец Зевс никогда не помог ни лжецам, ни нарушителям клятв». Они обращались к богине Афине Палладе, что являлась богиней победы и носила щит Зевса и его грозное оружие – перуны. В битве при Платее Павсаний отказывался вступить в бой из-за неблагоприятных знамений на небе (несмотря на то что персы атаковали его войско). Ксенофонт честно признался, что никогда бы не решился даже собрать воинов и подготовить к сражению, если бы увидел некий дурной знак, пусть и перед лицом угрожавшего голода.

Сцены из жизни богов-олимпийцев

Одним словом, ни у какого другого народа боги не сыграли столь заметной роли в формировании мировой литературы и искусства. Д. П. Шантепи де ля Соссей писал об этом так: «Как история религии освещает характер греческого народа, так наше предварительное знакомство с этим народом объясняет нам в свою очередь многие поразительные черты его религии. Так, мы знаем, что греки находили особенное удовольствие в преданиях и сказках, вообще во всякого рода рассказах, в которых живая фантазия получала желанную пищу и либо творила далее из услышанного, или же греки старались дополнить слышанное при помощи собирания новых сведений о собственном прошлом и о жизни других народов. Эпическая поэзия и историография греков выросли на почве этой склонности. Если присоединить к этому поэтические стремления, присущие грекам, как никакому другому народу, то станет понятно, каким образом миф, т. е. рассказ о божестве, то примыкая к преданию, то создаваясь процессом свободного поэтического творчества, мог так удивительно развиться в греческой религии. Для набожного грека эти мифы имели, может быть, гораздо меньше значения, чем жертвы, служение богам и священные празднества; но для нас неисчерпаемая сила мифического творчества, эта великая особенность греческой религии, остается тем, чего у других народов нельзя найти в такой степени, в особенности если обратить внимание на то, к какому единению религии и искусства привело это богатство мифов». В то же время о божествах греческой религии можно было бы сказать словами философа Протагора: мы не

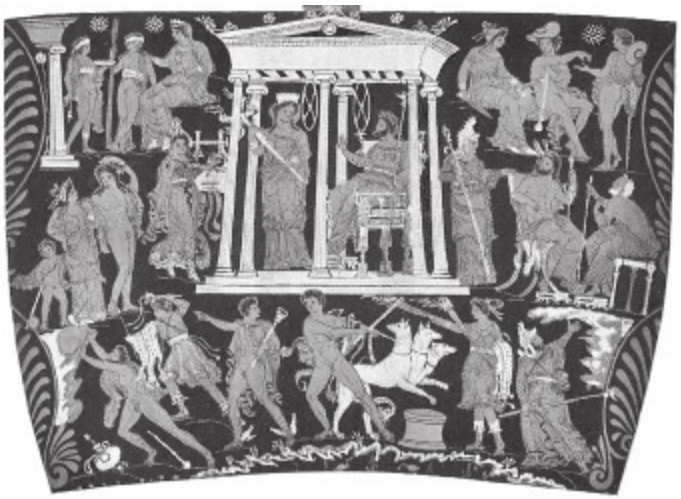
знаем о тех богах ничего достоверного и не можем сказать о них ничего истинного. Боги – бестелесные призраки.

Дж. Беллини. Пир богов

И тем не менее на каждом шагу встречаемся с их присутствием в виде идеи или образа. Греки поклонялись своим богам, наделяли их разного рода добродетелями. По мнению Платона, боги вовсе не лентяи, они заняты делом, наблюдая, так сказать, за общественным порядком среди людей на земле и состоянием Вселенной. Они держат «начало, конец и середину всего сущего». Платон в «Законах» отмечал, что бог должен быть мерой всех вещей, ибо он гораздо совершеннее человека. И тот, кто хочет быть любезен богу, должен уподобиться ему насколько это возможно. Устами афинянина философ рекомендует совершать жертвоприношения богам, общаться с ними путем молитв, приношений и всякого рода служений. И прежде всего следовало почитать Олимпийских богов и богов – охранителей государства.

Возносящая гимны богам. Кипр. 300—280 гг. до н.э.

«Вслед за всеми этими богами разумный человек станет почитать священными обрядами гениев, а после них и героев. Затем следует священное почитание, согласно с законом, частных святилищ родовых богов и почитание тех родителей, что еще живы: ведь священная наша обязанность – выплатить им самые большие и настоятельные долги – главнейшие из всех повинностей; мы должны сознавать, что всё, чем мы обладаем и что имеем, принадлежит тем, кто нас родил и вскормил; потому-то и должно по мере сил предоставлять все это к их услугам: во-первых – наше имущество, затем – наше тело, наконец – нашу душу». Только так можно отплатить им добром за их заботливость, за муки родов, за те страдания, которые они претерпели ради нас, своих детей. Подчеркнем, что и родители (речь идет о достойных родителях) стоят у философа хотя и после богов, гениев и героев, но все же на первом месте. Тут же возникает тема: кто имеет право служить богам, а кто нет. Согласно идеальным воззрениям греков, только порядочный, чистый человек имел право на почитание богов. Дурному же человеку путь к сердцу богов закрыт был напрочь. «Поэтому служение богам со стороны нечестивых тщетно, со стороны же благочестивых – уместно и даже необходимо. Вот та цель, в которую мы должны метить» (Платон).



Герои греческих мифов

Конечно же, оба этих действующих лица совершенно непохожи. Богу – богово, человеку – человеково. По мнению Аристотеля, бог вообще не знает ни добра, ни зла: «…и, как зверю не свойственны ни порочность, ни добродетель, так не свойственны они и богу». Нам представляется в высшей степени знаменательным выведение греками бога за пределы человеческого круга, то есть за пределы наших мирских забот, хлопот, дел, волнений. Аристотель пишет: так же как редко бывает «божественным» человек, так же редко встречаются средь людей по-настоящему жестокие «звери». Те и другие – это отклонение от человеческого естества. В науке Аристотель отделяет то, что принадлежит богу (науку о божественном), от того, что собственно прежде всего необходимо человеку (науки о прочем). Божественная наука, может быть, и лучше, но зато все другие науки – куда «более необходимы».

Так что пусть уж боги остаются на небесах, в своем «золотом веке», живя, не зная забот, усталости, старости, вечно оставаясь молодыми. Пусть проводят себе время в веселых пирах, что находятся в ведении и под эгидой Талии, музы, управляющей желанием поесть и выпить (муза комедии). Пусть сопутствует им сладкая жизнь, которую увидел впервые попавший на Олимп Аполлон. Аполлон увидел картину пиршества, сопровождавшуюся болтовней, сплетнями и песнями. Музы воспевали бессмертные права богов на развеселую, а по сути суетную жизнь повес; при этом они оплакивали несчастных людей, что постоянно должны трудиться, подвержены болезням, не могут побороть старость и смертны. Батюшка Зевс тут же вручил ему

кубок, наполненный пьянящим нектаром. Так имеют обыкновение у нас поступать забулдыги-отцы или схожие с ними матери, с детства приучающие их чад к вину. Дурной пример для подражания.

Плутон

Большим уважением у древних пользовались герои… Культ героя был почитаем. Кости Тесея и Ореста греки с почетом перенесли на родину. Во время серьезных сражений им молились, к ним обращались как к самым могущественным богам. Во время Марафонского сражения греки были уверены, чтоТесей восстал из земли, чтобы вместе со своим народом воевать против персов. В Греции была масса могил и святилищ неизвестных героев («вождей»). Греки считали, что их образы живут в памяти народной и даже являются им воочию. Мартин Нильссон сравнивал героев со святыми католической церкви, чьи останки считались особо драгоценными и были объектом поклонения. Греческие крестьяне почитали Деметру, богиню зерна (ее часто упоминает Гесиод). Многие были уверены, что благодаря ей Афины стали колыбелью земледелия, очагом цивилизации. Заметьте, земледелие всегда стояло на первом месте в табеле о рангах. Кстати, вспомним и о том, что богиня Деметра, Мать Зерна, на трижды вспаханном поле под паром соединилась с Иасионом, и от этого родился Плутос – бог богатства. В древности у греков богатством считалось не жалкое пошлое злато, а прежде всего запасы зерна, хлеб, которым весь год питались люди.

Так что Плутон – это лишь производное от слова «ploutos», что означает «тот, кто обладает богатством». Вероятно, когда на смену

труженику и крестьянину пришли рабовладельцы и ростовщики, занявшие первые места иерархии, опошлившие само слово «труд» и благородное назначение труженика-земледельца, изменилась сама функция и роль Плутона (Аида). Тогда он стал властителем подземного царства мертвых, а тот, кто обладал богатством, стал все чаще ассоциироваться с известным ныне словом плут.

Ж.-О.-Д. Энгр. Сон Оссиана. 1812 г.

Показательна в этом смысле комедия Аристофана «Всадники», где выведены ведущие политики Греции, представленные как некие рабы, хотя и, разумеется, под вымышленными именами. В комедии они вели борьбу за благосклонность Демоса (это персонифицированный образ народа Афин). Болтая о демократии, один торгаш спорит с другим – продавец кож с колбасником. Так как колбасник оказался более изворотливым и наглым, его пророчества выглядели в глазах демоса гораздо более заманчивыми и обещающими. Вспомнился отчего-то один подлец из популярных редакторов, который уж больно ловко в прессе «размахивал колбасой», к месту и не к месту говоря о «сладкой

колбасной жизни» народа России в «этой стране» в эпоху «демократии». Потом он, правда, предпочел сбежать за океан. Массы людей охотно встречали такого рода провидцев. Да и чему было удивляться, если того, кто станет победителем в споре соперничавших афинских политиков – Перикла и Фукидида, определил… баран (Плутарх). Публика (электорат) порой напоминает по сей день такого вот жертвенного барана. Вера в пророчества нужна была не только жрецам или провидцам, но и политикам. Лишь один метод предсказания не был подвергнут критике – сны… В сны верили все, и даже Аристотель рассуждал о божественной природе сновидений. Древние греки испытывали желание заглянуть в будущее.

Тема привлекала внимание ученых в более поздние времена. В XVIII веке известный шотландский философ Юм назвал веру «общим свойством человеческой природы». Вера и мифы оказались тесно связаны в сознании человека. В его представлении вера в божества есть род метки или печати Творца («образ или оттиск»). Для того этапа истории были естественны идолопоклонство и политеизм. Философ увидел в политеизме первобытную религию невинного человечества. Хотя порой язычник, поклоняющийся солнцу и дождю, ревностно и восторженно несший дары Нептуну или Юноне, куда искреннее в почитании Бога, нежели иной цивилизованный вор и циник, выкладывающий кучу банкнот на воздвижение храма Христа или синагоги. Юм, приводя примеры из обычаев древнеримских политеистов, испрашивающих поддержку и защиту в делах житейских у богов, отдает должное естественности их антропоморфных взглядов. Понятно в этой связи и то, почему идолопоклонники призывали Юнону во время бракосочетания, Люцину – при рождении, Посейдона – при выходе в море, Цереру – в надежде на получение богатого урожая, Меркурия – перед отправкой торгового каравана, Марса – перед решающей и трудной битвой и т.д. Это был, конечно, отнюдь не акт корысти, но признание естественного главенства природы.

Храм Посейдона (Нептуна) в Пестуме

Так вот и шло выстраивание связки Бог—Герой—Человек в ходе сложного и емкого процесса очеловечивания мифа. Уже в Древнем Египте бог, от которого должен был родиться наследник престола, являлся не в образе животного, как это было бы ранее, но в облике живого полубога, то есть фараона. К. Маркс говорил о том, что появление веры в богов отражает первую ступень в развитии человеческого сознания, весьма примитивный уровень мышления, ибо «для кого мир неразумен, кто поэтому сам неразумен, для того бог существует». Этого никак не скажешь ни о шумерах, ни о греках в особенности. У них боги наделены развитым разумом. Так же у египтян. Фараоны считались наполовину богами, наполовину людьми, т. е. богочеловеками. В дальнейшем мифы отражают не только часть культа божеств, но и определенные культурные представления людей. В первобытной культуре миф выступает как бы своеобразным эквивалентом духовной культуры и образования. Он – классический воспитатель. Египетские и иудейские мифы имели канонический набор требований. Никто в древности не избежал влияния мифа (от греч. mythos – повествование, басня, предание). Хотя отношение к нему в разные времена было различно. У Гесиода миф не только информатор, но он еще и носитель истины:

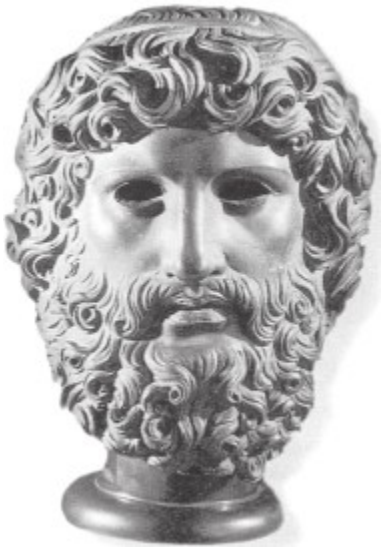
Эй, пастухи полевые, несчастные,
брюхо сплошное!
Много умеем мы лжи рассказать
за чистейшую правду.
Если, однако, хотим, то и правду

рассказывать можем!

Если Гесиод и даже Гекатей Милетский, старавшийся более трезво взглянуть на миф, говоря о «смехотворности» рассказов эллинов, все же еще отдают дань сказке в мифическом повествовании, то Пиндар в оде трезво говорит о Гомере: «Вымыслы его… некое несут величие; умение его обольщает нас, сказками сбивая с пути». Еврипид, признавая законность мистики и религии, также считал миф сказкой, что серьезно воспринимается разве что лишь легковерными детьми и глупцами. У него человек фактически полностью предоставлен сам себе и своим заботам. Геродот, сохраняя букву мифа, все ж старался приглушить сверхъестественную тональность мифов, стремясь вытеснить из истории богов, призраков и духов. Аристофан также открыто высмеивал чужих и своих богов. Знаменательна его комедия «Птицы», в которой боги вследствие постройки города лишились жертвоприношений и готовы ради куска пищи отказаться от управления миром. Он противопоставлял сказания мифа басням Эзопа. В баснях, считал он, хотя бы сокрыта поучительная истина для умных граждан. Поэтому Аристофан полагал необходимым сохранять веру в богов, ибо в них, считал он, нуждается само общество. Демокрит же воспринимал миф как химеру, что вылепливают иные люди. У Парменида и Эмпедокла миф – это знание, поучение, устное послание. Милетцы заимствуют из мифов понятийный материал и объяснительные схемы, где за стихией природы зачастую видны фигуры божества.

Пиры богов

Сложнее обстоит дело с философами. В отличие от историков, писателей, поэтов они чаще витают в эмпиреях, а раз так, – оказываются в вершинах, где традиционно «пребывают боги». Фалес, Анаксимандр или Анаксимен, судя по всему, нисколько не сомневались в существовании богов. И даже Демокрит, чья теория, казалось, допускала существование лишь атомов и пустот, но не оставляла места для богов, все же не отрицал возможности их наличия. Пифагор и Эмпедокл совмещали свои занятия философией с культовой деятельностью. Это не вызывает удивления, если учесть зависимость первых ученых от общественного мнения, преимущественно богоцентричного. Поэтому философу обычно приходится ходить в плаще теологии, что будет наблюдаться и впредь (и не суть важно, языческие, христианские или какие-то иные наступили времена). И все же скептицизм в отношении религии шаг за шагом пробивал себе дорогу с усилением рационального и естественно-научного взглядов на природу и окружающий мир. Особенно это заметно в воззрениях Ксенофана Колофонского (VI в. до н.э.). Тот сурово критикует даже великих аэдов (Гомера и Гесиода) за сочинение ими мифов, которые представляют «выдумку прежних времен». Критике подвергаются и многие аспекты их культовой практики. Он ставит под сомнение саму божественность обитателей Олимпа. Ведь раз их так много, они уже не столь всемогущи, а следовательно, не будут обладать и истинной природой бога.



Юпитер

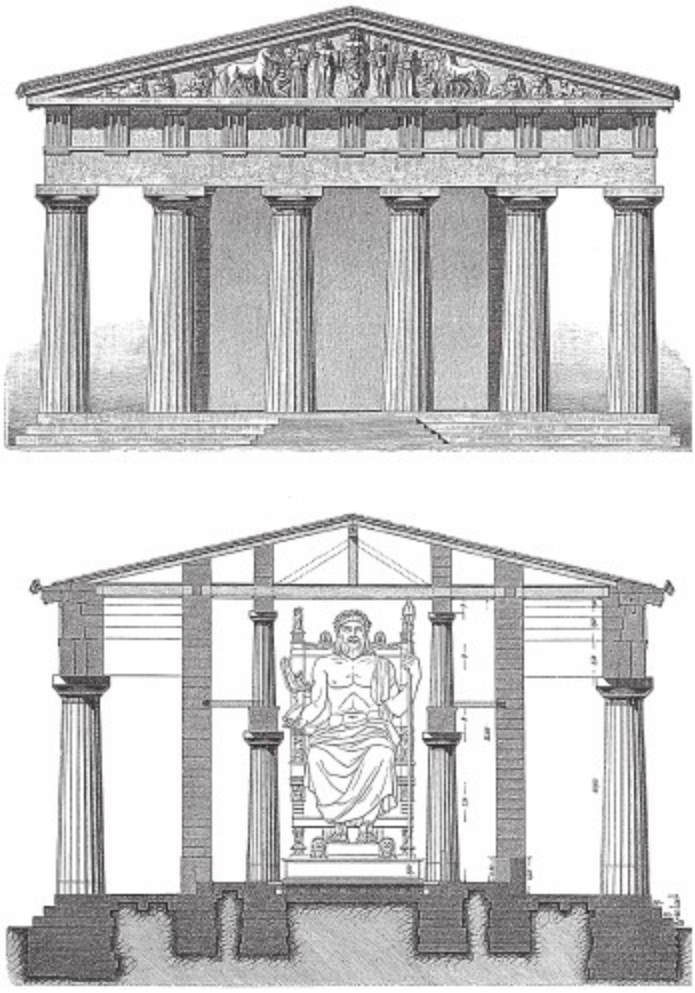
Иные даже считали Ксенофана чуть ли не первым монотеистом, «греческим Моисеем». Нас эта сторона его взглядов менее интересует (один бог или их много – не столь принципиально), нежели его трезво-скептический взгляд на саму природу религии. Она у него выглядит скорее как сомнительная догадка, хотя и важная и нужная для некоторых людей:

Истины точной никто не узрел
и никто не узнает
Из людей о богах и о всем,
что я только толкую:
Если кому и удастся вполне
сказать то, что сбылось,
Сам все равно не знает, во всем
лишь догадка бывает.

Однако уже ученик Платона, Аристотель, несколько умерил столь безусловное доверие к богам, как и к их способности по наведению порядка и обеспечению справедливости. Только в глубокой древности можно было верить в то, что «звезды являются богами и божественное охватывает всю природу». Слова эти отразили неверие в идею создания Вселенной каким бы то ни было богом. Боги служат отвлеченным примером служения или педагогическим примером, «чтобы убедить большинство и стать всеобщими законами и интересами». Аристотель сравнивает жизнь богов-олимпийцев и смертных только в плане этики или же образа жизни. Проблемы богов его мало волнуют, он более озабочен судьбой людей. Аристотель говорит: «Подведем окончательный итог: всё, что касается деятельности, кажется нам мелочным и недостойным богов. Тем не менее все единодушно думают, что они живут, а не погружены в сон, как Эндимион. Но если мы отнимем у живого существа способность действовать или, более того, творить, то что останется за пределами созерцания? Следовательно, деятельность бога, которая увлекает его своим блаженством, не может быть никакой другой, кроме созерцательной».

Гуго ван дер Гус. Грехопадение. 1775 г.

А это означает одно: бог, будь то сам Зевс, – это простой наблюдатель за всем тем, что происходит, он ни во что не вмешивается (как «голубые каски»), выказывая полнейшее равнодушие к заботам смертных. Одним словом, у богов своя жизнь, а у людей – своя. «Дело бога – бессмертие, т. е. вечная жизнь». Дело же человека – короткая жизнь, прожитая так, как он сам сумеет ее организовать и воплотить. Поэтому люди, которым вздумалось бы уподобиться богам, выглядели бы крайне странно, даже если они окажутся добродетельными. Гомер говорит устами Приама о Гекторе, в частности, о его добродетели: «Так, не смертного мужа казался он сыном, но бога!»



Храм Зевса в Олимпии и фигура Зевса

Наибольшую известность среди людей науки получило высказывание софиста Протагора Абдерского из его трактата «О богах» (увы, не сохранившегося), где он писал дословно так: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их и каковы они, потому что слишком многое препятствует такому знанию, – и вопрос темен, и людская жизнь коротка». Великий агностик разделил веру и знание, не покушаясь, однако, и на прерогативы божества. Скорее всего, Протагор был представителем «просвещенной религиозности», как Перикл или же Сократ. О роли божеств в жизни человека писали Гераклит, Гиппон из Регия и Диоген Аполлонийский. Последние двое первыми в античном мире обрели репутацию ярых «безбожников». Позже о роли «греков-безбожников» прекрасно скажет Тит Лукреций Кар в поэме:

В те времена, как у всех
на глазах безобразно влачилась
Жизнь людей на земле под
религии тягостным гнетом,
С областей неба главу являвшей,
взирая оттуда
Ликом ужасным своим
на смертных, поверженных долу,
Эллин впервые один осмелился
смертные взоры
Против нее обратить
и отважился выступить против.
И ни молва о богах, ни молньи,
ни рокотом грозным
Небо его запугать не могли, но,
напротив, сильнее
Духа решимость его побуждали
к тому, чтобы крепкий
Врат природы затвор он первый
сломить устремился.
Силою духа живой одержал
он победу, и вышел
Он далеко за предел ограды
огненной мира,
По безграничным пройдя своей
мыслью и духом пространствам.

Между мифологиями Греции и стран Древнего Востока, и их героями безусловно прослеживается тесная связь. Прометея порой сравнивают с карийским культурным героем Паламедом, который по воле богини изобрел искусства и ремесла и научил им людей, а также ставят в ряд с вавилонским богом Эа. Тот уверял, что создал из крови совершенного человека Кингу, тогда как мать-богиня Ауру создала из глины менее совершенное существо. Эта параллель напомнила героев эпоса о Гильгамеше (Гильгамеша и Энкиду). Вот и персонажи санскритского эпоса «Бхагавата Пурана» в какой-то мере могут

считаться прототипом Прометея и Эпиметея. Греки первыми и обожествили человека… Таковым стал спартанец Лисандр. Они обожествили его еще при жизни, воздвигнув ему на его родном острове алтарь. «Тогда-то Лисандр, пользовавшийся такой властью, какой не имел до него ни один из греков, стал проявлять заносчивость и самонадеянность, не соответствующие даже его власти. Дурид рассказывает, что ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу и он был первым, в честь кого стали петь пэаны… Самосцы постановили, чтобы праздник, справляющийся у них, назывался лисандриями». С легкой руки самосцев все больше смертных высказывали желание сравняться с богами (к примеру, Клеарх, тиран Гераклеи, провозгласил себя сыном бога).

К. Джаквинто. Битва архангела с восставшим Нимвродом

Но вернемся к религиозным представлениям греков. Все же они почитали своих богов и делали из них предмет поклонения и объект мифологии. В отличие от богов египтян и семитов боги у греков выступали покровителями не каких-то отдельных племен, но скорее разных видов профессиональной деятельности людей… Элейцы боготворили Алфея, бога орошения, аркадцы поклонялись местному божеству стад и пастбищ – Пану. Почитались и деревья (дуб посвящался Зевсу, масличное дерево – Афине). Весьма важную роль играло и лавровое дерево в Темпейской долине, с которого брались венки для победителей на пифийских играх, священное дерево на Родосе и т. д. В качестве объектов культа выступали священные камни и чурбаны. На холме Ареса в Афинах находились два известных

камня, на которые во время процесса приходили истец и ответчик (камень высокомерия и камень бесстыдства). Нередко в роли священных богов выступали и животные (змея, бык, лошадь, сова, волк, мыши и т. п.). Известно, что Зевс приближался к своим возлюбленным в виде быка, лебедя и муравья. Дионис превращался во льва, а Аполлон – в дельфина.

Б. Э. Мурильо. Поклонение пастухов младенцу Христу. 1650—1655 гг.

В то же время греков нельзя назвать религиозными людьми в современном смысле слова. Их божества – это скорее персонажи сказки, мифа или поверия, и не более. А.С. Хомяков подметил эту особенность греческого мировоззрения. Он писал: «При стольких памятниках просвещения, при стольких остатках поэзии, единственной в мире, и философии, не уступающей ни Индустану, ни Германии, замечательно в эллинской словесности отсутствие книг религиозных и даже молитв. Индия и Иран оставили нам полные собрания законов божественных; Финикия, Египет и Ассирия имели свои таинственные книги, о которых свидетельствуют сами писатели греческие. Греция же и не чувствовала нужды знать, чему она верила и чему нет, и даже верила ли чему-нибудь. Поэты слагали праздничные песни и гимны во славу богов народных, точно так же как стихи в похвалу героев-победителей на поле битвы, или кучеров да бойцов, торжествовавших на играх Олимпийских; но ни одно теплое слово, ни одно желание надземного блага, ни одна молитва сердечная, как у евреев, или умственная, как у брахманов, не вырвалась из души

эллина. В значении религиозном Греция и Рим ниже самого Китая… Кое-где на границах Эллады, на прибрежье ее морей и на островах, к которым приставали гости восточные, произносились шепотом слова таинственные и совершались обряды, не доступные праздному любопытству народа, но вся эта таинственность оставалась чуждою собственно эллинской жизни, светлой, веселой, наслаждающейся миром, признающей его как факт и не заботящейся об идее… Но про всё это (религиозные системы и божества остального мира. – *В. М.*) Греция не хотела знать. Не трогай наших богов, потому именно что они гнилы; не говори о невидимом, потому что оно потревожит тихую стройность видимого мира: вот правило Эллады, вот закон условный, который налил смертную чашу одному философу (Сократу. – *В. М.*), изгонял других и грозил каменьями богоизбранным головам Эсхила и Софокла. Религиозное равнодушие далеко от терпимости. Политеизм (многобожие) готов был принять всех богов, но жестоко ополчался против Одного Бога: это понятно». Религия греков – красота.

Джованни Бонацца. это понятно». Севилла Дельфийская. Летний сад

Однако надо заметить, что наряду с прочной традицией уважения и преклонения перед богами возникла другая тенденция – имели место и критические настроения. Когда положение Афин и Спарты, других полисов поколебалось, а в жизни греков стало больше бед, трагедий и неприятных сюрпризов, вера в богов пошатнулась. В немалой степени этому способствовали софисты и атеисты, да и вообще здравые философы, писатели, высмеивавшие, подобно Аристофану, глупость и чрезмерную набожность. Вместе с тем в эпоху участившихся войн возросла роль оракулов и пифий. Наступила золотая пора для проходимцев и ловких жуликов. Роль их с успехом выполняли разного рода маги, жрицы (ныне им подобны политологи и социологи из различных центров и институтов, часто говорящие властям лишь то, что те пожелают услышать).

Андокид. Краснофигурная амфора. «Геракл и Афина»

Примеры подобного рода приводит во множестве все тот же М. Нильссон в книге «Греческая народная религия», говоря, что, поскольку войны, голод и болезни стали в Греции частым явлением, «провидцы сновали повсюду и готовы были услужить любому, кто мог заплатить». Любопытны и такие факты. Провидцы были из слаборазвитых провинций Греции. Надо сказать, что и их клиентами в основном были, как говорится, недалекие люди.

Дельфийский оракул

Греческая толпа тем не менее охотно прислушивалась к разного рода оракулам, магам, пифиям, сивиллам. Это похоже на некий повсеместный закон. Общество, не надеящееся на свой разум и собственные знания, тотчас же обрастает громадным количеством прорицателей и магов… Правда, профессор Масперо, чей гений столь блистательно проявил себя и в египтологии (его двухтомник «Etudes de mythologie» по праву считается классикой), резонно замечает, что в слово магия в применении к древности не следует вкладывать тот уничижительный смысл, который неизбежно возникает при проекции оного в современность. Скажем, в Греции пифия считалась прямым медиумом (орудием) Аполлона. Впервые слово это отслеживается в трудах Геродота. Полагают, что вначале пророками выступали мужчины, а со второй половины VIII века до н.э. – женщины. Вообще же у греков было заведено, что богам обычно прислуживали мужчины. На Востоке, в Малой Азии, эта роль отводилась женщинам. Преклонявшиеся перед красотой греки вначале нарекли было пифией юную прекрасную деву. В Дельфийском храме работало до 3 пифий одновременно (одни пророчествовали, другие отдыхали). Выяснилось, что работа небезопасна для красивых девушек. Во время подробной консультации один из юношей (Эхекратид из Фессалии) влюбился в прелестную пифию и похитил ее… Греки сочли, что для сохранения нравственности удобнее выбирать из 50-летних, обряжая их в одежды дев. За внешними атрибутами этого явления скрываются серьезные общественные задачи. Несомненна не только религиозная, но и социальная значимость Дельф.

Аполлон и Артемида и «Пуп Земли» (Дельфы)

Оракулы являлись регулирующим механизмом, который давал общине удобную возможность, используя санкцию божества, решать сложные и спорные вопросы бытия. Основное назначение оракула в том, что его пророчества становились часто руководством к действию. Обращение к воле богов возникало всякий раз, когда являлась необходимость справиться с бедами, вызванными природной стихией, неурожаем, бедствием. Особенно заметна роль прорицателей в смутную эпоху, в эпоху архаики Древней Греции. Как пишет О. Кулишова, и в последующие времена Дельфы активно вмешивались в политическую жизнь греческих полисов, появляясь на сцене каждый раз в самые трудные, можно даже сказать критические моменты греческой истории, связанные с междоусобными войнами, выведением колоний, принятием новых законов, государственными решениями или переворотами. Кроме того, разумеется, храмовые центры, подобные Дельфийскому, играли чрезвычайно важную роль хранителей традиционной мудрости, накопленного опыта, равно как и сокровищ и капитала. Оракулы играли важную роль в политической борьбе между крупнейшими греческими полисами – Афинами и Спартой. Вспомним, как Ликург отправился в Дельфы, где, принеся жертву богу, вопросил оракула и тот дал ему ответ, что божество обещает даровать спартанцам порядки несравненно лучшие, чем в остальных государствах. Говорят, что когда отец Пифагора, Мнесарх-самосец, вместе с молодой женой, ожидавшей ребенка, оказался во время своей торговой поездки в Дельфах, он вопрошал оракула о будущем плавании в Финикию. И пифия ему предсказала, что жена разродится сыном, который станет известен своей мудростью, принеся роду людскому «величайшую пользу на все времена». Тогда-то Мнесарх и

дал жене имя Пифаида в честь дельфийской пророчицы Пифии и, преисполненный радости, вернулся на Самос. Отголоски влияния оракулов сегодня можно видеть в прогнозах многочисленных социологов, политологов, магов и предсказателей.

Философия, не признаваясь в том (как обуреваемая страстью женщина, желающая согрешить и не решающаяся отдаться), на каждом шагу грешит мифотворчеством. Как заметил еще греческий философ Аристотель, «тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного». Мы с вами, хотя бы в одном лишь XX веке, уже становились свидетелями создания множества мифов. Похоже, мифы и легенды были нужны всем. Они тот кислород, без которого невозможны как творчество, так и сама жизнь. Ими пользуются все – Геродот, Овидий, Лукиан…

Вопрошание Дельфийского оракула

Без мифов немыслима и сама история. «Как предполагается, греческая и римская мифология показывает нам, каким образом человечество мыслило и ощущало себя многие и многие века тому назад. …исследуя мифологические картины, мы можем проследить путь от современного, цивилизованного человека, столь далекого от природы, к человеку, который жил в тесном с ней взаимодействии; а самый большой интерес в мифах представляет для нас то, что они переносят нас в то время, когда – в отличие от современности – мир

был еще молод и человек жил в непосредственной связи с землей, ее деревьями и озерами, ее цветами и холмами… Воображение человека было на удивление живым и не сдерживалось рассудком, так что в лесу любой из людей мог увидеть за деревьями пробегающую мимо нимфу или, нагнувшись к прозрачному водоему, разглядеть в его глубинах лицо наяды». Он мог увидеть «встающего из моря Протея, услышать Тритона, звонко трубящего в рог». Философ-циник Саллюстий как-то сказал: мифы нужны поэтам для вдохновения, философам, коих боги просвещают, для разумения, церковникам и распорядителям религиозных церемоний, всем, кто изрекает пророчества, для завлечения верующих на моления и заклания. Мифы являются также носителями неких тайн и имеют свою особую, присущую им энергетику. Древняя философия и медицина порой включали мифы в свои предписания как лекарства – из-за того наслаждения, которым они наполняют душу слушателей. Говорят, знаменитый врач древности (Федор Присканий) то ли по психологическим соображениям, то ли в силу опыта врача, якобы даже прописывал чтение мифов некоторым из своих больных. В эстетическом отношении греки были народом довольно развитым. Их уже перестали удовлетворять грубые идолы, большие камни или столбы типа герм (с головой Гермеса), которые оставались основными произведениями искусств в течение многих веков. Небо или светила не давали должного выхода их чувствам.

Пилигрим в Дельфах. Куда идешь, Одиссей?

Они хотели прийти к божеству и поклониться ему, увидеть в нем нечто близкое. «Те, у кого хорошая память, – писал Максим Тирский, – и кому достаточно поднять глаза к небу, чтобы ощутить присутствие

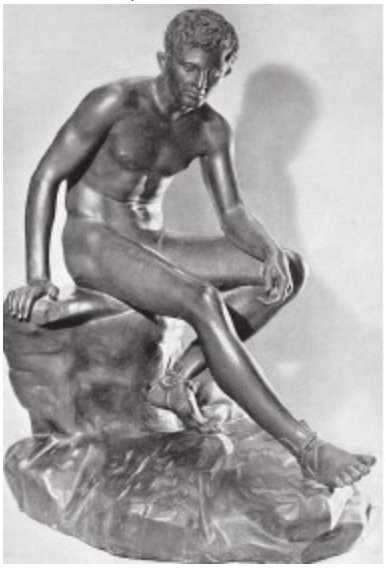
богов, возможно, и не нуждаются в статуях; но таких мало, и вам едва удастся найти среди многочисленной толпы человека, который смог бы воспринять божественную идею безо всякой помощи». Искусство стало выступать транслятором божественной воли, что естественно: как говорил Фидий, если мы и придаем богам человеческое обличие, то это потому, что «мы о них ничего не знаем». Но отсюда оставался лишь один шаг до того, чтобы называть бронзовые и каменные статуи и рисунки богами (в честь все тех же богов).

С. Вуэ. Похищение Европы. Фрагмент. 1690 г.

Мифы имеют различную прописку. Однако главной «метрополией мифов» стал Пелопоннес. На территории вдвое меньшей, чем вся остальная Греция, в древности создано было огромное количество мифов, преданий. Что явилось тому причиной? Раскопки показали, что тут находилось большое число политически важных центров, стратегически и экономически привлекательных для населения. Пелопоннес во II тысячелетии до н.э. стал главным «средоточием культуры, по сравнению с которым Аттика с Афинами были захолустьем». Тут расположены десятки небольших царств, и они вели активную политическую деятельность. Имея богатую и длительную историю, правители этих мини-государств были полны гордости и имели основания для отстаивания своих законных интересов. Представляется, что дорийское завоевание стало прелюдией к долгой и трагической истории противоборства народов. Мифы Пелопоннеса

достаточно отчетливо рисуют этническую картину, согласно которой ахейцам на полуострове предшествовало местное население – пеласги, лелеги и кавконы. Нам неизвестно, смешалось ли оно с ахейцами или было ими порабощено; так же как мы не можем в точности сказать и о том, каков был вклад догреческих обитателей Пелопоннеса в формировании религии и мифологии этих пришельцев.

Нижним рубежом героической истории древнейших царств региона, видимо, стала катастрофа, которую сами греки называли «возвращением Гераклидов», а ученые нового времени – «дорийским завоеванием». Каковы бы ни были причины этого бедствия – вторжение одних дорийцев или переселение на эти земли множества северных народов, вовлекших в неудержимое движение и самих дорийцев; вырубка лесов с последующим высыханием рек; эпидемии; восстания порабощенного населения, – результаты оказались плачевны: разрушение дворцов, обезлюдение Пелопоннеса, забвение письменности и других культурных достижений микенского времени. Три столетия, следующие за этой катастрофой, сопоставимой лишь с падением античной цивилизации тысячу семьсот лет спустя, называются «темными». Кажется, именно в это время знания греков о своем прошлом обволакиваются фантазиями и становятся мифами. Создается впечатление, что мифы обладают какой-то таинственной властью над живущими людьми, создавая ткань новых событий.



Лисипп. Отдыхающий Гермес

Так, знакомясь с мифом о Европе, мы бы сегодня обратили внимание уже не на ее традиционный образ (финикийской царевны,

дочери Агенора, царя Сидона), но на смысловое значение ее имени. Имя Европы Гесихий толкует в смысле «темноты», а Еврипид употребил в отношении нее выражение: «черная (eyropon) бездна камня». Античная литература («от Гомера до Нонна»), история в лице Геродота, литература, искусство отдали дань ее образу. Но кого рождает Европа от своего брака с Зевсом? Нет, не слуг жизни и знаний, а судей, заправил царства мрачной Смерти – Миноса, Радаманта, Сарпедона. Вот и с нынешней Европой происходит печальная метаморфоза. Ее белоснежный покров все чаще обрызган кровью. Ею овладел страх, как в эпоху Горация:

Так Европа, стан белоснежный
вверив
Хитрому быку, – среди чуд кишащих
Моря, средь угроз, побледнела
в страхе,
Хоть и отважна…

Как же относиться к мифотворчеству – как ко злу или благу? Спор давний. Раннее христианство (о котором речь шла выше) частично пыталось ответить на вопрос, ломая голову: «Что делать с языческим наследием?» В памятнике «Апостольские постановления» содержится призыв «удалиться от всех языческих книг» (III—IV вв. н.э.). В «Излечении языческих недугов» Феодорит Киррский предлагал и способы преодоления языческих «болезней»… Но уже в прошлом увидим, как апостол Пётр, вначале согласившийся с мнением о порочности мифа при воспитании юношества («Неразумно преподавать детям то, что может развратить их воображение»), в итоге склонился к его поддержке. Хотя и в дальнейшем острый идеологический спор по этой проблеме не утихал. Люди стали понимать, что важнее сугубо внешних форм то ценное, что сокрыто в древней мифологии (под покровом вымыслов). Поэтому, поразмыслив, Пётр все же говорит: «Полезно и разумно воспользоваться знаниями и искусствами, которые составляли предмет изучения в детстве» (то есть в детстве человечества). Ныне же, по мере освобождения от

религиозного фанатизма с дальнейшим прогрессом культуры, пробивает дорогу и чувство справедливой признательности.

Франц Янгер. Амфитрион и Алкмена. XVII век

Ведь мифы готовы удовлетворить многие самые наивные, призрачные и смутные надежды, излечить нас от тоски, вызванной несовершенством бытия. А.Ф. Лосев в «Истории античной эстетики» писал, что в разговоре об античности шагу нельзя ступить без мифологии, которая представляет собой символизм, мистерию или магию. Вся античность – одна сплошная мифология. Глубокий знаток античной философии прав, считая, что мифология оказывала на человека того времени столь сильное воздействие лишь потому, что в ней действуют яркие личности и герои.

В прошлом всё, что окружало человека, – светила, явления природы, дом, подвиги, битвы, – всё несло отпечаток действий богов… Мифология проникала в глубины массового сознания. Мы не говорим о таких известных богах-профессионалах как Марс (Арес) – бог войны, или Танатос (Танат) – бог смерти, Плутон (Аид) – хозяин царства мертвых. Крестьяне вспоминают Деметру (Цереру), богиню плодородия; купцы или финансисты обращаются к Гермесу (Меркурию), покровителю торговли, посылающему им богатство, непревзойденного в хитрости, обмане и даже, увы, в воровстве; обольстители женщин ломают голову над тем, как бы ловчее повторить трюк сластолюбца-Париса, похитившего прекрасную Елену; пьяницы взывают к Дионису (Вакху), опутывающему жертву

сладостно-губительными виноградными лозами. Когда жены упрекают мужей в неверности, те приводят пример прекрасной Алкмены. Как гласит миф, к жене Амфитриона Алкмене, пока тот воевал (иначе говоря, находился в служебной командировке), явился в обличье мужа Зевс. Уверив ее, что он и есть родной муженек, провел с ней горячую ночь, которая длилась, как три обычных ночи. А чтобы никто не помешал его страсти, Зевс приказал Гермесу затушить солнечные огни, даже луну заставил двигаться медленнее, а человечество вынудил спать крепким сном, дабы то ничего не заподозрило. Так всесильный бог подготовил почву для их страстного любовного совокупления. Жена Амфитриона Алкмена с удовольствием отдавалась Зевсу все тридцать шесть часов. Вернувшийся домой победитель Амфитрион был очень удивлен тому, что жена встретила его без особого восторга. А результатом этого любовного обмана со стороны Зевса стало появление на свет могучего Геракла. Правда, после этого Амфитрион почему-то уж не касался своей жены Алкмены. Однако нам смертным, если мы хотим сохранить семью, вовсе не обязательно обращаться к прорицателям и узнавать всю правду.

Греческие мифы представлены во многих ярких и талантливых трудах, начиная с Гелланика Лесбосского, обобщившего мифы Аттики, Аргоса, Беотии, Крита и т.д. Отражая объективность бытия, мифы доносят до нас аромат того времени, когда были созданы, дают возможность лучше, глубже понять общество и мировоззрение тех людей, понять то, как мифология «была связана с умственными и жизненными интересами тогдашнего общества и человека». В то же время мифы представляют собой важнейший историко-архивный памятник, где можно отыскать массу ценных вещей, помогающих прояснить эволюцию культуры. Потому для изучения мифологии нужны коллективные усилия ученых – от историков и философов до социологов и религиоведов… Английский ученый и поэт Р. Грейвс выразил эту мысль в присущей ему образной манере: «Наука о мифах должна начинаться с изучения археологии, истории и сравнительного религиеведения, а не в приемной психиатра». Говоря иначе, эта наука должна бы получить покровительство самого бога Аполлона, который в классическую эпоху являлся покровителем музыки, поэзии, философии, математики, естественных наук.

Тантал, убивший своего сына Пелопса и проклятый богами

Ценнейшее свойство мифов греков и то, что они – калька с исторических фактов… Тахо-Годи и Лосев в «Греческой культуре в мифах, символах и терминах» пишут: «Властители Микен, Аргоса и Фив, мыслившие себя потомками богов, истребляли друг друга, питая честолюбивые замыслы, не щадя даже ближайших сородичей. Лишь проклятием, наложенным богами на дерзко возгордившихся героев, могли объяснить современники, доверяя (своему) мифологическому сознанию, такой упадок нравов и такую неразборчивость в средствах. Известны мрачные истории царственных домов Атридов, Тантала (Микены), Кадмидов и Лабжакидов (Фивы), Алкмеонидов (Аргос)». Мифы являются отражением их жестокой истории и полны, если угодно, даже какого-то извращенного садизма. Посудите сами: Тантал кормит богов телом зарезанного им сына, Фиест совращает жену Атрея Аэропу, подсылая к брату убийц и т.д.

Атрей в свою очередь, пригласив брата на пир, угощает его лакомым блюдом, изготовленным из умерщвленных им малых сыновей Фиеста. Отсюда выражения – «муки Тантала», как и «Фиестов пир». Хотя сама жизнь рождает мифы о героях, чей род был проклят богами за их страшные преступления. Так перед походом к Трое царь Агамемнон приносит в жертву собственную дочь, затем убивают его, вернувшегося домой с победой. По совету Афины царь Кадм посеял в землю зубы дракона, из которого появились вооруженные люди, так называемые «спарты» – «посеянные». В борьбе друг с другом они почти все погибли. Не так ли и мы, разрешив любые средства

обретения богатств, фактически посеяли «зубы дракона» и обрекли себя?!

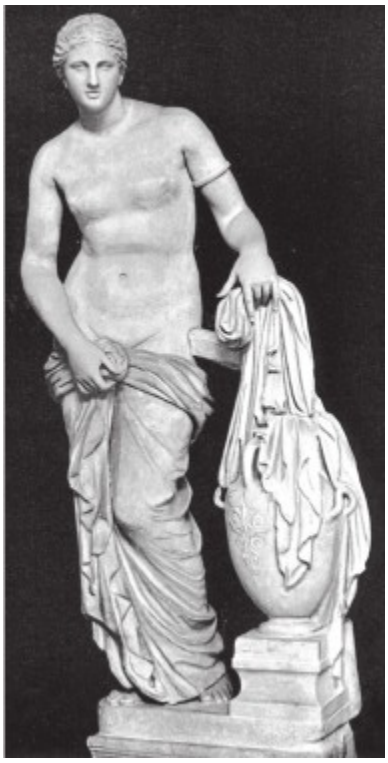
Медея, убивающая своих детей

Перелистайте страницы из «Мифов» Гигина, где он сообщает имена тех, кто кого убивал из родных и близких. Кто убил своего отца? Эдип – Лая, Телегон – Одиссея, Алфемен – Катрея. Кто убил свою мать? Орест и Алкмеон. Кто убил своих братьев? Полиник и Этеокл друг друга, От и Эфиальт друг друга, Медея – Апсирта, Пелей и Теламон – Фока, Тидей – Оления, Терей – Дрианта, Ромул – Рема, Ликаон – Никтима и т.д. Какие отцы убили своих сыновей? Геракл – сыновей от Мегары, Афаман – Леарха, Ликург – Дрианта, Тантал – Пелопса, Тесей – Ипполита, Алкафой – Каллиполида, Меандр – Архелая. Какие отцы убили своих дочерей? Агамемнон – Ифигению, Каллисфен – свою дочь, хотя и ради спасения родины, Климен – Гарпалику, Гиакинф – Антеиду, Эрехфей – Хтонию, Керкион – Алопу, Эол – Кангаку. Какие матери убили их сыновей? Медея – Мермера и Ферета, своих сыновей от Ясона, Прокна – Итиса, Ино – Меликерта, Алфея – Мелеагра, Фемисто – Сфинция, Орхомена, Эола, Тиро – двух своих сыновей от Сизифа, Агава – Пенфея и т.д. Ну и наконец, кто убил своего мужа? Клитемнестра – Агамемнона, Елена – Деифоба, сына Приама (стала причиной его смерти), Агава – Ликотерса, Деянира – Геркулеса, сына Юпитера, Илиона – Полимнестора, царя фракийцев, Семирамида – царя Вавилонии Нина. Сюда добавим известные случаи массового мужеубийства – Данаидами и женщинами

Лемноса. Сколько убили жен? Пеласги с Лемноса убили всех своих жен, похищенных ими из Аттики, Геркулес – Мегару (в безумии), Тесей – амазонку Антиопу, Кефал – Прокриду. Не счесть покончивших с собой из-за любви или по какой-либо иной причине, как и числа убитых своих же родственников.

Микеланджело. Три парки

Но предположим, что мы прошли свой жизненный путь до конца. Нас уже поджидает Аид (Плутон) на мрачных полях смерти, заросших бледными цветами асфодела, дикого тюльпана. Сколь бы мы ни открещивались от мифа, как бы его ни презирали, в массовом сознании у мифа по-прежнему немало поклонников. Не зря Шеллинг считал мифологию единственно возможным способом выражения народного сознания. Художники и поэты, скульпторы и музыканты разных времен и народов шагу не могли ступить без обращения к ним… Юпитер стал героем творений Фидия, Веронезе и Рубенса. Парки (мойры) нашли отражение у Гомера и Микеланджело. Образ Аполлона предстает с картин Мантеньи, Рафаэля, Джулио Романо. Ясон, возглавивший поход аргонавтов за «золотым руно», прославлен скульптуром Торвальдсеном и т.д. Миф о Прометее служил материалом Эсхилу для трех трагедий, источником множества картин и скульптур. Афина предстает на полотнах ряда художников как высшее воплощение мудрости (Б. Спрангер «Минерва побеждает невежество») и т.д. и т.п.



Пракситель. Афродита Книдская

Некоторые утверждают, что миф является отрывком из пережитой в далеком прошлом духовной жизни народов (К. Абрахам). Как вы помните, Зигмунд Фрейд во «Введении в психоанализ» писал о существовании в человеке «остатков дневных впечатлений», которые затем всплывают в его снах. Так вот, по аналогии с этим, как я полагаю, правомочно было бы говорить об «остатках вековых впечатлений», которые живут в мозгу человека, находя выходы в реальных мыслях и образах… В противном случае как тогда объяснить, что и поныне мифология, Его Величество Миф sub specie aeterni (с точки зрения вечности) присутствует в книгах Гоголя и Гофмана, Т. Манна и Джойса, Брюсова и Гумилева, Цветаевой, Мандельштама и А. Лосева.

Мифология греков и римлян восхитительна еще и тем, что дает нам богатейший историко-художественный материал. С его помощью можно дорисовывать картины современного мира и доходчиво объяснять там, где обычный язык бессилен. Этому способствует антропоморфизм греческой религии. Ведь их боги похожи на людей. Таким образом, вся мифология – это сосуд, наполненный поэтическим нектаром, дивный рог изобилия, палитра красок, которые никогда не меркнут. Но быть может, самое важным является то, что в мифах, как в

ряде драгоценных пород, сокрыто то, что дороже золота и алмазов – крупицы некой вневременной исторической правды.

Превратное представление о мифе как синониме косности и отсталости досталось нам еще от XVIII века, когда наука вытеснила религию с Олимпа мировоззрений (а с ней и мифологию). Это тем более удивительно, что интеллигенция и шагу не может ступить без опоры на миф. Мы уже говорили о значении мифа при формировании «кухни творчества». Но труды мировых авторитетов (Гутри, Моргана, Корнфорда, Малиновского, Лосева, Элиаде, Риверса, Грейвса) минуют массы. Народы чаще и охотнее обращаются к мифу. «Мы ведем нашу родословную от Рима», – повторяли румынские интеллигенты в XVIII—XIX веках. Англичане до сих пор благоговейно и трепетно относятся к мифам, а заодно и к останкам римской культуры в стране. Венгры находят подтверждение древности и благородности племени мадьяр в мифе о Гуноре и Магоре, в героической саге об Арпаде. В XX веке миф о легендарных арийских предках околдовал и значительную часть Германии. Словно кролик пред пастью удава, та покорно и охотно воспримет идею арийского превосходства. Дань римскому очарованию, «римскому колдовству» отдали и многие поколения наших российских мыслителей, о чем мы расскажем в других книгах, но уже в иной связи.

Дж. М. Стэдвик. Золотая ветвь (мойры за работой). Ок. 1890 г.

Разумеется, можно долго спорить о полезности или ненужности и опасности мифа как социального инструмента, как опорной конструкции всей цивилизации. Так, В. Виндельбанд веско заметил, что у греков историческая иллюзия поместила образ своей идеальной

тоски не в будущее, а в прошлое. Но согласитесь, по крайне мере этот идеальный образ у них все же был. А у нас? Прошлое высмеяно и оплевано, настоящее – алчно и бездуховно, будущее – зыбко и неопределенно. «Измельчало слово, износилось и свелось к словесной чепухе» (С. Н. Дмитриев). Мы потеряли не только вкус к мифу как к художественному образцу, но и к тому, что составляет главный смысл и содержание культуры – к героике… Этнограф Б. Малиновский писал: «Так же как наша священная история живет в наших обрядах, в нашей этике, управляет нашей верой и контролирует наше поведение, так действует миф и с точки зрения примитивного человека». С последним утверждением можно было бы и поспорить. Разве знание мифологии античности или современности, ее великих героев, легенд указывает на примитивность народов? Скорее уж более примитивной выглядит нынешняя «культура». Удивительно верно незримый спор времен, мировоззрений и культур отражает известное стихотворение поэта Шиллера – «Боги Греции»:

В дни, когда вы светлый мир учили
Безмятежной поступи весны,
Над блаженным племенем царили
Властелины сказочной страны, —
Ах, счастливой верою владея,
Жизнь была совсем, совсем иной
В дни, когда цветами, Киферея,
Храм увенчивали твой!
В дни, когда покров воображенья
Вдохновенно правду облекал,
Жизнь струилась полнотой творенья,
И бездушный камень ощущал.
Благородней этот мир казался,
И любовь к нему была жива;
Вещим взорам всюду открывался
След священный божества…

Дети XXI века, мы, часто даже не задумываясь, оперируем в повседневной жизни законами и образами древней мифологии.

Вдумайтесь… Разве мы с вами не в руках Мойр, вытягивающих жизненный жребий и определяющих не глядя и слепо сроки нашей жизни? Разве не обращаем наш преисполненный надежды взор к Фортуне, богине счастья и благоденствия? Разве, в тайне от окружающих, мы не уповаем на милость Геры (Юноны), покровительствующей браку, охраняющей святость и нерушимость брачных союзов? Или же, доведенные порой до отчаяния причудами некогда любимой, а ныне остро ненавидимой супруги, не умоляем ту же Геру союз сей расторгнуть как можно скорее? Разве, войдя в возраст возмужания, неистово и страстно не призываем прекрасную и ветреную Афродиту (Венеру), богиню любви, с ее неразлучным спутником Гименеем, заставляющую взволнованно биться наши сердца, богиню, чьей власти не смогли противостоять даже боги? Когда же пришла пора возлюбить науку, молодежь, покинувшую стены учебных заведений (ту, что все же на это решилась), сопровождает одна из наиболее почитаемых богинь древности – Афина (Минерва), дающая мудрость и знания, обучающая людей искусствам и ремеслам. И разве мы, сталкиваясь с жизненными трудностями, пытаясь разрешить сложнейшие вопросы бытия, не ощущаем себя в положении Эдипа, который должен разрешить загадку Сфинкса и лишь в этом случае может рассчитывать на достойную жизнь и счастье?

Ж.-О.-Ж. Энгр. Эдип и Сфинкс. Ок. 1827 г.

Бесспорно, миф – это застывшее воплощение истории… Ф. Шеллинг считал: «То, что живет в сказаниях, в мифологии, несомненно когда-то действительно существовало». Жаль, право, что талантливый Л.Н. Гумилев воспринимал мифы как грозного

противника науки. Мифы, уверял он, порой оказываются разновидностью лжи. Они вовсе не безвредны, и утверждал: «Они норовят подменить собой эмпирические обобщения наблюдаемых фактов, то есть занять место науки и заменить аргументацию декларациями, подлежащими принятию без критики. Проверить данные мифа невозможно. Когда миф торжествует, то наступает подлинный упадок науки, да и всякой культуры». Возможно, говоря так, он вдохновился мнением Лукиана, этого «Вольтера древности», который и самого Гомера считал «отцом всех обманщиков».

Аргонавты

Но ведь миф мифу рознь. Нужно отличать мифы культуры от мифов бескультурья. Одни созданы в подземельях Аида (в застенках деспотии и лжи, в выгребных ямах информационных культур, дебрях тоталитаризма, плутократии, фанатизма, алчной демократии, империализма). Эти мифы ядовиты и опасны, как взбесившаяся кобра. Народы должны помнить: Latet anguis in herba! (лат. – Здесь таится опасность). Увы, бывает, приходят пошлые времена, когда можно «без всякой удержи вести жизнь среди запустения мысли, нравов и дела» (Ницше). Иные обстоятельства и нравы вызывают, конечно, иные ощущения среди людей, обитателей этого нового, конечно же, несовершенного мира:

Без сознанья радость расточая,
Не провидя блеска своего,
Над собой вождя не сознавая,
Не деля восторга моего,
Без любви к виновнику творенья,
Как часы, не оживлен и сир,
Рабски лишь закону тяготенья
Обезбожен – служит мир.

Но есть ведь и легенды иного рода, созданные светлой памятью народа, его душевными, родниковыми источниками. Поэтому нам они представляются волшебным снадобьем, бальзамом, целебным и во многом спасительным лекарством. Ведь без таких мифов и легенд нет истории, нет таинства поэзии, нет любви к отечеству, к его героям, любви к науке. Испанец Х. Ортега-и-Гассет называл миф важнейшим ферментом истории. Верно, ибо без них нет и образования (в аполлоновском смысле слова), наконец, нет культуры, нет философии, литературы. И не случайно в создании мифов принимали участие, тысячелетия спустя, такие ярчайшие мыслители России, как Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, А. Ф. Лосев и др. Как заметил один из современных исследователей, миф подсознательно удовлетворяет познавательную потребность человека как в объяснении окружающего его мира, так и самого себя. С помощью мифологии «человек борется с демонами в собственной душе», с теми страхами, которые преследуют его буквально с момента рождения. Поэтому можно сказать, что «все мифологии истинны» (Ю. М. Антонян). Они истинны в той мере, в какой мы остаемся наследниками древних ощущений и представлений о жизни и смерти. Однако мифы нужны нам и еще для одной своей очень важной репродуктивной функции. С помощью героев мифов эпоха очерчивает контуры воспроизводства новых поколений. Бояться того, что литературные образы Геракла, Прометея, Вильгельма Телля, Ильи станут образцами для потомков (не являясь буквальным прототипом), не следует. Напротив, надо радоваться, если кто-то хочет стать новым Тесеем, Теллем, Гракхом, Ильей Муромцем, Ильей Пророком, Ломоносовым. Мифы могут стать и былью! Мы не боги, но божественные начала в нас бесспорно заложены. Как верно заметил К. Абрахам, изучавший корни мифа о Прометее, одним из скрытых мотивов и первопричин появления и популярности данного мифа является желание людей вести свое происхождение от божеств, т.е. выступать в каком-то смысле «родней».

Михаил Васильевич Ломоносов

Другое дело, что не всегда эти новые мифотворцы отвечают требованиям времени. «Нет такого невежды, который не мог бы задать больше вопросов, чем может их разрешить самый знающий человек», – говорил М. Ломоносов. Вот и ныне возникла у нас теория А. Фоменко, согласно которой античная классическая Греция якобы не более чем миф, фантомное отражение, дубликат, возникший 1810 лет спустя после античности. Миф сей существует якобы в традиционных представлениях ученых. Академик РАН пишет: «Вообще, мираж-фантом почему-то выглядит красивее, чем оригинал. Сколько эмоций вызывают у читателей мифы античной Греции! А в то же время мало кто слышал о средневековых крестоносных государствах на территории Греции, послуживших оригиналом, с которого (тогда) «был срисован» классический мир». Восхищает его мужество, когда он, подобно Гектору, выходит на бой с могучим Ахиллесом… «Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях, привязь расторгнув, летит и копытами поле копает» (Илиада). При этом он разит «невежественную» историческую науку. Но что делать? Математика – наука чисел, а не слов. Числами можно жонглировать, а целой системой фактов – нет. Певцы, мудрецы и герои Греции (Платон, Сократ, Демосфен, Перикл, Леонид, Фидий, Геродот, Гомер, наконец) – не какой-то фантом или миф, а историческая реальность. Если же традиционная мифология, как считал Платон, и является, вообще говоря, ложью, то все же в ней сокрыто немало зерен истины. Платон был убежден, что в некоторых случаях миф способен выполнять

воспитательную функцию и в таком качестве мог быть чрезвычайно полезен как отдельной личности, так и всему государству.

Карта мира Геродота

Во временной ориентации будем опираться на традиционные представления и на факты, а не на мифы. Они надежнее, чем иные дикие экстраполяции… Гумбольдт в «Космосе» (1851) подразделял античное время на четыре главных этапа. К первому он относил древние путешествия финикиян, греков и иудеев, ко второму – время греческих завоеваний в Азии при Александре, к третьему – время александрийской школы, а, наконец, четвертый этап характеризовал как период Римской империи и влияния римского владычества на расширение космических идей. К. Маннерт в «Географии греков и римлян» (1788) выделил несколько иные, с его точки зрения, главные эпохи: первый период он считал временем накопления первоначальных географических знаний (с 456 до 270 гг. до н.э.) – от Геродота до Эратосфена, второй период (270 г. до н.э. – 160 г. н.э.) назван им периодом исторической географии и страноведения, от Эратосфена до Страбона и Птолемея. Третий период (от 160 г. н.э. и до середины VI в. н.э.) включает историческое землеведение и познание от Марина Тирского до Клавдия Птолемея, и затем от Птолемея до Косьмы Индикоплова. Птолемею в истории астрономии, пожалуй, не было равных на протяжении целого тысячелетия – от Гиппарха (II в. до н.э.) до Бируни (X—XI вв. н.э.). Ученые первой половины XIX века начинали излагать историю Древней Греции обычно с VIII века до н.э. Автор 12-томной «Истории Греции» Дж. Грот (1794—1871) начал ее с 776 года до н.э., с того времени, когда, по преданию, греки организовали у себя Олимпийские игры. В действительности же история греков намного древнее. Находки Шлимана в Микенах расширили рамки греческой истории на 400 лет (так полагал он), хотя

в действительности эти рамки, как ныне установлено, расширились более чем на 800 лет.

Микенская золотая маска. «Маска Агамемнона»

Наиболее известной из его находок стала так называемая маска Агамемнона. Шлиман, найдя одну из золотых масок, счел, что именно она принадлежала вождю ахейцев Агамемнону, завоевавшему Трою. Впоследствии он с гордостью заявит на весь мир: «Я заглянул в лицо Агамемнону». Были и другие находки. В ряде царских гробниц (Каковатос, Энглианос) найдены золотые изображения совы. Такие же или схожие символы, в частности, богиня смерти Лилит – встречаются в Малой Азии, Сирии и на Кипре.

Посейдон, Аполлон и Артемида. Фрагмент рельефов Парфенона

Если же представить на мгновение, что вы не знали положений римского права, кодексов Юстиниана, перепутали даты и события греко-персидских войн, если из памяти напрочь выпали имена знаменитых историков, философов, врачей, полководцев, видных мужей Египта, Греции, Рима, Ирака, Ирана, Китая, Индии, Востока, Византии, ежели вы не могли или не захотели по какой-то причине одолеть творений трагиков и поэтов античного мира, остается нечто волшебно-пленительное, что пребудет с вами до конца, нечто, к чему применима чуть измененная сентенция Овидия: «Я хочу, чтобы смерть застигла меня посреди тех ярких образов и трудов». Что же это такое? Прежде всего, это прекрасная и образная мифология, о которой уже говорилось. Мифы даны нам и для того, чтобы лучшие почерпнули в них материал для подвига. Но мифы внушают иным надежду и самим стать мифом. Мудрецы и поэты прошлого играют в жизни людей роль вполне реальных божеств. Сохраняя миф, сохраняем античное искусство, память о былом, саму душу греков. Глядишь, светлее станет и наша собственная душа, бредущая в душных сумерках.

Крито-минойская цивилизация

Крит, Греция, Кипр – это гористые пространства, богатые минералами. На Крите горы и холмы более 95 процентов общей площади. Тут масса пастбищ, охотничьих угодий, долин, лугов, водоемов, пещер. Места эти всегда были привлекательны для людей смелых. Существует несколько различных гипотез относительно времени и места, откуда пришли греческие племена на территорию Эгеиды (в акваторию Эгейского моря и вокруг него), где находится их индоевропейская родина. Одни считают, что в начале II тысячелетия до н.э. древнейшие предки греков ахейцы пришли с севера. Согласно мнению других (В. Иванов, Т. Гамкрелидзе), ареал первоначального распространения индоевропейского праязыка, вероятно, находился на территории Передней Азии, – где-то в пределах Восточной Анатолии, Кавказа или же в Северной Месопотамии. Первыми из этой общности выделилась анатолийская диалектная группа (хетты и др.), а затем греко-армяно-арийская диалектная общность, которая и распалась на греческий, армянский и индо-иранский диалекты. На рубеже III и II тысячелетий до н.э. пошел процесс выделения и собственно греческой языковой общности.

Племена прагреков мигрировали через Малую Азию на Запад, а затем осели на островах Эгейского моря, на Кикладах или в материковой Греции. Часть носителей греческих диалектов (дорийцы) осели севернее, на Балканах. Другие специалисты называют прародиной индоевропейцев земли в районе Среднего Дуная. Тогда путь их в Грецию лежал с севера. Так, Трубачев полагал, что «дилемма – праиндоевропейская Европа или Азия – лингвистически решается все-таки в пользу Европы», поскольку именно такая локализация в

Центральной Европе более отвечает и их промежуточному положению, т. е. индоевропейских языков меж уральскими и северокавказскими языками. Таким образом, согласно этой версии получается, что греки были среди племен (италики, иллирийцы), которые шли к Средиземноморью вслед за хеттами.

Фигура гражданина эгейского мира

Подобно тому как Египет и Месопотамия, Финикия, Палестина и Сирия были обязаны своим взлетом военным победам, торговле и мореходному искусству, так и Крит стал культурной базой, игравшей в Средиземноморье основную роль по тем же причинам. Крит и Микены являются предысторией классической Эллады, выступая в роли первых европейских цивилизаций (III—II тыс. до н.э.). Хотя строго говоря, правильнее говорить о культурах еще более раннего времени (т.е. культуре Секло в древней Фессалии начала V тыс. до н.э., культуре Димини на Севере Греции, Кикладской культуре III тыс. до н.э.), но эти культуры оставили меньше артефактов, меньше сведений о их носителях. Жители Киклады, группы срединных островов Эгейского моря, занимались мореплаванием, торговлей, добычей металла.

Путешественники и торговцы – обитатели морей

Письменности у них не было. Исследовав останки обитателей островов, ученые установили, что те питались фруктами, злаками, рыбой и молочными продуктами. Они умели возводить хорошо защищенные города и крепости (поселения Полиохни на Лемносе, Ферми на Лесбосе, Ларна в Арголиде). Купцы снабжали обсидианом Восток и Запад, вплоть до Балеарских островов и Иберии. В Ларне обнаружено в центре поселения двухэтажное строение (Дом черепиц). Дом размером 25 ґ 12 м имел большие внутренние помещения и, судя по всему, был дворцом правителя. Дворец был уничтожен во время пожара. Вся культура островов, по мнению некоторых исследований, погибла в результате извержения вулкана на острове Фера (1450 г. до н.э.). Бурный восторг вызывали находки так называемых кикладских идолов, нежно-белых хрупких фигур, похожих на примитивные детские игрушки местных умельцев. Порой их сравнивали со скифскими бабами. Во всяком случае, Киклады были в 50-е годы на устах у всего Парижа, а затем и у коллекционеров всего мира.

На острова Сирос, Сифнос и Серифос устремились контрабандисты и археологи. Тех и других контролировало греческое правительство. Греческие миллионеры, вслед за парижской богемой, Музеем изящных искусств в Бостоне, также стали коллекционировать кикладских идолов. Тогда загадочные куклы засияли в модных гостиных, мировых музеях, на черных рынках и международных аукционах. Но в первую очередь они засияли в искусстве XX века как «образец и желанный идеал для Бранкузи и Пикассо, Джакометти и Генри Мура». В Афинах экспозиция музея кикладского искусства разместила идолов в своих залах. Они парят в простанстве, словно неолитические ангелы, на всех взирающие свысока. Конечно, говорить о том, что в работах кикладские мастера превзошли Праксителя или Фидия, было бы явным преувеличением, но то, что эти творения заслуживают внимания, сомнений нет.

Платон, упоминая Крит и Средиземное море, сравнил расположившиеся вокруг моря народы с лягушками и муравьями, теснящимися вокруг него. Философ отмечал в «Федоне», что и другие народы живут в местах, сходных с Грецией и Кипром, но все же особо подчеркнул определяющее значение морского типа цивилизации («Короче… для нас и для нужд нашей жизни вода, море…» важнее всего). С развитием искусства мореплавания роль центра тогдашней

ойкумены должна была постепенно перейти к Криту. Гомер называл Крит «прекрасной, богатой землей», где в его эпоху было порядка 90 городов (примерно IX в. до н.э.). Он так говорит об этом острове устами героя Одиссея, который рассказывает о нем Пенелопе:

Остров есть Крит посреди
виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отовсюду объятый водами,
людьми изобильный;
Там девяносто они городов
населяют великих.
Разные слышатся там языки:
там находишь ахеян
С первоплеменной породой
воинственных критян; киконы
Там обитают, дорийцы кудрявые,
племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих.
Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос,
собеседник Крониона мудрый…

Культура Крита во многом синтетична… После вторжения дорян или восточных греков тут в ходу греческий алфавит, но с фонетическими признаками египетского, кипрского, хеттского, иных диалектов. Вначале они использовали иероглифы, затем возникло линейное письмо, чьи знаки похожи на письмо финикийцев, египтян, семитов. По мнению некоторых, Крит могла накрыть волна египетской эмиграции. Шпенглер полагал, что критская цивилизация есть ответвление цивилизации Египта. Правил тут царь Минос, чьей резиденцией был город Кносс. Он объединил ряд родов и захватил власть на острове, затем над Эллинским морем. История острова тесно связана с мифологией. Тут родился бог Олимпа – Зевс, сюда бежала его мать, Рея, спасая сына от людоеда-отца, титана Кроноса. Тот хотел съесть сына, боясь, что он перехватит власть. Впоследствии многие

цари Греции, Азии, Рима, Египта, Израиля будут «пожирать» своих детей, братьев и сестер почище Кроноса (или же Сатурна).

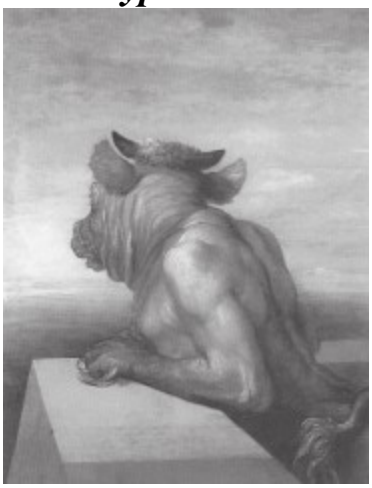
Царь-жрец. Раскрашенный рельеф из Кносского дворца

Лукиан писал: «Критяне же говорят, что не только родился и был у них вскормлен Зевс, но даже могилу его показывают. И мы столько времени заблуждаемся, что Зевс гремит и проливает дождь и все прочее совершает, а на самом деле он давно исчез, мертв, похоронен критянами». Будучи богом-сластолюбцем, Зевс привез на Крит похищенную им дочь финикийского царя, красавицу Европу, которая там же и родила от Зевса – Миноса. В греческой мифологии его считают одним из трех сыновей Зевса и Европы. Критский царь и жрец Астерий усыновил его. После его смерти Минос стал царем Крита, женился на Пасифае, дочери Гелиоса. От их брака родились дочери Ариадна (отсюда «нить Ариадны»), Федра, сыновья Андрогей, Катрей, Главк. Установленные на острове законы получены Миносом от Зевса. На острове творили Дедал и Икар. Отсюда они и взлетели к Солнцу, но воск перьев Икара растаял и тот рухнул в море. Впоследствии отсюда, с Крита, А. Эванс, Дедал античной культуры и археологии, взлетел к зениту его крито-минойских открытий.

Рея вручает Кроносу камень вместо сына Зевса

Жена царя Миноса была не менее развратна и сластолюбива, чем Зевс… Легенда гласит, что, зная ее порочные нравы, Посейдон подослал ей белого быка. Пасифая воспылала неудержимой страстью к быку, отдалась ему и породила чудовищного Минотавра, полубыка-получеловека. Чудовище было послано Миносу в наказание за его жестокость и высокомерие. Вот как описывает это событие афинский грамматик Аполлодор (II в. до н.э.)… Посейдон, разгневанный тем, что Минос не принес ему в жертву того быка, наслал на быка свирепость и внушил любовную страсть к животному жене Миноса Пасифае… Влюбившись в быка, та взяла себе в помощники строителя Дедала, которого после совершенного им убийства изгнали из Афин. Дедал помог даме: сделав деревянную корову на колесах, он выдолбил ее изнутри и обшил изделие свежесодранной коровьей шкурой. Выставив чучело на лугу, где обычно пасся бык, он дал войти внутрь этой деревянной коровы Пасифае. Появившийся бык сошелся с «куклой», как с настоящей коровой, и Пасифая родила Астерия, прозванного Минотавром. Он имел голову быка, все остальные части тела были человеческими. Минос заключил его в лабиринт, поступив так согласно полученным им указаниям оракулов, и приказал его стеречь. Позже Геракл, совершив очередной подвиг, сумел укротить быка, переплыл на нем море и доставил его в подарок царю Эврисфею.

Франческо Кабианка. Сатурн. Летний сад



Д.-Ф. Уоттс. Минотавр

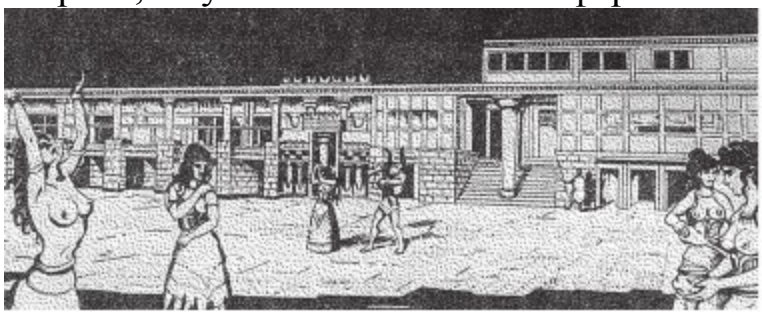
Надо подчеркнуть, что бык на Крите издавна был окружен особым почитанием как священное животное и воспринимался как божество. И это сравнимо с той ролью, которую играла корова – в Индии, небесная корова Нут и сокол Гор – в Египте или же дракон – в Китае. Минойское искусство чрезвычайно насыщено изображениями быков и бычьей символикой. Его изображали критские скульпторы, художники или резчики печати на различных изделиях из глины,

камня, фаянса, бронзы, слоновой кости, серебра и золота. Среди произведений немало подлинных шедевров искусства: золотые кубки из Вафио, ритон в виде головы быка из Малого дворца в Кноссе, фреска тореадора из Большого кносского дворца и т.д. Бык часто появляется и в сакральном контексте. Возможно, как полагают специалисты, быки почитались как своего рода «аккумуляторы» и передатчики мистической энергии (маны). Если так, то становится понятной и несколько противоестественная страсть Пасифаи к быку.

Серебряный ритон в виде головы быка. Микены

Греческие женщины должны были отдать свою девственность божеству, прежде чем стать доступными смертным. Видимо, бык как священное животное в полной мере отвечал представлениям древних о том, кто должен быть «первым мужчиной» у критских девственниц. Так, быком был не только Минотавр, чудовище с бычьей головой, которое обитало во мгле Лабиринта. Голову быка имел бронзовый гигант Талос, страж Крита, погибший от козней Медеи. Можно предположить, что еще в минойскую эпоху на острове возник особый культ священного быка, занимавший в местном пантеоне одно из главных мест наряду с Великой богиней и ее консортом (по одной из версий, бык и был тем самым консортом, ежегодно вступая с богиней в «священный брак»). В высшей степени красочно и ярко это явление наблюдается в тавромахии (играх с быками). Тавромахия – своеобразное сочетание спортивного действа, эстетического удовольствия и некой формы жертвоприношения. Попытка умилостивить богов ценой кровавых жертв. Вряд ли оно полностью

могло быть приравнено к спортивным состязаниям или классической испанской корриде. В нем присутствуют элементы позднейшей греческой агонистики, зрелищности. Андреев пишет, что тавромахия, подобно Олимпийским играм и другим знаменитым агонам античной эпохи, не могла жить без чемпиона, героя и любимца публики, с всеми присущими ему чудесами силы и ловкости. Бык в данном случае выступал как бы их партнером. С известным упрощением можно признать партнерами гладиаторов и животных, которых выпускали на сцену римских форумов… Очевидна и близость культа быка, возникшего на Крите, с культом быка Аписа в фараоновском Египте.



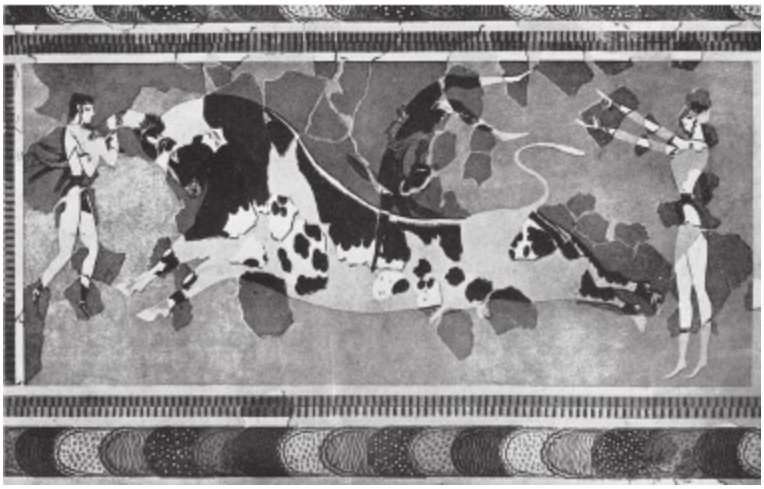
Внутренний двор «Лабиринта»

Бык, участвуя в празднествах, давал возможность продемонстрировать безграничные возможности тела, когда люди демонстрировали чудеса силы и ловкости «в немыслимых сальто-мортале, совершаемых на рогах и спине бешено мчащегося быка». Возможно, конечно, зрители Крита находили в подобных сценах не только эстетическое наслаждение, но и некую религиозную символику. Согласно одной из гипотез, как правило, игры с быками устраивались на центральном дворе так называемого дворца, в самом сердце огромного ритуального комплекса. В чем же заключался скрытый внутренний смысл этого загадочного представления? Ряд ученых считают, что тавромахия являлась своеобразной формой жертвоприношения. Но кто тогда был жертвой – человек или бык? Логика обряда требовала, возможно, смерти обоих действующих лиц, более того, возможно, смерть человека предшествовала смерти божественного быка. Во всяком случае, многочисленные изображения на фресках, печатях и рельефах говорят о том, что представления, которые шли по нескольку дней и в которых принимали участия целые «команды» акробатов (как мужчин, так и женщин), были делом чрезвычайно опасным и частенько могли заканчиваться увечьями или

даже смертью атлетов. Правда, произведения минойских мастеров редко отображают все эти трагические моменты, ибо смерть вообще долгое время оставалась как бы запретной темой. Но на некоторых из них все же показан трагизм тавромахии. На ритоне из Айя Триады с рельефами кулачного боя и тавромахии видим, как огромный бык всадил рог в спину, буквально подняв атлета в воздух.

Изображение плана лабиринта на монете

Минос, став царем острова Крит, основал там города, едва ли не первые города-государства в Европе (Кнос, Фест, Кидония). Создав большой военный флот, он, по словам Фукидида, обрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря («Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладел большей частью моря, которое называется теперь Эллинским…»). Минос распространил свое владычество повсюду, создавая везде, где это было возможно, города и поселения, именуемые Миноями, и стал угрожать Афинам. Страбон писал: «В прежние времена критяне господствовали на море; и даже пошла поговорка о тех, кто прикидывается не знающим того, что известно: «Критянин не знает моря»». Одним из объектов экспансии Миноса стала Мегара. Влюбившаяся в него царевна Скилла, как гласит легенда, предала отца, царя Ниса. Так Менос сумел овладеть и Мегарой. Затем Минос обложил данью Афины за смерть сына Андрогея, якобы убитого на только что учрежденных царем Эгеем Панафинейских играх. Миф гласит, что раз в 9 лет Афины должны были отправлять на Крит по 7 или 14 юношей и девушек, которых приносили в жертву получеловеку-полубыку Минотавру, жившему в подземельях Лабиринта. В отместку за смерть сына критский царь разрушил 7 городов Эллады.



Акробаты с быком. Фреска Кносского дворца

Герой Тесей отправился на Крит вместе с жертвами и в жестокой схватке убил Минотавра. Путь же из запутанного лабиринта ему помогла найти дочь Миноса, Ариадна, дав ему клубок ниток («нить Ариадны»). Затем царевна бежала с острова вместе с Тесеем. Отец ее был бессердечным и жестоким правителем, если судить по тому, что в ответ на горячие чувства своей возлюбленной он тем не менее утопил в море несчастную Скиллу. Но и жизнь правителя Крита завершилась трагично. Преследуя афинского мастера Дедала, скрывавшегося на Крите от властей Афин и затем бежавшего в Сицилию от гнева тирана, Минос прибыл к царю Сицилии Кокалу. Дочери Кокала, не желая отпускать мастера на расправу, убили Миноса, вылив на него кипяток, когда он купался в бане, и сварив заживо. После его смерти Зевс сделал Миноса судьей в царстве мертвых, где он, вместе с другими, держа в руке золотой скипетр, выносит приговоры душам в Аиде. Можно себе представить, сколь справедливы и законны его приговоры. Правды в судах нет ни на небе, ни на земле, ни в Аиде.

Тесей и Минотавр

Помимо полей, виноградников, оливковых рощ и тучных пастбищ были у Крита и другие преимущества. Удобное географическое положение делало его идеальным местом для торговли между Европой, Азией и Африкой. Критяне поддерживали широкие торговые и культурные связи со всеми странами региона. На юге острова находился главный торговый порт – Фест, откуда «темноносые корабли несутся в Египет» (Гомер). Их торговые корабли бороздили Средиземное море, доставляя товар в разные уголки земли. Изделия критских ремесленников находят ныне в Египте, Ливии, Малой Азии, Финикии, в Греции, Южной Италии, Сардинии, Испании, на Мальте, на Кикладских и Балеарских островах. Среди предметов их торговли – не только продукты питания, зерно, краски, изделия ремесленников, скот и лес, служивший прекрасным материалом для строительства кораблей и домов, но и, возможно, рабы и оружие. В свою очередь, критяне везли из других краев золото, серебро, слоновую кость, благородные породы деревьев, изделия из стекла и фаянса, продукты и т.д.

У. Блейк. Царь Минос

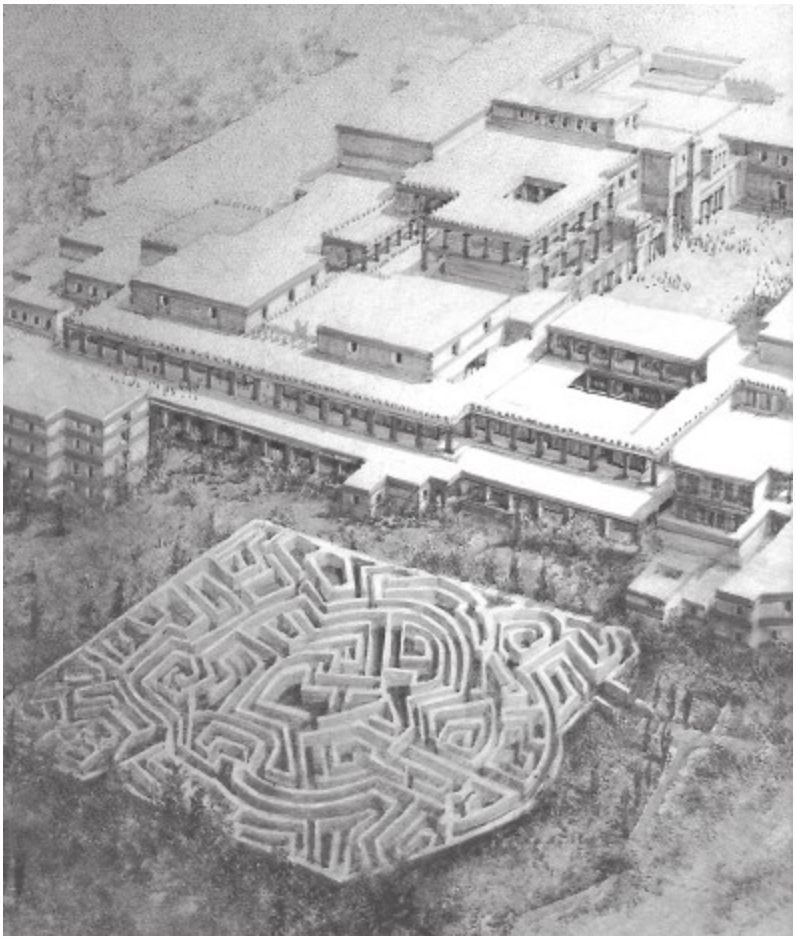
В основе богатства и процветания многих критских городов и небольших царств лежало ремесленное производство. П. Фор пишет, что около 1220 года до н.э. только в крохотном царстве Пилос на две дюжины городов приходилось не менее 400 кузнецов, обрабатывавших бронзу и драгоценные металлы. Это в среднем – по 17 мастеров на каждый город, не считая подмастерьев и рабов. Уже в нынешнее время геологи обнаружили наличие как минимум 50 мест залежей полезных ископаемых в одной Микенской Греции, не считая Кипра, и более ста

месторождений среброносного свинца и серебра в тех же районах. Сам автор, П. Фор, нашел на Крите не менее двух десятков старых месторождений этих металлов неподалеку от античных городов, в лесных массивах и горах. Во времена ремесленничества эти металлы могли давать жизнь и работу многим ремесленникам и тогдашним «фирмам». Помимо серебра и свинца тут находят рудники с минералами, содержащими медь, и даже золотоносные районы. Автор заключает: «Теперь ясно, что составляло экономическую и отчасти военную мощь государств, кажущихся нам маленькими и бедными, хотя легенда пышно именует людей, правивших ими, царями». И Ахилл, и Менелай, и Агамемнон владели подобными рудниками, не говоря уже о сотнях знатных и богатых семей.

Золотой кубок из купольной гробницы в Вафио

Правители небольших городов-государств, накопив немалые богатства, нещадно эксплуатировали земледельцев и ремесленников. Часть жителей Крита необычайно разбогатела (вожди, аристократы, сановники, купцы). Итогом этих процессов стало как социальное расслоение, так и строительство ряда центров на острове (Кносс, Фест, Агия-Триада, Малия, Тилисса). Почти не уступая друг другу в богатстве, они находились в постоянном соперничестве. Агрессивную завоевательную политику они, видимо, осуществляли с помощью наемников. Фрески указывают на то, что, как правило, у вождей имелась наемная армия (на одной из фресок изображен отряд воинов-негров с белым командиром во главе). Видимо, эти армии и флоты представляли довольно грозную силу. Отсутствие крепостных стен вокруг критских дворцов и городов, а также сторожевых крепостей на его побережье историки объясняют безусловным господством на море. Около 1700 года до н.э. на острове происходят трагические события, в результате которых многие города оказались разрушены. В культурных слоях археологи обнаружат множество разбитой посуды, статуэток, обуглившиеся деревянные строения. Причиной катастрофы могли

быть землетрясения, столь частые в этом районе, вторжения заморских племен или же гражданская война между соплеменниками. Третья версия в последнее время стала рассматриваться как наиболее вероятная. Видимо, другие царьки городов Крита не смогли спокойно стерпеть возвышения Кносса и напали на него. В жестокой битве победа досталась Кноссу, и с той поры начался новый период возвышения города. Теперь царь Кносса становится самодержавным монархом, правя железной рукой, подобно восточному деспоту. Возможно, это и был «золотой век царя Миноса». Его отражение встречаем в уже упомянутых нами мифах о Тесее, Минотавре и Дедале.



Дворец царя Миноса. Реконструкция

Находясь на перекрестке мира, критяне жили обеспеченно и счастливо, впитывая, как губка, культурные достижения других народов. Характерно, что известный средневековый ученый и писатель Бируни приводит слова человека из Кносса, что на вопрос, кто был тот, кто установил законы на Крите (из ангелов или из людей), ответил:

«Он был из ангелов». Далее он же стал описывать законы жителей Крита (со ссылкой на законы Платона): «Они дают полное счастье тому, кто правильно ими пользуется, поскольку при их помощи можно получить все человеческие блага, связанные с благами божественными». Далее он перечисляет земные человеческие радости, которые и были даны людям богами. Те сжалились над созданными для утомительных трудов существами, ввели для них празднества в честь богов и муз (Аполлона и Диониса). Вдобавок они дали критянам «вино как лекарство от горечи старости, чтобы старые снова могли становиться молодыми, когда забывается горе и душа переходит из угнетенного состояния в бодрое». Боги, согласно Платону, научили людей танцам.

Красная колоннада дворца Миноса на Крите

Внешне обитатели Крита походили на жителей Италии. Невысокие, изящные, с черными волосами и миндалевидными глазами, что чернее сицилийской ночи. В их манере поведения и одежде немало от европейцев поздних эпох (береты, тюрбаны, шляпки). Мужчины тут – умелые земледельцы, строители, мореходы и торговцы, дамы – искусные хозяйки, мастерицы, веселые собеседницы, хорошие любовницы.

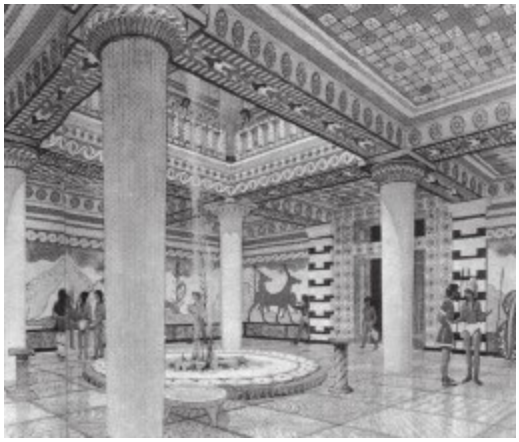
«Парижанка». Фреска Кносского дворца

В. Дюрант заметил, что XVI—XV века до н.э. были апогеем эгейской цивилизации, классическим и золотым веком Крита («Жизнь Греции»). Женщины острова были стройны и прелестны. Головки их были украшены локонами и лентами, грудь смело открыта лучам солнца, как и взорам мужчин. Даже археологи отдали дань этим чувственным особам, назвав одну из прелестниц, смотрящую на нас со старой фрески, – «Парижанкой». К слову сказать, критские женщины обычно отличались независимым характером, пользовались большей свободой и уважением, нежели у греков. Они могли выбирать себе по несколько мужей и даже управляли общиной.

С. Бакалович. Соседки в античном доме

В гостиных дворца в Кноссе располагались не только вазы, статуэтки, амфоры, но и целые живописные панно, где, словно с полотен Ренуара, Дега, Мане, на вас смотрят дивные портреты «Дамы в голубом» и «Дамы в опере»… В. Дюрант так описал черты этой цивилизации: характерная особенность критян совершенно отчетлива: ни один другой народ древности не был так предрасположен к такой

утонченности в мелочах, такому вкусу и сосредоточенному изяществу в жизни и искусстве.



Реконструкция дворцовой залы XIII в. до н.э

И если даже предположить, что расовые истоки критской культуры находились в Азии, а истоки многих ее искусств – в Египте, в своей сущности и целостности она все же оставалась единственной и неповторимой. Возможно, она принадлежала к совокупности цивилизаций, общей для всего восточного Средиземноморья, где каждый народ унаследовал от общего прародителя – широко распространившейся неолитической культуры – родственные искусства, верования и обычаи. В юности Крит многое позаимствовал из этой общей цивилизации, а затем, уже в зрелости, – вносил в нее свой вклад. Критская держава навела порядок на островах, а критские купцы нашли доступ во все порты. В дальнейшем товары и искусства Крита наводнили Киклады, затопили Кипр, достигли Карии и Палестины, через Малую Азию и прибрежные острова продвинулись на север до Трои, а через Италию и Сицилию достигли на западе Испании. Естественно, проникли они и в материковую Грецию, вплоть до Фессалии, и через посредничество Микен и Тиринфа вошли в наследие Греции. Так вот «в истории цивилизации Крит стал первым звеном европейской цепи».

Уникальная культура Крита известна благодаря 40-летним трудам Эванса. Артур Эванс (1851—1941) начал вести раскопки на Крите еще с конца XIX века. Самым важным его открытием стало обнаружение Кносского дворца (1903). Говорят, что когда его спросили, почему не колеблясь он заявил о находке «Дворца Минотавра», хотя вроде бы никаких достоверных фактов пока еще не обнаружено, которые бы

подтверждали столь смелое предположение, он ответил фразой: «Я поверил в Ариаднину нить истории – мифы». Ему возразили: «Но ведь они слишком красивы, чтобы оказаться истиной?» Тогда Эванс ответил вопрошавшим: «Любой самый красивый узор на ковре вышит обычной нитью, скрученной из овечьей шерсти. Так говорят на Крите. Я забыл про фантастические узоры и увидел нить, скрученную из фактов…»

Обнаруженные Эвансом и другими археологами в Кноссе, Фесте, Тилиссе или Агии-Триаде дворцы в пять этажей, улицы, вымощенные гипсом и снабженные прекрасной системой канализации, мастерские в Гурнии, называемой «городом машин» (he mechanike polis), огромные дворы в столицах Кноссе и Фесте – в 1860 и 930 кв. м, гостиные площадью в 280 кв. м – все указывало на такой уровень культуры и богатств, который Греция не будет иметь вплоть до эпохи Перикла. Дворец Кносса являл собой комплекс архитектурных сооружений общей площадью в 16 тысяч кв. м. В прошлом он имел несколько этажей. Этажи были связаны лестничными переходами и поддерживались колоннами. В центре – большой двор. Помещения Кносского дворца имели различное предназначение (жилые комнаты, парадные залы, кладовые, помещения слуг). В дворце имелись ванная комната, прачечная и бассейн. Здание было снабжено системой водопроводных и сточных труб. В ряде помещений сохранились удивительные фрески («Грифоны», «Придворные дамы в голубых платьях», «Носители кубков»). В «мастерских» Кносса были обнаружены столы для пиршеств, чаши, прекрасные панели с рельефами, а в тайнике дворца под полом Эванс нашел фаянсовые статуэтки, позже названные «Богинями со змеями». Полностью сохранилась одна – заклинательница змей, держащая в руках змею.

Богиня со змеями из Кносса

Похоже, что в Кноссе находилась и самая первая европейская фаянсовая фабрика. Более тысячи лет строился знаменитый кносский Лабиринт, где жил Минотавр. «Мы вступили в совершенно неизвестный мир, – писал Эванс. – Каждый шаг вперед был шагом в неизвестное. Дворец затмил все то, что мы до этого знали о европейских древностях». Позже он расскажет о находках в большом труде. Обнаружены были и памятники древней письменности (II тыс. до н.э.). Древнейшие из них – надписи на сосудах и печати. Нашли 10 тысяч глиняных табличек со знаками линейного слогового письма, которое возникло, видимо, в XVII веке до н.э. Эванс попытался дешифровать найденные таблицы, но не смог, ожидая усилия Вентриса и Чедуика.

«Дамы в голубом». Фреска Кносского дворца

Были обнаружены и дворцы меньших размеров – в Фесте, Маллии, Като-Закро, Агиа-Триаде. Выявлены и следы древних дорог, соединявших тогдашние города и населенные пункты. Дворцы и сооружения на острове не имели оборонительных сооружений, что говорит в пользу миролюбивого нрава его обитателей. Процветала торговля. На Крите было найдено много вещей из привозных материалов (золото, слоновая кость). Так как на острове нет ни того, ни другого, можно предположить, что Крит вел интенсивную торговлю с Египтом и другими странами. Найдена печать с именем царицы Тии, жены фараона Аменхотепа III, сосуды египетской работы. Серебро завозили из Испании и Сардинии, обсидан – с острова Мелос и т.д. и т.п.

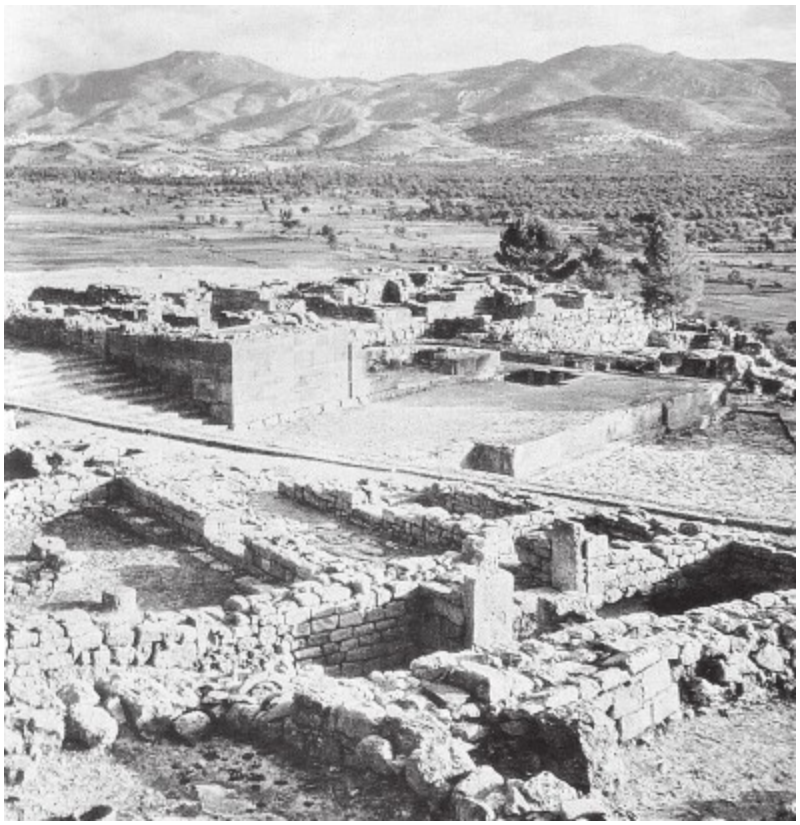
В свою очередь, изделия критских ремесленников находили сбыт в Египте: сосуды в стиле камарес (район Фаюма), золотые вещи критской работы. Изображения критян с дарами украшали стены ряда египетских гробниц – Сенмута и Усер-Амона. Изделия критских мастеров археологи найдут в Пиренеях, на севере Балканского полуострова, и даже в долине Тигра и Евфрата. Таким образом, о критянине можно сказать, что это – некий прообраз образованного европейца, имевшего развитое понятие о праве личности, о праве собственности и даже о наследственном праве. Действия должностных лиц и решения совещательных собраний подчинялись приговору судов. На это указывает и каменный кодекс Гортинского права. Каждый из критян в душе был немного поэт, сочинял стихи и любил зрелища, о чем говорят и древние развалины театров на 400—500

зрителей (около 2000 г. до н. э.). Критские театры на пятнадцать веков древнее греческих (Театра Диониса и др.). Об этом сплаве труда и таланта народа, умеющего работать и отдыхать, писал великий Гомер в «Илиаде»:

Юноши тут и цветущие девы,
желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный
любезно сплетяся руками.
Девы в одежды льняные и легкие,
отроки в ризы
Светло одеты, и их чистотой,
как елеем, сияют;
Тех – венки из цветов прелестные
всех украшают;
Сих – золотые ножи, на ремнях
чрез плечо серебристых.
Пляшут они, и ногами искусными
то закружатся…
То разовьются и пляшут рядами,
одни за другими.
Купа селян окружает пленительный
хор и сердечно
Им восхищается; два среди круга
их головоходы,
Пение в лад начиная, чудесно
вертятся в средине…

Крит по-прежнему во многом остается для ученых и исследователей загадкой. До сих пор хранят тайну и кикладские идолы – древнейшие из всех известных в наше время образцов эгейской мраморной скульптуры, великолепный Кносский дворец, вызывая в памяти рассказы древних о загадочном Лабиринте, шахтовые могилы микенских царей с их поражающими воображение несметными сокровищами, грозные цитадели Микен и Тиринфа, с которыми греки связывали едва ли не самые зловещие из своих

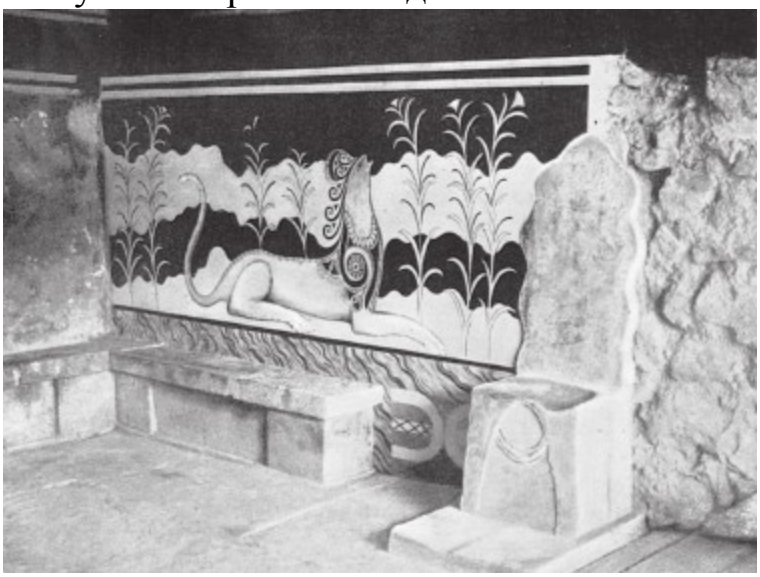
преданий о далекой старине, «дворец Нестора» в Пилосе с его бесценным архивом, содержащим самые ранние из известных нам и написанных по-гречески текстов, отрытый под толщей вулканического пепла город Акротири на острове Санторин с домами, расписанными замечательными фресками, многие другие находки археологов. До сих пор не разгаданы причины, что вызвали внезапное, как будто бы ничем не подготовленное появление на исторической сцене минойской и микенской цивилизаций, так же как не менее стремительное их исчезновение с исторической сцены. Еще больше загадок несет в себе, казалось, основательно изученная Троя, находящаяся в северо-западной части Малой Азии, у входа в Геллеспонт (Гиссарлык). Что явилось причиной гибели Трои – восстание, приход чужаков, землетрясение?



Развалины дворца в Фесте. 2000—1500 гг. до н.э.

Греки, как уже ранее говорилось, пришли на Крит между 2000 и 1500 годами до н.э., передали эгейцам свой язык, но письменность у критян была своя. Критянам были известны металлы (золото, медь, олово), они изготовляли оружие. Греки-ахейцы были прежде всего грозными воинами, закованными в бронзу. Хотя, вероятно, их дружины

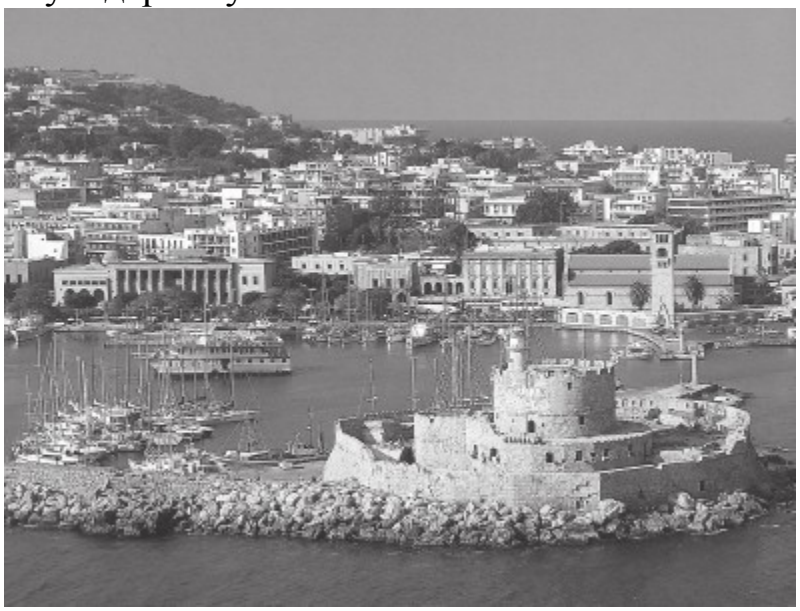
подпали под влияние эгейцев и даже одно время подчинялись им и платили дань. От критян эллины получили навыки мореплавания и ведения сельского хозяйства. Однако затем произошло довольно быстрое усвоение культурных навыков греками, о чем свидетельствуют дворцы в Микенах и Тиринфе. Крит стал воротами, через которые греки общались с миром, усваивая его культурные богатства и трансформируя их. Поэтому о крито-микенской цивилизации пишут и говорят как о едином понятии.



Кносский дворец на Крите. Тронный зал

В дальнейшем, как это вскоре станет правилом для греков, возвысившиеся Микены стали с завистью смотреть на процветающий Крит и на его несметные богатства, что за годы успешной торговли скопились в дворцах Кносса и других городов. Ведь они и сами там часто бывали, имея возможность лично видеть всю эту роскошь. Историк пишет: с 1700 года до н.э. ахейцы попадают под влияние более высокой критской культуры. Ахейские цари и аристократы привозят из Кносса художественные ювелирные изделия и инкрустированное оружие, женщины одеваются по критской моде. Таким образом возникает единая культура, названная историками крито-микенской. Однако ахейцы не лишились свойственных их народу черт – суровости и мужества; в противоположность критянам они носили бороды и усы, а жизнь свою проводили на охоте и в военных походах. Фукидид сообщает, что ахейские племена занимались и пиратством, создав совместный военный флот, который стал грозным соперником критского флота. Начиная с XV века до н.э.

Арголида, вероятно уже при господстве Атридов, превратилась в грозную морскую державу.



Общий вид города и острова Родос

Затем ахейцы вытеснят критян из их владений: захватят Киклады, острова Родос, Кос, Кипр и даже создадут свои колонии в Малой Азии. Около 1400 года до н.э. они напали на Крит и нанесли критской державе жестокое поражение, после которого та уже не смогла оправиться. Страшные следы этого события до сегодняшнего дня хранят руины и пепелища критских дворцов, найденных в соответствующем культурном слое. Вероятно, перед нападением ахейцев на Крит в Эгейском море произошло величайшее в истории древнего мира морское сражение. Разгромив могучий флот критян, ахейские воины ворвались в покои царя Миноса, уничтожая поголовно изысканных и изнеженных придворных, которые столь выразительно изображены на фресках дворца. Гипотезу якобы подтверждали и те 1700 таблиц, что найдены археологами в руинах Кносса. Возможно, именно так пала великая критская империя – «как Минотавр под мечом Тесея». Есть и другие версии гибели критской цивилизации. Знаменитый англичанин А. Эванс, открывший миру крито-минойскую цивилизацию, считал, что могуществу Крита положила конец какая-то грандиозная катастрофа (возможно, землетрясение). Другой точки зрения придерживался грек С. Маринатос, который еще с 1932 года являлся хранителем древностей на Крите. Он же предпринял и первые самостоятельные раскопки на острове, обнаружив следы критской

гавани с царской виллой. Каменные блоки были сворочены с места какой-то неведомой силой. Везде видны толстые слои пемзы. Возможно, это мог быть и след вулканического извержения, но на Крите нет и никогда не было действующих вулканов. После тщательных изысканий и консультаций с учеными стало ясно, что вулканические осадки попали на Крит в результате извержения на острове Тира. На некоторое время Вторая мировая война отодвинула поиски. Затем Маринатос продолжил поиск, ведя раскопки на южной оконечности Санторина, у селения Акротири.

Фрагмент фасада дворца в Кноссе

Крит совсем неподалеку (130 км), его можно было видеть невооруженным глазом «осенними и зимними утрами». В итоге в 1967 году ученый обнаружил остатки самых настоящих «минойских Помпей». Им же были найдены руины каменных жилых домов, дворцов и святилищ II тысячелетия до н.э., погребенные под слоем вулканического пепла и пемзы толщиной до 5,5 метра. Это был город с населением в 30 тыс. человек, со зданиями в два-три этажа, с отопительной системой, использовавшей теплые воды вулканического острова, с многочисленными мастерскими, складами. Большая часть города после извержения вулкана ушла под воду. Затем найдут и изумительной красоты фрески («Фреска принцев» и др.). Сочли, что их создали месопотамские художники. Как скажет профессор Маринатос, «обреченный народ Санторина обладал несомненным даром создавать божественные произведения здесь, на Земле». Вероятно, эта же катастрофа погубила и критскую цивилизацию. А. Низовский, сравнивая извержение вулкана Кракатау в 1883 году, когда все вокруг в радиусе до 200 км было засыпано пеплом, подчеркивает,

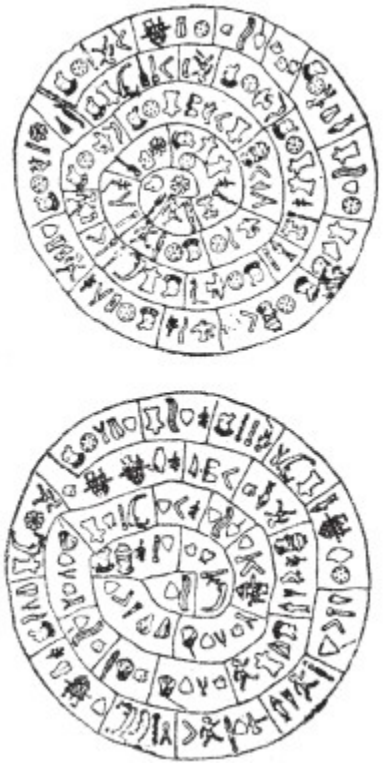
что кратер Санторина в пять раз больше кратера Кракатау, а потому сила взрыва могла быть в 3—4 раза больше.

Крит оставил грекам бесценное наследие – в организации, архитектуре, законах. По словам греков, известные законодатели и государственные деятели Ликург и Солон именно на Крите находили образцы для своих законов. Порядки и законы Спарты имели истоками законодательство критского государства, в основе которого – правление военной аристократии. По сути дела, эта островная дворцовая цивилизация стала важнейшим истоком «критизации» всего микенского мира. Установив законы в Спарте, как уверяет традиция, Ликург простился с друзьями и сыном и навсегда покинул отечество, вернувшись то ли в Дельфы, то ли на Кипр, то ли на остров Крит, где добровольно и умер голодной смертью. Жители Крита, следуя его воле, сожгли труп и бросили золу в море, чтобы его соотечественники не могли счесть себя свободными от данной клятвы. Море у берегов Крита изобразил и художник И. Айвазовский.

И. Айвазовский. На острове Крит. 1867 г.

Бесконечные споры идут и по поводу того, какие же виды письменности были на островах и как они соотносились с письменностью в Греции. Одни ученые считают, что греки еще во II тысячелетии до н.э. писали на собственной территории при помощи критского слогового письма. Другие задаются вопросом, а не принесли ли аккадские колонисты Кипра слоговую письменность с собой из метрополии (то есть из Месопотамии), а уже здесь, на Кипре, она развилась дальше. Но дело в том, что по всей Греции все-таки было принято не «линейное письмо А», предшествующее кипрскому и

бывшее негреческим, а «линейное письмо Б»… И кроме того, если бы критским письмом пользовались непрерывно, следовало ожидать гораздо большей традиционности в нем. Вероятно, фактическое развитие происходило примерно так. За время негреческо-критского культурного влияния на Кипр коренное островное население создало кипрское слоговое письмо из критского «линейного письма А», а затем уже кипрское слоговое письмо было заимствовано как нечто совершенно новое греческими колонистами Кипра, которые даже и не ведали о его существовании.



Фестский диск

Особый интерес (и всё еще неразгаданную загадку) представляет собой знаменитый Фестский диск, найденный при раскопках царского дворца в г. Фесте, на отрогах горы, возвышающейся над долиной Мессары. Итальянский археолог Л. Пернье в 1908 году нашел выполненный вручную глиняный диск диаметром 16 сантиметров (толщина его – 1,6—2,1 см). Диск был покрыт надписью в виде спирали из множества рисованных знаков, представлявших собой неведомую письменность. Пернье дал описание его: «Четко оттиснутые линии внешнего силуэта, кое-где зарисованного внутри, складываются в отчетливые и определенные изображения.

Большинство рисунков интерпретируется легко и бесспорно: мы узнаем, например, кипарис, кустарник, ветвь, колос, лилию, крокус (шафран), какую-то розетку… Мы видим на диске и изображение животного мира, например, гусеницу, пчелу, дельфина, голубя, летящего сокола, держащего в когтях маленький двойной щит, головы льва и газели, снятую шкуру, коровью ногу, две кости предплечья, козий рог… Мы видим бегущего человека, пленника со скованными за спиной руками, женщину в набедренной повязке с обнаженной грудью, ребенка, голову мужчины с татуированными щеками и другую – в уборе из перьев. Мы можем рассмотреть и оружие, например, шлем, круглый щит, двойную секиру и натянутый лук, а также дом, колонну, корабль, коромысло, угломер, отвес, тругольник и т. п. Кроме того, мы замечаем несколько рисунков, смысл которых вызывает сомнение или не поддается разгадке». Судя по всему, рисунки являлись знаками для произношения речи неким народом. Но кем был изготовлен диск, какую информацию содержит? Кому он предназначался?

Золотой перстень-печать из Тиринфа

Ученые стали гадать, пытаясь найти какие-то аналогии. Английский археолог А. Эванс, открывший на Крите знаменитый Кносский лабиринт, как уже говорилось, обнаружил там и большое количество глиняных табличек, исписанных письменами, непохожими на греческие. Одни он назвал «линейным письмом А» (XVII—XV вв. до н.э.), другие «линейным письмом Б» (XV—XIII вв. до н.э.). Новые открытия ученых внесли ясность в запутанные тайны древней истории… Так, недавно отправным пунктом для истории греческого языка считался VIII век: появление гомеровских поэм и первые эпиграфические памятники. Разрыв между ранее известными древними греческими текстами и реконструируемым индоевропейским

языком-предком был очень большим (2300—800 гг. до н.э.). Знаки «линейного письма Б» расшифровал английский архитектор Майкл Вентрис, для которого эта загадка стала своего рода хобби, в духе загадки пляшущих человечков у Конан Дойля. Он нашел ключ к табличкам «линейного письма В», добавив полстолетия к документированной истории языка греков (1952). По мнению лингвистов, «микенский» представляет собой безусловно греческий язык. Тексты, написанные этим письмом, были древнегреческие. Однако дешифровка более раннего, «линейного письма А» еще не удается. Одни считают, что надпись на Фестском диске сделана на греческом, другие называют хеттский, ликийский, карийский или семитские языки. Каждый переводит так, как кажется правдоподобным. Иные даже пытались расшифровать надпись на диске с помощью праславянской письменности. Так, Г. Гриневич, говоря о надписи, привязывал ее к пеласгам, догреческому населению Греции и Эгеиды, в том числе и Крита.

Сводчатая галерея в Тиринфе

Раз и Геродот Галикарнасский говорил, что Эллада раньше называлась Пеласгией, а Гомер писал о пеласгах в «Илиаде» и «Одиссее», то, может быть, следует повести линию и к этрускам, что являлись ответвлением эгейских пеласгов. Греки звали их тирренами, тогда как сами себя они называли «расена». Кстати, словарь Стефана

Византийского уверенно и чуть ли не безоговорочно называл этрусков «славянским племенем». Отсюда недалеко и до утверждения, что пеласги – это могли быть и праславяне. Ведь, еще в V веке до н.э. Гелланик утверждал, что пеласги, изгнанные греками, приплыли к устью реки По, продвинулись вглубь местности, где и обосновались, дав ей название «Тиррения». Учитывая, что тиррены и пеласги почти синонимы, отсюда предполагают, что они и представляют собой догреческое население Греции и Эгеиды, а следовательно и Крита. Ответвлением эгейских пеласгов могли быть и таинственные этруски. Римляне называли их этрусками, греки – тирренами, а сами себя они называли наименованием «расена». А тут еще ученые вспомнили и о находках В. А. Городцовым в 1897 году в рязанской земле ряда глиняных изделий (горшок и т.д.) со знаками неизвестного письма. Автор напечатал «Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками», где дал письменам характеристику: мол, найдены «литеры неизвестного письма» (видимо, докирилловского). Идею его тогда не поддержали, ввиду якобы полной абсурдности постановки вопроса – «о существовании у славян письма до Кирилла и Мефодия». Однако Г. С. Гриневич предположил, что такое письмо все же могло существовать. Вскоре он предложил такой перевод надписи на «стороне А» Фестского диска: «Горести прошлые не сочтешь, однако горести нынешние горше. На новом месте вы почувствуете их. Все вместе. Что вам послал еще господь? Место в мире божьем. Распри прошлые не считайте. Место в мире божьем, что вам послал господь, окружите тесными рядами. Защищайте его днем и ночью; не место – волю. За мощь его радейте. Живы еще чада Ее, ведая, чьи они в этом мире божьем». Надпись на «стороне Б»: «Будем опять жить. Будет служение богу. Будет все в прошлом – забудем кто есть мы. Где вы пребудете, чада будут, нивы будут, прекрасная жизнь – забудем кто есть мы. Чада есть – узы есть – забудем кто есть. Что считать, господи! Рысиюния чарует очи. Никуда от нее не денешься, не излечишься. Не единожды будет, услышим мы: вы чьи будете, рысичи, что для вас почети, в кудрях шлемы; разговоры о вас. Не есть еще, будем Ее мы, в этом мире божьем». Согласно этой версии, наши предки некогда были вынуждены оставить их земли и обрели родину на Крите. При таком прочтении надписи выходит, что «авторы Фестского диска» – русичи, а

Рысиюния – конечно, это Россия. Хотя кого только не называли творцами «Фестского диска»!

Горная долина в северо-западной части Кипра

Может быть, древние письмена откроют нам и тайну Средиземноморской Руси?! Может, легендарный царь Минос находился в далекой связи с Ману, прародителем ариев, а обитатели Крита и Рутены (Русены) – наши «дальние родственники»?! Абрашкин пишет: «Расцвет критской цивилизации связывают с правлением царя Миноса (XVII—XVI вв. до н.э.), когда остров составлял единую монархию. Легенды утверждают, что в те времена критянам не было равных во всем Средиземноморье. Вместе с воинами Русены они оставляли мощную антиегипетскую коалицию».

Дж. Торретто. Адонис. Петербург

Случается, что иные цивилизации, подобно кораблям-призракам, долгое время бывают затеряны в море времени и пространства. Это же произошло с Критом… А. Тойнби писал: «Крит долгое время оставался самым большим островом Эгейского архипелага и лежал на пересечении важнейших морских путей эллинского мира. Каждое судно, идущее из Пирея в Сицилию, проходило между Критом и Лаконией, а суда, идущие из Пирея в Египет, неизбежно проплывали между Критом и Родосом. Но если Лакония и Родос действительно играли ведущую роль в эллинской истории, то Крит долгое время считался заброшенной провинцией. Эллада славилась государственными деятелями, поэтами, художниками и философами, тогда как остров, бывший когда-то родиной минойской цивилизации, мог похвастаться лишь врачами, торговцами и пиратами, и хотя былое величие Крита прослеживалось в минойской мифологии, это не спасло Крит от бесчестия, которое закрепила людская молва, превратив его название в нарицательное слово. Действительно, он был окончательно

заклеймен в Песне Гибрия, а потом в христианском Писании. Из них же самих один стихотворец сказал: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые» (Тит. 1, 12). Поэма под названием «Минос» атрибутировалась минойскому пророку Эпимениду. Таким образом, даже апостол язычников не признавал за критянами добродетели, которой он наделял эллинов в целом».

Фигурный сосуд для вина из некрополя Черветери. VII в. до н.э.

Островной цивилизацией являлся и Кипр. Остров связывают с именем Афродиты. Считается, что именно тут она вышла из морской пены. Поэтому богиня оказывала царям острова свое покровительство. Согласно мифу, тут обосновался финикиец Кинир, переселившийся из Библа. Высадившись на острове, Кинир женился на местной женщине и имел двух сыновей и трех дочерей. Первые поселения, судя по всему, возникли еще в VI тысячелетии до н.э. К таковым относится и Хирокития, что находится неподалеку от нынешней Никосии. Здесь сделаны богатые находки (орудия из обсидиана, кости и камня, веретена, иглы, жернова, идолы). Видимо, уже со второй половины III и со II тысячелетия до н.э. велась разработка медных рудников, что способствовало развитию ремесел и торговли. Тут жили люди, любившие и умевшие торговать. Кипр был крупным центром

металлургии Средиземноморья и Древнего Востока. Сюда устремляли взоры торговцы из Малой Азии, Сирии, Египта и Крита.

Серебряная чаша с чернью и инкрустацией золотом

Дочери Кинира, повзрослев, стали отдаваться за серебро чужеземцам. Родившийся от этой связи Адонис был столь хорош собой, что им увлеклась сама Афродита. Их действия настолько оскорбили Афродиту, что разъяренная богиня отправила дочерей в Египет. Так объясняют обычай возникновения там храмовой проституции. Впрочем, согласно иной версии богиня внушила дочери Кинира страсть к ее отцу.

Древний стеатитовый сосуд

Как гласит легенда, Кинир приобщил остров к благам цивилизации, открыв в ее недрах медную руду и организовав ее добычу и выплавку. Обитатели острова вели торговлю медью. Подъем и расцвет острова относят к 1450 году до н.э., когда Кипр стал важным посредническим центром в торговых операциях меж эгейским миром и побережьем Сирии и Палестины. Критяне открыли Сицилию, проникли на п-ов Пелопоннес. После двух катастрофических землетрясений XVI века часть населения Крита переселилась на Сардинию, Корсику, Балеарские о-ва и далее на Пиренейский полуостров. По мнению ученых, критские мореходы «были

первооткрывателями берегов Юго-Западной Европы». Торговля медными изделиями, что делались в их мастерских, давала немалую прибыль. Кинир любил труд, миролюбие и более всего на свете ненавидел войну. Когда он узнал от Одиссея о предложении Агамемнона принять участие в Троянской междоусобной войне, он стал думать, как бы лучше выйти из щекотливого положения. Агамемнон просил корабли, но те находились в рейсах, будучи задействованы в торговых операциях. Царь выделил для авантюры Агамемнона лишь одно судно, а остальные 49 кораблей вылепил из глины, да так искусно, что их нельзя было отличить от настоящих. Разумеется, выведенные им в море глиняные муляжи сразу же пошли на дно. Так царь увильнул от совершенно бессмысленной бойни, сберег людей, послав ахейцам для их забав – один корабль.

В середине XIII века до н.э. разразилась война греков-ахейцев с жителями Трои, что находится в Малой Азии. Хотя Кипр и не принял прямого участия в той войне, но выступал союзником ахейцев, о чем говорит и то, что царь Кипра Кинир послал вождю греков Агамемнону бронзовый панцирь к битве. За время долгой Троянской войны связи киприотов и ахейцев стали крепче. Кипр назывался тогда Алазией. К концу XIII века относят движение «народов моря», кочевых племен и морских пиратов, о коих сказано в египетских документах. Трудно сказать, что послужило окончательному разрушению древней столицы (набеги пиратов или землетрясение), но в начале XI века до н.э. жизнь в Энкоми практически полностью исчезла. Возможно, что и Кипр, подобно Египту, подвергся нашествию гиксосов. Остались одни развалины – останки древних стен с башнями и воротами. В центре города археологи обнаружили святилище «Рогатого бога», где найдена статуэтка Аполлона Керастаса, бога покровителя скота у греков. Видимо, когда города Греции разрушило нашествие дорийцев, сюда же хлынули обитатели микенской Греции.

Среди материалов раннебронзового периода выделяются находки в северной части Кипра – в некрополе Вунус (III тыс. до н.э.). Тут были найдены вырубленные в скалах камеры-гробницы. В усыпальницах представлены разные предметы, обычно сопровождавшие умерших в загробный мир (вазы, фигурки молящихся, художественные композиции). Тут же были обнаружены и первые письмена киприотов, существовавшие еще до прихода сюда

микенцев. В 30?х годах XX века французский археолог Шеффер обнаружил остатки города Энкоми, который датируется началом II тысячелетия до н.э. Древней столицей Кипра была Энкоми-Алазия (1600—1050 гг. до н.э.). Сюда и добрались ахейцы (микенские греки), осев в прибрежных городах. Образовав ряд царств, они вели торговлю с Критом и Востоком. В одной гробнице была найдена прекрасная серебряная чаша, образец кипро-микенского искусства.

На Кипре существовали и другие города – Китион близ Ларнаки, Курион недалеко от Лимасола, Палей Пафос в юго-западной части острова. По легенде, город Саламин на восточном берегу Кипра основан Тевкром, братом Аякса. С ахейцами пришла микенская культура. Т. Блаватская пишет: «Уже в XI веке позднеахейские царства на Кипре достигли значительного благосостояния, как свидетельствуют остатки нескольких дворцов и городские некрополи, раскопанные в 1960—1990-х годах. Документы из кипрских полисов указывают на сохранение там царской власти даже в V веке, что позволяет предполагать применение там некоторых правовых установлений, созданных еще ахейскими династами. Ведь традиционность была характерной чертой материальной и духовной жизни кипрских эллинов». Мифы на Кипре сливаются с мифами Древней Греции, а греческий элемент вскоре стал преобладающим в островной культуре. Самая большая гора тут названа Олимпом, как и в Греции. Широкое распространение получил греческий язык. Если в Греции, разоренной дорийским нашествием, достижения микенской культуры были одно время забыты, тут они сохранялись дольше. Кипр стал своего рода убежищем народов от превратностей судьбы. Когда воинственные ассирийцы захватывали или разрушали города Финикии, обогатившейся на пиратстве, торговле, махинациях, сюда ловкие купцы увозили и прятали свои богатства. Так уводят на Кипр капиталы, в разного рода офшорные зоны, их весьма ловкие наследники, «финикийцы России».

Развалины кипрских городов

В 709 году до н.э. правители нескольких кипрских городов отказались от власти в пользу Ассирии, Саргона II Ассирийского (это событие запечатлено на каменной стеле из Китиона). Здесь еще раз, пожалуй, хотелось бы обратить внимание читателя на обширное культурное взаимодействие, которое уже в те отдаленные времена существовало между различными регионами мира. В одной из гробниц некрополя Саламина среди множества найденных украшений найдено большое погребальное ложе, дошедшее в фрагментах. Изумляет пластинка из слоновой кости с фигурой идущего сфинкса. Поверхность рельефа украшена вставками из золота и синего стекла. Мастерство художника превыше всех похвал, но не менее важен и сюжет. Образ сфинкса, на голове которого двойная египетская корона, безусловно, навеян Египтом, а стиль исполнения говорит о переднеазиатском происхождении великолепного памятника культуры. В центре Саламинского некрополя находится и христианская часовня, которая известна под названием «Гробница Св. Екатерины» (тут хоронили умерших первые христиане, а с VII в. ее превратили в христианскую часовню, которая функционирует и поныне). В некоторых погребениях были найдены прекрасные скульптуры, стиль исполнения которых напоминает стиль скульптора Лисиппа.

Театр в Соли. II—III вв. н.э.

Кипр – место стечения многих культурных влияний (сирийско-палестинского, египетского, греческого и т.д.). На острове существовала большая финикийская область, где греческий и семитский элементы издавна существовали бок о бок, время от времени вступая в жесткую конфронтацию. Историки так представляют себе деление Кипра около середины IV века до н.э.: «Саламин – греческий город с закрытым удобным для зимовки портом, Карпасия, Кериния, Лапиф – финикийские, Солы (также с гаванью, удобной для зимовки), Марий – греческие, Амафунт – туземный. … Есть еще внутри острова и другие варварские города». Сюда надо бы добавить и главный оплот финикийского влияния – город Китий, «кипрский Карфаген», давший немало надписей и монет персидского времени. Эта богатая смесь культур стала следствием постоянной смены чужеземной власти: с 1500 и с 569 по 526 год до н.э. остров принадлежал Египту; в 800 году перешел к финикийцам; в 709—669 годах тут господствовали ассирийцы; с 535 года им владели персы, которых в 333 году сменили македонцы, уступившие место в 294 году птолемеевскому Египту; наконец, с 58 года до н.э. он вошел в состав римской провинции Киликия; а в 1571 году н.э. он захвачен турками. Естественно, у него сложная и запутанная история. На юге, у моря некогда появились колонии финикийцев (начало I тыс. до н.э.), а с конца VIII века в этих местах начался период господства ассирийцев. Имеется посвятительная надпись знатного финикийца, относящаяся к IV веку до н.э., что составлена была как на финикийском, так и на греческом языке (причем греческая версия изложена кипрским

слоговым письмом). Впоследствии билингвизм дал ученым ключ к дешифровке этих языков.

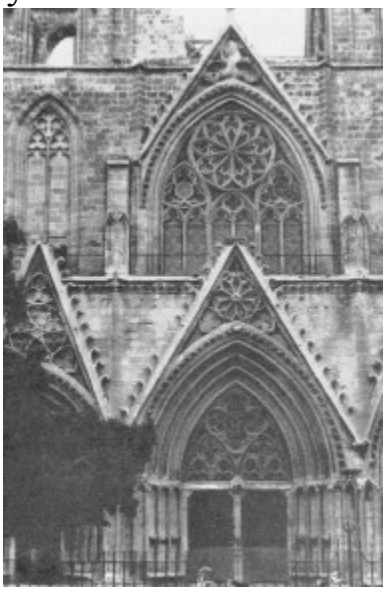
История полна драматических страниц борьбы киприотов против захватчиков. В V и IV веках имели место восстания киприотов против персов, подчинивших себе весь Ближний Восток. Вплоть до похода Александра Македонского Кипр находился под властью персов. После смерти Александра острая борьба за обладание островом развернулась между царями Птолемеем и Антигоном. Последний царь Саламина, Никокреонт, принял сторону последнего, был осажден войсками Птолемея и, видя безвыходность положения, покончил жизнь самоубийством, сгорев заживо вместе с семьей в пламени пожара (ему воздвигли некрополь). При Птолемее столицей стал Пафос, согласно преданию основанный вождем ахейских греков Агепенором. Тут был воздвигнут знаменитый храм Афродиты. Близ этого места богиня любви и красоты, как гласит легенда, появилась из морской пены. В 58 году до н.э. власть над островом перешла к Риму, что способствовало развитию Пафоса. Тут найден остов римской городской виллы с великолепными мозаиками, среди которых выделяется фигура леопарда, пасть которого держит голову лошади. Некоторым ближе фрески «Дома Диониса» с фигурами бога вина Диониса и Икария, первого человека, которого Дионис научил возделывать виноград и изготовлять вино. Фреска не лишена морализующей идеи.

На ней изображены двое пьяниц, один из которых уже лежит, а другой стоит над ним, пошатываясь. Видимо, они прославили себя, ибо указаны их имена и сцену венчает лаконичная надпись: «Те, кто первыми пили вино». Романтические натуры, вероятно, скорее обратят внимание на фреску, повествующую об истории любви Пирама и Фисбы. Кипрские Ромео и Джульетта стали ярким сюжетом античной литературы. Раскопки «Дома Диониса» (с 1962 г.) говорят о значительном влиянии на Кипре в начале нашей эры римской художественной школы. Среди других останков былого великолепия назовем палестру гимнасия в Саламине (IV в. н.э.). После землетрясения ее превратили в публичные термы. Интересен и выстроенный в начале I века н.э. театр. В VII веке город Саламин был разрушен арабами и заброшен.

Силен с пантерами. Деталь из «Дома Диониса» в Новом Пафосе

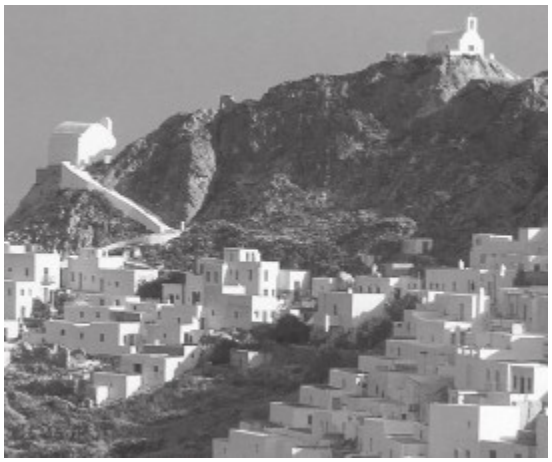
Что же касается древнейших христианских построек на Кипре, то это базилика св. Епифания в Саламине и базилика V века в Курионе, а также известная во всем мире церковь в Кити, близ города Ларнаки, на южном берегу острова. Церковь носит имя Панагии Ангелоктистос (Всеблагой госпожи ангелов) и в ней хорошо угадывается образ Богоматери с выразительными глазами и Младенцем на руках. Крест над головой Богоматери говорит о христианском происхождении орнамента. Среди объектов архитектуры – византийские базилики начала X века, небольшой монастырь апост. Варнавы близ Саламина (по преданию, апостол проповедовал христианство на Кипре в I в. н.э.) и церковь Св. Варнавы и Илариона в Перистероне. Хотя наибольшей известностью среди кипрских монастырей пользуется монастырь Кикко, основанный около 1100 года в горах к юго-западу от Никосии. Расположен он в очень живописном месте и назван по особой породе деревьев, покрывавших гору. Белые галереи монастыря, обрамленные красной черепицей, чем-то напоминают парусник, заброшенный океаном в заросли кустарника. Кипр, с его исключительно выгодным расположением, привлекал внимание множества воинственных и торговых держав. Поэтому здесь можно найти следы крестоносцев, византийцев, генуэзцев, турок. Не миновал остров и Ричард Львиное Сердце, когда штормовой ветер пригнал корабли крестоносцев к острову (1191 г.). Властитель острова и наместник византийского императора Исаак Комнин попытался захватить в плен невесту молодого короля Ричарда. Король разбил его войско, захватил остров,

взял в плен и самого Комнина, тем самым положив конец господству византийцев, а затем обручился с невестой.



Фасад собора Св. Николая в Фамагусте

Видимо, большое впечатление производила средневековая Фамагуста, основанная Птолемеем II Филадельфом в начале III века до н.э. Она расположена на берегу моря близ древнего Саламина. При лузильянцах (рыцари де Лузиньяна) фактически город стал второй столицей Кипра. В кафедральном соборе Св. Николая короновали кипрских королей. Окруженный мощными стенами город-порт и ныне представляет величественное зрелище. Здесь же к северу от Морских ворот расположен замок Кастелло, с которым связана всем известная романтическая история любви Отелло и Дездемоны. История венецианского мавра Отелло подсказана Шекспиру судьбой Христофора Моро, командующего венецианскими войсками на Кипре в начале XVI века, который, вероятно, потерял на Кипре горячо любимую жену. В конце XVI века Кипр был взят турками, и многие редкие памятники древности погибли при осаде.



Кикладские острова. Дома на Серифосе

Таким образом, Кипр на протяжении всей истории являл собой своего рода передовой форпост, у которого встречались различные культуры, разные царства и правители. Тут побывали персы, греки, Птолемей, Александр Македонский, мусульмане. Кипр – остров-феникс. Это государство было покорено многими, но тем не менее всегда сохраняло греческий дух, сохраняло приверженность обычаям и нравам цивилизации Эллады.

В конце XVI века до н.э. существовал ряд развитых микенских центров. На многих островах Эгейского моря будут в дальнейшем находить крито-микенские и минойские колонии, вплоть до Липарских островов на западе – коммерческие точки. Регулярную торговлю с Критом поддерживал и Египет, что благоприятно сказывалось на всех областях микенской культуры. Неожиданно на Фере случилось извержение вулкана (ок. 1740 г. до н.э.). Тот взрыв уничтожил почти 85 кв. км поверхности острова и нанес огромный ущерб Восточному Средиземноморью. Горячая вулканическая зола, серный газ, проливные дожди, землетрясение обрушились на близлежащие острова. Большая часть острова оказалась покрыта пеплом, уничтожившим поля и плантации, а уцелевшее население вынуждено было покинуть Крит. Беженцы с острова направились в материковые микенские центры, вдохнув в них новую жизнь.

Микенская Греция

Греция вступила на историческую арену позднее тех стран, о которых говорилось ранее. Благодаря посетившему Грецию в 70-х годах II века н.э. Павсанию, мы имеем уникальную возможность почерпнуть из «Описания Эллады» (10 книг) богатейшую и разнообразную информацию. Предтечей будущей славы Греции, как известно, стала крито-минойская цивилизация, создавшая первое государство и самобытную письменность. Поэтому ученые нередко и начинают их повествование с «Ахейской Греции» или «Микенской Греции». Как мы убедились, Микены на протяжении веков были важным политическим центром Эллады, а микенский диалект являлся древнейшим диалектом греческого. Согласно традиции, основателем Микен был античный герой Персей. Тут он якобы потерял наконечник меча, сочтя это знамением для основания города. Согласно другим версиям, имя городу дал водный источник или же женщина (царевна Микена), о которой как о «пышно-венчанной» писал Гомер в его «Одиссее». А. Лосев высказал даже такую догадку: «Если Гомер говорит о какой-то забытой героине Микене, то возникает вопрос, не была ли в свое время Микена богиней Микен, как в последующие времена Афина – покровительницей Афин».

Исключительно важную роль при изучении Древней Греции занимает и изучение памятников письменности той поры, начиная с 2000 года до н.э., времени, когда племена пришли на территорию Эллады. От тех былых ахейских царств, Кносского и Пилосского, осталось немало документов в виде письменных табличек. Писцы-ахейцы хотя и вели на глине только текущую документацию, особо не заботясь о длительной сохранности табличек, но все же их творения

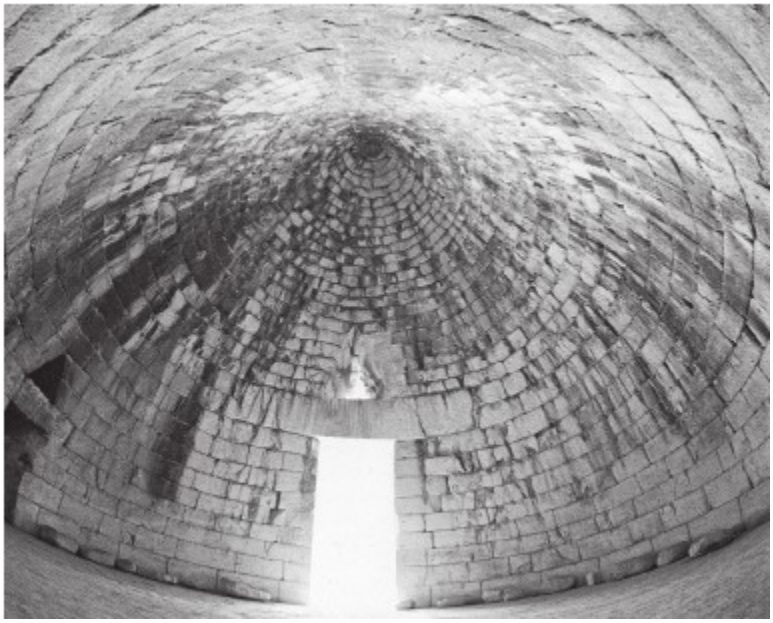
дошли до нашей эпохи. Оставаясь необожженными и лишь высушиваясь, документы смогли дойти до нас в целости и сохранности, видимо, только благодаря случайному, совершенно непредвиденному обжигу в огне пожаров, разрушивших помещения дворцовых архивов. Источники эти, наряду с работами ученых и писателей, учитываются в последующем анализе.

Персей и Андромеда

Павсаний, давая описание тех мест, заодно указал на жесточайшее соперничество среди греческих племен и полисов: «Аргивяне разрушили Микены из зависти. При нашествии мидян аргивяне не проявляли никакой деятельности, микеняне же послали в Фермопилы 80 человек, которые приняли участие с лакедемонянами в их подвиге (сражаясь рядом с ними). Это славное их поведение и принесло им гибель, раздражив аргивян. До сих пор все еще сохранились от Микен часть городской стены и ворота, на которых стоят львы. Говорят, что все эти сооружения являются работой киклопов, которые выстроили для Прета крепостную стену в Тиринфе. Среди развалин Микен находится (подземный) источник, называемый Персеей».

В цепочке исторических связей следует помнить и о том, что Атрей был сыном Пелопса (т. е. дед Агамемнона и Менелая). Вся история семейства Атридов полна убийств и преступлений. Они шли к власти через убийства братьев, кражу сыновей, травлю и воспитание из них убийц отцов. Видимо, в прошлом Пелопса, которого называют лидийцем и фригийцем, победил и изгнал из Трои ее царь – Ил. Таким образом, и война Атридов против Трои (согласно этой версии) приобретает совершенно иной смысл, а именно возвращение их на землю предков. По древнему преданию, Илион мог быть взят только при условии перевоза костей Пелопса под стены Трои. В Микенах в

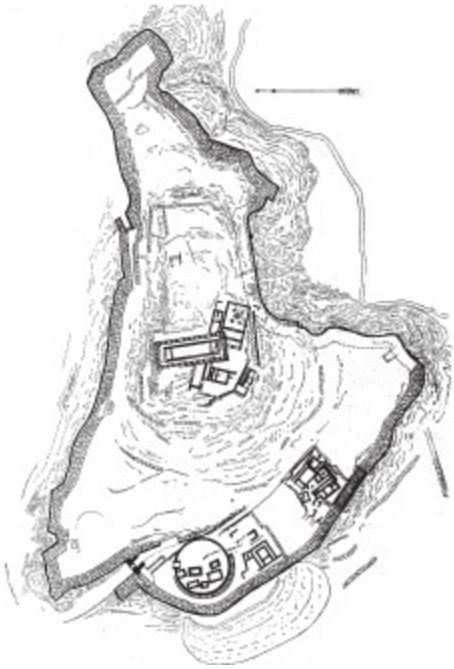
подземных сооружениях Атрея и сыновей хранились их сокровища и богатства. «Тут могила Атрея, а также и могилы тех, кто вместе с Агамемноном вернулись из Илиона и которых Эгисф убил на пиру. А на могилу Кассандры претендуют те из лакедемонян, которые живут около Амикл; вторая могила – это Агамемнона, затем – могила возницы Эвримедонта, дальше – могилы Теледама и Пелопа. Говорят, что они были близнецами, рожденными Кассандрой, и что их еще младенцами зарезал Эгисф, умертвив их родителей. И (могила) Электры; она была женою Пилада, выданная за него замуж Орестом. Гелланик сообщает, что от Электры у Пилада родились два сына – Медонт и Строфий. Клитемнестра и Эгисф похоронены немного в стороне от стены; они были признаны недостойными лежать внутри стен города, где похоронен и сам Агамемнон и те, которые были убиты с ним».



Сокровищница и могила Атрея

Микенская цивилизация занимала промежуточное положение между Египтом и классической Грецией, достигнув расцвета примерно в 1600 году до н.э. Затем она распространила свое влияние на большую часть тогдашнего античного мира (Египет, Троя, Италия, Восточное Средиземноморье). Ей посвящены многие труды, включая труд греческих ученых К. Цунтаса и И. Манатт «Микенский век» (1897) и книгу У. Тейлора «Микенцы». По давней греческой традиции считается: племена дорийцев вторглись в Пелопоннес с севера в конце

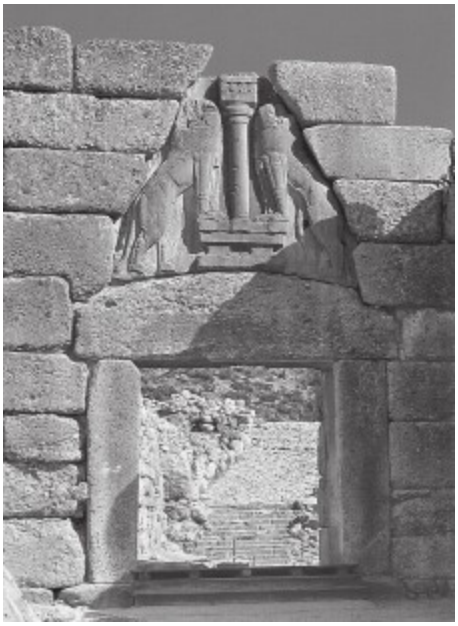
II тысячелетия, а затем проникли на Крит и острова Додеканезы. Тейлор считает: вероятно, что предки греков пришли с востока, пройдя через северное анатолийское плато в Трою (по земле или морю – не ясно). Иначе говоря, он допускает, что они могли иметь индоарийские корни, поскольку микенская керамика в некотором роде была похожа на серые изделия с северо-востока Ирана. Захватчики принесли с собой сюда новые виды вооружений, и прежде всего кавалерию и колесницы, что позволило им удержать территории.



План поселения Микены

Во время миграционных переселений те или иные племена привносили в новые места заселения свой язык. Сами греки признавали существование трех диалектов: ионийского, эолийского, дорийского и предполагали существование трех больших племен. По мнению многих, «микенский» представляет собой архаическую форму греческого языка, проявляющего однообразие везде и всюду, где его обнаруживали – в Кноссе, Пилосе, Микенах, Фивах и т. п. О микенской культуре С. Маринатом (Афины) говорит следующее. Первые «греки», по его мнению, вторглись в Грецию в начале II тысячелетия до н.э. В XVI веке появляются самые ранние микенцы, представляя аграрное население, живущее в небольших селах или поселках. Самым большим из таковых был в то время Орхомен. В те времена городская цивилизация существовала только на Крите,

население которого уже около 1580 года до н.э. было знакомо с минойской культурой. Это доказали раскопки в Микенах и подтвердили работы в Перистерии (Трифилия). Однако в остальных микенских поселениях сами условия жизни были еще очень примитивны. Ученый полагает, что первые правители тех мест, возможно, пришли из Сирии, находившейся в то время в контакте с Египтом. Они принесли с собой элементы восточной материальной культуры и влияние минойского искусства. Захватив Микены и овладев ее богатствами, они стали и первой ее правящей династией. На восточное происхождение указывает наличие двойной царской семьи и обычай изготовления маски, представляющей мертвого живым, обычай, хорошо известный в эпоху неолита обитателям Египта и Сирии. К сожалению, пока археологи не нашли городских архивов Микен, а потому историю микенской Греции (Ахиявы) изучают по артефактам, в частности по хеттским письменам.



Львиные ворота в акрополе Микен

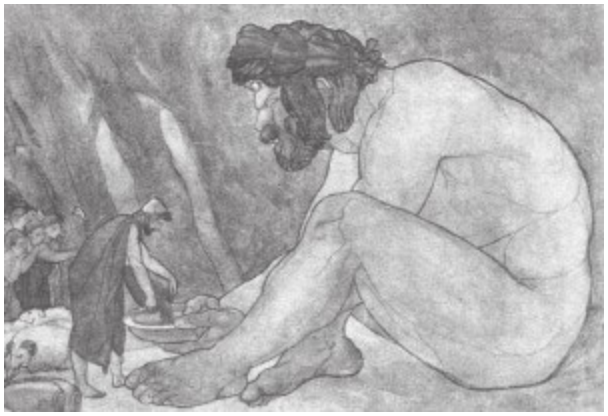
Знаменитые Львиные ворота, украшенные рельефом с изображением двух львиц, говорят о том, сколь могущественными были властители Микен. Чтобы построить такие огромные укрепления, понадобился труд тысяч людей, ведь не случайно затем получит распространение легенда, что их создали одноглазые великаны – циклопы. Под стать этим сооружениям были и каменные гробницы микенских правителей – толосы. Говоря об одной из них,

гробнице Агамемнона, польский исследователь К. Куманецкий писал: «Как в этой гробнице, так и в других поражает прежде всего монументальность самой постройки: такой не встречалось и на Крите. Массивные двери, высотой более пяти метров, перекрыты сверху двумя громадными блоками, один из которых весит, предположительно, 120 тонн… Подобные «купольные гробницы», или толосы, относятся к позднемикенской эпохе, т.е. к 1400—1200 годам до н.э. Это был период полного преобладания ахейцев в эгейском мире и возросшего могущества микенских царей, которые поддерживали непосредственные отношения с Египтом». О том, какое впечатление на души греков производили величественные гробницы царей, можно частично представить себе, прочтя стихотворение польского поэта Ю. Словацкого «Гроб Агамемнона»:

Пусть музыка причудливого строя
Сопровождает этих мыслей ход.
Передо мной подземные покои,
Агамемнона погребальный свод.
Здесь кровь Атридов обагрила
плиты.
Сижу без слов средь давности
забытой.
Невозвратима арфа золотая,
Которой описанья лишь дошли.
Я старину в расселине читаю,
Речь эллинов мне слышится вдали.

Микены были одним из наиболее могущественных государств-городов. В канун Троянской войны под властью Микен находилось все Центральное и Восточное Средиземноморье, но оно не было уже столь сильным, как раньше. В середине XIII века до н.э. столица Микен и сама пострадала от внезапного вторжения. Возможно, это нападение случилось в ходе гражданской войны. Кстати, и война против Трои – отражение той же тенденции жесточайшего соперничества малых, но агрессивных государств данного региона. Падение Трои одни относят к 1260 году до н.э., другие соглашаются с Эратосфеном, который

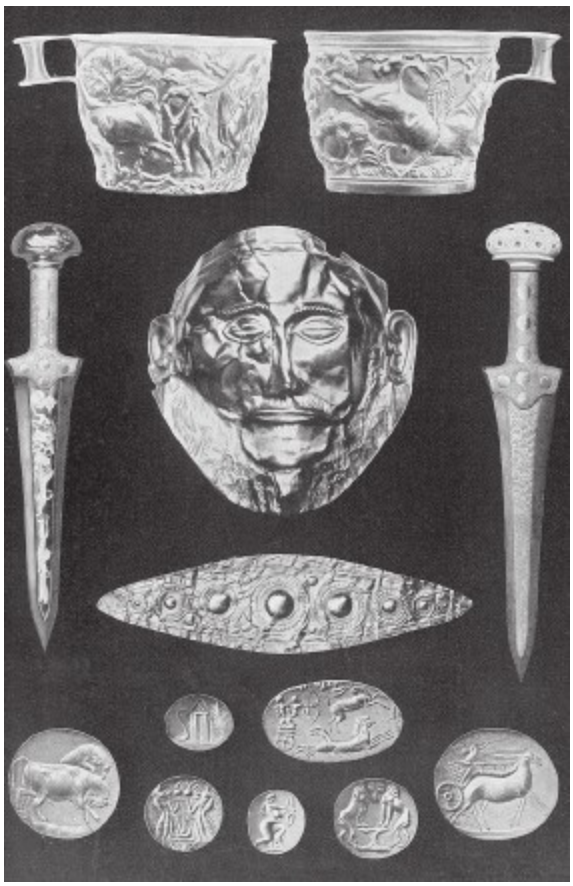
называл дату 1184 год до н.э. Видимо, случилось это в последней трети позднеэлладского периода. Тогда были разрушены многие укрепленные города материковой части: Микены, Тиринф, Мидия, Пилос. Надо сказать, что Микены были древнейшим городом Греции. Сюда и устремился в 1876 году Г. Шлиман, резонно полагая, что на земле, где должны были находиться могилы Агамемнона, Эримедона, Кассандры и других героев, его ожидают и самые потрясающие открытия. Он не ошибся, обратив внимание прежде всего на внутреннюю часть акрополя. Микенская цитадель была окружена стенами, сложенными из огромных камней (ширина стен – 6 м). Подобные развалины крепостных стен есть и в Греции, но о них обитатели материка не могли поведать ничего.



Циклоп Полифем

В Микенах Шлиман обнаружил пять гробниц, которые по их научному значению затмили сокровища царя Приама, найденные им на месте Трои. И вот что он нашел. В четвертой гробнице археологическая экспедиция Г. Шлимана обнаружила пять больших медных котлов, один из которых был наполнен золотыми пуговицами (68 золотых пуговиц без орнамента и 118 золотых пуговиц с резным орнаментом). Рядом с котлами лежал ритон – серебряная голова быка (высотой около 50 см) с крутыми, изогнутыми золотыми рогами и золотой розеткой во лбу. Пасть, глаза и уши этого быка-ритона были покрыты слоем позолоты. Тут же лежали две другие головы быков-ритонов из листового золота. В других могилах были найдены золотые лавровые венки, диадемы, украшения в виде свастик (что указывает, видимо, на арийский источник происхождения). Н. Ионина пишет: «Но самой замечательной среди всех найденных (золотых масок) оказалась одна маска, которая сохранилась гораздо лучше, чем все остальные.

Она воспроизводит черты, испокон веков считающиеся эллинскими: узкое лицо, длинный нос, большие глаза, крупный рот с несколько пухловатыми губами… У маски – глаза закрыты, кончики усов чуть закручены кверху, подбородок и щеки закрывает окладистая борода». Правда, П. Фор характеризует эти маски как «весьма уродливые». Могилы были буквально набиты золотом. Но для Г. Шлимана было важно не золото, хотя тут его было почти 30 килограммов. «Ведь это могилы Атридов, о которых говорил Павсаний! Это маски Агамемнона и его близких, всё говорит за это: и число могил, и количество погребенных (17 человек – 12 мужчин, 3 женщины и два ребенка), и богатство положенных в них вещей… Ведь оно столь огромно, что собрать его мог только царский род. Шлиман не сомневался в том, что маска человека с бородой закрывала лицо Агамемнона». Позднейшие исследования показали, что маска была сделана почти за три столетия до рождения Агамемнона, но она ассоциируется с микенским царем и так и называется: «Маска Агамемнона».



Предметы крито-микенской культуры: золотой кубок, маска, кинжалы

Иные города, Гла, Зигурис, Проимна, Бербати, Каракос, были покинуты жителями. Что же касается известного похода против Трои, то, вероятно, он имел место за ряд десятилетий до первых событий, о чем говорит Гомер, да и другие поздние авторы. В Греции нашли приют и пристанище многие племена. Как писал А. Хомяков, вся Эллада, от границ славянской Фракии и до южной оконечности Пелопоннеса, была населена «сбродом племен». Эллины пришли с севера. Эпир был жилищем племен варварских, от самых границ славянской земли. А древние жители Эллады, загадочные пеласги, исчезли в смеси с северными пришельцами, утратили свой быт «от влияния их воинской деятельности и забыли свой язык, в завоевательном движении чуждого просвещения». В древности греков называли ахейцами (греками звали их италийцы). О народах, населявших Грецию до прихода греков, традиция сообщает немногое. Они делились на дорян, этолян, ахеян, ионян, эолян (это лишь названия). Сами греки величали себя эллинами. Согласно легендам, в семью отца Эллина входили Эол, Дор, Ахей и Ион. «Весь род людей берет начало от эллинов», – писал Диоген Лаэртский. Конечно же, и то, и другое утверждение не вполне соответствует истине. Тем не менее большой интерес к Древней Греции, праматери европейской цивилизации, колыбели христианского эллинизма, вполне объясним. По сей день европейская культура видит в Элладе свое «золотое детство», а в детстве всегда присутствует сказка.

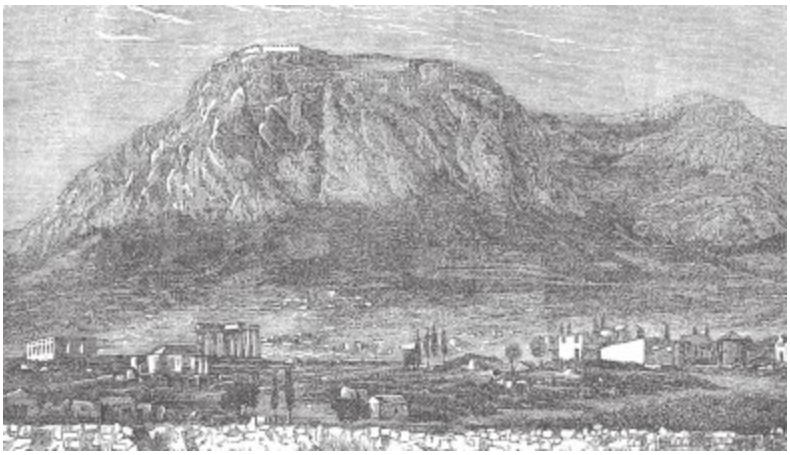
Образцы дорийской одежды

Конечно, «золотое детство греков» – это сказка, навеянная гениальным Гомером, в основе которой лежат некие вполне реальные события. Описанное им ахейское общество гораздо более напоминает толпу диких варваров, коих лишил разума Зевс-промыслитель. К сожалению, не так много источников, по которым можно изучать их богов и культы. Почти все аутентичные тексты погибли, а то, что считалось чем-то наподобие «священных врат для введения в греческую религию» (Гомер, Гесиод, Софокл), воспринимается ныне как светский источник и мало что дает для понимания самой религии. Религия и мифология греков тем не менее представляют одну из самых ярких и запоминающихся сторон мировой культуры. Как и у других народов, у греков распространена была вера в духов и культы мертвых. Они почитали деревья, животных, идолов, божков. В традиционных культах у эллинов видим черты дикости, племенной неразвитости, жестокости. Скажем, в Афинах и в крупных торговых портах Ионии даже в VI и V веках до н.э., когда уже вполне можно говорить о вступившей в свои права «весне цивилизации», греки придерживались в морали самых диких и жестоких правил. Так, в городах специально содержался второсортный человеческий материал в виде опустившегося людского отребья (калек, идиотов и т.д.). При наступлении голода или эпидемии чумы власть обычно приносила их в жертву. Несчастных побивали камнями, сжигали живьем, а перед тем их били ритуальными прутьями по членам. Пепел бедняг, что были козлами отпущения («фармаками»), развеивался над морем.

Три персидских воина

Или иной пример. В утро знаменитой битвы при Саламине, когда решалась судьба Греции, командующий Фемистокл, надеясь задобрить

богов, сжег трех пленников. Эти были прекрасные молодые юноши, одетые в роскошные одежды и украшенные золотом, к тому же еще и родные племянники персидского царя. И вот главнокомандующий греков, эрудит, задушил их собственноручно на корабле, на виду флота. Демокрит, ученый, основоположник атомистического материализма, с жестокостью садиста требовал от юных дам, чтобы девицы при менструации целых три раза обегали поля перед жатвой: мол, якобы менструальная кровь содержит заряд плодотворящей энергии.



Коринф и Акрокоринф

Завоевание Греции происходило в течение длительного времени. «В начале XVI века наблюдается усиливающееся влияние Крита на их культуру и, можно сказать, начинается влияние, известное (нам) как век Микен. Государства микенского типа, подобные описанному в «Илиаде», начали образовываться в Афинах (хотя не очень значительные) и в Аттике. Сильнее всего власть Микен проявилась в Пелопоннесе, где Пилос управлял Мессенией, а также в группе крепостей в Арголиде, зависимых от Микен. Лежавшая между двумя этими территориями Лакония практически не исследована, и ее микенская столица еще не открыта. Следует заметить, что все эти государства занимали плодородные равнины или возвышенности. Таких мест в Греции было немного, и они отделялись друг от друга высокими горными хребтами, поэтому добраться до них иногда можно было только по морю. Северо-западный район Греции в основном состоял из гор, поэтому неудивительно, что эта территория не играла практически никакой роли в истории Микен», – пишет У. Тейлор.

Город Микены просуществовал порядка 500 лет и, вероятно, был разрушен около 1100 года до н.э.

Акрокоринф – крепостные стены

Имеются данные, указывающие на то, что микенское влияние прослеживается не только в Греции, но и в Италии, где поселенцы колонизировали Апулию (это подтверждается находками археологов). Микенское влияние заметно также в Сицилии, где видны черты той же родосской культуры, что и на юге Италии. В давние доисторические времена между греками возникали жестокие споры, что и вело к войнам (такова знаменитая война семи городов против Фив, в результате которой обе стороны были уничтожены).

Своим подъемом и расцветом полисы во многом обязаны своему географическому положению. Таковым был и античный город-государство Коринф, основанный близ Истма – единственного пути из Пелопоннеса на территорию остальной материковой Греции, между заливами двух морей – Саронического и Коринфским. По словам Павсания, Коринф считался «сыном Зевса», входя в состав державы Агамемнона и представляя собой вначале, по словам Гомера, убогое поселение. Географические условия тут не были очень благоприятными. Однако именно стратегические и торговые преимущества места (контроль путей меж морями, возможность наладить широкие торговые связи с центрами Востока и Запада) сделали его важным звеном в системе региона. Наличие источников и высокой горы Акрокоринф позволило заселить, обустроить, а потом и защищать цитадель от враждебных нашествий. До появления

дорийских племен тут проживали финикийцы, другие восточные народности, а также пришедшие сюда из Фессалии эолийские племена. Около 900 года до н.э. сюда переправились на кораблях дорийцы. Первоначально они обосновались в Аркадии, захватили Арголиду, а затем вторглись в Коринфию. Так ими был подчинен Коринф, в результате чего этнический состав населения изменился. О далеком прошлом Коринфа писал поэт Эвмел в поэме «Коринфская история». Именно он отождествлял Коринф с гомеровской Эфирой – городом, в котором царствовал Сисиф (Сизиф). Эвмел также связал историю Коринфа с эолийско-фессалийскими мифами о Ясоне и Медее. В соответствии с этой мифологией первым царем Коринфа считался Сисиф. Местным героем был и Беллерофонт, чей сказочный конь Пегас стал не только эмблемой города, но и символом поэтического подъема.

Фонтан Нижней Пирены

Примерно с VIII века до н.э. начинается первый великий расцвет Коринфа, когда прекратилась политическая зависимость Коринфа от Аргоса и он основал свои первые колонии на Западе – Керкиру в 730 году до н.э. и Сиракузы в 720 году до н.э. Следствием этого процесса стало быстрое развитие его экономики, промышленный прогресс, экспорт продукции Коринфа на Запад. Развиваются и художественные ремесла, о чем свидетельствуют многочисленные протокоринфские и коринфские сосуды, расписные таблицы из святилища архаической эпохи, расписные метопы Ферма, ларец Кипсела. Коринфяне были великолепными мореходами, достигнув в период второй греческой колонизации высот в данном искусстве.

Считалось, что коринфянин Аминокл построил в 704 году до н.э. первую триеру для самосцев. В дальнейшем именно то, что обитатели Коринфа стали представлять грозную морскую силу и повели интенсивную колонизацию, часто вызывало несправедливый гнев и ненависть к ним со стороны Афин. Последние стремились уничтожить своего соперника в торговле, что неизбежно толкнуло Коринф в объятия самого грозного врага Афин – Спарты.

Тесей и Ариадна

Любопытно, что именно при тиранах (Кипселе и его сыне Периандре) расцвет экономики, искусства и культуры достигает наибольших высот. Периандр даже был назван в числе 7 главных мудрецов античной Греции. Тогда же Коринф становится одной из самых могущественных держав той эпохи, развивая отношения с царями и правителями Малой Азии, Востока и Египта. Торговля и производство разного рода изделий из бронзы и глины, разнообразные ткани привлекают сюда новых и новых обитателей и покупателей. Город стал одним из любимых мест встреч богатых людей, купцов, моряков, воинов и женщин веселого нрава. Гетер в первую очередь привлекла возможность неплохо заработать на ремесле, ибо, перефразируя Сенеку, скажем: видимо, человек по своей природе – животное похотливое и склонное к разврату и подлости.

Эфес микенского парадного меча

Любовь не может жить не только без денег, взаимности, но и без дифирамбов. Поэтому и говорят, что на Коринфе возник новый жанр поэзии – дифирамб. Среди архитектурных памятников выделяется храм Аполлона. Расцветают не только все виды искусства, но и инженерная мысль. Периандр задумал соорудить мощеную дорогу – «диолк» (волок) с глубокими желобами, по которым на специальных платформах можно было бы перевозить пустые корабли и товары с одной стороны Истма на другую.

Коринф во время греко-персидских войн (V в. до н.э.) является одной из трех великих держав греческого мира и участвует во всех битвах против персов. Соперничество с Афинами за господство на море и в торговле вело к неизбежным столкновениям с соперниками. Возвышение Афин и Спарты вскоре отодвинет его, правда, на вторые роли. Коринф стал едва ли не главным зачинщиком Пелопоннесской войны. В дальнейшем Коринф станет столицей Ахейского союза (после 200 г. до н.э.). Однако недовольство политикой римской державы привело к тому, что Коринф решил отпасть от Рима. В 146 году до н.э. полководец Луций Муммий разгромил в битве Ахейский союз и разрушил Коринф до основания. Сто лет город затем лежал в развалинах, пока наконец Юлий Цезарь не стал заново заселять Коринф (с 44 г.). Дело его продолжил Октавиан Август. В I веке н.э. в качестве римской колонии и порта город вновь пережил период подъема и расцвета. Именно в Коринф прибыл император Нерон, чтобы провозгласить свободу греческих городов (66—67 гг. н.э.).

Древняя Греция представляла собой ассоциацию городов-государств (полисов), каждое из которых имело своих богов и героев, законы и календарь. В Афинах особенно чтили Тесея, считавшегося создателем государства. О нем создано было множество легенд,

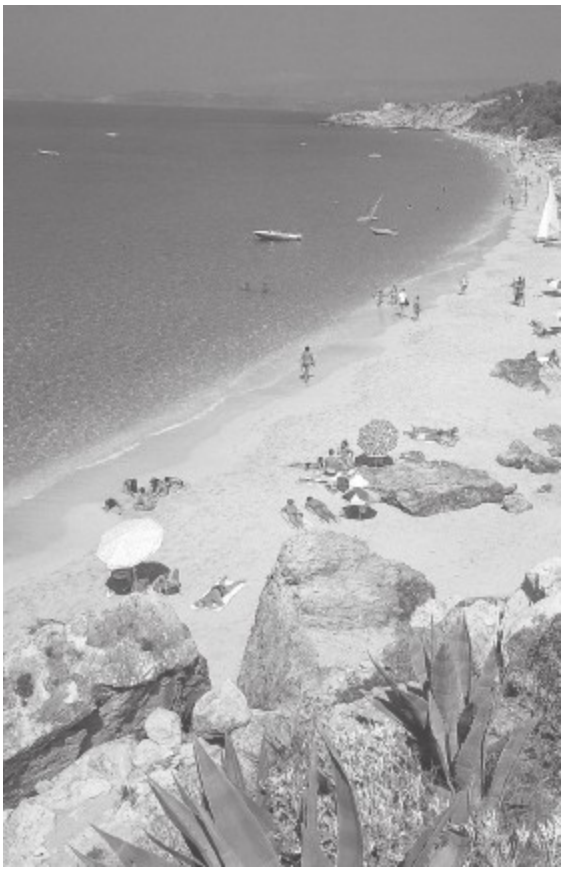
которые прекрасно знал любой афинский школьник. Деяния этого героя во многом и предопределили будущую судьбу афинского государства. До него жители Аттики частенько враждовали, будучи как политически, так и духовно разделены. Вздумав объединить их в единый народ, Тесей терпеливо обходил греков, стараясь показать им все выгоды совместного общежития, преимущества единения в битвах против врагов. Будучи от природы очень сильным, он лишь в редких случаях прибегал к силе как к последнему аргументу. Тесей утвердил и всеобщий аттический праздник – Панафинеи. Каждый год в августе в Греции проходили различные гимнастические и музыкальные соревнования (а раз в четыре года торжественно проводились Великие Панафинеи). Победители игр награждались венками или амфорами с оливковым маслом. Ему же приписывают разделение жителей Аттики на знать, земледельцев и ремесленников. Тесей уничтожил прежние общинные советы, заменив их единым советом. Этот совет располагался в центре города, названном им Афинами в честь богини-покровительницы. Совершив столько славных деяний, греческий герой добровольно сложил с себя тяготы власти, показав себя мудрым законодателем и преподав урок правителям последующих эпох, считающих себя «демократами».

«Культурная душа» не сразу обрела приют в сердцах греков… Кочевые племена, пришедшие в Элладу, вне зависимости от того, появились ли они с Балкан, из Скифии или еще откуда-либо, как и другие народы, отдали дань суеверию, первобытной дикости. Вместе с тем они выращивали злаки, охотились на дичь, сажали фиги и маслины (маслины составляли главный предмет питания греков), возделывали виноградники и делали вино. Земля давала им пищу и минимальное количество плодов (масло и вино), что можно было пустить в торговый оборот, получив за них пшеницу, ткани, оружие и т.д. Важным стратегическим фактором было владение проливами, через которые осуществлялась вся торговля с хлебными рынками на побережье Черного моря или же в Египте. Ведь около половины экспортируемого в Афины хлеба доставлялось туда из пределов Боспорского царства. О том, что хлеб в Греции и ее колониях считался стратегическим товаром, свидетельствует и клятва, которую произносили обитатели Херсонеса Таврического: «Я не буду продавать

хлеба, получаемого с полей (нашей) родины, я не стану его вывозить в другое место, помимо Херсона».

Как видим, греки две тысячи лет тому назад прекрасно понимали необходимость государственного регулирования в своем зерновом хозяйстве (чего не понимают, кажется, наши министры-экономисты). Место Греции благоприятствовало ее процветанию. Материк делился на три части: северная Греция, средняя Греция (или собственно Эллада), соединенная с Элладой перешейком южная Греция (Пелопоннес). Страна, находясь за горными хребтами, являла собой естественную цитадель, проход к которой был весьма и весьма затруднен узкими ущельями, что блестяще доказали своим подвигом 300 спартанцев царя Леонида (при мужественной обороне Фермопил).

С другой стороны, ряд греческих областей оказывался разобщен, разделен самой природой. Никаких больших рек, вроде Нила, Тигра и Евфрата, Хуанхэ, Волги и Днепра тут нет в помине. Это затрудняло связи между отдельными этническими группами, населявшими полуостров. Отсюда и сложность при объединении местных племен. Междоусобицы не раз ставили греков на грань гибели (в том числе в схватке с персами). Что говорить, если даже на маленьком острове Аморге (21 на 3 кв. мили) образовалось аж целых три независимых политических общины. Многое значила и близость к морю (в Пелопоннесе нет ни одного пункта, удаленного более чем на 7 миль от моря, в средней Греции – более чем на 8 миль). Особое значение имело то, что большое число островов, входящих в состав архипелага, образуют собой как бы сплошной мост, связывающий Европу с Азией. Среди островов на западном побережье Греции находился и остров Итака – родина гомеровского героя Одиссея.



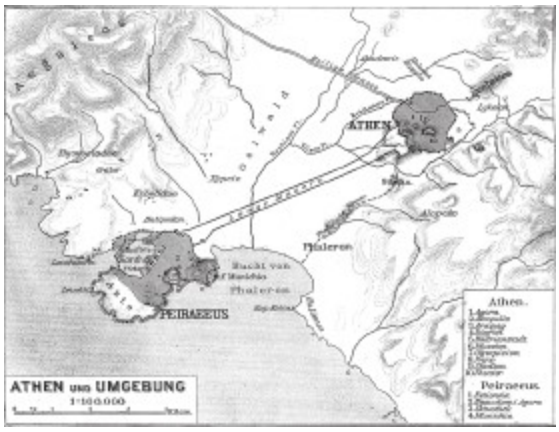
Остров Итака сегодня

Земли Аттики были богаты железом, серебром, строительным камнем, мрамором, глиноземом. В той же Аттике имелось и серебро (на юге, в Лаврии). В Греции находились такие города, как Сибарис, выделявшийся своим богатством, которое приносил серебряный рудник. За золотом же греки устремлялись далее – на северное побережье, в Македонию, Фракию, Лидию или в Колхиду. Кстати, легенда о путешествии Ясона за золотым руном, по словам Страбона, предполагала такой способ добывания золота у некоторых народов: в воду погружали шкуру барана, то есть «золотое руно», в результате чего крупинки золота оседали на его шерсти. Вышеупомянутый Сибарис, владея гаванью на Этрусском море, являлся важнейшим посредником в торговле между Милетом и этрусками. В основном на посредничестве он и сделался богатым, ради чего освобождал от таможенной пошлины даже самые дорогие товары. Все это превратило восточную часть страны, где и были расположены залежи металлов, в наиболее развитую и процветающую. Как ни странно, но находясь у моря, греки постоянно испытывали большую нужду в питьевой воде.

Пресная вода ценилась тут на вес золота. Известна даже клятва членов союза, охранявших Дельфы. Они поклялись не забирать никогда «у союзных общин проточной воды». Интересно, что пускаясь в путешествие, греки обычно говорили друг другу: «Доброго пути и свежей воды».

Корабль древних греков

Море в описываемые времена играет все более важную роль (в вопросах торговли, жизнеобеспечения и обороноспособности стран). Не была исключением и Греция. Если Египет был создан Нилом, то судьба Греции, Крита, Кипра и Финикии во многом зависела от того, насколько те в дружбе с морем… Перикл с гордостью говорил афинянам: «Ведь вы полагаете, что властвуете лишь над вашими союзниками; я же утверждаю, что из обеих частей земной поверхности, доступных людям, – суши и моря, – над одной вы господствуете всецело, и не только там, где теперь плавают наши корабли; вы можете, если только пожелаете, владычествовать где угодно. И никто, ни один царь, ни один народ не могут ныне воспрепятствовать вам выйти в море с вашим мощным флотом». Афины, возглавляя Морской союз, являлись крупнейшим морским гегемоном той эпохи (заметим, в этот союз входило одно время до 200 государств). Господство на море позволяло держать в руках и морскую торговлю.

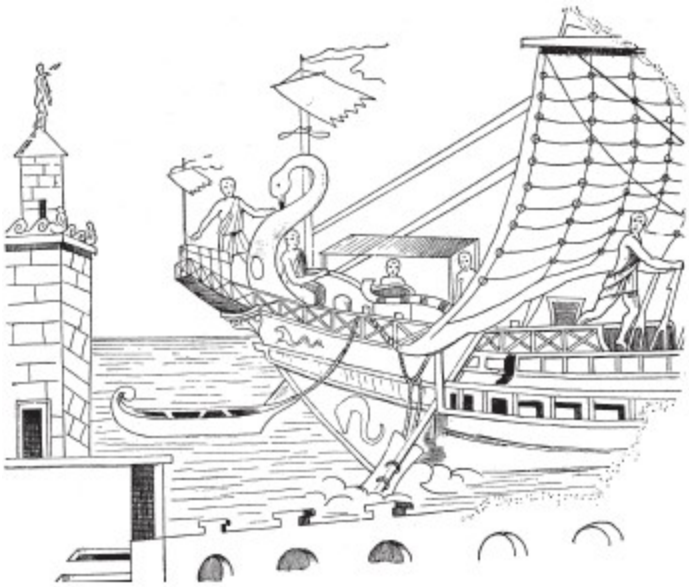


Карта города Афины с портом Пиреем

В порт Афин, Пирей, хлынули потоки иноземных товаров. Подсчитано, что один лишь пирейский большой порт обеспечивал место для одновременной стоянки 372 судов. Строительство порта обошлось афинянам в 100 талантов (6 млн драхм), что равнозначно 26 тоннам серебра. В итоге Афины стали монополистом в торговле хлебом, доставляемым с Понта, Эвбеи, Родоса и Египта. После обеспечения себя хлебом афиняне позволяли капитанам идти в другие места, заботясь и о том, чтобы купцы, путешественники, паломники имели пристанище и приют в иных портах. «Когда составится капитал, то хорошо и полезно построить для судохозяев около пристаней городские гостиницы, для купцов – соответствующие места для купли и продажи, для отправляющихся же в город такие же гостиницы в городе. А если бы устроить помещения и лавки и для мелких торговцев – в Пирее и в самом городе, то это доставило бы городу и украшение, и большие доходы», – отмечал Ксенофонт. Весьма толковое замечание.

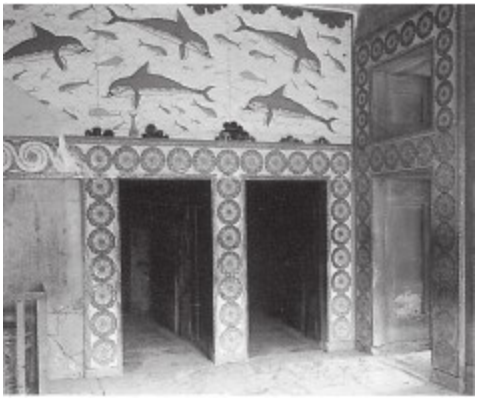
Гипподам – архитектор Пирея и ряда городов

Греки прекрасно сознавали ключевое значение моря в своей жизни. Умеренный климат и в общем-то скудная почва не позволяли им надеяться исключительно на богатства недр или сельское хозяйство. «Власть над Грецией – власть над морем», – говорили греки. Эгейское море они имели обыкновение называть «Царь-морем». Жизнь народов Средиземноморья пестрит морскими событиями. Ключевые пути в пределах Эгейского моря жестко контролировались с помощью флота. Ведь уже ко времени Пелопоннесской войны у Афин было 300 триер, Коркира имела 10, Хиос – 60, Мегара – 40 триер. В битвах за главенство на море принимали участие даже интеллектуалы: так, флот Самоса в 441 году возглавил философ Мелис, разбивший флот Афин во главе с Софоклом. Племена на юге и западе Греции, где впервые развилось мореходство, вскоре и составили своего рода межплеменное сообщество. Каждое из них «сообщало другому все, что ему было известно по мореплаванию и этнографии, все, что оно изведало на море, все сведения о судостроении». Ранее всех приобрело устойчивые морские навыки племя дарданцев, считавшее, что их родина – Крит. Историк Э. Курциус относит к этой ветви и ионийцев, живших в Лидии. Лидия с ее прекрасными портами стала соперницей Финикии в торговле.



Античный корабль в порту

В немалой степени можно судить о мощи греков и на основании данных, приводимых в «Илиаде». Вождь микенцев Агамемнон привел под Трою сотню кораблей, второе место у пилосцев – 90 кораблей, третье у аргивян и критян – по 80 кораблей, спартанцы и аркадцы – по 50, афинский и мирмидонский флот – по 50 кораблей. Всего к Трое прибыли 1186 кораблей. Базой флота царя Агамемнона был Иолк, откуда аргонавты на корабле «Арго» («Быстрая») начали путешествие. До конца эпохи античности корабль «Арго» считался первым плавающим кораблем. Были у Агамемнона и другие морские базы, стратегическое значение которых велико. Надо добавить, что морская жизнь греков, помимо обычной торговли, была неразрывно связана с их разбойным промыслом. Все это было в порядке вещей. Критяне, дабы очистить архипелаг от пиратов и стать хозяевами на морских путях, сами создают на Кифере и Эгилии пиратско-военные эскадры. Спартанец Хилон всегда ожидал нападения именно отсюда. Против финикийских пиратов действовали эскадры греков. Царь Минос отправился в Грецию морем мстить за украденного сына. Его корабли ведут дельфины (в память об их помощи он и учреждает культ Аполлона Дельфийского). Утверждают, что наиболее оживленные морские трассы тех времен – или так называемые «тропы Аполлона» – также проложили умные дельфины.



Дельфины на стенах дворца в Кноссе

Путешествие Одиссея. Одиссей и его спутники

Море становилось ареной открытого разбоя. Цари не отличались от разбойников, возглавляя эскадры пиратов и похваляясь войнами, грабежами («Илиада», XIV, 229—234). Ахилл делает набег из Арголиды в Мисию, крадет из Лирнесса Брисеиду, а союзный Трое город сравнивает с землей. Сын Пелея восклицает: «Я кораблями двенадцать градов разорил многолюдных; Пеший одиннадцать взял на троянской земле многоплодной; В каждом из них и сокровищ бесценных и славных корыстей много добыл». Геракл разрушает Трою во имя того, чтоб поживиться знаменитыми конями. Агамемнон с гордостью вспоминает, как, разрушив Лесбос цветущий, он вывез оттуда немало прекрасных пленниц. Одиссей, «пират по призванию», как только корабль его прибило ветром и течениями к фракийскому берегу, тотчас начинает грабить первый же близлежащий город, считая это великой заслугой:

Прежде чем в Трою пошло
броненосное племя ахеян,
Девять я раз в корабле
быстроходном с отважной
дружиной
Против людей иноземных ходил —
и была нам удача;
Лучшее брал я себе из добыч,
и по жребию также
Много на часть мне досталось;
свое увеличив богатство,
Стал я могуч и почтен…

В другом месте Одиссей признается царю Алкиною, что, когда он, о котором идет молва как об изобретателе хитростей, приплыл к городу киконов, Исмару, он, царь Итаки, вместе с его сотоварищами-бандитами повел себя вовсе не как миротворец, но как убийца и грабитель:

Исмару: град мы разрушили,
жителей всех истребили.
Жен сохранивши и всяких
сокровищ награбивши много,
Стали добычу делить мы, чтоб
каждый мог взять свою часть.

Таким образом, читатель не должен заблуждаться ни на счет Одиссея, ни на счет прекрасной Греции, талантами и мужеством сынов которой мы еще не раз будем с вами вполне обоснованно восхищаться. Даже в самой героической части ее истории Греция фактически являлась не чем иным, как «идеальным местом для разбоя». О бесспорной склонности к пиратству обитателей этих мест писал и географ Страбон, отмечая их кровожадность. Охота за рабами породила профессию андраподистов – «делателей рабов». Поэт Лукиан назвал первым таким андраподистом самого Зевса, похитившего

красавца Ганимеда. Историк А. Валлон отмечал главные источники богатств древнейших цивилизаций: «Наиболее богатым источником, поставлявшим рабов, был всегда первичный источник рабства: война и морской разбой. Троянская война и наиболее древние войны греков по азиатскому и фракийскому побережьям дали им многочисленных пленников… Война пополняла ряды рабов, но с известными перерывами; морской разбой содействовал этому более постоянно и непрерывно. Этот обычай, который в Греции предшествовал торговле и сопутствовал первым попыткам мореплавания, не прекратился даже тогда, когда сношения между народами стали более регулярными и цивилизация более широко распространенной; нужда в рабах, ставшая более распространенной, стимулировала активность пиратов приманкой более высокой прибыли. Какую легкость для этого представляли и край, окруженный морем, и берега, почти всюду доступные, и острова, рассеянные по всему морю! Тот ужас, который североафриканские варвары (берберы) не так давно распространяли по берегам Средиземного моря благодаря своим быстрым и непредвиденным высадкам, царил и повсеместно в Греции». Тогдашняя жизнь была просто-таки ужасной. На это указывает хотя бы обычай убивать всех прибывших с моря незнакомцев. Среди «цивилизованных» греков, финикиян, критян, египтян, евреев, ассирийцев действовало правило Варфоломеевской ночи: убивайте всех, бог узнает своих. Богам, судя по всему, безразлична судьба людей.

Одиссей у волшебницы Кирки

Геракл и аргонавты (с копьями, палицами, щитами)

Как это ни прискорбно, но в самих Афинах, этой цитадели античной демократии, процветало неприкрытое рабство. Афины, которые согласно требованиям закона вроде бы должны были выслеживать похитителей свободных людей (приняв закон, что карал смертью уличенных похитителей-андраподистов), на самом деле всякий раз, когда только их не могли поймать за руку, тайно им покровительствуют. Было даже запрещено обижать их под страхом исключения из числа граждан. Причина такого покровительства проста и понятна. Государство и отдельные граждане извлекали немалую выгоду из торговли рабами и посредничества в оной. Ведь эта торговля облагалась специальными налогами, а Афины как раз и являлись одним из главных мест такой торговли. Лукиан в «Аукционе душ», описывая жизнь Эзопа, рисует немало примеров из практики торговли рабами в Риме. Но точно такие же порядки царили и в Греции, которая конечно же не была и не могла быть каким-то исключением.

Развалины Коринфа

Говоря об этой «ущербной, беспокойной и хрупкой» микенской цивилизации, что продержалась не более 400 лет в континентальной Греции и на Пелопоннесе, 200 лет – на островах и всего несколько

лет – в далеких колониях Египта, Малой Азии и Италии, П. Фор в своей великолепной книге «Греция во времена Троянской войны» попытался установить, что же некогда погубило малые царства и города-крепости. Он довольно решительно отвергает идею внешнего нашествия и уничтожения. Те же загадочные «народы моря», о которых упоминают многие источники (делая это, впрочем, как-то очень неопределенно, смутно), вряд ли могли стать первопричиной тотальной катастрофы микенских городов. Ведь их независимые правители создали мощные крепости, имели сильное войско, для тех веков прекрасное вооружение, крепкие политико-экономические структуры. Тогда что же стало причиной той смертельной угрозы, которая смела между 1250 и 1200 годами до н.э. эти процветавшие и богатые центры?

Герои Троянской войны

Надо сказать, сам Фор убедительно ответил на поставленный вопрос: «И все-таки, чтобы попытаться объяснить катастрофу, изничтожившую между 1250 и 1200 годами столько «ладно скроенных» дворцов и прекрасно укрепленных твердынь, надо одновременно принять в расчет или сложить вместе несколько причин. Наиболее распространенным мог быть следующий механизм распада: мелкие монархии так расцвели и окрепли благодаря земледелию, скотоводству и развитию ремесел, что вызвали ненависть подчиненных народов и менее удачливых соседей.

Власть царствующего дома могли ослабить сразу несколько несчастий: недороды, кораблекрушения, болезни, соперничество, недостаток взаимопонимания, старость правителя. Все это потрясало общество снизу доверху. Целый рой мелких феодалов или местных вождей восставали, отказывались платить налоги и подчиняться

чиновничьему контролю, а при случае не брезговали пиратством и разбоем. Самые храбрые сговаривались между собой и шли брать дворцы, где, как все знали, было полным-полно сокровищ, а законный хозяин, как Одиссей или Ахилл, отправился искать удачи в Троаду. Рассказы трагических поэтов об Эдипе, завладевшем городом Кадмом, или о Тесее, воцарившемся в Афинах и сбросившем старца Эгея с вершины акрополя, о Семерых против Фив, о кровавых «разборках» Атрея, Фиеста и их наследников, о бегстве Алкмеона, последнего царя Пилоса, – вся эта ужасная череда бунтов и схваток из-за наследства, видимо, в целом отражает повседневную действительность второй половины XIII века до н.э. И, если заглянуть в историю Греции XIII века н.э., мы увидим совершенно аналогичную картину, причем в тех же городах – в Фивах, Афинах, Коринфе, Аргосе, Навплии или Модоне. Византию куда в большей степени погубили внутренние склоки, чем удары внешних врагов». Французский историк резонно полагает, что велика вероятность того, что греки пали жертвой натиска соседей или сограждан, то есть гражданских, а не внешних войн.

Хотя и внешние войны, бесспорно, сыграли роль… Подобно тому как стареющие «отцы нации» в Советском Союзе попытались найти во внешней экспансии ответы на острые социальные проблемы внутри страны, не исключено, что и вожди греков, собравшиеся в поход против Трои, попытались снять тяжкий груз социальных тягот с части своего народа, предложив ему добыть грабежом злато, богатства и славу в чужих землях. Фор пишет о «гигантской массе неимущих», что имели самый мизерный доход. Все эти плотники, писцы, кузнецы, шорники, ткачи и корабелы, создавая материальное богатство, строя дворцы и укрепления, сами едва-едва сводили концы с концами. Естественно, все они с глубокой ненавистью взирали на роскошные дворцы царей, олигархов, военных баронов, генералов, так же как три тысячи лет спустя нищие, часто абсолютно бесправные труженики России взирают на сказочные дворцы новых «феодалов».

Неужто пройдет пара тысячелетий и от могущества этих царств, как от владений царя Агамемнона в Микенах или приамовской Трои, останется лишь груда камней и купольная гробница, где будет искать ответы на тайны истории XX—XXI веков новый Шлиман? И если даже родится новый Гомер, захочет ли он описать нашу жизнь?!

Гомер и Гесиод. Троянская война

Когда обращаешься к прошлому, и уж тем более к очень далекому прошлому, очертания которого размыты временем, когда отзвуки былых событий (а скорее даже их блики) дошли до нас в трудах поэтов, мудрецов, историков, философов, художников, архитекторов, скульпторов, в глубине души все же надеешься, что тебе удастся составить более или менее точную картину того, что происходило в действительности. Понимая, как трудно отделить фантазии от реальности, тем не менее с поразительной настойчивостью и упорством стремимся представить себе повседневную жизнь греков. Не потому ли, что давно наградили титулом primum inter pares (первые среди равных). Их мифы мы брали за образцы. В них видели первых богов и героев. К их землям и городам (Микены, Троя, Фивы) привлечено внимание тех историков, географов, царей, полководцев (Плутарх, Фукидид, Страбон, Александр Македонский, Ксеркс, Цезарь, Константин, Диодор, проч.), что и сами уж пару тысячелетий являются историей. Иные из них «совершали паломничество в Троаду и бродили по полям ubi Troja fuit».

Герой Троады – Гектор

Прежде всего следует понимать: всякое истинное и великое произведение народа рождается на свет неслучайно. Источник его рождения сокрыт не только в душе художника, но и в самом этносе, который жаждет выразить свои сокровенные мысли, чаяния, надежды или разочарования. Нередко его мучает боль позора и унижения… Мифы гласят, что головная боль преследовала и самого Зевса, так что Гефест раскроил ему голову и лишь тогда из головы явилась во всем вооружении великая богиня Афина-Паллада.

Появление же произведений такого ранга, как труды Гомера, бесспорно являясь исключительным событием в жизни нации, знаменует и важный этап ее развития. Гомер делает в них попытку ответить на многие ключевые вопросы его времени. И хотя, скажем, об Афинах в поэмах упоминается редко и путанно, важнее другое: насколько ярко и точно удалось выразить автору время и кипевшие тогда в Греции страсти. Кто бы персонально ни был сей автор, к какой бы культурной среде или политической платформе он ни принадлежал, сам талант и масштаб его фигуры, но главное, уровень задач и характер рассматриваемых проблем сделали произведения Гомера явлением не только национального, но и общечеловеческого масштаба. Его поэмы – плод общегреческий, не только аттический. Близкое к ним место в жизни народов займут «Божественная комедия» Данте, «Дон Кихот» Сервантеса, труды Пушкина, «Война и мир» Толстого или «Преступление и наказание» Достоевского, пьесы Шекспира.

Время обратиться к эпохе Гомера… Как бог Саваоф, Гомер соединил в одном лице историка, философа, писателя, географа. Вместе с Гесиодом они – родоначальники классической религии Древней Греции. Они «впервые и установили для эллинов родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образцы» (Геродот). Поэмы Гомера стали для древних своего рода скрижалем веры. Гомера называли «бессмертным богом». К. Маркс считал, что Гомер выше всех его богов. Впоследствии поэмы сравнивали с Библией.

Описываемый им мир богов – это человеческое общество, только перенесенное на Олимп. В самом деле, а разве на земле власть предержащая, подобно Зевсу, часто не лишена ясных этических принципов? Разве не черпает из сокровищниц дары и не распределяет их в высшей степени неравномерно и несправедливо?! Богов Гомера и

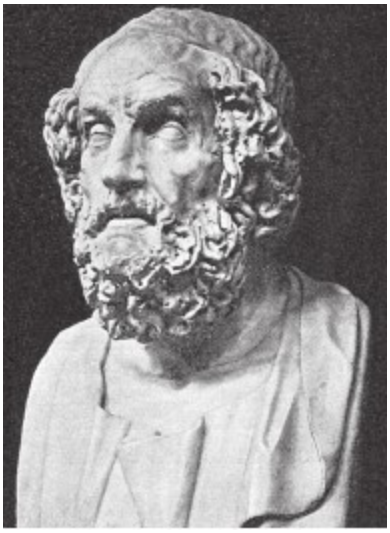
богов Гесиода можно было бы назвать аморальными. Им свойствен религиозный скепсис. Боги Гомера не добры и не злы. Но они вовсе и не «бескачественны», нет, они – равнодушны. А еще Бруно Ясенский сказал: бойся не злых или негодяев, но бойся равнодушных, ибо это с их молчаливого согласия совершаются на земле все преступления! Почему-то не недостойное поведение людей вызывает гнев богов, не позорный общественный порядок, не полнейший хаос, царящий в том мире, что им подвластен (на это им наплевать), но «личные обиды и оскорбления».

Время создания Гомером «Илиады» и «Одиссеи» относят к X веку до н.э. Не приходится сомневаться и в том, что он был человеком из плоти и крови, а не мифической фигурой, хотя греки и говорили, что его отец – речное божество – Мелет, а мать – нимфа Крефеида. Слепой («не видящий») певец жил, по разным сведениям, в VIII—VII веках до н.э. или же на рубеже IX—VIII веков до н.э. Традиционный образ Гомера представляет собой старого певца, слепого, мудрого (по Овидию, еще и бедного), являвшегося странствующим рапсодом. Такие певцы бывали и у других народов. Ему приписывали не только «Илиаду» и «Одиссею», но и ряд других эпических произведений. За право называться родиной, давшей миру греческого сказителя, спорили семь городов (ныне известно девять его «биографий», как есть и девять различных «Трой»). По мнению критика Аристарха (II в.), «Одиссея» была написана Гомером в старости, «Илиада» – в молодости.

Девять различных поселений Трои (возможно, Троя VII – Троя Гомера)

Позже заговорили о коллективном и народном источнике работ. В 1795 году теорию о коллективном творчестве высказал немец Фр. – Авг. Вольф (в труде «Введение в Гомера»). Основания для этого были. В эпоху Гомера письменность отсутствовала, как и сама возможность записывать поэмы (так думали). Позже вновь вернулись к идее единого автора, хотя не отметали и идею рапсодов (таких как Демодок). Так, против теории аналитиков, по которой творения Гомера были результатом трудов его «редакторов», выступили Шиллер, Гёте, И. Фосс (переводчик Гомера). Сегодня уже склоняются к мысли, что поскольку начало греческой письменности древнее, чем ранее предполагалось, сам Гомер мог не только сочинить, но и записать поэмы. Это был язык особого рода. Филологи определяют его так: «Язык древнегреческого гомеровского эпоса, оформившегося в Ионии, представляет собой синхронную систему, «амальгаму» разнодиалектных и разновременных элементов. И несмотря на это, поэмы Гомера и их язык воспринимались как единое целое и становились мощным фактором интеграции, литературного и языкового развития Древней Греции». Филологический анализ эпоса позволяет вскрыть и следы наддиалектного койне, восходящего к более ранней, микенской эпохе. Носителями этого диалекта в «темные века»

греческой истории были странствующие аэды, включая Гомера. Личность Гомера окутана тайной.



Гомер. Римская копия

В Грецию поэмы Гомера якобы впервые привез из малоазиатской Ионии Ликург. А. Лосев считает (видимо, справедливо), что такого рода поэмы не могли появиться внезапно, в виде произведения «только одного гениального писателя». Если даже они и были составлены одним поэтом, то, вероятно, составлялись на основе изучения и обработки многовекового народного творчества. Ведь современная наука точно установила, что в поэмах отражены самые различные периоды исторического развития греков. Впервые эти произведения были записаны только во второй половине VI века до н.э. Следовательно, народные материалы для этих поэм образовались еще раньше, «по крайней мере, за два или три века до этой первой записи, а, как показывает современная наука, гомеровские поэмы отражают еще более древние периоды греческой или, может быть, даже догреческой истории». Сие – труд ряда поколений. Одно из вероятных мест рождения поэм – Афины, где их официально исполняли.

Парис (античная статуя)

Нам же автор интересен не только как великий художник, но и как историк, философ и социолог. По словам Страбона, «Гомер превзошел всех людей древнего и нового времени не только высоким достоинством своей поэзии, но, как я думаю, и знанием условий общественной жизни. В силу этого он не только заботился об изображении событий, но, чтобы узнать как можно больше фактов и рассказать о них потомкам, стремился познакомить с географией как отдельных стран, так и всего обитаемого мира, как земли, так и моря». Поэмы Гомера и Гесиода – в первую очередь социально-эпические полотна. Как заметил российский историк, «Гомер для древнего грека любой эпохи был первой и последней книгой, учебником и энциклопедией жизни, в том числе религиозной; гомеровские боги и в классический период были отнюдь не мертвы». Будучи сторонниками и глашатаями «живой истории», считаем нужным привлечь внимание к общественно-исторической стороне его творчества.

Менелай и Елена. Изображение на зеркале. Британский музей

О чем же говорится в поэмах? Греки в поэмах Гомера выведены под именами аргивян (жители Аргоса), ахейцев (название одного из племен) или данайцев (Данай – их родоначальник, из того же племени аргивян). Сюжеты строятся вокруг Троянской войны, которая вызывала и вызывает многочисленные споры. Троя (ее найдет Шлиман) – область и город в Малой Азии, некогда заселенные фригийцами. Как бы предвидя будущие нападки, Г. Шлиман писал: «Но когда, взглянув на план Трои, вдруг испытываешь разочарование и видишь, что Троя слишком мала и не соответствует великим деяниям, воспетым в «Илиаде», и что Гомер с его поэтическим даром сильно преобразил ее в своих произведениях, необходимо, с другой стороны, обрести удовлетворение в осознании того, что (обнаруженная им, Шлиманом) *Троя действительно существовала, что Троя эта открыта и что песни Гомера имели в основе действительные события»* (курсив Г. Шлимана. – *В. М.*).

Похищение Елены

Поводом к войне послужило похищение Парисом, сыном царя Трои – Приама, прекрасной Елены, супруги спартанского царя Менелая, что возмутило греков. По крайней мере такова официальная причина войны (а точнее, ее предлог). История о Елене, похищенной и ставшей причиной 20-летней войны, выглядит неубедительно. Конечно, женщины могли стать (и становились) причиной серьезных конфликтов, но только в том случае, если они вовлечены в большую политику, как это было в Риме в известном случае с похищением сабинянок. Разумеется, женщин похищали и до и после этого события, на что указывал Геродот. Выражая свое мнение, как и взгляды персов, он писал: «Похищение женщин, правда, дело несправедливое, но стараться мстить за похищение безрассудно. Во всяком случае, мудрым является тот, кто не заботится о похищенных женщинах. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы они сами того не хотели». Однако по столь ничтожному поводу никто не вел долгих и кровопролитных войн. И здесь надобно согласиться с мнением все того же П. Фора, который считает, что подобное событие, если оно даже имело место, могло быть разве что предлогом к войне (casus belli).

Г. Гамильтон. Похищение Елены

Есть и другие причины схватки из-за Трои. Одна из них – проблема перенаселения Греции. По мнению Зелинского, опирающегося на отрывок из утерянного эпоса греческих колонистов с острова Кипр («Киприи»), население всей Эллады накануне Троянской войны якобы стало настолько многочисленным, что уже просто более не могло прокормиться плодами трудов на родной земле. И тогда оно решилось поискать удачу за морем, где и находилось могучее царство троянцев. Собрав большие силы, они двинулись на покорение этого богатого края. Грозное ополчение, возглавляемое Агамемноном, подошло к Трое. Войско ждет прибытия Ахилла и других героев. В отношении целей и намерений союзных войск под командованием Агамемнона нет никаких сомнений и у Страбона. Тот прекрасно понимал, что представляли собой античные народы – греки, римляне, финикийцы, проч. Говоря о творчестве Гомера, отмечая процветание народов запада, Страбон говорит о богатстве Иберии, из-за чего Геракл пошел на нее войной, а после него финикийцы, овладевшие большей частью страны в давние времена, затем ее захватили римляне. Так же было с Троей. К тому же, чтобы оправдать агрессию, греки выдумали и обманчивый сон Зевса.

Зевс посылает обманчивый сон Агамемнону

Нам представляется не менее интересной версия другого историка. Полемизируя с Зелинским, А. Абрашкин говорит так: «Что же, (это) очень красивое объяснение! Только ведь свободных земель в то время еще хватало, отчего же ахейцев так манила Троя? Наверное, все-таки их интересовали богатства знаменитого города и возможность контролировать черноморские проливы. Не следует забывать также, что Троянская война в корне изменила политическую ситуацию в Передней Азии, на Ближнем Востоке и на самих Балканах! Вслед за разрушением Трои прекратила существование Хеттская держава, под ударами северных племен – дорийцев – пала и Микенская Греция, и примерно в то же время подвергся нападению племен, известных под именем «народы моря», Египет. Все это, конечно же, не случайные совпадения, а самая настоящая «первая мировая» (война), бушевавшая в Средиземноморье на рубеже XIII и XII веков до н.э. Под таким углом она и будет рассматриваться в нашей книге».

Видимо, поход греков-ахейцев должен был иметь весьма основательную причину, что смогла объединить всех греков, которые, как мы вскоре убедимся, с огромным трудом приходили к согласию и по более мелким вопросам. Такой причиной могла стать необходимость ответного удара после нападения противника. Многие пришли к мысли, что в конце XIII – начале XII века до н.э. негреческие племена с севера Балканского полуострова ворвались на Пелопоннес и разорили его. Северяне, основательно ограбив греков и похитив сокровища не только одного Менелая, затем укрепились в Троаде. Они же посадили в Трое своего наместника – Бориса, который стал историческим Парисом. Верна ли версия о гиперборейце «царе

Борисе», мы не знаем, но несомненно то, что между югом и севером Греции имелись давние и крайне серьезные противоречия.

П. Рубенс. Суд Париса. 1638—1639 гг.

Поход к Трое задумывался как ответная акция греков. Конечно же, вовсе не «из-за одного яблока ввергли Грецию вместе с Азией в море огня и крови». Атенор, советник царя Приама, откровенно признает, что троянцы первыми поступили вероломно, захватив у греков богатства и Елену, «нарушивши клятвы святые». Кстати говоря, и Монтень причину войны за Трою, возникшую якобы в результате спора трех богинь за яблоко, когда Парис должен был вручить оное самой красивой, назвал мифом. Подлинной причиной военной экспедиции к царству Приама была не прекрасная Елена, а самая божественная и пленительная из мировых красавиц – сила золота и богатства! Вспомним, когда Агамемнон, которого даже Ахиллес называет «беспредельно корыстолюбивым», собрал ахейских старейшин на пир и стал уговаривать их дать согласие на военный поход, ему стал возражать «благомысленный» Нестор, что и «прежде блистал превосходством советов». Старец в принципе не отвергал идеи грабительской акции – он лишь требовал умножить ряды захватчиков и намекал, что надо заплатить как полагается за опасное военное предприятие. Агамемнон даже и не спорит:

Но как уже погрешил, обуявшего
сердце послушав,
Сам я загладить хочу и несметные
выдать награды.
Здесь, перед вами, дары
знаменитые все я исчисляю:

Десять талантов золота,
двадцать лоханей блестящих;
Семь треножников новых,
не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных,
стяжавших награды ристаний.
Истинно жил бы не беден
и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж,
у которого было бы столько,
Сколько наград для меня
быстроногие вынесли кони!
Семь непорочных жен,
рукодельниц искусных, дарую,
Лесбосских, коих тогда, как
разрушил он Лесбос цветущий,
Сам я избрал, красотой
побеждающих жен земнородных.
Сих ему дам; и при них возвращу
я и ту, что похитил,
Брисову дочь; и притом
величайшею клятвой клянуся:
Нет, не всходил я на одр, никогда
не сближался я с нею,
Так, как мужам и женам
свойственно меж человеков.
Всё то получит он ныне; еще же,
когда аргивянам
Трою Приама великую боги дадут
ниспровергнуть,
Пусть он и медью и златом
корабль обильно наполнит,
Сам наблюдая, как будем делить
боевую добычу.
Пусть из троянских жен изберет
по желанию двадцать,
После аргивской Елены красой

превосходнейших в Трое…

Описание последующих событий ярко представлено в поэме «Илиада» Гомера. Труды Гомера заняли важное место в общественно-политической жизни афинян, где им придавалось не только общеэстетическое, но и важное идеологическое значение. Это и понятно, ибо, как очень верно заметил Дионисий Златоуст, «Гомер каждому – юноше, мужу, старцу – столько дает, сколько кто может (у него) взять». Показателем того, что даже правители понимали огромное значение личности Гомера, является пристальное внимание к его поэмам тирана Писистрата (ок. 600—528 гг. до н.э.). Просвещенный муж делал вставки в гомеровский текст, имея целью возвеличить роль и славу Афин («Я б и увидел мужей стародавних, каких мне хотелось, – славных потомков богов Пирифоя, владыку Тесея»). Как утверждает традиция, Писистрат не стеснялся вносить в тексты Гомера целые песни. Как видим, некоторым тиранам свойственен интерес к великим произведениям (не важно в данном случае, идет ли речь о Писистрате, установившем тиранию в 561 г. до н.э., или о Иосифе Сталине, жившем в XX в. н.э.). Гомер остается идеалом, которого потомки нарекут «отцом поэзии».

Р. Эстлейк. Парис и Елена в костюмах XVI в.

У Гомера хватало как восторженных почитателей, так и хулителей. Так, первый представитель элейской философии, мыслитель и рапсод Ксенофан, зло заметил: «Все, что есть у людей

бесчестного и позорного, приписали богам Гомер и Гесиод: воровство, прелюбодеяние и взаимный обман». А философ Гераклит даже сказал: «Гомер заслуживает изгнания из общественных собраний и наказания розгами». Философ Аристотель, напротив, был убежден, что Гомер заслуживает огромной похвалы, во-первых, потому, что среди поэтов «представляет лучших», во-вторых, уже в силу того, что он «единственный из поэтов прекрасно знает, что ему следует делать», в-третьих, с него начинается эпическая поэзия, и вообще в этой области Гомер, как во всем прочем, отличался дарованием и искусством перед другими. Так кто же из них более прав?

Лорд Дейтон. Елена на стенах Трои. 1880 г.

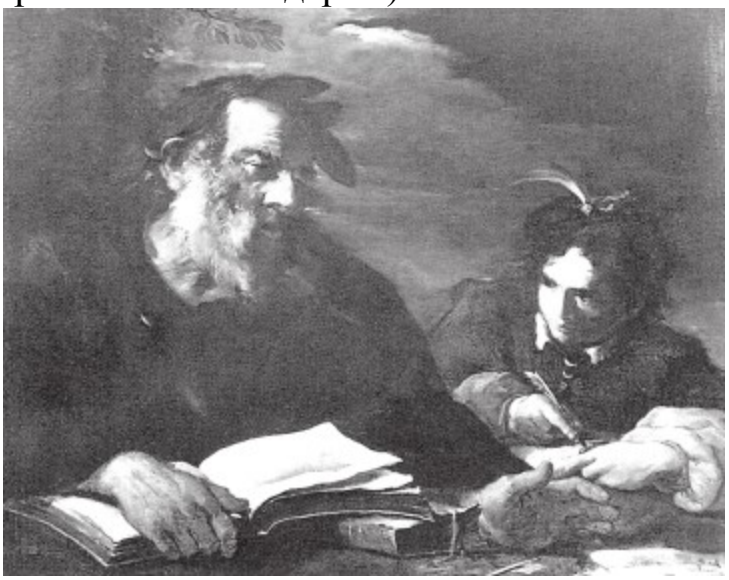
Л. Морган в «Древнем обществе» так оценил значение поэм: «Без литературных памятников не существовало бы, можно сказать, ни истории, ни цивилизации. Создание гомеровских поэм, передаваемых устно либо со временем записанных с достаточной точностью, датирует начало цивилизации у греков. Это вечно юные и чудесные поэмы имеют этнологическую ценность, весьма значительно увеличивающую остальные их достоинства. Это особенно относится к «Илиаде», содержащей самое подробное из ныне существующих повествований о прогрессе человечества в эпоху ее составления. Страбон величает Гомера отцом географической науки; но великий поэт дал, может быть невольно, нечто бесконечно более важное для последующих поколений, а именно замечательно полное описание производств, порядков, изобретений, открытий и образа жизни древних греков». Гомер – первый бытописец истории раннего

греческого общества, вдумчивый хронист эпохи. Без него, как говорят многие, не было бы ни античной литературы, ни культуры.

Выезд Ахиллеса в Трою («…како Ахиллесъ вшедъ во градъ Трою»)

Гомера любили и в России… Массу восторгов вызывал перевод «Илиады» Гнедичем. Тот начал сей труд 20-летним юношей, а закончил в 40-летнем возрасте. Это был подвиг ученого-отшельника… Приступая к переводу «Илиады», он сказал: «Я прощаюсь с миром – Гомер им для меня будет». Вся культурная Россия была в ожидании. То было время, когда молодежь стремилась к подвигам, а не к наживе. Поэтому Гнедич, «мечтатель пламенный» (Козлов), «муж, дарованьями, душою превосходный, в стихах возвышенный и в сердце благородный, враг суетных утех и враг утех позорных» (Баратынский), стал подлинным героем в культурной жизни России. А. С. Пушкин в 1825 году скажет: «Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг, посмотрим, как появится его Гомер». Великий поэт оценил его перевод «Илиады» как «первый классический, европейский подвиг в нашем отечестве». О значении труда высказывались тогда все заметные фигуры. Н. Полевой заявил, что никакой другой европейский народ не имеет столь близкого, столь верного духу подлинника Гомера (кроме, возможно, немцев). Н. Гнедич «в борьбе» с Гомером, «великаном древности», с большим искусством раскрыл все оттенки и переливы его поэзии, а заодно показал богатство и силу русского языка. Пушкин назвал труд Гнедича исключительным и сделал резюме: труд сей нужен для России – «Русская Илиада перед нами». Последнее в его устах означало то, что Гнедичу удалось дать своё особое, глубоко

русское и не совпадающее целиком с западноевропейским, восприятие поэм Гомера. Одним словом, это античная героика в русских одеждах и с русской пламенной душой! Поэтому в дальнейшем великий поэт России будет называть Гнедича «пророком», «могучим властелином», «великим жрецом Гомера». И вообще Гомер «кажется современным» (и не только в сравнении с Пиндаром).



П. Ф. Мола. Гомер, диктующий свои поэмы. XVII в.

Новейшие исследования ученых лишь подтверждают факт существования Трои. События тех далеких лет – отголоски бурных столкновений и войн. Недавно Д. Пейдж привел веские доказательства того, что многие лингвистические особенности двух поэм фактически являются сохранившимся почти без изменения наследием ахейского или микенского диалекта эпохи микенской цивилизации: используемые эпитеты, характеристики людей и мест созданы странствующими певцами, собственными глазами видевшими все это, знакомыми с местами, культурой и основными персонажами, чьи славные подвиги они и воспевали. Во время войн и после войн они пели свои песни-поэмы во дворцах царей, участвовавших в военных походах. Более того, в качестве доказательства, подтверждающего эти его выводы, Пейдж привел археологические находки, относящиеся к микенской цивилизации, Троянской войне и к проблемам, нашедшим отражение у Гомера. На его взгляд, не подлежит сомнению, что Троянская война – реальный факт и что в ней принимала участие возглавляемая царем коалиция ахейцев (микенцев); что воевали они против жителей Трои и их союзников. Возможно, народная память кое-

что впоследствии приукрасила или даже преувеличила, включив ряд вымышленных эпизодов в канву событий, но самой историчности описываемых Гомером событий она не отменяет.

Ш. Марилье. Троянцы атакуют греческий лагерь. 1786 г.

По мнению некоторых исследователей, довольно-таки обоснованному, троянская кампания, вероятно, могла иметь целью колонизацию соседних с греками областей Средиземноморья. То обстоятельство, что объектом нападения стала Троя, говорит о понимании огромной важности стратегического и торгового положения данного города-полиса. Один из сторонников «русской Трои» пишет, что, вероятно, арии проникли в Переднюю Азию и Средиземноморье в III—II тысячелетиях до н.э. Они создали ряд государств – Русена (Ханаан, Арсава) и Митанни. Один из основных путей проникновения ариев из Европы в Азию шел непосредственно через Трою.

Ш. Марилье. Греки отражают атаку троянцев

Говорится и о том, что во всех археологических слоях на холме Гиссарлык (месте раскопок, где археологами обнаружены следы Трои) найдено огромное количество изображений свастики – этого весьма известного и популярного символа арийского мира. «И надо окончательно признать и свыкнуться с мыслью, что предки русских проживали в Трое и стали последними ее защитниками». В обоснование этой точки зрения приводятся данные о том, что тут обитали арии и хетты, которые и владели огромными массивами земли «от моря до моря» (от Средиземного до Черного). И хотя Троя в середине XIII века до н.э. была разрушена землетрясением, царь Лаомедон (отец Приама) восстановил город. Тогда же этот город освободился и от хеттского контроля. Автор считает, что арии, составлявшие оплот Трои, стояли у истоков египетской, критской и шумерской цивилизаций. Они же выстроили цепь приморских городов, вскоре ставших центрами международной торговли, и были учителями семитов. Очевидно, Троя представляла собой цветущий древневосточный город. А посему полностью исключить этническую близость ее обитателей предкам славян нельзя.

Взятие Трои. Роспись килика

Разумеется, существуют и другие версии того, кем могли быть защитники Трои… К примеру, Страбон полагал, что перед Троянской войной фригийцы прибыли из Фракии и убили царя Трои. Альтхейм считал, что первопричиной дорийского и многих других переселений был толчок, данный иллирийцами примерно в 1500 году до н.э. Переселение имело огромный резонанс. «Троянская война стала своего рода столкновением между мощными этническими группами: греками и иллирийцами», – писал И. Таллон. Фрако-иллирийцы были союзники троянцев. Ф. Шапутье утверждал: «В самой древней Трое (относящейся к 3000 г. до н.э.) были жители, пришедшие, возможно, из Фракии». В послегомеровской Трое находили топоры, прибывшие с Дуная, медь, олово и золото – с Кавказа. С. Ллойд рассматривает Троянскую войну как эпизод «движения на Восток народов Фракии и Македонии, в результате которого через несколько веков фригийцы утвердились как хозяева Малой Азии». Остается еще много неясного.

Реконструкция столицы Атлантиды

Как это ни удивительно, некоторые связывают историю Троянской войны даже с историей Атлантиды. Достаточно хорошо известен миф, поведанный Платоном, содержащий чуть более тысячи строк. Платон ссылается на Солона, которому эту легенду якобы поведали египетские жрецы города Саис. Там он узнал про остров, что «превышал своими размерами Ливию и Азию, вместе взятые». С этого острова можно было даже перебраться на противолежащий материк, но он внезапно исчез, «погрузившись в пучину». Произошло это событие, видимо, где-то около 10 000 года до н.э. В его рассказе объясняется и причина гибели – земля разверзлась и «за одни ужасные сутки» поглотила Атлантиду. Но какое легенда имеет отношение к Трое? Дело в том, что Платон принял на веру то летоисчисление, которое ему назвали египетские жрецы, – 9000 лет назад. Но жрецы вели свой счет по лунным годам (лунный год длится чуть менее месяца). Если это так, то дата гибели Атлантиды – на исходе бронзового века, или около 1200 года до н.э. Но именно в эти годы всю ойкумену тогда и потрясли страшные войны. Культура бронзового века была полностью разрушена.

Диомед и Одиссей замышляют похищение Палладиума

Немецкий историк Э. Цанггер считает, что конец ей положила первая в истории человечества мировая война, которая разразилась из-за Трои. Катастрофа случилась примерно около 1200 года до н.э. Виной всему якобы стали изменения в климате. Гигантские приливные волны обрушились на побережье Северного моря, затопив низменности. Тогда же на территории Европы, где жили племена, кремировавшие своих покойников и помещавшие их прах в урны («культура полей погребальных урн»), воцарился голод (Англия, Германия, Голландия, Бретань). Согнанные с мест, они двинулись на юг. Воины, вооруженные бронзовыми мечами, круглыми щитами и копьями, в устрашающих рогатых шлемах ринулись на юг. Под натиском войск северян рушились крепости, гибли целые державы (их образы запечатлели старые фрески египтян и греков). Они пришли в Венгрию, Македонию, Грецию, Малую Азию, добрались даже до Египта. Только там в шестичасовой битве 1219 года до н.э. они были уничтожены фараоном Мернептахом. Но пройдет не так много времени, и новая волна воинственных переселенцев придет в Египет, не только посуху, но и по морю (их назовут «народами моря»). В 1170 году до н.э. пришельцев разбил Рамсес. Возможно, что они пришли с острова Гельголанд. Любители сенсаций (а они есть везде) заявляли, что Троя это и есть Атлантида. Цанггер, автор книги «Атлантида – разгадка легенды» (1992), уверяет: «Вероятность того, что Троя и есть Атлантида, равна 99 процентам, тогда как вероятность того, что город на Гиссарлыкском холме есть Троя, равна лишь 98 процентам».

Видимо, все слухи об «Атлантиде» – это собирательное название, за ним скрывались представления древних о неизвестных им народах, что проживали где-то за Гибралтарским проливом (на Севере). К этой же тематике принадлежат и истории о гиперборейцах, что жили к северу от Альп.

Д. Тьеполо. Греки сооружают троянского коня. 1757—1762 гг.

В этой связи вспомним и о сенсационной находке, якобы сделанной Шлиманом во время раскопок на развалинах Трои (1873). Он обнаружил там необычного вида бронзовую вазу, в которой нашел мелкие золотые изделия, монеты, окаменелые кости, глиняные черепки. И на некоторых из них якобы была сделана египетскими иероглифами надпись: «От царя Хроноса из Атлантиды». Спустя десять лет им же в Лувре была обнаружена похожая коллекция. Изучение металлических предметов дало поразительные результаты: они состояли из платины, алюминия и меди, т.е. из неизвестного и поныне сплава. Шлиман продолжал поиски и в одном из музеев Петербурга нашел папирус, содержащий описание экспедиции, отправившейся на поиски страны Атлантис (около 4571 г. до н.э.). В нем утверждалось, что предки египтян прибыли в Египет из этой страны за 3350 лет до создания этого папируса. Шлиман писал об Атлантиде: «…Я пришел к выводу, что ни египтяне, ни майя… никогда не были хорошими мореплавателями, никогда не имели судов, на которых можно было бы пересечь Атлантический океан. С полной уверенностью мы можем также сказать, что и финикийцы не сумели бы наладить связь между странами двух полушарий. Но сходство между египетской культурой и культурой майя настолько велико, что его нельзя считать случайным. Таких случайностей не бывает. Не исключена возможность, что когда-то, как гласят легенды,

существовал огромный континент, соединявший так называемый Новый Свет со Старым. Ее жители основали в Центральной Америке свои колонии». Удивительно и то, что о своей догадке Шлиман молчал до самой смерти. Он оставил письмо для членов семьи, которое разрешал вскрыть лишь тому, кто поклянется посвятить всю жизнь поискам загадочной Атлантиды. В 1906 году это письмо вскрыл его внук, Пауль Шлиман. Там говорилось, что нужно вести раскопки в восточной части храма в Саисе (Египет). Эта история имела связь и с Микенами, ибо там на Львиных воротах обнаружили надпись, где говорилось, что Мисмор, от которого произошли египтяне, был сыном египетского бога Тота. Тот же, в свою очередь, якобы являлся сыном жреца из Атлантиды, влюбленного в дочь царя Хроноса. Вынужденный по какой-то причине бежать из Атлантиды, он после долгих странствий прибыл в Египет, где и построил храм в городе Саисе, а также передал египтянам все знания, полученные им в Атлантиде.

Д. Тьеполо. Троянцы втаскивают коня в город. 1757—1762 гг.

Перемещения воинственных народов, вынужденных оставить родные места и двинуться на юг, все сметая и разрушая на их пути, и могли стать причиной гибели Трои. Войны сокрушили не одну Трою. Пали пелопоннесские Микены, и хеттский Хаттусас, пали левантийские города-государства Угарит и Алалах. Война привела в упадок Среднеассирийское царство, она потрясла до основания, а затем и погубила Вавилон. Всюду разрушение и гибель. Были погублены многие жизни и немалые состояния. Народы утратили письменность. Тогда пала и Троя. Сторонники версии существования

Атлантиды продолжают считать, что война уничтожила ее столицу, «Венецию древности».

Менелай (античная статуя)

Троянская война была долгой и кровавой… Одни считают, что она длилась 10 лет (Дарет Фригийский), другие – 20 лет (1219—1199 гг. до н.э.). По общему мнению, Трою греки смогли взять только с помощью коварства и измены. Об этом событии пишет поэт-историк Дарет Фригийский в популярной в свое время «Истории о разрушении Трои». В «Илиаде» сказано о неком Даресе, священнике Гефеста («муж богатый и славный»), однако вопрос о том, существовал ли он в действительности, остается открытым. Практика описания исторических событий их участниками известна (Ксенофонт, Цезарь и др.). О наличии каких-то еще поэм упоминал Элиан: «Как передают трезенские сказания, еще до гомеровских поэм существовали поэмы Трезенца Орибантия. До Гомера, как говорят, жил также фригиец Дарет, чья фригийская Илиада, насколько мне известно, сохранилась вплоть до настоящего времени». Об этом же персонаже писал комментатор Гомера Евстафий: «Антипатр же Аканфский говорит, что и к Гектору был приставлен наставником Дарет Фригийский, написавший «Илиаду» еще до Гомера…» Другие же говорят о нем как о первом историке Греции. Так, средневековый латинский энциклопедист Исидор Севильский (570—640 гг.) прямо указывает на его первенство: «У язычников Дарет Фригийский самым первым издал историю греков и троянцев, которая, как говорят, была им написана на пальмовых листьях. Следующим после Дарета в Греции (был)

Геродот…» Существуют различные версии его судьбы. Антипатр и Элиан считают, что Дарет был убит Одиссеем. Некий Дарет упоминается в поэме Вергилия. Важнее подчеркнуть другое. Европа еще не знала греческого, и Троянскую войну знала не по Гомеру, а по Дарету. Книга была переведена почти на все языки. В дальнейшем, с эпохи Ренессанса, утвердилось другое мнение, что «Дарет и Диктис – выдумки тех, кто хотел поиграть с самой знаменитой войной». Вероятнее всего, ее написал по-латыни некий человек, знавший Гомера по пересказам в эпоху поздней Римской империи.

Бой Менелая с Парисом

Война явила множество примеров не только отваги или геройства, но хитрости, коварства и подлости. Троя пала не столько в результате мужественных действий нападавших греков, сколь в итоге обмана. Одиссей с Диомедом, пробравшись в город, похитят Палладиум (древнюю статую богини Паллады – покровительницы города). Лишившись помощи своей защитницы, город должен был пасть. Затем они возьмут Трою с помощью «Троянского коня». По другой же версии, в город воины Агамемнона попали с помощью внутренних предателей. Дарет так писал об этом. Ночью Агамемнон тайно созвал вождей на совет, рассказал обо всем и приказал им высказать свое мнение. Все решают заключить союз с предателями. Улисс и Нестор говорят, что они опасаются приняться за это дело; Неоптолем возражает им. Во время спора решено требовать от Полидаманта условного сигнала, затем прислать Синона с сигналом к Энею, Анхизу и Антенору. Синон отправляется к Трое и, так как Амфимах еще не передал ключи от ворот страже, Синон, подавая сигнал, слышит голоса

Энея, Анхиза и Антенора и, убедившись в успехе дела, сообщает об этом Агамемнону.

П. Бенвенути. Смерть Приама

Все решают заключить союз и скрепить его клятвой, что если город будет предан ближайшей ночью, то союз с Антенором, Укалегоном, Полидамантом, Долоном и Энеем будет сохранен, и все их родители, дети, жены, друзья и единомышленники, а также все их имущество будет сохранено в неприкосновенности. После того как таким образом был заключен договор и скреплен клятвой, Полидамант советует ночью подвести войска к Скейским воротам, на которых снаружи была изваяна голова коня. Там стоят отряды Антенора и Анхиза. Они и откроют ворота войску аргивян и зажгут огонь, что и будет знаком к нападению. Ночью Антенор и Эней пришли к воротам, встретили Неоптолема, открыли войску (греков) ворота, зажгли огонь, в то время как сами вместе со своими домочадцами укрылись в защищенном месте. Неоптолем дал им отряд для защиты, а Антенор повел Неоптолема в Царский дворец, где стоял отряд троянцев. Неоптолем нападает на дворец, убивает многих троянцев, преследует царя Приама и обезглавливает его перед алтарем Юпитера. Греки не щадят никого из жителей.

Всю ночь аргивяне не перестают опустошать и грабить город. С наступлением следующего дня Агамемнон созывает всех вождей в верхнюю крепость, возносит благодарности богам, хвалит войско, всю добычу приказывает сложить в середину, делит ее между всеми и в это время спрашивает войско, согласно ли оно сохранять верность клятве, данной Антенору, Энею и остальным, кто вместе с ними предал родину. Войско криком выражает свое полное согласие. Тогда Агамемнон, созвав всех их, возвращает им имущество. Гнусное

предательство стало причиной падения великой Трои. Такое же предательство вождей и правящих элит погубило некогда могучий СССР. Напомним: судьба отомстила предателям – многие из них затем были убиты своими же (Агамемнон).

Важно понять и то, как относился к войне великий рапсод. Зверскую, безумную междоусобную войну он осуждал, ибо люди в ней оказывались пешками в руках богов. Война характеризуется им самыми бранными эпитетами. Нестор говорил:

> Ни очага, ни закона, ни фратрии
> тот не имеет,
> Кто междоусобную любит войну,
> столь ужасную людям.

Осуждение военных действий слышно порой не только из уст Зевса или Гектора, но даже из уст кровожадного Ахилла. Однако в отличие, скажем, от некоторых горе-пацифистов, Гомер прекрасно отдает себе отчет в неизбежности войны как средстве решения важных геополитических и экономических вопросов. Увы, об этом часто забывают некоторые невежественные современники. В древности воспринимали войну как обычное явление, как общеисторическую или даже общекосмическую необходимость. В частности, Троянская война «трактовалась в древности как результат решения Зевса сократить население Земли, которую тяготило и подавляло разросшееся человечество» (А. Ф. Лосев). Человек таким образом находится под воздействием двух мощных побудительных стимулов. Один из них бесспорно гуманен и демократичен. Какая же радость от созерцания смерти, выбитых зубов, отрубленных рук и ног, раскроенных черепов и т.п. Все это ужасно. Люди хотели бы жить и любить вечно.

Сцена из Троянской войны. Поединок Диомеда с Гектором

Гектор мечтает: «О, если б настолько же верно стал я бессмертен и стал бы бесстаростен в вечные веки» (Ил., VIII, 538). Антивоенные настроения в греческом войске отражал и Ферсит, дядя Диомеда. Однако все прекрасно отдают себе отчет, что в основе сражений и битв лежат, конечно, корыстные интересы. По большому счету, главным мотивом войн являются в одном случае интересы родины (битвы за независимость, единство, свобода), в другом – личные интересы. Афинянин Гомер душой на стороне Гектора, говоря: «Знаменье лучшее всех – за отечество храбро сражаться!» (Ил. XII, 243). Гектор погибает за родную Трою. И поэт оплакивает смерть героя. Интересно и то, что Гомер устами греков дает, как мы бы сказали, отповедь лживым «защитникам прав человека» в лице Ферсита. А ведь формально тот, казалось, прав, выступая с пылкой антивоенной агитацией. Фактически же этот аристократ оправдывает изменников и предателей родины. Подчеркнем, что не только герои, но и народное собрание клеймит и осуждает Ферсита как изменника и дезертира (Ил. II, 333). Таким образом, греки рассматривали войну как тяжелую и кровавую, но порой абсолютно необходимую и неизбежную «работу». Хотя можно сказать и совершенно иначе: в ряде случаев это такая же работа, как и «труд» бандита и разбойника.

Перенесение трупа Гектора на костер

Причина конфликта греков и троянцев – схватка за пространство, богатства, города, рабов. Война – данность, от которой не может избавиться человечество. В самом деле, ведь сам факт нападения коалиции одних племен или народов на тот или иной город не является столь уж редким в истории. Все войны так или иначе выстраивались примерно по одной схеме, ибо в основе конфликта лежат, как правило, интересы соперничающих монархов, царей, военачальников, элит.

Вопрос еще и в том, почему именно Троя, небольшое поселение, «всего-то 150 шагов по диагонали», привлекла внимание гениального Гомера и потомков. В основе события лежали реальные факты, которые обросли фантазиями и домыслами. Так, вряд ли на небольшом клочке суши меж двух морей уместились бы 1186 кораблей и сотни тысяч воинов. В конце концов, Троя просто не вместила бы 50 тысяч солдат армии Приама, учитывая, что в деревушке Гиссарлык проживало в те времена всего две тысячи обитателей. Кстати, нелишне напомнить читателю и о том, что в гигантской схватке двух крупнейших военных держав древности, Рима и Карфагена, с двух сторон приняли участие порядка сотни тысяч человек и две сотни кораблей (в разные годы ученые мужи называли различные цифры).

Греки и троянцы вокруг тела Патрокла

Главная же причина войны за Трою, похоже, заключалась в самом положении этих карликовых царств, что не могли жить иначе, кроме как войнами, разбоем. «Войны начинались из экономических, а не из сентиментальных соображений», – пишет П. Фор в книге «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны». Само собой, война была вопросом жизни и смерти, если противник в Дарданеллах, Ливии, на Сицилии или где-то еще защищал свою жизнь и собственность, но для всех она все равно оставалась удобным способом добыть блага мира, а затем и владеть ими. Чтение глиняных табличек из Микен, Пилоса и Кносса приводит нас к выводу, что Троянская война не исключение. Она вызвана желанием трех-четырех ахейских монархов выпутаться из экономических неурядиц. Завладев сокровищами Трои, те хотели вернуть процветание собственным дворцам. Троянцы же сражались за сохранение трех главных источников их доходов: транзит товаров, в частности – золота, перевозимого через Геллеспонт (в пяти километрах к северу от крепости находились золотые, серебряные, свинцовые, цинковые рудники, разрабатываемые у подножия Иды в дне ходьбы от города); колонизация; наконец – бесценный лес, лес, которого так не хватало Пелопоннесу и островам. Ведь если из металла делают драгоценности, то из сосен и елей – обшивку жилищ и кораблей – этих плавучих домов… Ограбив Трою, в том числе храмы, ахейцы не собирались там селиться или основывать колонию по соседству, хотя и заключали союзы со многими местными царьками. Их честолюбие не простиралось даже до того, чтобы контролировать Дарданеллы, а учитывая ненадежность ахейских судов, сомнительно, что они могли торговать в Черном море. Воины жаждали сокровищ, пленников, породистых лошадей, дерева для строительства новых судов и доступа к массиву Иды в Троаде, ибо тот был в десять раз богаче ресурсами, чем Ида на Крите. Конечно, «каждый мечтал после окончания войны спокойно вернуться домой, но не без того, чтобы на обратном пути прихватить кое-какую добычу на берегах Фракии». Находка золотых шахт в Грузии, разрабатываемых в IV тысячелетии до н.э., говорит о том, что и в основе экспедиций Агамемнона и Одиссея все та же жажда золота. Причина войны за Трою – материальный интерес. Родина со стороны воинства Агамемнона играет скорее второстепенную роль. Его вояки сражаются главным образом за

деньги, за все то, что дает победа, – землю, собственность, капиталы, драгоценности, золото и рабов. Напомним, что даже то, что было найдено Г. Шлиманом на месте Трои, позволяет предположить наличие там сказочных богатств. 17 июня 1873 года Шлиман записал в дневнике: «Нашел клад Приама». Клад этот представлял собой серебряный двуручный сосуд, содержащий более 10 000 вещей (золото, серебро, серьги и проч.). В жестокой брани оба стана хотят привлечь на свою сторону союзников не какими-то мифическими упоминаниями о договорах или праве, но высокой платой и обещанием огромных наград. Агамемнон, «привезя с собой из Микен очень много золота, распределил его и склонил всех к вступлению в войну». Он и был избран вождем всего войска «за свои огромные богатства, которыми он был возвеличен и прославлен больше всех других греческих царей». Приам, нуждаясь в помощи союзников, действует в общем-то теми же верными средствами – «они, погнавшись за выгодой, привели к нему вспомогательные войска». По крайней мере так гласит «Дневник Троянской войны», принадлежавший фиктивной фигуре Диктису, якобы спутнику критского царя, участвовавшему в походе на Трою. Это верно отражает реалии эпохи.

Рельеф из троянского цикла

Хотелось бы, чтобы главной линией поэм Гомера были не войны и грабежи, не «истребительный бой», а мирная, трудовая жизнь. Хотя конечно, мирная жизнь не выглядит столь выигрышно при описаниях, как будоражащие кровь и воображение битвы. На эту сторону гомеровского творчества обращено внимание в работах А. Плэтта и А. Северина. Гомер с большей симпатией (и все-таки как бы между строк) рисует и картину звезд на небе, и пахарей и пастухов,

ожидающих от природы даров или непогоды, и моряков, обращающихся к морю. Рапсод охотно готов разделить с людьми все их радости и страдания. Вот он плачет от радости с детьми, у которых поправился после тяжелой болезни отец, или же разделяет чувства отца, встречающего сына после десятилетней разлуки, радуется вместе с теми, кто спасся от кораблекрушения или получил хороший урожай. Он голодает за компанию с дровосеком и пахарем. Гомер испытывает глубокую симпатию ко всем слабым и беззащитным, алчущим и страждущим. Поэт жалеет не только слабых людей, но и слабых животных (ланей, скворцов, галок, птенцов). Но более всего испытывает он жалость к простому человеку, жизнь которого трудна и опасна. Гомер сострадает матросу, выбивающемуся из сил, пахарю за плугом, жнецу, матери, замученной тяжелой работой, вдове, оплакивающей безвременно погибшего в битве за родину мужа, старику, пережившему единственного сына, изгнаннику. Мир гомеровских сравнений преимущественно населен маленькими людьми. Внимание его привлек образ «маленьких людей», до того времени презираемых, пренебрегаемых и часто осмеянных. Им, а не царям или главнокомандующим отдал свои симпатии великий поэт. Во всяком случае, по словам Северина, изучившего гомеровские сравнения с точки зрения эпохи величайшего ионийского поэта, Гомер – «человек скромного происхождения и большой друг униженных и трудовых людей». Лосев указывает на значимость большого прогресса человечности, что и находит в произведениях Гомера «свое самое замечательное выражение». Нам эти слова не показались столь очевидными. Видна эпичность поэм, вобравших в себя всю эпоху, рассказывающих о народах, попавших в жернова истории. И все же несмотря на весь тот вроде бы и «прогресс человечности», Лосев подчеркнул, что не мирная и трудолюбивая жизнь сравнивается у Гомера с войной и поясняется через нее. Нет, прежде всего война, военные действия сравниваются с мирным бытом и словно поясняются через него. Стоит вспомнить хотя бы то, с каким восхищением описал Гомер, «великий учитель живописи», щит героя Ахилла. Показательно, что Гомер употребил на его описание, по словам Лессинга, более сотни великолепных стихов. Причем с таким ярким, подробным и точным указанием материала, из которого сделан щит, его формы, фигур, изображенных на огромной поверхности, что новейшим художникам

нетрудно было дать рисунок, сходный с поэтическим описанием. Не плуг, а меч привлек его внимание!

Юный всадник. Ок. 500 г. до н.э.

Личной жизни героев также уделяется внимание… Однако всякая личная жизнь в эпосе получает свой смысл и закономерное развитие только от того коллектива, к которому она принадлежит. Эта личная жизнь может быть полна самых глубоких и жгучих чувств… «Но эти чувства, если речь идет об эпосе, вызваны жизненными задачами коллектива и получают свое удовлетворение только в связи с жизнью этого коллектива. Нельзя также думать, что эпический индивидуум совершенно лишен всяких других чувств и не ставит себе никаких других задач, кроме как только чисто коллективистических. Этих чувств может быть здесь сколько угодно. Но это значит, что подобного рода неколлективистические чувства и поведение являются для эпического субъекта чем-то второстепенным и третьестепенным и не играют в его жизни никакой решающей роли, хотя и могут вносить в нее весьма разнообразное содержание» (Лосев). Троянская война чрезвычайно популярна. Она нашла отражение в более поздних литературных и исторических произведениях. В романе Петрония «Сатиры» (дошедшем до нас в фрагменте) говорится о мотивах покорения Трои. О том, что сюжеты эти широко известны, говорит и такая деталь: поэт, начинающий перед картиной о гибели Трои

декламировать поэму длиной в 70 стихов, был встречен градом камней нетерпеливых слушателей. Поэт-декабрист В. Кюхельбекер писал: «Тысячелетия разделяют меня с Гомером, я не могу не любить его, хотя он и всегда за сценою; не могу не восхищаться свежестью его картин, истиною и верностью малейшей даже черты в его рисовке быта древних героев: каждая вызывает их из гроба и ставит живых перед глазами». Он признавал, что учился у Гомера. Эпичностью и масштабностью героев Гомер близок масштабным произведениям русской литературы. Но если в прошлом Гомером зачитывалась вся грамотная публика, то теперь, когда Гомера и Гесиода не читают вовсе, образы их героев живут: в России каждый второй из «демократов» – бандит Агамемнон, каждый третий – вор Одиссей или плут Ясон, укравший золотое руно. И не так часто, как хотелось бы, видишь Гектора, готового защитить дорогое отечество хотя бы даже ценою собственной жизни.

Возвращение Агамемнона на родину (работа Флаксмена)

Странно, что сегодня невежество подталкивает ряд ученых, далеких от истории, подвергать сомнению время создания и даже авторство поэм Гомера… Они, словно ослепленный Одиссеем Полифем, не видят белого света… Скажем, академик А. Т. Фоменко вопрошает и отвечает: «А теперь проследим дальше судьбу «записанных поэм Гомера». Считается, что в III веке до н.э. их якобы еще хорошо знали. Но никаких списков «Илиады» и «Одиссеи» от этого времени до нас не дошло. Да и вообще его поэмы почему-то пропадают на много сотен лет, вплоть до эпохи Возрождения. А ведь был такой популярный поэт – много сотен лет до момента записи, его поэмы распевались во многих городах Греции! Но в Средние века

текста Гомера никто не видит и не читает. Песни его смолкли. Где хранился уникальный и бесценный экземпляр поэм Гомера, нам неизвестно. Вот что хмуро признают (сами) историки: «В Средневековой Европе Гомера знали только по цитатам и ссылкам у латинских писателей и Аристотеля; поэтическую славу Гомера полностью затмила слава Вергилия. Лишь в конце XIV и в первой половине XV века… итальянские гуманисты познакомились с Гомером ближе. В XV веке многие переводили Гомера на латинский язык… В 1488 году во Флоренции выходит первое печатное издание Гомера на греческом языке. В XVI веке отдельные части гомеровских поэм неоднократно переводились и на итальянский язык. Но лишь в 1723 году появился первый полный перевод «Илиады», сделанный поэтом Антонио Мария Сальвини».

Ж.-Л. Детруа. Похищение золотого руна

Так где же, в самом деле, в каком архиве неподвижно пролежал около двух тысяч лет пыльный гомеровский текст? Отбрасывая в сторону все эти неправдоподобные теории об устно-песенно-хоровой традиции, якобы сохранившей поэмы Гомера на протяжении многих сотен лет, следует признать, что в действительности обе поэмы Гомера всплывают на поверхность только в конце XIV века н.э. Никаких реальных и достоверных сведений об их судьбе ранее XIV века – нет. А потому, продолжает Фоменко, ничто не мешает нам предположить (хотя пока лишь в виде гипотезы), что написаны они были незадолго до этого, может быть, в XIII или в XIV веках н.э. А миф о том, что слепой Гомер впервые пропел их у пламени костра в Греции медного века, в VIII или в XIII веке до н.э. – «чистая фантазия традиционной

хронологии, созданной в XV—XVI веках н.э.». Фантазия – подобные утверждения… Видите, что происходит, если математик становится историком или президентом.

Гомер. Изображение на монете из Хиоса

Конечно, каждый волен вызывать на спор кого угодно – хоть Клио, хоть Афину, хоть Зевса. Можно высказать сколько угодно сомнений и гипотез по поводу фактов или исторических событий. Можно заявить, что Трои и «вовсе не было», произнеся фразу Проперция: Troja fuit! (лат. «Ушла Троя», «Было и минуло»). Но ткань такого «исторического рассказа» может рассыпаться под давлением массы фактов. Рано или поздно неожиданно может объявиться, казалось, навсегда утерянная трагедия драматурга Эсхила «История Троянской войны», которую обнаружили в одной из египетских мумий, или объявится «новый шлиман» – и все станет на свое место. История прояснится…

Немецкий археолог Г. Шлиман

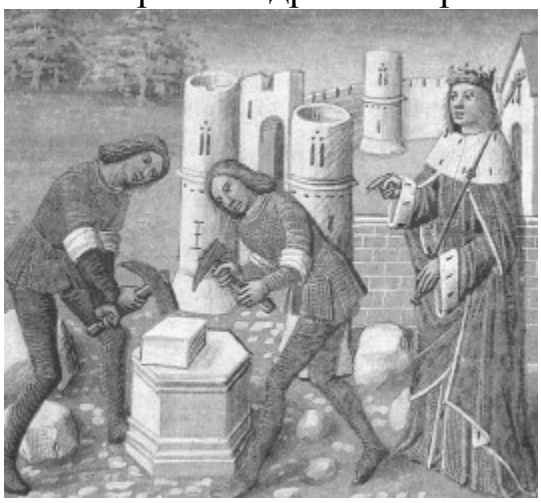
В 1871 году Г. Шлиман приступил к раскопкам Гиссарлыкского холма… Перед этим он изъездил весь земной шар и большую часть своего состояния сделал в России. В 1873 году он нашел сокровища Приама, царя Трои. Вот как он описал это событие: «Вероятно, кто-то из семьи Приама второпях собрал сокровища в деревянный сундук, понес его, и у него даже не было времени достать ключ, но на стене

путь ему преграждает огонь или же враг, и он вынужден бросить сундук, который тут же оказывается засыпанным красным пеплом и камнями рушащегося дворца. Может быть, именно этому несчастному, пытавшемуся спасти сокровища, принадлежали и те найденные мною несколькими днями позже неподалеку от того же места, где я ранее обнаружил сокровища, предметы: шлем и толстенная серебряная ваза высотой в восемнадцать сантиметров и диаметром в четырнадцать сантиметров, в которой находился очень красивый янтарный кубок высотой одиннадцать сантиметров, диаметром девять сантиметров. Шлем этот был поврежден, но его, вероятно, все же можно восстановить, поскольку у меня есть в наличии все его части. И обе верхние составляющие целы. О том, что сокровища кидали в сундук в страшной спешке, а собиравшему их грозила опасность, свидетельствует и содержимое большой серебряной вазы, на самом дне которой я нашел две великолепных золотых диадемы и четыре серьги тонкой работы из золота; сверху лежали пятьдесят шесть золотых сережек весьма причудливой формы и восемь тысяч семьсот пятьдесят золотых колец, просверленных призм и кубиков, золотых пуговиц и так далее; затем шли шесть золотых браслетов и на самом верху лежали оба маленьких золотых кубка». Таковы результаты трехлетних раскопок Шлимана. Интересно и то, что первооткрыватель Трои Шлиман перед тем как уйти из жизни продумал до деталей акт прощания с миром. В голову гроба поставят бюст Гомера, и там же в гробу по обе руки умершего будут лежать книги «Илиада» и «Одиссея».

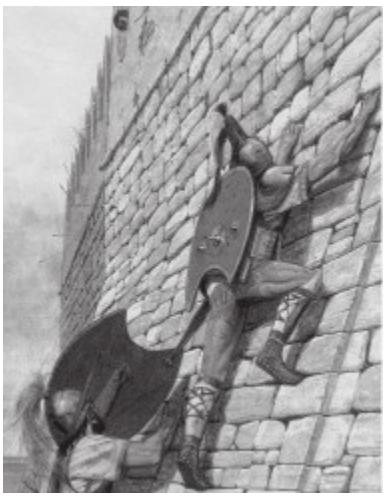
Сцены битв и схваток на древнегреческих вазах

Немцы, немало сделавшие для прояснения судьбы Трои, продолжают по сей день исследовать древнюю землю. В 1988 году немецкий археолог М. Корфман приступил к новым раскопкам, пытаясь ответить на вопросы, на которые до сих пор нет ясного и однозначного ответа. Уже известны некоторые результаты. В ходе раскопок в 1992 году, южнее холма Гиссарлык (где копал Шлиман), обнаружили ров, что некогда опоясывал Трою. Выяснилось, что он пролегал довольно далеко от городских стен, окаймляя территорию площадью 200 000 кв. м. Напомним, что шлимановская Троя занимала всего 20 000 кв. м. Видимо, ров окружал Нижний город, что возник в III тысячелетии до н.э. Нашли еще один искусственный ров. Если предположить, что Троя была большей по размерам, то огромная роль сей цитадели становится очевидной. Там могли проживать тысячи людей. Время расцвета того города (Трои-VI) длилось 400 лет, и он не уступал таким культурным центрам, как Микены и Тиринф. По мнению Корфмана, в бронзовом веке Троя была частью анатолийской, а вовсе не крито-микенской цивилизации. Она представляла собой

форпост Азии в Европе. И населяли ее лувийцы, один из индоевропейских народов. К слову сказать, лувийцы, наряду с хеттами, где-то около 2000 года до н.э. переселились в Анатолию. Лувийский язык был широко распространен в Малой Азии (первый письменный памятник, найденный в Трое в 1995 году, – бронзовая печать с надписью – выполнена иероглифами на лувийском языке). Так что очень может быть, что троянцы были, всего вероятнее, не греками, а анатолийцами или хеттами. Даже крепостные стены Трои, расширенные книзу, наверху обрамленные башнями, встречаются прежде всего в Центральной Анатолии и Северной Сирии, а не в Микенской Греции. На это указывают и типично хеттские стелы, стоявшие перед южными воротами древней Трои.



Лаомедонт возводит стены Трои. Иллюстрация к «Метаморфозам» Овидия



Вот как выглядели стены древней Трои

Воины в битве за Трою (Илион)

Корфман отождествил Илион-Трою с городом или местностью «Вилуса» (Wilusa), которая не раз упоминается в хеттских клинописных источниках. Если это так, то становится более или менее понятной и роль Трои-Вилусы. С одной стороны, она выступает посредником двух различных цивилизаций. Это давало колоссальные возможности для торговли и обмена. Так Троя стала крупным портом и своего рода перевалочным пунктом в торговле с народами Причерноморья. С другой стороны, находясь между Западом и Востоком, она находилась меж молотом и наковальней. В том или ином случае троянцы были прекрасно известны грекам. И. Латач в книге «Троя и Гомер» (2001) даже приводит их обозначения в Кноссе, на Крите, в Пилосе и на Пелопоннесе – «троянец» (Tros) и «троянка» (Troia). Была ли сама Троянская война в действительности, по этому поводу все еще идут споры. Так, известный хеттолог Т. Брюс в книге «Царство хеттов» (1998) утверждает, что, пожалуй, самой Троянской войны как непрерывного 10-летнего военного действа могло и не быть. А что же тогда было? Были ряд военных набегов и разбойничьих походов, которые в памяти потомков слились в одну длительную войну, завершившуюся взятием и разрушением Трои-Илиона-Вилусы. Возможно, что во главе тех или иных походов стояли племенные вожди (Одиссей, Ахилл, Аякс, Менелай, Агамемнон и другие). Брюс полагает, что описываемые события протекали на протяжении ста с лишним лет. «Илиада» возникла как объединение саг о великих походах греческих вождей. Впрочем, сохраняются и версия великого

похода греков против Илиона-Трои, а также версия землетрясения. В любом случае почти не остается сомнений в том, что некая битва племен и народов за этот ключевой форпост Малой Азии все же имела место.

Битва Ахилла с Телефом (рисунок на вазе). Лувр

Можно предположить, что и «битва за Трою» была в действительности битвой за полезные ископаемые, за кратчайшие и самые удобные торговые пути «из греков в Финикию». Под Троей столкнулись два военных союза… Вот и В. Дюрант резонно отмечает: «Каковы бы ни были лик и лозунги войны, ее причина и сущность почти несомненно заключались в борьбе двух групп держав за обладание Геллеспонтом и богатыми землями вокруг Черного моря. Вся Греция и вся Западная Азия видели в ней решающую схватку; малые народности Греции пришли на помощь Агамемнону, а народы Малой Азии многократно посылали подкрепления в Трою. Это было начало борьбы, которой суждено возобновиться при Марафоне и Саламине, Иссе и Арбелах, под Туром и Гранадой, Веной и Лепанто». А разве не точно так же ныне за выспренными речами о «свободе» Кавказа, Ирака или Ирана, тиражируемыми западными рапсодами, скрывается интерес к нефти, урану, газу, к сокровищам Азии, стратегический интерес к обладанию торговой дорогой из Индии и Китая в Европу?!

Неопровержим важнейший факт художественного единства поэм Гомера. Особо важна мысль о греческом народе как о творящем народе-индивидууме. Гомер жил в эпоху перехода от общинно-родовой формации к классово-рабовладельческому обществу, в эпоху перехода «от варварства к цивилизации». Так для кого же пел Гомер? Лосев утверждает, что «пел он» не царям и не аристократам, а так сказать «среднему классу», то есть именно зарождающейся ионийской

демократии, что уже тогда составляла внутренний костяк и духовную сущность афинской культуры.

Герои Гомера предстают перед нами в образе воинов, путешественников или богов, но в них постоянно ощущается живой интерес к жизни и к ее радостям (слава, земные блага, власть и т.д.). Стремление героев взять от жизни «все, что возможно», поистине удивительно для той героической эпохи. Характерно, что даже призрак Ахилла у Гомера предпочел бы оставаться живым, работая простым поденщиком в поле, нежели царствовать над мертвыми в загробном мире. В этом виден свободный дух греков, ощущавших себя совершенно независимыми от власти. Власть басилея и совета старейшин покоилась на их личном авторитете или собственности, а не на насилии или бюрократической власти. Басилей, как и Зевс у Гомера, является скорее отцом одного большого семейства, нежели монархом, т.е. фигурой патриархально-политической. Внешне равной властью с царем обладало только народное собрание. Однако уже тогда ощущается безликость, аморфность и пассивность масс. Так, на Итаке за двадцать лет отсутствия Одиссея не было ни одного собрания. Простым людям в конце собрания советуют разойтись по домам и заняться каждый своим делом. Таким образом, похоже, что гомеровская эпоха – это время такой же псевдодемократии, где демос и аристократы находятся в неком постоянном противоборстве, а то и даже скрытой конфронтации. Правда, у Гомера нет слов, заключающих в себе понятие «знати» или «аристократии».

Любимейший герой художников и поэтов – Ахиллес
Победитель-грек закалывает троянского ребенка

Избранники народа (басилеи) все еще зависят от народа. Их награждают и выделяют за то, что они за родину «пред ликийцами первыми бьются». Иначе говоря, у греков первое место в шкале

добродетелей и в сознании человека занимают воинская храбрость, заслуги героя перед народом, оцененные обществом. Конечно же, «Илиада» – суровая трагедия, отражающая реальную драму греческой истории. Жизнь трагична и наполнена бесконечными войнами и убийствами. Б. Кроче писал в статье «Гомер в античной критике» о героях Гомера, что его герои не позволяют себе долго плакать, ибо сама судьба требует, чтобы их души страдали. Зевс вынуждает их воевать с юных лет до глубокой старости, фактически до самой смерти. Такие герои как Ахиллес выбрали короткую и трудную жизнь воина, предпочитая ее праздному долголетию. Победу они покупают ценой жизни, умирая. Гомер не допускает никакого отрыва от жизни, бегства в потусторонний мир без борьбы. Хотя он признает мир, включенный, как часть, в земной, – но это должен быть мир славы и величия. Поэтому имена Гектора и Ахиллеса на устах мужчин и женщин. В свою очередь это должно означать, что их кровь и страдания станут предпосылкой рождения новой жизни, в чем состоит залог будущего бессмертия. Героизм и бессмертие объединяют трагическое чувство Гомера, возвышая до поэтической бесстрастности. Кроче писал: «Гомера называют учителем греков, но с таким же успехом его можно назвать учителем всех народов, поскольку благодаря его истинно поэтическому видению мира у нас есть верное этическое и религиозное ощущение жизни». Героика пронизывает всю его поэзию. Хотя мы бы не стали героизировать даже таких персонажей, как Ахиллес. Этот разбойник один со своей «исторической бандой» захватил и разграбил более десятка городов.

Одиссей

Понятно, что у современников, и тем более у будущих читателей Гомера, иные его герои вызывали заметное неудовлетворение. Филострат в «Диалоге о героях» (конец II в. – первая четверть III в.) обвиняет Гомера в явной предвзятости к любимым героям его произведений. На первом месте у него Ахилл и Одиссей, тогда как многие куда более достойные мужи отодвинуты в тень. Он или не упоминает о них, или говорит всего несколько строк. Рассказ в «Диалоге» ведется от имени некоего Протесилая, непосредственного участника Троянской войны. Рассказчик считает, что Одиссей восхваляется не по заслугам – он лгун, неважный воин, завистник. Единственное его изобретение – деревянный конь. Даже женщинам он не мог бы нравиться. Чему там нравиться – мал ростом, курнос, с вечно блуждающими хитрыми глазками, подозрителен, да и староват. Навсикаю он пленить никак не мог, ибо умными речами не блистал. Но самым большим упущением Гомера автор считает то, что он не назвал в поэмах имени «божественного» Паламеда. Причина такого умолчания понятна, ибо как раз его-то «драгоценный Одиссей» и оклеветал из-за зависти и личной вражды.

Одиссей и Навсикая. По Генелли

Одиссей и лестригоны. Фреска из Рима

В рассказе именно Паламед играет первенствующую роль. Чем же он заслужил такое внимание со стороны Филострата? Паламед – мудрец и изобретатель: он изобрел часы, календарь, деньги, меры длины и веса, числа и буквы и даже игру в «камешки» (вид игры в шашки). Он сумел предсказать затмение солнца, что и явилось причиной начала вражды к нему Одиссея. Он же спас войско греков от чумы: посадил их на корабли, приказал отплыть в море и велел некоторое время оставаться там, не выходя на берег. Но у Гомера полюбившийся ему Одиссей обвиняет Паламеда в сговоре с Приамом (царем Трои), будто бы подкупившим его. Он подкладывает под его палатку золото, настраивает против него Агамемнона. Бедный Паламед в итоге был до смерти забит камнями (в отсутствие Ахиллеса и Аякса). Именно из-за подлости в отношении такого великого человека Ахиллес якобы и не пожелает долгое время сражаться на стороне греков. Филострат приводит здесь же стих из не дошедшей до нас, увы, трагедии Еврипида «Паламед»: «Убили вы, убили мудрейшего мужа, о данайцы, никому не причинившего вреда, соловья муз». Впрочем, другие объяснят нежелание Ахиллеса сражаться на стороне Агамемнона иной причиной – их спором за обладание прекрасной рабыней – Бризеидой. От времени первой софистики дошла и любопытная речь Горгия, «апология Паламеда», сочиненная от его лица.

Гомер. Модена. Музей

По сути дела Гомер проигнорировал этого славного покровителя всех служителей мудрости. С другой стороны, чрезмерно восхищаясь Ахиллесом, хотя его подвиги не вызывали сомнений ни у кого, он оставляет в тени некоторые явно негативные стороны его характера. К примеру, Ахиллес велит проезжавшему купцу купить для него в Трое девушку-рабыню, указав, как ее найти. Но когда купец исполнил его поручение, Ахилл под предлогом кровной мести просто растерзал эту несчастную. Оказывается, рабыня была последней женщиной из рода Дарданидов, давним и исконным врагом которого был Ахиллес. Так он отомстил потомкам Гектора за смерть Патрокла (миф тем хорош, что позволил ему совершить это после смерти).

В мире гомеровских сравнений, по словам Лосева, «нет ахейской аристократии, и не для нее поет ионийский аэд в лице Гомера». Возможно и так. Но несомненно и то, что цари и убийцы – на первых ролях в поэмах Гомера (особенно в «Илиаде»). Правда, нам резонно возразят, что Гомер ведь ничего не выдумывал, писал о том, что видел вокруг, описывая реальные события, а не гуманную мечту или идиллию Платона.

Поэтому и «низводить» с пьедестала славы Гомера мы, конечно же, не будем, хотя Платон и изгнал его из своего вымышленного государства. Этот поступок порой объясняют тщеславием великого философа. Дионисий Галикарнасский в «Письме к Помпею» сказал по поводу такого отношения Платона к Гомеру: «Ведь было, да, при всех

многочисленных достоинствах, было в характере Платона и нечто тщеславное. Особенно это проявляется в (той) зависти, какую он питал к Гомеру, изгнанному им из его вымышленного государства, причем Платон предварительно увенчал его венком и помазал мирром, словно в таких почестях нуждался его изгнанник, тот человек, благодаря которому вообще вся образованность, кончая философией, вошла в нашу жизнь. Впрочем, давай будем считать, что Платон говорил все это из лучших побуждений и для полноты истины». Зная судьбу Платона (а его продали в рабство цари), нам не так трудно будет понять и мотивы его отношения к Гомеру, воспевавшему, что ни говори, убийц и рабовладельцев. Понятно, что многие герои Гомера далеки от библейских заповедей и философии.

К числу «порицателей» или «хулителей» Гомера относят и тех мыслителей, что обвиняли его в некой нарочитости повествования, отсутствии логики в ряде сцен и поступков, а также в том, что его герои подают людям плохие примеры. Так, к примеру, его осуждал Гераклит за то, что тот вводил людей в заблуждение, сам становясь жертвой оного, описывая далекие от действительности события: «Люди были обмануты явлениями, подобно Гомеру, даром что тот был мудрее всех эллинов». Против такого рода восприятия жизненных событий и сущности божеств выступил и основоположник элейской школы Ксенофан Колофонский (ок. 540—470 гг. до н.э.). Ему приписывают следующую оценку деятельности двух великих поэтов:

Всё на богов возвели Гомер
с Гесиодом, что только
У людей позором считается
или пороком;
Красть, прелюбы творить и друг
друга обманывать (тайно).

И все-таки куда больше тех, кто всегда восхищался Гомером, видя в нем не только прекрасного писателя и поэта, но и кладезь познаний… Француз Монтень пишет: «Слепой бедняк, живший во времена, когда не существовало еще правил науки и точных наблюдений, он в такой мере владел всем этим, что был с тех пор для

всех законодателей, полководцев и писателей – чего бы они ни касались: религии, философии со всеми ее течениями или искусства, – неисчерпаемым кладезем познаний, а его книги – источником вдохновения для всех». По словам Аристотеля, слова Гомера – это единственные в своем роде слова, наделенные движением в действии. Это – «исключительные по значительности слова». Понятно, почему эти поэмы держал в ларце Александр Македонский, зачитываясь ими во время досуга. Семь греческих городов будут оспаривать друг у друга право считаться местом его рождения, и не сосчитать число тех, кто считает себя его духовными учениками.

Г.М. Коржев. Гомер. Студия. 1957—1960 гг

Несколько иная историческая ситуация сложилась во времена Гесиода, младшего современника Гомера. Гесиод – личность уже явно историческая. Жил в Беотии, неподалеку от города Фив, на рубеже VIII—VII веков до н.э. Прежде чем стать поэтом, Гесиод и сам вел трудную жизнь крестьянина и пастуха. Его устои и философия сформировались под влиянием не очень благоприятных жизненных обстоятельств и наблюдений за людьми. Его обманул родной брат Перс, чтобы завладеть отцовским наследством. Повсюду Гесиод наблюдал несправедливость и гнет могущественной знати,

доказывавшей раз за разом народу, что «по сути вещей правды нет никакой» (Аристофан). Затем Гесиод, выступая как рапсод, завоевал приз в Халкиде (Эвбея). В поэмах (а до наших дней дошли три из них – «Труды и дни», «Теогония» и «Щит Геракла») он пишет эпическим гекзаметром или языком гомеровского эпоса. В «Теогонии» («Происхождении богов») Гесиод истолковывал миф мифологически, представляя богов в роли примитивных, завистливых существ, к тому же и весьма кровожадных. Зевс «силы огня неустанной решил ни за что не давать он людям ничтожным, которые здесь на земле обитают». Боги постоянно склонны к войнам («войны возжелали их души»). Если они и справедливы, то только по отношению к своим «коллегам». Зевс между богами «все хорошо поделил» и «каждому почесть назначил». Он сочетался браком с Фемидой («правда», «право», «суд»), та родила ему трех дочерей: Эвномию («благозаконие»), Дику («справедливость»), Ирену («мир»). Последняя всегда сидит возле отца, сообщая ему о людских пороках, после чего следует их наказание от Зевса. В целом же женский род в «Теогонии» у Гесиода выглядит не очень-то привлекательно. Выходит, что дамы посланы в этот мир не для помощи или даже ублажения мужской плоти, но главным образом «на горе мужчинам». Они подобны трутням, что «пожинают чужие труды в ненасытный желудок». Мораль и нравственный уровень женщин в семейном союзе выглядят довольно удручающе и оставляют желать лучшего. Вот как Гесиод говорит о назначении дам:

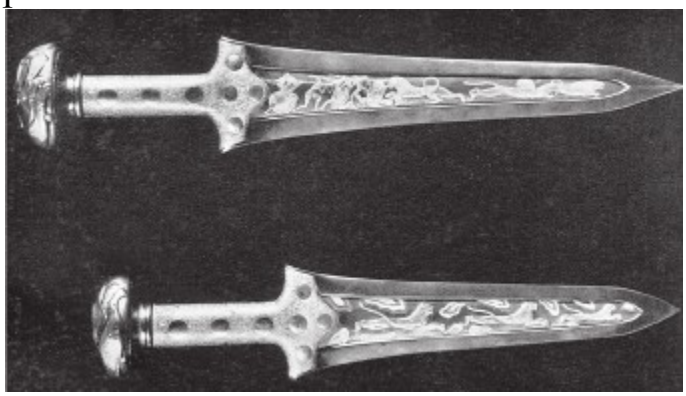
> Женщин губительный род от нее
> на земле происходит.
> Нам на великое горе, они меж
> мужчин обитают,
> В бедности горькой не спутницы, —
> спутницы только в богатстве…

Однако в главном своем сочинении «Труды и дни» Гесиод прославляет крестьянский труд и осуждает грабителей и бесчестных судей, а также царей и всех проходимцев, что пользуются трудами народа, безжалостно обманывая его. В них – главный источник несправедливости. Басилеи в мирное время вершат правосудие. У

Гомера они более или менее справедливы, а у Гесиода все судьи берут взятки и творят неправый суд. Всюду царит право сильного. Везде он видит господство несправедливости. Его пессимизм находит выражение в учении о порче мира в течение пяти эпох. Но противовесом плохим правителям он считал хороших, веря в их справедливость. Идеалы правды и справедливости Гесиод распространил на простых людей, говоря Персу: «Слушайся голоса правды и думать забудь о насилье». Как видите, у Гомера немало мест, где он если и не любуется убийцами и грабителями, то признает их действия законными, утверждая, что всё – в руках царя-басилевса, «отца, пастыря народов». Так, Гомер пишет: «Жизнь и сила народа (феаков) держится басилеем», «народ слушается его, как бога». Хотя зачастую власть басилевса – власть тирана и самодура. Гомер настаивает, что народ должен «покориться безмолвно» царям и тиранам, «говор мятежный смиряя». Хотя Агамемнон лишь на словах – «повелитель мужей». Даже признание Одиссея: «Нехорошо многовластие. Единый да будет властитель, царь единый» – это лишь фраза. На деле его ни в грош не ставит даже бандитское, воинственное окружение (Ахилл). И вот Агамемнон идет на попятный, говоря Одиссею: «Я ни упреков отнюдь, ни приказов тебе не вещаю» (Ил. 4: 350).

Древний бог земледелия, покровитель охоты и животноводства Аристей

Гесиод же прекрасно видит двуличие мелких и крупных царьков и вождей. В конечном счете в словах фразы Ферсита, которую косоглазый и хромоногий герой высказывает пастырю народов Агамемнону, содержится жестокая и беспощадная правда: «Жаждешь ли злата еще?.. Хочешь ли новой жены?» Поэтому он называет властителей так, как они того и заслуживают – взяточники и «пожиратели даров».



Микенские кинжалы из шахтовых могил

Кстати, Гесиод первым рассказал миф о Прометее, приводя истинную подоплеку гнева Зевса. Прометей, призванный быть судьей дележа жертвоприношения, хитро вынудил Зевса взять кости, чуть прикрытые жиром, а мясо и внутренности отдал труженикам. Р. Виппер писал: «В то время как Гомер, симпатизируя сеньорам, травит побитого простолюдина, Гесиод с ударением называет себя мужиком. Гесиод полон вражды к самим составителям эпоса. Он в них явно метит, когда заставляет вдохновительниц своих муз обратиться к сельским пастухам, «каторжному народу, чревоугодникам» с такой речью: «Мы умеем нагромождать ложь, похожую на истину, но мы умеем также, когда захотим, рассказать и правду». Первая фраза взята буквально из Одиссеи. Она относится к фантастическому рассказу, который придуман Одиссеем, временно скрывающим от жены свою личность. Гесиод словно хочет этим сказать: «Я не буду сочинять благозвучных сказок, как Гомер, говорящий устами своего героя, а изображу действительность без прикрас». Книга его «Трудов» – книга о простом народе и для народа. Человек той среды, Гесиод и выражал «ее настроение и мировоззрение». Особо значима и глубока мысль о святости Труда.

Ясон пашет на быках Ээта

В этом подлинное значение великой поэмы. Гесиод возвращает долг труженикам. «Боги и люди, – говорит он, – равно ненавидят того, кто живет бездельником, как трутень без жала, который, сам ничего не делая, пожирает труды пчел… Работая, ты станешь более милым и для

бессмертных и для людей, так как они ненавидят ленивцев. В труде нет позора, он только в безделье». Однако глядя на окружающую его жизнь, он делает неутешительный вывод: все чаще вокруг него наблюдается отчуждение труда, крестьянин страдает от малоземелья, задолженности, а всякого рода паразиты и знать жируют, соперничество и вражда порождают раздоры и войны. Он говорит о железных людях (людях без сердца). По его словам, люди «золотого века» были добрыми гениями, всюду сея добро. Но затем «золотой век» сменился серебряным, серебряный – медным, затем – железным. Мир все более и более становился «миром навыворот». Сердца людей ожесточились, они стали воевать друг с другом и чаще шли на преступления. Железный век особенно усугубил средь людей разногласия и вражду. «Пришло время поделить землю, которая до этого времени была общей для всех, как воздух и свет, и разметить границами участки каждого. Люди стали рыть землю, доходя чуть ли не до ее чрева, чтобы добыть таящиеся в ней сокровища. Как только были обнаружены железо и золото, в мире воцарился раздор, и со всех сторон раздавался лязг оружия» (Овидий). Этот мир, убежден поэт, обречен на гибель. О последних временах говорит и миф о Пандоре, которая открыла сосуд и выпустила наружу все бедствия людские. И когда на белом свете появятся дети с седыми волосами, Зевс должен будет уничтожить всё поколение и цивилизацию.

Пахарь. Терракота из Беотии

«Ларец Пандоры»

Австрийский исследователь античной культуры Т. Гомперц (1832—1912) так характеризует великого автора «Трудов» (Гесиода): «Это был человек с ясной, хотя несколько тяжеловесной мыслью, искусный в полевом и домашнем хозяйстве, сведущий также в тяжбенных законах, но наделенный лишь небольшой долей воображения и еще меньшей долей чувствительности, – таков он был, являясь как бы римлянином среди эллинов. Творцу «Трудов и дней» сродни была трезвая рассудительность, любовь к строгому порядку и мелочная бережливость хорошего купца, привыкшего к ясным расчетам, не терпящего противоречий и во всем избегающего излишка. В таком же духе приводит он в ясность – да простится мне такое выражение – инвентарь мира богов, прочно прикрепляя каждый из сверхчеловеческих образов к его специальной деятельности и вводя их все в неподвижные грани генеалогических отношений. Он обрубает пышные ростки эпоса, возрождает и вводит в почет древнейшие, наполовину ставшие непонятными предания первой родины греков и низших слоев народа, даже и тогда, когда они являют собой грубые, безобразные вымыслы – и создает, таким образом, в своей «Теогонии» в общем стройную, хотя лишь изредка озаренную поэзией и едва ли где согретую радостью бытия, цельную картину мироздания. Уже в

глубокую древность любили сочетать имена Гомера и Гесиода, как творцов греческого пантеона. На самом деле они были скорей противниками». Автор считает, что струны поэзии Гесиода пели именно так, а не иначе, что воздух в Беотии «был менее прозрачен и человеческий дух менее радостен, чем в других областях Греции». Подобно герою древности Антею, Гесиод близок к Земле и к нуждам земледельца.

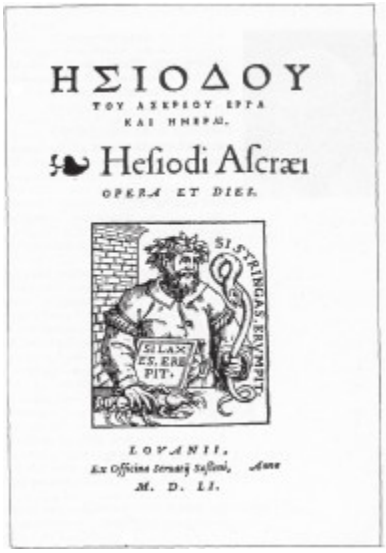
Труды античных кузнецов

Сравнив поэмы Гомера и Гесиода, видим: один воспел жизнь праздных классов и грабителей (Гомер), другой (Гесиод в «Трудах и днях») – деловые будни народа. Да и социальное положение поэтов, судя по всему, было различным. Один (Гомер) – все время находился «при царях» (его приголубил тиран Писистрат). Другой поэт (Гесиод) был занят на земле и пас коров. Гомеровский эпос – это все же роскошь. Им ублажают знать. Гесиодовский труд мы скорее отнесем к разряду насущных «книг бедняков», книг землепользователей. Вот что писал о его роли английский историк М. Нильссон: «Крестьяне любили мир. Войны для них – это сожженные поля и вырубленные сады. Гесиод пишет, что закон диких зверей в том, чтобы поедать друг друга, людям же Зевс дал справедливость. Гесиод проповедует труд, дающий человеку пропитание, и справедливость, которая гарантирует человеку возможность пользоваться плодами своего труда. Гесиод отступил от воинственных идеалов героев Гомера и взял на вооружение новый идеал, противоречащий старому, – идеал мира и справедливости, основанный на земледелии. Ему соответствует такой герой, как Элевсинский Триптолем. Этот коренной переворот в

нравственных представлениях заслуживает адекватной оценки. Я бы даже мог сказать, что Элевсинский культ основывается именно на той идее, что земледелие есть источник цивилизованной мирной жизни, подобающей человеку». Одна из главных идей и тем в творчестве Гесиода – идея труда. В этом его величие.

Водонос

Лишь тот, кто трудится, достоин славы, счастья и свободы. Труд должен принести человеку не только богатства и благосостояние, но еще и удовлетворение, тогда как голод – «всегдашний товарищ ленивца». В этом коренное отличие позиций Гесиода от взглядов Гомера. Гомер считал, что доблесть и почет добываются силой оружия. Гесиод же думает иначе: главное – это честный труд, а затем уж полученное с его помощью богатство. Поэт решительно осуждает алчность и сетует на безумие тех, для которых богатство «самою душою их стало». Такое неправедное богатство, добытое насилием или обманом, не принесет счастья, но лишь ввергнет человека в беду. В погоне за деньгами и собственностью не следует преступать границ закона, разумного и дозволенного, надо быть умеренным в желаниях, соблюдать меру и иметь совесть. Возникшая у Гесиода тема меры стала одной из центральных в творчестве ряда поэтов.


ΗΣΙΟΔΟΥ
ΤΟΥ ΑΣΚΡΑΙΟΥ ΕΡΓΑ
ΚΑΙ ΗΜΕΡΑΙ.
Heſiodi Aſcræi
OPERA ET DIES.
SI STRINGAS, TERGEMINI
SI LAXES, ERE PIT.
LOVANII,
M. D. LI.

Титульный лист сочинения Гесиода. Лувен. 1551 г.

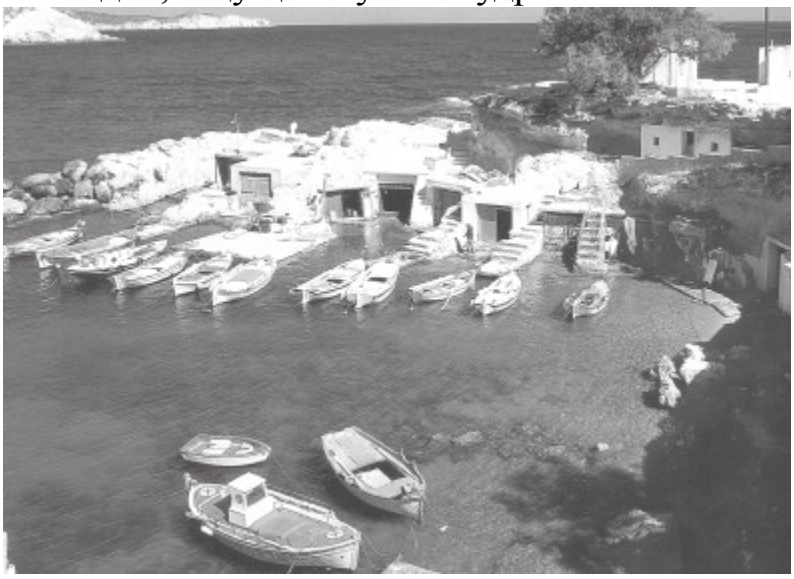
В связи с творчеством этих великих поэтов еще раз вернемся к теме спора двух школ. Одну из них условно можно бы назвать тираническо-плутократической, а другую – демократической. В нормальном обществе, если оценки великих поэтов античности примерить к действительности, истинно демократической традицией мы назвали бы именно гесиодовскую линию. Видимо, примерно так понимали ее когда-то и древние греки.

Впоследствии возникла легенда о поэтическом соревновании между Гомером и Гесиодом. Соперничество поэтов в древности у греков и римлян было в моде («агон»). Последнему из них боги якобы присудили победный приз. Думается, не боги, а греческий народ вынес свой приговор. Судья Панид потому и вручил награду (треножник) на играх в Халкене ему, певцу труда, а не певцу разбойников, царей и грабителей-олигархов. Хотя имеем дело с легендой, а этот эпизод вымышлен (Гесиод жил примерно на сто лет позже Гомера), но в нем скрыт глубокий смысл. Знаковым является уже то, что венец заслужил певец земледелия и мирного труда, а не войн и убийств. Кстати, не потому ли философ Платон «изгнал» Гомера из своего идеального государства?!

Не потому ли, читая «Труды и дни», порой и нам трудно удержаться от сравнений и похожих мыслей: «О, зачем принужден я жить среди пятого поколения людей, зачем не умер раньше, или не родился позже!» XX век – время людей с железными сердцами… Ни днем ни ночью не прекращаются труды и печали великого народа,

попавшего на какое-то время в руки порочных, вороватых правителей. Они – испорченное поколение. Боги посылают России тяжелые заботы… Неужто навсегда и безвозвратно ушла эпоха великих и благородных замыслов, и настали серые времена, из которых уже нет выхода? Толпой овладела безумная жажда богатств и власти. Отец враждует с сыном, а сын с отцом. Дети бесчестят престарелых родителей и всё то, что теми ранее было содеяно. Товарищ предает товарища, а заодно нашу бесценную Родину.

К власти пришли бессовестные жулики, насильники, грабители и убийцы… Они готовы уморить народ и превратить в призраки наши села и города. Повсюду царят подлость и обман… И все же, как и Гесиод, я верю: труд, воля и мужество великого народа преодолеют все беды и преграды и сокрушат ненавистных врагов. Память о великом греческом поэте живет по сей день в сердцах. Поэтому греки и воздвигли Гесиоду памятник со знаменательной эпитафией: «Просветитель людей, ищущих путь к мудрости».



Пристань на острове Милос

Что дают нам исследования археологов для понимания причин тех конфликтов? Прежде всего мы видим постоянные признаки разрушений и катастроф, причиной которых может быть людское вмешательство. Не так уж важно, что с точки зрения богатства ее культурного слоя Троя якобы уступает Кипру и Микенам. Скажем, Ю. Андреев утверждает, что хотя сохранившиеся участки стен цитадели (Трои IV) производят на каждого, кто их видел, внушительное впечатление своими размерами и великолепным качеством каменной

кладки, на всем облике троянской культуры периода (с 1900 по 1300 г. до н.э.) все же лежит печать какой-то «второсортности» и «провинциальности». И та проигрывает в сравнении с почти синхронной ей блестящей культурой минойского Крита или даже с культурой микенской Греции, примерно на полтора столетия пережившей ее. В отличие от этих двух культур она «так и не смогла выйти на магистральный путь исторического прогресса эпохи, не смогла трансформироваться в настоящую цивилизацию». По крайней мере два важных обстоятельства, по его мнению, должны убедить нас в том, что Троя не дотянула до этого уровня: отсутствие письменности и самобытной художественной культуры, типологически сопоставимой с тем, что мы имеем в это же самое время на Крите, на островах Кикладского архипелага или в материковой Греции. Похоже, что за более чем полуторатысячную историю Троя так и не сумела обрести свою, если так можно выразиться, ясно очерченную «культурную индивидуальность» и в силу этого обречена была на то, чтобы остаться одной из неудачных «заготовок» или «неосуществленных проектов», так и «невостребованных» в процессе генезиса эгейских цивилизаций. Однако так ли уж «невостребована» она? И потом: если все же Троя так маловажна, почему именно ее взял Гомер в качестве сюжета для своей бессмертной поэмы?! Почему события битвы вокруг Трои вошли (пожалуй, даже больше, чем сами Афины) в золотой фонд древних легенд, мифов и образов?! Если Троя всего лишь неудачная «заготовка», почему ей посвящены киклические поэмы «Киприя», «Эфиопида», «Разрушение Илиона», а героям Трои посвящались стихи и фильмы?

Древняя земля Трои в наше время

Весьма любопытна и давняя легенда, о которой сообщает Евагрий Схоластик. По его словам, Константин, основавший Восточную Римскую империю, якобы избрал местом будущей столицы именно территорию между Троадой и Илионом (как бы в противовес Риму). Он даже заложил фундамент и высоко поднял стену, но потом посчитал Византий более подходящим местом. Очевидно, легенда отражала его намерение связать судьбу своей новой столицы с судьбой легендарной Трои, дабы ее символическая древность и великая слава превзошла значение древнего Рима.

Дабы не возвращаться к теме, скажу следующее… Во-первых, по мере развития цивилизации возраст культуры и появления самого человека не укорачивается, а удлиняется. И это факт… Во-вторых, огромное число упоминаемых различными древними источниками произведений исчезло из багажа культур, может навсегда. Это тоже факт, не вызывающий удивления. В-третьих, устное творчество народа существовало и существует. И в этом нет сомнений. В-четвертых, напечатаны все произведения могли быть только после того, как появилась печать. В-пятых, не исключено вовсе, что мы еще станем свидетелями новых поразительных открытий. Пока же Древняя Троя

все еще продолжает оставаться загадкой, несмотря на то что «героическая мечта тридцати веков – Троя, стала вдруг осязаемой и вещественной благодаря раскопкам в Гиссарлике» (М. Волошин). Что мы знаем о Трое и ее героях? Если даже что-то и знаем, то что читателю до судеб Агамемнона, Ахиллеса, Париса, Приама или Гектора. Конечно, мы согласны с Лосевым, писавшим: «Дело в том, что Гомер еще не умер, Гомер еще перекликается с нами и с нашими современными, мы бы сказали, весьма острыми идеями и настроениями». Однако Лосевы ушли, и грустно наблюдать, как порой с легкостью необычайной мы сами же готовы выбросить из собственной истории целые периоды (более славные и героические, нежели Гомерова Троя). Хотя сто лет назад поэт Н. С. Гумилев восклицал, что его «смутную душу» тяготит «странный и страшный вопрос» – можно ли жить, если умер Атрид, «умер на ложе из роз» («Воин Агамемнона»). Сегодня герои, видя, что произошло с Россией, возможно, горько воскликнут: «Тягостен, тягостен этот позор, жить, потерявши царя!» Ту Россию мы потеряли, она сгинула как Троя, но непременно воспрянет из руин в лучах новой, еще более громкой славы. В конце концов, разве Эней, представитель царского троянского рода, стоя на развалинах Трои, с болью в сердце взирая на погибающую отчизну, не ощущал в глубине души, что именно ему (после схватки с Ахиллом, долгих странствий и мук, после горечи потерь и вереницы невзгод) суждено будет высадиться на прекрасной земле Италии, где он и его потомки создадут могучий и победоносный Рим! И ведь удача сопутствовала ему, ибо он взял с собой самых близких друзей и святые сакральные образы своей веры. В конце концов, И. С. Глазунов прав, сказав: «Я считаю, что человеческая душа не меняется, как не меняется небо со времен Гомера».

Характер жизни греков и их облик

Давайте, однако, посмотрим, что же представляла собой Аттика в VIII—VI веках до н.э. Пусть ориентирами нам послужат книги Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Тацита, Плутарха, Платона и Аристотеля. Аттика на ранних этапах представляла собой общество, где большинство людей все еще обитало в сельской местности, в маленьких селениях полудеревенского или полугородского типа. Но затем военные опасности и другие причины привели к оттоку жителей из сел в города (греки называли этот исход «синойкисмом» – поселением вместе). Процесс наметился уже при царе Тесее. Как не раз бывало в истории, война имела не только отрицательные, но и положительные последствия. Она соединила греков и дала им на короткое время ощущение единства. Подобным же образом великие войны объединяли всех русских – эллинов Севера.

Ш. Куапель. Неистовство Ахилла

В поэмах Гомера и Гесиода, да и других авторов, можно узнать о положении масс. Поэмы дают широкое представление о жизни и трудах Греции в ту эпоху. Перед нами предстает страна с

патриархальным укладом, но уже почувствовавшая вкус к богатству и ремеслам. Рабовладение выступает как важнейший признак богатства. Хотя в обществе все еще сохраняются некие патриархальные черты. Во главе стоят старейшины или жрецы, которых греки называют «басилевсами». Существует и народное собрание, которое собирается лишь в экстренных случаях (так, на Итаке оно не собиралось в течение 20 лет). Однако басилевсы стараются сохранять хотя бы видимость народной воли. Иначе говоря, социально-политический строй греков можно было бы оценить как «разновидность военной демократии». Но эта так называемая демократия жестока, порой просто бесчеловечна… Страницы «Илиады» полны сцен откровенной жестокости, чуть ли не садизма… Агамемнон обесчестил дочь троянского царя Приама и Гекубы – Кассандру. Или вот «герой» Ахиллес не только после поединка отказывает умирающему Гектору в милости – передать его мертвое тело престарелому отцу, но он еще и надругался над мертвым телом героя. Пусть Гектор убил Патрокла, друга Ахиллеса, но Патрокл и Ахиллес – захватчики. Кажется, Ахиллесу мало этой крови. Он жаждет мести и своими руками убивает 12 юных троянцев. Ахейцы убивают мужчин побежденной Трои, а женщин забирают в рабство. Ахиллес объяснял жестокость своего сердца тем, что он был рожден не от Пелея и Фетиды, но скалами и морем. Полагаю, что он рожден не скалами и морем, но той хваленой западной цивилизацией, которой органически присуща жестокость.

А. Иванов. Приам просит у Ахиллеса отдать тело сына

Ш. Марилье. Ахиллес привязывает тело Гектора к колеснице. 1786 г.

Немало места в поэмах уделено описанию оружия, одежд и домашней утвари. Все говорит о том, что Греция вступила в полосу социального расслоения. В «Одиссее» видим переселенцев и батраков. Их горькая доля известна Гомеру. В «Илиаде» сказано о тяжком положении батраков (о том говорит Ахилл). Перед нами мелькает образ одинокой пряхи, что едва в состоянии заработать на хлеб своим детям. Царь Агамемнон противопоставлен беднякам. Встречаются и колоритные фигуры нищих (образ Иру, стоящий перед пирующими женихами, просящий подаяние, а рядом в образе переодетого нищего предстал Одиссей). Одним словом, то общество, которое мы видим, далеко от справедливости. Потому Зевс и обрушивает бурю и ливни на злых и неправедных людей, которые «неправый свой совершают на площади суд и насилия множат, правду теснят и ничуть наказанья богов не страшатся» (Ил. XVI, 386—388). О торговле говорится немного и без всякого почтения. В «Одиссее», правда, сказано о прибытии финикийского корабля на о. Сирию, который полон красивых товаров. Купцы эти в течение года ведут с греками торговлю, да и сам Одиссей порой выдает себя за купца (Од. XV, 415; IV, 222). Однако когда феакиец Евриал увидел в Одиссее купца, отъехавшего за море с целью обогащения, тот страшно на него обиделся и назвал наглецом (Од. VIII, 159—166). Хотя он же абсолютно спокойно

воспринял вопрос Полифема, а не разбойник ли он. В то время разбой и рабовладение воспринимали как достойное и похвальное занятие. Переодетый Одиссей откровенничает перед спутниками не без очевидной гордости (Од. XVII, 422—423):

Множество было рабов у меня
и всего остального,
С чем хорошо нам живется, за что
нас зовут богачами.

Итак, в Греции появляются города-полисы (Коринф, Мегары, Фивы, Халкиды, Аргос, Эретрия, Эгина, Милет, Смирна, Эфес, Спарта, ну и конечно же Афины). И в Малой Азии возникли города, которые были самой развитой частью Греции (по крайней мере в VIII в.). Здесь находились плодородные земли, залежи полезных ископаемых, пролегали главные торговые пути, связывающие Грецию с Востоком. Отнюдь не торговля, не язык знаний или ремесел были тогда главными орудиями, источниками богатства, но мечи, кинжалы, разбои, войны. С их помощью воюющие стороны и захватывали многочисленные богатства. В доме Одиссея полно золота и меди, что и привлекло сюда женихов (а вовсе не прелести его Пенелопы).

Я. Йорданс. Одиссей в пещере Полифема. 1630-е годы

Напомним, в гомеровской Греции денег тогда еще не было и в качестве обменного средства обычно выступали драгметаллы (бронза, железо, золото). К чеканке монет приступили в VII веке, заимствовав это искусство у лидийцев, где правил царь Крез (его богатство стало нарицательным). Ведущую роль играла и меновая торговля.

Д. Веласкес. Арахна ткет полотно, вызвав на соревнование Афину. 1657 г.

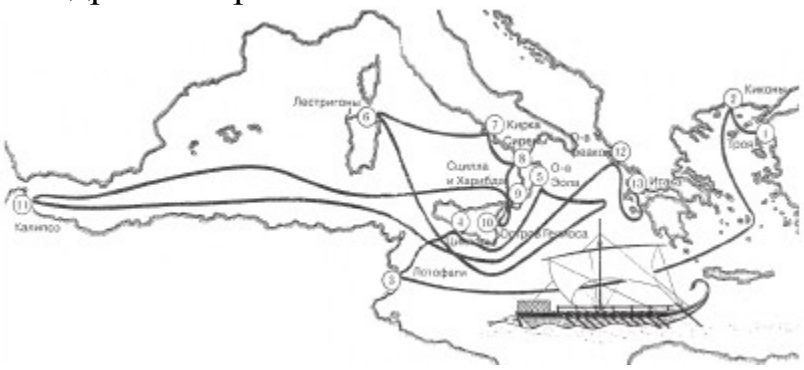
Претерпели изменения и трудовые отношения… Еще недавно царица Навсикая сама помогала рабам стирать в реке простыни, а Пенелопа, Елена и Андромаха со служанками были заняты прядением, ткачеством, вышивкой. Арахна вызывает саму Афину на соревнование в искусстве ткачихи. Одиссей самолично, и не без удовольствия, мастерил стулья, ложе и седла. Агамемнон и Ахиллес сами все готовили для пира и приема гостей. Андромаха кормила коней. Братья Навсикаи распрягали мулов. Даже царица богов, сама божественная Гера, обслуживала себя самостоятельно. Рабы у древних греков вначале почти ничем не отличались от остальных людей. Однако по мере развития общественных отношений ситуация стала меняться. Мелкий свободный земледелец, конечно, уже не мог конкурировать с богатым землевладельцем, имевшим множество рабов. Это же можно сказать и о мелком ремесленнике, сталкивавшемся с владельцем крупной мастерской, в основе которой лежал подневольный рабский труд. В эпоху, датируемую VIII—VII веками до н.э., наблюдается быстрое распространение рабства в Греции. «Хиосцы первые из эллинов (после фессалийцев и лакедемонян), – писал историк, – начали пользоваться рабами. Однако способ приобретения рабов был у

них не тот, что у тех… ибо лакедемоняне и фессалийцы обратили в рабство эллинов, раньше населявших страну, которой они теперь обладают… хиосцы же приобретали себе рабов-варваров за плату». В Коринфе широко применялся труд покупных рабов (в VII в. до н.э). Другие народы стали пользоваться рабами позднее. Менее богатые вообще обходились без рабов. Заметим, если раннее греческое общество было совсем не чуждо трудовой и общинной демократии, то вскоре, вместе с военными победами, греки вкусили и всю «прелесть рабской силы». Произошло неизбежное и роковое разделение народа на тружеников и властителей, на свободных и рабов. Правда, элементы рабовладения были и раньше, но это было относительно редкое явление. Выше говорилось об общинном характере жизни раннего общества. Рабы еще были предметом роскоши (красивая рабыня стоила от 4 до 20 быков). Бывало даже, что царь с царицей попадали в рабство. Царица вынуждена была делить ложе с победителем, подавать ему пищу и одежду, мыть его, одним словом, всячески ублажать.

Кормление быка. Композиция на вазе

Все меняется по мере утверждения у власти победителей. Побежденные народы оказались в разном положении. Статус их был различен. Одни из них сохраняли относительную свободу, занимаясь возделыванием земли и платя оброк. Им были доступны все радости жизни, порой они участвовали в военных походах и владели известным состоянием. Они заседали вместе с фессалийцами в собраниях (перребы, магнеты, ахеяне). Произошло и своеобразное разделение труда. Как скажет один из персонажей пьес Менандра: «Побеждать на войне – присуще свободным людям; возделывать землю – дело рабов». Появление рабства дало толчок такому важному

явлению, как колонизация. Ранее уже говорилось, что колонизация стала довольно распространенным явлением на Востоке. Однако, пожалуй, именно древние греки поставили этот процесс «на поток». Тут стоит сказать о микенской экспансии, что длилась с XIV по XII век до н.э. Микенцы колонизировали остров Родос и овладели Кипром (начало XIV в. до н.э.). Затем их путь пролегал в Сирию, Месопотамию и Египет. Ахейцы достигли Финикии, Библа, Палестины. Колонизация продолжалась и в дальнейшем. В течение двух столетий (с конца VIII в. и по VI в. до н.э.) греки колонизировали часть Средиземноморья (Керкира, Эпидамн, Сиракузы, Катана, Сибарис, Тарент и далее вплоть до Массилии, Марселя). На западном направлении их колонизация столкнулась с колонизацией карфагенян и этрусков. В восточном направлении греки колонизируют северное побережье Эгейского моря, проникают на Геллеспонт и Босфор. В VII веке до н.э. ими был основан Византий, откуда позже разовьется Византийская империя. Далее их путь будет лежать на побережье Понта Эвксинского (Черного моря), в скифские или славянские края – Синоп, Трапезунд, Ольвия, Херсонес, Феодосия, Пантикапей (Керчь), Танаис. Таковы древние греки.



Маршрут странствий Одиссея

Греки – народ исключительно энергичный, деятельный, талантливый. В самом деле, кажется просто невероятным, что такая маленькая и раздробленная Греция в течение двух столетий смогла развить столь бешеную колониальную экспансию. Однако тому есть причины. В ходе концентрации земли в руках знати происходило вытеснение мелких производителей, их сгон с земель, что и вело к перенаселению. Многие вынуждены искать счастья вне родины (за морями). Кроме того, в связи с развитием торговли в греческом обществе наблюдалось заметное расслоение. Если в гомеровской

Греции почти не было местных купцов (хотя в поэме упомянут сын Язона, получавший неплохие барыши от поставок вина ахейцам, а также купец, обменивающий железо на медь), то уже в VII веке купеческие роды появляются часто (скажем, род Алкмеонидов в Афинах). Так как торговля и разбой были очень тесно связаны, то такого рода «перерождение» купцов происходит достаточно быстро.

Сбор оливок. Изображение на амфоре

К концу VII века до н.э. уже вырисовывается четко дифференцированное общество, состоящее из знати, т. е. благородных (эвпатридов) и простого народа (демоса). Аристотель недвусмысленно указал на олигархическую сущность афинского государства («Афинская полития»): «Дело в том, что и вообще государственный строй Афин был олигархическим, да притом еще бедные были в порабощении у богатых – и сами они, и дети их, и жены. Назывались они пелатами и шестидольниками, так как за такую плату обрабатывали поля богатых. Вся же земля была в руках у немногих. И если они (т. е. крестьяне) не отдавали платы, то попадали в кабалу и сами, и их дети. Также и займы вплоть до Солона производились под залог личности».

По Генелли. Пенелопа с луком Одиссея

По Генелли. Смерть женихов Пенелопы от рук Одиссея

О том же писал Плутарх в биографии Солона: «Неравенство положения бедняков и богачей достигло в то время высшей степени, вследствие чего государство находилось в исключительно опасном положении. Ведь простой народ был в долгу у богачей. Он или обрабатывал их землю, отдавая знати шестую часть хлеба (по другому толкованию – пять шестых), вследствие чего такой люд звали гектеморами (шестидольниками) и фетами (батраками), или занимал деньги под залог себя. Кредиторы могли взять этих людей к себе в кабалу. Они или обращали их в рабов, или продавали их за границу. Многие были вынуждены продавать даже своих детей (закон греков не запрещал этого) и бежать из города, спасаясь от суровости своих кредиторов». Олигархи тогда захватили почти всю землю. Народ попал

к ним в долговую кабалу. Долговое право у греков было суровым. Должников легко могли обратить в рабов или продать за границу – в чужие края. Впрочем, о справедливости в ту пору говорить, конечно, не приходилось. У кого власть и сила, тот и прав. Геродот отмечал, как те же афиняне согнали племя пеласгов с земли, которую некогда сами им отдали за тяжкий труд (возведение стен вокруг Акрополя). Пеласги окультивировали землю, а афиняне под предлогом, что те пристают к их девушкам, выгнали бедных пеласгов.

Греки – ярые индивидуалисты. Вот что писал по этому поводу историк Фукидид (460—396 годы до н.э.), владелец золотых приисков, состоявший в родстве с Мильтиадом: «Точно так же следующее обстоятельство служит для меня преимущественным указанием на бессилие древних обитателей Эллады: до Троянской войны она, очевидно, ничего не совершила общими силами. Мне даже кажется, что Эллада, во всей своей совокупности, и не носила еще этого имени, что такого обозначения ее вовсе и не существовало раньше Эллина, сына Девкалиона, но что названия ей давали по своим именам отдельные племена, преимущественно пеласги. Только когда Эллин и его сыновья достигли могущества… и их стали призывать на помощь в остальные города, только тогда эти племена, одно за другим, и то скорее вследствие соприкосновения друг с другом, стали называться эллинами, хотя все-таки долгое время название это не могло вытеснить все прочие. Об этом свидетельствует лучше всего Гомер. Он жил ведь гораздо позже Троянской войны и, однако, нигде не обозначает всех эллинов, в их совокупности, таким именем, а называет эллинами только тех, которые вместе с Ахиллом прибыли из Феотиды, – они-то и были первыми эллинами… Гомер не употребляет и имени варваров, потому, мне кажется, что сами эллины не обособились еще под одним именем, противоположным названию варваров. Итак, эллины, жившие отдельно по городам, понимавшие друг друга и впоследствии названные все общим именем, до Троянской войны, по слабости и отсутствию взаимного общения, не совершили ничего сообща. Да и в этот-то поход они выступили вместе после того, как больше освоились с морем». В дальнейшем мы еще увидим, какими бедами это для них обернется.

Леохар. Аполлон Бельведерский

Как выглядели греки? Одни представляли их этакими аполлоновскими красавцами: блондинами высокого роста, широкоплечими, с прямым станом, с мраморно-белой кожей, стройными ногами и чувственным, жарким взором. Другие говорили, что греки (особенно те из них, кто ранее подвергся процессу ассимиляции и тяготел к незаконным бракам) нередко представляли собой низкорослых и субтильных типов с крючковатыми и придавленными носами, ртами до ушей, с согнутыми плечами, большими животами и тонкими и кривыми ногами. В качестве примера приводили далеко не красавцев – Еврипида и Демосфена, Сократа и Эзопа. Облачались греки в надетые прямо на тело хитоны, концы которого скрепляла пряжка. Цвет и длина их могли быть различными. Мужчины выбирали любой цвет, кроме желтого (этот цвет был отдан женщинам). Волосы их были густыми, пышными. Длинные волосы обычно носили пижоны, франты и… философы. На ноги надевали сандалии, иногда сапоги, полусапоги или башмаки. Дома все ходили босиком. Самые выносливые и закаленные ходили босиком и по улицам. Сократ делал это даже зимой. Завтрак афинянина был скорее символичным (кусочек хлеба – и всё). На улицах следовало ходить спокойно, говорить не очень громко. «Как ты хочешь, чтобы я остриг тебя?» – спросил цирюльник царя Македонии Архелая. «Молча», – шутливо ответил тот.

И все же греки были общительны и очень даже любили поболтать с друзьями. Поэтому более всего на свете они ценили настоящую дружбу. В греческой песне, перечисляющей условия для блаженства смертных, после здоровья, красоты и богатства стоит дружба. Сократ говорил: «Мне гораздо более хочется обладать другом, нежели сокровищами Дария». Поэтому они часто проводили досуг в компании друзей. Описывая радости сельской жизни, Аристофан говорил: нет ничего приятнее для грека, чем сказать соседу: «Эй, Комархид, что бы нам теперь сделать? Не выпить ли нам вместе, ибо боги к нам благосклонны». Друзья с удовольствием встречались, порой выпивали.

Духовные качества при этом считались важнее физических красот. Греки обладали, пожалуй, лучшими свойствами античных народов: они живы, быстро соображают, разумны, хватки, храбры, отважны, как Геракл, и в то же время осмотрительны, остроумны и ироничны, как Улисс. Геродот писал, что они отличались от «варваров» большей сообразительностью и отсутствием глупого легковерия. Со временем прославились они и своей торговой оборотистостью, так что даже вытеснили с рынков финикиян (а те большие мастера торговли). Правда, Ювенал уже во времена упадка греческой цивилизации высмеивал их изворотливость, которая порой переходит все грани, за которыми начинаются нечистоплотность, жульничество и прохиндейство. Славой пользовались в Греции спартанские остроты, отличавшиеся сжатостью и силой.

Гедонизм в застолье

Известно, что и афиняне не лезли за словом в карман… Немец Жан-Поль писал (XIX в.): «Греки были не только вечными детьми (как выбранил их египетский жрец), они были вечными юношами… Климат придал фантазии грека (некую) срединность – он занимает место между норманном и рабом, как спокойный жар Солнца – между лунным светом и пожирающим земным огнем… Свобода, где раб, конечно, осужден усердно трудиться, состоять в ремесленном цеху и учиться ради куска хлеба (тогда как у нас мудрецы и поэты – рабы, а в Риме рабы были первыми поэтами и мудрецами), благодаря чему гражданин, отпущенный на волю, мог жить, занимаясь только гимнастикой и музыкой, то есть жить ради воспитания тела и души». Сразу же и одновременно провозглашались олимпийские победы тела и духа… Философией занимались не ради хлеба, ради жизни, и «ученик взрастал и старился в садах учителей». Э. Ренан говорил: «Греки, как настоящие дети, до такой степени весело относились к жизни, что им никогда не приходило в голову проклинать богов или находить природу несправедливой и вероломной по отношению к людям». Греку присуще еще одно качество: беспокойство о своей судьбе, пробудившееся в нем с его блестящим воображением и наложившее на ранние произведения – «при всей отличающей их энергии – отпечаток такой глубокой скорби, что мы не находим ничего, превышающего его по силе у новейших народов» (Ж. Жирар).

Живая сценка между греками на рынке

Другая отличительная черта греков – их любознательность. Загадочное влекло их неудержимо, о чем бы ни шла речь. Они хотели все видеть, все понимать, все знать. Эта потребность обнаруживается у первых философов-натуралистов Ионических островов. Бьющая через край жажда любознательности проявляется и в сочинениях

величайших греческих историков (Геродота и Фукидида). Она составляет одну из характерных черт школы перипатетиков, открывших в науке немало новых путей для исследований ученых.

Выезд охотниц. Фреска из Тиринфа

Первоначально местом собрания греческой общины был рынок, а в дальнейшем народ собирался на площадях. В Афинах местом сбора люда служила площадь на широком утесе, называемом Пниксом. Одни приходили на эту площадь развлечься, другие – по деловой необходимости. Греки умели не только торговать, но любили общаться с друзьями, вести беседы, петь, танцевать, прогуливаться, путешествовать, вообще предаваться развлечениям. Молодой Анахарсис после своего визита в Грецию писал о поведении греков: «Почти всех влекут (на площадь или агору) личные или общественные дела. …Площадь в определенные часы, освободившись от рыночной суеты, открывает прекрасную возможность наслаждаться зрелищем толпы или, наоборот, привлекать к себе внимание других. Вокруг площади расположены лавки торговцев благовониями и менял, цирюльников и т. п., куда всякий может свободно войти и где шумно обсуждаются государственные дела, случаи семейной жизни, пороки и смешные особенности частных лиц… Афинский народ чересчур насмешлив и шутки его особенно жестоки, потому что их язвительность тщательно замаскирована. Кое-где встречаются компании, ведущие поучительные беседы под различными портиками, разбросанными по городу. Ненасытная любовь афинян к новостям, являющаяся следствием живости их ума и поощряемая праздностью

жизни, заставляет их сближаться друг с другом. Особенно это ярко заметно во время войны и охоты…»

Мелеагр и калидонский вепрь. Античная статуя

Среди разного рода развлечений популярна охота… Известна история об охоте на страшного калидонского кабана. Этот вепрь буквально терроризировал население Этолии. И тогда с целью убить зверя в Калидон прибыли многие герои Греции. Их возглавил бесстрашный Мелеагр, влюбившийся в прекрасную охотницу Аталанту. К сожалению, охота завершилась, как это нередко бывало, убийством не только кабана, но и соперника. Охота вообще часто превращает в зверей самих охотников.

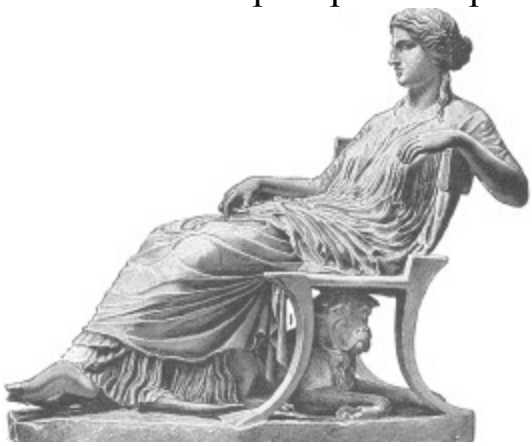
Антонио Канова. Елена Прекрасная

Люди издавна стали ценить надежность и крепость домашних стен. «Дома лучше, так как вне дома опасно», – говорила древняя греческая поговорка, встречающаяся у Гесиода, да и в «Гомеровом гимне Гермесу». Леса и дороги Греции в то время кишели зверями и бандитами. Так что английская пословица: «Мой дом – моя крепость» имеет давние истоки. Немудрено, что особое значение обрели у них божества домашнего очага и дома.

Афинянки

Большое значение имела личная и частная жизнь, которая у греков примерно с IV века стала более насыщенной. Личная жизнь стала занимать все более заметное место, наряду с политикой. Греки больше внимания стали уделять своим одеждам, еде и досугу. Наиболее состоятельные люди щеголяли в пурпурных плащах или пестрых хитонах, украшенных золотыми вещицами. Богачи, естественно,

одевались более броско и ярко. По одежде порой можно было определить даже и политические пристрастия грека.

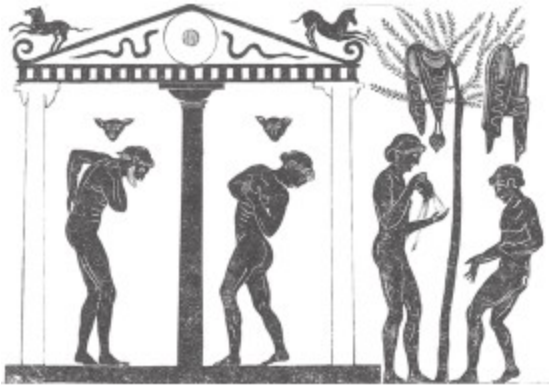


Греческая матрона

Короткий грубый плащ у лаконистов означал симпатии владельца к образу жизни Спарты, молодые аристократы предпочитали носить хламиду, плащ, украшенный золотом и пурпуром. Некоторые щеголи, вроде Алкивиада, выстраивали на голове различные композиции. Волосы греки обычно обрезали, хотя и не так коротко, как римляне. У мужчин в моде были бороды средних размеров. Дамы делали разного рода прически, дополняя их лентами, диадемами, платками, сетками. Состоятельные дамы одевались более пестро и красиво, в цветные хитоны, руки и шею украшая драгоценностями.

В заботах о своей внешности мужчины обычно органичивались тем, что должны были ежедневно мыться холодной или теплой водой и ухаживать за волосами. Всякое излишество внешности считалось признаком изнеженности и женоподобия. Лучшим украшением свободного мужчины считались длинные волосы и борода. Правда, с годами мода так или иначе менялась. Так, аргивяне стали стричься после поражения от спартанцев, а спартанцы с того времени вообще перестали стричься. С македонского времени стали брить бороды, волосы коротко стричь или завивать в мелкие кудри. Понятно, что особенно большое внимание своей внешности уделяли женщины. К их услугам имелись всевозможные ткани, драгоценности, белила, румяна, сурьма. Особенно злоупотребляли всеми этими аксессуарами гетеры. Они натирали кожу и волосы благовонными маслами и эссенциями, разрисовывали себе руки и тела, чтобы только завлечь в сети мужчин. Женщины шли на всевозможные ухищрения, чтобы казаться красивее,

стройнее, изящнее. Если сегодня к услугам богатых дам всякого рода массажные салоны, шейпинги, салоны красоты, то в Древней Греции эту роль выполняли сводни. Один из авторов (Афин. XIII, 23) говорит, что они «набирают новых девушек и в короткое время переделывают их так, что и узнать нельзя. Которая мала ростом, той выстилают башмаки пробкой, которая высока, той дают башмаки на тонких подошвах и заставляют ее ходить, опустив голову; от этого ее рост кажется ниже. Тощи ли у нее бедра – недостающее восполняется подушками, и всякий, видя ее, любуется полнотой бедер. Выдается ли слишком у нее живот, ей подкладывают поддельные груди, какие носят актеры, и дело исправлено. У кого рыжие брови, сажа превращает их в черные, у кого кожа смугла, той помогают белила, а слишком бледным – киноварь. Особенно красивые части тела с умыслом обнажают, и, если у нее прекрасные зубы, она должна смеяться кстати и некстати, чтобы люди могли любоваться ее красивым ртом». Помимо этих хитростей использовались различные украшения (цепи, браслеты, булавки, ожерелья, кольца, перстни, трости и т.д. и т.п.). Перстни носили и мужчины (афиняне – золотые и серебряные, спартанцы – железные). С годами эта мода ушла. И вообще, хотя после Пелопоннесской войны роскошь распространилась среди греков, наиболее умная и просвещенная часть общества предпочитала строгий и простой стиль. Народ над завитыми и надушенными щеголями, у которых по нескольку перстней на руках, да еще проколоты носы и уши, как у обезьян или папуасов, откровенно смеялся. Понятно, что бедняки ходили в лохмотьях, как это бывало и во времена Гомера.



Баня. Купальня

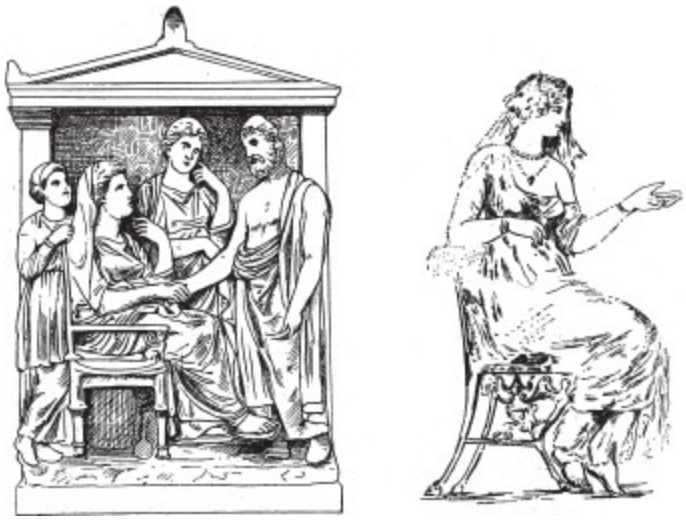
Еда у греков была простой. Всю провизию они закупали на рынке. Некоторые изыски позволяли разве что в кругу друзей-товарищей,

когда организовывался пир. Пир (симпосий) составлял одно из главных развлечений греков. Тут велись разговоры, философские споры, исполнялись веселые песенки (часто фривольного содержания), рождались застольные обряды. Возник специальный вид философского изложения, нашедший выражение в литературе симпосиев, а также в бессмертном платоновском «Пире». Со временем сугубо философско-научные пиры обрели характер разгульных времяпровождений, где выступали артисты – фокусники, танцовщицы, флейтистки, кифаристки, жонглеры и акробаты. Порой за столами, где собирались сторонники различных политических партий, шли настоящие баталии по политическим вопросам.

Молодые люди из богатых семей проводили время в палестрах и банях. Богатые отпрыски частенько устраивали пиры и попойки в складчину. На пир являлись, помывшись и умастившись благовониями. Омыв руки и ноги, они приступали к пиршеству. Кушанья им подавали рабы. Пищу брали не голыми руками, а манерно, пальчиками в перчатках. Украсив голову и грудь венками из мирта, фиалок, плюща, роз или иных цветов, юноши начинали главную пирушку, называвшуюся «симпосий» (не путать с нынешним научным симпозиумом). На эти пиры часто приглашались гетеры, танцовщицы, флейтистки и т.д., так что пиры часто затягивались до утра. Женщины после такого рода пиршеств и споров утешали разгоряченных мужчин, как могли; порой прикладывали примочки к их голове после обильных возлияний.

Беседа – пиршество особого рода. Это вам не те дикие сатурналии или же попойки, что позднее утвердились у некоторых варварских народов… Греки любили такие беседы, видя в них путь к совершенствованию и познанию. С другой стороны, особенно тщательно отбирались сотрапезники. Хилон считал, что ни один умный человек не позволит себе сойтись с кем попало за одним столом. Собеседник – ведь это куда серьезнее, чем любовница. Египтяне даже имели на пирах скелет, который напоминал всем присутствующим о том, что они пришли сюда насладиться вечной мудростью, а не набивать желудки. Многие следовали методе обучения, о которой поведал Апулей… Один мудрец, ведя беседу за столом, произнес такие слова во славу пиров и дружеских возлияний мудрецов: ««Первая чаша принадлежит жажде, вторая – веселью,

третья – наслаждению, четвертая – безумию». Но о чашах Муз должно сказать наоборот: чем чаще следуют они одна за другой, чем меньше воды подмешано в вино, тем больше пользы для здоровья духа. Первая – чаша учителя чтения – закладывает основы, вторая – чаша филолога – оснащает знаниями, третья – чаша ритора – вооружает красноречием. Большинство не идет дальше этих трех кубков. Но я пил в Афинах и из иных чаш: из чаши поэтического вымысла, из светлой чаши геометрии, из терпкой чаши диалектики, но в особенности из чаши всеохватывающей философии – этой бездонной нектарной чаши. И в самом деле: Эмпедокл создавал поэмы, Платон – диалоги, Сократ – гимны, Эпихарм – музыку, Ксенофонт – исторические сочинения, Кратет – сатиры, а ваш Апулей пробует свои силы во всех этих формах и с одинаковым усердием трудится на ниве каждой из девяти Муз, проявляя, разумеется, больше рвения, чем умения». Если афиняне позволяли себе во время трапез вольности, то встречи спартанцев были проще и строже. На трапезы (сисситии) собиралось по 14—15 человек. Ели в складчину, принося пищу с собой. Подобные трапезы часто посещали дети спартанцев, так как сисситии рассматривались как школа для воспитания молодежи. Тут они должны были, прислушиваясь к беседам взрослых, и сами набираться ума. Во время бесед спартанцы говорили коротко и ясно. Они вообще славились своей манерой излагать мысли просто и понятно (отсюда «лаконизм, лаконический»). Краткость – сестра таланта.



Афинские сценки

Вообще никакая другая тема, помимо тем политики и войны, не занимала греков столь основательно, как все, что связано с едой… Неслучайно и первой комедией Аристофана стали «Едоки». Еда у греков была очень скромной. В «меню» входила похлебка, мясо, овощи, хлеб. Бедняки обычно довольствовались овощами. Хлеб считался еще во времена Солона большой роскошью (VI в. до н.э.). Его заменяла каша или похлебка. Профессиональные пекари появились в Афинах только в V веке до н.э. Хлеб ценился на вес золота (финикийский, беотийский, фессалийский). Хлеб выпекали сами. По мере роста благосостояния и увеличения числа греческих колоний менялся и стол, становясь богаче и разнообразнее. Менее всего баловали себя спартанцы, обходясь, как правило, похлебкой. Особенно были они строги к вину. Спартанец Мегилл говорил: «Наш закон изгоняет из пределов страны то, под влиянием чего люди более всего подпадают сильнейшим удовольствиям, бесчинствам и всяческому безрассудству. Ни в селениях, ни в городах… ты не увидишь нигде пиршеств… и каждый, кто встретит пьяного гуляку, сейчас же налагает на него величайшее наказание, которое уж не снимут под предлогом Дионисийских празднеств. А у вас (в Афинах) видел я как-то повозки с такими гуляками, да и в Таранте у наших поселенцев видел я во время Дионисий весь город пьяным. У нас же ничего подобного не бывает». Другой герой решительно высказывается в пользу карфагенского закона, который запрещает пить вино воинам в лагере, рабам и рабыням, а также, прежде всего и особо, правителям, судьям и кормчим во время исполнения теми их профессиональных обязанностей. И надо сказать, спартанцы крепко держались правил трезвости… Все прочие греки пили вволю, днем и ночью, с дамами и без, несмотря на все указания и законы Платона. В чем-чем, а в этой области мы крепко унаследовали греческие уроки.

Пиршество

Учитывая скромный характер их ежедневных трапез, греки любили поговорить о вкусной пище. Истории о пирах встречаются у Платона, Аристотеля, Ксенофонта, Эпикура, Плутарха, Афинея, Персея Китийского, Клеанфа. Хотя этими именами список авторов, посвятивших труды описанию знаменитых пиршеств, конечно, не исчерпывается. Сюда стоит добавить «Пир, или Лапифы» Лукиана. Существовала и разновидность пиршественного жанра, пиршественные письма. Хотя более знаменит, пожалуй, даже не платоновский «Пир», а пятнадцать книг «Пира мудрецов» Афинея, который крайне интересен как описанием быта древних греков, так и богатейшей источниковедческой частью, ибо содержит более полутора тысяч цитат из 800 авторов (О. Левинская). Уже Гомер ясно понимал, что самой сильной потребностью у людей является их естественная потребность в пище и питье, а также получаемое в итоге этого удовольствие. Поэтому творения греков пестрят самыми разнообразными картинами того, как наилучшим образом удовлетворить потребности желудка. Греки устраивали празднества по любому поводу – рождение и смерть, победа на войне и олимпийских играх, свадьба или развод, юбилей или празднество. Собирались и без всякого повода, просто для того чтобы развлечь себя и других интересной беседой.

Последствия пирушки. Роспись килика

Как часто иные из наших современников оказываются после такого же бурного возлияния в положении героев лукиановского пира… Лукиан поведал, как славно проводили греки время в разнообразных удовольствиях. Вначале возвышенная беседа текла мирно, а затем за ней могла последовать ссора. Дело порой доходило до побоища. Можно было подумать, что видишь перед собой лапифов,

сатиров или кентавров: столы опрокинуты, кровь струилась, кубки летали по воздуху. А один ученый муж (кстати говоря, философ) сокрушил другому ударом дубинки череп, кому-то повредил челюсть, при этом нескольких рабов поранив. Когда Гистией, грамматик, попытался разнять дерущихся, он и сам получил ощутимый удар ногой в зубы. В суматохе кто-то опрокинул светильник. Когда внесли свечи, все увидели, как другой ученый муж, Алкидамант, что перед тем, не стыдясь женщин, помочился посреди комнаты, тут «был захвачен на том, что, раздев флейтистку, старался насильно сочетаться с ней».

Пиры аристократов. Фреска из Помпей

Другой участник симпосиума надумал в суматохе спереть чашу. Более всего вели себя необузданно, бранились, объедались, дрались, как ни странно, господа ученые… Когда же они стали расходиться, держась за бока (кто от боли, кто от хохота, кто со слезами, а кто и со смехом), помимо тех, кто уже не мог двинуться с места, все решили, что пирушка явно удалась. Лукиан делает вывод, что трудно говорить о том, насколько способствуют подобные встречи пользе наук или мудрости, но одно ясно: «Одно только я понял: что не безопасно человеку, не бывавшему в подобных переделках, обедать вместе со столь учеными людьми». Последнее замечание очень справедливо…

Парасит в античную эпоху

Недавно и нам пришлось принять участие в таком пире с титулованными учеными мужами. При этом сами же они просили взять их в «застолье», обещая вести себя честно, достойно и прилично. Однако мало того, что сами ничего не дали в общий котел, палец о палец не ударив, так еще утащили принесенный другими «провиант». Вспомнился отрывок из «Пира», где Платон, устами Сократа, сказал, что «к людям достойным на пир достойный без зова приходит». Вспомнилась и фраза Геракла, сказанная им царю Кеику: «Люди достойные без зова приходят на пир к недостойным». В наше время бывает наоборот. Недостойные и малодостойные, те, кто не умеют или не хотят трудиться с полной отдачей сил, завистники, норовят сесть на шею труженику. Ныне и среди части научной братии считается в порядке вещей обмануть и, ничуть не краснея, лишить работника плодов его труда. О некоторых из них можно было бы сказать словами блистательного поэта Джалал ад-Дина Руми:

Мы оказали милость человеку,
дав ему свободу воли.
Половина стала пчелами,
половина – змеями…[1]

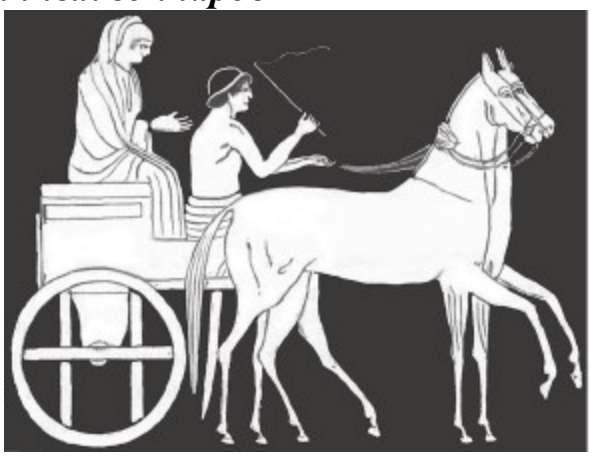
Иные змеи исцеляют, а иные отравляют все вокруг. Отчего-то вспомнились строки из «Махабхараты»: «А змей между тем умножалось потомство. Обычаем было у змей вероломство». Увы, мы так и не научились видеть в людях, тем более в ученых, параситов (или змей), предпочитая сообщество пчел. Хотя понимаем, что все призывы

к добродетели, которые хотел привить людям Гомер с ранних лет на всю жизнь, чтобы они тратили досуг и рвение на добрые дела, а не на подлости, дойдут лишь до людей порядочных, совестливых и добродетельных. Однако никогда нельзя забывать совета мудрейшего Хайяма, хорошо знавшего перипетии бурной жизни:

В этом мире неверном не будь
дураком:
Полагаться не вздумай на тех,
кто кругом,
Трезвым оком взгляни
на ближайшего друга —
Друг, возможно, окажется
злейшим врагом.

Афиней, описывая пиры богатого римлянина Ларенсия, в своей книге описывает различные наслаждения от пищи и питья. При этом он считает, как и Антифан, что для получения действительного наслаждения от пира и компании «блистательных застолий нам не надобно». Хотя, говорят, были и гурманы, подобные Пифиллу, прозванному Лакомкой. Тот якобы даже ходил с обернутым языком и освобождал его только перед самым угощением, а после еды очищал сухой рыбьей чешуей, чтобы его язык острее различал вкус. Среди разного рода кушаний, что подавали греки и римляне на пирах, были и такие, которые, по словам Менандра, «распаляют похоть». Было специальное блюдо, изготовление его требовало особых хлопот. Оно называлось довольно-таки странно – «горшок для развратников» (видимо, блюдо с какими-то особыми специями, распалявшими желание). Вначале греки сидели за трапезой. Герои и философы на сместных застольях никогда не возлегали, а чинно восседали. В Македонии вообще не разрешалось лежать во время приема пищи за столом. Когда Александр однажды устроил прием в честь 6000 своих офицеров, он всех рассадил на серебряных стульях и ложах, застеленных пурпурными плащами.

Работы античных гончаров



Передвижение греков на повозке

Так было во времена более строгие, чем время Афинея (конец II в. н. э., эпоха императора Коммода). Поэтому он скажет: «Мы же пали так низко, что лежим и за трапезой!» На такого рода трапезы особо старались попасть те, кого греки называли параситы (паразиты). Некоторые из них даже прославились таким искусством. Паразиты норовили «пожрать без взноса складчины», то есть на дармовщинку. Так же в наше время иные особи из околобогемной публики стараются попасть на разного рода банкеты, приемы, тусовки. Подобные нахлебники составляли и в те времена непременную деталь жизни греческого полиса. Видимо, у них также были свои функции, раз в одной из комедий сказано, что «должно быть параситу место сразу же за кифаредом», а в другой подчеркивается: «Но заниматься парасита ремеслом не должно, не умея людям нравиться». Иначе говоря,

парасит играл в древнегреческом обществе роль некоего шута, актера, балагура или же массовика-затейника.

Таким образом, как видите, греки вели довольно активную общественную и частную жизнь – ходили в собрание, встречались с друзьями, посещали театры и стадионы. Платон писал, что в театрах иногда бывало до 30 000 зрителей. Каждый платил за место в театре по два обола в день; бедных же пускали за счет государства. Публика живо реагировала – аплодировала или шикала. За лучшие пьесы исполнителям ролей (актеры были мужчины) и поэтам-авторам присуждали награды (за трагедию давали козла, за комедию – амфору вина и корзину с фигами, затем стали награждать венками).

Самая образованная, просвещенная часть греческого общества проводила время за чтением книг или их слушанием. Геродот читал отдельные части своей «Истории» на Олимпийских играх. Меж слушателями оказался в это время другой великий историк, Фукидид. По его словам, он пролил слезы восторга, что и подвигло его к изучению истории.

Необходимость масштабной колонизации сделала из греков путешественников. Впрочем, будучи легкими на подъем, греки любили путешествовать. По городу и в окрестностях обычно передвигались пешком. Богатые пользовались повозками или носилками (что вызывало у бедных зависть, давая пищу злословию), или же выходили в сопровождении слуги, несущего складной стул… Почти у всех мужчин в руках трости, женщины нередко шли с зонтами. По ночам путь освещал раб, несущий факел. Если ночью вас не сопровождало несколько слуг, вы подвергались опасности быть ограбленным. Греки чаще путешествовали морем. Внутри страны хороших дорог было очень немного, и почти все они были проложены кое-как.

Система образования: школы и учителя в античном мире

Каково отношение древних греков к образованию и воспитанию? Мы не ставили своей специальной задачей отследить, как на протяжении веков шел процесс становления просвещения и воспитания в Греции. Скажем лишь, что обучение исходило из ранее имеющегося знания. «Это становится очевидным, – писал Аристотель в одной из его работ, – при рассмотрении всякого (обучения и учения), ведь и математические науки, и каждое из прочих искусств приобретаются именно таким способом». Велико было и значение игр. Платон рекомендовал ребенку играть до 6 лет, руководя и с детства приучая его делать то, чем он будет впоследствии заниматься. Будущий архитектор должен строить, будущий земледелец – возделывать землю, солдат – уметь воевать и т. д. Конечно, дети всегда остаются детьми. Поэтому немало времени уделялось играм.

Детские игры

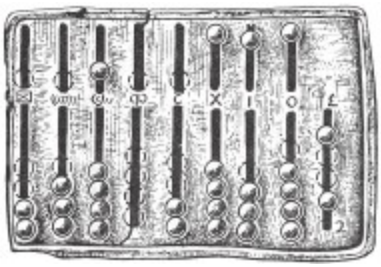
В 7 лет греческого отпрыска обычно отдавали в руки педагога. Тот чем-то напоминал «дядьку», который смотрел за мальчуганом, сопровождая его в школу и палестру. Дома дети занимались под присмотром педагогов. Как правило, это был раб. Перикл поручил воспитание Алкивиада фракийскому рабу Зопиру, «ставшему

негодным для другой работы, по причине старости». Мнение греков о педагогах было не очень-то высоким.

В палестре занимались мальчики из хороших семей

В описаниях он предстает как старик, лысый, грубый, нечесаный, ворчливый и зачастую пьяный. Такого учителя порой могли даже поколотить. Ведь известно, что и Геракл в ответ на шлепок учителя музыки так стукнул его лирой по голове, что бедняга вскоре испустил дух. Обучению и воспитанию граждан тем не менее придавали большое значение. Греки видели в нем основу крепости и силы государства. Оно должно было быть одинаковым для всех свободных. Так полагал Аристотель: «Так как государство всегда имеет одну и ту же цель, воспитание обязательно должно быть одинаковым для всех его членов». Но на практике все иначе. Богатые получали, конечно, и лучшее образование с воспитанием. Платон отмечал, что посещающие палестру мальчики в большинстве принадлежат к аристократическим семьям. Протагор уточняет: «Сыновья богатых идут в школу раньше всех и позже всех перестают ее посещать». Хотя наличие богатства еще не означало обязательных успехов на ниве просвещения. Вряд ли чему-то путному научился лентяй, чей богатый папаша для облегчения запоминания букв алфавита подарил ему 24 раба (по числу букв).

Школьная табличка. Берлинский музей



Бронзовая счетная доска. I в. н.э.

Считается, что еще в VIII веке до н.э. греческие купцы завезли в приморские города Ионии и Эллады финикийские письмена. Пройдет не так много времени, и античная Греция станет страной почти что поголовной грамотности. На ранних этапах зарождения образования, наряду с привилегированными и замкнутыми придворными школами, имелись и массовые специальные учебные заведения (школы писцов, служащих, школы ремесленников). Схожие модели развития обучающих институтов мы встречаем в Египте, Китае, Греции, Риме, Иране. Все говорит о том, что у древних существуют примерно одни и те же источники знаний, модели, даже представления об окружающем их мире. Люди той эпохи стремились черпать мудрость отовсюду, подобно великому философу Сократу. «Я просматриваю сокровища древних мудрых мужей, которые оставили нам последние в своих сочинениях; и если мы встретим что-либо хорошее, заимствуем и считаем великой для себя прибылью» – любил говорить он.

Боэф. Мальчик с гусем

В эпоху Гомера строгого разделения между различными слоями общества еще не было. Все просвещались в основном в схожем кругу мифов, легенд и поверий. Так, греческие дети, учившиеся ходить и

плавать, внимали строкам поэм «Одиссеи» и «Илиады», учились читать, разбирали их по складам и декламировали. Для Греции было характерно широкое приобщение к знаниям значительного числа афинских граждан. В полисах почти все свободное население было грамотным. Крупнейшие мыслители (Сократ, Исократ, Платон, Аристотель) пытались обосновать законы образования и воспитания. Законодатели и управители (Солон, Перикл) занимались созданием школ. Первым «воспитателем» эллинов считался Гомер. По крайней мере так назвал его Платон, а поэт Эсхил (524—456 гг. до н.э.) считал таковым Прометея.

Другой образец образовательных усилий – своего рода учение-игра (спор, соревнование, состязание). Здесь перед нами не только интересная и веселая забава, но вместе с тем поучительная. Образование древних греков, подобно Янусу, всегда имело два лица. Каждое из них было по-своему правомерным и необходимым. В поэзии римского лирика Гая Валерия Катулла (I век до н.э.) встречаем яркие образчики того, что и поэтические занятия часто напоминали скорее именно «игру» (lusus), а не тяжкий «труд» (labor):

Друг Лициний! Вчера в часы досуга
Мы табличками долго забавлялись.
Превосходно и весело играли.
Мы писали стихи поочередно.
Подбирали размеры и меняли.
Пили, шуткою на шутку отвечали.

Голландский историк Й. Хейзинга (1872—1945) считал естественным и неизбежным восприятие человеческой культуры sub specie ludi (под углом зрения, под знаком игры), так как удивительные возможности, заложенные в играх, способствуют развитию и обогащению умственных и профессиональных навыков людей. Будучи ректором Лейденского университета, Хейзинга даже посвятил этой важной теме инаугурационную речь, назвав ее «О границах игры и серьезного в культуре». Греческие дети играли sphairinda – в мяч, helkustinda – в перетягивание каната, streptinda – в бабки, basilinda – в царей и т.д. и т.п. Пожалуй, знаменательно даже и то, что вечность

представлена в учении философа Гераклита в образе играющего дитя. Древность выдвинула в качестве идеалов два образца обучения и воспитания. Один включает в себя серьезный упорный труд, другой – игру. Труд господствует и доминирует в теории, но это не означало, что детям не позволялись свойственные их возрасту шалости.

Ребенок школьного возраста в Греции

Ведь древним людям, как и современникам, были присущи все естественные человеческие склонности. Они ненавидели скуку и тоску, навеваемую учеными дидактами (как и мы с вами). Иначе бы не появилось знаменитое высказывание философа Платона: «Питай своих детей науками не насильно, а играючи…» И в какую страну древнего мира не перенесись, везде наверняка вы столкнулись бы с игровыми сюжетами. Дети учились и учатся, играя. В играх и учеба может стать сладкой и желанной… Мы вправе даже говорить о присутствии в школьной практике античности homo ludens («человека играющего»). Скажем, у индусов мир в целом мыслился как некая игра в кости, в которой участвуют Шива со своей супругой. Главные события древнейшего памятника индийской культуры «Махабхараты» развертываются на фоне игры в кости, которой заняты царь Юдхиштхира и Кауравы. Как серьезным делом занимались метанием костей и германцы, видя в этом не только элементы религиозного культа, но и своеобразный образовательный или учебный тренинг.

Обучение царских детей

Овладев искусством чтения и письма, грек приступал к изучению произведений известных писателей. Источниками первого приобщения к литературе становились поэмы Гомера и Гесиода, стихотворения законодателя Солона, басни Эзопа, труды Феогнида. В идеальном полисе Платона предполагалась дифференциация людских интересов. В его «Законах» изложена программа воспитания, где особое внимание уделяется тому, как и чему следует учить молодежь. Им высказана важная мысль, что резкого разрыва между дедовскими правилами и новыми правилами обучения и поведения быть не должно. Нельзя переступать границы разумного и вечного, ибо тогда «при ниспровержении древних оснований обваливается и все позднейшее великолепное сооружение». Потому и нужен институт наставников-цензоров, дабы те определяли границы дозволенного. Порочные и неподходящие сочинения надо отринуть, отдав предпочтение рассудительной и умеренной Музе, а не «расхожей и сладостной». Первая улучшает людей, вторая ухудшает. Он полагал необходимым гармоничное развитие («тело следует обучать гимнастическому искусству, а душу – для развития ее добродетели – мусическому»). Строительство гимнасиев и школ философ считал первостепенной задачей государства. Добротное образование должны получить все без исключения члены полиса, ибо дети республики «больше принадлежат государству, чем своим родителям». Мудрые, великие слова, которые кое-где ныне позабыты.

Процесс обучения юношей

Модель античного образования полагала, что итогом воспитательных усилий общества долно стать появление на свет некоего совершенного существа, которое овладеет доступными ему знаниями и навыками гражданина. Едва ли не главной миссией педагогики считалось воспитание. Аристотель говорил, что воспитание нуждается в трех вещах: даровании, науке и упражнении. Платон в «Государстве» рассматривал оное как важнейший фактор общественного здоровья. Должность учителя, в задачу которого входит попечение о воспитании мальчиков и девочек, считал философ, значительнее самых высоких и почетных должностей в любом нормальном государстве. И этому искусству должны обучаться лучшие натуры.

П. Рубенс. Воспитание Ахилла

Школы представляли собой копию будущего общества. Поэтому там царили те же законы и правила поведения, что и у взрослых. Например, товарищи Цицерона по арпинской школе ценили его великие дарования и, восхищаясь им, окружали его и составляли

свиту. Но и у взрослых также была свита, обычно представленная рядовыми гражданами, следовавшими за членами магистрата и триумфаторами. В школе общество воспроизводит себя.

Особое значение придавали обучению искусству риторики. Риторика была необходима общественному деятелю, ибо косноязычие могло поставить крест на его политической карьере. К примеру, Цицерон обучался риторике у знаменитого оратора Красса, где сочинял поэмы и стихи (впоследствии он горделиво сообщал, что в течение одной ночи сочинил до 500 стихов). Когда же он получил право надеть мужскую тогу (toga virilis), то есть достиг по римским понятиям совершеннолетия, отец поручил его заботам и попечениям законоведа – Квинта Муция Сцеволы. И таких честолюбивых юношей в Греции и Риме, очевидно, было немало… «Честолюбие есть чрезмерное желание славы» (Спиноза). Многие элементы образования и воспитания эпохи античности будут приняты на вооружение средневековой школой, христианством и другими мировыми религиями. Скажем, глава школы христиан Климент Александрийский так представлял идеал юноши: «Благородный образ жизни, плод христианского воспитания, собою обуславливает красоту желаний и стремлений» («Педагог»).

Сохранились воспоминания многих мужей Греции о том, что представляло собой тогдашнее просвещение. Перикл заметил, что он посещал мусическую школу до 16 лет. «Мусический» у греков означало – «относящийся к Музам». Потом он, будучи правителем, стал заботиться не только о том, чтобы изображения Муз и Аполлона стояли в школах и им молились перед началом занятий, но и о том, чтобы школы воспитывали в своих стенах достойных, умных и свободных людей. Вождь демоса всегда старался следовать однажды услышанному им совету: «Помни, Перикл, что ты управляешь афинянами, свободными людьми». Платон говорил, что «ни одну науку не следует изучать рабски». Этого же требовали философы от тех, кто посвятил себя учению. «С умом и образование, и воспитание приносят пользу, а без ума – вред», – говорил Сократ.

Греки и римляне прекрасно понимали: от того, как будет воспитана молодежь, зависит и будущее страны… Это видно при прочтении «Законов» и «Республики» Платона, «Политики» Аристотеля, сочинения Плутарха «О воспитании детей» или

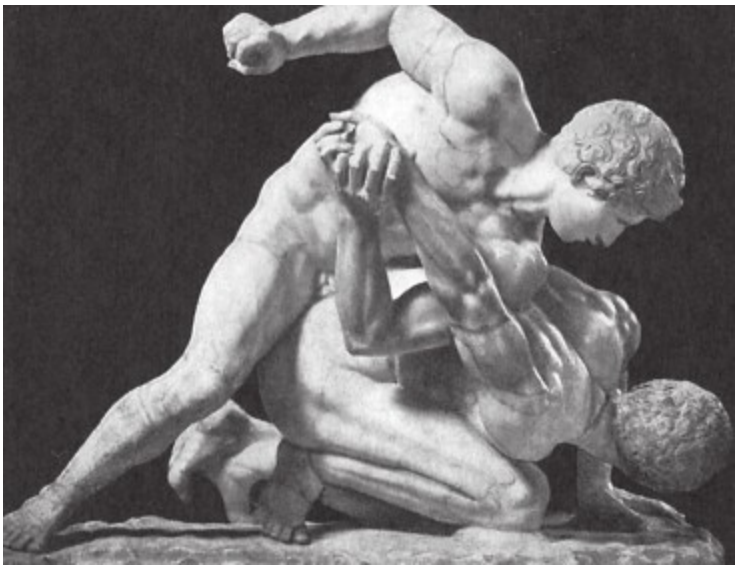
Ксенофонтовой «Киропедии» («Воспитание Кира»). Греки, обожавшие состязания, сравнивали процесс обучения с тренировкой и укрощением животного. Поэтому на вопрос, какая разница между людьми образованными и необразованными, философ Аристипп остроумно сказал: «Точно такая же, как между лошадьми объезженными и необъезженными». Но в познаниях надо чувствовать меру, четко уметь очертить круг интересов. Человеку, громко хваставшемуся обширными знаниями, Аристипп как-то сказал: «Оттого что человек очень много ест, он не становится здоровее, чем тот, который довольствуется только необходимым: точно так же и ученый – это не тот, кто много читает, а тот, кто читает с пользою». Вообще-то умственная лень считалась у древних самым наипозорнейшим явлением. Пробелы в образовании и культуре не прощались никому (особенно общественным фигурам, чья глупость у всех на виду). Цицерон в трактате «О природе богов», возражая Эпикуру, в полемическом запале ставит тому в вину его слабую школьную подготовку: «А сам он (Эпикур), между прочим, хвалился, …что не имел никакого учителя. Да если бы он и не предупреждал, я бы мог легко в это поверить, словно владельцу плохо построенного здания, который хвалится, что он обошелся без зодчего. Не пахнет от Эпикура ни Академией, ни Ликеем, не чувствуется в нем даже школьного образования». Правда, бывали и такие учителя, что обучали молодежь, как лучше стать хорошим приспособленцем. В одной из поэм герой Амфиарай, расставаясь с сыном, говорит ему: «Дитя мое, вдохновляйся примером осьминожки и умей приспособляться к нравам тех, к кому ты пойдешь; под какой бы то ни было формой, но всегда являйся похожим на тех людей, среди которых тебе придется жить». Хотя эта черта выражает не особенность национального характера, а скорее свойство определенного человеческого типа.

Педагогическая сценка. Учитель с детьми

Что же касается учителей, то и тут можно говорить о двух самых распространенных типах учителей, хотя их было, конечно, гораздо больше. Квинтилиан описал их в главе «Нравы и обязанности учителя». Один тип учителя – гневливый, едкий, нетерпеливый, суровый, скорый на бранные и обидные слова, зачастую и на расправу. Другой – полная ему противоположность – снисходительный, мягкий, не бранящий ученика за ошибки, нередко льстящий ученикам и родителям в глаза и за глаза. О таких Тацит писал: «Они привлекают к себе учеников не строгостью дисциплины, не дарованиями, проверенными на опыте, а заискиваньем, лестью и низкопоклонством». Ювенал также писал об учителях, нравственный и интеллектуальный уровень которых был очень низок. Можно сказать с уверенностью, что в Греции были те и другие. О мудрых и способных учителях говорил Квинтилиан. Таких же достойных мужей (почтенных, любящих свою работу) вспоминал и Авл Геллий. Плиний Младший писал об учительском мире, который и сам хорошо знал, как о прекрасных людях: «Нет людей искреннее, проще и лучше». Они бесконечно преданы своей нелегкой профессии. Надо сказать: жизнь основной массы учителей и тогда была нелегкой.

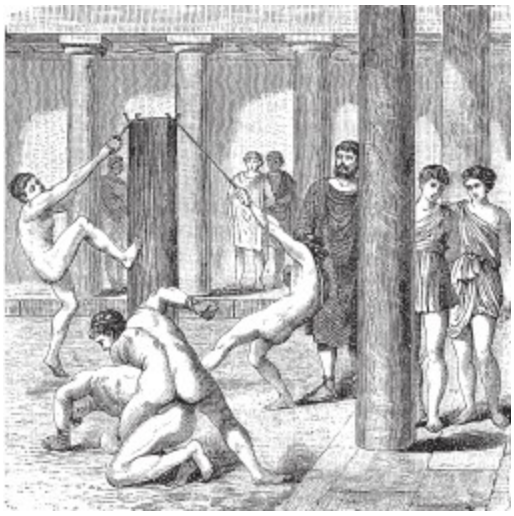
Палестра гимнасия (гимназия) в Саламине

Ювенал изображает одного такого грамматика как нищего бедняка, который с полуночи сидит в убогом школьном помещении, единственным украшением коего являются «облезлый Флакк и покрытый черной копотью Вергилий». Светоний говорит о щемящей душу бедности, которая наблюдается в домах даже некоторых известных грамматиков: Орбилий умер бедняком, Валерий Катон «жил почти в нищете»; беден был Юлий Гигин. Хотя в Греции встречались и весьма состоятельные учителя. Так, Ремий Палемон получал ежегодно от своих учеников 400 тыс. сестерций; у Гнифона был собственный дом, что было тогда редкостью для учительской братии; а Эпафродит, живший при Нероне, имел в Риме даже два дома и библиотеку в 30 тыс. томов. Что уж говорить о Верии Флакке, учившем внуков самого Августа: он вообще ни в чем не знал отказа. Большинство учителей по своему экономическому положению находилась ближе к середине, а то даже и к бедности. Школы были довольно многолюдны. Средний учитель получал примерно пять золотых за весь период ежегодного обучения. После школы ребят направляли в школу риторов.



Скульптурная группа «Борцы» («Панкратиасты»). Флоренция

Платон считал высшее образование тяжким, но благородным трудом! У греков не существовало понятия «энциклопедист», но уже бытовало понятие «общее для всех образование». Оно и стало критерием развитой и умной личности. Никакие побочные занятия не должны были быть помехой для этого дела, ибо оно дает «телу закалку в трудах, душе же – знания и навыки». Понятно, что речь в этом случае шла о сложном высококвалифицированном труде, каковым по преимуществу и является (по крайней мере, должен являться) труд руководителей и правителей. Правитель уподобляется у Платона стражу законов и учителю народа. Впрочем, сами правители должны были неустанно повышать уровень своих знаний и культуры. В противном случае от их трудов мало и толку, и пользы народу. Учение, упражнение «дает больше, чем хорошее природное дарование» (Протагор). «Мудр – кто знает нужное, а не многое» (Эсхил).



Спортивные занятия спартанских юношей

Педагогика перешла из пещер в портик (место, где шли занятия с учениками). Учителя постепенно стали отказываться от стихийности, случайности в построении учебного процесса. Возникла довольно стройная система обучения и воспитания… Римлянин Варрон создает пособие по практической организации школ. Один из первых риторов того времени Квинтилиан упорядочил языково-литературные обороты речи слушателей. Главное то, что в античном обществе возникает устойчивая потребность в знаниях. Все в той или иной степени поняли справедливость слов странствующего философа из Прусы Диона Златоуста, которые он обращал к жителям Трои: «Друзья мои троянцы, человека легко обманывать, трудно учить, а еще трудней переучивать». Поэтому столь велика миссия мудреца, учителя, воспитателя. Вероятно, в отношении уроков античной педагогики можно применить перефразированное нами высказывание великого римского философа Сенеки: «Государство, достойное ее, – весь мир».

Краснофигурный кратер «мастера Ниобид» из Орвьето

Поэтому несмотря на довольно скудное экономическое положение учителя, его статус (особенно, если тот директор) оказывался довольно высок. В Афинах и Спарте начальники гимназий (гимназиархи), к тому же исполнявшие обязанности жрецов, были в почете. Наряду с государственными чиновниками они носили особый посох и пурпурную тогу. Иные учителя прославились и были занесены в книгу памяти народа. До нас дошло имя древнегреческого поэта-лирика Тиртея (вторая половина VII в. до н.э.). По преданию, поэт Тиртей был одновременно и школьным учителем. Посланный афинянами в Спарту (взамен требуемой от них военной помощи), он сумел речами и песнями так поднять боевой дух спартанцев, что принес им победу.

Поскольку в Теосе, Дельфах, других городах они находились на государственной службе, приходилось согласовывать взгляды не столько с отвлеченным идеалом, сколь с жизнью. В Спарте никто не имел права воспитывать ребенка только по своему усмотрению. Даже наемные педагоги исключались из числа преподавателей. Дети попадали как бы в ведение государства. Собрав их в группы и отряды, их них воспитывали настоящих бойцов. Грамоте учили в пределах необходимости (прочитать приказ и поставить подпись). Спарта – военное государство, и это накладывало отпечаток на воспитание. Дети обязаны были сами себе добывать дрова и пропитание. Их приучали говорить кратко, точно, сжато. Педагоги древности были свободны в рамках общих понятий. П. Гиро отмечал: «Тем не менее свобода обучения не предполагала свободы всяких доктрин. Учитель

не должен был забывать, что в его руках находились будущие граждане, и он не имел права внушать им идеи по своему усмотрению. Он обязан был развивать в них не только любовь к отечеству, но также и любовь к национальным учреждениям. Если бы учитель, при демократическом правлении, захотел внушать своим ученикам презрение к демократии, то он подвергся бы преследованиям». Под демократией понимали любовь к родине, а не ненависть к ней, гордость деяниями предков, а не гнусное очернительство всего, что ими сделано.

Однако были и противоположные примеры. В том случае, если общество оказалось неудовлетворено работой учителя, провинившегося педагога могли подвергнуть суду и суровому наказанию. Классический пример – это судьба Сократа… В качестве наказания якобы за опасное воспитание афиняне его вынудили принять яд. Учитель таким образом оказывался перед серьезным выбором. Взгляды не должны вступать в противоречие с господствующей в полисе доктриной. Как говорят, положение учителя обязывает.

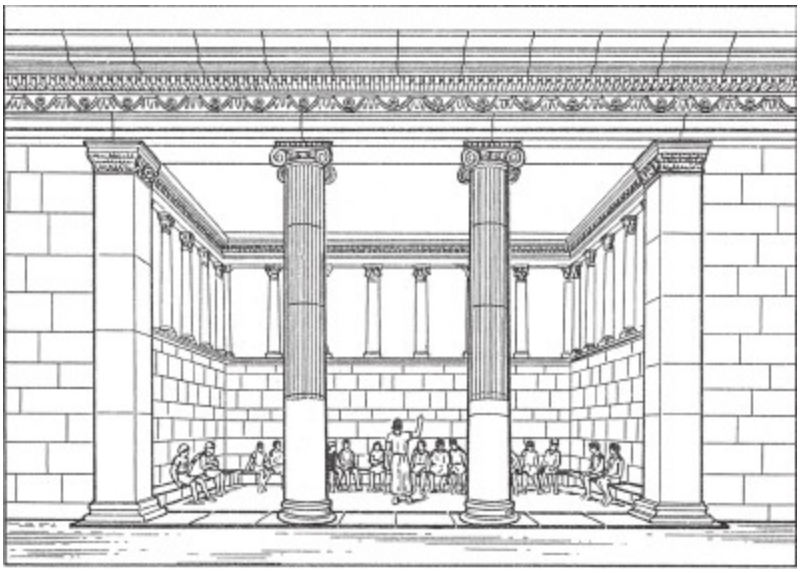
Хотя и седую древность не следует воспринимать идиллически. Опыт древних народов – это «сын ошибок трудных» (А.С. Пушкин). Наивно полагать, что люди там охотно бросались в объятия просвещения. Длившаяся тысячелетиями ночь ума, демоническая сила невежества имели и имеют прочные корни в человеческом сознании. Ко многим народам можно отнести слова Тацита, сказанные в адрес древних германцев – «У них самих нет никакой изобретательности» или «Тайны письмен равно не ведают ни мужчины, ни женщины». Цезарь характеризует немцев как диких варваров, вся жизнь которых проходит в охоте и военных занятиях. Надо признать, что отношение многих народов к образованию и знанию долгое время оставалось прохладным в силу самих условий существования. Ведь подавляющая масса людей пребывала вне круга образования: ни школ, ни учебников, ни учителей у них по сути дела еще не было. Но и там, где они были (Греции и Риме), доступ к нему имели лишь свободные граждане. Педагогика и образование выполняли, как сказали бы, социальный заказ, в наибольшей степени отвечающий общественным потребностям времени. Рабам вообще запрещались многие виды умственной, духовной деятельности. Разумеется, были исключения:

Эзоп – в литературе, Эпиктет – в философии; великий Платон был, как мы знаем, продан по приказу тирана Дионисия на остров Эгину. Однако в общем и целом в Греции науки, искусства, литература развивались вне круга рабства. К плодам просвещения рабы, по словам А. Валлона, могли приближаться только на определенное расстояние.

Юношам для получения знаний приходилось прикладывать немало энергии. Хотя в переводе с древнегреческого «школа» означает «досуг», не всем удавалось усваивать знания играючи. Порой детей принуждали к занятиям. Древняя надпись донесла слова, обращенные к школьнику: «Иди в школу, достань таблички и пиши – и не вздумай шататься по улицам!» В источниках тех лет нередко встречаются упоминания о тяжкой жизни обучаемых. Уста древних исторгают жалобы на то, как их тиранят педагоги (грамматисты, критики, геометры, тактики и пр.). Катон Старший со знанием дела говорит: «Ученость есть сладкий плод горького корня».

Горьким сей плод был не только для некоторых учеников, но и для учителей. Ведь среди педагогов и в эпоху античности оказывалось немало случайных людей. Бывало, вовсе не любовь к профессии, а жизненные невзгоды, злоключения и беды вынуждали людей заниматься обучением и воспитанием детей, толкали их в школу. В этом случае приходилось только сочувствовать тем и другим. Пожалуй что нет ничего ужаснее, чем учитель, в глубине души люто ненавидящий свою профессию. Об иных можно было сказать словами Гёте: «Те, у которых мы учимся, правильно называются нашими учителями, но не всякий, кто учит нас, заслуживает это имя». В таких случаях ученики шли в школу крайне неохотно, учились словно из-под палки.

О низком социальном статусе учителей говорит поэт, характеризуя судьбу такого вот бедолаги: «Он или умер, или обучает детей грамоте». Порой в роли учителей оказывались и цари. Тирану Дионисию Младшему после его низложения с трона одно время пришлось зарабатывать себе на жизнь профессией лектора в Коринфе. Впрочем, немало примеров и иного рода. Благодарные ученики вспоминали своих мудрых учителей с теплотой и признательностью. Хотя качество обучения редко отражалось на их оплате (разве что в могильных эпитафиях). Российский учитель, похоже, сегодня не может рассчитывать даже на достойную могильную эпитафию.



Гимнасия в Приене. Реконструкция

Развитию процесса приобщения к знаниям очень мешала скудость материального базиса древнего мира. Хотя получение образования молодыми людьми обходилось в относительно небольшую сумму (в 20 драхм), для многих и такие деньги оказывались довольно серьезной проблемой. Уровень знаний часто самым непосредственным образом зависел от наличия средств. Экономический фактор был, по сути дела, главным в деле просвещения. В эпоху мудрого Солона, немало, казалось бы, сделавшего для развития просвещения сограждан, неравенство между бедными и богатыми дошло, по признанию самого Плутарха, «до высшей точки». Скажем прямо и откровенно: бедность – плохое подспорье для массового образования и воспитания. Иного и не следовало ожидать в мире, где правят не ум и знания, но сила, знатность, богатство.

Силен, занятый воспитанием Диониса

Занятие наукой было уделом немногих. Знание и ученость, говоря словами Саади, часто вынуждены были прозябать в рвани и грязи. Случаи, когда отдельные представители научного мира являли собой пример благополучия, крайне редки. Известен Пифагор, принесший в дар богам (за открытие им знаменитой теоремы о квадрате гипотенузы) целое стадо из ста голов. Но такие случаи редки… Где монет в избытке, там бывало не до книг. Учеба в глазах иных обладателей толстых кошельков казалась пустой забавой. Но чаще именно состоятельные люди тянутся к знаниям.

П. Батони. Обучение Ахилла кентавром Хироном. Ок. 1770 г.

В рабовладельческом обществе образование (достояние свободных) считалось все же роскошью. Конечно, определенный минимум знаний (начальное образование) свободный грек и римлянин получали, но дальше этого первого шага продвигались редко. Свидетельством тому стало высказывание Лукиана, «Вольтера классической древности», писавшего в автобиографических набросках: «Едва только я, достигнув отрочества, перестал ходить в школу, как мой отец принялся со своими рассуждать, чему же теперь надо учить меня. Большинство было того мнения, что настоящее образование стоит больших трудов, весьма длительно, связано с большими затратами и предполагает блестящее положение; наши же дела плохи, и в скором времени нам может понадобиться поддержка. Вот если бы я выучился какому-нибудь ремеслу, то сразу же начал бы зарабатывать на жизнь и перестал – такой большой парень – сидеть на отцовских хлебах, а вскоре мог бы обрадовать отца, принося ему постоянно свой заработок». Тут видим признаки рациональности

мышления древнего сирийца, равно как и общие представления греко-римского мира, где материальная стесненность семьи диктует и ее «одежку». Злая ирония Лукиана подтверждает то, что эта установка закрепилась в общественном сознании.

Пародия на античную школу

Знания доступны были лишь избранным. Гераклит, к примеру, хотя и провозглашал природное равенство людей, понимал, что фактически все люди не могут быть равны. Их неравенство в его представлении проистекало из двух моментов: во-первых, познание логоса, мудрости и единства мира дается далеко не всем, и, во-вторых, большинство живет все-таки отнюдь не по законам божественного разума, а исключительно по своему разумению. Разум слишком часто является всего лишь пленником или плодом низменных и корыстных желаний. Что поделаешь, такова несовершенная природа человека. И разве не прав был Демокрит, говоривший: «Подобно тому, как бывает болезнь тела, бывает также болезнь образа жизни»?!

Ученик, опоздавший на урок

Времена и тогда были далеко не идеальными. Школа не могла изменить общих положений и условий жизни, ибо ни ум, ни

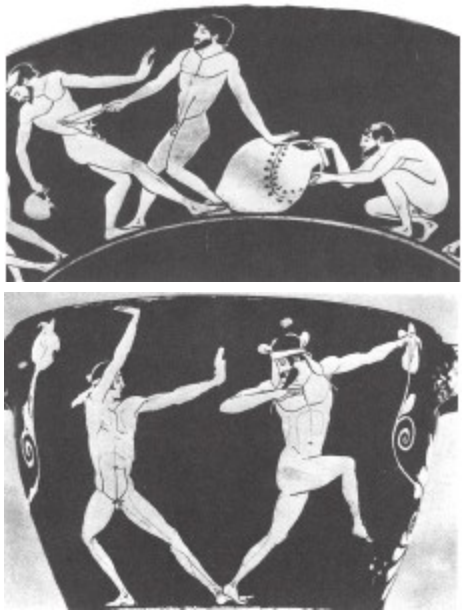
нравственность, ни добрый нрав, ни жажда знаний сами по себе еще не гарантировали высокого общественного статуса или хотя бы приличного уровня жизни. Бедняки были лишены самого необходимого. Орест в «Электре» Еврипида скажет:

В семье вельмож растет
негодный сын,
И добрые у злых выходят дети.
Богач в душе пустыню обнажит,
А светлый ум под рубищем таится.
Чего-чего не наглядишься. Где ж
И в чем искать мерила?
Если в деньгах —
Обманешься… И в бедности – загон:
Нужда – плохой учитель…

Краткий жизни миг, а ее продолжительность была намного короче, нежели ныне (т.е. примерно 30—35 лет), и грубые нравы отвращали многих людей от серьезных просветительских усилий. В дошедших до нас фрагментах сочинения «О знаменитых людях» Светоний оставил точное свидетельство общего уровня тогдашней римской культуры (II в. до н.э.). Мы видим, что уровень сей не очень высок: «Грамматика в Риме в прежние времена не пользовалась не только почетом, но даже известностью, потому что народ, как мы знаем, был грубым и воинственным и для благородных наук не хватало времени». Большинство училось спустя рукава, говоря в духе Сенеки: «Non vitae, sed scholae discimus» (лат. «Не для жизни, а для школы учимся»). Изучение грамматики в тогдашнем Риме связывали с неким Кратесом, которого подвигло к просвещению якобы лишь грустное обстоятельство. Однажды, идя по Палатину, он провалился в отверстие клоаки, сломал себе ребро, долго болел и по этой причине стал устраивать беседы, «без устали рассуждая». Немало было и тех, для кого школа как раз и напоминала некую клоаку, из которой они мечтали как можно скорее выбраться.

Но ведь так же и о среднем уровне математических знаний в древности следует судить не по великому Пифагору, у которого, как

известно, было немало учеников (их обучение длилось 15 лет), но скорее по оценке результатов его уроков. Сам Пифагор честно признавался (и в его словах была немалая толика правды): «Я не учу мудрости, я исцеляю от невежества». Вспомним и слова Гераклита, говорившего, что истинное знание доступно лишь немногим (в том числе среди тех, кто считает себя образованными). Он говорил, что второе солнце (т.е. образование) светит далеко не всем: «Большинство людей не разумеет того, с чем встречается, да и научившись, они не понимают, им же самим кажется, что понимают». Он же пророчески предупреждал нас, что «неразумный человек способен увлечься любым учением». Нынешнее время тем более убеждает нас в глубокой справедливости изречений древних, в их вневременном значении. Пусть воспримем non multa sed multum! (лат. «Немного, но лучшее»).



Сцена возлияний и винопития и сцена веселой пляски

В общем и целом культурно-образовательный уровень античного гражданина был не очень высок. Ведь ограничены были возможности как учителей, так и воспитательных учреждений. Обучение грамоте и музыке народа оставляло желать лучшего. Пожалуй, многие греки могли сказать о себе устами одного аристофановского колбасника: «Но, мой милый, я вовсе не знаком с музыкой, исключая алфавита, да и его знаю плохо». И для того времени это в общем-то было закономерно. «Невежда удивляется, что вещи таковы, каковы они суть, и такое удивление есть начало знания; мудрец, наоборот, удивился бы, если бы вещи были иными, а не таковыми, какими он их знает», –

точно заметил Аристотель. Еврипид вообще испытывал большие сомнения в возможности примерным воспитанием и образованием улучшить род людской. Невежественная толпа не склонна внимать доводам разума, науки и культуры. Он писал: «Вообще, в переговоры с мужиком входить излишне… лишь одних толковых можно убедить».

Наивно полагать, что молодой грек или римлянин помышляли лишь о мудрости и образовании. В ходу была поговорка «Verba docent, exempla trahunt» («Слова учат, а примеры ведут за собой»). Но хотя нравственность и возникла вместе с пороком, последний нередко все же оттеснял ее, занимая не принадлежащее ему место. Дурные наклонности и тогда оказывались чрезвычайно заразительны для части молодежи. В комедиях Плавта и Теренция есть сцены скорее печальные, нежели смешные, когда ученик вместо учебы тащит своего учителя на пьянку или на увеселения различного рода. У старшего поколения и тогда были основания беспокоиться по поводу «незрелого ума юнцов». Дело в том, что молодой человек, закончив учебу, отбыв обязательную военно-государственную службу и обретя права свободного гражданина, часто пускался в разгульную жизнь. Греки вообще любили погулять. В определенном возрасте молодых людей вводили в «зрелый возраст». Так, известно, что когда Пифагору исполнилось 15 лет, его посвятили в таинства божеств. Тело омыли в водах и уложили обнаженным на ложе. К нему подошла жрица и стала его просвещать (уча не рукоблудствовать, не мужеложествовать, заниматься любовью с девушками и дамами в строго определенные дни и т.д.). А затем в его руки дали флейту Пана, и пока он играл на ней мелодию, перед ним плясали обнаженные девушки, изображавшие женскую часть души. Посвятили юношу и в таинства орфиков.

Порой эти гулянья, сопровождаемые пляской, превращались в самые настоящие оргии. Такое обычно случалось при Вакханалиях (Дионисиях), во время празднеств в честь бога вина Диониса или Вакха. Празднества начинались со здравиц в честь бога вина, а заканчивались здравицами в честь женщин и эротическими играми. Иные уделяли внимание охоте, всегда считавшейся у эллинов почтенным занятием, входившим в круг воспитания у критян, спартанцев и афинян. Она поощрялась законами Ликурга. Ее восхваляли Платон и Ксенофонт (последний написал специальный трактат на эту тему).

Н. Пуссен. Сатир и нимфа. Ок. 1630 г.

Порой юноши обращались к знаниям, видя в них не столько источник мудрости и мастерства, сколько забаву или даже отвлечение от жизненных неприятностей. Иных гнала в науки несчастная любовь к какой-нибудь танцовщице или гетере. Утверждают, что римского поэта Проперция (50 г. до н.э. – 16 г. до н.э.), человека незнатного и небогатого, к образованию подвигла пылкая страсть к красавице Кинфии. Гетера, обладавшая поэтическими и музыкальными дарованиями, выделялась знаниями и культурой. Она сумела вскружить юноше голову. Проперций пишет, что сбирается в дальний путь («в ученые еду Афины»), дабы «оковы любви в долгих скитаньях разбить». Он признается, что испытал все возможные средства. Остается – бежать куда глаза глядят. Лучше уж ученые Афины, где, возможно, удастся поднабраться и знаний, дабы хоть чем-то удивить требовательную к мужчинам гетеру Кинфию:

Мне остается пешком одолеть, —
не ленитесь вы, ноги, —
Землю, где Истм положил грань
меж обоих морей.
После, когда берега замкнут
меня в гавань Пирея,

Буду Тезея путем вдоль длинных
стен я идти.
Душу я там примусь выправлять
иль трудами Платона,
Или же тенью твоих мудрых
садов, Эпикур.
Там я начну изучать красноречье,
доспех Демосфена,
Либо приятную соль книг твоих,
мудрый Менандр.
Там, вероятно, мой взор либо
краски картин очаруют,
Либо изделья резца – медь иль
слоновая кость.

Греко-римский мир в зародыше явил не только типы поздних образовательных учреждений, но также основные педагогические методики. Сюда можно отнести, к примеру, и знаменитый сократовский метод вопросов и ответов. Беседы-диалоги он называл «искусством повивальной бабки», имея в виду, что знание появляется на свет с их помощью, появляется в обрамлении живой пленки скепсиса и иронии. Надо признать, что скепсис, как и само знание, чрезвычайно важен для развития свободной индивидуальности. С его помощью человеку делается прививка против умственной ограниченности. Унаследованный от тех времен буквослагательный метод обучения грамоте существовал до середины XIX века. Не только педагогические авторитеты, но даже само понятие «педагогики» как синтеза общего образования, этического воспитания и методов обучения пришло к нам из античности. Не зря же Платона называли первым великим теоретиком в области педагогики (Стенцель).

Урок музыки у Дамона

Какие выводы можно сделать? Во-первых, античность рассматривала образование и искусство как важную сферу человеческой деятельности, от которой во многом зависят нравы, порядки, благосостояние и крепость державы. Культура в широком смысле слова стала играть заметную роль в формировании тогдашних элит как на Востоке, так и на Западе. Несмотря на все его различия, древний мир обладал неким внутренним единством. При этом роль образованного человека становилась все значимее, весомее. Можно даже говорить о едином типе мудрости, возникшем в Восточном Средиземноморье и на Индо-Гангской равнине. Мы видим нечто схожее между безмятежным спокойствием грека или нирваной индуса, стоицизмом римлянина или невозмутимостью китайца. Будучи первопроходцами, древние люди обладали удивительныой свежестью восприятия, чуством новизны, без которых невозможно истинное познание. Сила античной цивилизации ощущается в философских трудах, исторических трактатах, дидактических поэмах, в самой жизни. Ученый и поэт Тит Лукреций Кар в бессмертной поэме «О природе вещей» так сказал о ее свойствах:

Ныне внимателен будь,
достоверному внемля ученью:
Новый предмет до ушей твоих
бурно стремится достигнуть,
В новом обличьи предстать
перед тобою должно мирозданье.

Во-вторых, в ходе возникновения и укрепления государств-полисов создаются и главные типы образовательно-воспитательных

учреждений. Одновременно идет и работа над методическо-терминологической базой обучающего процесса. Говоря об истоках будущей европейской цивилизации, М. Наринский и В. Карев указывают на ее античные корни. Более того, многие понятия и термины, относящиеся к сфере европейской образованности, пришли к нам прямо из античности: академия, лицей, гимназия, школа. Античными являются и остаются ряд фундаментальных понятий европейской политической культуры – Демократия и Деспотия, Республика и Империя, Олигархия и Диктатура. Собственно и сам термин «культура» восходит к латинскому термину, означающему «возделывание, воспитание, образование». В-третьих, античность – ориентир, позволяющий прокладывать курс современности. Античные писатели, поэты, философы взрастили не одно поколение будущих интеллигентов. С их помощью лучшая часть людей достигала и достигает того, что Гегель называл «величайшей культурой духа». Во многом благодаря «гениусам» древнего мира (Ницше) смогли и мы подняться над окружающей серостью, суетой, усредненностью. В-четвертых, античность направила все последующее развитие человечества по определенному руслу, по которому мы продолжаем двигаться сегодня (пять тысячелетий спустя). Продолжаем, подобно трудолюбивым пчелам, собирать нектар с цветов античной мысли и культуры. В-пятых, античная наука положила начало кропотливой работе ума, сформулировала ряд важнейших законов, дала пищу для построения теорий последующими философами, историками, культурологами. Можно сказать, что своей постоянной активностью, яркой работой мысли греки сделали всё или почти всё для того, чтобы последующие поколения, люди цивилизации, говоря словами историка Фукидида, «и сами не имели покоя, и другим людям не давали его».

Спорт в жизни древних греков

Важной частью образовательно-воспитательного комплекса греков и римлян был спорт. Конечно, большое значение имело то, что люди эллинизированных городов жили в гораздо более комфортных условиях, нежели их предки. Это создало новые возможности, хотя возникла проблема и увеличивающегося свободного времени у молодежи. И пусть в экономическом отношении Греция будет затем уступать Риму, да и некоторым другим эллинистическим или азиатским империям, ни один другой народ не смог приблизиться к высокому уровню развития физической культуры греков. В основе системы агонистики (т. е. многогранного физического обучения) лежали регулярные тренировки молодых людей, состязания спортсменов, сеть стадионов и палестр. Важнейшую роль играл принцип состязательности, ибо все крупные города-полисы соперничали друг с другом и стремились прославиться своими достижениями. Если войны разделяли греков, то вот спорт и состязания их объединяли.

Ж.-Б. Реньо. Кентавр обучает Ахилла стрельбе из лука

Эллины и римляне создали традиции, позже позаимствованные Европою. «Человек рожден для знаний, как птица для полета, а кони для бега», – писал Квинтилиан в «Воспитании оратора». Вскоре в школах Греции возникло разделение обязанностей педагогов (специализация). Грамматист учил читать, писать и считать, кифарист – играть на лире, педотриб – осуществлял гимнастическую подготовку и т.д. Учителя являли собой словно бы хоровод муз, баюкающих образовательную колыбель. Но в V веке до н.э., к концу классической эпохи, физическая культура Афин претерпевает заметные перемены. На первое место выходят ум и красота, а не сила… Платон в «Горгии» говорит, что желал бы сделать граждан прежде всего красивыми, а затем сильными («Сила есть – ума не надо»). Игра, палестра, орхестрика (танцы) создали понятие физического идеала, калогатии, канона красоты в эстетическом понимании слова. При учебных заведениях создаются купальни, бани и бассейны. Появились платные учителя гимнастики и танцев. Идеалом свободного человека становится обязательное занятие гимнастикой. Гимнастика происходит от греч. «обнаженный» и означает любовь и преклонение греков перед сильным, красивым телом. «Калос» (красивый) означало непобедимую мужскую силу. Греки, веря в магию, считали: одежда в ряде случаев мешает, даже ослабляет физические способности людей. В школах, на стадионах делали все возможное, чтобы взрастить маленьких гераклов.

Маленький Геракл

Важную роль в поддержании в обществе атмосферы спортивной и здоровой жизни играли различного рода игры – Олимпийские (776 г.

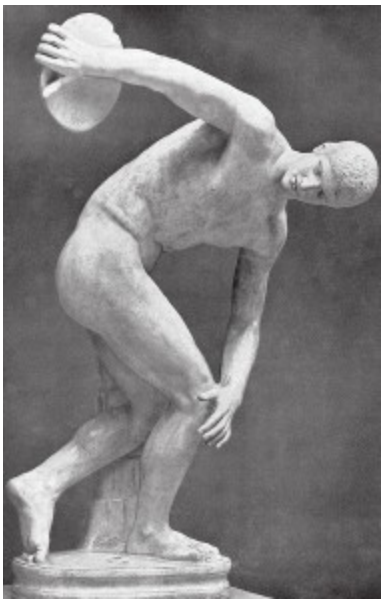
до н.э.), истмийские (586 г. до н.э.), пифийские (582 г. до н.э.), немейские (473 г. до н.э.), панафинейские (565 г. до н.э.), делосские и другие игры. Древние олимпиады исторически восходят к мифическому царю Оксилосу. Во время игр горел олимпийский огонь («вечный огонь» Гастии). При этом соперники давали присягу, совершали ритуальное омовение, проводили состязания (но без женщин). Первая Олимпиада состоялась в 776 году до н.э., последняя, двести девяносто третья – в 393 году н.э. Олимпиада прошла долгий путь.

Первоначально атлеты метали диск и состязались лишь в одном виде бега. Затем программа игр стала более разнообразной: выросло число беговых дистанций, возникло пятиборье, борьба, кулачный бой, скачки, стали метать копье и диск, возник бег на колесницах и т.д. Вначале игры длились день, затем пять дней. Участвующие в состязаниях должны были доказывать, что они – чистокровные эллины. Однажды от царя Македонии потребовали документы, доказывающие, что он – не варвар. К участию в играх допускались лишь свободные люди. Спортсмен тренировался десять месяцев, выдерживая особый режим. Судьи устраивали ему испытательный экзамен, прежде чем допустить к состязаниям. Помимо того, что они должны были, как говорили, иметь чистую совесть и быть в мире с людьми и богами, нужны были и средства для занятий спортом. Участие человека в играх стоило денег, и немалых.

Юноша-атлет, натирающийся маслом

Уже тогда понимали: мирные состязания куда интереснее и увлекательнее войн. Разумеется, у полисов-антагонистов (Спарты и Афин) были свои принципы при физической подготовке молодого поколения, но цели у них были в общем и целом схожими – все хотели бы иметь здоровых граждан, умелых мужественных воинов. Обязательным средством обучения и воспитания стали физические упражнения (гимнастика, бег, плавание, борьба). Только условия развития и воспитания юноши в Спарте были суровее. Там воспитанию и подготовке подлежали исключительно здоровые и крепкие люди. Не принято было и пеленать детей, чтобы они могли лучше и быстрее закалиться. В семь лет детей Спарты отнимали у родителей и, разбив на группы, передавали в распоряжение государственных воспитателей. За их воспитание отвечали не рабы, а все взрослые, включая правящую элиту. Легенда гласит, что слабых и больных сбрасывали с горы Тайгет. Не знаю, сбрасывали ли греки со скалы свою элиту, если та допускала просчеты в подготовке поколений, но иных представителей нашей правящей знати последних лет спартанцы наверняка сбросили бы с горы Тайгет, предварительно

удавив. В условиях жестких критериев, постоянных тренировок и соревнований юноша к 14 годам становился настоящим мужчиной – «удальцом». Кстати, Спарта нередко устраивала состязания перед открытыми могилами героев. Так воспитывалось чувство гордости и ответственности у молодежи (перед могилами предков). У нас же, как известно, часть молодежи находит удовольствие («кайф») в разграблении могил предков, в уничтожении памятников и мемориалов героям.



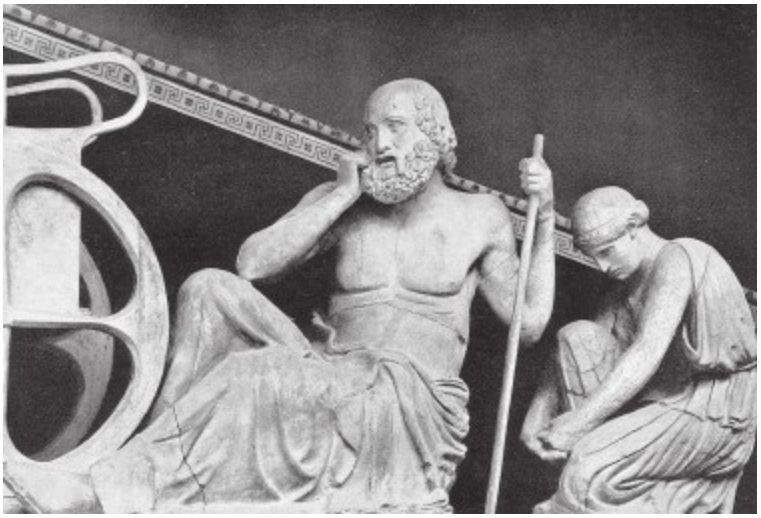
Мирон. Дискобол

У греков спортивный вид, да и здоровый образ жизни были весьма популярны. Так, Одиссей отличается не только мудростью, подобной мудрости Зевса, но и предстает перед нами (в описании Гомера) с фигурой атлета, «которой он блаженным бессмертным подобен». В пятьдесят лет он еще бросал диск дальше, чем любой из феакийских юношей. Эпиграммы времени характеризуют великого Демокрита как «пятиборца в философии». Не забывали и о хорошем воспитании. Эпиктет полагал, что из всех творений природы самое лучшее – «получивший прекрасное воспитание человек». Воспитательный кодекс Платона требовал, чтобы тело было обучено таким образом, дабы оно беспрекословно повиновалось благородной душе. Иначе говоря, дух и разум должны управлять мышцами и физиологией. Хотя тот же Платон скажет (и думаю, это справедливо), что подлинным философом может стать только человек с темпераментом настоящего пылкого любовника. Китай также знал

аналогичную практику воспитания, выраженную в принципе «сань – мэй»: сань – внутреннее совершенство, мэй – внешнее совершенство. В Греции почти любой свободный человек считал интенсивную физическую подготовку и здоровье обязательными спутниками ума и таланта. Правда, в различных полисах были приняты разные подходы к воспитанию молодежи. В Спарте, омыв новорожденного, его оставляли нагим, тогда как в Афинах, стараясь уберечь младенца, кутали его в теплые одежды.

Водный спорт. Пловчихи кролем

Павсаний рассказывает о неком юноше-победителе, Дейнолохе, в котором мать увидела спортсмена еще при рождении (ей приснился сон, что она держит на груди сына, увенчанного венком). Поэтому она с детства стала так его воспитывать, чтобы он стал спортсменом, атлетом. В итоге в беге он обогнал всех сверстников, получив статую в награду. Детей, страдавших какими-то физическими недостатками, специально направляли заниматься спортом. Так, Гисмон в мальчишеском возрасте страдал воспалением нервов. Он занялся пентатлоном (пятиборьем) и в результате после долгих упражнений стал здоровым человеком и избавился от этой болезни.



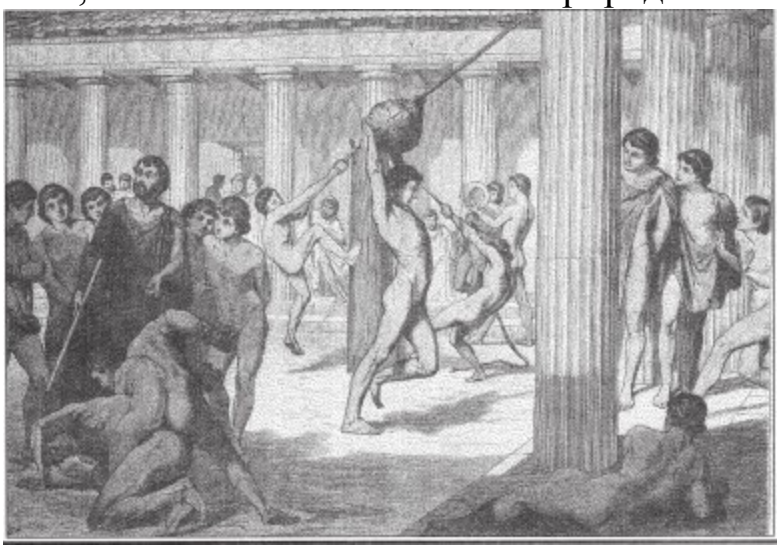
Фрагмент восточного фронтона храма Зевса в Олимпии

Неумеющий писать или плавать считался в древности телесным и умственным калекой. Физическая культура в полисах достигла столь высокого уровня, что к ней не мог приблизиться ни один народ. Там было множество стадионов, специальных учебных заведений – палестр, где молодежь учили мужеству и выносливости. В годы расцвета Греция учредила в Олимпии знаменитые игры. Знатоки древности уверяли, что первые Олимпийские состязания происходили прямо на божественном Олимпе, когда во время шуток и игр Геракл, как старший по возрасту, вызвал на состязание в беге всех и победившего увенчал ветвью дикой маслины, которую он привез из страны гипербореев (из страны людей, что живут за пределами северного ветра Борея). Раз в четыре года в Элиде, запад Пелопоннеса, собирались отовсюду атлеты. Приезжали на игры целыми общинами. Им отводили специальные места. Греция, несмотря на все многообразие, казалась почти монолитной среди фантастической пестроты колоний и территорий: Африка, Иберия, Галлия, Иллирия, Италия, Скифия, Сарматия, Сирия, Египет. Апполон считался учредителем Пифийских игр, Геракл же – Олимпийских. По преданиям, участие в состязаниях принимали боги и герои. При этом каждый вид спорта имел у греков в том или ином герое своего представителя: Кастор отличался в конном ристалище, Полидевк – в кулачном бою, Калаис – в двойном беге, Геракл – в панкратии, Пелей – в борьбе, Теламон – в метании диска, Тесей (убивший Минотавра) – в вооруженном бою и т.д.

Античные боксеры. XVI в. до н.э.

Игры, конечно же, посещали и самые выдающиеся мужи: Фемистокл, Анаксагор, Пифагор, Сократ, Платон, Горгий, Демосфен, Пиндар. Игры являлись еще и важными общественно-политическими

мероприятиями, каковы и нынешние Олимпиады. На Олимпийских играх 324 года до н.э. даже зачитали письмо Александра Македонского об изгнанниках («Царь Александр – изгнанникам из греческих городов. Причиной вашего изгнания оказались не мы, вашего возвращения на родину – будем мы»). Победителей всех спортивных состязаний награждали. Плиний Старший отмечал: «Вначале был обычай увенчивать на священных состязаниях венками из ветвей деревьев. Впоследствии стали разнообразить венки, вплетая разноцветные цветы, от сочетания которых усиливались запахи и цвета, благодаря изобретательности живописца Павсия и веночницы Гликеры, очень любимой им, в Сикионе, поскольку он подражал в своей живописи сплетенным ею венкам, а она, бросая вызов, разнообразила их, – и это было состязанием природы и искусства».



Занятия спортом в палестре

На игры не пускали женщин, хотя их допускали к состязаниям в беге. Любую женщину, захваченную в черте олимпийской деревни, могли даже приговорить к смерти. Был случай, правда, когда Ферeника, дочь знаменитого родосского борца, сумела попасть за ограду: переодевшись мужчиной, она выдала себя за учителя гимнастики. Суровые судьи ее помиловали, но чтоб впредь подобные случаи не повторялись, все участники должны были оставаться нагими во время состязаний. Так или иначе победитель Олимпийских игр пользовался у всех исключительным почетом. «Как вода – наилучший из элементов, как золото – наидрагоценнейший металл для смертных, как свет и жар солнца превосходит всякий другой свет и жар, так нет

более славной победы, чем победа на Олимпийских играх», – писал греческий поэт Пиндар.

«О Зевс, какие красавицы»

Базу физических упражнений составляли пятиборье и кулачный бой, а также рукопашная схватка. У греков и танец служил опорой боевой подготовки, имитируя поединок с противником, метание копья, работу со щитом и т.д. С развитием военного искусства ввели еще бег в полном вооружении. Чтобы приблизить воспитание и обучение к реалиям жизни, повысить ловкость, молодежь направляли на учения в районы мятежей. Систематическое физическое и военное обучение продолжалось до 30 лет. Ту же подготовку получали женщины, достигнув двадцатилетнего возраста.

Женщина-атлет

Спарта относилась особенно строго к военному воспитанию и обучению. Главная цель, которую преследовали тут, добиться от юношей и девушек беспрекословного послушания и выносливости, привив молодым людям «науку побеждать». Записи Филострата говорят, что там жестко следовали своеобразной концепции улучшения рода. «Ликург… дабы обеспечить Спарту закаленными для боя атлетами, приказал допускать девочек к тренировкам и публичным соревнованиям по бегу, наверняка для того, чтобы у них были физически крепкие дети и чтобы при окрепшем теле рождалось потомство получше. Если же они заключат брак с молодым мужчиной, который упражнялся вместе с ними, то их отпрыски будут крепче». Плутарх отмечал, что девочек с детства приучали бегать, бросать диск, кидать копье, чтобы те развивались наилучшим образом и благодаря крепости тела могли разрешиться от бремени удачно и легко. Им строго-настрого запрещали как-то баловать себя, запрещали вести изнеженный образ жизни, запретили сидеть дома. Как и мальчишки, девочки должны были являться во время торжественных процессий без платья, на праздниках плясать и петь в присутствии и на виду многих молодых людей. Правители уделяли огромное внимание спорту. В итоге Спарта оказалась сильнее всех. Достаточно сказать, что первые победители Олимпийских игр почти все были дорийцами.

Ф. Лейтон. Игра женщины в мяч

В произведении Лукиана «Анахарсис, или О тренировке тела» Солон требует от молодых людей постоянно заниматься спортом, так как физические упражнения способствуют подготовке доблестных защитников отечества. Вот и женщины Спарты стремились быть здоровыми, физически крепкими и закаленными. Главной их задачей,

по словам Ксенофонта, было рожать крепких и здоровых мужчин, что затем станут прекрасными воинами. Хотя и в условиях мира польза от занятий велика. Поэтому иные женщины увлекались спортом, участвуя в состязаниях наряду с юношами. Принципы обучения и воспитания молодежи в Греции были схожи, но в Афинах несколько иначе понимали физическое воспитание. К обучению детей приступали в возрасте 7 лет (в особом учреждении – палестре). Позже появятся гимназии. «Направляют их к учителю физических упражнений, чтобы тело их было обучено, слушалось их благородной души и чтобы из-за телесной слабости им не пришлось на войне или в ином случае брать на себя роль труса», – писал Платон («Протагор»). Греки были уверены, что без серьезных занятий гимнастикой быть свободным просто невозможно. Тяжелая нагрузка во время уроков распределялась согласно индивидуальным возможностям организма (упражнения в танцах и беге, прыжки, приседания, игры в мяч). Греки особенно любили игры, упражнения в танцах и беге, прыжки и различные виды игры в мяч. Программа включала и все виды пятиборья, хотя занятия велись в соответствии с возможностями возраста.

Поликлет. Дорифор. Римская копия

Обучение дополняли своими уроками учитель гимнастики-педотриб и военный инструктор-дидаскал. В палестрах и гимнасиях дети состязались в беге, прыжках, в метании копья и диска, тренируясь

с очевидным усердием, ибо молодость создана для телесных упражнений, как и старость для раздумий и анализа. С IV века до н.э. военная подготовка велась в рамках специального института эфебии. Через него в обязательном порядке должны были пройти все афинские граждане, начиная с 16—18 лет. Подготовка длилась 4 года (год – в школе эфебов, три года – в гарнизонах). Юноши до 18—20-летнего возраста усваивали в группах эфебов знания из области управления государством, философии, получали навыки командования войском, изучали тактику, строевую подготовку, тренировались в верховой езде, плавании, гребле, стрельбе из лука, фехтовании, владении иными видами оружия. Спорт готовил к военной доле.

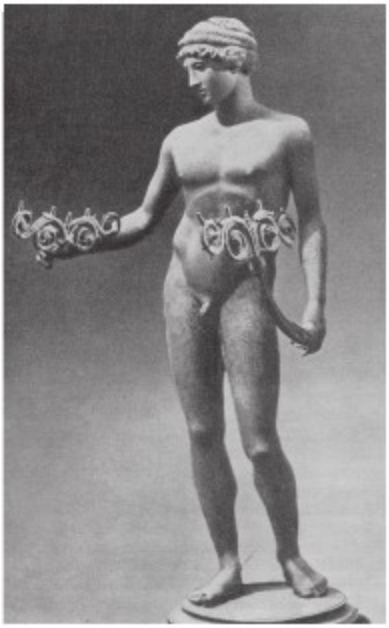
В честь победителей, которых украшали венками, устанавливались скульптуры с надписями. В Элиде в 38-ю Олимпиаду воздвигли статую борцу Эвтелиду. В честь победителей делались надписи: «Это красавца Милона фигура-красавица, который на пифской земле вырвал победу семь раз, не коснувшись коленом земли»; или: «Немея, Дельфы, Олимпия венчали меня пятикратно: всюду победы добилась ловкость моя, а не сила. Фрессия сын, элисский борец Аристодам». Известны статуи победителей работы Поликлета – Киниск, Пифокл, Аристон, Дорифор. Вот Дорифор – юноша, победивший в метании копья. Статуя была столь прекрасна, что ее копии ставились в гимнасиях и палестрах. Сохранилось несколько таких копий – флорентийский торс из базальта, бронзовая герма из Неаполя и т. д. В других случаях победителей состязаний атлетов награждали великолепными амфорами.

Эти статуи, колонны из мрамора или бронзы, портреты победителей помещались часто и в священной рощи Зевса – Альтисе. Неподалеку находился храм Геры. Он был подобием храма Артемиды в Эфесе, где греческие города-государства обычно хранили приносимые ими жертвенные дары. В этих местах нашли скульптуру великого Праксителя «Гермес с Дионисом» (1877). Тут же помещали «штрафные статуи», которые обязаны были ставить те государства, что нарушили олимпийские правила. Афины вынуждены в 322 году до н.э. выставить шесть таких статуй за то, что их представитель, Калипп, хотел было подкупить противника в пятиборье. Как видите, нынешние аферы в спорте имеют давнюю печальную традицию. Пелоп добился

любви Гипподамии, добыв победу путем подкупа возницы во время соревнований колесниц.

Победа на Олимпийских играх для спортсмена была предметом особой радости и немалой гордости не только для победителя, но и для его окружения, семьи и близких. Так, Штоль отмечал: «Победитель Олимпийских игр у греков почитался не менее полководца, получившего триумф у римлян. Человек, сумевший добиться победы в Олимпийских играх, по словам Пиндара, достигал геракловых столпов; он получал величайшее благо на земле, и мудрый поэт предостерегает его, чтобы он не дерзнул подняться выше и не стремился встать наравне с богами». Спартанец Хилон, один из семи мудрецов, умер от радости при известии о победе его сына на Олимпиаде. Так гласит легенда.

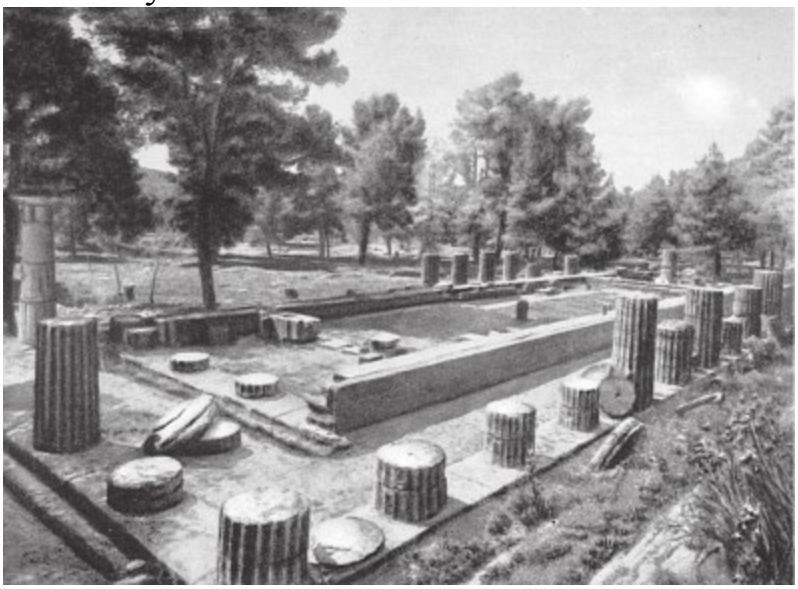
Диагор Родосский, который принадлежал к семье потомков Геракла и прославился в кулачном бою, дважды стал победителем в Олимпии и несколько раз – вышел победителем в национальных играх. Когда два его сына стали победителями Олимпийских игр, какой-то спартанец крикнул ему: «Удача ради тебя останется на земле и не вернется на небо!» Он умер, когда два его сына обняли его и возложили свои венки на его голову. Разумеется, это лишь крайние признаки волнения и восторга, что охватывали многих победителей и их друзей в результате одержанной победы. Но торжество было всеобщим. Победителя к тому же ожидали великие почести на родине. Он въезжал в город на квадриге, колеснице, запряженной четверкой белых коней, в сопровождении его друзей и родственников. Настежь открывались ворота, а иногда даже разбирались и городские стены, чтобы пропустить торжественную процессию. Ведь как заметил Плутарх, город, воспитавший такого гражданина, уже не нуждался в стенах. Далее начинался пир на весь мир, сопровождавшийся пением, стихами, танцами. Порой в честь победителя игр сочинялась специальная триумфальная хоровая песнь.



Фигура античного боксера
Статуя эфеба. Канделябр

Количество состязаний довели до 20, продолжительность игр – до 5 дней, число спортивных судей – до 9. На играх демонстрировали не только физические, но и умственные таланты. Греки старались совмещать в себе всё – прекрасную физическую форму, знания, интеллект. Поэтому великие мужи Греции стремились уже в юности отличиться на состязаниях. Сократ шел на игры пешком. Хрисипп и Клеанф прославились как атлеты раньше, нежели философы. В числе борцов на Истмийских играх в Коринфе и на Пифийских в Сикионе выступал и будущий великий философ Платон. Пифагор не только сам добился победы в Элиде, но так обучил ученика Евримена, что тот получил награду как победитель. Спорт был не только в моде, но и считался обязательным для тех граждан, кто хотел отличиться в общественной жизни, политике, на войне. Важным было то, что в ходе празднеств не разрешалось пускать в ход оружие, а Элида, как священная страна, не должна была подвергаться нападениям или вторжениям. Инициатор договора, элидский царь Ифит, предложил всем грекам последовать примеру. На специальном медном круге был вырезан договор, хранившийся в Олимпии. Вот некоторые из его правил: 1) Место, где помещается святилище Зевса, – неприкосновенно для всех народов, принимающих участие в Играх. 2) Всякий вооруженный чужеземный отряд должен будет сложить

оружие, вступая на землю Олимпии. 3) Проклятие бога постигнет всякого, кто попытается завладеть сей территорией, а также того, кто не придет на помощь элейцам против святотатства врагов. 4) Проклятие и штраф будут служить наказанием всякому, кто оскорбит путешественника, направляющегося на Олимпийский праздник. Когда солдаты македонского царя Филиппа обворовали афинянина Фринона, спортсмена, направлявшегося на игры, царю пришлось долго извиняться перед греками. Правда, существовала некая опасность, что мирные дни будут использованы противником. Лазутчики персидского царя Ксеркса донесли ему, что в Олимпиаду 480 года до н.э. греки не будут готовы к обороне. Однако сведения оказались неверными: греки как раз в те годы одержали громкие победы над персами. За нарушение мира во время олимпиад особенно строго наказывали нечестивцев. Спарту однажды не только отстранили от игр, но и наложили штраф за сей грех. Решившего принять участие в играх (вопреки запрету) спартанца высекли публично.



Храм Геры в Олимпии

Любопытно то, что множество святилищ (в том числе и в Олимпии), несмотря на мирный характер проводимых тут спортивных состязаний, как выяснилось, были забиты оружием. В Олимпии археологи обнаружили множество предметов оружия, что были захоронены в ручьях или в старых колодцах, а часть его использовалась для укрепления стен стадионов. Но не стоит этому удивляться. Дело в том, что после сражений победитель обязан был

посвятить святилищу какое-то оружие из полученных им трофеев. Победа в сражении всегда рассматривалась у греков чем-то, что сродни победе в играх. Спартанцам, павшим при Платее, посвящены строки:

Неугасающей славой покрыв
дорогую отчизну,
Черным себя облекли облаком
смерти они,
Но и умерши, они не умерли:
воинов доблесть,
К небу вспарив, унесла их
из Аидовой тьмы.

Наиболее известен из победителей игр – молодой Аристокл (427—347 гг. до н.э.). Он после успехов в борьбе и триумфа на истмийских играх занялся наукой и стал известен во всем мире уже как Платон. Будучи философом, он в «Протагоре» говорит о тех лаконцах, что стали последователями такой методы воспитания (Солон, Фалес Милетский, Питтак Митиленский, Биант из Приены, Хилон, многие другие). Платон говорит о Лакедемоне (устами Сократа), что граждане полиса хотят, чтобы их сочли не только лучшими воинами и храбрыми людьми, но еще и образованными. «А что я говорю правду и лаконцы действительно отлично воспитаны в философии и искусстве слова, это вы можете узнать вот из чего: если бы кто захотел сблизиться с самым никчемным из лаконцев, то большею частью нашел бы его на первый взгляд слабым в речах; но вдруг, в любом месте речи, метнет он, словно могучий стрелок, какое-нибудь точное изречение, краткое и сжатое, и собеседник кажется перед ним малым ребенком. Вот поэтому-то кое-кто из нынешних, да и из древних догадались, что лаконствовать – это значит гораздо более любить мудрость, чем телесные упражнения…». Детей тут приучали выражаться резко, но в изящной форме, в немногих словах донося многое. Ликург, не придавая значение деньгам (а в Спарте имели хождение железные монеты, которые свели к минимуму торговлю), высоко оценивал значение «монеты слов», так как хотел, чтобы немного простых слов заключали в себе много смысла. Когда один афинский ритор дерзнул

назвать спартанцев неучами, сын полководца Павсания остроумно возразил: «Совершенно верно, одни только мы из греков не научились от вас ничему дурному».

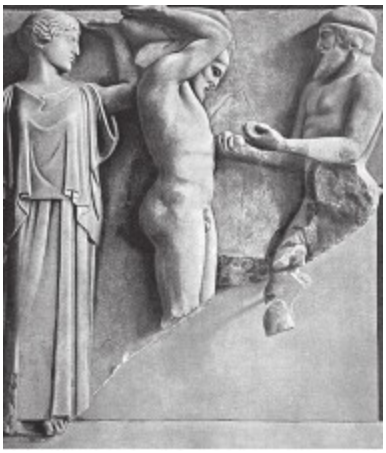
Спортсмен-победитель

Древние открыли нам возможность постижения так называемой калокагатии – гражданского и этического идеала, или гармоничного образа жизни. Аристотель говорил о гармонии: «Нравственно прекрасным называют человека совершенного достоинства. Ведь о нравственной красоте говорят по поводу добродетели: нравственно прекрасным зовут справедливого, мужественного, благоразумного и вообще обладающего всеми добродетелями (человека)». Кстати говоря, греки с присущей им открытостью, вполне серьезно и откровенно ставили вопрос о прямой зависимости здоровья общества, как и его политической системы, от генетических качеств человека. Поэтому Аристотель в «Политике» ратует за введение надзора за воспитанием детей (с помощью педономов). Платон указывал, что за извращением здоровых государственных форм обязательно последует наказание и общества – в виде вырождения человека. Зелинский не без основания писал в «Педагогических воззрениях Платона и Аристотеля» (1916) о «зачатках евгеники» в платоновском видении воспитания. Практике «евгеники» (улучшения рода) следовала и Спарта, где, согласно легенде, ущербных и физически обреченных младенцев сбрасывали с горы Тайгет. Однако рабовладение, увы, изменило отношение греческого народа к физическому воспитанию. Если раньше спортивные игры удовлетворяли жажду гармонии, доставляя грекам здоровье и возвышенное удовольствие, затем они стали обычным массовым зрелищем. Толпа стала видеть в них

театрализованную постановку, где одни соревнуются, а бездействующие зрители составляют пассивное большинство.

Стадион, сохранившийся от античных времен

По мере изменения условий существования Афин, да и других греческих полисов, и прежде всего из-за усложнившейся внутренней и международной обстановки (постоянные войны, распри, ненависть, вторжения в Грецию захватчиков), идеалы гармонической физической культуры стали отходить на задний план. Исчезает и классовая база олимпизма – аристократия (во всяком случае, ее мощь была со временем подорвана), а с ней исчезает и калогатическая система требований. Все заметнее становился глубокий разлад между греками, что и привело их к гибели.

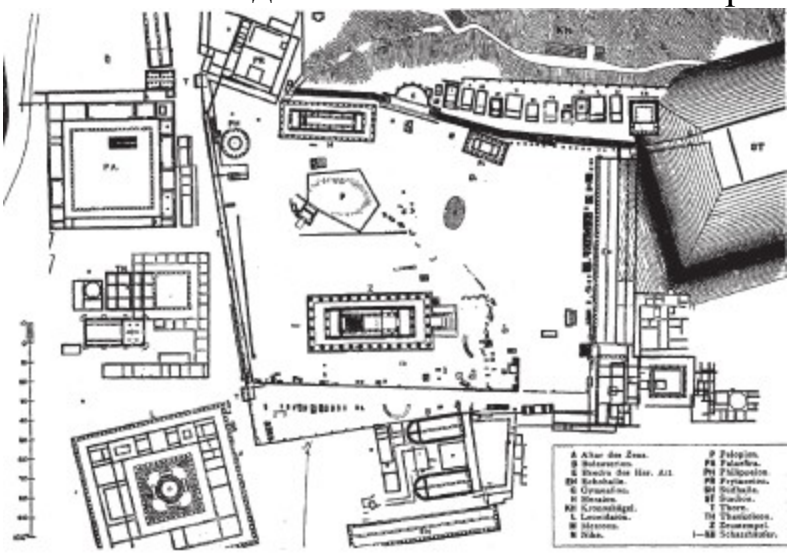


Афина, Геракл и Атлант. Храм Зевса в Олимпии

Аполлоний. Кулачный боец

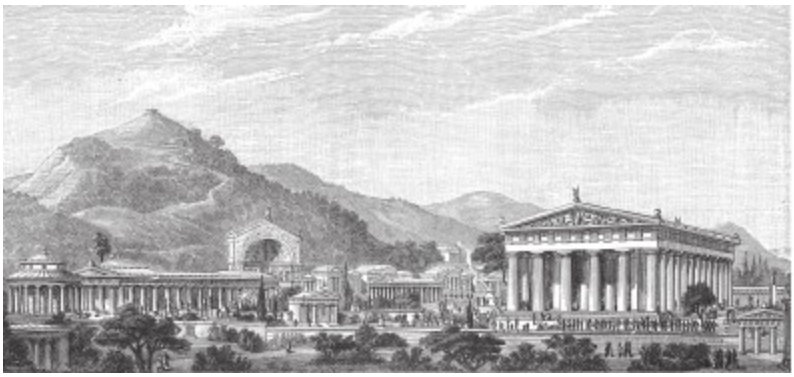
Так, блистательный Исократ (436—338 гг. до н.э.), критикуя новые условия жизни, скажет, что «народ покончил с обычаем заниматься физическим воспитанием и музыкой. Он понял, что не достигнет с их помощью счастья, и поэтому счел, что все эти занятия не прекрасны». Иные вообще считали ниже своего достоинства участвовать в соревновании, где выступают атлеты «подлого происхождения». Так, некий Адкибиадес, победивший прежде в соревнованиях колесниц (416 г. до н.э.), отказался участвовать по этой причине в следующей Олимпиаде. Несомненно и то, что серьезнейший удар наносило демократической практике игр и рабовладение. Ведь состоятельные слои, разбогатев, ожирели и стали игнорировать утомительные тренировки в беге или борьбе. Тогда еще не было машин, этого бича здоровья, но к услугам богатых и в то время был экипаж, роскошное средство передвижения. Сам образ жизни поменялся. Одни предпочитали уделять время таким увеселениям, как пиры, кутежи, женщины, грубые забавы. Другие желали обратить взор к наукам, философии и поэзии, будучи, прямо скажем, невысокого мнения о спортсменах, их уме. Основатель элейской школы философов, Ксенофан из Колофона (VI в. до н.э.) поставил под сомнение идеалы архаических агонистиков: «Те, кого прославляют их быстрые ноги или резвые кони, явно не могут достичь

никаких вершин, потому что мудрая наука стоит большего, чем все рекорды чемпионов и лошадей». И он во многом был прав.



План Олимпии

Даже Еврипид, который и сам однажды удостаивался лаврового венка победителя соревнований по борьбе и боксу в Элеусе, на Панафинеях, сказал в «Антолике»: «По всей Элладе есть бесчисленное множество гнойников, но нет ничего более злостного, чем род атлетов». Разумеется, такая критика вовсе не означала полного отрицания греческих спортивных идеалов. Дело совсем в другом. Умные люди прекрасно видели, что спорт из массового занятия людей, ставящих перед собой благородные цели совершенствования человеческой личности, все более и более стал превращаться в нездоровый бизнес, в зрелище на потеху толпы, которая сама совершенно далека от идеалов калокагатии. Поэтому и Аристотель заявил, что утомительная и односторонне развивающая тело деятельность, за которую платят атлету двойное вознаграждение, не имеет ничего общего с греческим идеалом и вообще недостойна свободного человека. Такой спортсмен становится фактически рабом. Философ выступал и против нездорового культа атлетизма (ныне это – идиотский культуризм). Заметим, что и в искусстве на смену идеалу мужчины у скульптора Поликлета приходят мужчины в изображении Лисиппа и Праксителя (IV в.).



Реконструированный вид Олимпии

Вот и Олимпия исчезла в результате страшных землетрясений и наводнений. Еще в римскую эпоху, когда празднества уже утратили былой блеск, посетители видели около 3000 статуй, составлявших удивительную свиту олимпийского бога. Теперь же глазам археологов предстает однообразная и унылая степь. Казалось, не осталось и следа от былого великолепия. Но все понимали, что эта земля таит множество находок. Винкельман до смерти (1768) выражал твердую уверенность, что в Элиде можно собрать жатву, которая превзойдет всякие ожидания, и что основательное изучение этой местности должно пролить яркий свет на историю искусств. По остроумному замечанию одного археолога, он, ставший католиком, чтобы лучше изучить Рим, готов был стать, конечно же если понадобится, еще и мусульманином, только чтобы исследовать Олимпию. Он вел отсчет всем культурным событиям Греции от Олимпиад: «Необыкновенные люди и величайшие умы, стоявшие у истоков этого великого движения, появились вдруг все одновременно». Один из них – великий Геродот, прибывший в Элиду из Карии в семьдесят седьмую Олимпиаду. Он читал тут перед всеми собравшимися на игры греками свою знаменитую «Историю».

Незадолго до этого Ферекид первым начал писать прозой. Тут же выступал и Эсхил с первыми правильными трагедиями в возвышенном стиле (тогда как до этого, с их возникновением в шестьдесят первой Олимпиаде, трагедии представляли собой лишь пляску поющих актеров). Он впервые получил премию в шестьдесят третью Олимпиаду. «В это же время начали петь поэму Гомера, и Кинеф из Сиракуз, живший около шестьдесят девятой Олимпиады, был первым расподом. Тогда же Эпихарм поставил первые комедии, а Симонид, первый элегический поэт, принадлежит к числу зачинателей этой

эпохи. В те годы ораторское искусство стало наукой, и сделал это сицилиец Горгий из Леонтин; также и в Афинах, во времена Сократа, Антифонт первым начал сочинять и записывать судебные речи. Даже самой мудрости впервые начал публично обучать Афинагор, открывший свою школу в Афинах в семьдесят пятую Олимпиаду. Незадолго до того греческий алфавит был дополнен Симонидом и Эпихармом, хотя изобретенные ими буквы впервые стали общенародным достоянием лишь в девяносто четвертую Олимпиаду, после низложения тридцати тиранов. Все это как бы подготовило то великое совершенствование искусства, к которому оно и двинулось вскоре могучими шагами». Пройдут годы, прежде чем археологи раскопают древнюю Олимпию…

Сегодня и в России впору «вести археологические раскопки» на стадионах, что забыты и заброшены. Некогда наша молодежь проводила тут свободное время, не предаваясь распутству, пьянству или порокам. Увы, сегодня все идеалы массового спорта у нас забыты. Нам кажется, что мы уподобили себя тирану, который велел вытащить из храма все статуи победителей спортивных Олимпиад и бросить их в отхожее место. В отличие от него мы выбросили в отхожие места целые поколения молодых людей. Что можно ожидать от людей, которые регулярно не отдают часы любимому виду спорта. Они подобны несчастным скопцам, что лишены радости наслаждаться чарами женского тела. Только эти не знают радости и удовольствия, которые может получить человек от ощущения собственного здорового тела. Прав Сократ: «Было бы безобразием по собственному незнанию состариться так, чтобы даже не видеть по самому себе, каким способно быть человеческое тело в полноте своей красоты и силы». Греки во время игр не только не стыдились обнажать тела, но и обладатели лучших гениталий пользовались признанием как у ярких женщин, так и у лучших скульпторов – те запечатлели их красоту в благородном мраморе!

Греция. Афины. Олимпийские игры. 2004 г.

Состояние общества напрямую зависит не только от материального положения и экономической базы, но и от его физического здоровья, состояния умов. Чем умнее и богаче (в том числе в нравственном, интеллектуальном отношении) тот или иной строй, та или иная держава, тем охотнее она тратит деньги, усилия, ресурсы, время на занятие спортом – спортом массовым и разнообразным. И напротив, чем беднее и никчемнее его жизнь, чем пошлее, примитивнее общественные цели и идеалы, чем глубже социальные противоречия между бедной и богатой частью населения, тем примитивнее его культура и меньше шансов у общества на здоровую жизнь. Олимпийские игры в древности были показателем мужества и здоровья тех стран, которые посылали на игры своих представителей. Олимпийские игры сегодня наиважнейшая лакмусовая бумажка, отражающая общественную философию элит и народов. Поэтому приятным сюрпризом стал успех России, где правящая элита отобрала у народа стадионы, позакрывала бесплатные спортивные школы и секции, перевела всю общественную жизнь на

рельсы «рыночных услуг». Многие считали и считают, что для России в спорте наступил «бронзовый век» и уж недалек «каменный век».

Роль искусств в воспитании народа

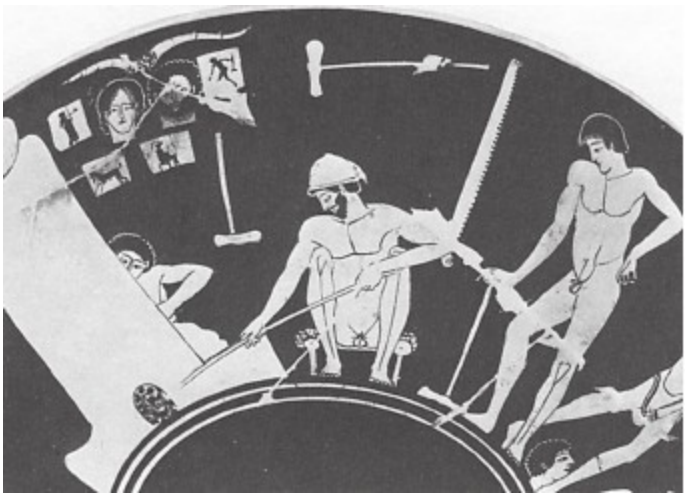
Культура и искусство во многом и оказались теми фантастическими орудиями, с помощью которых было достигнуто победоносное распространение эллинизма. Все полисы так или иначе приняли участие в этом великом действе. Но на первом месте стоят Афины, о чьих главных деяниях можно говорить бесконечно. Потому стоит, пожалуй, ограничиться текстом Страбона: «Сам город Афины представляет собой скалу, расположенную на равнине и окруженную строениями. На скале находятся святилище Афины, древний храм Афины Полиады, где горит неугасимый светильник, и Парфенон, построенный Иктином, в котором находится произведение Фидия – статуя Афины из слоновой кости. Однако если я начну вдаваться в описание множества достопримечательностей этого города, вдоль и поперек уже воспетых и прославленных, то боюсь зайти слишком далеко и отклониться от поставленной в моем сочинении темы». Можно было бы повторить его слова. Тем более что памятники эллинской культуры разбросаны повсюду (в Египте, Вавилонии, Иудее, Персии, Риме). Ранович писал: «Многие старые и новые восточные города стали греческими центрами – Александрия, Пергам, Антиохия, Селевкия, Тир и другие. Эллинство не ограничивается больше Элладой, а в самой Элладе происходит перемещение политических, экономических и культурных центров. Афины уступают место Коринфу, вместо Афинского и Пелопонесского союзов создаются Этолийский и Ахейский, втянувшие в сферу активной политической жизни самые отсталые области Эллады. Происходящий, таким образом, процесс нивелирования, с одной стороны, выявлял еще не использованные производительные силы, вводил интенсивную городскую жизнь там, где она раньше едва замечалась, и тем

способствовал некоторому подъему экономики Греции в первый период эллинизма… он был необходимым условием для того, чтобы подготовить переход к более прогрессивной общественно-экономической формации». Разумеется, столь потрясающее и повсеместное влияние могло возникнуть лишь в том случае, если собственные достижения греков в этих областях были признаны всем сообществом.

Посмотрим, какое место в жизни грека и римлянина занимало искусство (музыка, песни, танцы, поэзия, скульптура, архитектура, живопись). Подробно ответить на сей вопрос трудно хотя бы в силу необъятности темы. Не являясь специалистами, мы можем лишь, как дети, взыскующие млека, припасть к руке корифеев. Сделаем же это с воодушевлением, вспоминая слова Горация: «Сдаюсь, сдаюся я искусству мощному!» Платон считал, что нужно стараться изучать если не все, то хотя бы основные виды искусства, ибо мы узнаем с помощью одного искусства то, чего не можем узнать благодаря другому. Памятники искусства у греков возникли, видимо, еще задолго до Гомера, ибо у него уже находим упоминания о произведениях архитектуры, скульптуры и промышленности. Он обстоятельно описывает дворцы, предметы вооружений (щит Ахилла), украшения утвари и посуды (кубок Нестора), ткани. В одной из могил Микен найден прекрасный золотой кубок, действительно напоминающий описанный Гомером кубок Нестора. Огромную чашу Феодора с восхищением описывает историк Геродот. Греческие гончары, ткачи, строители создавали произведения, ничуть не уступающие работам восточных мастеров.

Игра на музыкальных инструментах

Афинские гончары изобрели прекрасную краску для изделий глиняной посуды. Афинские чернолаковые вазы VI века позволяют оценить по достоинству мастерство древних художников (секрет черного лака до сих пор не раскрыт). Встречаются упоминания о творчестве эпохи архаики (VII—VI вв. до н.э.): о храме Аполлона в Дельфах, построенном Трифонием и Агамедом, об эллинском скульпторе Смилисе, о живописце Кимоне из Клеон, о кольце Поликрата (творение того же Феодора). Запечатленные в мифологии греков и римлян облики богов нашли выражение в искусстве. Понятно и то, что греки придавали этим божествам антропоморфный, человеческий образ.

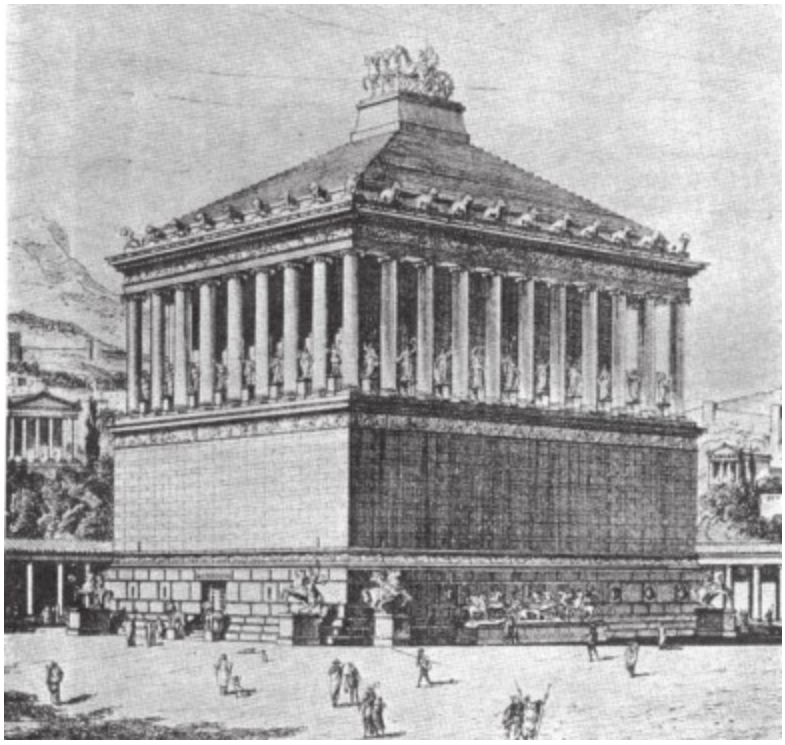


В мастерской скульптора

Фидий объяснял все это так: «Если мы придаем богам человеческое обличие, это потому, что мы о них ничего не знаем». Если все другие народы ставили идолов и им поклонялись, то греки и римляне нашли более верное и, замечу, эстетически более красивое решение – создать антропоморфные божества, прекрасные и совершенные. Людям нужны образы, чтобы к ним обращаться и им поклоняться. Неба и светил теперь уже было недостаточно. «Те, у кого хорошая память, – писал Максим Тирский, – и кому достаточно поднять глаза к небу, чтобы ощутить присутствие богов, возможно, и не нуждаются в статуях; но таких мало, и вам едва удастся найти среди многочисленной толпы человека, который смог бы воспринять божественную идею без всякой помощи». Хотя идолы, античная скульптура и сосуществуют вместе, но вскоре высокое искусство одерживает победу. Так на смену камням, столбам, деревянным балкам, гермам, кумирам пришли более совершенные творения рук человеческих.

Греки и римляне хорошо понимали, что молодежь в чем-то подобна мрамору, из которого ваяют эти драгоценные скульптуры… Возможно, именно поэтому все греческие и римские города находятся во власти скульптур. В святилище Зевса в Олимпии, Аполлона в Дельфах полно бронзовых и мраморных статуй. Павсаний отмечал, что в Дельфах можно видеть статуи Аполлона, богиню Победы, статуи кариатид (иные – работы гениального Фидия). Скульптурными изображениями украшены фронтоны храмов (храм Афины Афайи на Эгине). Помимо работ Праксителя и Фидия пользовались

популярностью скульптуры Мирона, следовавшего в искусстве девизу Гераклита – «Все течет, все изменяется». Известны копии ряда его работ – Дискобола и Афины с силеном Марсием, бронзовая статуя Диониса. По эпиграммам нам знакомы также статуя атлета Лада и знаменитая корова. «Дискобол» разошелся по свету в тысячах образцах. Статуи Афины и Марсия, бегуна Лада вызывали восхищение и восторг.



Мавзолей в Галикарнасе. Реконструкция

Почти все крупные мастера этих видов искусств увековечены в греческой поэзии – Агелад из Аргоса, Канах из Сикиона, Онат из Эгины, Критий, Несиот и Пифагор Регийский. Наибольшее число поэтических дифирамб было посвящено скульптору Мирону из Элевфер. Один поэт написал специальное посвящение статуе бегуна, изваянной этим скульптором:

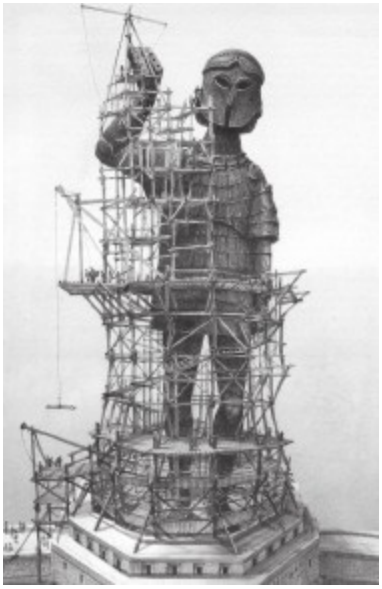
Полон надежды бегун; на кончиках
губ лишь дыханье
Видно; втянувшись во внутрь,
полыми стали бока.
Бронза стремится вперед за венком,
не сдержать ее камню,

Ветра быстрейший бегун, чудо он —
Мирона рук…

Что же касается творчества двух крупнейших скульпторов второй половины V века до н.э. – Поликлета из Аргоса и Фидия из Афин, – их роль поэтами отмечена скромно. Творчеству Фидия больше внимания уделяли прозаики, хотя, конечно же, есть отклики на знаменитую бронзовую скульптуру Афины (Воительницы) на афинском Акрополе и статую из золота и слоновой кости Зевса в храме бога в Олимпии. Одна из эпиграмм Пармениона прославляет статую Поликлета – исполненный из золота и слоновой кости колосс Геры (недалеко от Аргоса). Увы, его же прославленная бронзовая статуя копьеносца (Дорифора) до нас не дошла, но мы располагаем мраморной копией римской эпохи, хранящейся в Неапольском музее. В поэзии нашла отражение живопись Полигнота, Микона, Зевксиса и Парассия. Пожалуй, особо повезло крупнейшим мастерам скульптуры IV века до н.э. – Скопасу, Поликлету Младшему, Праксителю, Леохару, Лисиппу, живописцам Апеллесу, Никию, Аристиду, Протогену, ну и знаменитым памятникам зодчества – храму Артемиды в Эфесе, мавзолею в Галикарнасе и колоссу Родосскому. Приведу посвящение неизвестного поэта создателю этого, увы, несохранившегося колосса:

Колосс Родосский
До неба этот Колосс воздвигли,
тебя почитая,
Те, что в дорийском живут Родосе,
о Гелиос!
Волны жестокой войны успокоив,
они увенчали
Родину славную их взятым
оружьем врагов.
Не над одним только морем, но,
властвуя также над сушей,
Светоч свободы они неподъяремной
зажгли.
Ибо ведущим свой род от Геракла,

по праву наследства,
Должно владыками быть моря
и суши всегда.



Родосский колосс

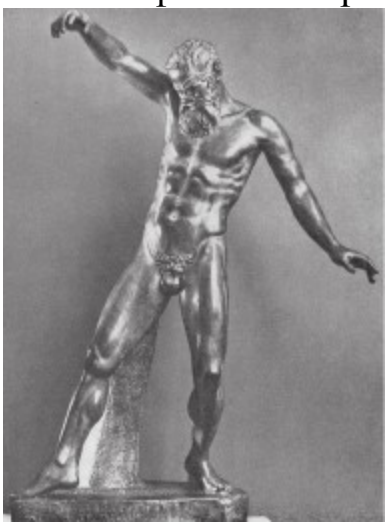
О том, что представляли собой творения Скопаса, к сожалению дошедшие до нас далеко не полностью (притом нередко и в поврежденном виде), писал Каллистрат: «Не только творенья поэтов или ораторов бывают обвеяны священным наитием, нисходящим на их уста по воле богов, но и руки художников бывают охвачены еще большим художественным вдохновением, и в экстазе они творят чудесные вещи, полные неземной красоты. Вот и Скопас, осененный каким-то наитием, сумел передать статуе ниспосланное ему от богов вдохновение… Скопасом была создана вакханка из паросского мрамора; она могла показаться живою; камень, сам по себе оставаясь все тем же камнем, казалось, нарушил законы, которые связаны с его мертвой природой. То, что стояло перед нашими взорами, было собственно только статуей, искусство же в своем подражании ее сделало как будто обладающей жизнью. Ты мог бы увидеть, как этот твердый по своей природе камень, подражая женской нежности, сам стал как будто бы легким и передает нам женский образ, когда его женская природа исполнена резких движений. Лишенный от природы способности двигаться, он под руками художника узнал, что значит

носиться в вакхическом танце и быть отзвуком бога, низошедшего в тело вакханки. Созерцая это лицо, безмолвно стояли мы, как будто лишившись дара речи, – так ярко во всякой детали написано было проявление чувства, где, казалось, не было места для чувства. Так ясно выражен был на лице вакханки безумный экстаз, хотя ведь камню не свойственно проявление экстаза; и все то, что охватывает душу, уязвленную жалом безумия, все эти признаки тяжких душевных страданий были ясно представлены здесь творческим даром художника в таинственном сочетании. Волосы как бы отданы были на волю зефира, чтобы ими играл он, и камень как будто бы сам превращался в мельчайшие пряди пышных волос. Это было выше всякого понимания, выше всего, что можно представить себе… безжизненный камень, казалось, обладал какой-то жизненной силой». Вероятно, он обладал особой жизненной силой, которую гений художника смог воплотить в одухотворенном образе.

Скопас. Битва греков с амазонками

Созданная Мироном медная статуя коровы была (так гласит легенда) столь похожа на живую, что на нее садились слепни, а пастухи и даже быки (вспомним Минотавра) принимали ее за живую («телка – обманщица всех»). Разумеется, греки ценили в скульптуре не только «телок»… Особым восхищением пользовалась у патриотов и республиканцев группа «Тираноубийцы» Антенора (вторая половина V в. до н.э.). Возможно, что в связи с актуальностью момента в 477 году афиняне и заказали повторение похищенной персами скульптурной группы – мастерам Критию и Несиоту. Тогда же изображения тираноубийц чаще стали появляться на вазах и монетах.

Поэты складывали стихи о памятном для всех греков бессмертном подвиге героев во имя народа (не спутайте имя тирана Гиппарха с жившим во II веке до н.э. Гиппархом из Никеи, выдающимся астрономом античности; хотя и первый считался покровителем искусства и науки, пригласив в Афины Анакреонта).



Мирон. Афина и Марсий

Величайшим живописцем Греции считался Апеллес, по-видимому, родившийся в 370 году до н.э., умерший в конце IV века до н.э. Греки называли его эфесцем, римляне – косцем (Кос – остров в Эгейском море). Вернее первое, хотя на Косе находились самые знаменитые его картины и там он, видимо, и провел последние годы жизни. Первым учителем Апеллеса был Эфор из Эфеса. Оттуда тот направился учиться у Памфила в Сикион, поскольку эта школа славилась на всю Элладу. Курс обучения у Памфила обычно длился 12 лет. При посредничестве своего учителя Памфила Апеллес переехал в Македонию (около 340 г. до н.э.), где написал много портретов македонского царя Филиппа II (359—336 гг. до н.э.). Затем он стал официальным портретистом Александра Македонского. Апеллес сопровождал Александра в его персидском походе (в 334 г.). Затем обосновался в Эфесе, где и писал портреты великого полководца.

Самая знаменитая его картина, «Афродита Анадиомена», так и осталась незаконченной. Затем на Косе он напишет портрет тирана Антигона Одноглазого (остров Кос тогда находился во власти тирана, погибшего в 301 г.). Разумеется, он писал не только тиранов, но и богинь, женщин, юношей. Павсаний сообщал, что в Одеоне (в Смирне) была картина Апеллеса, изображавшая одетую Хариту. Говорят, картины его отличались какой-то особенной живостью и изумительной грацией.

Полигнот. Амфора с изображением Эос. V в. до н.э.

Другие считали величайшим художником Полигнота. Его картина «Разрушение Трои» украшала Стоя Пойкиле. Говорили, что он открыл искусство, как Дедал – ваяние. Среди других живописных работ назовем Расписную галерею (Пеструю стою), выстроенную около 457 г. до н.э. Это любимое место прогулок афинян. Над ее картинами работали три художника: Полигнот – давший цикл троянских картин, Микон – написавший войну с амазонками, и тот же Микон и Панэн – создавшие знаменитую картину ставшей легендарной Марафонской битвы греков с персами. В античности появились первые критерии эстетического вкуса и красоты. Вообще, надо подчеркнуть особо ту исключительную роль, которую играют в воспитании юношества военные сюжеты. Греки – прекрасные психологи. Они понимали, что нация никогда не будет великой, если в ее искусстве царят мелкие и примитивные вкусы. Взгляните на сюжеты их трагедий, на архитектуру, скульптуру, живопись, керамику. Всюду присутствуют военные сюжеты, любимые ими боги, мотивы путешествий или освоения земель. Вот лишь некоторые из сцен вазовой живописи греков V века: неапольская гидрия «Падение Трои» мастера Клеофрада, луврский килик «Взятие Трои» мастера Брига, эрмитажная чаша «Гибель Трои» мастера Телефа; килик «Ахилл, перевязывающий Патрокла» Сосия (Берлин), «Тесей у Амфитриты» мастера Панайтия из Лувра, гидрия «Поликсена и Ахилл» (Эрмитаж) и многие-многие другие. Мы видим, как героические и трагические события стали сюжетами значительной части художественных произведений тогдашней Аттики. Таким образом, не только «история превращается в мифологию» (А. Пиотровский), но и мифы греков начинают служить истории. Если Россия будет поклоняться золоту и дальше, в наше творческое лоно, как и в лоно Данаи (у греческого мастера Триптолема), никогда не проникнет даже крупица истинного таланта и славы.

Ф. Бронников. Освящение Гермы

Гармония, красота и жизненность – вот три требования, три главных заповеди в античном искусстве. Римский архитектор, инженер, изобретатель Витрувий (I в. до н.э.) писал: «Композиция храмов основана на соразмерности, правила которой должны тщательно соблюдать архитекторы. Она возникает из пропорции, которая по-гречески называется analogia… Ибо дело в том, что никакой храм без соразмерности и пропорции не может иметь правильной композиции, если в нем не будет такого же точного членения, как у хорошо сложенного человека». Также и поэт Гораций (65—8 гг. до н.э.), требовавший от поэта и писателя философского образования, правды и глубокой искренности, призывавший к гармонии, говорил:

Если бы женскую голову к шее
коня живописец
Вздумал приставить и, разные
члены собрав отовсюду,
Перьями их распестрил, чтоб
прекрасная женщина сверху
Кончилась снизу уродливой рыбой;
смотря на такую
Выставку, други, могли ли бы
вы удержаться от смеха?
Верьте, Пизоны, на эту картину
должна быть похожа
Книга, в которой все мысли,

как бред у больного горячкой.

Что являлось причиной повсеместного интереса греков к искусству? Возможно то, что в то время свобода не покидала Грецию. Искусство, как известно каждому, нуждается в свободе так же, как растение – в лучах света. Духовные лидеры греков всегда ставили искусство на одно из первых мест. К примеру, Сократ объявил художников единственно мудрыми, ибо они мудры делом, а не желанием казаться таковыми. Даже императоры Рима, как мы увидим, почитали историков, поэтов, скульпторов, художников. Марк Аврелий учился мудрости у живописца Диогнета, утверждая, что у него он научился умению отличать истинное от ложного и не придавать значения глупостям. Человек искусства мог стать законодателем, мог предводительствовать войсками подобно Ламаху, одному из беднейших граждан Афин. Его статуя могла быть поставлена рядом со статуями великих политиков и даже рядом с богами. Греки ценили труд этих мастеров. Когда Полигнот безвозмездно расписал Стою Пойкиле в Афинах и еще одно общественное здание в Дельфах, всеобщий совет греков постановил в знак признательности за его работу предоставить художнику право проживания во всех греческих городах за счет общества. Его картины в Дельфах изобразили взятие Трои. И. Винкельман считал, например, что это сама природа поспособствовала созданию в Греции наиболее совершенного человеческого племени. Он писал в «Истории искусства древности»:

«Греки знали это и вообще, по словам Полибия, сознавали свое превосходство над другими людьми; ни у какого другого народа красота не ценилась так высоко, и поэтому ничто из того, что могло бы подчеркнуть ее, не оставалось скрытым, а художники могли созерцать ее каждодневно. Они словно бы считали красоту достоинством, заслуживающим восхваления, и мы встречаем у греческих историков упоминание о наиболее красивых людях; некоторые получали особые прозвища по какой-нибудь одной прекрасной черте своей внешности, как например Деметрий Фалерский – по красоте бровей. По этой причине у греков уже в древнейшие времена Кипсел, царь Аркадии в эпоху Гераклидов, установил состязания в красоте, проводившиеся на берегу реки Алфей в долине Элиды, а на празднестве в честь Аполлона

Филесия юноши получали награду за наиболее искусный поцелуй. Это происходило под наблюдением судьи… В Спарте и на Лесбосе в храме Юноны, а также у паррасийцев проводились состязания в женской красоте». Греки видели в красоте некий особый божественный знак, достойный преклонения.

Johann Winckelmanns,
Geschichte der Kunst
des Alterthums.
Zweyter Theil.
Dresden, 1764.

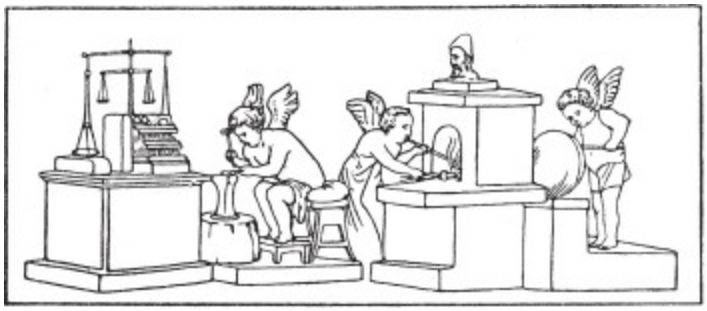
Титульный лист первого издания книги И. Винкельмана. 1764 г.

Учитывая, что греки с таким трепетом относились к божествам, украшавшим их храмы, понятно и то внимание, которое уделялось ими архитектуре… Прекраснейшим образцом древнегреческого искусства стали храмы богини Геры на острове Самосе, храм Аполлона в Дидимах близ Милета, но истинной гордостью малоазийских и греческих мастеров явился так называемый Артемисион – святилище богини Артемиды в городе Эфесе. Культ Артемиды-охотницы в Малой Азии был очень популярен и фактически оказался слит с культом плодородия. Символ богини – трудолюбивая пчела. Ее изображали в окружении нимф или же с ланью. Впрочем, похоже, что сей храм в Эфесе был посвящен не той Артемиде, что была одним из божеств греческого пантеона, т.е. не богине-охотнице, но Артемиде, разновидности финикийской богини Астарты. Эта богиня была символом воспроизводящей силы человеческого рода и изображали ее как мать-кормилицу – с множеством сосцов.

Статуя Артемиды Эфесской, матери-кормилицы

Эфес был важнейшим городом Малой Азии. Во времена апостола Павла тут была резиденция римского проконсула провинции Азия. В городе проживало более 300 000 граждан (в основном греки). История же создания храма Артемиды Эфесской такова. Когда город подвергли осаде, жители его посвятили себя богине Артемиде, привязав веревку от храма к стенам осаждаемого города. Богиня им «помогла». С тех пор благодарные жители посвящали празднествам в ее честь месяц. Выстроить храм Артемиде поручили архитектору Херсифрону из Кносса. Обычно архитектор был человеком состоятельным; по эфесским законам его имущество должно было поступить в казну города как обеспечение (в случае перерасхода сметы). Если строитель переходил черту в четверть стоимости суммы расходов, деньги вычетали из залога. И тем не менее Херсифрон надумал создать гигантский мраморный храм, почти что замок. Храм он решил опоясать рядами стройных колонн. К счастью, белый мрамор, что ранее доставлялся из Пароса, Гераклеи, Фасоса и других мест, нашли рядом с Эфесом. В строительстве приняли участие все государства Малой Азии. Строительство храма растянулось на 120 лет, и задолго до его завершения архитектор Херсифрон умер. Завершение работ поручили сыну Метагену, который и сотворил чудо архитектуры. Храм был поистине великолепен, им восхищалась вся Греция. Простоял

храм около ста лет. В 356 году до н.э. это чудо и решил поджечь Герострат.



Эроты-ювелиры

О причинах, побудивших его к такому преступлению, можно лишь догадываться. Храм служил одновременно хранилищем и банком. Жрецы давали деньги в рост. У греков храм считался священным и неприкосновенным местом: не только эфесцы, но и чужеземцы оставляли тут свои сбережения, не опасаясь за их сохранность. Богине посвящались многочисленные и богатые дары. Одна из надписей упоминает дар Вибия Салютария, подарившего храму 29 золотых и серебряных статуй. В дар от лидийского царя Креза храм Артемиды Эфесской получил колонны, украшенные фигурными рельефами. Он же подарил храму изображения коров из чистого золота.

Андроник. Башня ветров. Реконструкция

Тут была корпорация ювелиров и мастеров, изготавливавших художественные вещи и дары для храма. Как известно, эти мастера во главе с неким серебряником, Димитрием, и возбудили толпу против проповедей апостола Павла. Причины такой реакции понятны.

Призывами обратиться в христианскую веру он лишал заработков тех, кто кормился храмом, и мешал тому, что составляло доходный околохрамовый бизнес. В этом акте слились религиозные инстинкты и коммерческие интересы. Следовало учесть, что доходы серебряных дел мастеров особенно возрастали в дни празднеств, с наступлением священного месяца артемисиона (март – апрель). В это время сюда устремлялись все почитатели Артемиды Эфесской. Тут делались многочисленные заказы на дары в ее честь. Клиенты оставляли и получали деньги в храме-банке. Возможно, это как раз и подтолкнуло Герострата к преступлению, то есть это могла быть и месть банкирам-ростовщикам храма.

Образцы античных камей. Камея Гонзага. III в. до н.э.

Позже храм восстановят. В работе участвовали Праксителъ и Скопас. Любопытно, что Александр Македонский предложил оплатить все прошлые и будущие расходы по восстановлению храма, попросив лишь указать его имя на стенах храма. Эфесцы вежливо поблагодарили его, но отказались, заметив, что нельзя допустить, чтобы храм, посвященный богам, получил дар от бога. Тонкий дипломатический отказ был дан эфесцами Александру, который, как гласила легенда, родился именно в тот день и час, когда Герострат и поджег храм, – Артемисион. В Афинах было немало иных прекрасных сооружений. Одним из них явилась знаменитая «Башня ветров» (12,8 м), построенная Андроником, – с флюгером, солнечными и водяными часами.

Пьетро Стаджи. Пигмалион и Галатея

Связи между религией, экономикой, политикой уже в те времена прослеживались довольно четко. В этих местах на протяжении примерно 150 лет велись и ведутся энергичные изыскания археологов (Дж. Вуд, О. Бендорф, Р. Хебердей, Д. Хогарт и др.). По словам ученых, до сих пор найти серебряные или золотые вещи (маленькие храмы) и ниши со статуями не удалось, что, возможно, объясняется их очевидной привлекательностью для прошлых завоевателей. Иные золотые и серебряные вещи могли быть отданы в переплавку владельцами, когда те принимали христианскую веру. Однако было найдено множество других приношений и посвящений в храм, терракотовые и мраморные изображения храмов. Кроме того, «одна из надписей сообщает о большом количестве золотых и серебряных статуй Артемиды весом от двух до шести литр, которые были переданы в качестве приношений богине, которые и были установлены в храме». Какой-то тщеславный даритель-римлянин, не довольствуясь благодарностью самой богини, пожелал еще и земной славы. Он хотел, чтобы как можно больше народа восторгалось его дарами. С этой целью он даже установил тот маршрут, по которому во время праздника богини должно следовать шествие ее почитателей, сопровождавшееся богатыми приношениями в ее храм.

Агесандр. Афродита Милосская

Греция и Рим становятся как бы огромным музеем под открытым небом… Одним из чудеснейших произведений эллинистического классицизма явился и Аполлон Бельведерский, мраморная статуя которого была найдена в конце XV века в Анцио, южнее Рима. На ней представлен бог Аполлон, почти обнаженный, в плаще (хламиде), откинутом за спину, и в сандалиях. Хотя кисти рук его не сохранились, предполагают, что бог только выпустил стрелу из лука, убившую дракона Пифона в Дельфах… Статую приобрел кардинал Джулиано делла Ровере, ставший позднее папой Юлием II (1503—1511), он перевез ее в Ватикан и установил на террасе, именуемой Бельведер (отсюда и название статуи – Аполлон Бельведерский). Шедевр античного мастера, представленный в виде копии с бронзового оригинала, восхищал всех. По поручению папы Климента VII (1523—1534) статуя подверглась реставрации, при которой ученик Микеланджело, Монторсоли, восстановил утраченные кисти рук Аполлона (но в 1924 г. эти добавления удалили). Известный немецкий искусствовед И. И. Винкельман, давая описание этой великолепной статуи, называл ее «высшим идеалом искусства среди всех творений древности».

Как скажет поэт А. Апухтин о вкусах и нравах древних: «Эрос был их бог, а цель – искусство». Действительно, мы видим, как

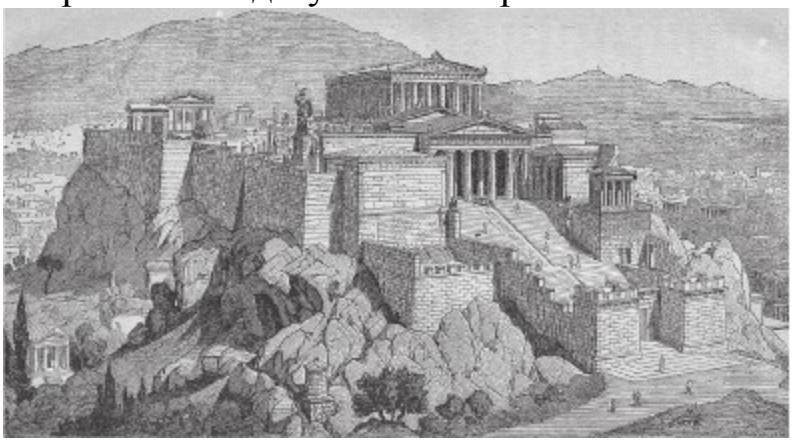
античное искусство красотой побеждает силу столетий. Как объяснить его тайну? Может быть тем, что оно – дитя красоты! Красота – это магия искусства и мудрейшая из философий. Перед ней, как перед богом, все смертные равны. Она уравняла в правах цезаря и раба, богача и нищего. Знаменитый Фидий потому и был прозван народом «калос демиургос» (прекрасный ремесленник), что был в равной степени доступен простому человеку и Периклу, другом которого был. Там «царь пред статуей любовью пламенел», перед поэтами и певцами «склонялись мудрецы, и судьи, и гетеры». Здесь «в мысли знали жизнь, в любви не знали меры» (Апухтин). Плутарх говорил, что в Афинах больше статуй, чем людей. Стены общественных зданий стали как бы вынесенными на природу картинными галереями. В творениях древних мертвый камень оживал. Поистине в лице греков мы имееем нацию творцов, пигмалионов. Этот уроженец Кипра создал скульптуру дивной красоты. Современникам порой даже начинало казаться, сказал Овидий, что каменная дива Пигмалиона «вот-вот двинется, пойдет и заговорит».

Другим шедевром считают Венеру Милосскую (III—II вв. до н.э.). Неизвестному скульптору принадлежит сей эталон грации и красоты. Даже без рук она впечатляет более иных ее мускулистых сестер, оставшихся от нашей эпохи. И можно понять слова восхищения, вырвавшиеся у Шатобриана при виде скульптуры: «Греция не давала лучшего свидетельства своего величия!» А душа одного из героев романа Г. Успенского буквально «возликовала и выпрямилась» при виде Венеры Милосской. Скульптура Венеры была найдена на острове Мелос неким крестьянином в 1820 году. Французский моряк Д. Дюрвилль побывал в гостях у Иоргоса и видел статую, когда та была еще в целости и сохранности. «В левой поднятой кверху руке она держала яблоко, – написал Дюрвилль, – а правой придерживала ниспадавшее от бедер одеяние. Впоследствии руки были повреждены и в настоящее время отделены от туловища». Венера лишилась рук после ожесточенной схватки за нее между моряками и слугами священника, который хотел отправить ее в Константинополь.Сейчас эта прекрасная статуя, выполненная во II веке до н.э., находится в Лувре. Этот идеал высокой классики изображает богиню любви и красоты Афродиту (у римлян – Венера).

Уже упомянутый нами Г. И. Успенский, побывав в Париже, писал жене: «Тут больше всего и святей всего Венера Мелосская». Он поведал о своем отношении к ней и А. И. Писареву: «В ней, в этом существе, – только одно человеческое в высшем значении слова». Пройдут годы, и он передаст свои чувства сельскому учителю Тяпушкину, герою рассказа «Выпрямила». В глубину этого «скомканного, искалеченного, измученного существа» Венера вдохнула жизнь и – «выпрямила». Учитель сказал: «Я в оба глаза глядел на эту каменную загадку, допытываясь, отчего это так вышло. Что это такое? Где и в чем тайна этого твердого, покойного, радостного состояния всего моего существа, неведомо как влившегося в меня? И решительно не мог ответить себе ни на один вопрос; я чувствовал, что нет на человеческом языке такого слова, которое могло бы определить животворящую тайну этого каменного существа. Но я ни минуты не сомневался в том, что сторож, толкователь луврских чудес, говорит сущую правду, утверждая, что вот на этом узеньком диванчике, обитом красным бархатом, приходил сидеть Гейне, что здесь он сидел по целым часам и плакал… И как бы тщательно ни разбирали этого великого создания с точки зрения «женской прелести», вы на каждом шагу будете убеждаться, что творец этого художественного произведения имел какую-то другую, высшую цель. Да, он потому (как стало казаться мне) и закрыл свое создание до чресл, чтобы не дать зрителю права проявить привычные, шаблонные мысли, ограниченные пределами шаблонных представлений о женской красоте. Ему нужно было, и людям своего времени, и всем векам, и всем народам вековечно и нерушимо запечатлеть в сердцах и умах огромную красоту человеческого существа, ознакомить человека – мужчину, женщину, ребенка, старика – с ощущением счастья быть человеком, показать всем нам и обрадовать нас видимой для всех нас возможностью быть прекрасным – вот какая огромная цель овладела его душой и руководила рукой». Венерой Милосской ее назвал Картмер де Кинси, ее первый исследователь, «первый мужчина», секретарь Академии художеств.

Удивительной женственностью отличаются найденные в афинском Акрополе 14 статуй девушек, хранящие на лице улыбку. Сих античных «Кор» относят к V веку до н.э. Но они будят в нас массу эстетических и чувственных ощущений. Правильный инстинкт

руководил греком, когда он избегал изображать женскую фигуру нагой. В самом деле, вспомните, какую неисчерпаемую галерею безобразно-голых, лишенных выразительности женских фигур дало новоевропейское искусство. И насколько тоньше поступал греческий художник, который, вовсе не избегая передавать чувственные темы, полагал, однако, что даже эти темы несравненно разнообразнее и выразительнее передаются узорами, изгибами и складками в тканях. И нигде в греческом искусстве не достигает такой выразительности ткань, как именно в этой школе VI—V веков, что оставила нам вереницу этих прелестных девушек – «Кор».



Вид на афинский Акрополь. Реконструкция

Центром социальной и общественной жизни афинян являлся Акрополь. Известно, что первые здания на Акрополе (два храма в честь богини Афины) сооружены еще в 1050—700 годах до н.э. Именно на этом месте в эпоху Перикла воздвигнут Парфенон. То было время расцвета Афин. В архитектурно-художественный ансамбль вошли всемирно известные храмы – Парфенон, Эрехтейон, Ареопаг, храм Афины-Ники (отсюда название – Парфенон). Археолог М. Андроникс писал: «Три больших сооружения, составляющих Акрополь, – Парфенон, Пропилеи и Эрехтейон – единят между собой исполняемые ими функции и смелость принятых архитектурных решений, свидетельствующих о новаторском духе Перикловой демократии». Все они представляют единый комплекс.

Парфенон построен в 447—437 годах до н.э. и посвящен богине Афин. Его воздвигли на фундаменте раннего храма, посвященного Афине Палладе, архитекторы Иктин и Каликрат. Классический образец древнегреческого храма выстроен в дорическом стиле. Фронтон, карниз и колонны были выполнены из мрамора, крыша – из

дерева. Центральное помещение окружено колоннадой. На продольной стороне храма – 17 колонн, на торцевой – 8. Древние архитекторы великолепно владели законами перспективы, и Парфенон выглядит идеально. По периметру внешних стен храма на высоте 12 м непрерывной лентой тянется фриз Парфенона. На нем видны изображения 192 героев, павших в знаменитой Марафонской битве с персами в 490 году до н.э. (по другой версии там показана церемония празднования дня рождения богини Афины – Панафинеи, проводившаяся раз в четыре года). Стены этого храма были сложены из мраморных блоков и облицованы отполированными мраморными плитами.

Фотография Парфенона

Главный, восточный фронтон Парфенона украшала многофигурная композиция «Рождение Афины». Согласно древней легенде богиня мудрости Афина родилась из головы Зевса уже взрослой и во всеоружии. Центром этой композиции был Зевс, сидящий на троне, а перед ним – Афина. Над ними вестница богов Ирида летит известить мир о рождении новой богини. В левом углу фронтона из вод Океана встает бог солнца Гелиос, в правом – в те же воды спускается богиня ночи Селена. На западном фронтоне Посейдон и Афина спорят за власть над Аттикой. Легенда гласит, что право назвать имя победителя в споре боги предоставили старейшинам

Афин. Посейдон ударил тогда трезубцем – и из скалы Акрополя забил соленый источник; Афина ударила коптем – и на Акрополе выросло оливковое дерево. С тех пор старейшины решили, что Афина станет покровительницей города. Нынешний Парфенон – это белые руины. В древности же фон фронтонов храма был красным, а фон фриза – синим. Многие детали были позолочены или же сделаны из позолоченной бронзы.

Внутреннее пространство храма было некогда разделено на две неравные части. В западной, меньшей части храма, хранилась государственная казна Афинской республики, в восточной части находился просторный храм с известнейшей статуей Афины Парфенос (Афины Девы) работы Фидия. Отсюда возникло название храма – Парфенон. Вероятно, весь проект разрабатывался и выполнялся при участии двух выдающихся деятелей времени – Перикла и Софокла. Первый был главой Афин, второй, помимо заботы о театре и великих трагедиях («Антигоны» и «Эдипа»), был главой финансовой комиссии и распоряжался общественной казной, собираемой с союзников. Центральный зал освещался светом, проникавшим через дверной проем, а также светильниками. Говорят, что Парфенон чем-то напоминал живое человеческое существо.

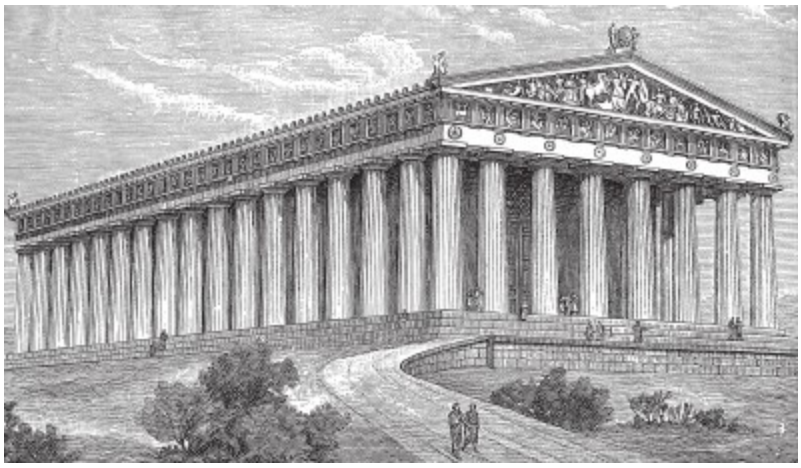
Статуя Афины работы Фидия

Фидий. Зевс Олимпийский

Великолепная 12-метровая статуя Афины работы Фидия – в длинных тяжелых одеждах, опирающаяся левой рукой на щит, а под ним змей Эрихтоний, в правой державшая статую богини Победы Ники, – была центром всей композиции. Лицо и руки статуи изготовлены из слоновой кости, а ее одежда, украшения и вооружение были из золота. На щите, что держала в руках Афина, показана битва греков с амазонками и гигантомахии – сцены борьбы богов с гигантами. Среди персонажей первого ряда Фидий изобразил самого себя в виде лысого старика, с камнем в руке. Греки сочли его поступок святотатством, вдобавок еще обвинив в хищении золота для статуи, и заточили в тюрьму (431 г. до н.э.). По одним сведениям, он умер в заточении, по другим – был отправлен в изгнание, где и умер. Статуя Афины просуществовала более 900 лет и погибла вследствие бурь и катаклизмов времени. Хотя и говорят, что свято место пусто не бывает, сегодня место это пустынно и вызывает глубокую грусть.

Изображение древнего акрополя в Афинах. Фрагмент

В византийскую эпоху, в начале VII века, Парфенон станет христианской церковью Святой Софии. Внутреннее устройство храма подверглось переделке, в итоге чего уничтожены центральные фигуры восточного фронтона – знаменитой композиции «Рождение Афины». Уже во времена господства римлян и византийцев из Афин вывозились статуи, город был разграблен готами Алариха. Христиане оказались в некотором смысле ничуть не лучше варваров, ибо брали камни для постройки церквей из Парфенона и выпотрошили внутренности Эрехтейона. Когда Афины захватили турки, Парфенон переоборудовали в мечеть (1546). В его юго-западном углу поднялась высокая башня минарета. Затем турки устроили пороховой склад в Парфеноне. Во время осады венецианцами Акрополя и мощного обстрела одна из бомб попала в храм, где хранился порох (1687 г.). Вся центральная часть храма, кроме западной стены, и большая часть колоннады были разрушены. После сдачи турок венецианцы решили увезти в качестве трофеев фигуру Посейдона и коней с его квадриги – остатки композиции «Спор Афины с Посейдоном». Когда их начали снимать, еле державшиеся после взрыва фигуры упали и разбились в прах.



Изображение древнего акрополя в Афинах. Фрагмент

Греческая танцовщица из Италии. Рисунок на вазе

Находки, сделанные в афинском Акрополе в 1882—1889 годах, показали во всем блеске высочайшее мастерство аттического искусства. Оно зародилось позже, чем искусство Самоса и Хиоса, Спарты и Сикиона. Так, только с середины VI века до н.э. встречаем имя ваятеля Эндойоса (согласно легенде ученика Дедала). От других мастеров сохранилось лишь имя (Антенор, Критий, Незиот, Гегесий). В те годы под Перикловым Парфеноном обнаружили целую группу памятников от той эпохи, что предшествует персидским войнам. И это случилось там, где «шедевры Фидия, казалось, не оставили места ни для какой другой славы». Стало ясно: под зданиями V века сохранялось все, что некогда покрывало Акрополь Писистрата. Персы предали храмы огню, разбили статуи или похитили их, хотя что-то и осталось. Раскопки конца XIX века подарили прекрасные скульптуры из мрамора, бронзы, известняка («Геркулес, борящийся с гидрой»,

«Геркулес в борьбе с Тифоном», «Бык, пожираемый львами»). В статуях и композициях привлекают яркие цвета (красные, синие, белые, розовые, черные). Ш. Диль писал: «Среди первобытных школ Греции ни одна так хорошо не известна, как аттическая и ни одна не заслуживает большей известности. Раньше таких художников, как Каламис и Мирон, Алкамен и Фидий, Афины создали несколько великих, но неизвестных ваятелей, произведения которых, найденные на Акрополе, показывают в целом ряде памятников, сколько было положено упорного труда для медленного достижения успеха». История этих попыток составляет одну из самых интересных и поучительных глав искусства.

Не менее поучительна история того, как «цивилизованная» Европа грабила все эти бесценные достояния греческого народа… В 80-е годы XVIII века посол Франции в Турции вывез в Париж несколько рельефов Парфенона. В 1801—1803 годах известный грабитель древних памятников лорд Эльджин вывез в Англию 12 фигур с фронтонов Парфенона, 56 плит с рельефами фриза и ряд других фрагментов. Сегодня скульптуры из Парфенона имеются во многих музеях мира. Основная часть фриза Парфенона – в Британском музее. Реставрация храма началась еще в XIX столетии. В 1926—1929 годах была восстановлена северная колоннада Парфенона. Вслед за восстановлением колоннады сделали попытку восстановить скульптуры. Это копии-слепки из цемента с добавлением мраморной крошки, воспроизводящие внешний вид подлинников. Затем отреставрировали пол. И все-таки ныне храм – лишь слабая тень былого строения.

Виды музыкальных инструментов

Помимо архитектуры, скульптуры и живописи важную роль в искусстве древних играл танец. Танец возник еще в незапамятные времена, когда люди стремились выразить свои эмоции, подражая движениям животных и птиц. В самом деле, есть неуловимое сходство между играми и танцами тех и других. Каждый танец отвечал характеру народа. Все празднества обычно сопровождались плясками. По преданию, священные пляски перенесены в Грецию из Египта певцом Орфеем. Тот увидел их во время храмовых египетских празднеств. Гомер в «Илиаде» описывает хоровод, а в «Одиссее» изображает мужской дуэт (на фоне танцующих юношей). Лукиан, названный «Прометеем красноречия», написал целый трактат на эту тему – «Диалог о танце». Описания танцев встречаются у Аристотеля и Филострата, в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида, в комедиях Аристофана. «Лечиться мелодией людям полезно бы было…». В одной из трагедий Еврипида («Финикиянки») герой поет, обращаясь к обагренному кровью убитых Арею, призывая его не к битвам, а к мирным танцам:

Для чего не идешь, господин,
Туда, где юность ликует,
В хороводах сплетаясь светлых,
Где, плющом и тисом увитый,
Волос золотистых локон
У пляшущей девы Хариты
И ходит, и вьется, и пляшет
Под сладкую музыку флейты?

Заметную роль в воспитании греков играли музыка, песни и гимны. Греки любили в музыке ясность, чистоту, благородство и величественность. Колыбельные песни стали зародышем мусического воспитания греков. Сатирик Персий донес до нас содержание и «кормилициной молитвы». Музыканты Греции представлены целой плеядой полумифических-полуреальных личностей – от Орфея и Лина до Марсия и Олимпа. Дата рождения Орфея точно не известна и ее датировки разнятся от XV века до IX века до н.э. Считают, что он родился за одиннадцать поколений до Троянской войны (1336—1334 гг. до н.э.). Народ запечатлел в памяти образ Орфея не только певца, но и мудреца. Напомним, что Пифагор из учения Орфея позаимствовал идею о числовой природе богов, а с книгой «Священное слово Орфея» не расставался до самой смерти.

В древние времена музыка считалась неотъемлемой частью мудрости и знаний: «…можно подумать, что древняя мудрость эллинов была особенно направлена на музыку. Именно поэтому они причисляли Аполлона к богам и Орфея к полубогам и считали их самыми музыкальными и самыми мудрыми» (Афиней, XIV). Известно и мистическое преклонение ученых-пифагорейцев перед гармноничными законами музыки, а великий измеритель моря и земли Архит Тарентский считал для себя важной и почетной миссией – усовершенствовать «педагогическую технологию».

В книге Е. Герцмана «Музыка Древней Греции и Рима» говорится, что Орфея называли сыном музы Каллиопы и речного бога Эагра, потомка знаменитого титана Атланта. Величественный небосвод музыкальных творений зиждется на плечах этого сына «прекраснозвучной» нимфы и правнука титана. С младенчества Орфей был приобщен Аполлоном к музыке, поэзии, пророчеству и врачеванию. По мнению Аполлодора, именно Орфей ввел в эллинскую жизнь пение, став одним из самых выдающихся кифародов Эллады. Видимо, он действительно прекрасно пел.

Гораций в «Одах» называл его звучным (vocalis). Музыка и песни завораживали. Филострат Младший в «Картинах» описывает, как рядом с поющим и играющим Орфеем стояли, замерев как зачарованные, лев, дикий кабан, орел, волк, заяц и овца. Лукиан же в одном из рассказов говорил, что это Философия послала Орфея к людям, «чтобы он заворожил их своими песнями и воздействовал на

них силой музыки». В легендах утверждается, что Орфей с помощью игры на музыкальном инструменте мог останавливать даже реки и ветра. По мысли древних, музыка, способствуя всеобщей гармонии на земле, непременно должна соответствовать и гармонии небес. Вергилий в «Энеиде» называет Орфея творцом знаменитой идеи «гармонии сфер». И хотя это не совсем так (ибо у каждого региона была все же своя собственная «гармония» – «ионийская», «эолийская», «дорийская» и т.д.), нам все же представляется символичным, что греки стремились к гармонии как идеалу.

Орфей в царстве теней Аида (резьба по камню)

Орфей и Эвридика

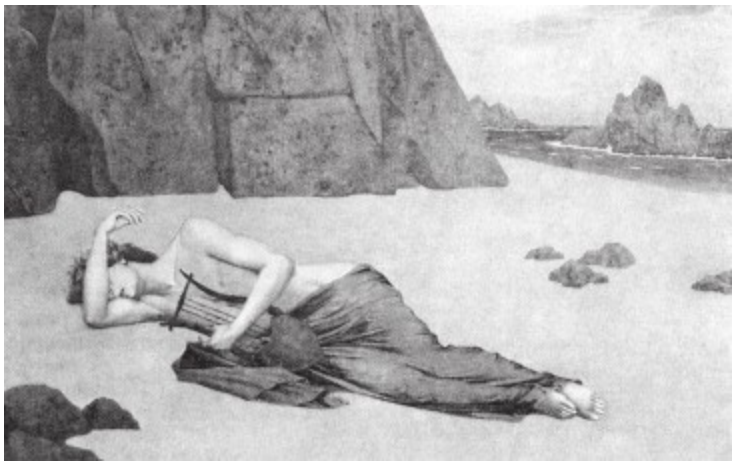
Играл Орфей на семиструнной лире; семиструнная лира олицетворяла гармонию земной и небесной жизни. Легенда повествует также о его нежной любви к нимфе Эвридике. Их любовь была восторженной и упоительной, каковой обычно и бывает любовь молодых людей, к тому же еще и наделенных божественным даром. Однако случайная смерть от укуса змеи вырвала Эвридику из его объятий. И тогда Орфей мужественно последовал за своей возлюбленной в царство Аида. Сумрачно выглядело это царство. Суров и старец Хирон, чья миссия – доставка душ умерших через реку смерти Стикс.

Однако музыка оказалась сильнее смерти… Видимо, Орфей заставил властителей царства Смерти (Аида и Персефону) вспомнить об их собственной молодости и любви. И они сделали ему поистине царский подарок – вернули ему его возлюбленную. Но предупредили, что он не должен оборачиваться и смотреть на Эвридику, выводя ее из мрака подземного царства, иначе он ее больше никогда не увидит.

Орфей не смог сдержать искушения, ибо не был св. Антонием, а был пусть и великим, но все же земным человеком. Он оглянулся и тут же с ужасом увидел, как облик любимой растаял во мгле подземелья. Так и люди нередко теряют счастье, что находилось у них буквально в руках (по своей собственной глупости). Печально закончилась и его жизнь, оборвавшаяся, как гласит легенда, где-то в горах его родной Фракии.

Г. Моро. Голова Орфея

В одну из ночей в горах гуляла буйная ватага дев-вакханок, во главе с богом вина Дионисом. Компания ночью, вульгарно напившись, во всю мочь распевала грубые, бесстыдные и развратные песни. Мудрый и чистый Орфей, глядя на площадное скотство, решил было воспрепятствовать хулиганам. Его струны и песни звучали так дивно, что хамоватые, невежественные и завистливые вакханки растерзали его на части. Впрочем, другая версия гласит, что он погиб от молнии. Пастухи нашли изуродованное тело певца. Не исключено, что к его смерти мог быть причастен и Аполлон. Узрев мертвую голову Орфея (чья слава после смерти стала еще более громкой), он заявил: «Оставь то, что мое, достаточно того, что я терпел твое пение».



А. Сеон. Плач Орфея. 1896 г.

Как бы там ни было, а за Орфеем в дальнейшем закрепилось имя «отца песен». Пиндар в «Пифийских одах» писал: «От играющего на форминге Аполлона явился отец песен, прославленный Орфей». Эллины назовут группу звезд «Лирой Орфея». Среди других известных имен был и Олимп, родоначальник эллинской музыки. С тех пор образ Орфея постоянно присутствует в искусстве. Поэт Ходасевич писал:

О, пожалейте бедного Орфея!
Как скучно петь на плоском берегу!
Отец, взгляни сюда, взгляни,
как сын, слабея,
Еще сжимает лирную дугу!
Еще ручьи лепечут непрерывно,
Еще шумят нагорные леса,
А сердце замерло и внемлет
безотзывно
Послушных струн глухие голоса.
И вот пою, пою с последней силой
О том, что жизнь пережита вполне,
Что Эвридики нет, что нет подруги
милой,
А глупый тигр ласкается ко мне.
Отец, отец! Ужель опять,
как прежде,
Пленять зверей да камни чаровать?

Иль песнью новою, без мысли
о надежде,
Детей и дев к печали приучать?..

Кто же исполнял все эти разнообразные песни, звучавшие по всей Элладе? Так, в «Илиаде», более ранней из поэм Гомера, упоминается лишь о бытовых песнях (рабочих, свадебных, похоронных), а герои поэмы сами поют и пляшут. Но уже в «Одиссее» появились так сказать профессионалы, певцы-сказители, выделившиеся из среды обычных народных музыкантов (аэды). Так, слепой певец Демодок во время пира Одиссея у феаков слагает песню о его странствиях. Поэт, которому муза «очи затмила его, даровала зато сладкопенье», взяв лиру, поет о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее. Наряду с лирой излюбленным инструментом у греков был аулос (тип гобоя). Самая же ранняя из известных нам творческих певческих школ связана с островом Лесбос. Из нее вышел поэт и певец Терпандр (конец VII в. до н.э.), прославившийся победой на поэтических состязаниях в Спарте. От него легенда ведет происхождение пения под кифару (струнный инструмент типа лиры).

Урок танца. Рисунок на вазе

Хоровые песни часто соединялись с пляской. Иные из них (критская пляска пеан) считались целительными и имели магическое значение. Спарта ценила создателя своих хоровых и военных песен – Тиртея. С усилением лирических тенденций в поэзии поэт становится бардом, сопровождая чтение стихов песней под звуки лиры. Название свое современная лирика и получила от наименования древнего инструмента – лиры.

Танец дев-вакханок в честь Вакха

Талантливо и ярко исполненный танец не только красив, но и выразителен… По Платону, «танец подражает словам Музы». Почти в тех же выражениях о нем писал и Аристотель: «Ритмическими движениями он (танец) выражает обычаи, страсти, действия». Лукиан так говорил о танце: «Он представляет собой изобразительное искусство, которое выражает идеи и облекает в плоть невидимую мысль». В «Пире» Ксенофонта юноша и девушка в танце изображают союз Диониса и Ариадны: танцуют и поют под звуки флейты. Пляски обычно исполнялись под звуки лиры или флейты и отличались строгой красотой. Их посвящали богам – Дионису, Афине, Афродите, Пану. Популярны были и военные пляски, игравшие заметную роль при воспитании. Они способствовали развитию начал патриотизма, мужества, долга и чести. Общественно-бытовые танцы сопровождали семейные и личные торжества, городские и государственные праздники. Танцы (домашние, городские, сельские) различались как по тематике, так и по составу исполнителей.

Танец под звуки бубна и свирели

Римляне также любили пляски. Воины предпочитали воинственно-вожделенный танец, названный ими «Похищение сабинянок». По преданию, его ввел еще Ромул. Существовали еще и особые танцы жрецов, а также восхитительные и откровенно

сладострастные пляски гетер. Редким искусством, яркостью, красочностью, особым разнообразием отличались этрусские пляски. Характер и дух древнегреческого танца выражают многочисленные изображения на барельефах и вазах, а также многие творения скульпторов. Наиболее известные из них: барельеф «Танцующие молодые гречанки», вазовая живопись «Кордакс» и «Сикиннис», скульптуры «Танцующая гречанка», «Танцующая менада», Танагрские статуэтки и т.д. и т.п.

Обычно эти темы (тема плясок и хороводов) затрагивалась в выступлениях хора, который разделял собой основные части трагедии. К примеру, в трагедии Софокла «Аякс» имеется подобная сцена обращения хора с просьбой к божеству Пану:

О, трепет радости! Я окрылен, ликую!
Ио! Ио! Пан! Пан!
Пан, о странник морской, явись,
Божественных хороводов царь,
Покинь Киллены кремнистый кряж
С бурей снежной, о Пан! Сойди!
Ныне нисский и кносский пляс —
Безыскусный – затей, зачни,
О Пан, Пан!
К пляскам нынче лежит душа.

Большое значение придавали музыке. В ней человек античности открыто выражал свои чувства и эмоции. Непросто проследить истоки и следы первых музыкальных опытов, ибо музыкальная письменность возникла довольно-таки поздно. Первые музыкальные следы в Древней Греции относят к V веку до н.э. Есть след вавилонской музыки (сохранившийся гимн шумерийской эпохи). Но количество музыкальных образцов невелико. Они рассеяны по восьмивековой дороге истории, как редкие жемчужины. Период расцвета музыкальной культуры Древней Греции пришелся на период с V века до н.э. и по III век н.э. Учение об этосе у Платона и Аристотеля придает ей самостоятельную, весьма значимую роль в жизни общества. Платон, как известно, писал элегии, дифирамбы, трагедии,

но после встречи с Сократом (до нас дошло 25 стихотворных миниатюр Платона) самолично уничтожил их. Теме музыкального эстетического воспитания он уделял внимание. В «Протагоре» он говорит о значении музыкальной культуры для юношества: «И кифаристы, со своей стороны, заботятся об их рассудительности и о том, чтобы молодежь не бесчинствовала; к тому же, когда те научатся играть на кифаре, они учат их творениям хороших поэтов-песнотворцев, согласуя слова со звуками кифары, и заставляют души мальчиков свыкаться с гармонией и ритмом, чтобы они стали более чуткими, соразмерными, гармоничными, чтобы были пригодны для речей и для деятельности: ведь и вся жизнь человеческая нуждается в ритме и гармонии».

Памятник Лисикрата

Аристотель в «Политике», задаваясь вопросом, помещать или не помещать музыку в число предметов воспитания, считает, что она важна для времяпровождения и воспитания. Мифический поэт Мусей говорил о том, что «смертным петь – всего приятней». Во время пения приятное как бы совмещается с полезным. Слушание же пения и музыки любо людям всякого возраста и всякого характера. Это доказывает пример легендарного Олимпа, дивно игравшего на флейте и вызывавшего у греков небывалый энтузиазм. Музыка оказывает исключительно сильное воздействие на душу человека. Можно

сказать, что она является властительницей всех настроений. Например, слушая звуки миксолидийского лада, греки предавались скорбным и сумрачным настроениям. Дорийский лад чаще вызывал в сердцах умиротворенные и уравновешенные настроения, а фригийский действовал возбуждающим образом.

«Из сказанного ясно, – заключает Аристотель, – что музыка способна оказывать воздействие на нравственную сторону души; и раз музыка обладает такими свойствами, то, очевидно, она должна быть включена в число предметов воспитания молодежи. Обучение музыке подходит к самой природе этого возраста: в молодом возрасте люди не выносят по доброй воле что-либо неприятное, а музыка по своей природе принадлежит к тому, что доставляет удовольствие. Да и у гармонии и ритмики существует, по-видимому, какое-то сродство, почему многие из философов и утверждают, что душа есть гармония, а некоторые – что она носит гармонию в себе». Поэтому победителям музыкальных или хоровых состязаний греки воздвигали памятники. Так, Лисикрат, богатый житель Афин, после победы на празднике в честь Диониса (334 г. до н.э.) созданного и подготовленного им хора мальчиков воздвиг на склоне Акрополя ротонду, оригинальный памятник… Связь же между воспитанием и нравами молодежи и характером той музыки, которую она слушает, думаю, более чем очевидна. Поэтому мы вправе сказать, исходя не только из прошлого, но уже из нашего нынешнего опыта: «Дикая музыка – дикие нравы и жестокое общество!» Ну и напротив: «Мелодичные и прекрасные звуки породят гармоничное и высоконравственное поколение людей!» Хотя и музыка не смягчит жестокое сердце.

Г. Моро. Дионис со своим отцом – Зевсом
Игра на цитре и флейте

Для греков было естественно, что среди наставников юношей был и кифарист, обучавший их навыкам игры на флейте, лире, кифаре или цитре, считавшейся национальным инструментом греков. Исполнение всех трагедий сопровождал греческий хор. Военные арии ставили своей целью воспитывать в греках отвагу, уверенность в победе и мужественное презрение к смерти. Спартанцы предпочитали простую безыскусную музыку и были противниками всевозможных излишеств. Каждому возрасту у них соответствовал и свой собственный хор. Во время празднеств каждое поколение, образно говоря, слагало свою собственную песнь. Звучало это примерно следующим образом. Старики начинали с воспоминаний:

Мы некогда были
Молоды, храбры и смелы.
После них вступал хор мужей:
Мы храбры и смелы теперь,
И докажем это первому встречному.
Затем третий, детский хор, заканчивал выступление:
Будет день, когда и мы будем
храбры
И превзойдем вас во многом.

Музыкальное искусство особенно расцвело в век Перикла (V в. до н.э.). В 472 году до н.э. был торжественно открыт в Афинах по тогдашним размерам огромный театр Диониса. Здесь актеры играли трагедии. Как и другие греческие театры (в Эпидавре и Мегалополе), он представлял собой обширнейший амфитеатр, расположенный на склонах холма.

Поликлет Младший. Театр в Эпидавре

Эта естественная природная площадка вмещала около 30 тысяч зрителей. Во время спектакля сердца актеров и зрителей объединялись в некий божественный альянс, за которым наблюдали боги (площадка была открыта небу, звездам). О том значении, какое имел (да и имеет) в Греции театр, лучше всего сказал греческий композитор Микис Теодоракис: «Если бы в нашей стране не было древних театров, я был бы другим. То, что вот уже 10 лет я почти исключительно занимаюсь МЕДЕЕЙ, ЭЛЕКТРОЙ И АНТИГОНОЙ, определяется тем фактом, что не только мои эстетические принципы, но и философские воззрения, и политическое поведение формировались в пространстве древних театров. И в первую очередь, конечно, в театре Эпидавра и Герода Аттика. Я впервые вступил в эти святые места как зритель-слушатель, впоследствии – как участник хора, как музыкант оркестра и, наконец, как композитор и исполнитель собственных произведений. Хотя с тех пор как эти театры появились более 2000 лет, присутствие тех, кто их построил и организовал, проявилось вполне ощутимо. Возможно потому, что пьесы, которые они нам оставили, актуальны и сегодня. Для меня это присутствие более чем ощутимо: оно всеохватывающе… Мифические герои и боги, древние поэты и граждане слились с мрамором. Они дышат, думают, ведут за собой… Счастливы те, кто,

подобно мне, имеют возможность беседовать с ними, благодаря тому, что имели редкую привилегию жить среди этих священных стен».

Искусство греков, можно сказать, всегда было синтетическим. Оно соединяло и объединяло все виды искусства. Эсхил, будучи поэтом и музыкантом, сам исполнял роли в своих пьесах. Актеры выступали одновременно как певцы, а пение хора сопровождалось пластическими движениями. Величайшие греческие трагики были еще и музыкантами. Хотя мы не находим подтверждений присутствия музыки в трагедиях Эсхила и Софокла, но в композиции ряда их произведений ощущается внутренне звучание оной. Добавим, что усилиями Пифагора разрабатывалась и акустическая «наука» (VI в. до н.э.). Евклид излагал учение об античных ладах и звукорядах, а механик Ктезибий изобрел гидравлический орган (III в. до н.э.).

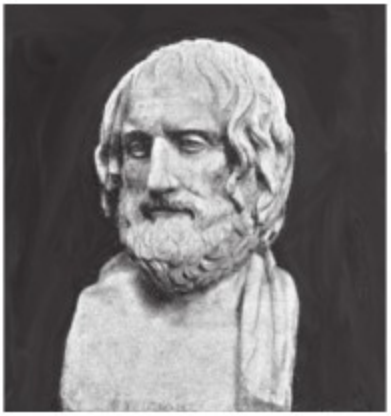
Одеон на греческом острове

Немаловажную роль в придании культурного облика человеку выполнял театр. О его значении говорит такой характерный факт: когда драматург Фриних, предшественник Эсхила, изобразил на сцене «Взятие Милета» (т.е. его вторичное покорение персами после ионического восстания), волнение среди зрителей было настолько сильным, что новую постановку драмы власти предпочли запретить, а автора столь жизненной и волнующей поэмы приговорили к штрафу. Одним из самых ярких драматургов Греции был Еврипид (480—406 гг. до н.э). Создатель великих трагедий родился в год и день знаменитой битвы с персами у острова Саламин (480). В конце концов, была ли его мать аристократкой или торговкой овощами, не столь уж и важно. Отец

его был содержателем гостиницы. Молодой Еврипид вскоре понял: жизнь – это почти такой же базар или театр (театр абсурда). Но жизнь была неплохой школой. Видимо, рассуждал он, и театр может стать важнейшей школой для народа. С молодых лет он увлекся литературой, историей, философией; собирал и библиотеку, ставшую впоследствии знаменитой, хотя коллекционирование книг – дорогое удовольствие. Напомню, первую библиотеку в Афинах собрали наследники тирана Писистрата.

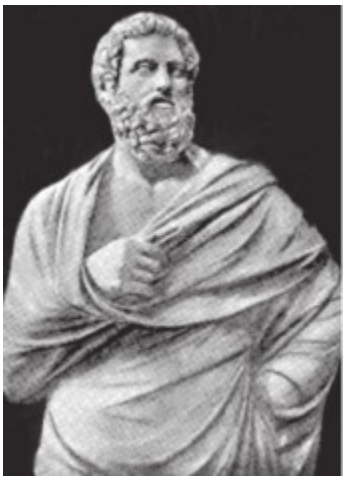
Еврипид. С античной статуи

Политическим кредо молодого человека была демократия. Ему пришлось жить в эпоху Перикла, что, по словам Плутарха, «стал на сторону демократии и бедных, а не на сторону богатых и аристократов». Увлечение литературой и наукой привело его к мысли соединить философию с поэзией, сделав театр грандиозной «школой просвещения сограждан», приобщая их к тем вечным истинам, что открывались ему самому «на долгом пути познания жизни». Среди тех, кого мы можем назвать духовными учителями Еврипида, такие великие писатели и мыслители, как Эсхил, Софокл, Гераклит, Протагор (в доме Еврипида софист читал свое сочинение «О богах»).



Фигура Медеи
Еврипид

Первая трагедия «Дочери Пелия» написана им в возрасте 24—25 лет. Женитьба на некой Хириле, дочери актера, не принесла ему счастья. Еврипид считал, что этот брак сгубил надежду целой жизни (поэтому все обманутые мужья в его трагедиях, как шутили афиняне, это он сам). Видимо, духовно между ними была пропасть, которую так и не удалось преодолеть. Он писал: «На все судьба, иной так счастлив в браке, другому беда с женой». Правда, жена родила ему троих сыновей, так что он находил в них утешение: «В бедах дети – это сила, дети в счастии – улыбка, на войне они отчизне и опора и спасенье». Еврипид был сторонником просвещения, убежденно говоря: «Всю жизнь при нас – усвоенное с детства, воспитывайте тщательно детей». Среди его трагедий: «Гераклиды», «Медея», «Андромаха», «Гекуба», «Геракл», «Троянки» и другие. В «Троянках» автор решительно выступил против войны, показав те бедствия и страдания, что несет схватка близких по культуре и крови народов (действие развертывается на фоне догорающей Трои).



Софокл – друг Геродота

Ужасен сюжет «Медеи», где мать убивает своих собственных детей. Но что стало причиной ужасного поступка – измена мужа, ради которого она пожертвовала всем и помогла ему (Ясону) добыть золотое руно. Ясон поступает подло, собираясь уйти от своей семьи. «Не надо дверь ломать, чтобы найти убитых и виновницу убийства». Вот и тот, кто мнил себя Гераклом, убивает своих детей и их мать. За что?! Оказывается, причина проста – «удар безумья». Образы Еврипида не забыты и в дальнейшем. К ним обращался Сенека в трагедиях «Безумный Геракл» и «Медея». Их воспринял французский классицизм: «Медея» – у Корнеля, «Андромаха» и «Федра» – у Расина, а затем и немцы: Гёте – «Ифигинея в Тавриде» и Шиллер – «Мессинская невеста».

Еврипид сочувствует труженикам и сельским работягам, что разорены жестоким правлением, войнами и конкуренцией. «Только они спасают страну», – говорит Еврипид в трагедии «Орест» (408 г.). Здесь же он дает резкую сатиру на дебаты в демократическом народном собрании, где толпа идет на поводу у демагогов. Нам представляется интересной мысль Еврипида, которая высказана им в трагедии «Просительницы». В уста Фесея, идеального мифологического царя Афин, вложено рассуждение: «Есть три класса граждан. Одни – богачи, от них нет пользы, и они вечно стремятся к увеличению своего достатка. Другие – неимущие и лишенные необходимых средств к существованию: они опасны своей завистливостью и направляют злое жало против имущих, поддаваясь обманным речам дурных вожаков. Из трех классов спасение государства – в среднем классе, который охраняет установленный

государственный порядок». Не только охраняет, но и одухотворяет! Еврипид, творя, любил удаляться в пещеру у моря. Это типичный греческий интеллигент – в душе философ, в жизни одинокий странник. Критики порой называли его «философом на сцене». Еврипиду пришлось пережить гонения. Ему грозил судебный процесс. Власти не могли простить ему вольнодумства. Он принимает предложение царя Архелая, хотя сам же признал в «Финикиянках», сколь горькой для любого настоящего гражданина является потеря отчизны. Когда царица Иокаста спрашивает своего изгнанного из отечества сына: «Скажи, дитя, отчизну потерять большое зло для человека?», ее несчастный Полиник говорит откровенно: «Огромное зло: словами не обнять».

В период эллинизма, да и римского владычества трагедии Еврипида считались вершиной драматургического мастерства. Ему старались подражать все. Его высоко ценили Гёте, Шиллер, Байрон, Шелли, Верхарн. Белинский называл Еврипида «самым романтическим поэтом Греции» и даже «страстным, глубокомысленным философом». Мы же назовем его еще и одним из первых учителей культуры слова. Со сцены театра Диониса в речах своих героев этот поэт и драматург восклицал:

Зачем, о смертные, мы всем
другим наукам
Стараемся учиться так усердно,
А речь, единую царицу мира,
Мы забываем? Вот кому служить
Должны мы все, за плату дорогую
Учителей сводя, чтоб, тайну слова
Познавши, убеждая – побеждать!

В сравнении с Софоклом, которому скорее присущ героический пафос, Еврипид был учителем горьких истин. Трагедии его чаще других творений подвергались (при жизни поэта) остракизму и осуждению афинской публики (это несмотря на всеобщее восхищение, о котором выше говорилось). Что же делать… Народ любит, когда его обожествляют и превозносят, и ненавидит тех, кто указует на

присущие толпе или правителям пороки и невежество. Если Софокл, который был старше Еврипида на 15 лет, не забывал о женщинах (и даже имел внебрачного сына), любил принять участие в веселых пирушках, то Еврипид не желал иметь ничего общего с чернью, говоря: «Обычный выход черни – в сердце нож». О чем можно говорить с этой толпой, что сама же привела на трон скотину, при этом изгнав таких умниц, как Анаксагор и Фукидид, приговорив к смерти иных героев?! Софокла толпа обожала и прощала ему слабости. Пьет, ну и что? Кто же не пьет?! Зато он истинный «Гомер греческой драматургии». Согласно преданию, софокловская «Антигона» произвела на народ такое впечатление, что в 441 году до н.э. афиняне доверят Софоклу пост стратега (один из 10 ежегодно избираемых руководителей афинской политики). Повторяю, им нравится, когда им льстят. Потому трагедии Еврипида, как отмечают, чаще чем чьи-либо еще, народ подвергал поношению и брани, хотя он чаще всех говорил правду, тогда как Софокла все громко восхваляли, ибо уста его были «покрыты медом» (Аристофан).

Правда, его друг Перикл как-то откровенно сказал тому же Софоклу, что поэт он хороший, а вот стратег никудышный. Действительно, военные подвиги Софокла были скромны, но зато трагедии принесли громкую славу. В них благородные герои сталкиваются с несчастьями и трагедиями. Впрочем, все это выглядит как-то выспренно. Будучи не только поэтом, но политиком и военачальником, Софокл прекрасно знал, с помощью каких рычагов можно управлять народом и общественным мнением. В «Царе Эдипе» говорит:

О деньги! Власть! О мощное орудье,
Сильней всех прочих в жизненной
борьбе!
О сколько же заманчивости в вас,
Что ради этой власти, нашим градом
Мне данной не по просьбе,
добровольно,
Креонт, в минувшем преданный
мне друг,
Подполз тайком, меня желая

свергнуть,
И подослал лукавого пророка,
Обманщика и плута, что в одной лишь
Корысти зряч, в гаданьях же —
слепец!

Впрочем, Софокл не раз проявлял себя как мужественный человек и гражданин. Он не покинул Афины в тяжелые годы, хотя другие полисы предлагали предоставить ему убежище. В старости он чрезмерно пристрастился к вину, но и это обстоятельство не лишило его общества прелестных дам. Гетера Феорида охотно посещала его, слушая назидательные речи, почему она его, пожилого человека, должна предпочесть молодым. Хотя тот факт, что он пытался сделать своей наследницей потаскуху, вызывал сочувствие у афинян. Бывший ее любовник сравнил ее с совой, присевшей на могильный камень.

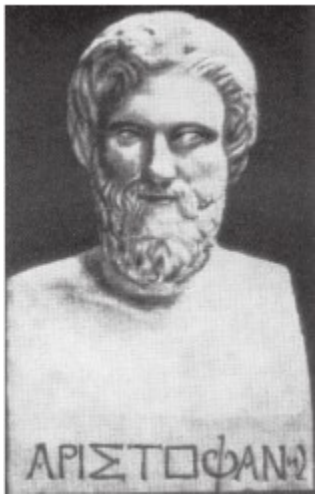
Сцена из комедии

Как и всякое общество, греко-римский мир был полон противоречий. Вначале он – воплощение юности и дерзания, в поздний же период – полон дряхлости, усталости, разочарования. Невиданная тяга к знанию среди избранных: «Ты в положении всяком ученых читай, поучайся» (Гораций). Любители изящного стиля всюду бредят литературой. Популярны не только трагедии и поэзия высокого штиля, но и эпиграммы, комедии и басни. Испанский драматург Лопе де Вега позже писал:

Комедия, достойная названья,
Имеет целью, как и все искусства,
Поступкам человека подражать,
Правдиво рисовать в ней
нравы века…
С аттическим изяществом Афины
В комедиях пороки бичевали
И за стихи, а также за игру
Высокими наградами платили.
Для Туллия комедия афинян
Была «зерцалом нравов и живым
Отображением правды» – похвала,
Которая навек дает ей право
Делить с историей венец и славу.

Популярнейшим автором слыл Аристофан (ок. 445 – ок. 386 гг. до н.э.), гений комедии. Иные считали его злым гением афинской демократии. Греки обожали комедию более всего на свете, разумеется, кроме еды, денег и женщин. Комедия облегчает жизнь, ибо на сцене всё как в жизни (драки, хулиганы, пиры, ухаживания, плутовство). Комедию писать одновременно легко и трудно. Легко потому, что сюжеты во множестве встречаются в жизни, а трудно как раз по этой же причине. Народ все знает заранее, а посему его надо удивить и рассмешить. Греки говорили: «Самое трудное дело на свете – писание комедий». Аристофан вырос на Эгине, острове, названном Винным, на острове, где Зевс совокуплялся с очередной своей возлюбленной – Эгиной. Вдобавок ко всему, он жил в ту эпоху, когда Афины все больше превращались в скопище людей и людишек, не годных к героическим и великим свершениям. В городе полным-полно проходимцев, прорицателей, шутов и политических демагогов. Комедии Аристофана, конечно же, являются вызовом и ответом трагедии. В народе комедию в просторечии называли «тригодией» (т.е. «винными песнопениями»), однако не следует считать, что его комедии обращены только к «ослам на возлияниях», каковыми все авторы в душе считают зрителей. Большое место в комедиях занимали и политические моменты, что совершенно естественно, учитывая

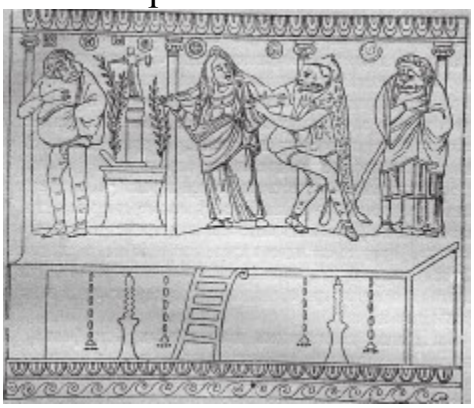
огромный интерес афинян к политике. К постановкам все относились очень серьезно, судьи решали, чья постановка успешнее, а чья не очень, и победителям раздавались награды. Однажды Аристофан вздумал высмеять и представителя нового поколения греческих демократов, Клеона. В комедии среди персонажей был раб, Пафлагонец, в котором легко угадывался Клеон. Тот говорил бурно, выплескивая ненависть (как и наши русофобы, говоря о России). В Греции, правда, никто не хотел выступать в роли демагога. Аристофану пришлось самому, загримировавшись, выступить в опасной роли, вступить в схватку с этим «огнедышащим зычным Тифоном». Тот потащил его в суд. Клеон, любимец толпы, был удачлив и часто провоцировал толпу, за что и был любим. Хотя он, как и все пафлагонцы, считался человеком грубым, неумным, крикуном и даже вороватым.



Греческий поэт Аристофан

Но простонародью ближе и понятнее шуты. Им нравились острые и соленые, как морской бриз, басни охальника Эзопа (1-я треть VI в. до н.э.). Множество невероятных легенд о его приключениях и даже самом образе поэта имело хождение среди людей. Имя его гремело повсюду. И там, где в каком-то контексте упоминалась басня, грек обычно подразумевал басню Эзопа (впервые это имя привел Геродот). Для нас сегодня уже не важно, был ли он фракийцем или фригийцем, выглядел ли прекрасным, как Аполлон, или уродливым, как Пифон. Ясно одно: он был чрезвычайно талантлив и к тому же остёр на язык. Его басни воедино собрал Деметрий Фалерский. Время донесло до нас его предполагаемый образ на аттических вазах (скуласт, бородат,

длиннонос, большеголов, толстобрюх и тонконог). Отнюдь не красавец. Так чем же он очаровал греков? Мастерством сарказма, насмешками над сильными мира сего.



Сцена из греческой комедии

Какое оружие можно противопоставить власти? Убийственный и разящий смех. Невольно вспоминается сражавшийся под Троей ахейский воин Терсит (Ферсит). Эзоп в чем-то похож был на него – горбат, плешив, хромоног и косоглаз («Муж безобразнейший»). Гораздо более своего физического уродства он ощутил социальное уродство всего общества. Рабство никого еще не сделало приятным и сердечным человеком (поэт прислуживал Ксанфу, а затем Идмону-глухому, тот и освободил его). Всю свою желчь, тоску и печаль обрушил сей раб на общество. Эзоп известен своим злоречием, дерзостью и насмешками над царями. Первая басня греков (притча Гесиода о соловье и ястребе) была направлена против жестоких и несправедливых правителей. Не стали исключением и басни Эзопа. Он, словно Малах Га-Мавет (в ветхозаветной мифологии ангел смерти), держал в своих руках разящий меч смеха, с конца которого свисала капля желчи. Если в случае с мифологическим существом человек, проглотив эту желчь, тотчас испускал дух, то Эзоп все же скорее наставлял, возбуждал и дразнил толпу, являясь ее активным воспитателем и учителем.

Д. Веласкес. Портрет Эзопа. 1640 г.

Основным питомником басни в Греции и Риме стала школа. Уже тогда складывается определенный набор учебных пособий для начального учителя, грамматика и ритора. В школе басня оказалась к месту. Это не была высокая литература, которую порой и взрослый-то с трудом разберет. Наилучшим пособием оказывается басня. Школьные тексты эзоповских басен отличались от тех, которыми услаждали слух судебные ораторы или политики. Ее предпочитали даже веселые интеллектуалы со своими развратницами. Одну из таких историй приведем. У некой женщины была очень глупая дочь, и мать все время молила богов наставить ее дочку на ум, а дочь все это слышала. И вот однажды они поехали в деревню. Мать осталась в хижине, а дочь вышла за ворота и увидела, как мужчина насиловал ослицу. Спросила она: «Что ты делаешь?» Он ей в ответ: «На ум ее наставляю». Вспомнила тут глупая, о чем мать молилась, и говорит: «Наставь и меня на ум». Тот отказался: «От женщин, говорит, никогда не увидишь благодарности». А она ему: «Не говори так, добрый человек; мать моя так уж отблагодарит тебя и заплатит, сколько попросишь: она ведь только и мечтает, чтобы меня наставили на ум». Ну тот и лишил ее невинности; а она, обрадовавшись, бежит к матери

и кричит: «Ну, вот и наставили меня на ум!» – «Как же это случилось?» – спросила мать. Та подробно в деталях ей все объяснила: «Один мужчина наставил в меня одну штуку, большую, толстую и красную, и двигал ею туда-сюда». Услышала мать такое объяснение и говорит: «Эх, дочка, знать, ты и того ума лишилась, какой был у тебя!» «Вот и я, друг мой, как пришел в Дельфы, так и лишился даже того ума, какой был», – заключает свою басню Эзоп… После этого дельфийцы приговорили его к смерти, сбросив со скалы. Причиной (если все это имело место на самом деле) была не фривольная басня, а дерзкое оскорбление граждан Дельф. Те якобы сбросили его в ответ на обвинение их в том, что они «рабы всех эллинов, вместе взятых» и «похожи на бревно». Однако уж такова легенда.

Различные виды античных искусств

Связь различных видов искусств видим и в Древнем Риме. Так, эклоги Вергилия и поэмы Овидия исполнялись в театрах наряду с танцами. Правда, характер музыки в драме изменился: хор исчез, а сами представления приобрели не столько морально-воспитательный, а празднично-развлекательный характер. Император Домициан утвердил капиталийские состязания. На них стекались певцы и инструменталисты со всего мира (музыкальные фестивали). Учителям пения воздвигались памятники. Звезды и тогда пользовались всеми преимуществами таланта (кифареды Анаксенор, Менекрат, Терпний, Диодор, певец Тигеллий и т.п.). Хорошо известно, что и римский император Нерон любил выступать как певец и кифаред. Аммиан Марцелин так написал о музыкальных увлечениях римлян IV века: «Там только слышишь, что музыку да бряцание струн по всем углам. Вместо мыслителей здесь встречаешь только певцов, а добродетель

уступила свое место виртуозам». Впрочем, это было уже время упадка, когда на фоне нищеты, страдания большинства выделялась эгоистическая кучка виртуозов.

В творениях поэтов и драматургов тех лет находим подтверждения и того, что греческая интеллигенция не пользовалась у власти тем вниманием, на которое она, казалось, вправе была рассчитывать. Греческий поэт Феокрит (I в. до н.э.) рисует в «Идиллиях» картину далеко не идиллического состояния, а по сути дела откровенно нищенского экономического положения греческих интеллектуалов:

> Только лишь бедность одна, Диофант,
> порождает искусства,
> Бедность – учитель работы, и людям,
> трудом отягченным,
> Даже спокойно заснуть не дают
> огорчения злые.

Нынешние времена, когда звезды так называемой массовой культуры и звезды классического искусства и спорта богатством и роскошью их дворцов превзошли Крезов, Дариев и Мидасов, показались бы древним грекам совершенно нелепыми и абсурдными. Разумеется, всякий серьезный труд достоин своего вознаграждения, но человечество, похоже, потеряло чувство меры. Цицерон писал: надо бы стремиться к тому, чтобы красота тела не только привлекала взоры, услаждала совершенством, но и обязательно улучшала человека. Надо добиваться, чтобы все эти украшения и красоты (decorum) в обязательном порядке сочетались с нравственно достойным обликом (honestum) и вызывали одобрение народа их здоровьем и умеренностью… В массовом шоу-бизнесе (с этими толпами осатанелых идиотов) мы сегодня все чаще видим внешний блеск (decorum) и все меньше достоинств (ho-nestum). Хотя чем образованнее и здоровее демос, тем больше внимания он должен был бы уделять книгам и спорту, дабы в здравии «до последнего дня днями своими владеть», а не вперять замутненный алкоголем и наркотиками взор в бесполых певичек и певцов-трансвеститов. Древняя мудрость

гласит: «Излишество в удовольствиях – это распущенность, и она заслуживает осуждения». Государство должно ей следовать.

Награда победителю на состязаниях

Театр Диониса. Сцены дионисийских торжеств

Г. И. Лапченко. Сусанна, застигнутая старцами

Женщины в Греции: их положение и нравы

О женщинах и божествах надо говорить обстоятельно или же не говорить вовсе… Впрочем, о божествах можно бы и умолчать (хотя Лосев и посвятил их описанию сотни страниц)… Но вот о женщинах умолчать просто невозможно. Пусть даже те и созданы нам в наказание (Пандору создал Гефест по повелению Зевса в наказание за использование людьми огня). Это обстоятельство признают не только Гесиод или Гораций, но и Сафо. Сервий пишет, что по причине передачи Прометеем огня людям («секретного оружия» божественного Олимпа), «разгневанные боги послали на землю два бедствия – женщин и болезни». Но если все это действительно так, если все зло в мире – от женщин, то за что же нам, мужчинам, такое проклятье?! Думаю, что женщины нужны нам, чтобы вдохнуть в нас чувство любви к подобным себе. Заметим, вначале Прометей, создавший человека, сделал его неодушевленным и лишенным чувств, то есть он создал тело. Душу же в мужчину вдохнула женщина – Афина. Поэтому Овидий в «Науке любви» сказал: «Нужен уход красоте, без него красота погибает». Но и мужчинам нужна ваша красота, ибо они без нее погибают.

Ж.-Л. Давид. Елена и Парис

Впрочем, мы гибнем в том и в другом случае. Порой слепая безрассудная любовь приводит нас к гибели. Согласно одному древнему историку, Прометей был наказан жестоко Зевсом вовсе не за то, что украл огонь или передал его людям. Истинной причиной его гнева была любовь Прометея к Афине. Версия эта гораздо ближе к жизненной реальности, как и другой миф (миф, что Гера согрешила с титаном Евримедонтом еще до ее замужества). В итоге разгневанный Зевс за грехи жены низверг титана в Тартар, а бедного Прометея распял в горах Кавказа. При этом сам Зевс, даже будучи уже женатым, грешил направо и налево, не считая это зазорным. Видимо, тогда-то и родилась известная поговорка: «То, что позволено Зевсу, не позволено быку».

Взгляд из гинекея

Немалое значение греки придавали обучению и воспитанию девушек. Правда, та ранняя эпоха, время матриархата, когда женщина считалась высшим существом и была «богиня и властительница как в семье, так и в обществе», давно миновала. Как писал Фромм: «Когда мы думаем об индийской, египетской или греческой или об иудео-христианской и мусульманской религии, мы оказываемся в сердце патриархального мира с его мужскими божествами, над которыми властвует один верховный бог». И таким богом в Древней Греции бесспорно считали мужчину.

Греки первыми из народов стали соблюдать принцип единобрачия, но женщин предпочитали держать на другой половине (в гинекее, куда не допускался никто из посторонних). Эта система воспитания (при всех недостатках) имела и очевидные преимущества. Никакая другая система не могла лучше бы поддерживать в дамах «ту скромность и нежность, которые греки особенно ценили в женщине».

Ф. Приматиччо. Одиссей и Пенелопа. 1563 г.

Обычно девушки учились под руководством матери, занимаясь дома хозяйством и обрабатывая шерсть и ткани. Не следует думать, что пенелопы были обречены на выполнение примитивных операций. Их учили чтению, письму и музыке. И все же назначение женщины определялось правилом: «Хорошо содержать свой дом и быть послушной мужу». Их круг занятий и творчества был довольно ограничен. Если они были из аристократической семьи, им поручали вышивку покрывала для Афины, их могли допустить к участию в процессии на празднике игр. Но всерьез об умственном развитии женщины не заботились. «Как можно меньше видеть, как можно меньше слышать и задавать как можно меньше вопросов» – так

Ксенофонт представлял себе идеальное воспитание женщин. Вот и Аякс у Софокла говорит: «Женщина, молчание украшает женщин». Хотя тысячелетнее молчание женщин, на наш взгляд, не очень-то способствовало улучшению и красоте человеческого рода.

Г. Семирадский. Фрина на празднике Посейдона в Элевсине

Девушки и юноши хотят выйти замуж, жениться и создать крепкую и надежную семью. Только замужняя женщина или женатый мужчина могли рассчитывать на внимание и признание в греческом обществе. Безбрачие или холостяцкая жизнь строго наказывались. Платон видел в создании крепкой семьи важную социально-политическую задачу для полиса: «Всем надлежит жениться начиная с тридцати лет до тридцати пяти и сознавая при этом, что человеческий род по природе своей причастен (к) бессмертию, всяческое стремление к которому врождено каждому человеку. Именно это заставляет стремиться к славе и к тому, чтобы могила твоя не была безымянной. Ведь род человеческий тесно слит с совокупным временем; он следует за ним и будет следовать на всем его протяжении. Таким-то образом род человеческий бессмертен, ибо, оставляя по себе детей и внуков, род человеческий благодаря таким порождениям остается вечно тождественным и причастным бессмертию. В высшей степени неблагочестиво добровольно лишать себя этого; а между тем, кто не заботится о том, чтобы иметь жену и детей, тот лишает себя этого умышленно. Повинующийся закону не подвергнется наказанию. Ослушник же, не женившийся до тридцати пяти лет, должен ежегодно в наказание выплачивать такую-то сумму, чтобы ему не казалось, будто холостая жизнь приносит ему облегчение и выгоду. Ему не будет доли в тех почестях, которые всякий раз люди помоложе оказывают в

государстве старшим» («Законы»). Такие строгие рамки для брачных обязательств имели под собой и веские основания.

Свадебный кортеж

Любителей-холостяков в Спарте лишали личной и гражданской чести (атимия). Тех же холостяков, что упорствуют в желании жить только для себя, не обременяя свою персону семейными обязанностями, власти заставляли зимой (в холод и нагими) обходить рынок-агору, распевая скандальную песнь, объясняющую миру, почему он – такой негодник и похабник – не желает жениться, как это делают все приличные люди. Те, кто продолжал упорствовать, должны были платить государству оброк за их порок. Таких женоненавстников (или же напротив, любителей иметь интимную связь со многими) принуждали к выплате крупного штрафа – за безбрачие. Эти суровые меры можно бы объяснить небольшим числом полноправных мужчин в Спарте. Ведь когда те отказывались вступать в брак (а значит, заводить семью и детей), это не только был вызов обществу, но и прямая угроза национальной безопасности страны. Если все будут заниматься любовью на стороне, то откуда возьмутся те, кто будет защищать родину?! Кстати говоря, в Спарте имелись специальные премии за деторождение.

Девушек в Афинах выдавали замуж рано, в 12—15 лет. Но перед тем обе стороны подписывали своего рода брачный договор (контракт), заверенный 6 свидетелями. Обычай требовал, чтобы у жены было приданое (серьги, колечки, посуда), которое могло быть дополнено иными ценными предметами по желанию мужа. Свадьбу, носившую характер семейного торжества, справляли весьма скромно. При этом дом невесты убирали цветами. Новобрачная совершала омовение в воде из местного священного источника. Ее одевали и

украшали. Собирались гости. Все приносили жертвы богам, покровителям семьи и брака (Зевсу, Гере, Гестии, Артемиде, Мойрам). Во время церемонии отец освобождал ее от своей власти и передавал ее зятю. От жениха требовалось воздерживаться на пиру от чрезмерного употребления спиртного. Когда придет время заводить детей, должно остерегаться и не совершать по доброй воле ничего вредного, дерзкого и несправедливого, писал Платон, ибо все это «неизгладимо запечатлевается в душе и теле ребенка, и дети рождаются плохими во всех отношениях» («Законы»). Во время застолья гости одаривали новобрачных подарками. После пира молодую пару торжественно провожали в спальные покои, сопровождая церемонию свадебным гимном, веселыми шутками, порой самого нескромного содержания. Пиршество продолжалось и на второй день. Девушка (к тому времени уже женщина) появлялась перед гостями без свадебного покрывала (калиптры) и, как весело шутили, уже без своей целомудренной плевы.

Дамы из разных мест имели свои особенности. Фиванки отличались высоким ростом, привлекательной походкой, манерой держаться. Их одежда, прически и обувь выделяли их среди прочих. Женщины Беотии и островов Эгейского моря славились своей утонченностью, образованностью, а также склонностью к поэзии.

Виды модных причесок античных красавиц

О том, как понимали мужчины Греции роль женщины, свидетельствует такой важнейший источник, как «Домострой» Ксенофонта. В основном в нем идет речь о домашнем хозяйстве и земледелии. В сюжетах то и дело мелькает имя Сократа, хотя он ни тем, ни другим не занимался. Скорее можно предположить, что перед нами взгляды самого Ксенофонта на домашнюю жизнь и на роль женщины. Один из участников беседы, Исхомах, честно признается Сократу, что он не бывает дома, так как «с домашними делами жена и одна вполне может справиться». Жена пришла в его дом, когда ей не было и пятнадцати лет. Жила в доме родителей под строгим присмотром, чтобы «возможно меньше видеть, меньше слышать, меньше говорить». Единственное, что она умела делать по дому, соткать плащ из шерсти, но мужу этого было недостаточно. В еде ее приучили к умеренности. Это казалось «самой важной наукой как для мужчины, так и для женщины». Хотя «женщина» и «умеренность» – понятия несопоставимые.

Золотые серьги

Затем муж приступил к обучению жены, когда та привыкла к нему и стала по сути ручной. Сократ очень интересовался этой проблемой, говоря, что ему об этом куда приятнее слушать, чем если бы он стал рассказывать о самом великолепном гимнастическом или конском состязании. Исхомах повествует, как он учил жену уму-разуму… Судя по всему, родители двух сторон ставили перед новобрачными примерно одни и те же задачи: если бог пошлет детей, воспитать оных как можно лучше; а также не только сохранить имеющееся у них

наличное имущество, но и стараться «прибавлять как можно больше нового имущества хорошими, честными средствами». Боги прежде всего с той целью соединяют мужчин и женщин, чтобы продолжить род людской, «чтобы не прекратился род живых существ». С помощью детей родители приобретают себе и «кормильцев на старость». Чтобы все это стало возможным, людям нужен кров, ведь жизнь людей идет не так, как у животных. Мужчина и женщина нуждаются друг в друге, так как каждый из них обладает присущими именно им в большей мере талантами и способностями. Но вот что весьма показательно. Завершая речь, Исхомах прямо и недвусмысленно очерчивает границы будущей женской доли: жене нечего бояться, что с годами у нее в доме будет меньше почета. Вовсе нет. Почет ей обеспечен, если она будет вести себя «разумно» и согласится с функцией стража и ключницы. Мужчина говорит, что его жена, старея, останется «лучшим товарищем и лучшим стражем дома для детей». Он убеждает ее, что ценность человека увеличивается «не от красоты, а от его внутренних достоинств». Таким образом, муж отводит ей роль товарища и друга.

Прядильщица за станком

Женщина за вышиванием

Хотя воспитание девушек греки осуществляли единообразно, оно имело весьма существенные различия в Афинах, Спарте, на островах Эгейского моря. Скажем, если в Афинах школы для девочек фактически отсутствовали, то на острове Теос были школы, которые посещались детьми обоего пола. Программа их обучения, помимо чтения и письма, включала уроки пения и танцев. Поощрялось и изучение литературы, хотя свободнорожденных женщин к интеллектуальным беседам в кругу мужчин допускали крайне редко. Идеи Платона, справедливо полагавшего, что женщина обладает ничуть не меньшими способностями, нежели мужчина, и поэтому должны получать приличное образование, не находили заметного отклика в афинском обществе. Иначе поставлено обучение и воспитание женщин в Спарте.

Женщины в Спарте пользовались большой свободой и даже, можно сказать, почти господствовали в обществе. Одним это даже нравилось. Сторонники таких порядков восторгались мудростью спартанского законодателя Ликурга. Но Афины не разделяли восхищения законами Ликурга. Критически настроен был в отношении их и Аристотель, выражая негодование по поводу всевластия женщин, порчи нравов. Философ считал, что царская власть в Лакедемоне, в сущности, является не чем иным, как «наследственной и пожизненной стратегией». В «Политике» он

говорит: «Это и случилось в Лакедемоне: законодатель, желая, чтобы все государство в его целом стало закаленным, вполне достиг своей цели по отношению к мужскому населению, но пренебрег сделать это по отношению к женскому населению: женщины в Лакедемоне в полном смысле слова ведут своевольный образ жизни и предаются роскоши». Главный упрек философа состоял в том, что в Спарте многое находилось в ведении женщины. И действительно, в чем разница: прямо ли правят женщины, или должностные лица управляются женщинами? Результат один и тот же. Такое положение женщин «не только вносит нечто неподобающее в самый государственный строй, как сказано раньше, но до некоторой степени содействует и развитию корыстолюбия». Аристотель – противник экономической независимости женщин, с тревогой говорил, что дамы владеют двумя пятыми земли в Спарте.

Женщина, занимающаяся акробатикой

Спартанки – единственные женщины Греции, которым давали схожее с мужским воспитание. Они всегда были в отличной форме, занимались гимнастикой, следили за осанкой, старались быть здоровыми, развивали в себе выносливость. Общество из них готовило матерей будущих воинов, а это требовало особого внимания «к физике». Тут штрафовали безбрачных. Каждая женщина имела право получить своего мужчину. Она могла потребовать себе и другого мужчину, если ее законный муж не выполнял своих обязанностей на ложе. Подобная свобода и независимость поднимали ее роль в браке. Когда одну спартанку спросили, сближалась ли она с мужчиной, та заявила гордо: «Нет, но муж мой сближался со мной». В иных случаях, как в Овидиевых «Метаморфозах», муж, пытаясь проверить верность своей жены, домогался ее как тайный любовник и даже «плату за

ночь» предлагал. Бедная женщина в какое-то мгновение было заколебалась. Но узнав, что соблазнитель – муж, сначала бежала от стыда в горы, но потом одумалась и вернулась. С тех пор они жили в мире и согласии. Характер их быд тверд.

Если вспомнить доблестное поведение спартанских женщин в битвах (скажем, в сражении с армией Пирра), становится ясно, что спартанки были крепким орешком: наравне с мальчиками они упражнялись в беге, метали диск и даже участвовали в борцовских состязаниях. Полно историй, где говорится о высоком гражданском духе и мужестве спартанских женщин. Одна из них, не колеблясь, сама убила сына, покинувшего свой пост и опозорившего родину, сказав: «Не мое это порождение». Другая, отправив в бой пятерых сыновей, молча стояла на окраине города, ожидая исхода битвы. Когда же один из вестников сообщил, что все ее сыновья погибли в битве, она сказала с укоризной: «Не о том я тебя спрашивала, а о нашей родине». Узнав, что войско Спарты одержало победу, мужественная женщина сказала, еле сдерживая слезы: «Раз так, я с радостью приму весть о смерти сыновей». К матери, хоронившей сына, погибшего за родину, подошла старушка и начала причитать, выражая соболезнование: «О женщина! Какое несчастье!» «Нет, – возразила мать героя. – Клянусь богами! Это счастье. Ведь я родила его, чтобы он умер за Спарту». Таковы античные матери!

Оплакивание умершего

Не менее мужественно вели себя и другие женщины Греции. Когда спартанский царь Клеомен, перебив множество аргивян, пошел на город, отважные женщины, которые по возрасту были в расцвете сил, вышли сразиться с врагами за отчизну. Под началом поэтессы Телесиллы они взялись за оружие и заняли все посты на стенах,

окружив город как бы своими телами. Враг был изумлен и глубоко потрясен таким мужеством. Так они отразили Клеомена, уложив в битве немалое число его воинов. Второго царя, Демарата, который, по словам Сократа, ворвался в город и засел в нем, они также выбили оттуда. Когда их город был таким образом спасен, женщины похоронили павших в кровавой битве. В честь их славного подвига в граде воздвигли святилище. После тех событий в память о победе жители совершали так называемые «обидные празднества»: женщины надевали тогда мужские хитоны и хламиды, а мужчины – женские пеплосы и покрывала. Недостачу мужчин женщины покрыли за счет того, что приняли в число граждан лучших мужчин из числа неполноправных лиц.

Говоря о спартанских женщинах, Плутарх, пытаясь защитить их от нападок лаконофобов (ненавистников законов Спарты), особо подчеркивает их целомудрие. Молодые супруги порой вынуждены были встречаться урывками, в неосвещенном помещении («Бывало, что уже и дети рождались у некоторых, прежде чем им удавалось увидеть своих супруг при свете дня»). И все же о тех свободах, которыми пользовались в обществе спартанки, не могли даже мечтать другие греческие женщины (в том числе афинянки, хотя в Афинах царила демократия). Поэтому Плутарх многозначительно и с уважением пишет о женщинах Спарты: «Кроме того, женщине внушался благородный образ мыслей, и сознание, что и она может приобщиться к доблести и почету. Вот почему они могли говорить и думать так, как то рассказывают о жене Леонида, Горго. Некая женщина, вероятно, иностранка, сказала ей: «Одни вы, спартанки, делаете, что хотите, со своими мужьями». «Но ведь одни мы и рожаем мужей», – метко ответила царица. Это безусловно говорит в их пользу.

Женщина и воин

Отважные спартанки – отнюдь не исключение. Напомню о существовании царства амазонок. На страницах «Илиады» трижды упоминаются «амазонок мужественные орды». Предание гласит, что они трижды подступали к Афинам. Греки их побеждали, но те вновь нападали, пока не были окончательно разбиты в битвах Троянской войны. Однажды с ними столкнулся Геракл, когда отправился добывать пояс Ипполиты, дочери бога войны Ареса и царицы племени амазонок. Правда, Ипполита сама вручила ему желанный пояс, и даже отправилась вместе с ним далее. Но битвы избежать все же не удалось.

Амазонки

Сражение под стенами Афин было столь жарким и кровавым, что память о нем надолго запечатлелась в умах и сердцах греков. По крайней мере Плутарх, который посетил Афины, сам видел памятники, посвященные той войне: «Могилы убитых находятся вблизи улицы, которая ведет к нынешним Пирейским воротам». Их погребения встречаются и в других городах и областях Греции (в Фессалии, Херонее, Мегарах). Греки каждый год праздновали победу над амазонками: «Здесь издревле приносилась жертва амазонкам перед праздником в честь Тесея». Сей праздник отмечали более пышно, чем победу греков над персами. Амазонки были отважными воительницами. Они сражались на лошадях, без промаха поражая врага стрелами, а в случае если тот избегал их поражающих стрел, обрушивали на него удары грозного двойного топора. Их отвага была столь велика, что даже у римлян считалось высокой похвалой, если о воине говорили, что он «сражался, как амазонка». По словам Диона Кассия, когда император Коммод выходил сражаться на арену Колизея в роли гладиатора, он требовал от зрителей приветственного возгласа:

«Ты – властелин мира! В славе своей подобен ты амазонкам!» Образ жизни этих удивительных дам коренным образом отличался от жизни женщин других племен и народов. Так, в племени черноморских амазонок якобы не было места мужчинам, их ливийские коллеги вообще держали бедняг-мужчин в рабстве.

Мужчины служили у них чем-то средним между говорящим орудием и вьючным животным (мужики вели в доме хозяйство, прибирали, готовили, присматривали за детьми, выполняли все пожелания своих дам-командиров). Хотя амазонки и рассматривали мужчин в большей части случаев как врагов, совсем обойтись без них они не могли. Весной, когда и у них взыграла кровь, они отправлялись на охоту за мужиками, так же как они охотились и на зверей. Они ловили самых пригожих и крепких самцов, а затем уже заставляли их выполнять все, что подсказывала им их фантазия. Когда у амазонок появлялись дети, девочки становились полноправными членами рода (их вспаивали молоком кобылиц и учили обращаться с оружием), а мальчишек отсылали к отцам как второсортный материал, бывало, что даже и убивали. Девушкам же отнимали грудь (правую или левую), чтобы в бою легче было стрелять из лука и прикрывать себя щитом. Такой образ женщин интриговал, а зачастую и пугал тех, кто слушал эти надуманные рассказы. Гомер представляет их в виде отвратительных фурий.

Поликлет. Раненая амазонка

Истоки происхождения мифа об амазонках сейчас проследить довольно трудно. Возможно, в основе явления лежат процессы изгнания и переселения части племен, в результате чего после целого ряда катаклизмов и военных схваток в живых могли остаться одни женщины. Они-то и создали свое «женское государство», поклоняясь богине луны и охотнице Астарте (или Артемиде). Государство их располагалось якобы на землях скифов и им управляла царица-воительница. Вооружены они были копьями, луками, стрелами и круглыми щитами. В каких только ужасах бедных амазонок не обвиняли (якобы те приносят в жертву младенцев мужского пола, пьют кровь из черепов и т.д.). Греки боялись воинственных дам, что лишь весной подпускали к себе мужчин (да и то на короткое время, чтобы зачать и продолжить их род). Следует заметить, что сражающиеся женщины вовсе не прерогатива скифских племен. Мы знаем о германских и галльских женщинах, отважно сражавшихся против римлян. Слухи о воинственных «дамах» циркулировали в Азии в эпоху

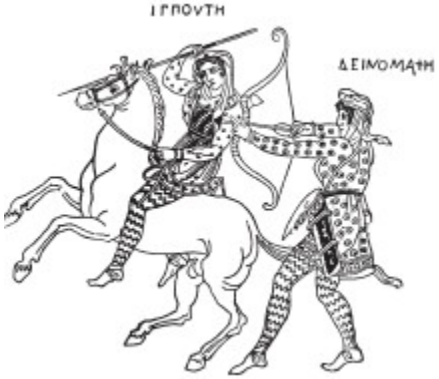
Кира и Александра Македонского. Отряды амазонок встречаются в самых разных местах земли (Лахор, Богемия, Эфиопия, Конго, Дагомея, в битве за Трою, якобы даже в Америке, где они, возможно, и дали название Амазонке и Амазонии). В Центральном музее Афин можно увидеть фризы храма Асклепия (битва амазонок и греков). Похожие сцены встречаются в Британском музее скульптуры, в Берлине и т.д. Подвиги этих женщин настолько внушительны, что могут быть сравнимы с походами Александра и его «покорением мира». Некоторые утверждают, что они дошли до Чехии, вступили в Галлию, достигли Средиземного моря, проникли в Северную Африку, даже в Индию, а затем напали на Грецию и чуть не захватили Афины. Они же основали немало колоний в Европе и Малой Азии (Эфес, Смирна и др.) Обычно эти события относят к периоду между 2500 и 1500 годами до н.э., или даже в еще более раннее время. То, что этому нет никаких документальных подтверждений и авторитетных свидетельств, указывает, что греки какие-то случаи, факты, слухи, явления возводили в систему. В качестве главных персонажей амазонского воинства обычно фигурируют скифские дамы. Их рисуют безгрудыми (дословно «а-мазон», т.е. «лишенные груди»), что было необходимо для битвы. Известна и столица их – Фемискара, у Черного моря. Одни поселяли их в равнинах Скифии, другие же – у подножия Кавказских гор. Греки, вообще-то говоря, не стеснялись в оценках, описывая «диких варваров», к коим они причисляли скифов, тавров и т.д. Артемиде несли жертвоприношения в виде чаши с кровью, пленников обезглавливали, отрезали головы, прибивали к дереву, а тела сбрасывали с утесов. Эти же истории рассказывали о хеттах. Поэтому греки гордятся тем, что Гераклу удалось в бою убить 11 предводительниц амазонок, получив пояс Антиопы. В ответ амазонки вторглись в Грецию. Только ценой огромных усилий грекам удалось отстоять свободу. И хотя греки вновь одержали победу, но мужество амазонок оказалось столь впечатляющим, что Павсаний с изумлением воскликнул: «Стойкость их не была умалена поражениями». Эпизод схватки Ахиллеса и царицы амазонок Пентесилеи – любимый сюжет художников и писателей. Он центральный в поэме «Эфиопия» Арктиния Милетского, продолжившего тему «Илиады» (770 г. до н.э.). Поэма дошла до нас лишь во фрагментах. Амазонки часто встречаются и в изобразительном искусстве. Позже говорят осторожнее на сей счет.

Говоря о битвах римлян с Митридатом, Аппиан пишет, что в его армии были воюющие дамы. Гиббон, рассказывая о театрализованном шествии по случаю триумфа императора Аврелиана (274 г. н.э.), упоминает о 10 женщинах племени готов, взятых в плен с оружием в руках. Римскому народу их представили в качестве «амазонок». Сам Гиббон пишет: «Почти невероятно, чтобы общество амазонок могло когда-либо существовать в Старом или Новом Свете». Но с другой стороны, Шебер, говоря об Азиатской России, настаивает, что в горах Великой Татарии обитали какие-то воинственные женщины-амазонки («амазун»). В эпохи, когда история представляла собой удивительную смесь выдумок и реалий, такого рода легенды и мифы вовсе не редкость.

П. Рубенс. Битва греков с амазонками. Ок. 1618 г.

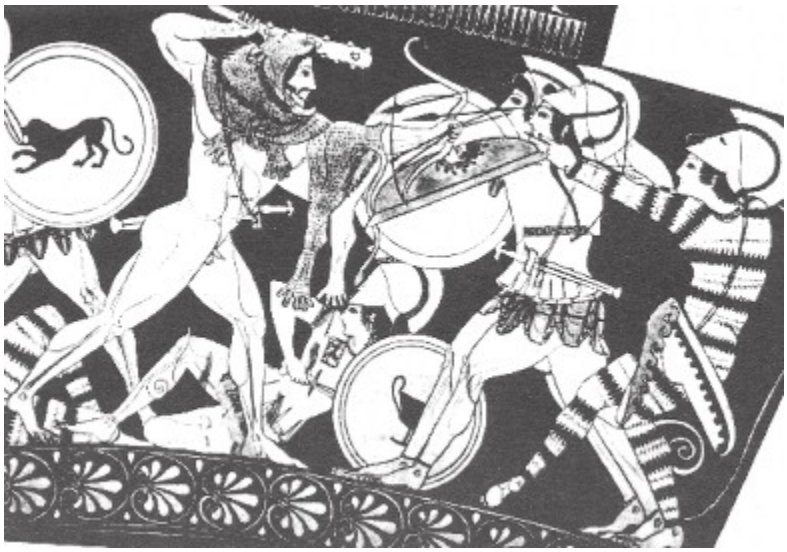
Говорили даже, что амазонки держали в плену десять потерянных колен израилевых (Дж. Мандевиль). Немало сказок, подобных легенде об острове Вак-Вак, возле Борнео, где дамы, якобы свисая на длинных волосах, росли на деревьях, как плоды. Истории о царствах амазонок встречаются и в «Сказках 1001 ночи» (там их целая армия – 25 000 воительниц). Женщина на коне – обычное явление на Востоке… Г. Ротери и Ф. Беннет пишут в их труде: «И в самом деле, участие женщин в войне характерно для всех стран, начиная от Армении и Курдистана до Сирии и регионов Аравии, а также для местностей, прилегающих к Азовскому морю и тянущихся на восток к Татарии. О южных амазонках постоянно слышим в связи с завоеваниями

преемников Магомета». Впрочем, известно, что в середине XIX века в Китае при Тянь-Ване, Небесном Короле Тайпинов, существовал отряд женской гвардии (1000 женщин-телохранительниц). Даже в конце XIX века женщины служили в охране в Бангкоке. В начале Крымской войны против русских сражалась курдская дама, известная под именем «Черная Девственница», потом она отправилась сражаться с русскими в составе войск Омар-паши на Дунае. Как видим, явление это дожило до Французской революции, Февральской революции 1917 года в России и до Второй мировой войны. Так мистический ужас у немцев вызывали «русские амазонки».



Конная и пешая амазонки

Действительно ли эти битвы с амазонками имели место в реальной истории – все же остается под вопросом… Интригующими были причины войн между ними, что скорее можно рассматривать как «войну полов». Знаменитая амазонка Пентесилея представлена в одноименной пьесе Г. Клейста. В ней она убивает Ахилла. Действие развертывается на фоне Троянской войны. Амазонки, «прекрасные, блистательные и жаждущие битвы», встают на сторону троянцев, бросаются в сражение «зверям подобно, пожираемые свирепой злобой». Они убивают греков-мужчин. По другой версии Ахилл смертельно ранил прекрасную Пентесилею, будучи уязвлен стрелой Амура. Ее образ стал украшать бесчисленные римские и греческие саркофаги, вазы, рельефы. Пентесилея – это символ той любви, что сильнее смерти. После ее гибели амазонки якобы скрылись в горах Кавказа, где в дальнейшем и смешались со скифами.



Амазонки

Известный ритор Исократ впоследствии скажет о них: «Сколь ни храбры были амазонки, но были побеждены мужчинами и лишились всего». Думаю, что для мужчин эта победа была скорее пирровой победой. Да и вообще история этого племени со временем обросла таким количеством чудес, что не знаешь, чему в них верить, а чему нет. Страбон писал, что со сказанием об амазонках произошло нечто странное. Дело в том, что во всех остальных сказаниях мифические и исторические элементы разграничены, а о амазонках всегда – раньше и теперь – были в ходу одни и те же сказания, сплошь чудесные и невероятные. Впрочем, в 1928 году во время раскопок в местечке Земо-Ахвала на побережье Черного моря (в предполагаемом месте расселения амазонок) было обнаружено захоронение некоего «князя» в полных доспехах и с оружием (двойной топор). Изучение найденного скелета показало: это – останки женщины. Возможно, тут захоронена одна из знатных амазонок-цариц… Схожее захоронение погребенной с царскими почестями дамы было обнаружено в Украине в 1971 году. В могиле (рядом со скелетом) найдены: скелет девочки, золотые сокровища, оружие, а также скелеты двух мужчин, умерших «неестественной смертью». Возможно, то были ее рабы, слуги, возможно, даже мужья, которые должны были сопровождать ее в последний путь. Такие же могилы с «воительницами» найдены и в Казахстане в 1993—1997 годах. Возможно, эти легенды имеют под собой почву и время внесет ясность в сей вопрос, когда начнут вести

раскопки в Турции, в устье реки Фердомонт, там, где согласно легенде находилось когда-то царство легендарных воительниц-амазонок (осколок былого матриархата). О государстве амазонок в Азии писал Марко Поло, их якобы видели в Южной Америке испанцы и португальцы, об африканских амазонках упоминал в своей книге и Геродот.

Поединок Геракла с царицей амазонок Пентесилеей. Амфора

Конечно, греческие женщины не претендовали на славу амазонок…Такая свобода им даже была не нужна. К тому же мужчины ревностно воспринимали их женские свободы, часто бросая в их адрес упреки: мол, те «вконец разленились», решили жить «только для себя» и не хотят больше рожать детей. Во второй половине IV века до н.э. Спарта действительно значительно обезлюдела и лишилась былой мощи. Но при чем тут женщины? Каковы основания для подобных упреков и были ли они? Старая пословица, казалось бы, гласит, что дыма без огня не бывает. Ведь в Спарте с давних времен степень свободы женщин была значительно более высокой, чем где-либо в Греции. Основой этой свободы являлась их экономическая и бытовая независимость, а также то, что в силу ряда обстоятельств мужчины-воины Спарты надолго выключались из общественной жизни (войны, лагерная жизнь, походы). К этому добавьте еще и своенравный характер спартанок. С детства их воспитывали крепкими, сильными, выносливыми, приучали в случае надобности не лезть за словом в карман. Своей наготы дамы ничуть не стыдились. Пелей в эврипидовской «Андромахе» ворчит: «А впрочем, спартанке как и

скромной быть, когда с девичества, покинув свой дом, делит она палестру с юношей, и пеплос ей бедра обнажает на бегу… Невыносимо это. Мудрено ль, что вы распутных растите?» Но если даже и находились противники такой свободы (вспомним хотя бы случай, что приводит Лисий), то другие отдавали должное красоте греческих женщин. Эта раскрепощенность и внутренняя свобода женщин (в том числе и спартанок) вызывали восхищение у части античной интеллигенции. В частности, поэт Овидий в X книге «Метаморфоз» рассказал историю о красавице Аталанте, что побеждала в беге всех мужчин.

Может быть, слышал и ты, как одна
в состязании бега
Женщина быстрых мужчин побеждала.
И вовсе не сказка
Эта молва. Побеждала она.
Сказать было трудно,
Чем она выше была – красотой
или ног превосходством.
Бога спросила она о супружестве.
«Муж, – он ответил, —
Не для тебя, Аталанта!
Беги от супругина ложа.
Но не удастся бежать – и живая
себя ты лишишься!»
Божья вещанья страшась,
безбрачной жить она стала
В частом лесу и толпу
домогателей страстных суровым
Гонит условием: «Мной овладеть
единственно можно,
В беге меня победив.
Состязайтесь с моими ногами.
Быстрому в беге дадут и супругу
и спальню в награду.
Плата же медленным – смерть:

таково состязанья условье.

Однако от себя не убежишь… У общества, где женщины забрали много власти, есть и минусы… Нечто похожее на матриархат установилось в Спарте во времена Агиса IV. Всеми делами в стране заправляли кружки дам. По словам Плутарха, женское окружение вершит дела страны самолично (такова Агесистрата, мать Агиса). В Спарте это считалось в порядке вещей. Лакедемоняне «всегда оставались под властью женщин и больше позволяли им заниматься государственными делами, чем сами вмешивались в дела домашние». Если же к факту господства в сфере политики и общественной жизни добавим еще и то, что «богатства Лаконии по большей части находились в руках женщин», перед нами предстает отнюдь не идеальное общество (с точки зрения мужчин). Отдавать бразды правления в руки красивых женщин крайне опасно. Те, как бешеные или необъезженные кобылицы, могут унести семейный корабль (не говоря уже о государстве) в такие бури, что потом и следов его не сыщешь. Потому в сатирическом стихотворении о женщинах поэт Семонид и говорит: только тиран и богач способен содержать красивую жену, абсолютно ничего не желающую делать в доме. Ведь та занята лишь тем, что заботится о своей красоте. Такая жена – бесполезная роскошь и ненужная мишура.

Африканские амазонки

Иной характер носит критика Аристофана. Тот сохранил не лучшие воспоминания о своей семейной жизни с актрисой. В комедии «Лисистрата» он выводит женщин в виде обуянных жаждой сексуальных удовольствий и наслаждений вакханок, что, давая товаркам клятву: «Не подниму я ног до потолка…» «Не встану львицею на четвереньки», только о том и помышляют, как бы заскочить в постель к своему мужу, горестно вопя и стеная лишь от одной невыносимой мысли, что придется лишиться мужских ласк, их жаркой любви и горячих объятий. Нередко, когда уже никакие иные уговоры не действовали, женщины поступали в точности, как советовала им Лисистрата:

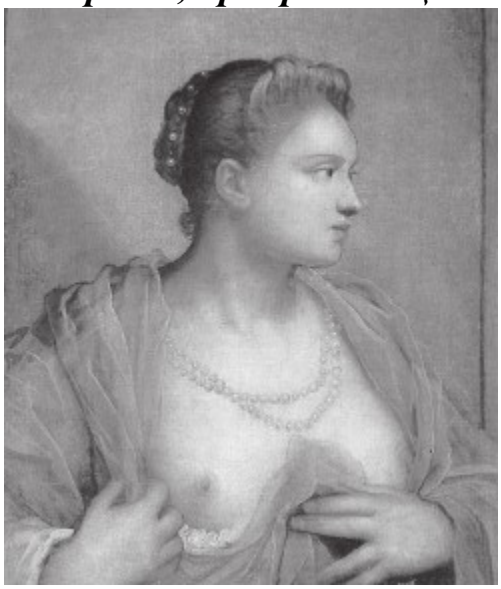
И дело будет легким, если только
Стремитесь вы друг к другу,
но без войн…
Сейчас увидим. Ну-ка, Примиренье,
Возьми и подводи сперва лаконцев,
Но не тяжелой, грубою рукой,
Не так, как наши делали мужчины,
Но, как прилично женщине, нежней!
А кто руки не даст, веди за посох!
Теперь сюда афинян подводи!
Бери, за что позволят, и веди их!

Вспомним греческих красавиц, на пурпурных щечках которых «пляшет пламя любви» (Софокл). Вспомним и то, как царь Менелай при виде обнаженной груди красавицы Елены простил ей ее измену и жадно припал к ней. Вспомним, как у Аристофана Эрот и Киприда вызвали в груди героя столь пылкие чувства, что желанием воспылали все его члены. Самые строгие судьи, которые были готовы осудить за грехи прелестную Фрину, так и не смогли наказать греховодницу. Ее защитник Гиперид сорвал с нее одежды и выставил напоказ ее прелести. Грудь девы была столь совершенна, что тут даже карающий меч закона заколебался и невольно сам скользнул обратно в ножны… Перед красивой женщиной часто и судьи бессильны.

Г. Рени. Красавица Аталанта и Гиппомен. 1612 г.

Но, разумеется, была область, где женщина прежде всего чувствовала себя хозяйкой, где она властвовала. Она чувствовала нюхом запах мужчин, и он раздражал ее, как самого Зевса, чьи бесчисленные любовные похождения волновали воображение. Она же видела, что даже в мифах все боги и герои охотятся за женщинами (Зевс, Посейдон, Дионис, Пелопс, Парис). Аттические вазы заполнены такими сюжетами. Дионис преследует на пантере женщину. Эроты их похищают. Славно забавляются сатиры и менады. Приап поливает фаллос специальным маслом, готовясь к бою… Даже несравненный Гомер описывает буйство Диониса-Вакха и свиты из нимф-вакханок. На пелике из Пантикапея Дионис на грифоне нагоняет девушку. Хозяин подземного царства Плутон спешит к очередной жертве (невесте), чтобы вступить с ней в брак в мире мертвых. Да что там, о любви мечтают все женщины.

О. Бердслей. Лисистрата, прикрывающая свои чресла. 1896 г.



Дж. Тинторетто. Портрет женщины с обнаженной грудью. 1570 г.

Ваз, где Эрот преследует женщин и овладевает ими, найдено множество на юге России. Все они, заметим, из женских погребений. И роль Эрота всем понятна – он символ удовлетворения любовной страсти. Греческому обществу (в Афинах и ионийских городах), как сказано, свойственно господство мужчин. Но женщины участвовали в

их праздниках, культах, жертвоприношениях, ночных увеселениях… Некоторые из праздников были преимущественно женскими. Во время праздничных процессий они несли культовые принадлежности. Ночь благоприятствует влюбленным, сладка любовными забавами. Подобные ночные приключения порой заканчивались даже изнасилованиями. Но дамы все равно ценили такую свободу и гордились участием в этих священных обрядах. Аристофан отмечает, что когда женщины собирались в святилищах Вакха, Пана, Генетюллиды или Колиады (последние две – это особые женские богини), то невозможно было пройти мимо из-за гама и шума кимвалов. Некоторые женщины были особенно привержены культам Адониса и Сабазия. В дионисийских процессиях торжествует фаллос. Фаллосы готовили к Дионисиям. «В шутках и песенках фаллоносцев можно видеть истоки комедии». Женщины были глубоко счастливы, когда им давали в руки символ любви, ставили во главе колонн.

«Посох» Приапа

Приап, поливающий фаллос маслом

Однако не все было так уж просто и однозначно при такой вольнице. Мужчина и женщина – сообщающиеся сосуды, созданные самой Природой. Если в одном из них – слишком много свободы и прав, в другом – их мало или нет вовсе, неизбежно возникают проблемы. Не все воспринимали даже закон Ликурга, дававший шанс «сообща заводить детей людям достойным». Это было сделано не только из-за того, что надо было вытравить из сердец граждан «пустую бабью ревность». Видимо, речь шла о проведении целенаправленной и активной эвгенической политики, цель которой появление здоровых и крепких детей. Государство тем самым брало на себя роль сводницы. Ксенофонт в «Лакедемонской политии» рассматривает как само собой разумеющийся случай договора между старым мужем, его молодой женой и неким молодым человеком с хорошей репутацией, что договариваются о возложении функций деторождения на «молодого бычка». Правы те, кто сравнил тех образцовых производителей «с припускными самцами, оплодотворяющими сук и кобыл по желанию их хозяев, которые же, однако, забывают о всех правилах евгеники, когда дело касается их собственных жен, и после расплачиваются за свое неразумие, воспитывая хилых и немощных детей, рожденных от них самих» (Ю. В. Андреев). Однако, если такое имеет место, это делает брак абсолютно формальным явлением.

Эрот и Психея. Рим

Хотя Платон выступал против «бесстыдных любовных утех», в реальной жизни общество одних лишь женщин преследовало за измену и нарушение супружеской верности. В Афинах в случае измены жены муж мог расторгнуть брак. В некоторых случаях жена могла потерять не только мужа и свое доброе имя, но и жизнь. Не нужно быть философом, чтобы понять: если у твоей жены есть любовник, а ты вполне согласен с такой «демократией», то твоей власти в доме пришел конец… Известный оратор Лисий привел пример того, как обманутый муж, взяв свидетелей, подкараулил жену, когда та занималась с другим мужчиной тем, чем в принципе должна была бы заниматься с мужем, тут же убил совратителя. В данном случае осталось неизвестным, не сама ли жена явилась инициатором любовного романа. Муж всячески выгораживал жену. Отмщенный муж при этом ссылался на закон: «Сам ареопаг, который исстари вершил суд по делам об убийстве и которому и в наши дни предоставлено это право, постановил в совершенно определенных и ясных выражениях, что неповинен в убийстве тот, кто покарает смертью прелюбодея, если застигнет его вместе со своей женой… Я считаю, судьи, что покарал его не только за себя, но и за государство. Если вы согласитесь со мной, подобные люди поостерегутся вредить своему ближнему, видя, какая награда их ждет за такого рода подвиги.

А если вы не согласны со мной, то отмените существующие законы и введите новые, которыми будут карать тех, кто держит жен в строгости, а соблазнителей оправдывать. По крайней мере, так будет честнее, чем теперь, когда законы ставят гражданам ловушку, глася, что поймавший прелюбодея может сделать с ним что угодно, а суд потом грозит приговором скорее потерпевшему, чем тому, кто попирая законы, позорит чужих жен». Доводы Лисия приняли не все, ибо такого рода случаи все же были исключением.

Картинка праздничного времяпровождения

На спине у божественного быка

Вероятно, как в Спарте, так и в Афинах о семейной гармонии приходилось разве что только мечтать. Во всяком случае, к женщинам относились с предубеждением. Р. Тэннэхилл обращает внимание, что греки вплоть до III века до н.э. воспринимали женщин исключительно «как существ неразумных, сексуально озабоченных и ущербных в нравственном плане». А поэт Семонид Аморгский (VII в. до н.э.),

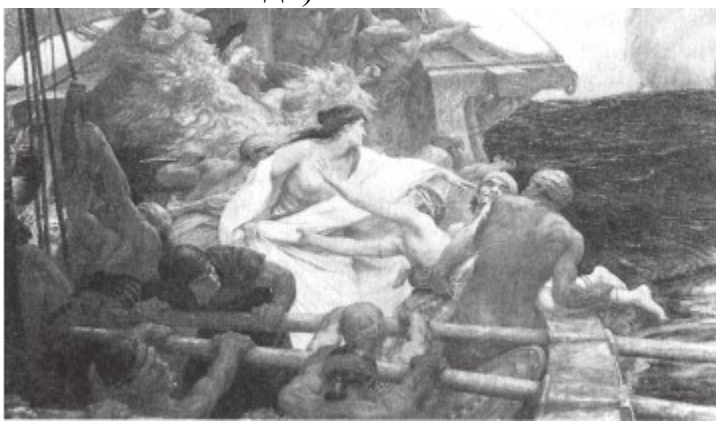
основавший колонию на одном острове, и вовсе был о дамах неважного мнения, считая их причиной всех зол:

Да, это зло из зол, что женщиной
зовут,
Дал Зевс, и если есть чуть пользы
от нее —
Хозяин от жены без меры терпит зло.
И дня не проведет спокойно,
без тревог,
Кто с женщиной судьбу свою
соединил,
И голод вытолкнет не скоро
за порог;
А голод – лютый враг, сожитель —
демон злой.
Чуть муж для праздника
повеселиться рад —
Во славу ль божию иль там почтить
кого, —
Жена, найдя предлог, подымет
брань и крик.
Ведь, у кого жена, тому не к дому
гость…

Джузеппе и Паоло Гроппелли. Талия. Летний сад

Порой дамы предстают как отъявленные убийцы. Клитемнестра убивает мужа. Медея разрезает на куски брата и убивает сыновей. Федра оклеветала невиновного и вынуждена покончить жизнь самоубийством. Электра привела к смерти ее мать. Хотя часто истинный виновник всех трагедий именно мужчина. Его отношение к женщине нельзя назвать иначе как варварским. Так, Гесиод рекомендовал «покупать женщину, а не жениться на ней», ибо в этом случае «ты можешь заставить ее идти за плугом, если это будет необходимо». Конечно, кому-то может и повезти и ему удастся «найти добрую и здравомыслящую жену», но даже и в этом случае «он увидит, что зла в его жизни больше, чем добра». Как видите, тут романтикой и поэзией чувств вовсе и не пахнет. Иные обиженные судьбой видели в женщинах некое подобие дьяволиц или ядовитых змей. Грек, как и старый еврей, желал иметь дома в лице жены рабыню, вола, лошадь, пчелу в одном лице. Помимо этого жена

должна еще и порхать вокруг мужа, как бабочка, обслуживая его, будучи вдобавок полной ослихой, не замечая всех его проделок на стороне, да еще и отличной актрисой, нося маску любящей и восхищающейся своим мужем. В Греции, как и в других частях мира, женщины зачастую подобны «кариатидам» (фигура, не только украшающая здание, но и главным образом несущая на себе большую часть нагрузок дома; название эти фигуры получили от женщин Карии, единственного города Пелопоннеса, полностью поддержавшего персов в войне, за это обреченных греками вечно нести тяжелейшее бремя; по крайней мере так гласит легенда).



Медея убивает родного брата Апсирта

Маска. V в. до н.э.

Дочь, целующая своего отца

Разумеется, на отношения мужчин и женщин влияла и проблема баланса популяции. Древние народы часто преследовал страх перенаселения, против которого известно было три надежных средства – войны, колонизация и различные формы ограничения деторождения, в их числе: добровольная бездетность, ограничение рождаемости, гомосексуализм, лесбиянство и даже отказ от детей. Аристотель был убежден, скажем, что «калеку-ребенка кормить не следует». В Греции нередко мы встречаем добровольную бездетность, которую рекомендовали, например, Фалес и Демокрит. Фалес вообще остался холостым, якобы потому, что очень любил детей (процесс). Аристотель писал: «Право свободно рождать детей (без ограничения их числа) неизбежно повлечет за собой обеднение граждан, обеднение же подает повод к волнениям и преступлениям. Коринфянин Феидон, один из старейших законодателей, исходил из того взгляда, что число семейств и всего вообще количества народонаселения должно было бы оставаться постоянным, при возрастании населения, учитывая существующий порядок разделения земель, неизбежно должно увеличиваться число бедняков». Перед нами в грубой форме тут предстает «идея мальтузианства». Хотя грекам скорее следовало подумать о росте населения, учитывая их потери в войнах и

междоусобицах. Все сказанное, разумеется, не исключает того, что греки любили детей, как и те своих родителей.

Женщины за беседой

Микеланджело Буонарроти. Сивилла Дельфийская. XVI в. Фреска Сикстинской капеллы в Ватикане

Предпочитая дома видеть молчаливых дам, греки давали им выпустить пар, т. е. выговориться в женской болтовне с подругами (или же в пророчествах). Для этой цели существовал институт пифий, жриц и весталок. Известной пророчицей была Кассандра. Героиня произведения Ликофрона «Александра» говорит о ее миссии:

Зачем, несчастная, к утесам я глухим,
К немой волне, к бесчувственным
лесам
Свой скорбный вопль несу и тщетные

слова?
Ведь бог Лепсийский дал мне
прорицанья дар,
Но веры нет ни у кого в слова мои…
Но в страшный день, когда наш
край родной
Ничто уж не спасет, – тогда
узнают все, —
Недаром ласточка им пела про беду…

Плутарх (побывавший жрецом Аполлона в Дельфах) писал, что пифией была простая деревенская женщина, необразованная, грубоватая, без каких-то талантов и способностей. Обычно ее почти насильно отторгали от привычной жизни, заставляя соблюдать ритуальные ограничения. Любопытен сам институт пророчеств. В нем конституировался прообраз многих современных магов, колдунов, шарлатанов, чьи прогнозы порою столь же точны, как пророчества Сивиллы. В сборнике «Оракулы Сивилл» разные темные личности вещают о будущем народа, рисуя его в мрачном и трагическом свете. Меньший интерес представляют способы и средства, к которым прибегала пифия в период экстаза, выкрикивая пророчества (испарения из скалы, наркотический дурман, гипноз или артистические дарования).

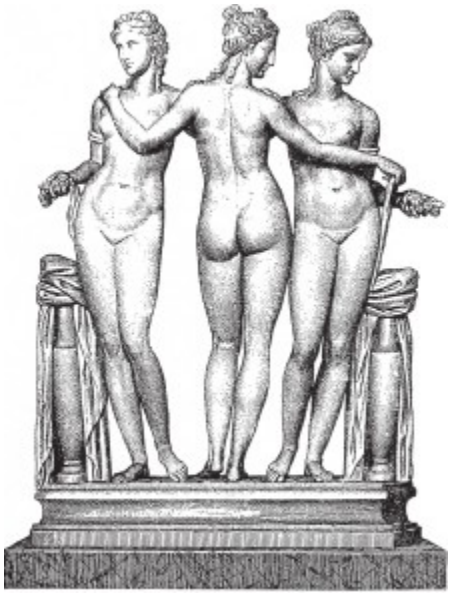
Сафо. Геркуланум. 350 г. до н.э.

Как видите, женщины Греции ни в чем не уступали мужчинам, выглядя достойно не только в бою (всем известен пример воинственных амазонок), но и в любви и в поэзии. Женскую поэзию представляли некоторые уроженки Лесбоса, Беотии, Аргоса, Сикиона. Наиболее известная поэтическая фигура тут – Сафо (VII—VI вв. до н.э.). Судя по свидетельствам, внешне она не была красавицей. Смугла, невысока, худощава. Ее озаряли яркие глаза – живые, полные мысли, чувственного огня. Географ Страбон называл ее не иначе, как «чудом», и утверждал, что напрасно было бы искать в истории женщину, которая в поэзии могла бы выдержать хотя бы приблизительное сравнение с Сафо. Антипатр Сидонский утверждал, что в ее песнях она превзошла всех женщин, как Гомер – всех мужчин. Поэтесса оказала большое влияние на Горация и Катулла, певцов нежных чувств и большой страсти. Сократ величал ее наставницей в вопросах любви. Платон называл «девятой музой». Овидий писал: «Сафо воспламеняет во мне любовь к моей подруге». И давал совет: «Заучивайте наизусть Сафо, – что может быть страстнее ее!» На острове Лесбос она возглавляла одну из музыкально-поэтических школ, где и обучала знатных девушек умению вести себя в обществе, стихосложению или танцам. Ряд ее песен был посвящен любимым ученицам. В стихотворении «К женщинам» «царица поэтов» вспоминает о совместных деяниях в юности светлой и как много «прекрасного и святого совершили». Сафо пишет об прекрасных днях в кругу подруг в «Молении к Гере»:

Чистое мое и святое дело
С девственницами Митилен
продолжить,
Песням их научить и красивым
пляскам
В дни твоих празднеств.

Знаменитая гетера-поэтесса прожила бурную жизнь. Впрочем, приписываемый ей гетеризм вызывает у иных сомнение. Не исключено, что ее спутали с красавицей-куртизанкой Сафо Эфесской (та жила гораздо позже прославленной поэтессы). Родом Сафо была из

знатной семьи и в 6 лет осталась сиротой. Она получила воспитание в школе гетер, почувствовала влечение к поэзии. После народных волнений, направленных против аристократов, она с братьями вынуждена была покинуть Лесбос. Вернувшись через 15 лет, она поселилась в Митиленах. Ее стали называть Сафо Митиленской. Сафо стала писать оды, элегии, гимны, праздничные и застольные песни, эпитафии. Стиль ее стихов будет впоследствии назван в ее честь «сафическим». Солон, услышав однажды на пиру ее стихотворение, тотчас выучил его наизусть, прибавив, что «не желал бы умереть, не зная его на память». Стихи ее знали в Риме и Египте.



Три грации (античная группа, Лувр)

Лисипп. Эрот с луком

Поэтесса Сафо

Стихотворная лира ее настроена на эротический лад. Можно сказать, ею движет одна, но пламенная страсть – любовь. Думаю, Байрон неправ, сказав, что Сафо была «синим ревностным чулком». Хотя остров Лесбос, согласно легенде, и стал местом зарождения так называемой лесбийской любви, полагаю, что ее больше влекли мужчины, чем женщины. Известно, что Сафо увлеклась поэтом Алкеем. И даже родила от него дочку, которую нежно любила и посвятила ей цикл своих стихов.

Блаженствам равен тот богам,
Кто близ тебя сидит, внимая
Твоим чарующим речам,
И видит, как в истоме тая,
Из этих уст к его устам
Летит улыбка молодая.
И каждый раз, как только я
С тобой сойдусь,
От нежной встречи
Трепещет вдруг душа моя
И на устах немеют речи,
И чувство острое любви
Быстрей по жилам пробегает,
И звон в ушах… и бунт в крови…
И пот холодный проступает…
А тело, – тело все дрожит…

Сафо испытывала страсть не только к мужчинам, но и к подругам-женщинам. Сохранились откровенные стихи, посвященные некой Аттиде: «Любовь, разбившая мои члены, снова обуревает меня, сладострастная и лукавая, точно змея, которую нельзя задушить». Чувства ее находили отклик у девушек, однако не всегда. Ведь насильно мил не будешь. Она по-прежнему не мыслила жизни без любви, говоря: «Что касается меня, я буду отдаваться сладострастью, пока смогу видеть блеск лучезарного светила и восторгаться всем, что красиво!» И она отдавалась этому сладостному порыву. По преданию (впрочем, не очень заслуживающему доверия), она якобы покончила жизнь самоубийством из-за несчастной любви к красавцу Фаону, которому будто бы сама Афродита подарила особую мазь, делавшую его неотразимым. Сафо не смогла избежать его чар, но, не встретив взаимности, бросилась вниз с Левкадской скалы и разбилась насмерть. Поэт А. Н. Майков писал:

Он – юный полубог, и он —
у ног твоих!..
Ты – с лирой у колен – поешь

ему свой стих,
Он замер, слушая, – лишь жадными
очами
Следит за легкими перстами
На струнах золотых…
А я?.. Я тут же! Тут! Смотрю,
слежу за вами —
Кровь к сердцу прилила – нет сил,
Дыханья нет! Я чувствую, теряю
Сознанье, голос… Мрак глаза
мои затмил —
Темно!.. Я падаю… Я умираю…

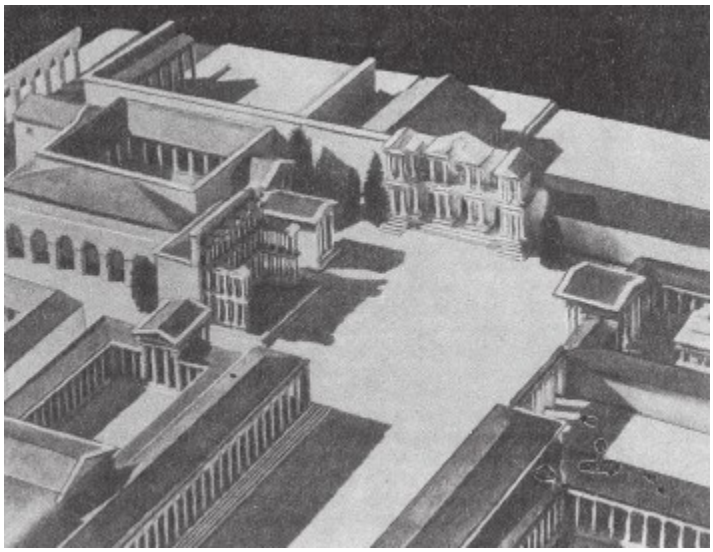
Жак-Луи Давид. Сафо и Фаон

Она любила жизнь. Смерть же считала злом, от которого нет спасения. Задумываясь о будущем, обращала строки к детям: «Дети! Вы спросите, кто я была. За (меня) безгласную имя (мое) не устают возглашать эти у ног письмена…» Когда она умирала, Сафо просила подруг сдержать слезы, ибо в доме служительницы муз скорбь неуместна. Сафо скажет: «Умирали бы и боги, если бы благом смерть была». Слава «безгласной» поэтессы далеко перешагнет границы Греции. Многие с ее именем связывали свои первые успехи. Имя вошло в мировой пантеон поэтов. В адрес самой поэтессы мы вправе обратить строки ее же собственного стихотворения, названного

«Красавица» (в переводе российского поэта-символиста Вячеслава Иванова):

Близ луны прекрасной
тускнеют звезды,
Покрывалом лик
лучезарный кроют,
Чтоб она одна всей
земле светила
Полною славой.

Одной из самых известных женщин того времени была Аспасия, родившаяся в Малой Азии, в Милете (ок. 470 г. до н.э.). Древний город ионян был великолепен. Отец Аспасии Аксиох был человеком состоятельным. Его корабли направлялись к Черному морю. Вероятно, девушка не один вечер провела на берегу, устремив взор в туманную даль. Что ей грезилось? Путешествия в дальние страны? Сообщество прекрасных и умных мужчин? Все женщины мира мечтают об одном и том же. Аспасия получила широкое образование, почти не пользуясь книгами. Книги в те времена были редки. Превалировало устное обучение, музыка, поэзия, свободные дискуссии и споры. Ее влекло к яркой и интересной жизни. Она вскоре перебралась в Афины (в 22—23 года), стремясь в столицу, как и все девицы. Парандовский так описал ее дальнейшую историю. Молодая, красивая и образованная девушка вскоре стала душой самых избранных кругов, давая уроки красноречия и выступая с сообщениями на вольные темы. К ней применим титул «софистки», хотя точнее было бы назвать ее «просветительницей». В отличие от софистов она не брала платы за свои выступления. Философия все больше входила в моду. Отвлеченные беседы и интеллектуальные игры развивали воображение, делали ум острее. О степени ее влияния на мужчин свидетельствует уже то, что от встреч с ней был без ума и двадцатилетний Сократ. Позже, уже став философом, он говорил, что обязан своим обращением Аспасии. «Любовь возвышает великие души» (Шиллер).



Милет. Южная агора. Реконструкция

Аспасия гадает на жениха

Аспасия учит уму-разуму Перикла

Женщина подобная Аспазии – редкостной красоты алмаз. Хотя для ее огранки и нужен достойный мужчина. В ту эпоху таковым, пожалуй, вполне мог бы считаться Перикл. Ведь он был из знатного рода Алкмеонидов. Его звали «Громовержцем» за его речи, разящие, словно молнии, и за светлый ум. Перикл надумал осуществить единение небольших греческих государств в могучий союз и в известном смысле преуспел в дерзновенном помысле. Греки назвали его «достойнейшим из эллинов». Этого славного сына Греции и решила покорить Аспасия. Писатель У. Ирвинг как-то сказал: «Женщина более рассудительна в делах любви, чем мужчина, потому что для нее любовь в большей степени предмет и дело всей жизни». Перикл слыл самим воплощением Разума, а женщины (прежде всего достойные) ценят ум. Он стал посещать кружок Аспасии и был восхищен тем, как эта прекрасная и умная чужеземка там царила и властвовала:

Является мне в мыслях иногда,
Аспасия, твой образ. Или, беглый,
Он предо мной сверкает в месте
людном
В чужом лице; или в полях
пустынных
Днем ясным, а порой в безмолвье
звездном,

От сладостной гармонии родившись,
В моей душе, еще к смятенью
близкой,
Проснется это гордое виденье.
О, как любима, боги, та, что прежде
Была моей отрадой и моей
Эринией. Мне стоит лишь вдохнуть
Прибрежный аромат или цветов
Благоуханье на дорогах сельских,
И снова вижу я тебя такою,
Как в ясный день, когда ты в дом
вошла,
Дышавший свежестью цветов
весенних.
В одежде цвета полевой фиалки
И ангельской сияя красотой,
Ты предо мной предстала; ты лежала
Средь белизны мехов, окружена
Дыханьем сладострастья…

Через два года после приезда Аспасии он расходится с женой и вводит в дом свою властительницу дум… Вскоре Перикл так привязался к ней, что стал постоянным участником сходок кружка. Правда, стратегу уже перевалило за 40 лет. В эти годы чаще думают о покое, нежели о страсти. Ф. Ницше заметил: «Опасность мудреца в том, что он больше других подвержен соблазну влюбиться в неразумное». Надо войти и в положение политика: перед ним открылась какая-то иная, восхитительная жизнь, не похожая на домашние скучноватые бдения. Жена – пожилая женщина (сварливая, ограниченная, суеверная). Она не могла ему дать ничего, кроме двух сыновей, что, разумеется, немало, но еще недостаточно для вечного ей поклонения и служения. Мужчины, что там говорить, порой нуждаются в новых богинях, так же как красавицы испытывают острую необходимость в очередных воздыхателях.

Пелоп добивается руки Гиподамии, дочери царя Эномая

Афиняне были современными людьми в смысле свободы нравов, придерживаясь в частной жизни принципа: «…Куртизанки нужны для того, чтобы ублажать нашу плоть, гетеры – для наслаждения, а жены – для того, чтобы рожать нам законных детей» (Демосфен). По афинским законам уроженка Милета Аспасия не могла стать полноправной гражданкой (Перикл сам принял этот недемократический закон). И тут любовь бросила вызов закону. Нужно было немало мужества, ума, терпения и хитрости, дабы преодолеть сопротивление общественного мнения, отводившего женщине лишь роль самки. Перикл до знакомства с любимой и сам говорил как пуританин. Афинская женщина должна мечтать об одном: чтоб никто не мог сказать о ней ни хорошего, ни дурного. Мужчины и женщины Афин объединились в своей ненависти к той, которая своим умом и красотой ломала все устоявшиеся стереотипы поведения. Аспасии публично предъявили обвинение в безбожии, а также в том, что она якобы дурно влияет на молодых девушек, толкая их на путь похоти и разврата. Ортодоксы стали подкапываться и под Перикла, утверждая, что это Аспасия пишет ему все речи и даже дает советы по всем важнейшим государственным вопросам.

Фигура афинской женщины

Женщины обожают сильных мужчин

Первой жертвой недругов Перикла стал философ Анаксагор, которому вскоре пришлось спасаться бегством. В афинской тюрьме по навету оказался великий Фидий. В конце концов страшные невзгоды обрушились на Грецию. Злополучная Пелопоннесская война и чума доконали Перикла (429 г. до н.э.). В последний путь его проводила Аспасия, та, в которой Еврипид нашел духовное воплощение Афродиты. Перикл заслужил славу и «широко прославился», хотя был милитаристом и агрессором. Что же касается Аспасии, то она вышла замуж за Лисикла. Надо было обеспечить будущее сына. Судьба того сложилась печально. Хотя он стал стратегом и одержал вместе с другими флотоводцами блестящую победу над Спартой, афинские демагоги повели против него и героев флота судебный процесс, приговорив к смерти. Так он погиб.

Гесиод говорил: жениться мужчина должен в возрасте 30 лет, девушке должно исполниться к тому времени 19 лет и ей надлежит быть девственницей. Разумеется, женщина-мать, всецело преданная целям рода, семьи и очага, играла чрезвычайно важную роль, выступая их защитницей и кормилицей. Но не для всех (независимо от ее возраста и социального положения) женщина была «gyne», что значит «та, кто вынашивает детей» и не более. В античном мире роль женщины не ограничивалась исключительно выполнением функций матери, роженицы или жены.

Учитывая, что греческий брак нередко являлся браком по расчету и устраивался из материальных соображений, а заключение брака по

любви, прямо скажем, было редким явлением, многими тот воспринимался как неизбежное зло. Главной целью брака тогда становилось обретение парой потомства. Была и официальная формула обручения, что звучала как «получение законнорожденных потомков» в семье. Это признают и Ксенофонт и Демосфен. У Ксенофонта в «Воспоминаниях о Сократе» есть отрывок, где Исхомах рассказывал, как он отучал свою жену от использования косметических средств, заодно приучая к здоровой жизни и советуя укреплять тело (в основном заботами о хозяйстве). Что толку в твоих духах и мазях, примочках и притирках? Ведь боги все устроили так, что «для лошади самое приятное существо лошадь, для быка – бык, для овцы – овца, так и человек считает самой приятной вещью тело в его натуральном виде…». Изъяны, женщина, не скроешь от мужа или любовника, если должным образом не позаботишься о теле. Когда окажешься вместе с ним в постели, бассейне или бане, там ведь «всё своё» придется показывать «в настоящем виде».

Пан с козой. Мрамор. Неаполь

Спарта на первое место ставила заботы о здоровом потомстве. Причем порой это вынуждало неудачников на ниве продолжения рода идти на самые крайние меры. «Муж молодой женщины, если был у него на примете порядочный и красивый юноша, мог ввести его в свою опочивальню, а родившегося от его семени ребенка признать своим». Так что Плутарх не так уж был далек от истины, когда иронично сравнивал спартанские обычаи использовать для случки сук и кобылиц припускных самцов (в целях получения крепкого и здорового потомства). Иных из таких мужей высмеивали в комедиях.

Некий Полиагн, выступая сводником для своей жены, каждый раз случал ее с козлом, да еще получал за это большие деньги. Нередки и в реальной жизни бывали случаи, когда бессовестные мужья выступали сводниками, попросту говоря, случая жен и дочек с богатыми чужеземцами, подставляя им дам как бы невзначай, а затем требуя от них возмещения за якобы понесенный ими «моральный ущерб».

Меркурий из Помпей. I в. н.э.

О каких-то высоких моральных качествах, принципах древних в то время не было и речи. Обладание одной или многими наложницами было делом обычным. Потому частым явлением были разводы. К тому же муж запросто мог отослать жену прочь, если та ему наскучила или же постарела, о чем реалистично написал в своих «Сатирах» поэт Ювенал:

Любит, по правде сказать, не жену он,
а только наружность:
Стоит морщинам пойти и коже
сухой позавянуть,
Стать темнее зубам, а глазам
стать поменьше размером,
Скажет ей вольный: «Бери-ка
пожитки да вон убирайся!»

Любовь – это прежде всего активная жизнь… Врачи подвели и научные основания под идею необходимости регулярных любовных и половых связей. Гиппократ (V—IV вв. до н.э.), знаменитый врач, о котором один византийский монах-историограф сказал: «Что сказал

Гиппократ, то сказал сам Бог», видел в любви главную основу всей жизнедеятельности организма. «Блажен лишь тот, кого любовь в свои объятья принимает, лишь тот, кто любит и страдает, того и Бог благословляет». Но и Овидий в «Науке любви» уговаривал жен, да и вообще весь женский род, всех женщин не жалеть для нас, мужчин, ни ласк, ни внимания, ни хвалебных слов… Поэтому следуйте мудрому совету!

Смертные жены, для вас пример
указуют богини:
Не отвечайте же «нет»
жадным желаньям мужчин!
Страшно обмана? Зачем?
Всё ваше останется с вами:
Не убывает оно, сколько его ни бери.
Сточится сталь сошника,
обкатаются камни о камни,
Но не иссякнет одно – то,
чем дается любовь…

Солон поднял роль и значение сексуальной культуры в жизни Афин, чем мы в немалой степени обязаны той же Аспасии. Возможно, именно благодаря ей Перикл впервые стал рассматривать проституцию как общественный институт. Известный врач древности Гиппократ был уверен, что частые половые сношения укрепляют и увеличивают не только силу члена, но и силу государства, а долгое воздержание мужчин и женщин от ласк, напротив, их уменьшает. Он писал в своем знаменитом труде: «Закон подчиняет себе всё… Утверждаю также, что у женщин при соитии от трения детородного члена и от движения матки делается как бы зуд, который в остальном теле производит удовольствие и теплоту. И женщина также испускает из своего тела семя, иногда в матку, отчего эта делается влажною, а иногда и наружу, если матка разверзается сверх меры. Женщина также, как начнет соитие, во все время испытывает удовольствие, пока мужчина не испустит семени… Но при соединении женщина получает далеко меньшее удовольствие, чем мужчина, но зато более продолжительное.

Причина, почему мужчина чувствует большее удовольствие, следующая: у него внезапно происходит отделение от влаги с большим возбуждением, чем у женщины. Но в то же время это дело так обстоит у женщин: если они сходятся с мужчинами, то бывают более здоровы; если же нет, менее…» Его весомая аргументация убеждала, а природа уже доделывала все остальное.

Женщины, гуляющие в своей компании

О. Бердслей. Две афинянки в страдании. 1896 г.

Гедонизм в наше время популярен… Об эротической стороне женского влияния писал О. Вейнингер в книге «Пол и характер»: «Женщина не представляет ничего, кроме сексуальности, она и есть сама – сексуальность… Мужчина, представляющий собой всегда нечто большее, чем пол, обладает сексуальностью, отграниченной не только анатомически, но и психологически. Поэтому он способен

самостоятельно занять то или иное положение по отношению к своей сексуальности: он может поставить ей, по желанию, границы, признать или отвергнуть ее. Мужчина может стать донжуаном, но также и святым. Выражаясь вульгарно, мужчины господствуют над своим половым органом, женщина же вся во власти своего». Под этим заявлением австрийского ученого и писателя, прожившего всего 23 года, покончившего с собой после написания книги, испытавшего сладкий яд любви, не сомневаемся, подписались бы многие древние писатели, поэты, философы и врачи. Хотя в данном случае все зависит от индивида.

Ж.-О.-Д. Энгр. Фетида, умоляющая Юпитера. 1811 г.

При взгляде на греков-мужчин не приходится говорить об их сдержанности. Но и сладострастность женщин, видимо, была фактом общепризнанным. Вот, скажем, у Аристофана в комедии «Лисистрата» героиня требует от товарок (во имя обуздания мужчин, чтоб эти ослы наконец покончили с длительной войной), чтобы те «не давали им». Женщины сразу начинают горестно вопить, лить слезы: «Нет лучшего, о Лисистрата, в жизни!» В ответ на это разгневанная Лисистрата говорит им: «Как сладострастен весь наш женский род! Трагедии от нас пошли недаром!» В том же ключе высказывается и Менандр. Женщина в глазах мужчин – «по природе злая и мучительница», природа ее «ненадежна и неверна», она расточительна. К выгоде

мужчин, в обществе все так устроено, что женщине ограничен доступ к власти.

Тиманф. Жертвоприношение Ифигении. Фреска из Помпей

Если присмотреться, вся история древних: поле боя или одно сплошное любовное ложе. Вот из-за похищения прекрасной Елены вспыхивает война за Трою. Причем весьма сомнительно, что ее похищали (без согласия с ее стороны). Хотя возможно, тут нет места любви, а скорее захват с целью удовлетворения инстинктов. Кажется, еще Розанов отметил этот животный инстинкт, характерный для греков и римлян. Он резко писал: «Около любви греки и римляне имели… осмелились иметь, в сущности, похождения. И это они именно начали всемирную порнографию. Елена была первою порнографическою женщиною – явно». Ведь и Зевс похищает Европу и силой овладевает ею. Он же искушает Алкмену, которая и рожает ему двойню (один из этой двойни – герой Геракл). Правда, поэты воспевают красоту и сладость своих возлюбленных. Первый греческий лирик Архилох Паросский (ок. 650 г. до н.э.) боготворит свою любовь – Необулу: «Своей прекрасной розе с веткой миртовой она так радовалась». Или Алкей из Митилены славит в стихах «сладко смеющуюся, фиалкокудрую» Сафо. Невозможно перечислить имена всех тех, кто был глашатаем любви и радостей чувственной жизни. Анакреонт Теосский даже в преклонном возрасте не бросал вина и женщин, хотя, по словам Горация, якобы от вина прежде всего и гибнет красота, а

вином сокращается молодость. Или возьмите Петрония, что рассказал историю о том, как даже добродетельная женщина может хотя бы раз в жизни согрешить и отдаться по любви. Политики, философы, историки, несмотря на их мудрость и познания, останавливались в смущении перед женщиной, говоря, подобно Плутарху, что сие есть «загадка, которую нелегко понять и разгадать». Большинство предпочитало не мудрствовать лукаво и просто страстно влюблялось в чудесных, обворожительных, соблазнительных девиц. И это продолжалось до тех пор, пока огонь страсти не стихал. Тогда жаждущий любви взор искал иной объект.

Шли годы. Сил оставалось разве что для встречи с Всевышним. Жена давно превратилась в старую ворчливую Ксантиппу. Тогда говорили вместе с поэтом:

> Два дня всего бывают нам милы
> жены:
> В день свадьбы, а потом в день
> выноса тела.

Ведь в ходу была и пословица: «Добрая жена – сокровище, а худая – худшая из пыток, которая будет лишь нахлебницей в доме и даже лучшего из мужей разорит и обессилит». На этот крайний случай у мужчин (да и у женщин) всегда есть некая «отдушина». Тот же Вейнингер писал, что «первопричина проституции все же остается и, быть может, останется навсегда глубокой загадкой, окутанной глубоким мраком». Мрак этот не так уж трудно рассеять… Когда жена стала для мужа своего рода «дьяволом в юбке», когда ее вечная брань, ворчанье, вечные претензии и недовольство переполняют чашу терепения мужей, а шея (жена) вдобавок ко всему так начинает вертеть головой (мужем), что голова идет кругом, он начинал мечтать об объятиях прелестной женщины, которая будет нежнее, красивее, моложе, да еще и одарит его нежной лаской и вниманием. Неудовлетворенные своим положением мужчины находят тогда отдушину у нимф. Такого рода приключения мужчин общество не только не осуждало, но приветствовало. Вкусом знаний довольствовалось меньшинство. И даже охота за зверем не так уж

привлекала молодых людей. Их влекла совсем иная «дичь», которую они и находили в увеселительных заведениях.

Я. Йорданс. Пан и Сиринга. Брюссель

Приап, взвешивающий фаллос. I в. н.э. Неаполь

К услугам же физически крепких, духовно и сексуально активных мужчин были многочисленные рабыни, гетеры… Некий античный поэт, выражая свои пылкие чувства, писал: «Я умер бы, если б долее не вселяли в меня силы тайные свидания, ложе и сладкие ночи». На подошвах сандалий некоторых гетер, оставлявших след в пыли, выбит влекущий призыв: «Следуй за мной!» И мужчины охотно следовали за красавицами. Юлиан Египетский (VI в. н.э.) верно выразил суть процесса, когда он говорит: «С помощью нежной красы Лаида

подчинила себе Грецию, ту, что смогла гордых мидян победить…» Так с помощью каких же ухищрений им это удавалось?

О том, что соблазнов в греческих городах было предостаточно, и говорить не приходится. В древности широко известна пословица: «Ты неуч, если не бывал в Афинах, осел, если, повидав их, не проникся восхищением, и просто верблюд, если покинул этот город без принуждения». В Коринфе, славившемся богатством и архитектурой уже в эпоху Гомера, где правил тиран Периандр (625—585 гг. до н.э.), были созданы все условия для любовных развлечений. Сей город с большим населением (50 000 свободных и 60 000 рабов) разбогател на торговле и на ремесле куртизанок. Есть женщины, которым тайный грех дороже узаконенных утех… По словам Страбона, в храме Афродиты, которую глубоко почитали как мужчины, так и женщины, совершала любовный «обряд» тысяча храмовых рабынь, или гетер. Благодаря им город буквально кишел народом. Со всей Греции капитаны кораблей, торговцы, воины, студенты просаживали тут денежки. В обиходе у греков даже была поговорка: «Поездка в Коринф не каждому по зубам». Коринф был одним из самых злачных мест на земле. Тут процветало огромное множество публичных домов. О нравах этого портового города говорили: «Жрицы продажной любви толпились на улицах города; в районе обеих гаваней размещались публичные дома самого разного сорта, а улицы были затоплены одиночными охотницами за тугими мужскими кошельками. В известном смысле центром притяжения безбрачной любви и высшим учебным заведением коринфских гетер служил знаменитый храм Венеры, на ступенях которого не менее тысячи гетер, или, как они называли себя, храмовых богинь, занимались своим ремеслом и всегда радостно приветствовали своих друзей». Можно сказать, тут обитала любовь, любовь хотя и продажная, но крайне необходимая для путешественников, купцов и всех обделенных любовью.

Все дома любви находились в прилегающих к гавани кварталах или в других местах. В Афинах таким районом был «район гончаров» – Керамик. Располагались заведения вдоль так называемой Священной дороги, что вела в Элевсин. Подобные «дома радости» имелись и в других городах. В Помпее располагалось немало таких увеселительных заведений, о чем говорят сохранившиеся фрески и надписи на их стенах, как и на римских публичных домах. Гораций

назвал их дурнопахнущими, что свидетельствует о грязи и нечистотах, как их неотъемлемом элементе. Сенека утверждал, что посетитель уносил этот запах на себе. Однако, как мы увидим, запах сей не только никого не останавливал, но даже привлекал, как привлекает гурманов пикантным запахом сыр «Рокфор». Во всяком случае, императрица Мессалина была в восторге от тех оргий, не обращая внимания на грязь вертепа. Кстати, само слово «проституция» произошло от латинского «prostituo» – т.е. «позорю, бесчещу».

Охота за женщинами. Рисунок на вазе

Большинство греков считало: чтобы найти доступ к сердцу женщины, не надобно ни серьезного образования, ни глубоких знаний. И все же умных влекли греческие гетеры (hetaira – подруга, любовница). Вероятно, они восполняли мужчинам лагуну, которая очень часто и почти неизбежно возникала в семейной жизни. Жена занята хозяйством, вечными хлопотами по дому, заботами о воспитании детей, уходом за ними, наконец, обслуживанием мужских прихотей или же мужского чреугодия. Разумеется, в богатых домах часть забот с нее снимали рабы, но рабство в Греции вначале не было массовым явлением. Главное все же не в этом. Мужчины Греции, видимо, как и многие другие, порой нуждались в присутствии женщин равного с ними образования и культуры. Не случайно возникли все эти Аспасии, Фрины, Гликерии, Таиды, Миррины, Ламии, Фаргелии, Лаиды, Леены, Феодоты и т.д. Мужчины, конечно, не могли обойтись без дам, и в свободное время шли к гетерам. Апухтин писал:

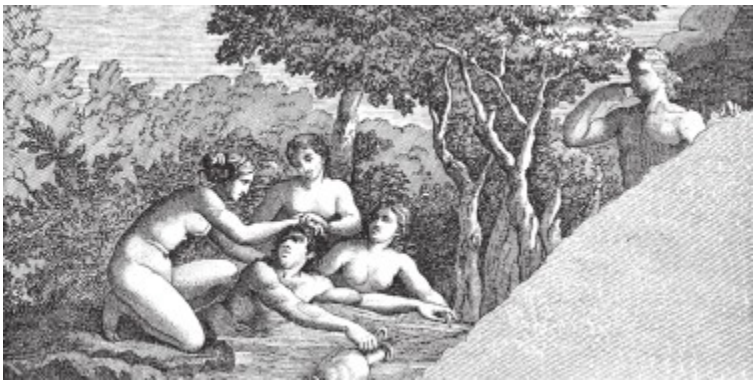
В изящной Греции гетеры молодые
С толпою мудрецов сидели до зари,
Гипотезы судили мировые
И розами венчали алтари…
Тот век давно прошел… К богам
исчезла вера,
Чудесный мир забыт… И ты,
моя гетера,
Твой нрав веселый не таков:
К лицу тебе твоя пастушеская шляпа,
И изо всех языческих богов
Ты любишь – одного Приапа.

Что представляла собой греческая или римская гетера? В разное время то была чаровница, искусительница, богиня, верная подруга и мудрая собеседница. Хотя прошлое предстает в розовой дымке, не столь уж сладкой и усыпанной розами была жизнь тех, кого зовут гетерами. Вот как в образно-художественной форме высказался о прелестницах той далекой эпохи русский поэт А. Н. Апухтин:

Где за преданием не пряталося
чувство,
Где были красоте лампады возжены,
Где Эрос сам был бог, а цель
была искусство;
Где выше всех венков стоял
венок певца,
Где пред напевами хиосского слепца
Склонялись мудрецы, и судьи,
и гетеры;
Где в мысли знали жизнь, в любви
не знали меры,
Где всё любило, всё, со страстью,
с полнотой,
Где наслаждения бессмертный

не боялся…

«Нимфы» (проститутки) обитали в публичных домах, учрежденных Солоном. Так гласила традиция. Дамы появлялись перед мужчинами в прозрачной одежде из тончайшей материи. Женщины – а там можно было подобрать партнершу на любой вкус (худую или толстую, высокую или низкую, молодую или средних лет) – готовы были ублажить вожделеющего мужчину за умеренную плату. При этом они – великие психологи – находили нужные слова для тех, кто чувствовал в первый раз естественную робость, называя в соответствии с возрастом или темпераментом их «папочкой», «братиком» или «юношей». По словам комедиографа Филемона, пребывание в «доме любви» стоило в Греции всего один обол. Это подтверждает и фрагмент из Диогена Лаэрция, где Аристипп, говоря об уносящем ноги из чужого дома прелюбодее, обзывает его ослом, который мог избежать опасности всего за один обол, то есть мог сходить в публичный дом, не испытывая судьбу в греховных шашнях с замужними дамами. Наряду с входной платой, принято было делать девушкам подарки (в пределах обола, драхмы, статера). Содержатели домов любви платили ежегодный налог государству, так называемый проституционный налог, который собирал специальный чиновник. Впрочем, многие гетеры были весьма образованны и могли потрафить любому вкусу. Такая женщина могла беседовать с вами на любые серьезные темы – поэзия, искусство, мода, нравы, политика. Однако большинство мужчин обычно довольствовались в компании дам иного рода общением.



Пьянящее чувство любовной страсти. Трое на одного

Пир с гетерами

В гинекее

Если же говорить о том, как выглядело положение женщин на поприще любви (а точнее, – на ее ложе), то, вероятно, римская женщина могла бы «дать фору» своим греческим подругам. Об этом можно судить по тем положениям, в которых те или другие дамы имели обыкновение отдаваться мужчинам. В Греции практиковалось использование следующих поз для женщин: на спине (supina), наклонившись вперед с опорой на колени или на четвереньках (prona), и наконец женщина сверху (pendula). Боковую позицию греки практически не знали. Так вот, дамы-гречанки обычно находились внизу (на спине, полусидя или полулежа – 38,2 %), а также под мужчиной (нагнувшись вперед с опорой на колени или же стоя на четвереньках – 41,8 %), а также над мужчиной (находясь сверху – только 20 % случаев). Это в какой-то мере говорит о социально-экономических или психологических установках и роли полов в

греческом обществе. У римлян же мы видим обратную картину… Римская матрона куда охотнее садится сверху, так сказать стремится оседлать мужчину, как боевого коня, требующего поводьев и шенкелей (сверху – 40,5 %), на коленях (нагнувшись вперед или на четвереньках – 15,5 %), наконец полусидя или полулежа (16,4 %), и лежа на спине (в полной их власти – 26,7 %). Тут всё – в деле вкуса. Хотя нельзя исключить, что положение женщины «на ложе любви» определялось в том числе и ее функцией родительницы, то есть за всем кроется еще и практический смысл.

А. Исачев. Гетера. У источника

Кто получает от акта любви больше удовольствия? Гесиодовский герой (Тиресий), который попеременно выступал в жизни то в роли мужчины, то женщины, пытаясь разрешить спор Зевса и Геры, поспоривших о том, кто из них получает большее наслаждение от соития (мужчина или женщина), ответил так: «Когда мужчина спит с женщиной, он получает одну десятую наслаждения, тогда как женщина – десять десятых». Гера рассердилась на такой ответ и отняла у Тиресия зрение. Хорошо, что только зрение, а могло быть и хуже. Ведь превратил же Зевс сестер Фаэтона за его проступок в тополя. Женщина-богиня может превратить мужчину в того, в кого захочет: в кабана, зверя, в оленя с рогами… Зевс из мужской солидарности, желая как-то утешить бедного Тиресия, наградил его даром прорицания и долгой жизни. Интересно привести и мнение древних

китайцев относительно женских преимуществ. В частности, в трактате «Дао дэ цзин» прямо сказано: «Самка всегда одолевает самца своим покоем. Пребывая в покое, она занимает нижнюю позицию» (параграф 62).

Пара на любовном ложе

Чаша для омовения

Эти сюжеты занимали всех… На эту тему обстоятельно и со знанием дела писал эпикуреец Тит Лукреций Кар в известнейшей поэме «О природе вещей»:

Также и способ, каким предаются
любовным утехам,
Очень существен, потому что
тогда достигают до нужных
Мест семена, коль опущена грудь
и приподняты чресла.
И в сладострастных отнюдь
не нуждаются жены движеньях.
Женщины сами себе зачинать
не дают и мешают,
Если на похоть мужчин отвечают
движеньем бедер
И вызывают у них из расслабленных
тел истеченье.

Этим сбивают они борозду с
надлежащей дороги
Плуга и семени ток отводят
от нужного места.
Эти движенья всегда преднамеренно
делают девки,
Чтобы не беременеть им
и на сносе не быть постоянно,
И утончённей дарить мужчинам
любовные ласки, —
То, что для наших супруг,
очевидно, нисколько не нужно.
Да и не воля богов, не Венерины
стрелы причиной
Служат того, что порой
и дурнушка бывает любима.
Ибо порою ее поведенье,
приветливость нрава
И чистоплотность ведут к тому,
что легко приучает
Женщина эта тебя проводить
твою жизнь с нею вместе.
И, в завершенье всего, привычка
любовь вызывает.
Ибо всё то, что хотя и легко,
но упорно долбится,
Всё ж уступает всегда и, в конце
концов, подается.
Разве не видишь того, как, падая,
капля за каплей,
Точит каменья вода и насквозь,
наконец, пробивает?

Повторим: греки и римляне не видели в плотской, чувственной любви позора, ибо ублажение тела, как их и учил великий Гиппократ, должно нести здоровье, если, конечно, сохранять все меры

предосторожности. Греки сохранили для истории иные атрибуты высокоценимого ими любовного ремесла, включая одежду и обувь жриц любви… Сохранилась обувь некой проститутки, что искала клиентов, блуждая по улицам, используя обувь, на подошвах которой слова «следуй за мной». Вероятно, эти слова отпечатывались на мягкой земле и охотник-мужчина, почуявший запах «дичи», мог легко найти ее по следу. Асклепиад в эпиграммах рассказывает о девушке по имени Гермиона, что носила пояс с вышитыми на ней цветами и надписью: «Люби меня всегда, но не ревнуй, если и другие будут иметь дело со мной». Похоже, речь тут шла о гетере.

О. Бердслей. Отношение женщин к отвергнутому любовнику

Показателен диалог и двух гетер в сатире Лукиана «Разговоры гетер». «Гликера. – Ты знаешь, Фаида, того воина, который прежде содержал Абротону, а потом сошелся со мной, того, что в хламиде с красной каймой, или забыла его? – Фаида. – Я знаю его, Гликера. Он еще пил с нами в прошлом году в праздник Молотьбы. А что? Ты что-то хочешь о нем рассказать? – Гликера. – Горгона, бессовестная, – я-то считала ее подругой! – втерлась к нему в доверие и отняла его у меня. – Фаида. – Теперь он не с тобой живет, а сделал своей любовницей Горгону? – Гликера. – Да, Фаида, это сильно меня задело. – Фаида. – Это нехорошо, Гликера, но это в порядке вещей: так обычно делается среди нас, гетер. Так что не надо ни слишком горевать, ни попрекать Горгону. Ведь и Абротона тебя не попрекала тогда за него, хотя вы были подругами. Я только удивляюсь тому, что нашел хорошего в ней этот воин, разве что он совсем слеп и не видел,

что волосы у нее жидкие и над лбом уже лысинка, и губы бледные и бескровные, и шея худая, так что на ней заметны жилы, и нос велик. Одно только, что хорошего роста и стройна да смеется очень заразительно. – Гликера. – Так ты думаешь, Фаида, что он ее за красоту предпочел? Разве ты не слышала, что Хрисария, ее мать, – колдунья, которая знает какие-то фессалийские заклинанья и умеет сводить луну с неба? Говорят, она и летает по ночам. Она свела его с ума, опоив любовным зельем, и теперь они обирают его. – Фаида. – Ну, так ты, Гликера, обирай другого, а с тем распростись». Ясное дело: требовать сердечной любви и привязанности от проститутки – это все равно что пытаться приковать ветер. Тем более что и женская натура не отличается большим постоянством. Ведь даже знаменитый Гиппократ как-то философски сказал о них: «Сколько звезд на небе, столько обманов таит женское сердце». У гетер были свои праздники и свои радости. Чтобы дать им почувствовать близость к общественной жизни, их даже в ряде случаев привлекали к богослужениям или официальным празднествам.

Мать и дитя

Наряду с известной свободой греко-римское законодательство было достаточно суровым в отношении внебрачных половых сношений с замужними и незамужними дамами. Так, греческие законы разрешали мстить за соблазнение матери, сестры, дочери, конкубинантки. Пойманный с поличным мог быть безнаказанно убит. По закону Селевка (VII в. до н.э.), автора древнейших писаных законов греков, прелюбодею выкалывали глаза. Позже нравы смягчились и стали наказывать менее сурово. У пизидийцев и кумейцев застигнутых

в прелюбодеянии мужчин и женщин сажали на ослов и возили их по городу. В Гортисе, на острове Крит, прелюбодею надевали венок из шерсти. Он не только подвергался всеобщему осуждению, но и должен был уплатить в общественную кассу 50 статеров, теряя гражданские права. В Лепреуме любовника и его сообщницу присуждали к пожизненному лишению прав. Вдобавок ко всему их еще подвергали позорной процедуре: его в течение трех дней гоняли связанным по городу, а даму в течение одиннадцати дней заставляли стоять в легком нижнем платье на рынке у позорного столба. В Афинах же, кроме денежного штрафа, в отношении нарушителей закона (то есть все тех же позорных прелюбодеев) могли применяться и гораздо более тяжкие телесные наказания. Все эти меры преследовали цель сохранить семью и обезопасить положение ребенка.

Сатир работы Барберини

Эта суровость в отношении любовных связей может показаться странной. Но тому были объяснения… Греки хотя и давали выход любовным страстям, эмоциям, но и сохраняли семью. Этот индивидуализм грека и азиата объяснил еще Ницше: «Он должен понимать женщину, как имущество, как собственность, которую можно запереть на замок, как нечто, предназначенное к покорности и

лишь в последней находящее свое завершение, – он должен опереться здесь на великий разум Азии, на ее превосходство в инстинкте, как делали это некогда греки, лучшие наследники и ученики Азии. От Гомера и до времен Перикла, по мере того как возрастала культура и расширялась мощь их, они, как известно, становились, шаг за шагом, все строже к женщине, т. е. «восточнее». Как необходимо, как логично, как по-человечески желательно это было, да поразмыслит каждый об этом про себя!» Однако нелепо ожидать, что, поработив женщину, привязав ее к домашнему очагу, сделав его слугой, он в то же время будет свободен по отношению к ней от обязательств. Мы имеем в виду прежде всего удовлетворение ее чувственных желаний и страстей. В этом отношении нельзя не согласиться с Вейнингером, который говорит: «Половой акт есть та плата, которую при всяком азиатизме мужчина обязан дать женщине за ее порабощение». А если он не платит ей полновесной «монетой»? Будь уверен, она получит ее где-то еще… И даже боги ее не осудят! Пифагор, Платон, Эпикур, христиане выступали за освобождение женщины. В то же время послабления были сделаны для богатых женщин: в случае если у богатой сироты муж оказался вдруг неспособен к брачному сожительству и не мог ее удовлетворить, та могла вступить в связь с кем-то из близких родственников мужа.

А. Исачев. Магия (магия любовного желания)

Семья и гетера мирно сосуществовали. Проституция превратилась в вполне законный институт античного общества, на что влияла вся атмосфера тогдашней жизни, с ее вечными войнами и походами, путешествиями, пленениями, захватами и насилиями. Там, где войны и шальные деньги, там всегда кормятся проститутки… В Греции и Риме проститутка стала постоянной и весьма желанной

спутницей военных лагерей. Так, целые обозы проституток выезжали в так называемые лагерные города, состоящие из бараков, кабаков и будок. Одни торговали вином, продуктами, различными вещами, другие торговали телом, охотясь за воинами… Сципиону пришлось даже силой выгнать из Нуманции 2000 проституток, чтобы сохранить какую-то дисциплину. Популярным местом, где женщины легкого поведения зарабатывали себе на жизнь, стала и высшая школа. Как известно, молодежь из разных концов античного мира направлялась на учебу в университеты Кремоны, Медиолана, Карфагена, Родоса, Тарса, Антиохии, Рима, Смирны, Александрии, Коринфа, Афин, Константинополя. В Афинах, помимо граждан Греции, было немало юношей из Малой Азии, Сирии, Понта, Фракии и Рима. В Смирне училась молодежь из Малой Азии, Греции, Финикии, Ассирии, Египта. Полные сил ребята представлялись гетерам лакомым куском.

Скульптура Менандра

Афродита Каллипига. Неаполь

Рождение Афродиты

Гетера в сравнении с проституткой то же, что изысканное фалернское вино в сравнении с пивом… Утолить на какое-то время жажду можно и вторым, но для подлинного пиршества души, ума и сердца, конечно же, нужна просвещенная и умная гетера… Античные народы считали, что приличный человек не может обходиться без их общества, если он хоть чего-то стоит как мужчина. Овидий в начале «Науки любви» решительно высказывается за такую любовь, воспевая любовь к гетерам, на которых не распространялись законы о браке. Законы были таковы, что они признавали чувственность и страсть прежде всего к женщинам-гетерам, хотя порой не возбранялись и чувства к мальчикам. Возможно, этим объясняется такой

удивительный факт: древняя эпическая поэзия греков, как и трагедия, не считает нужным воспевать любовь как страсть, как высокое человеческое чувство. Вы не найдете любовных сцен ни у Гомера, ни у Гесиода, ни у Эсхила. Романтический же элемент индивидуальной любви мог найти себе выход исключительно в любви к гетере. Связи Менандра с Глицерой и Перикла с Аспазией стали наиболее известным примером такого рода любовных отношений. Гетера – героиня античного мира.

Поэтому не стоит изумляться, если вы вдруг обнаружите, что отношение греков-мужчин к гетере (и прежде всего именно к возлюбленной, к даме его сердца и тела) было самым что ни на есть теплым и признательным. Например, в эпоху Полибия статуи красивых женщин устанавливались в храмах или в других общественных заведениях, а самые красивые здания Александрии носили имена прославленных флейтисток и гетер. Так статуи любовниц стояли рядом с политиками, героями, выдающимися военачальниками. Их образы, их заботы и думы предстают перед нами со страниц книг Лукиана, Махона Сикионского, Афинея. Известный законодатель Солон на доходы от учрежденных им в Афинах публичных домов (диктериад) построил храм в честь богини Афродиты, и не где-нибудь, а прямо напротив ее величавой статуи.

Ганс Бальдунг Грин. Три грации

Иные придерживаются мнения, что культ Афродиты был не чем иным, как культом проституции. Видимо, все же не зря ее еще называли в народе «Пандемос» – то есть всенародной, «Гетайра» – покровительствующая гетерам, или же «Порне» – то есть высочайшая чувственность, граничащая с пороком. Поскольку храм был окружен лесом, тут и собирались служительницы любви и вообще влюбленные. Подобные же храмы находились в Фивах, в Беотии и в Мегаполисе, в Аркадии. Рассказывая о жизни греков, невольно задумываешься о трансформации, которую за пару тысяч лет претерпел институт проституции в мире. Следы древней профессии в наше время можно увидеть почти на каждом шагу в достославной Москве, Петербурге, в портовых городах, шоу-бизнесе, политике и в науке. Сколько граждан пострадало из-за неестественной (или, быть может, все же естественной?) любви к одалискам и гетерам. Глядя на то, в какие вертепы превратились города благополучной Европы и Америки, Азии и Африки (ныне, к величайшему стыду, и России), особенно ясно понимаешь всю чудовищную суть капитализма как строя, пусть даже он и предстает в демократической маске. Торговля живыми людьми

нигде не демонстрирует столько жестокости и дикой злобы, столько ненависти и презрения к человеческому существу, как в этой сфере. Порядки эти должны быть уничтожены, стерты с лица земли как недостойные.

Ведь и проституция существовала не всегда. Надо помнить то, что патриархальная Греция не знала проституции как института общественной жизни. К тому же большая часть простого народа (особенно в деревнях и сельской местности) жила по иным законам, нежели «более цивилизованные» города, особенно столицы, крупные полисы и шумные порты. Поэтому основой и гарантом семейного покоя был строгий надзор за женой, заточенной на своей половине, составлявшей важнейшую часть мужских владений. Родовитые афинянки выходили замуж рано – и девственницами, но не разделяли социального положения мужа. Мужчины женились поздно (обычно не раньше 30 лет). Поэтому от них никто и не требовал особой святости. Но когда жена выражала ему все неудовольствие по поводу его «милых шалостей» на стороне, он, «стыдливо» потупясь, отвечал словами Феогнида: «Нет на земле никого, кто был бы совсем безупречен».

Греки, «породившие» науку и философию, заложившие основы рационального отношения к жизни и природе, конечно же, не могли обойти стороной и систему экономических отношений. Важную роль в жизни социума приобретал фактор наследственности, ну и, разумеется, богатства и семейного достатка. Уже тогда на эти обстоятельства обращали внимание как мужчины, так и женщины (последние – в особенности). Дело в том, что со временем сам греческий брак изменился. Все чаще он становился браком по расчету. Греки любили деньги. Да и кто их не любит?! Материальные соображения выдвигались на первый план. Блох отмечает, что брак становился все чаще «необходимым злом», а вот заключение брака по взаимной склонности, ввиду замкнутой жизни дозамужних девушек, наблюдалось все реже. Правило же составляли денежные браки и подходящие браки по расчету. Последствием такого порядка вещей стала почти полная подчиненность женщины в семье, отстранение ее от всех мужских интересов и, как неизбежное следствие, отстранение и самих мужчин от своих жен. Кроме того, как выразился Антисфен из Афин (450—360 гг. до н.э.): «Красивая жена – общее достояние, некрасивая – наказание мужа». Хотя понятно, не всем же дамам быть

писаными красавицами. Большая их часть были обычными, рядовыми, ничем особо замечательным не выделяющимся существами. Поэтому показателен стих византийского поэта и историка Агафия, названный им «Жалобы женщин»:

Юношам легче живется на свете,
чем нам, горемычным,
Женщинам, кротким душой.
Нет недостатка у них
В сверстниках верных, которым
они в откровенной беседе
Могут тревоги свои, боли души
поверять,
Или устраивать игры, дающие
сердцу утеху,
Или, гуляя, глаза красками
тешить картин.
Нам же нельзя и на свет поглядеть,
но должны мы скрываться
Вечно под кровом жилищ,
жертвы унылых забот.

Легионер на посту

Впрочем, и честные порой «давали слабинку». О такой благонамеренной супруге из Эфеса повествует одна история, которую рассказывает Петроний… Жила-была в Эфесе матрона, отличавшаяся столь великой скромностью, что даже из соседних стран ехали посмотреть на нее. Приезжали и дивились, надо же, какая верная жена! Но вот случилось так, что ее муж умер. Не удовольствовавшись принятым обычаем бить себя в обнаженную грудь и провожать покойника с распущенными волосами, убитая горем женщина последовала за ним в могилу. Когда тело мужа поместили в подземелье, она осталась его там охранять, день и ночь проливая слезы. Горе ее убивало. И тогда вдова решила уморить себя голодом, ибо не видела смысла жизни без мужа. Ни родные, ни близкие, как ни старались, не могли отклонить ее от такого решения. Все плакали, но что они могли сделать. Пять дней и ночей сидела несчастная женщина в гробнице при тусклом свете лампады, рядом с ней ее верная служанка. В городе только и разговоров было что про вдову, которая так сильно любит своего покойного мужа. Все сошлись на том, что раньше никому не пришлось видеть и слышать ничего подобного –

такой верной любви! Тут произошло событие, косвенным образом повлиявшее на дальнейшую судьбу женщины. Правитель области повелел распять несколько разбойников неподалеку от места, где был захоронен ее муж.

Возле крестов с разбойниками поставили на стражу солдата. Вечером тот заметил свет среди памятников, услышал стоны несчастной вдовы. Заинтригованный солдат поспешил разузнать, что это там происходит. Он спустился в сей склеп и онемел от испуга, увидев красивую молодую женщину, что, подобно призраку, склонилась над гробом. Расспросив служанку, он понял суть происходящего. Тогда он принес в склеп свой скромный обед и принялся убеждать женщину в том, что будет лучше для нее, если она перестанет так убиваться и немного покушает. Женщина, слушая его увещевания, только еще сильнее причитала, царапала свою грудь, вырывала волосы и осыпала ими мужа-покойника. Но солдат не привык отступать. Он вновь и вновь уговаривал бедняжку вкусить пищи. Он и сам выпил рюмку-другую, и закусил, говоря, что лучшей трапезы у него еще не было (судя по всему, он не принадлежал к породе тех, кого зовут «стойкий оловянный солдатик»). Первой тут не выдержала служанка. Она сама выпила вина, немного поела, сразу же оживилась и стала увещевать уже свою госпожу. «Что пользы в том, если ты умрешь голодной смертью? Что это тебе даст? Не лучше ли насладиться благами жизни, пока она в нас?» Вдова, которая к тому времени так проголодалась, что у нее тряслись от голода ноги и подсасывало во всех местах, наконец склонилась к уговорам и стала есть с превеликим удовольствием.

Поев, отогревшись пищей, вином и душой, вдова стала чуть более благосклонно прислушиваться и к другим увещеваниям солдата. А так как женщина она была очень красивая, солдатик захотел и сам вкусить от ее щедрот. Он принялся атаковать ее стыдливость. Парень-то был очень даже видный, да и словом владел недурственно. Служанка также постаралась вернуть ее к жизни, ибо зачем ей умершая госпожа?! И тут уж та часть тела знатной дамы, что нуждается у женщин в пище телесной, причем еще в большей степени, чем желудок, не вынесла долгого воздержания и также открыла свой прелестный ротик… В итоге они занимались любовью несколько ночей подряд, заперев двери. Солдат ходил только за пищей для всех троих. Видимо, так

весело и шумно проводили они время, что не услышал страж, как родственники одного из бандитов сняли с креста тело и захоронили его, что строжайше запрещено законом.

Дж. Рейнолдс. Амур развязывает пояс Венеры. XVIII в.

Когда же солдат увидел, что на крестах отсутствует один труп, он страшно испугался возможного наказания. И тут же обо всем рассказал вдове, которая стала его любовницей. Заявив, что его ждет наказание, он в отчаянии воскликнул, что сам собственным мечом убьет себя за этот проступок, не дожидаясь суда. Он попросил женщину положить его труп потом в гробницу, где они занимались любовью. Мудрая и сострадательная женщина воскликнула: «Нет, я не допущу того, чтобы за столь короткое время мне пришлось бы потерять сразу двух близких мужчин. Предпочту повесить мертвого, чем погубить живого!» Сказано – сделано, и ее покойный муж перекочевал на крест вместо разбойника. В итоге все участники этой истории обрели покой и счастье, включая покойного мужа. Последний был так счастлив в жизни, что, вероятно, только порадовался успехам своей очаровательной жены, нашедшей нового мужа.

О. Бердслей. Экзаменовка. 1896 г.

Как видим, главным назначением женщин были заботы семейного круга, или, если иметь в виду всех женщин без исключения, ублажение духа и тела господина. Иные женщины, включая тех же гетер, оказались преданными и умными подругами. Так, известная своим умом Гиппархия, которая могла посрамить в споре кого угодно, влюбившись в Кратета, фактически стала ему прислугой, а по сути дела – рабой. Вот как Диоген Лаэртский описывает ее любовную историю: «Она полюбила и речи Кратета, и его образ жизни, так что не обращала внимания ни на красоту, ни на богатство, ни на знатность своих женихов: Кратет был для нее всё. Она даже грозила родителям наложить на себя руки, если ее за него не выдадут. Родители позвали самого Кратета, чтобы он отговорил их дочь, – он сделал всё, что мог, но не убедил ее. Тогда он встал перед нею, сбросил с себя, что было на нем, и сказал: «Вот твой жених, вот его добро, решайся на это: не быть тебе со мною, если не станешь тем же, что и я». Она сделала свой выбор: оделась так же, как он, и стала сопровождать мужа повсюду, ложиться с ним у всех на глазах…»

Порой выбор жены или мужа напоминал покупку на рынке жеребца или быка, которого, прежде чем совершить сделку, всего ощупают… Впрочем, перед браком предпочитали щупать и осматривать не телесные или умственные достоинства, а карман избранника (избранницы). Водятся ли денежки и собственность? По поводу нравов эпохи откровенно высказался Феогнид, заметив: «Мы

ищем породистых баранов, ослов и коней; всякий хочет, чтобы они происходили от добрых. Но честный муж, не колеблясь, берет в жены дурную, дочь дурного, если тот дает ему много денег (в качестве приданого), и женщина не отказывается быть женой богатого дурного мужа и предпочитает состоятельного доброму». Все это указывает не только на биологические аспекты воспроизводства рода, в некотором роде «как это происходит у домашних животных», но и на возрастающее значение материального момента при выборе стороною невесты и жениха. По мнению поэта, богатство тут выступает скорее разрушительным, чем созидательным фактором. Феогнид говорит: «Они ведь почитают деньги, и честный берет в жены дочь дурного, а дурной – дочь доброго; богатство перемешало род».Судя по всему, автор не приветствует такое сближение родовитых аристократов и неродовитых богачей.

Тем не менее многие женились и по любви. Показательна история Дафниса и Хлои, типичных молодых людей, описанных греческим писателем Лонгом (II—III вв. н.э.). Автор в предисловии говорит, что эту повесть о любви он нашел на Лесбосе, охотясь: «Ведь никто любви не избежал и не избегнет, пока есть красота и глаза, чтобы ее видеть». Далее он рассказал, как двое молодых людей росли вместе и полюбили друг друга. Дафнис был подкидышем, а его родители принадлежали к знатному роду. Хлоя же была простой крестьянской девушкой. Жизнь их протекала просто, в трудах и заботах. Они пасли коз и овец. Однажды их застала ночь, и их посетил Эрот. Ночь стала для них школой. Они поцеловались, чего никогда раньше не делали, крепко обнялись и руки сплели, но «третье средство применить не решились, – снявши одежды, на землю лечь». Слишком уж смелым оно показалось не только девушке скромной, но и юноше. После другой бессонной ночи, которую они провели в муках, их посетила горькая мысль: «Целовались мы – и без пользы; обнимались – лучше не стало. Так, значит, лечь вместе – одно лишь лекарство от любви. Испробуем и его: верно, в нем будет что-то посильней поцелуев». В конце концов в романе все заканчивается благопристойно, как и положено в приличном обществе. Молодые поженились, легли на ложе нагими и, проведя бурную и бессонную ночь, впервые поняли то, что «всё, чем в лесу они занимались, были всего только шутки пастушьи». И все же более активная жизнь в городах накладывала свой отпечаток.

Возможно, именно поэтому Платон включил в свой «Пир» речь Аристофана о значении любви как нечто комическое, скорее как нечто пьянящее и возбуждающее, чем серьезное.

Прекрасная Венера

Разумеется, в семейной жизни всякое бывало. Отношения между супругами далеко не всегда складывались идеальным образом. Вспомним слова Медеи (хотя она и говорит их в гневе и запальчивости, когда узнает о намерении мужа ее бросить): «Да, между тех, кто дышит и кто мыслит, нас, женщин, нет несчастней. За мужей мы платим – и недешево, а купишь – так он тебе хозяин, а не раб… И завиден удел жены, коли супруг ярмо свое несет покорно. Смерть иначе. Ведь муж, когда очаг ему постыл, на стороне любовью сердце тешит…» В Медее, это очевидно, говорит сердце уязвленной, смертельно оскорбленной и покинутой мужем женщины.

Ганс Бальдунг Грин. Три возраста человека. 1539 г.

Но тут все же исключительный случай… Более обычной и часто встречающейся ситуацией было наличие любви в типичной греческой семье, или по крайней мере тесной привязанности мужа и жены друг к другу. Любви преграды неведомы. Самые высокие особы и выдающиеся граждане любили женщин и были от них без ума, будь то Перикл с его Аспасией, Гиппархия, полюбившая философа Кратета и ради него покинувшая свой дом и перенявшая образ жизни философа, или царь Антиох, влюбившийся в мачеху, жену своего отца Селевка (бедняга так влюбился, что даже заболел). Он упросил отца (умолил его) разрешить ему жениться на мачехе, а затем основывал в ее честь города и даже заставил греков обожествить ее и поклоняться ей как богине.

Чувства мужчин. Эраст и эромен. Берлин

Согласно вкусам античности, женщина в возрасте 35—40 лет была «наилучшим лакомством» для мужчин любых возрастов. Мужчины признавались: «Ах, Филина, люблю я смеющуюся морщинку около твоего глаза, не сочной молодости, а опытности создание. Когда мои жадные руки охватывают твой пышный стан, грудь твоей дочки (уже) не прельщает меня. Мне люба зрелая осень, и для нее я забываю весну». Глубокое уважение греков к прародительницам рода человеческого видно и в том, что они создали около 600 года до н.э. «Каталог женщин» (школа Гесиода), в котором были перечислены одна за другой все родоначальницы известных греческих семей.

Фрагмент любовной сцены. Краснофигурная ваза

Любовные интересы греков, как вообще их преклонение перед красотой, отмечались всеми, кто когда-либо касался этих волнующих сюжетов. Существование любовных эпиграмм, массы словесных, скульптурных и художественных образов людей и богов, пораженных стрелами Эрота, указывает на то, сколь всеохватывающей и неодолимой была эта страсть. Архий Митиленский писал: «Надо бежать от Эрота? Пустое! За мною на крыльях он по пятам, и пешком мне от него не уйти!» Читая такого рода признания, легко впасть в невольное заблуждение, представляя греков народом, только и занятым различного рода любовными утехами. В действительности же жизнь греческих полисов протекала, во-первых, скорее в мужском кругу и, во-вторых, представляла извечное соперничество полов. Поэтому греки противопоставляли пары – мужчину и женщину, друзей и врагов, греков и варваров. Возможно, в этом видны отголоски борьбы матриархата и патриархата, но к женщинам они относились строже, чем к мужчинам.

К сожалению греки и римляне не делали различия между гомосексуализмом (homos – равный, одинаковый, sexus – пол) и гетеросексуализмом. По Платону, признавшего Эрота великим богом, любовь может быть как к женщине, так и к мужчине. Причины часто встречающейся любви мужчины к мужчине (к юноше) достаточно известны. Мы тут особо распространяться на эту тему не будем. Однако общие причины такой ситуации пояснить все-таки нужно. С одной стороны, в древнем обществе исключительно высока была роль мужчины в воспитании юноши (воина, ритора, философа, политика), с другой, сама жизнь в отрыве от дома и служба в армии способствовала подобным связям. К тому же каждый «достойный» мальчик 12—16 лет (эромен) должен был иметь своего эраста (т.е. воспитателя). Воспитатели делили с ним не только «добрую славу и бесчестье», но зачастую и ложе. Говоря о «священном отряде» из Фив, где все 300 воинов практически находились в любовной связи друг с другом, Ксенофонт заметил, что «нет сильнее фаланги, чем та, которая состоит из любящих друг друга воинов». И действительно, в жестокой битве против македонцев при Херонее (338 г. до н.э.) все фиванцы погибли, но ни один не покинул поля боя, не оставил товарищей. К тому же, скажем, в Спарте мужчины-воины получали право женитьбы довольно поздно (к 30 годам). Женщин выдавали замуж рано, так что она часто

годилась мужу в дочери. Это подталкивало их к нетрадиционным отношениям с замужними дамами (связи с незамужними женщинами запрещались). Общественные нравы были таковы. Слов из песни не выкинешь. В Греции устраивали специальные праздники, служившие прославлению отроческой и юношеской красоты. Так, на весеннем празднике Диоклии в Мегарах устраивались состязания мальчиков и юношей в поцелуях, в Спарте существовал праздник обнаженных юношей, в Феспиях приз за лучшую песню о любви к мальчикам вручали на празднике Эрота. Идеал греческой красоты создавался на основе статуй прекрасных мальчиков (куросы). Женщина считалась красивой, если она обладала фигурой, более похожей на мальчишескую. Приведенные данные нельзя считать общим и единственным правилом. Законы Солона строго запрещали рабу вступать в связь со свободнорожденным мальчиком. К лишению гражданских прав могли приговариваться те, кто склонял мальчиков к занятиям проституцией, хотя государство чаще ограничивалось лишь штрафами. Молодежь все же старались уберечь. Владельцы гимнасиев не должны были пускать в заведения посторонних мужчин.

Все вышесказанное, полагаем, в какой-то мере объясняет и повсеместный культ фаллоса, существовавший по всему миру, а не только в одной Греции. Особенно славился своей раскрепощенной атмосферой праздник Дионисий, устраивавшийся в марте – апреле и часто сопровождавшийся бурными оргиями… Оргия в древности – это отнюдь не разврат, но священнодействие (по крайней мере, так ее понимали в античное время). Греки рассматривали сексуальность как божественный дар, как непременную часть человеческой красоты и здоровья тела. Греки, разумеется, придавали празднествам культовый оттенок. Скажем, на праздновании Дионисий колонии и союзники афинян должны были присылать дары в виде фаллоса. Самый большой 60-метровый фаллос, украшенный золотой звездой, по описаниям, носили на празднике Дионисий в Александрии, о чем есть документальное подтверждение Калликсена Родосского.

Идеальный греческий член. Музей терм. Неаполь

Античный автор дал в нем подробное описание красочных фаллофорий (шествия с фаллосом), происходивших в этом городе в 275 году до н.э. Вероятно, это было и в самом деле потрясающее зрелище, даже почище нынешнего красочного карнавала в Рио-де-Жанейро… Ученые пишут: полмиллиона человек наблюдали, как золотой символ эрекции и власти проносили по улицам города одетые сатирами красивые мальчики или гетеры в сопровождении эфиопов, слонов, обезьян, леопардов, белых медведей, носорогов и жирафов. После его прохождения несли позолоченную статую Зевса, в сопровождении пятидесяти тысяч солдат. В разных концах Греции устраивались празднества в честь Афродиты, в том числе и на Кипре, где неподалеку от города Пафос та родилась, выйдя из морской пены (по преданию, пена возникла после того как в море в этом месте упал фаллос бога Урана, отсеченный титаном Кроносом).

Римская карикатура на греческих карликов Помпеи

Перед праздником женщины и мужчины в течение девяти дней воздерживались от половой жизни, чтобы во время этих торжеств и

увеселений, что называется, отвести душу. Е. Койлс в книге «Империя фаллоса» пишет: «В греческом обществе фаллос редко является просто фаллосом, чаще он является космогоническим символом – axis mundi (ось мира) – вокруг которой вертится вся греческая культура… Он стоит как восклицательный знак, подтверждающий все грани мужского доминирования в греческом обществе. Мужественность – это идеал, и в этом суть приверженности основным греческим ценностям – самоконтролю, порядку, ясности, рационализму, цивилизации, борьбе с природой, славе героя и победе в войне». Член – символ ума и рода. Не случайно Платон полагал, что идея всегда активна, плодородна и мужественна, как фаллос, а Аристотель говорил: «Сеятель, отец – вот кто настоящий родитель, женщина – только цветущая пашня» (или «борозда, в которую помещается семя»).

Б. Строцци. Сарептская вдова. 1625—1630 г.

В афинском обществе господство мужчин было непререкаемым. Жизнь женщины ограничивалась в основном домом. Она редко бывала в городе. Аккерман пишет в «Любви в истории»: «Женщины в Афинах не имели таких прав, как мужчины. Политика была им не по плечу, считалось, что женщины по своей натуре существа иррациональные, истеричные, помешанные на сексе и кушаньях. Участие в самоуправлении требовало строгой рациональности. Не допускались они и до горячих диспутов. Жена не разделяла трапезы мужа, а если тот приводил в дом гостя, всем женщинам полагалось ретироваться на свою половину. На любую женщину, оказавшуюся в обществе мужчины – даже если они вели невинную беседу, – смотрели как на преступницу.

Иным было положение у римлянок… Жена Брута, Порция, говорит мужу: «Я вошла в твой дом не для того, чтобы, словно наложница, разделять с тобой стол и постель, но чтобы участвовать во всех твоих радостях и печалях». В свою очередь и Брут, прощаясь с женой навек, замечает, что никогда бы не посмел сказать ей, подобно какому-то греку: «Тканьем, пряжей займись, приказывай женам домашним» (прощание Гектора с Андромахой). Римская женщина чувствует себя равной мужчине. Это признавали и сами греки. Элиан говорит, что немногочисленные имена известных гречанок буквально тонут «в именах римлянок».

Но это вовсе не значит, что греки плохо или пренебрежительно относились к женщинам. В греческой литературе женщинам посвящено много нежных строк, а сцены из домашней жизни, которые мы находим на вазах, изображены с трогательной любовью». Идея счастливой жизни для греков, вне всякого сомнения, включала в себя наличие дружной и крепкой семьи, детей, скромной собственности и крепкого здоровья (физического и духовного). Нельзя согласиться с теми, кто говорит, что для любви в жизни греков якобы «не было места»… Было, и вы имели возможность в этом убедиться читая нашу книгу.

Другое дело, что под «любовью» понимались самые разные чувства и отношения между людьми. Потому Сократ в «Пире» Ксенофонта крайне осторожно замечает: «Никерат, как мне говорили, действительно любит свою жену и она любит его тоже». Женщины (да и очень многие мужчины) вообще не могли себе представить жизни вне брака (в своей массе). В этом случае они выглядели бы в глазах общества как безнадежно больные, страшные уродины или как те, кто за что-то проклят богами. И неслучайно в иных эпитафиях на смерть девушек как о величайшем несчастье говорится о том, что они так и не познали жизни в браке. Женщины умели любить – это бесспорно. И самый классический пример все та же Аспасия, о которой поэт А. Майков написал:

Аспасия
Что скажут обо мне теперь
мои друзья?
Владычица Афин, Периклова

подруга,
Которую Сократ почтил
названьем друга,
Как девочка, люблю, томлюсь
и плачу я…
Всё позабыто – блеск, правленье,
государство,
Дела, политики полезное коварство,
И даже самые лета… но,
впрочем, нет!
У женщин для любви не существует
лет;
Хоть, говорят, глупа последней
страсти вспышка,
Пускай я женщина, а он еще
мальчишка,
Но счастье ведь не в том, чтобы
самой любить
И чувством пламенным сгорать
и наслаждаться;
Нет, счастием его дышать
и любоваться
И в нем неопытность
к блаженству приучить…

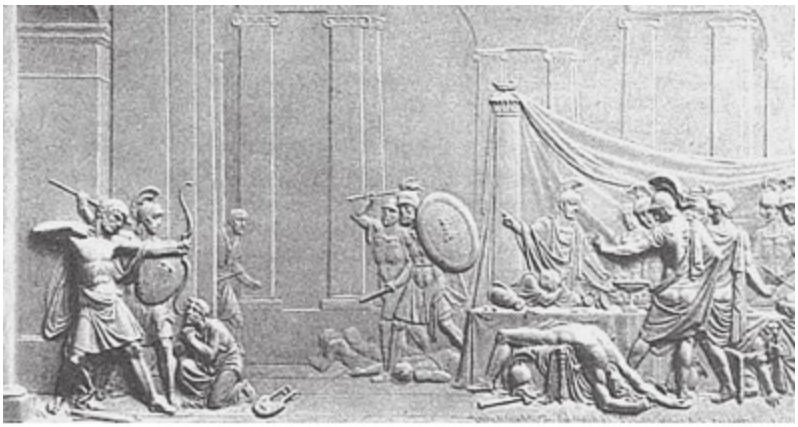
И хотя в могильных эпитафиях греки были довольно скромны при выражении их чувств к женщинам, в жизни мужчины часто повторяли слова, обращенные к своим возлюбленным: «О вас, моих милых, думы вовек неизменны» (Сапфо). Любя дам, одни из них предпочитали следовать совету Гесиода: «Умный мужчина пробует всё и останавливается на лучшем, чтобы избежать брака, над которым бы злословили его друзья», или – совету Антисфена: «Мудрец женится, чтобы иметь детей, притом от самых красивых женщин; он не будет избегать и любовных связей – ибо только мудрец знает, кого стоит любить». Разумеется, тут у каждого мужчины свои резоны и причуды, своя философия. Иные твердо были убеждены, что сходиться нужно с

теми женщинами, которые «сами за это будут им глубоко благодарны». Надо сказать, что последние представляются нам самыми мудрыми. Что толку в женщине, которая любит вас из одолжения или из-за денег?! Ее объятия фальшивы, а поцелуи подобны укусу змеи.

Куртизанки. Рисунок на сосуде для воды

Подведем итог… Женщины в Афинах были лишены тех прав, каковыми обладал мужчина. Все прелести свободы, политики, дискуссий, наук, симпозиумов – всё это было уделом мужчин… Женщины далеко не всегда выглядели столь свободными и всевластными, как это обстояло в Спарте. По общему мнению, афинские женщины обладали не боўльшими политическими и гражданскими правами, чем рабы. Аспасия – это скорее все же исключение из общих правил. У простых девушек не было возможности получить даже элементарное образование. И в брак гречанки вступали зачастую также не по своей воле, почти всю жизнь проводя на домашней половине (гинекее). О ее «правах человека» говорит и такая многозначительная деталь: женщина не имела права вынести из дому больше трех предметов одежды, еды и питья стоимостью больше, чем на один обол. Ей категорически запрещалось заводить не то что там какие-то шашни, но даже обычное знакомство с кем-либо из мужчин. Они почти их не видели. Когда некоему правителю сказали, что у него дурно пахнет изо рта, он набросился с упреками на жену, почему та не сказала ему об этом, на что она невинно возразила: «Я думала, что все мужчины так пахнут». Многие держали жен в так называемых гюнайконитах (женских комнатах), закрывали на замки и охраняли с помощью свирепых собак. Зато в доме она царила безраздельно и была госпожой. И все же многие

оказывались в положении Пенелопы, вынужденной ждать годами их непутевых мужей, которые пропадают где-то в чужих землях. И у этих бедняжек не было не то что женихов, но хотя бы робких поклонников или воздыхателей.



Избиение Одиссеем женихов Пенелопы

И все же нам хотелось бы столь близкую каждому из нас тему закончить самым приличным и подобающим теме образом… В конце концов всему венцом в жизни является любовь. Поэтому даже на том жизненном пиру, что описывает Ксенофонт Афинский («Пир»), после страстной речи Сократа о любви и представления балета с изображением любви Диониса и Ариадны, после огненных танцев женщин и игры флейтисток, все гости веселого собрания, устроенного в честь победителя в борьбе на Панафинеях – Автолика, поклялись обзавестись супругами как можно скорее, и даже женатые, вскочив на коней, во всю прыть понеслись домой, чтобы как можно скорее попасть в объятия своих жен. Прекрасный миф, который еще восхитительнее по той простой причине, что в огромном большинстве случаев он – чистая правда…

Женщина идет в кладовую

Саркофаг супругов. Национальный музей вилла Джулия

Большинство не рождено для похождений подобных тем, коими прославился Зевс, непосильны им и подвиги Геракла. Но если путь мудрости и подвигов для иных из вас труден, то совершите хотя бы один подвиг – подвиг любви – и жизнь ваша будет прожита не зря!

Надгробная плита в честь матрон

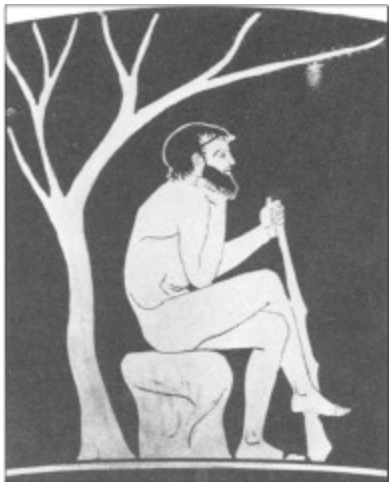
Глава 2. НАУКА И ПОЛИТИКА. ВОЙНА И МИР

С тех самых пор, как мои занятия античным миром приняли сознательный и самостоятельный характер, он был для меня не тихим и отвлекающим от современной жизни музеем, а живой частью новейшей культуры; я видел преимущественное значение античности в том, что она была родоначальницей тех идей, которыми мы и ныне живем.

Ф. Зелинский. Из жизни идей

Наука и техника в Древней Греции

Когда жители при вторжении дорийцев бежали из Греции, они расселялись вдоль западного побережья Малой Азии. Места получили наименование Ионии. Рассказ о греческой научной мысли можно начать с упоминания имени Прометея. Легенда гласит, что Гефест, по указанию Зевса, якобы приковал его к скалам Кавказа за то, что он отдал людям огонь. Прометея называют «творцом человечества» и относят к титанам. Видимо, героя правильнее было бы назвать творцом знаний и техники.



П. Стаджи. Прометей, дающий жизнь

В «Мифах Древней Греции» Грейвс пишет: «То, что Прометей оказался прикованным к Кавказским горам, может быть легендой, с которой эллины познакомились во время своего переселения с берегов Каспийского моря и в которой говорилось о великом Морозе, лежащем (где-то там) на снегах горных пиков в окружении стаи стервятников». Прометея не зря называют «промыслителем». В трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» сказано о причине, по которой Зевс наказал его. Это все из-за того, что он ум и сметливость в людях, «дотоле глупых, пробудить посмел»:

Об этом не затем, чтоб их кольнуть,
скажу,
А чтоб понять вам, как я к людям
милостив.
Они глаза имели, но не видели,
Не слышали, имея уши. Теням снов
Подобны были люди, весь свой
долгий век
Ни в чем не смысля. Солнечных
не строили
Домов из камня, не умели плотничать,
А в подземельях, муравьями юркими,
Они без света жили, в глубине пещер.
Примет не знали верных, что зима идет,
Или весна с цветами, иль обильное
Плодами лето, – разуменья не было
У них ни в чем, покуда я восходы звезд
И скрытый путь закатов не поведал им.
Премудрость чисел, из наук
главнейшую,
Я для людей измыслил и сложенье букв,
Мать всех искусств, основу всякой
памяти.
Я первый, кто животных приучил
к ярму,
И к хомуту, и к вьюку, чтоб избавили
Они людей от самой изнурительной

Работы. А коней, послушных поводу,
Красу и блеск богатства, я в повозки
впрег.
Не кто иной, как я, льняными
крыльями
Суда снабдил и смело по морям погнал.
Вот сколько ухищрений для людей
земных
Придумал я, злосчастный…
Еще не так удивишься, выслушав
Других искусств, открытых мною,
перечень.
Важнейшие сначала. Прежде не было
Спасенья от болезней. Ни травы такой,
Ни мази, ни питья не знали смертные
И гибли без лекарства до тех пор, пока
Я всяких смесей болеутоляющих
Не указал им, чтобы любой
пресечь недуг.
Я ввел разнообразные гадания
И первый распознал, какие сбудутся
Сны и какие – нет. И темных
знамений,
И знаков придорожных объяснил
я смысл…
Вот как все было. А богатства,
скрытые
В подземных недрах – серебро
и золото,
Железо, медь, – кто скажет, что не я,
а он
Их обнаружил первым и на свет
извлек?
Короче говоря, одну ты истину
Запомни: все искусства —
Прометеев дар.

Воспринимали его по-разному: от восхищенного преклонения – у Эсхила – и до осуждения и низложения – у Гесиода и Горация. Эсхил называл его Другом Людей и Филантропом. Став творцом нарождающейся в Греции цивилизации, Прометей выступает символом творческих начал. Он побудил людей всерьез заняться наукой. Бердяев назвал легенду мифом о возникновении человеческой культуры, Прометея – истинным отцом человеческой культуры («Философия свободного духа»). Следы культа Прометея можно увидеть в Афинах, в центре ремесел, в Афинской академии ему установлен памятный жертвенник. К. Маркс справедливо называл его «самым благородным святым и мучеником в философском календаре».

Прикованный Прометей

Жизнь должна была со временем внести некие коррективы в представления людей о природе и окружающем их мире. За этим следует перестройка мировоззрения. В греках ожил протест против увлечения мифами и богами. Вот как охарактеризовал этот этап человеческого развития В.И. Вернадский в «Трудах по всеобщей истории науки»: «Зарождение научной мысли было формой протеста против обычной народной мудрости или учений религии. По-видимому, это совершилось за шесть столетий до н.э. в культурных городских общинах Малой Азии». И все же самые первые и робкие шаги в новом направлении мышления еще не означали появления науки.

Саркофаг Прометея. Музей Капитолия в Риме

Костяк научных представлений греков формировался на стыке знаний и мифа. В основе поиска лежало материальное начало. В Египте, Вавилоне, Индии, Китае, Греции издавна существовало предположение, что мир имеет некое физическое первоначало. И представлено оно предвечным Океаном, скоплением частиц или Хаосом. Уже в произведениях Гомера и Гесиода видны эти скрытые символы.

Финикиец Кадм прибыл в Беотию обучать ремеслам

«С самого начала и скажите, что из них возникло первым. Первонаперво возник Хаос (Бездна)» (Гесиод. «Теогония»). Кстати говоря, известно, что китайцы полагали, что мир и жизнь возникли из хаоса. Греки постепенно сформируют основу базы научных знаний, откуда в дальнейшем и поведет отсчет европейская наука. Им же принадлежит идея о цикличности исторического развития. Извечно человеческий род переживает региональные катастрофы, в ходе которых гибнет большая часть наук и искусств. В итоге последующие поколения вынуждены открывать всё или почти всё заново. В таком духе писали Платон, Аристотель, Тит Лукреций Кар и др. Что же касается времени

зарождения наук, то Феофраст считал, что первооткрыватели наук жили в период, предшествующий Троянской войне. С этого периода, теряющегося во тьме и дымке аттической дали, греки и ведут историю происхождения своей культуры. Ионических натурфилософов Фалеса и Анаксимандра (VI в. до н.э.) считают основателями космической физики. Философ-естествоиспытатель Эмпедокл (V в. до н.э.) в стихотворном сочинении первым опишет действия вулканов. Страбон с Геродотом соберут ценные сведения о земледелии, геологии и климате древнего мира, водных ресурсах Египта и других районов. Врач Гиппократ составит первый очерк физического землеведения, высказав важную мысль о делении поверхности Земли на разные климатические зоны, а земного шара – на северное и южное полушария. Этот гениальный ученик Эскулапа намного опередил свое время. Тогда все (включая Гомера с Гесиодом) представляли Землю плоской или цилиндрической. Заслуга же врачей-гиппократиков в том, что они не только определили место человека в окружающей среде, но и стали рассматривать медицину как один из важнейших факторов прогресса общества. Прометей у Эсхила говорит, что показал людям «смеси успокаивающих лекарств, с помощью которых они устраняют болезни». Софокл причисляет медицину к самым удивительным изобретениям человека, «который сумел измыслить средства избежать неизлечимых болезней» и т.д. И вообще, тема «научного прогресса» становится модной, появляясь даже у драматургов и историков: у Эсхила в «Прометее», у Софокла в «Антигоне», у Еврипида – в речи афинского царя Тезея в «Молящих». Ее высказывал в своих работах историк Фукидид.

Древняя ионическая одежда

Венера

Пифагорейцы внедрят в умы людей идею шарообразности планеты. Только в IV веке до н.э., во времена Александра Великого, греческий географ Пифей сумел это доказать. Он определил положение Северного полюса, измерил высоту Солнца и установил наличие географических широт («Об Океане»). Аристотель в трудах «Небо» и «Метеорология» высказал идеи о земном притяжении, а также ряд мыслей о природе светил, воздуха, ветров, осадков, природе морей, землетрясений и гроз. Греки Аристарх Самосский и Архимед Сиракузский породили удивительную для их времени догадку, что в центре системы планет находится не планета Земля, а Солнце. Среди выдающихся умов древнего мира надо бы упомянуть: естественника Эратосфена (III в. до н.э.), которому принадлежит ряд замечательных открытий в географии и хронологии; основателя практической астрономии и географии Гиппарха; Анаксимандра, составившего первую географическую карту, а также ряд других имен. После Гиппарха, с конца II века до н.э., как считает А. Боннар, больше не было открытий в астрономии, и можно было даже сказать, что «научная астрономия умирает». Римляне практически мало интересовались этой наукой, а иные из крупных римских писателей были «поразительно невежественны в этой области». Лукреций спрашивает себя, как в эпоху старого Ксенофана, о Луне, которую он видит в определенный день, та ли она самая, что накануне. Возможно, и Тацит сомневался в самом факте шарообразности Земли. Астрономия замерла.

Меркурий

Луна

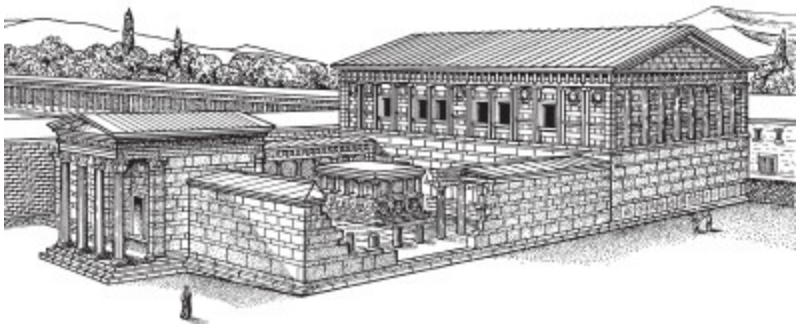
Сатурн

Юпитер

Марс

Солнце

Первыми создателями математики были египтяне и вавилоняне. У той изначальной математики отсутствовала система доказательств. Перед нами скорее отдельные элементы математических знаний, чем наука. «Большое различие между греческой и древневосточной наукой, – отмечал историк науки А. Сабо, – состоит именно в том, что греческая математика представляет собой систему знаний, искусно построенную с помощью дедуктивного метода, в то время как древневосточные тексты математического содержания – только интересные инструкции, так сказать рецепты и зачастую примеры того, как надо решать определенную задачу».



Булевтерий. Реконструкция здания совета в Милете

Основоположниками греческой науки считаются ионийцы. Успех в торговле дал толчок и способствовал тому, что в Милете скопились огромные богатства к VII веку до н.э. Так в Ионии вызрели наиболее благодатные условия для процветания наук. С появлением добавочного продукта появилась и философия. Как заметил еще А. Чанышев, «ионийская философия – это протофилософия». Были и другие причины, вызвавшие расцвет позитивных и рациональных наук именно в Ионии и Греции – это многочисленность различных соревнующихся между собой духовных центров, постоянное, а порой и яростное столкновение мыслительных сил, демократическое государственное устройство, общий уклад жизни (в целом весьма

благоприятный к обмену мнениями и свободному времяпровождению). Казалось бы, сама природа в сочетании с людскими способностями создала некий заповедный уголок, где могли накапливать свою энергию, мысль и дух первые ученые – великолепные образчики людской породы.

Это и способствовало вызреванию благодатных условий для зарождения технических знаний. Иные сравнивают процесс с умиранием, хотя правильнее говорить о рождении. Г. Дильс в «Античной технике» писал: «Взглянем лучше на почтенную колыбель греческой науки – Ионию… В VI веке до н.э. Иония умирала и, умирая, как самый драгоценный дар завещала миру науку. Во главе ее стоит милетец Фалес, которого легенда представляет то забывшим обо всем на свете чудаком, который пялит глаза на звезды и, наблюдая за небом, ночью сваливается в колодец, то расчетливым купцом, умеющим хитро использовать создавшееся на рынке положение с маслом. Серьезная история знает его как техника». Рост технических знаний вызван тем, что крупные и мелкие земледельцы, помимо занятия сельскими работами, стали искать иных способов упрочения экономического положения. Греки приложили немало усилий к тому, чтобы обручить науку с техникой. Еще у Гомера видим первые инженерно-конструкторские опыты богов, когда встречаем в обители Гефеста 20 треножников-роботов. Те могут сами собой приближаться «к сонму бессмертных», а затем сами в дом возвращаться. Но достижения механики и инженерного искусства в силу понятных причин не получили полного развития.

Кузница Гефеста (Вулкана)

Отклики на относительно быстрое развитие науки и техники находим у Сократа, Платона и Аристотеля. Эти настроения проникают в афинские школы и высшие учебные заведения. Т. Васильева пишет: «Профессиональное искусство и научное знание, «техне» и «эпистеме», обсуждаются в философии теперь неотрывно одно от другого, а зачастую и как прямые синонимы, все чаще в этот же синонимический ряд включается и «софия». Ремесленник и прежде считался мудрецом, когда за его искусством подозревали ведовскую или колдовскую силу; теперь божественная софия украсила себя атрибутами ремесленного мастерства». Рынок дал толчок развитию предприятий мелкой промышленности (частновладельческие мастерские или ателье). Хотя техника в то время заперта в узком кругу любителей.

Деревянный конь – задумка Одиссея

Понятно, что развитию ремесел, росту мастерства изобретателей способствовали возраставшие нужды общества в земледелии, торговле, строительстве, мореходном деле и медицине. Сама ситуация все более способствует тому, что инженерно-конструкторская служба становится незаменимой. Строители решают чисто практические задачи… Маяк на острове Фарос вблизи Александрии, возвышаясь на сто метров, освещал пламенем костра дорогу кораблям, спешившим в Египет из Эллады. Поил людей созданный инженером Эвпалином водовод на острове Самос. Особенно выделялись самосские мастера, создавшие такие чудеса строительной техники, как: храм Геры – самый большой храм тех времен, мощную морскую дамбу или водопровод, искусно проложенный сквозь горы. Интересно, что когда персы решили построить мост из Азии в Европу через Босфор, они пригласили для строительства именно самосских инженеров. Фалес отвел воды реки перед битвой у Галиса. Инженер Гарпал строит мост, опиравшийся на суда и выдерживавший бури. Аналогичные мосты возводят и ионийские техники при Дарии. Практическим целям служили туннель Семирамиды в Вавилоне, проложенный под руслом Евфрата, ирригационные сооружения в Фаюме, первый в мире судоходный канал в Китае, где был учтен рельеф местности, и Великая китайская стена, созданная императором Цинь Шихуанди в III веке до н.э. (ее строили 2 млн заключенных, военнопленных), предназначенная для обороны.

Без знаний математики, механики, физики, гидравлики вряд ли были возможны и успехи в судоходстве, не удалось бы создать водяное

колесо, пресс или архимедов винт. Древние не смогли бы создать оросительные и отопительные системы, мосты, трубопроводы без помощи наук. Архит Тарентский, Архимед, Герон создали различные виды орудий, винты, блоки и прототипы паровых машин. Причем показателен и такой факт: плуг изобретается одновременно в ряде стран мира (Шэнь-нун – в Китае, Триптолем – в Греции, Хатис – в Испании). Уже Гомер писал, что морское дело потребовало таких инструментов, как медный топор, скобель, бурав, да и Одиссей, построивший деревянного коня, выступает в данном случае как «проектировщик». На Крите при Миносе изобрели пилу, рубанок, отвес, сверло, клей, возникло и столярное дело.

Афинская агора – торговая площадь

Параллельно с ростом промышленности, которая достигла в Афинах расцвета уже к концу V века до н.э., шло и развитие торговли. В связи с упрочением денежной системы появился ростовщический капитал. Особенный дар и талант обнаруживали в торговле милетцы и, конечно, сами афиняне. «Капиталы, – писал один афинский гражданин, – не должны пребывать втуне подобно мертвому баласту, они должны «работать», быть активными, расти и умножаться». Однако сам по себе капитал не обладает еще созидательной силой. Нужны ученые, техники, инженеры, механики, рабочие, которые с его помощью лишь и в состоянии наполнить производительную жизнь человеческого сообщества. Благодаря им примерно к середине III века до н.э. сформировался профессиональный язык техники. Основы наук заложили ученые. Великий Сократ произнес знаменательную фразу: «Изобретатель – отец богатства».

К слову сказать, греки стали первыми изобретателями денег… У Египта, хеттов, в Месопотамии, Палестине, Финикии, Израиле

торговля долгое время осуществлялась с помощью так называемых товаро-денег (куски металла, скот, шкуры животных). В крито-микенском мире, гомеровской Греции также покупали, платя кто железом, кто яркой медью, кто бычьими шкурами или живыми быками, а кто и рабами. Шлиманом в Микенах были найдены золотые бруски, Эванс на Крите в развалинах Кносского дворца обнаружил деньги в виде шкуры быка. Такие же деньги, но уже в форме железных прутьев, находили и в погребениях Арголиды. Шесть «оболов» («обол» по-гречески – прут) составляли «драхму», что означало «горсть». Родилось и традиционное название греческих денежных единиц. Но кто же изобрел первые деньги, этот народный «национальный мундир» (К. Маркс)? Легенды говорят, что их якобы дали грекам боги вместе с письменностью и ремеслами. При этом называют разные имена: греки – Эрихтония или Тезея, римляне – бога судьбы Януса. Греческие историки утверждают, что родина монет – малоазийское государство Лидия. Геродот писал, что лидийцы, насколько известно, первыми из людей стали чеканить и ввели в употребление золотую и серебряную монету, первые занялись мелочной торговлей.

Агригентская монета. Состязание квадриг

В VII веке до н.э. в Лидии стали чеканить монеты из электра (сплав серебра и золота). Независимо от Лидии появились монеты и на греческом острове Эгине (серебряные). Их называли «черепашками», потому как черепаха была священным животным бога Аполлона, покровителя торговли и мореплавания. Вскоре монеты распространились по всему Средиземноморью.Славившийся богатством лидийский царь Крез чеканил золотые монеты, «крезеиды», затем золото в качестве монетного металла принял персидский царь Дарий. Заметим, что одновременно с появлением

монет (процесс их внедрения в оборот был достаточно длителен) в употреблении продолжали находиться слитки и товаро-деньги. В древнем Иране производство монет предназначалось главным образом для торговых портов Средиземноморья, а на внутреннем рынке в ходу были товаро-деньги. Монеты тут выступали скорее в роли сокровищ, скапливаясь в хранилищах Суз, Персеполя и Экбатана. Пользовались ими только в особо важных случаях (расчете с греческими наемниками или при подкупе крупных политических и военных фигур хотя бы в той же Греции). Самые ранние датированные монеты, видимо, выпустил Сидон, дата на них исчислена от битвы при Иссе, где Александр Македонский победил Дария.

Сиракузская монета. Нимфа Аретуза

Каждый город имел свое летосчисление, монетную символику и художественный стиль. На одних монетах изображали богов-покровителей города, на других – животных, на третьих – предметы экспорта, на четвертых – портреты, на пятых – сооружения. Скажем, на Крите (Кносс и Гортина) стали чеканить так называемые «союзные монеты» – с лабиринтом и знаменитым быком, похищающим красавицу. Деньги становятся важным средством политического влияния и давления. Так, под давлением Афин многие критские полисы вынуждены были отказаться от эгинской денежной системы и перейти на аттическую. Вскоре монеты стали восприниматься не только как экономическое средство, но и как произведение искусства, средство художественного выражения. Своей красотой выделялись сиракузские монеты – дека– и тетрадрахмы – V – начала VI века до н.э. (труд монетчиков Кимона и Эвенета). Известно, что ими восхищался

Микеланджело, а Гёте заметил: «Эти чудесные монеты представляют собой бесконечную весну цветов и плодов искусства». Монеты для специалиста являются еще и миниатюрными книгами, по которым можно прочитать важные страницы древней истории народов, страницы красочные, во многом уникальные.

С появлением колеса в Месопотамии (IV тыс. до н.э.) колесо изобретений вращается быстрее и быстрее. К середине III века до н.э. уже сформировался и профессиональный язык техники. Ученые древности заложат основы последующего бурного развития науки. Как справедливо заметил К. Дарлингтон в книге «Эволюция человека и общества», профессиональное мастерство небольшого числа людей привело к появлению класса изобретателей. Техники и механики древности дали толчок развитию производительных сил общества. Без знания математики, механики и гидравлики вряд ли были бы возможны успехи и в судоходстве. Иные же удивительно сочетали в себе таланты инженера и правителя. Архит Тарентский (400—365 гг. до н.э.), механик, математик и политик, разработал научные основы механики и семь раз в качестве стратега стоял во главе государства.

П. Соколов. Дедал привязывает крылья Икару

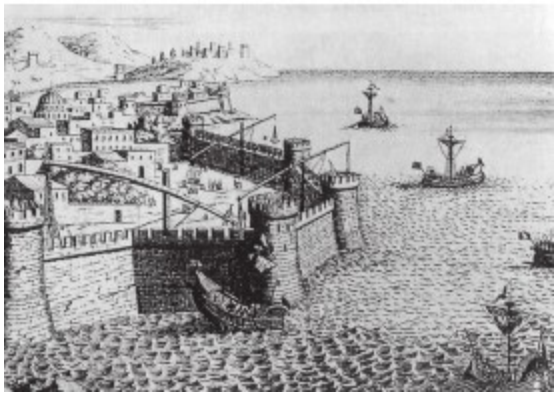
В летописи изобретательства тех лет остается еще немало загадок и белых пятен. Так, крупнейшему критскому инженеру Дедалу приписывается невероятное число изобретений (планеры, роботы, клей, противозачаточные средства, искусственное осеменение). Французский ученый Ж. Бержье подчеркивал, что, всего вероятнее,

Дедал – это все же скорее собирательное имя тех мастеров, что имели за плечами определенную школу, подобно тому как в наше время слово «политехник» означает для французов питомцев Политехнической школы в Париже. «Тайна Дедала еще ждет раскрытия». История, увы, крайне скупа в описании деяний инженеров, изобретателей, мастеров далеких веков. Виной тому анонимный характер творчества и неопределенность времени изобретения. Что же касается собственно научных познаний, то греки бесспорно находились на дальних подступах к ним. Их высшее образование можно назвать гуманитарно-управленческим или политологическим, но не научно-техническим. Плутарх пишет, что Фалес был тогда, видимо, «единственным ученым», который в исследованиях пошел дальше того, что надобно было для практических нужд; все остальные получили название ученых за свое искусство в государственных делах.

Доменико Фетти. Архимед. Ок. 1616 г.

Одно имя тем не менее известно сегодня, пожалуй, всем на свете – Архимед (ок. 287—212 гг. до н.э.). Знаменитый математик и изобретатель античности родился в Сиракузах. Его отец, астроном Фидий, был близок к царю, тирану Гиерону. Но в ранние годы он был простым и небогатым гражданином. Об образовании юноши известно мало. Вряд ли он получил всестороннее образование, так как нет сведений о его занятиях философией и литературой. Математика тогда была побочной наукой философии. Друг Архимеда, Эратосфен, кроме математики, изучал философию, литературу и писал стихи. Науки не стали еще важной общественной потребностью. Аристотель писал: «Нет ничего недостойного для свободного человека в том, чтобы

заниматься некоторыми свободными науками до известного предела, но слишком усидчивое изучение их до полного совершенства… делает тело и разум людей негодным для потребностей и дел добродетели». Полагаем, что с Аристотелем были решительно не согласны ремесленники, скульпторы и многие другие труженики, что посвятили жизнь занятию вполне определенным и конкретным делам. После того как Гиерон захватил власть, материальное положение семьи Архимеда, вероятно, настолько упрочилось, что он мог позволить себе уехать в Александрию, главный тогдашний научный центр в области естественных наук. Затем он вновь вернулся в родные Сиракузы.



Осада Сиракуз: машины Архимеда в действии. Гравюра XVIII в

Самым известным из физических открытий Архимеда стало обнаружение того, что различные материалы имеют и разную степень тяжести. Царь Сиракуз Гиерон II поручил проверить, не обманул ли его ювелир, изготовивший из золота венец, посвященный богам. Архимеду поручили провести техническую экспертизу. Тот долго думал, но ответ ему подсказало его же собственное погружение в ванну (чем глубже погружался, тем больше воды выливалось). Тогда-то он и выкрикнул свое знаменитое «Эврика!» Точно так же он поступил и со слитком золота, сравнив его с весом золотого венца (выяснилось, что ювелир все же надул царя). В поздних трудах Архимед применил математические методы и к физическим явлениям. Более всего он прославился в мире как изобретатель хитроумных механизмов (Архимедов винт, рычаги и т.п.). В связи с одним из своих открытий он сказал: «Дайте мне точку опоры – и я сдвину Землю».

Хосе Рибера. Архимед. XVII в.

В последние годы жизни усилия ученого направлены в основном на разработку военных машин (катапульт и подъемных кранов). К этому его побуждала и общая обстановка. Сиракузы подверглись осаде римских войск. Когда против Сиракуз, отпавших от союза с Римом, выступила армия Марцелла и осадила город с суши и моря (214 г. до н.э.), Архимед использовал свой талант инженера для защиты города, став душой сопротивления. Изготовленные по его чертежам метательные машины (катапульты) крушили и топили военные корабли Рима. Суда, которые смогли приблизиться к стенам, хватала чудовищная железная лапа: словно железный циклоп поднимая их в воздух, она разбивала корабли о стены и обрушивала их в море. Говорят, что Архимеду удалось изобрести особую установку, напоминающую гиперболоид или лазер, фокусирующую лучи солнца и поджигавшую корабли. Подъемные машины с железными лапами (механические саламандры) хватали римских воинов, поднимали и сбрасывали с большой высоты. Даже полководец римлян высоко оценил таланты великого инженера древности, заявив: «Не хватит ли нам воевать с этим геометром-Бриареем (сторукий гигант в греческой мифологии), который вычерпывает из моря наши суда, а потом с позором швыряет их прочь, и превзошел сказочных сторуких великанов – столько снарядов он в нас мечет!» Но Марцелл был упрям, и римляне не снимали осады с Сиракуз.

Смерть Архимеда от руки вражеского солдата. III в. н.э.

Почему Архимед принял столь активное участие в битве Рима и Сиракуз (215—214 гг. до н.э.)? В те далекие времена ученый не мог быть вне политики. Это уже и тогда понимали! Если же учесть еще и родственную близость к семье царя, становится понятной его активность. С. Лурье пишет в книге «Архимед»: «Подготовляя техническое оснащение для борьбы с римлянами, Архимед, друг и родственник царской семьи, придворный математик и механик, в момент ожесточенной партийной борьбы, конечно, выступал не как отвлеченный ученый, воспользовавшийся удобным случаем для постановки экспериментов по механике, а как активный деятель карфагенской партии. Всякому понятно, что структура его машин и приспособлений была теснейшим образом координирована с общим планом военной обороны и т.д., Архимед мог правильно рассчитать расположение отверстий в стенах, дальнобойность и радиус действия изобретенных им машин, вес снарядов и т.д.». Следовательно, он был членом, если и не руководителем сиракузского военного совета. Учитывая малолетство царя, пришедшего к власти в Сиракузах, и его родственную связь с царствующим домом, Архимед вполне мог быть одним из таких идейных и политических вождей Сиракуз.

Устройство часов в Газе

Римляне надеялись быстро справиться с непокорными защитниками города, но им помешал гений Архимеда. Сохранились рассказы Полибия и Плутарха. Полибий пишет, что римляне вначале не принимали в расчет его искусства. Они не учли, что «иногда один даровитый человек способен сделать больше, чем множество рук». По словам Плутарха, римские воины были так напуганы действиями машин Архимеда, что нередко бросали идти на приступ, обнаружив даже кусок дерева, торчащий из стен крепости (они кричали, что это Архимед изобрел на их погибель какое-то новое орудие). Когда солдаты ворвались в Сиракузы (212 г.), они на месте убили ученого и изобретателя. Еще одна легенда гласит, что Архимед при виде римлян не стал их молить о пощаде, но лишь бросил гоплиту: «Не прикасайся к моим чертежам».

Еще одним примером высочайшего технического мастерства греков является водопровод Эвпалина на Самосе. О нем с восхищением писал Геродот. Вода в него поступала из источника за горой Кастро и должна была пройти прежде через километровый туннель. И хотя самым старым туннелем, о котором пишет история, был ход, созданный по приказу Семирамиды между дворцами в Вавилоне (вход в него запирался медными дверями, так гласит легенда), но это было сравнительно простое сооружение, значительно уступавшее творению Эвпалина. Кстати, вести туннель через горы на расстояние один километр и сегодня задача сложная, при всей

изощренности инструментов и высокой точности расчетов, а для IV века до н.э. это была задача наитруднейшая.

И правы те, кто считает: Поликрат, давший указание строить туннель и выделивший на это немалые деньги, конечно, не случайно пригласил в качестве главного строителя именно Эвпалина, чей авторитет в Мегаре и на Самосе был высок. Инженер вырос в атмосфере высокой культуры знаний, получил научное образование, позволившее ему провести через гору водопровод. Среди чудес античной техники можно назвать и так называемый будильник Платона. Это довольно незатейливое приспособление представляло собой устройство, которое ранним утром собирало товарищей и учеников академии на лекции и занятия Платона, и причем довольно противным свистом.

В сосуд заливалась вода, которая под давлением издавала свист, сзывая из домиков сада учеников, подобно тому как игравший на дуде факир привлекал внимание змей.

Наибольший интерес представляли часы, созданные неизвестным мастером уже во времена Боэция (V в. н.э.). Они украшали собой площадь в Газе. Эти часы описал Прокопий Кесарийский. Те представляли собой целое сооружение: портик защищал часы от непогоды, мраморные барьеры с железными остриями должны удерживать шалунов-мальчишек на расстоянии. Удивительно выглядело их художественное оформление. Верхний ряд часов образует 12 ночных дверей. Под ними находится второй ряд. Над первой из них парит орел, устремляющийся вперед. Створки двери открываются, и Гелиос, выступающий внизу по карнизу, указывает на эту дверь. Из нее выходит Геракл и показывает публике свою первую добычу, львиную шкуру.

Резчик по дереву

Затем он кланяется зрителям и исчезает с венком на голове в своей келье, двери которой опять затворяются. И так он совершает все свои двенадцать подвигов, показывая их, и каждый раз орел слетает с двери, каждый раз венок опускается на голову античного героя. А так как любой школьник знал порядок деяний Геракла, по очередности подвигов определялось время. В часах был еще и механизм для боя часов, чтобы даже те, кто был вдалеке, могли бы слышать их звук и знать время. На крыше часовни изображен Пан, который каждый раз при звуке гонга навострял ухо, будто бы слыша голос своей возлюбленной Эхо. Часовня была украшена и другими фигурами. Справа от Геракла стоял трубач Диомед. После совершения двенадцати подвигов Геракла тот трубил зорю. Тут же видна фигура слуги, несущего Гераклу купальные принадлежности, чтобы приготовить обычную для того времени ванну. Другой слуга подает купленные на рынке кушанья. Размер здания должен был быть 6 м в длину и 3 м в ширину. Перед нами настоящее техническое чудо – технический театр.

Но можно ли утверждать, что античность – золотой век техники и механики? Разумеется, нет. Платон в «Горгии» красноречиво говорит, что удел рабов – искусства механические и технические. Их труд близко нельзя ставить на одну доску с искусством высшего ранга – искусством свободных людей (историков, философов, поэтов, политиков). Дескать, это особая каста. Признавая необходимость механики (скажем, при защите государства), Платон вместе с тем выводит это занятие за пределы «приличного общества». Он говорит: «Однако ж ты тем не менее презираешь и его самого, и его искусство, и имя механика (изобретателя машин или ученого. – *Ред.*)

произносишь как бы с пренебрежением, так что за его сына не захотел бы выдать своей дочки, а за своего не решился бы взять его дочь». Это презрение просто удивительно (хотя понятно, зная нравы той эпохи). Ведь рабовладельческое общество зиждилось не на технике, этой поэме разума, а на подневольном физическом труде.

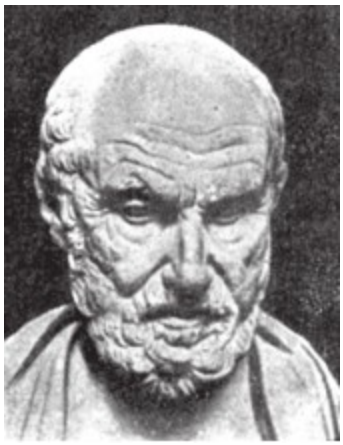
Когда тиранический строй имеет возможность свободно распоряжаться дешевым трудом рабов, он до последнего использует свой шанс. Технический прогресс в этих условиях неизбежно отходит на задний план. Правда, Солон все-таки созвал лучших механиков и столяров, чтобы те создали сложный деревянный механизм с 24 вращавшимися таблицами. Каллиграфы нанесли на них систематизированные тексты законов, которые легко читались каждым грамотным гражданином. Но это скорее исключение. Общим же правилом тогда было: царские, военно-жреческо-управленческие должности котировались высоко, а таланты ученых, инженеров, строителей, учителей отходили на задний план и пребывали в забвении. Таким же образом в современной России труд ученого и инженера поставлен в ситуацию, в общем и целом напоминающую их положение в рабовладельческой Греции. У нас, увы, не творец, не ученый или изобретатель, а делец и посредник-торгаш стали ныне элитой.

Сорок семь утверждений Евклида

Сведения из разных эпох лишь подтверждают этот печальный опыт. В рукописи времен Нового царства в Египте, например, говорится: «Работа инженера, как и все, что связано с потребностями жизни, есть низость и бесчестье». К великому сожалению, даже

известные мыслители античности не могли скрыть своего презрения к технике, к тем, кто ею управляет, являясь ее создателем. Для Аристотеля не существует большой разницы между одушевленным и неодушевленным орудиями. Для него матрос или руль – лишь простые инструменты в руках хозяина корабля. Малый интерес к профессии механика и инженера подтверждается и малым объемом литературы по технике. А вернее сказать, ее не было вовсе… Известно, что к I веку до н.э. в знаменитой Александрийской библиотеке, собравшей едва ли не все главные научные и литературные труды мира, насчитывалось 700 тысяч свитков или книг. Библиотека стала научной Меккой, кладезем мировой информации. Здесь работали такие выдающиеся ученые древности, как Евклид, Аристипп, Архимед и другие. Последний счел, что среди сокровищ Мусея и храма Юпитера он отыщет нечто, что могло бы помочь ему в инженерной работе… Однако прадед всех механиков к величайшему своему разочарованию не нашел тут по механике буквально ни одной строчки. Все его 40 изобретений родились в итоге его индивидуальных усилий.

Помимо материальных признаков образовательной культуры (школ, академий, университетов) возникли и научные заделы. В конечном счете именно греки ввели в оборот то, что мы определяем как «научный способ мышления». Под этим подразумевают не только знание или повседневную практику науки, но прежде всего саму интеллектуальную способность отделять фактическое и то, что поддается проверке, от сугубо эмоциональных и голословных утверждений. Эта особенность культурного восприятия древних произвела столь сильное впечатление на Бернала, что тот заявил: «Греки открыли цивилизацию». Грекам же принадлежит на Западе и пальма первенства в попытках соединить науку с поэзией. Столь дерзкого и блистательного вторжения научных познаний в поэтический мир, и наоборот, не знает история. Британец Дж. Бернал считал, что в поэмах Гомера «содержалось столько науки, сколько вообще было необходимо знать среднему человеку».



Гиппократ

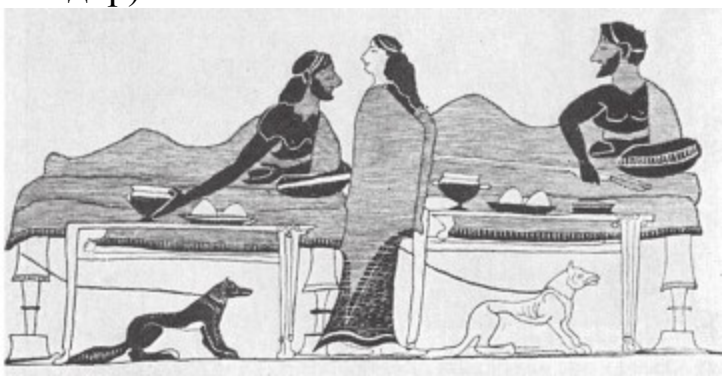
Если Платон с Сократом были мастерами игры на струнах человеческих душ, то истинным волшебником врачевания, физиологии человека слыл Гиппократ (460—370 гг. до н.э.). Его родословная берет начало от врача-целителя Асклепия. Полное имя – Гиппократ из Коса, Асклепиад. Родился Гиппократ в один год с Фукидидом и Демокритом, что позволяет говорить о том, что и в Греции бывали годы, особенно урожайные на таланты. Плиний Старший (I в. н.э.), давая в «Естественной истории» историю медицины и говоря о Гиппократе, приводит версию Варрона. «Во время Троянской войны, в эпоху, когда источники были более достоверными, медицина уже была блестящей, но она ограничивалась лечением ран. Удивительно, что продолжение ее истории затерялось во мраке вплоть до Пелопоннесской войны. Именно тогда искусство было извлечено из небытия Гиппократом, родившимся на острове Кос, самом знаменитом и самом могущественном острове, посвященном Эскулапу. Существовал обычай, по которому выздоровевшие больные записывали в храме этого бога лечение, их исцелившее, чтобы потом можно было его использовать в аналогичных случаях. Говорят, что Гиппократ обнаружил эти надписи и, согласно общепринятому мнению, спалив храм, с помощью этих документов основал вид медицины, названной клинической. С тех пор больше не существовало пределов наживы от этой профессии». Конечно, это был очередной злой навет.

Эскулап – античная статуя

Но вместе с тем жизнь его во многом словно «окутана дымкой» (Литтре). Можно ли ее рассеять? Как и где обучался юный Гиппократ своему ремеслу? Сын и внук врача, он получил образование в семье. Обучение преимущественно было устным и практическим. «С малых лет дети учились от своих родителей делать вскрытие, как читать и писать», – говорил Гален в его трактате «Анатомические операции». Даже сегодня студенты большему могут научиться, наблюдая за операциями светил медицины… А в те времена, когда учебников как таковых не было и в помине, практика и наблюдение играли решающую роль. Впрочем, дед Гиппократа, как говорят, написал работу по медицине (возможно, по хирургии). Некоторые утверждают, что он был учеником врача Геродика, софиста Горгия из Леонтии и философа Демокрита из Абдеры. Так ли это на самом деле, сказать ныне трудно. Возможно, когда слава его разнеслась по миру, ему стали приписывать многое из того, чего не было вовсе, но что входило в кодекс образованного грека. Одна из легенд о Гиппократе утверждает, что он изучал медицину с помощью рассказов об исцелении, записанных на стелах храма Асклепия в Косе. Такие стелы

действительно существовали: так, в храме Эскулапа в городе Косе на камне был высечен в стихах рецепт против ядовитых животных.

Географ Страбон писал, что врач преимущественно использовал методы лечения, которые были «обетами следовать предписаниям о режиме». Как выше сказано, рецепты и рекомендации помещали на специальных стелах, служивших своего рода справочниками. Вряд ли стелы могли стать серьезным подспорьем в деле овладения врачебным искусством. Каждый врач руководствовался в медицинской практике собственным знанием и опытом. Видимо, оно не всегда оказывалось на должном уровне, так как римляне недоверчиво относились к греческой медицине. В Риме богом медицины был бог Асклепий (Эскулап), хотя первоначально все эти функции должен был выполнять бог Аполлон, также носивший эпитет «Медикус». Известно, что бог врачевания Асклепий мог воскрешать людей (по крайней мере, так утверждал Аполлодор).



Обедающие

То, что богу Аполлону, покровителю искусств, отводилась роль врача, не должно нас удивлять. Медицина в древности считалась одним из видов искусства. Скажем, автор трактата «О древней медицине» рассматривал медицину как среднее между мастерством и наукой, отстаивая ее право называться искусством. Он вел спор с философом и врачом Эмпедоклом, который заявлял: «Не может знать медицинское искусство тот, кто не знает, что такое человек и как он вначале явился и из чего составлен, но что должно знать все это тому, кто намерен правильно лечить людей». Видимо, Эмпедокл прав (если смотреть на человека, его здоровье в широком плане), но есть резон и в утверждениях автора трактата. Тот не желал видеть во враче философа и жреца. Врач занят конкретным делом. Его главная забота – не только лечить людей, но и научить их здоровому образу жизни и правильному

питанию. Врач – это повар «блюда», которое называется «человеческая жизнь». Автор проницательно говорит: виной тому, что среди людей царит высокая смертность, является ужасное питание.

Лишь тогда, когда люди научились готовить пищу более «сносную», они стали жить дольше и лучше. Продукты грубые или вредные, которых природа человека «не может превозмочь, если их принять, приносят страдание, болезни и смерть, а такие, которые превозмогаются природою, доставляют питание, рост и здоровье». Перед нами первые признаки зарождения диетологии. Автор заключал в итоге: «А таким открытиям и исканиям какое более справедливое или подходящее имя можно дать, как не Медицины?» Гиппократ был одним из самых заметных «художников» этой медицины здоровья. Платон, что был моложе его на целое поколение, в одном из диалогов сравнил медицину с иными искусствами, проведя параллель между Гиппократом и самыми великими скульпторами времени – Поликлетом из Аргоса и Фидием из Афин. Полагаю, Платон в каком-то смысле был прав, делая такое сравнение. Мы сами являемся ваятелями нашего физического и душевного здоровья (или, напротив, нездоровья). Кстати, современная наука подтверждает заключение великих врачей древности, а именно: хорошее питание увеличивает продолжительность жизни людей на треть.

Асклепий. Музей Барселоны

В сообщениях о его жизни находим массу легенд и мифов. Причина в том, что самые ранние биографы Гиппократа писали о нем два века спустя после его смерти. Поэтому так же как на Хиосе показывают место, где учил Гомер, на Косе можно и сегодня полюбоваться «платаном Гиппократа». Многое является домыслом. Одно не вызывает сомнений: уже в те времена сочинения врача были хорошо знакомы афинянам и другим грекам. С годами преклонение перед его авторитетом стало столь велико, что некий византийский монах-историограф выразил беспредельную степень его восхищения словами: «Что сказал Гиппократ, то сказал сам бог». Для множества врачей он был не только предметом удивления, но своего рода идеалом, которому надо следовать и в повседневной жизни. Он принадлежал, как отмечает автор очерка о нем В. П. Карпов, к знатному роду асклепиадов. Члены его рода принимали участие еще в Троянской войне. Кстати, у греков в Афинах культ Асклепия был введен лишь в 450 году писателем Софоклом. Ранее, как утверждают, тут царил культ бога-исцелителя Амина.

В Рим бог Асклепий проник еще позже, уже под именем Эскулапа. Обучался наш Гиппократ и у философов (Горгия, Демокрита, Продика). Его врачебные сочинения (60-книжие) вобрали в себя всю врачебную науку и мудрость того времени. И хотя у него были соперники и завистники (а известный врач Асклепиад, живший в I в. до н.э., ехидно заметил, что тот хорошо показывает, как люди умирают, но не говорит, как их вылечить), слава Гиппократа росла. В итоге даже великий персидский царь Артаксеркс, рассчитывая переманить к себе светило, пишет одному из подданных: «Царь царей великий Артаксеркс Гистану, наместнику Геллеспонта, привет. Слава искусства Гиппократа, косского врача, потомка Асклепия, достигла до меня. Дай же ему золота, сколько он захочет, и остального в изобилии, в чем он нуждается, и пришли его к нам: будет он в равной чести с лучшими из персов». На что знаменитый врач якобы ответил так: «Одежда, пища и жилье есть, а богатства врага мне не надобны».

Врач и пациент в древнегреческой клинике

И хотя почти единственное, что мы могли бы утверждать с высокой степенью надежности о нем и его судьбе, это то, что он был современником Софокла и Еврипида, Фидия и Поликлета, Сократа и Платона, что он лечил людей и писал книги о медицине (на ионийском диалекте), но даже и столь скудные сведения имеют ценность. Говорят, что он был совершенно лыс (так его и изображали на монетах Коса римской эпохи). Но в этой лысой голове мыслей было больше, чем в иной голове, полной волос. Это же можно сказать о масштабе его личности. В «Политике» Аристотель назвал имя Гиппократа в качестве примера человека, что превосходит многих других не ростом, а своими познаниями и наукой. Он не был единственным врачом-целителем в античном мире. У нас нет каких-либо строгих оснований называть его и «отцом медицины». Задолго до него в Древнем Египте и Вавилоне существовали опытнейшие врачи и хирурги. В законах вавилонского царя Хаммурапи имеются параграфы, относящиеся к врачам-глазникам, где фиксируется большой гонорар за хорошо проделанную операцию и строгое наказание за неудачный итог операции.

Папирус Эберса дает громадное число рецептов от различных болезней и указания для врачей при исследовании больных. Бронзовые инструменты для проведения операции на глазах найдены при раскопках в Месопотамии. Высокая и почетная роль врачей признавалась древними греками. Одна из песней «Илиады» гласит, что «опытный врач драгоценнее многих других человеков». И все же он был отцом науки медицины. Среди подлинных гиппократовских книг обычно называют такие его труды, как: «Эпидемии», «Прогностику», «Афоризмы», большую часть «Диэты при острых болезнях», «О воздухах, водах и местностях» и др. Чтобы составить представление о стиле повествования Гиппократа, достаточно прочесть отрывок из

наставлений этого врача ученикам: «Поэтому должно, собравши все сказанное в отдельности, перенести мудрость в медицину, а медицину в мудрость. Ведь врач-философ равен богу. Да и немного в самом деле различия между мудростью и медициной, и все, что ищется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совестливость, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что полезно и необходимо для жизни, отвращение к пороку, отрицание суеверного страха пред богами, божественное превосходство. То, что они имеют, они имеют против невоздержанности, против корыстолюбивой и грязной профессии, против непомерной жажды приобретения, против алчности, против хищения, против бесстыдства. В ней заключается знание доходов и употребление всего того, что относится к дружбе, к детям, к имуществу. С этим познанием также соединена некоторая мудрость, так как и врач имеет многое из всего этого». Хороший совет.

Гиппократ – один из тех великих мужей,что формировал правила антропологии у народов Европы и Азии. Его иногда называют основателем науки о человеке. Он писал о скифах и сарматах, у которых женщины сражаются с врагами, пока девственны, и не могут выйти замуж, пока не убьют трех врагов, не принесут подобающих обычаям жертв (скифские амазонки). Труды его – кладезь информации.

Хирургия. Вправление смещенного позвонка
Вправление плечевого вывиха. I в. до н.э.

Процедура кровопускания. Гравюра

В знаменитой «Клятве Гиппократа» говорится: «Клянусь Апполоном врачом, Асклепием, Гигией и Панацеей, всеми богами и богинями, беря их в свидетели, выполнять по моим способностям и

разумению эту клятву и этот договор; прежде всего почитать моего учителя в этом искусстве наравне с моими родителями; предоставлять в его распоряжение денежную помощь, и если он окажется в нужде, отдать ему часть моего состояния; считать его потомство наравне с моими братьями и обучать их этому искусству, если пожелают его изучать, без оплаты и договора; передавать предписания, устные уроки и остальную науку моим сыновьям, сыновьям моего учителя и ученикам, связанным договором и клятвой в соответствии с медицинским законом, и никому другому. Я буду использовать режим для пользы больных в соответствии с моим умением и разумением; но я клянусь этому воспрепятствовать, если это послужит их погибели или несправедливости по отношению к ним. Я никому не дам смертельного снадобья, если у меня его попросят, не проявлю инициативы в таком совете. Я также не дам женщине абортивный пессарий. В чистоте и благочестии я проведу свою жизнь и занятие искусством… Во все дома, куда я должен войти, я войду для пользы больных, избегая всякой умышленной несправедливости и всякого развратного действия, особенно любовных отношений с женщинами и мужчинами, свободными или рабами. Обо всем, что я увижу или услышу во время лечения или даже вне его касательно жизни людей, если это не должно быть повторено в другом месте, я умолчу, считая, что такие вещи секретны. Итак, если я исполню эту клятву и не нарушу ее, пусть мне будет дано наслаждаться жизнью и моим искусством, навеки пользуясь уважением людей. Зато если я ее (т.е. клятву) нарушу и совершу клятвопреступление, пусть будет обратное». Таков был кодекс античного врача.

HIPPOCRATIS
COI, MEDICORVM OMNIVM
longè principis, opera quæ ad nos extãt
omnia: per Ianũ Cornarium Medicum
Physicum latina lingua conscripta, &
denuò ex toto recognita.
Addito Indice locupletissimo.
FRO BEN.
BASILEAE, ANNO
M. D. LIIII.
Cum gratia & priuilegio Imp Ma
iestatis ad annos quinq.

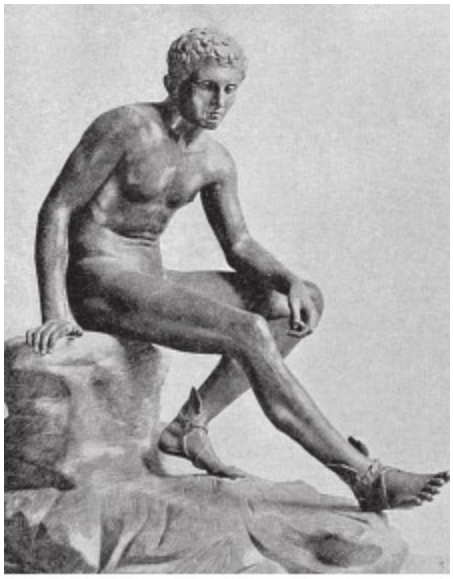
Титульный лист сочинений Гиппократа

В городах с VI века до н.э. уже существовали общественные врачи. Потребовалось время, чтобы они завоевали авторитет и были приняты городами как общественные врачи. В IV веке до н.э. появляются высеченные на камне почетные декреты. В том, что в Греции существовали общественные врачи, нет ничего удивительного. Такой порядок в общем и целом отвечал самому духу демократии. Правда, авторитетных медицинских школ в то время было не так уж много (Кротона, Кирены, Кос, Книд). Поэтому каждый желающий мог попробовать себя в любой профессии. Человеку требовались и врачи-психологи, о которых тогда еще и не слыхивали. В частности, в «Жизни десяти ораторов» говорится о некоем Антифонте, выступающем в роли психотерапевта: «В то время, когда Антифонт пристрастился к поэзии, он создал искусство лечения скорбей, подобное лечению, которое применяли к больным врачи. В Коринфе он обустроил помещение, выходящее на центральную площадь, и повесил вывеску, на которой написал, что способен лечить скорбящих речами. Осведомляясь о причинах, он утешал больных. Но посчитав, что ремесло ниже его достоинства, он начал заниматься риторикой». Частично лечение души на себя взяли представители религии. Появятся даже иконы «Всех скорбящих». Однако не всегда даже бог мог заместить врача надлежащим и главное – эффективным образом. Известно имя некоего Питалла, общественного врача, упоминаемого в комедиях Аристофана.

Бесспорно, должность врача была в высшей степени необходимой. Особенно в обществах и государствах, которые вели постоянные войны. В дни войны, да и в мирное время без врача было не обойтись. «Города, которые хотят, чтобы люди у них были здоровыми, выбирают врачей, и военачальники берут с собой врачей для солдат», – подчеркивает Ксенофонт в «Киропедии». Достаточно в качестве примера привести ситуацию, сложившуюся в Греции во времена пелопоннесских войн. Когда в начале лета пелопоннесская армия вновь вторглась в Аттику, она безжалостно стала ее опустошать. Этот ужас проодолжался сорок дней. Все беженцы из разных мест скопились в Пирее и Афинах. Селились везде, где только было возможно: в храмах, на площадях, на пустырях, в укреплениях. Водоснабжение в Греции всегда считалось самым слабым местом. В

итоге вскоре разразился страшный мор. Зараза распространялась стремительно. Больные заражали ухаживавших за ними здоровых людей. Словно пожар, эпидемия перекидывалась с дома на дом, с семьи на семью, с города на город. «Люди гибли как овцы; их тела наваливали грудами и хоронили, когда предоставлялась возможность. Многие выжившие оставались слепыми, калеками или потерявшими память. Ничто не могло защитить их от болезни – ни физическая сила, ни благочестие, ни богатство, – и лишь те, кто пережил болезнь, могли быть уверены, что останутся в живых». Даже медики тогда были бессильны.

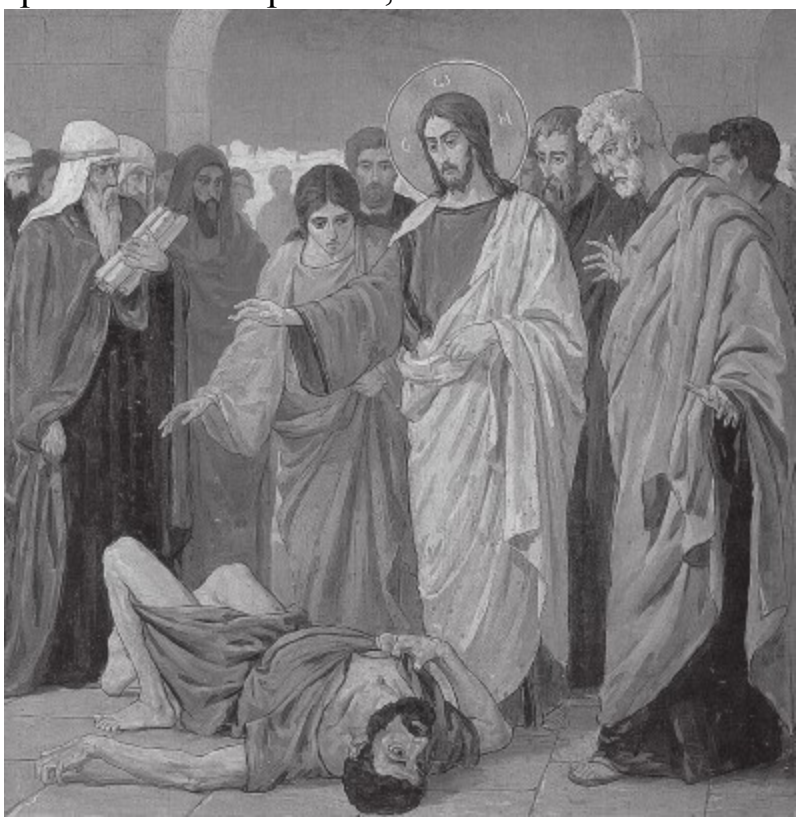
Интересно и то, как осуществлялся найм врача на работу. Так как в древности не было ни дипломов, ни званий, врачу приходилось доказывать компетентность перед публикой. Чтобы получить должность, врач должен был привести примеры его компетентности (указать место подготовки, назвать своих учителей, а также имена вылеченных им пациентов, ну и, разумеется, самому выглядеть здоровым).



Гермес

Так как греки привыкли ко всякого рода состязаниям (словесным и физическим), то и врачу частенько приходилось бывать в шкуре софиста. Лечение напоминало своего рода актерское зрелище. Никаких врачебных консилиумов и уединений. Оно велось на виду у всех, сопровождаясь беседой с больным «на публике». Это было особенно важно для врача, приходящего в новый город. Платон, цитируя

софиста Горгия, говорил, что врач должен быть готов к такому вот словесному поединку. Понятно, что всегда существовала опасность найма непрофессионалов,а то и явных проходимцев, но с хорошо подвешенным языком. Один автор-гиппократик говорил о горе-эскулапах: «Эти люди очень похожи на статистов, которые выходят в трагедиях. Как статисты имеют облик, одежду и маску актеров, не будучи ими, так и среди врачей многие являются ими по названию, но отнюдь не на деле». Против невежд и шарлатанов, называвших себя врачами, и боролись гиппократики, что вызывало их ненависть.



Василий Беляев. Изгнание бесовского духа. 1895—1903 гг.

Вот и Сократ высмеивает Эвфидема, который, не изучив политики, объявляет о своем намерении стать государственным деятелем. Сократ сравнивает его с врачом: «Выступление такого рода подошло бы тем, кто хочет добиться от города места врача. Им было бы полезно начать свою речь такими словами: «Афиняне, я до сих пор ни у кого не учился медицинскому искусству и никогда не искал себе учителя врача. Я всегда воздерживался не только узнать что-нибудь у врачей, но даже не притворялся, что я изучал это искусство. Тем не менее доверьте мне должность врача. На ваш страх и риск я

попытаюсь его изучить»». Подобная тирада вызвала смех у афинян. Хотя нам сегодня смеяться почему-то не хочется. Сколько уж лет минуло со времен Сократа, а у нас в политике полно общественных «врачей», что не в состоянии вылечить государственный организм, а только еще больше загоняют внутрь все его болезни. У нас всё, как в Греции… Если врачи Египта, находясь на государственной службе, за совершенные ими при лечении серьезные ошибки подлежали уголовной ответственности, вплоть до смертной казни, то вот врачи в греческих городах не подвергались никакому наказанию за свои промахи и даже за смерть пациента, кроме разве что теряли репутацию. Такие же порядки видим у нас.

И. Репин. Исцеление больной. 1871 г.

Если медик у других народов был скорее заклинателем, кудесником, хранителем древних профессиональных тайн, то в Греции он слыл ученым мужем. Сравните тот образ «врача», который доносят до нас индийские источники в некой «песне врача». Эскулап бодро путешествует по стране с красивым ящиком для лекарств (из фигового дерева). Конечно, он стремится к полному выздоровлению больных, но

на первом месте у него жажда получить солидный заработок. Ему нужны «конь, бык и одежда». Порой в лечении он использует травы: травы извлекают из тела все больное, «всякая хворь бежит от них, как от руки палача». Таких в Индии часто называли не только «изгоняющим болезни», но еще и «истребителями демонов».

Диего Веласкес. Пьяницы, или Сила Вакха. 1628 г.

Гнев же оскорбленного божества надо укрощать жертвами или молитвой, духа мучителя следовало задобрить ласковым к нему обращением или изгнать путем заклинаний. Сказанное относится не только к индийскому врачебному искусству, но и к искусству врачевания у первобытных народов и даже к знахарству поздних веков. Разумеется, суеверные способы лечения встречались порой и среди греков (вспомним сцену из «Плутоса» Аристофана) или у римлян (так, им злоупотреблял полководец Аристид, человек достаточно образованный и просвещенный). Однако тот факт, что города и правители тогдашнего мира приглашали наперебой видных греческих светил, стремясь таких врачей удержать, говорит о многом. Это значило, что в Греции имелись неплохие врачебные специалисты. Таких врачей уважали. О них говорили: «Лекарь, право, стоит нескольких других людей». Вердикт врача был чем-то вроде непреложного закона. Так кротонец Демокед был в течение года на жаловании города Афин, на следующий год – у общины эгинцев, а на третий – у Поликрата. Его гонорар быстро возрастал от 8200 драхм до 10 000 или до 16 000 драхм. После падения властителя Самоса, он в качестве пленника прибыл в Сузы, где выступал в роли не только

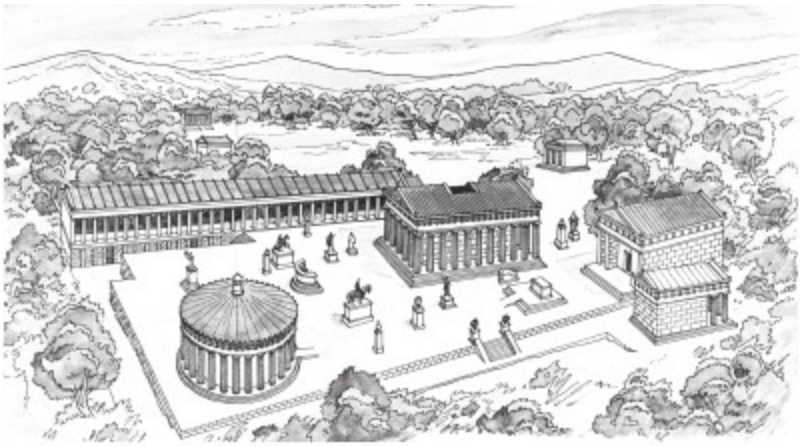
врача, но и советчика, или «застольника», царя Дария (521—485 гг. до н.э.). Он настолько хорошо пользовал царя и его супругу, что даже придворные египетские врачи впали в немилость и стали опасаться за их жизнь.

В самом деле, порой важнее вылечить, сохранить живое человеческое тело, нежели воплотить в мраморе – мертвое. Авторитет его был столь высок и в древности и позднее, что его заветы, по словам Мольера, сравнивали с Евангелием. «Клятва Гиппократа» прямо указывает на переход к свободному практикованию врачебного искусства. Среди перечисленных в ней моральных требований к врачу, помимо клятвы лечить честно и умело, есть: обязательство учить врачебному искусству потомков, если те выберут эту профессию, учить безвозмездно, больному помогать по мере знания и сил, не применять врачебных средств во вред кому-либо или с преступной целью, не давать пациентам яду, не вытравливать плода у женщин, не производить кастрации (что вызывало особое неприятие у греков, но что спокойно воспринимали персы и евреи), не злоупотреблять знанием в эротических целях (как по отношению к свободным, так и по отношению к рабам), хранить врачебные тайны, не торговаться из-за гонорара, не обирать клиентов и т.д. Тут мы встречаем и прекраснейшее изречение этического характера: «Где нет недостатка в любви к людям, там не будет недостатка и в любви к своему призванию». Если врачи стремились излечить тело, то философы более заботились об уме.

Впрочем, сохранились некоторые афоризмы, в которых можно уловить и своего рода философское содержание. Так, Гиппократу приписывались некоторые из них: «Честные люди должны вести такой образ жизни: зимою они должны как можно больше есть, а пить как можно меньше; питьем пусть будет вино, возможно менее разбавленное, а пищею хлеб и все жареные блюда…»; «Из натур человеческих одни хорошо или дурно приспособлены для лета, другие – для зимы»; «Из болезней одни хорошо или дурно переносятся в одни времена года, другие – в другие. Так же точно и некоторые возрасты приспособлены к известным временам года, к местностям и к образу жизни»; «Нужно делать много всевозможных упражнений: бег, который полагается постепенно увеличивать; борьбу «в масле», которую надо удлинять, начиная с легкого упражнения; быстрые

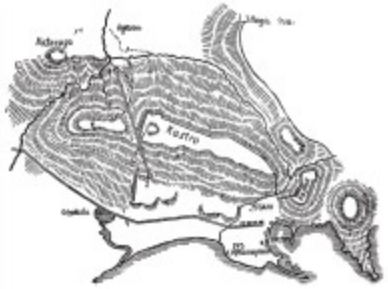
прогулки после упражнений и медленные – после обеда… Нужно пользоваться твердой постелью, ночными прогулками, ночным бегом, ибо все это заставляет похудеть и согревает… Надо не бояться подвергать себя холоду, только не после еды и упражнений, а во время утренних прогулок, избегая при этом чрезмерности. Нехорошо для тела не зябнуть в эту пору: ведь и деревья, не подвергшиеся в свое время холоду, не могут ни производить плодов, ни быть крепкими. Нужно пользоваться в это время всеми видами упражнений, ибо чрезмерности не будет, лишь бы не наступило переутомление». Тут уж философия выступает спутницей, помощницей и сестрой медицины.

Родство или близость двух этих профессий в древности для многих были очевидны; неслучайно даже математика Пифагора представляли врачевателем. А уж в отношении философов и софистов, как справедливо заметил Хейзинга, «медик, врачеватель зачастую и в самом деле – воистину исторически – был и остался их старшим братом». Все они и позже сохраняли черты этого «древнего родства». В дальнейшем центры греческой науки переместились из Эллады на Восток – в Александрию, Пергам, Антиохию, Селевкию, Тир или в другие города цивилизованного мира. Любопытно и то, что в эпоху эллинизма даже среди так называемого слабого пола проявляются отдельные случаи возникновения интереса к науке. Есть уже первые дерзкие «эмансипатки», стремящиеся получить доступ к мужским профессиям. У одного врача, жившего в Александрии во времена Птолемеев, училась девушка из Афин, некая Агнодика. Ее упорная настойчивость и тяга к наукам привели к тому, что этой женщине было разрешено изучать медицину (если верить сообщениям римских авторов).



Реконструкция храма Асклепия в Эпидавре

Характерной особенностью античной медицины было и то, что многие врачи являлись одновременно и философами. Это совершенно естественно, ибо физиология и дух находятся в самой тесной взаимосвязи. В этом смысле интересен трактат Галена «О природных способностях», где он прямо связывает проблему питания людей с их ростом (как физическим, так и духовным). Гален (129—199 гг. н.э.), сын математика и архитектора, был врачом гладиаторов в Пергаме, а затем лейб-медиком при дворе императора (со 169 г.). Сторонник платонизма в философии, он признавал высокий авторитет Гиппократа. Ему принадлежит важнейшая мысль о генезисе и развитии человеческой природы. Развитие человека состоит из формирования и изменения. Процесс этот непрост. Природе, телу человека (полагаю, и обществу) свойственно сохранение в ходе их роста «прежней идеи», т.е. памяти о былом.



Туннель и водопровод Эвпалинос на Самосе

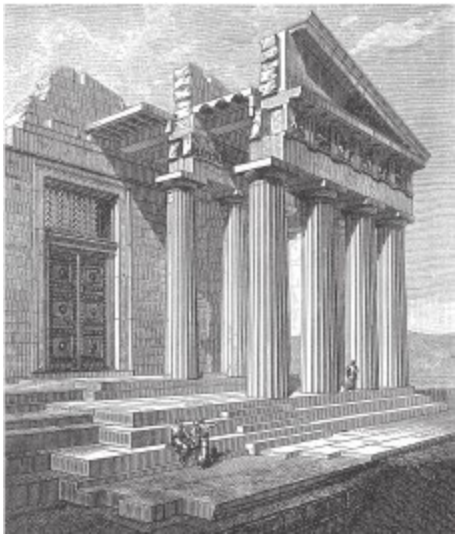
Будучи крупным философом-медиком, имея связь с императорской властью, Гален, видимо, понимал то, сколь важно сохранять в памяти поколений уважение к тем величайшим авторитетам, которые сформировали великую греческую культуру (Платону, Аристотелю, Гиппократу и др.). Идея смешения культур может быть перенесена и на нашу почву, как один из острых вопросов античной традиции, да и современности. Ведь, с одной стороны, без смешения нет ни роста, ни прогресса. С другой стороны, смешивать нужно очень осторожно. Уже Аристотель понимал, что если смешать большое количество одного вещества с малым количеством другого, возникнет преобладание первого, а второе пребудет в «страдательном» состоянии. Это равносильно тому, как если бы взять и смешать каплю доброго вина с десятью тысячами ведер воды. Вина там не остается вовсе, ибо оно теряет свою форму и целиком изменяется в воду. То же

происходит с человеком, у которого отсутствуют характер и воля, чей ум пуст, а душа мертва. Этим людям культура недоступна и чужда. Такой человек подвержен любой болезни и часто оказывается во власти диких и разрушительных инстинктов. Есть люди, лучшим исходом для которых была бы смерть. Как сказал Гиппократ, «чего не лечат лекарства, излечивает железо, чего не врачует железо, исцеляет огонь». То, что не в силах исправить природа или закон, исправит смерть. Мы близки к тому, чтобы погрузиться в философские воды.

Вершины греческой философии

Как выше сказано, наличие ряда условий и привело к развитию общественно-философской мысли, да и вообще науки в Греции. В основе этого лежали прежде всего изменения в материальных условиях существования общества (замена бронзы железом, рост рабовладения и торговли, освоение земли и моря, производство керамики и т.д.). С VIII в. до н.э. стала распространяться письменность, которая перестала быть уделом жрецов. В итоге в Греции стал меняться интеллектуальный и общественный климат… Ученый Ж. – П. Вернан в своей книге «Происхождение древнегреческой мысли» отмечал: «Знания, нравственные ценности, техника мышления выносятся на площадь, подвергаются критике и оспариванию. Как залог власти, они не являются более тайной фамильных традиций; их обнародование влечет за собой различные истолкования, интерпретации, возражения, страстные споры. Отныне дискуссия, аргументация, полемика становятся правилами как интеллектуальной, так и политической игры. Постоянный контроль со стороны общества осуществляется как над творениями духа, так и над государственными учреждениями. В противоположность абсолютной власти царя, закон полиса требует, чтобы и те и другие в равной мере подлежали «отчетности» (eythynai). Законы больше не навязываются силой личного или религиозного авторитета: они должны доказать свою правильность с помощью диалектической аргументации. В рамках полиса именно слово являлось инструментом политической жизни; письменность в собственно интеллектуальном плане начинает

служить средством общей культуры и позволяет в полной мере распространять знания, которые ранее были уделом немногих или находились под запретом». Демократия открыла путь философии и философия, в свою очередь, стала повивальной бабкой общественных наук.

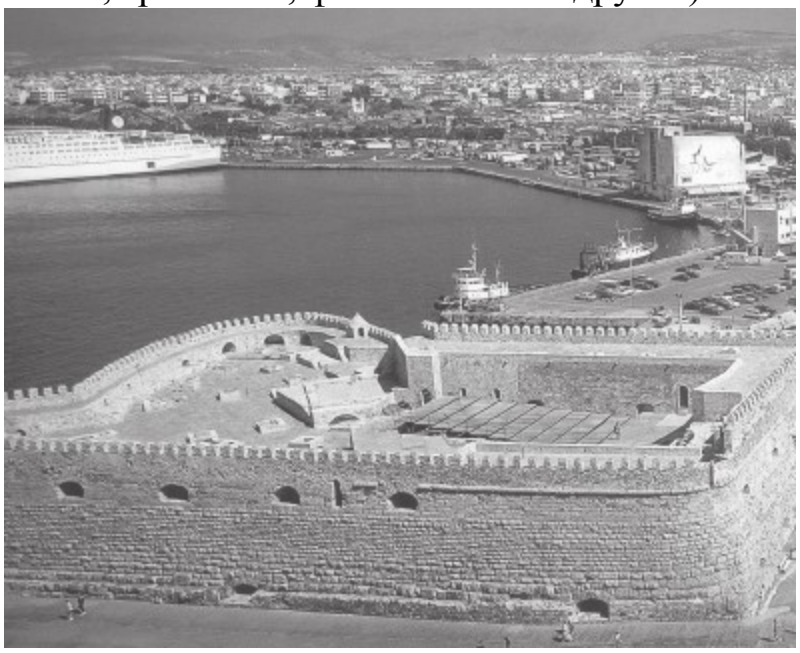


Северная часть Парфенона

Интеллектуальная революция начиналась в Ионии. Иония находится в азиатской части Греции. Где-то примерно на рубеже VII—VI веков до н.э. произошел всплеск интереса к духовному и мысленному творчеству среди греков. Ранее уже отмечалось: греки отождествляли всех, кто так или иначе был связан с мыслью («мудрец», «рапсод», «софист», «поэт» и т.д.), с деятелями культуры. Например, многие считали первым греческим философом певца Орфея. Другие называли куда большее число мудрецов, людей практического ума и жизненного опыта. По большей части это были люди выдающихся способностей. В их числе упоминали и Фалеса, основателя милетской философии, который, по словам Симпликия, «первым явил эллинам естественную историю», тирана из Мителен Питтака, Биаса из Приены и афинского поэта и законодателя Солона. В число этого ряда мудрецов входили: Анахарсис Скифский, Мисон Хенейский, Эпименид Критский, афинский тиран Писистрат и т.д. и т.п.

Историю древнегреческой философии обычно принято начинать изучать с Фалеса Милетского (624—546 или 650—543 гг. до н.э.). Фалес, сын Эксамия и Клеобулины, первый греческий философ,

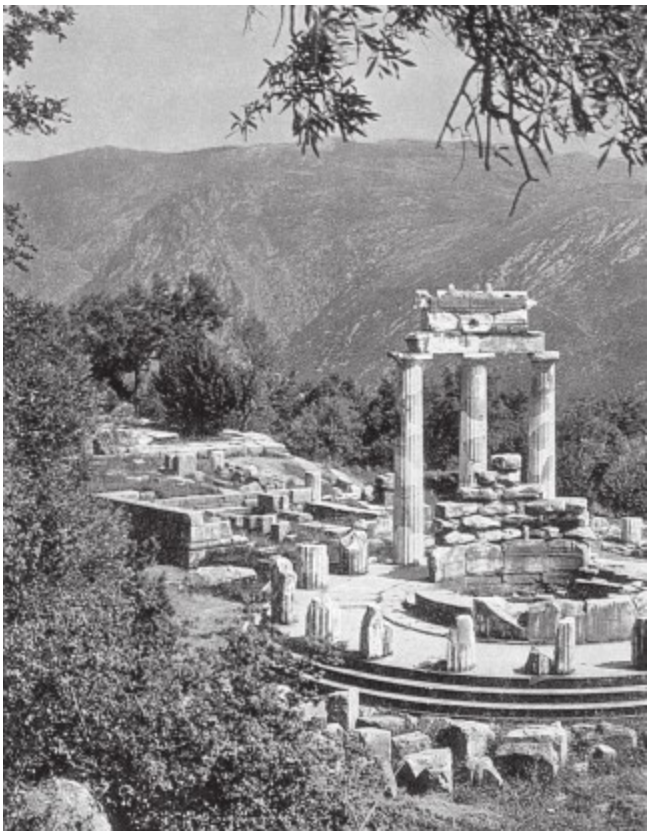
математик и астроном, – один из семи признанных мудрецов. Освобождение мысли от мифа вовсе не похоже на появление на свет ребенка, когда вместе с водами отходят сразу все наслоения мифологического сознания. Здесь жил народ смешанных культур и кровей (карийская, греческая, финикийская и другие).



Город Ираклион. Вид с крепости на порт

В этом братстве возникли первые научные школы. Жизнь Ионии была наполнена яростной политической борьбой, в которой участвовали три основных сословия: ремесленники, владельцы земель и виноградников, купцы, судовладельцы и моряки. Купцы и моряки повидали мир и владели знаниями иных стран, ремесленники имели навыки производства и изобретения. Поэтому Иония стала местом, где явился Фалес. Хотя легенда представляет его чудаком, который по ночам пялит глаза на звезды и, наблюдая за небом, из-за своей рассеянности ночью сваливается в колодец, история видит в нем выдающегося астронома, предсказавшего затмение Солнца (28 мая 585 г. до н.э.). Говорят, он знал формулу, найденную еще халдеями. Что же касается наук, Гегель считал, что с Фалеса, собственно говоря, лишь «и начинается философия». Дильс писал: «В области астрономии, следовательно, Фалес был не ученым, а человеком с практическими знаниями, который, правда, больше знал и мог, чем его земляки и соседи варвары. По крайней мере, до времени Геродота дошла молва, что Крез перед битвой у Галиса призвал его и поручил отвести поток.

Историк, правда, отвергает этот рассказ: мидийское войско переходит у него через Галис по обыкновенному мосту. Если он и прав, то все же в V веке легенда должна была приписать такие чудеса гидротехники милетскому астроному». Иония стала местом изобретения многих вещей, в том числе вставных календарей. Возник особый ионийский стиль в архитектуре (колонны с нежными завитками напоминали грациозную фигурку гречанки с изящными локонами). Иония дала миру такие изобретения, как серебряные монеты, банки, залоговые письма.



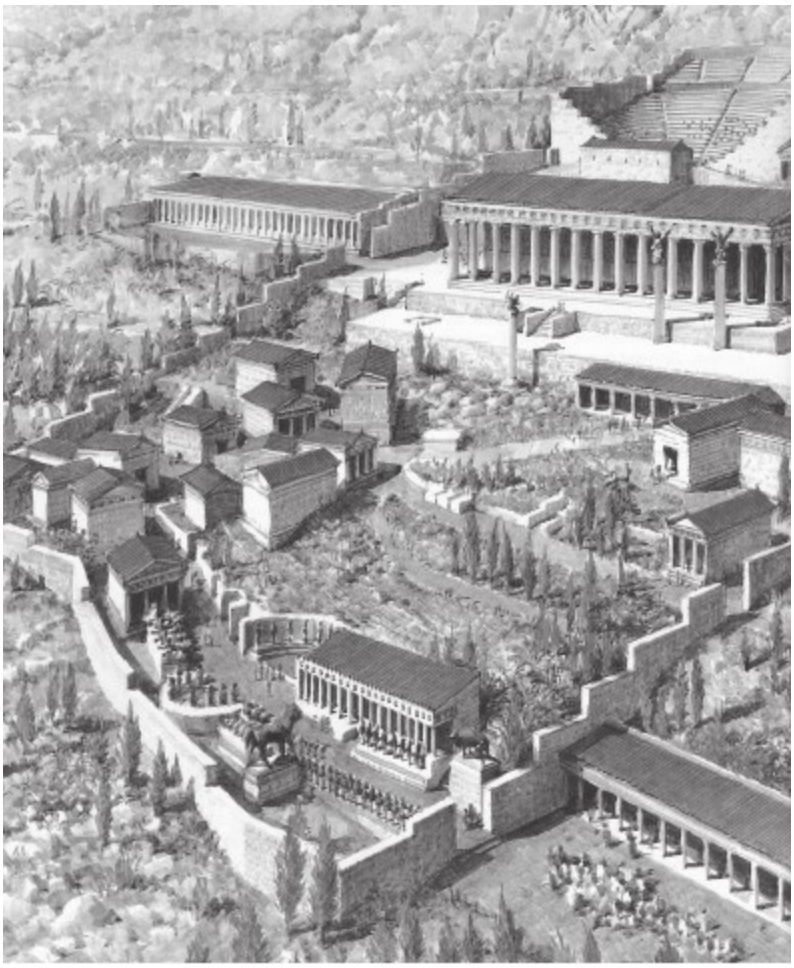
Развалины храма Аполлона в Дельфах

Фалес занимался многим: был путешественником, инженером-гидротехником и даже купцом. Это тип ученого нового и, можно сказать, даже новейшего времени, ибо он ориентировал науку на задачи экономики и промышленности. Известно, что он научно установил, что в следующем году ожидается большой урожай фиников, задешево арендовал все маслобойни, стал монополистом по производству масла и заработал много денег. «Первый геометр» (Апулей), «первый астроном» (Евклид), «первый физик» (Плиний). Таким образом, он первым поставил теоретическое знание на службу

практике, то есть достиг того, что и сегодня для многих является недостижимым идеалом. Он же точно установил день и время затмения солнца, высказал догадку, что Луна светится отраженным светом Солнца. Фалес определил продолжительность года (365 дней). Платон говорил, что Милетец прежде всего практик, а не теоретик, как считал Аристотель. До нас дошли названия его трудов «Морская астрология», «О солнцестоянии», «О равноденствии», «О началах». Ряд его идей – «Вода есть начало всего», «Все происходит из воды» – положили начало философскому осмыслению процесса мироздания и жизни в Природе. У Фалеса таким образом «материальное имеет философское значение» (Гегель). Чрезвычайно важна для понимания происхождения Вселенной высказанная им формула – «Космос един». В ней рассматривается универсум как единая система, единство живого и неживого. Жизнь – вечное движение. Она неуничтожима. Фалес считал душу движущим началом в человеке. Его положения имеют глубокое значение с точки зрения морали. Вспомним изречения: «Познай самого себя»; «Прекраснее всего мир, ибо он есть произведение Бога»; «Мудрее всего время, ибо оно открывает все»; «Больше всего пространство, ибо оно все содержит в себе»; «Сильнее всего необходимость, ибо она имеет власть над всеми»; «Не богатей дурными средствами»; «Прекрасно красоваться не наружностью, но своими занятиями»; «Надо одинаково помнить друзей – присутствующих и отсутствующих»; «Что на свете трудно? – Познать себя»; «Что легко? – Советовать другому»; «Кто счастлив? – Тот, кто здоров телом, восприимчив душой, податлив на воспитание»; «Что приятнее всего? – Удача».

Кратер Клития и Эрготима

Что дало толчок появлению столь важных элементов культуры современного мира? Видимо, мощный толчок дала свобода, свобода практической и духовной деятельности. Свободное население городов и станет социальной базой и опорой нарождающихся научных школ. Фалес старался выстроить здание наук из частей научных наблюдений древнего мира (из знаний наук египтян и халдеев). Боннар даже назвал Ионию «Греческим Вавилоном»… Фалес считал светила предметами естественными, а не божественными. Планеты для него – это физические тела. Он и другие ученые стремятся установить, из какой материи состоит мир. Началом всего была вода. Он полагал, что земля и все существующее образовалось из воды в силу естественного процесса. Боннар в «Греческой цивилизации» пишет, что греки, таким образом, создавали геометрическую науку в связи с искусством зодчества и с мореплаванием. Все предания о Фалесе приписывают ему способность определять расстояния от возвышенной точки на побережье до корабля, находящегося в открытом море. Те же предания приписывают ему геометрическое знание – на этот раз вполне отвлеченное, но рациональное, – свойств фигур, без построения которых невозможно измерить это расстояние. Эта наука является детищем класса купцов, которым надобны были суда для дальних плаваний и храмы для прославления своих городов не в меньшей мере, чем для прославления почитаемых ими богов. Фалес предложил Ионии образовать государство совершенно нового типа, а именно – федеративное государство, управляемое федеральным советом, но ионийцы его не послушались, видимо, зря.



Святилище греков в Дельфах

Фалес говорил, что он благодарен судьбе за три вещи: за то, что он, во-первых, человек, а не животное, во-вторых, за то, что он мужчина, а не женщина; в-третьих, за то, что он эллин, а не варвар. Его популярность у греков была велика. По этой причине они не только причислили его к «семи мудрецам», но и поставили на первое место среди всех них. Так высказался Дельфийский оракул. Фалес дважды награждался бронзовым треножником как самый выдающийся ум того времени.

Рождение Афины с помощью Гефеста

Столь высокую оценку он получил, вероятно, и по той причине, что учителей не имел (если не считать того, что ездил в Египет и какое-то время жил там у жрецов). Умер Фалес своей смертью от старческой слабости, наблюдая за ходом состязаний. Некоторые убеждены, что история греческой философии начинается с Фалеса, не с Гомера или Орфея. Этой корректировкой мы обязаны во многом Аристотелю, ибо до него Гиппий скорее подчеркивал близость, чем различия между греческими философами, поэтами, варварскими мудрецами. В эпоху эллинизма аллегорические толкования превратили поэмы Гомера в источник не только высокой поэзии, но и мудрости, в том числе философии. Порой в ряду мудрецов называлось до 12—17 имен. Однако Диоген Лаэрций (о котором ничего не известно: ни где жил и писал, ни датировок его жизни и смерти) отделяет всех этих мудрецов собственно от философов. Хотя и четкое представление о началах греческой философии у него отсутствует. Вот как видится ему зарождение этой науки (во тьме веков): «Занятия философией, как некоторые полагают, начались впервые у варваров: а именно у персов были их маги, у вавилонян и ассириян – халдеи, у индийцев – гимнософисты, у кельтов и галлов – так называемые друиды и семнофеи…; финикийцем был Ох, фракийцем – Замолксис, ливийцем – Атлант».

Аполлон с кифарой

Египтяне уверяют, что начинателем философии, хранимой жрецами и пророками, был Гефест, сын Нила… Однако сам Лаэрций решительно не согласен отдавать столь почетный приз – то есть первенство зарождения философии – в руки других народов. Поэтому далее он отмечает: «И все же это большая ошибка – приписывать варварам открытия эллинов: ведь не только философы, но и весь род людей берет начало от эллинов. В самом деле, достаточно припомнить, что именно среди афинян родился Мусей, а среди фиванцев – Лин. Мусей, сын Евмолпа, первый, по преданию, учил о происхождении богов и первый построил шар; он учил, что все на свете рождается из Единого и разрешается в Едином… Лин, по преданию, был сыном Гермеса и музы Урании; он учил о происхождении мира, о путях солнца и луны, о рождении животных и растений… Отсюда и взял Анаксагор свое учение, что все в мире возникло совокупно и лишь потом явился Ум и внес в это порядок. Умер этот Лин на Евбее от стрелы Аполлона… Вот таким образом началась у эллинов философия, самое имя которой чуждо варварской речи. Те, кто приписывают открытие философии варварам, указывают еще и на фракийца Орфея, называя его философом, и притом древнейшим».

Таким образом, и здесь так или иначе признается ключевая роль древнейших цивилизаций в рождении философии. Любопытно, что сами философы Греции трезво оценивали свои способности. Пальму первенства (треножник) они охотно передавали от мудреца к мудрецу, и так вплоть до Солона, который заявил, что первый в мудрости – это все-таки бог. И отослал треножник в Дельфы.

Развалины храма Посейдона в археологическом комлексе Сунион

Почти вся Эллада испытала мощное воздействие пифагорического движения… Оное называют нравственно-религиозной реформацией Пифагора. Пифагорийство как течение философской мысли включает несколько периодов: древний (VI—V вв. до н.э.), средний (IV—I вв. до н.э.) и поздний (I—V вв. н.э.). Известны имена пифагорейцев: Филолая, Гиппаса из Метапонта, Алкмеона, Оккела из Лукании, Гераклита из Эфеса. Космология пифагорейцев покоилась на вере в магию чисел. Как отмечал Аристотель, все они полагали числа реальными вещами и прилагали математические абстракции к телам, считая, что вся Вселенная составлена согласно некоторому гармоническому соотношению, состоя из чисел. Она устроена согласно гармоническому числовому отношению. Пифагор думал, что все в мире возникает не из числа, но согласно числу. Как бы там ни было, ясно, что пифагорейцы внесли громадный вклад в развитие

древнегреческой науки. И самой яркой фигурой был Пифагор, о жизни которого известно немногое. Даты рождения неопределенны (род. 580 или 570 или 540 гг. до н.э., а умер в 500 г. до н.э.). Он был сыном богатого купца с Самоса. Отец его был финикийцем, сирийцем или тирийцем, жителем Тира. Он специализировался как ювелир-камнерез, резчик драгоценных камней для перстней и гемм. Однако самым драгоценным его «произведением» стал великий Пифагор. Родители назвали его по имени пророчицы Пифии, что предсказала им рождение сына. Отец перед тем объездил много стран, но именно на Самосе, где он удостоился гражданства, решил свить гнездо. В знак благодарности за удачу (он вернулся на остров с огромной прибылью и сыном) Мнесарх воздвиг на Самосе святилище Аполлона, назвав его Пифийским. Детство Пифагора было светлым и радостным. Он рос в любви и внимании. У него было два брата. Отец и мать дали ему прекрасное воспитание. Пифагор учился грамматике, поэтике и риторике у Гермодаманта, потомка того Креофила, который принимал у себя самого Гомера и якобы даже получил от него бессмертные письма. Тот обучал его письму, чтению, правильной речи и стихосложению, а также искусству декламации. С детства Пифагор знал наизусть всю «Илиаду» и «Одиссею». У мистического философа Ферекида Сиросского он обучался диалектике, физике, теогонии. Этот самый Ферекид был известен тем, что сам себя выучил, приобретая тайные книги финикийцев. Он же первым сформулировал учение о переселении душ. Однако жизни было угодно, чтобы идея переселения душ обрела весьма конкретные формы. Позже конфликт с тираном Самоса Поликратом (вспомним шиллеровскую балладу «Перстень Поликрата») вынудил семью Пифагора покинуть родной остров, совершить путешествие в Египет и Вавилонию, посетив перед тем многие места в Греции.

Пифагор – первый философ

В 18 лет он достиг возмужалости и стал эфебом. Как и полагалось, его привлекли (после проверки происхождения, гражданства и физического осмотра) к воинской службе. Служил Пифагор «на границе» (в пограничных отрядах). Уже тогда умный юноша прекрасно отдавал себе отчет в том, что его истинное предназначение – это наука, а не военная карьера. Молва о нем, как о «Пифагоре Длинноволосом», дошла и до светил – Фалеса Милетского и Бианта из Приены. Тем не менее всё говорит о том, что гордыня его не обуяла («Ах, какой я умный, мне ли нести военную службу!»). Он исполнил с честью военный долг, находя даже приятным испытания и физические нагрузки.

Еще будучи эфебом, он отличался умом и достоинствами. В 18 лет он решил почерпнуть мудрости у Фалеса. Тот его принял ласково и посоветовал съездить в Египет, к египетским жрецам, заметив, что он получит от них то, что сделает его мудрым в глазах людей. Почерпнув от Фалеса ряд ценных советов, он поехал в Египет и там обошел всех жрецов и прорицателей, впитывая от них все, что было возможно (знания о звездном небе, математике и геометрии, медицине, музыке и т.д.). Напомним, что и Фалес в одном из писем говорит о путешествии в Египет и на Крит вместе с Солоном для изысканий. Ходили слухи, что его взял в плен Камбиз и увел его в Вавилон (однако сведения эти смутны). Одним словом, он пробыл на чужбине несколько десятков лет и вернулся на Самос примерно в возрасте 56 лет. Тут он попытался передать свое умственное достояние соотечественникам. Однако те не смогли подняться до уровня его требований. Лишь единицы стали его

учениками. За городом он устроил себе в пещере убежище для мыслей, где и проводил дни и ночи, занимаясь науками. Видя, сколь тяжело дается сомосцам обучение, он уехал в Италию, куда за ним потянулись ученики. По прибытии на место он обустроил в г. Кротоне некий огромный «дом совместного слушания», где собирались уже толпы людей (до 2 тысяч человек). О том, что представляли собой жизнь и учение Пифагора, написал сириец Ямвлих в «Жизни Пифагора» (III в. н.э.).

Его жизнь поистине удивительна, являя собой живое воплощение того, как знания становятся посланниками цивилизаций. Судите сами. Рожден в Сидоне – в Финикии, откуда в Элладу, говорят, пришли многие науки и искусства, включая письменность. В Сирии его отец создал колоссальное состояние. Сам он жил на о. Самос. Учился у милетских мудрецов. Уехал в Финикию и Египет, а затем вернулся учить людей уму-разуму в Великую Грецию (так в древности называли колонии в Сицилии и Южной Италии). Обойдя, подобно солнцу, тогдашний культурный мир, как пчела с цветка, он всюду собирал знания (геометрию и науку о небе – у египтян, науку расчетов и чисел – у финикийцев, науку о звездах – у халдеев и египтян).

Вернувшись в Грецию, Пифагор выбрал местом обитания аристократический Кротон, где и стал обосновывать свою философию единства. Учение имело успех, в результате чего организованный им союз уничтожил демократического соперника, полис с весьма легкомысленным названием – Сибарис (510 г.). Некоторые говорят, что учение его было не столько философией, сколь религией бога света, знаком нравственной чистоты Аполлона. В Италии он создал религиозное товарищество или «школу мистерии». Целью Пифагора было воспитание сторонников в духе твердых нравственно-религиозных принципов. Он сторонник аристократизма духа, что противостоит распущенной и циничной демократии. Говорят, Пифагор мог ловить ухом музыкальную волну, идущую от звезд, мог слышать полет пчелы и жука, воздействовать на ум людей, животных, повелевая ими. Его считают изобретателем музыкальных интервалов. С помощью музыки он помогал видеть вещие сны. Он мог якобы с помощью ума и слуха воспринимать гармонию небесных сфер, не только видя движение светил, но и слыша их согласное пение. И вообще он обладал многими удивительными качествами, что дало

некоторым основание считать его сыном самого бога Аполлона или Орфея (поэт назвал его сыном Аполлона).

Его перу принадлежат три важных сочинения – «О воспитании», «О государстве» и «О природе». Жизнь человеческую Пифагор определял одним возрастом (80 лет), сравнивая ее с олимпийскими играми, на которые одни приходят – состязаться, другие – торговать, а третьи – смотреть. Сосикрат в «Преемствах» говорил, что на вопрос Леонта, флиунтского тирана, кто он такой, Пифагор ответил просто: «Философ», что значит «любомудр». Жизнь, говорил он, подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные торговать, а самые счастливые смотреть; так и в жизни иные, что подобны рабам, рождаются жадными до славы и наживы, тогда как философы – до единой только истины. Только философы не знают страха смерти, ибо в полной мере понимают, что жизнь – это лишь часть нашего бытия, хотя и наиважнейшая. Однако «смотреть на жизнь» – это непозволительная роскошь. Ее нужно пить, как нектар, ее нужно ваять, как мрамор, и с ней надо быть честной, как со своим другом.

Юноши на пиру, развлекаемые танцовщицами и флейтистками

Следует воздерживаться от крайностей, излишеств и пороков. Пьянство именовал он доподлинно пагубой, а всякое излишество резко осуждал: ни в питье, ни в пище, говорил он, не должно преступать границ соразмерности. О похоти и любви высказывался довольно осторожно: «Похоти уступай зимой, не уступай летом; менее опасна она весной и осенью, опасна же во всякую пору и для здоровья нехороша». А на вопрос, когда надобно влюбляться, ответил: «Всякий раз, как хочешь обессилеть». Жизнь человеческую он делил на отрезки: «Двадцать лет – мальчик, двадцать – юнец, двадцать – юноша, двадцать – старец. Возрасты соразмерны временам года: мальчик –

весна, юнец – лето, юноша – осень, старец – зима». Все мы в чем-то немножко юноши, даже в старости.

Главным законом жизни Пифагор считал закон крепкой дружбы. Он первый, кто, по словам Тимея, сказал: «У друзей все общее» и «Дружба есть равенство». Среди его учеников установилась настоящая «коммуна», ибо все в «общежитии» соединяли свои ресурсы и свои капиталы. Наибольшим злом он считал пьянство, похоть и вообще всякие излишества. Они расслабляют волю и опустошают душу. Существовал миф, что его ученики пять лет могли слышать только его речи, не видя лика. Они допускались в жилище лишь после окончания испытательного срока. В материальном плане он был обеспечен, раз принес в жертву целых сто быков после открытия им знаменитой теоремы о треугольнике (квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов). В сонете, посвященном памяти Пифагора, немецкий поэт А. Шамиссо так отразил сей эпизод:

Свет истины коснется нас не скоро,
Но, воссияв, рассется навряд
И, как тысячелетия назад,
Не вызовет сомнения и спора.
Мудрейшие, когда коснется взора
Свет истины, богов благодарят;
И сто быков, заколоты, лежат, —
Ответный дар счастливца Пифагора…

Пифагор любил рассуждать по ночам. Он считал, что душа человека вершит круг неизбежности, облекаясь то в одну, то в другую жизнь. Сам Пифагор был убежден, что до Троянской войны он был Эталидом, во время Троянской войны – Эвфорбом, позже Гермотимом из Клазомен, потом рыбаком Пирром на Делосе. Он помнил даже все прежние воплощения своей души и знал, что с ним случится в будущем. Ученикам своим Пифагор предписывал всякий новый день начинать с вопросов: «Что я свершил? и в чем согрешил? и чего не исполнил?» У него была жена по имени Теано. Она была в него страстно влюблена и вообще считалась очень умной женщиной. Говорят, что на вопрос «на который день очищается женщина после

мужчины?» она ответила: «После своего мужа – тотчас, а после чужого – никогда». Когда ее спросили, что такое стыд, она заметила: «То, что дает мне (право) называться женщиной». Но женщине, которая идет к своему мужу, она советовала вместе с одеждою совлекать и стыд, позволяя себе все, чего ее душа или тело пожелают. И вновь облачаться в стыд, когда их любовная беседа завершена и жена вновь облеклась в броню замужества. У них была дочь Мия, достойная родителей.

Пифагор из Кротона

Пифагор, насколько мы можем судить, был одним из первых гуманистов, наряду с великим Прометеем. Если тот принес людям огонь и дал им мясо, то Пифагор дал знания и разумное устройство. Сообщество, организованное мыслителем, жило по христианским принципам. Они не только сделали общим имущество. Главное же заключалось в другом. Они руководствовались, как мы бы сказали, строго научным мировоззрением, которое открывало душе глаза и вообще действовало «очищающе на ослепленный другими занятиями ум». Все жили единой общиной на принципах дружбы, воздержания, благоразумия, священного непричинения вреда всем другим живым существам, свято соблюдая законы. Говорят, что он приучил итальянцев к свободомыслию и сделал эти города свободными (Кротон, Сибарис, Катану и др.), действуя через уроженцев этих мест. Ко всем он обращался с такой речью, которая и сегодня могла быть стать основой толковой и разумной политики государства. Он говорил: «Любым способом следует избегать и отсекать огнем, железом и всеми

другими средствами от тела болезнь, от души – невежество, от желудка – излишество, от города – смуту, от дома – разномыслие, от всего в целом – неумеренность». Он учил чтить родителей и взывал к самообразованию, ибо кто же лучший учитель, как ни сам человек, стремящийся к знаниям. Одно лишь образование можно отдать (или передать) другому, став при этом еще богаче. Даже любовь скорее отнимает силы, чем доставляет удовлетворение. Лишь «образованием отличаются люди от животных, эллины – от варваров, свободнорожденные – от рабов, философы – от профанов».

Древнегреческая амфора

Свои лекции и беседы он всегда сопровождал живыми рассказами историков, мнениями философов, красочными сравнениями из великих поэтов. Удивителен был и его дар говорить со всеми тем языком, который им более всего понятен. Так, когда его просили выступить с речью перед детьми, он говорил с ними их языком, когда он выступал перед женщинами, он находил понятные им мысли и образы, а в речах, обращенных к правителям и эфебам, выстраивал иную аргументацию. Будучи сам человеком не бедным, он знал цену золоту, и даже считал, что «по нему устанавливается цена всему остальному» (Ямвлих). Именно на Пифагора, судя по всему, намекал Эмпедокл, говоря о человеке огромного дарования среди греков:

Жил среди них некий муж,
умудренный безмерным познаньем,

Подлинно мыслей высоких
владевший сокровищем ценным,
В разных искусствах премудрых
свой ум глубоко изощривший,
Ибо как скоро всю силу ума
напрягал он к познанью,
То без труда созерцал любое,
что есть и что было,
За десять или за двадцать провидя
людских поколений.

Гораздо замечательнее всех легенд о наличии у него якобы «золотого бедра» явились поистине золотые его заслуги перед обществом. Пифагор первым ввел у эллинов понятие мер и весов. Говорят, что даже название науке философии он придумал первым, правда, называя себя не философом, а «любомудром». В основе его учения лежит стремление к мудрости и истине. Мудрость же есть не что иное, как знание о тех реальностях, что окружают нас (мира, человека, общества). Его ученики были искренне ему преданы. Тот из членов, кто выдерживал пятилетний испытательный стаж, становился членом пифагорейского ордена ученых-любомудров, где царили законы справедливости, милосердия, умеренности. Жили пифагорейцы, можно сказать, по-спартански: не ели мяса, обходились хлебом, овощами, медом. Недоброжелатели над ними смеялись:

Пьют воду, а едят – сырые овощи,
Плащи их вшивы, тело их немытое, —
Никто другой не снес бы этой участи!

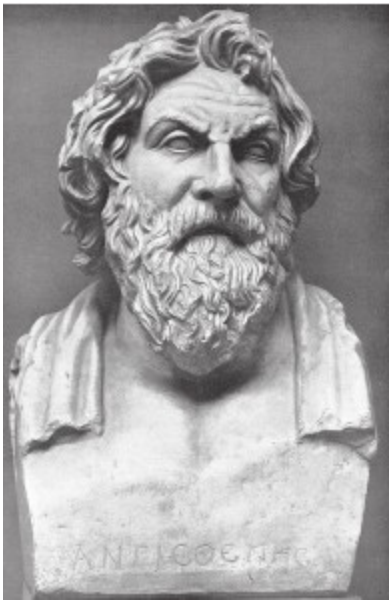
Реконструкция деталей Парфенона

Надо отметить, что вокруг пифагорейцев сочинялось невероятное количество разного рода смешных, а часто явно злопыхательских историй. Одни говорили, что они «страдают словесным поносом» и поэтому ничего не едят. Как их только ни называли: жалкими, ничтожными, грязными, выродками, жрущими собак, надменными волосатиками, безумными нечестивцами. Иные считали их просто болтунами, говорящими о том, что им неведомо. Другие с недоверием взирали на их часто эпатажный вид. Так, Аристофонт в «Пифагорейце» скептически заметил:

Помилуй, бог! Ужели в старину
и впрямь
Пифагорейцы все ходили грязными
И рубища носили с удовольствием?
По-моему, неправда это чистая:
Но по нужде и не имея ни гроша,
Предлог удобный нищете придумали,
Ввели ограничения полезные
Для бедных. А попробуй только
им подать
Мясца или рыбки —
коли не сожрут всего
И не оближут пальчиков,то пусть меня
Повесят десять раз!

Пифагорейцы тех, кто не подходил по своим нравственным или умственным качествам, отчисляли из кружка без сожаления. И в первую очередь тех, кто не разделял принципов дружбы, товарищества, а также их философско-идеологической платформы. Таких изгоняли из ордена, насыпав на его месте могильный холм, даже если он был живым (ходила легенда, что тем не менее им давали серебра и злата, ибо что есть злато по сравнению с бесценным даром мудрости и знаний). Учение его в дальнейшем воплотилось в его учениках, среди которых были политики, философы, законодатели, учителя. На вопрос, как и где лучше воспитать сыновей, один из них, Ксенофил, ответил: «Родить его в благозаконном государстве».

Философ считал, что самое трудное в жизни начать: «Половина всего – начало». Мы убеждены, что ничуть не менее важно в жизни государственного деятеля, да и обычного человека – это конец… Говорят же: «Конец всему делу венец». Можно запоздать с началом, совершить немало ошибок, но при наличии разума и верного взгляда все можно поправить и успеть совершить нечто великое и достойное. Хотя пример жизни самого Пифагора свидетельствует: идеологии умирают вместе с яркими вождями. Когда общество пифагорейцев осталось без своего вождя и учителя (тот уехал в Метапонт и там умер), тут же нашелся некий смутьян, который возомнил себя вождем. То был кротонец Килон, человек из знатных, но «по складу характера тяжелый, склонный к насилию, воинственный и тиранический человек». Когда-то он считал себя пифагорейцем, но попытка приобщиться к нормальной и умной жизни оказалась ему не по плечу. Тогда он повел войну против вчерашних соратников. Его переполняла злоба на то, что его изгнали из ордена пифагорейцев. В итоге он и его окружение решили осуществить подлый и коварный замысел. Подлость не прощает достоинств.



Дмитрий из Алопеки. Портрет философа Антисфена

Килоновцы выждали удобный момент, когда пифагорейцы обсуждали свои дела, – и подожгли белый дом, где заседали философы-общинники. Только двоим из них (Архиппу и Лисиду) удалось спастись. Самые авторитетные пифагорейцы погибли, а народ, который они учили достоинству и мудрости, как паршивое и безмозглое стадо, отреагировал на это с полнейшим равнодушием и безразличием. По другой версии, пифагорейцев не только сожгли, но побили камнями и выбросили без погребения (500 г. до н.э.).

Есть еще одна версия, которая, как нам представляется, ближе к истине. Будучи сильны в науках и искусствах, члены ордена пифагорейцев вскоре заняли все места в управлении полисом. Вначале это устраивало тех, кто пользовался их знаниями. Затем, переняв кое-какие знания, аборигены решили, что им не нужны вчерашние учителя. У них – «своя национальная гордость». Возник конфликт, в основе которого, как это часто случается, лежали властные, материальные и экономические интересы. Раздражало людей и то, что члены ордена общались только между собой, что было вызвано более высоким уровнем знаний и развития. Хотя нельзя, конечно, исключать и того, что вскоре пифагорейцы превратились в своего рода замкнутую касту. А это, будь ты пифагореец, коммунист или капиталист – все равно плохо для согласия. Ямвлих пишет, что народ потребовал, чтобы «все граждане имели право участвовать в органах власти и в народном собрании, а высшие должностные лица давали бы отчет тем, кто

избран по жребию из всего народа». Пифагорейцы контролю стали препятствовать. Противники этим воспользовались. При этом дело не обошлось без фальшивок, интриг, науськиваний толп. Конец пифагорейцев, как видим, печален.

Краснофигурная пелика из Камироса

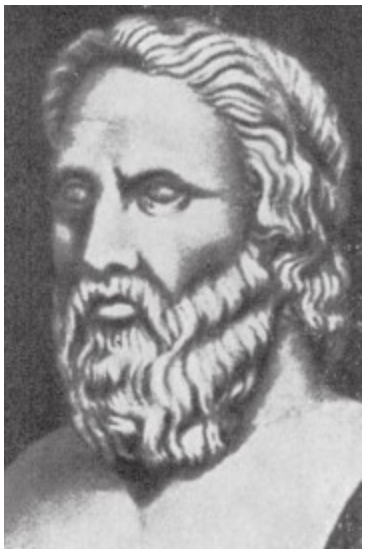
И все же учение Пифагора надолго пережило его время. Пифагор стал символом научного знания. У него не только учатся, но ему стараются подражать. В каком-то смысле слова Пифагор для ряда поколений стал учителем и богом одновременно. Это от него пошла традиция «Священного Слова Пифагорейцев» («Молитва от Пифагора»), стихотворное изложение его учения, которое легло в основу «Золотых Стихов Пифагорейцев». В этих стихах содержатся напутствия, «путевка в жизнь»:

Юноша, горних богов почитай,
подчиняясь закону.
Попусту клятв не давай. Чти героев
преславных и бойся
Гнева божеств, что живут на земле
и в глубинах подземных.
Сердцем к родителям льни и родни
не чурайся, а другом
Сделай того, кто в себе сочетает
отвагу и доблесть.

Сдержанной речи внимай и деяньям,
идущим на пользу.
Другу ошибку прости, если он
оступился случайно;
Будь, сколь возможно, терпим,
ибо долг и возможность – соседи.
Также запомни: пора научиться
обуздывать страсти:
Тягу к обжорству и сну непомерную,
плотскую похоть,
Приступы гнева. И знай, что
постыдный поступок
Навряд ли вес потеряет, коль ты
на сообщников часть
Переложишь. Будь осторожен
в словах и на деле.
Суди справедливо: строже себя,
чем других.
Не желай невозможного, зная,
что неизбежен конец
И от смерти никто не спасется.
Помни: за прибылью вслед и
утрата придет…
Труд доведя до конца, ты охватишь
открывшимся зреньем
Связи бессмертных богов и людей,
чьи дороги конечны,
Знаньем наполнишься: что преходяще,
а что – неизменно.
Вечную сущность узришь во всеобщем
единстве природы…

Выдающееся место занял в истории греческой философии Гераклит Эфесский, родившийся в Эфесе между 540 и 530 годами до н.э. и умерший примерно в 470 году до н.э. Жизнь сына благородных родителей (архонта базилевса) из Эфеса пришлась на эпоху

политического заката Ионии. Хотя он имел право на сан «царя» (будучи старшим в роде эфесских кодридов), он отказался от прав и привилегий в пользу брата. Это был сложнейший период истории Греции (Марафонская битва, борьба демократии и аристократии и т.д.). Учился он у Ксенофана, а также у самого себя. Молва рисует его гордым и высокомерным, но это не так. Просто, глядя на людей, он говорил: «Один для меня – десять тысяч, если он наилучший» (наилучший, а не наиважнейший). Наблюдая за поступками и нравами людской толпы, Гераклит подчеркивал, что в ней «много дурных, мало хороших», или буквально: «Многие – плохи, немногие – хороши». Его оценки толпы, ее идеологии и психологии, и ныне актуальны. Он прав, говоря, что большинство пользуется готовыми мнениями, не вырабатывая собственного взгляда на положение вещей. Однако оно убеждено, что думает, и принимает решения, которые ему не принадлежат. В действительности же массой движет лишь инстинкт насыщения («толпа же насыщается подобно скоту»). К сожалению, он почему-то не пожелал исправлять взгляды и законы эфесцев, когда они его попросили об этом. Диоген Лаэртский пишет, что он предпочел играть в бабки с мальчишками, удалившись в храм Артемиды. Гераклит не простил согражданам того, что те изгнали старую власть, при которой им, кстати говоря, жилось гораздо лучше. Потому он прямо и заявил им: «Чему дивитесь, негодяи? разве не лучше так играть, чем управлять в вашем государстве?» Это было жестоко, но честно. И еще более зло добавлял: «Поделом бы эфесцам, чтобы взрослые у них все передохли, а город оставили недорослткам, ибо выгнали они Гермодора, лучшего меж них…»



Портрет Гераклита

Гераклит – один из главных материалистов Древней Греции. Он – глашатай идеи вечного движения. Философ считал, что «покой и неподвижность – свойство мертвых». Жизнь воспринималась им как неустанная борьба и постоянное становление. Судя по всему, философ был знаком с произведениями Пифагора и Ксенофана. Он считал, что все живет и обновляется на базе Огня и Логоса (закона, управляющего миром и людьми). Гегель говорил, что нет ни одного положения Гераклита, которое бы он не взял в свою «Логику». О нем, впрочем, сохранилось больше анекдотов, чем достоверных сведений. Главная его книга, «О природе» (ее называли «Музы», или «Точный руль в направлении жизни», или «Мнение о нравах, строй единого и всеобщего образа мыслей»), дошла до нас лишь в фрагментах. В диалектике Гераклита нашел отражение и принцип всеобщей относительности («все течет – все изменяется»), принцип борьбы противоположностей на основе единства всего сущего. Принцип справедлив как в отношении событий истории, так и отдельных личностей. За редким исключением многие так называемые знаменитости мало чем путным и прославились-то. Поэтому надо бы восстановить справедливость. И пусть впредь первые места в истории займут те, кто, подобно Гераклиту, внес немалый вклад в мысль и творчество народа, а не тираны и олигархи (которых мы зовем темными).

Состязание колесниц

Уловите мысль Гераклита… Это тем более важно для мыслителя, ибо он должен понять, что все движение совершается в определенных и всегда повторяющихся формах. Нет «ничего постоянного, кроме перемен». Поэтому и власть, и богатства, и здоровье – категории изменчивые. Тот, кто сегодня у власти, завтра может быть осмеян и проклят… Он признавал достоверным и даже необходимым последовательное образование и разрушение мира (включая и мир наших жизней, идей и благополучия). В книге российского ученого Ф. Х. Кессиди «Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского» дан исчерпывающий анализ воззрений древнегреческого материалиста. Философ, будучи противником демократии, осуждал в эфесцах их неприкрытую алчность и тягу к роскоши. Часть эфесцев привыкла к богатствам, и это неизбежно делало власть порочной и продажной. Он говорил: «Да не покинет вас богатство, эфесцы, чтобы вы срамились своей подлостью». Речь шла вовсе не о неприятии денег, богатства и благосостояния. Трагично иное: когда граждане забывают об интересах государства. В то время многие греки ощущали смертельную опасность со стороны персов. Философ превозносит не алчных олигархов, но отважных героев, что пали в бою за отчизну: «Павших на войне чтут боги и люди», ибо чем славнее смерть, тем «больше получаемая награда». Богатство – преходяще, слава же, обретенная в битве за родину, нетленна. Она сияет в веках «вечной красой». В природе над всем царит Огонь, а в человеческом обществе – Закон. Когда нарушен Закон в обществе, оное неминуемо пожрет Огонь. Политические позиции Гераклита условно можно назвать «аристократическими». Однако никаких особых прав за наследственными аристократами он не признавал. В лице Гераклита

если и видим аристократа, то такого, что близок по духу к истинной демократии самого высокого уровня.

Элита, которая обычно толкует в ее пользу постановления и чинит произвол, по мысли Гераклита, обречена. Ее действия – произвол. Настойчивее, чем кто-либо у древних греков, Гераклит выступал против произвола царьков-басилевсов, чье своеволие «следует гасить скорее, чем пожар». Однако и народ не имеет право нарушать закон. Более того. Народ «должен сражаться за закон, как за свои стены». Такие законы могут явиться только, если во главе страны встанет личность типа Солона, отстаивающая всеобщий интерес и общественный порядок. Правда, тому же Гераклиту принадлежат слова, оправдавшие войны: «Война – отец всех вещей».

Однако он относился настороженно и к толпе, видя, что та в своих действиях и стремлениях часто руководствуется суетностью. Цели, которые толпа ставит перед собой, зачастую пошлы, низменны и бессмысленны. Гераклит, подобно Соломону в старости, был твердо убежден, что всё, кроме мудрости, является тленом, ибо всё преходяще и суетно. Но люди как раз и ставят перед собой подобные ничтожные цели: ищут денег и чувственных благ, руководствуются телесными желаниями или глупыми предрассудками. «Родившись, они стремятся жить, чтобы затем умереть, или, лучше сказать, успокоиться, и оставляют детей в уделе смерти». Так стоит ли к ним обращать свое «вечное слово», если слово одинаково не разумеют не только отъявленные тупицы или глупцы, но и те, кто претендует на наличие разума?!

Гераклит презирал популярные идеи, особенно те, которые являлись пищей для недалеких и слабых умов. Он равнодушно относился к мнению других о себе. Для достижения истины, говорил он, недостаточно и многознайства. Ведь знать много еще не значит знать истинное. В поиске истины он полагался прежде всего на свою интуицию. «Я искал самого себя». Это означало, что он бережно и внимательно прислушивался к тому внутреннему голосу, который вел его по дороге познания. Гераклит был страстным сторонником перемен. Он видел в переменах закон жизни, важнейший закон бытия. Известно его изречение: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Один из его последователей сказал, что в одну и ту же реку нельзя войти даже один раз. Жизнь настолько быстра и скоротечна, что все в

нас или вокруг нас находится в постоянном изменении. Всё и вся меняется. Смысл жизни – в борьбе, противоборстве и столкновении. Это то постоянное непостоянство, которое движет всем, всем заправляет, все подстегивает. Так же следует понимать и его тезис: «Война – отец всего». В самом деле, все разбито на противоположные пары: зло борется с добром, жара с холодом, огонь с водой, дружба с неприязнью, любовь с ненавистью и т.д. и т.п. Как скажет поэт, «вечный бой – покой нам только снится». В мире царит Закон справедливости и Логос. Но всем зачастую заправляет Зло, за котоорым также приглядывают фурии, его настигая.

Фаэтон, падающий с огненной колесницы

Иные видели в таком его поведении некую заносчивость, подобную заносчивости Фаэтона, что вздумал было управлять колесницей солнца… От него доставалось и Гомеру (он говорил, что того однажды выгнали с поэтических состязаний), Гесиоду и Пифагору, Ксенофану и Гекатею и другим. Он утверждал: «Многознание уму не научает». Не проявлял он интереса и к естественно-научным проблемам. Его более занимали вопросы мудрости. В лице Гераклита «мы впервые встречаем на своем пути не считающего, не измеряющего, не вычерчивающего, не искусного на все руки мыслителя, а мирового мудреца, спекулятивный ум, изумляющее духовное богатство которого нас еще и поныне питает и услаждает, но вместе с тем и «чистого философа» в менее похвальном смысле слова, то есть человека, не изучившего основательно ни одной специальности и вместе с тем ставящего себя судьей над всеми» (Гомперц). Полагаю, огромная эрудиция заменяла ему такое

специальное обучение. Крайне важна сформулированная этим мыслителем идея гармонии. Ее ключевая фраза: «Мышление – великое достоинство», а также его великое пророчество: «И, однако, Правда настигнет лжецов и лжесвидетелей». Жизнь его была служением правде. В свое время Гераклитом увлекся до потери сознания Фердинанд Лассаль (1825—1864), создатель Всеобщего германского рабочего союза. Выражая свое восхищение философом, он говорил: «Видно, что Гераклит был далек от того равнодушия, которое сообщает этическо-политическим рассуждениям позднейших стоиков такую томительную скуку. В этой натуре таилась буря». Возможно, эта «буря» передалась и самому Лассалю, которого Г. Гейне называл «мессией XIX века».

Гераклиту
Гори ж, Огонь, взбодри наш мозг
усталый…
В борьбе стихий – единственный
покой,
Достойный тех, кого венчают славой!
Гармония, порядок мировой
Родятся в муках, с пеною кровавой,
Как плод любви и битвы роковой…

В. Миронов

Одиссей в подземном мире. По Генелли

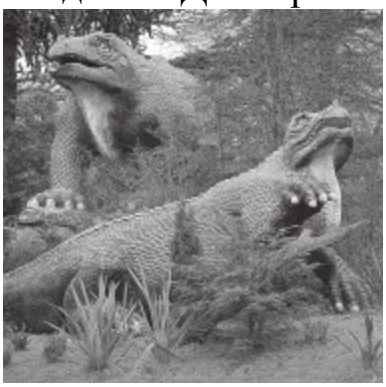
Заметное место среди умов того времени занимал Парменид (VI в. – середина V в. до н.э.). Он был ровесником Гераклита, ибо его «акмэ» (так греки называли расцвет жизни мыслителя) приходилось на 504—501 годы до н.э. Платон считал его учеником Ксенофана. Он станет главой школы элеатов (Элея). Основа учения Парменида изложена в его сочинении «О природе», в котором рассмотрены отношения бытия и небытия, бытия и мышления. В его трактовке мыслить – значит быть. Человек познает истину с помощью мышления и логики. Парменид воспевал в своих трудах и «грозно-звездную Правду». Движение свое к истине он выразил в образе кареты, запряженной «мудрыми конями», в которой он летит на встречу с богиней Истины. Людей, лишенных знания, сравнивал с отклонениями природы, видя в них уродцев о двух головах. В отличе от Гераклита он считал, что в мире царит неподвижность и некая непротиворечивость. Когда-то всем придется пройти через ворота Дня и Ночи.

Когда перед тобой, как нетронутая целина, лежат непознанные загадки мира, невольно ощущаешь себя Одиссеем, вдруг узревшим сказочную землю лотофагов… Ступив на ниву познания, всюду подмечаешь неизвестное и необычное. Эмпедокл говорил: «Разум растет у людей в соответствии с мира познаньем». Отсюда и вторая замечательная черта древних. Они стремились обрести знания в различных сферах. Позицию Демокрита они явно предпочитали позиции Сократа. Сократ утверждал, что «невозможно быть мудрым во всем», «кто что знает, в том он и мудр». Древним, вероятно (по крайней мере, лучшим из них), гораздо ближе был девиз Демокрита, высказывавшегося в энциклопедическом духе: «Мудрому человеку вся Земля открыта». Подобная максима, думается, в большей степени отвечала широте мировоззрения древних греков. Так древние чувствовали себя свободными. У них как бы появлялись крылья, позволяющие вознестись в светозарный мир идеалов.

Жизнь Демокрита (460—370 или 360 гг. до н.э.) схожа с полетом горного орла, что воспарил в высоты чистого и светлого разума… Рожденный в Абдерах (а у греков сей город считался городом глупцов), он еще раз подтвердил истину, что не место красит человека, а человек место… «Великий Миростой» он написал в бедной крестьянской хижине в Абдере. И его назовут величайшим естествоиспытателем древности и даже «первым энциклопедическим умом среди греков»

(К. Маркс). С юношеских лет его увлекло волшебное царство мысли. Он стал заниматься всеми науками своего времени (математика, медицина, этика, музыка). Богатство казалось ему тяжкими цепями, что сковывают человека в повседневной жизни. Получив от отца наследство, он истратил все деньги на путешествия – и все это ради познания. За 8 лет он побывал в Египте, Вавилоне, Персии, Эфиопии, Индии. В Афинах беседовал с Сократом. Его воспитателем был Остан, первый человек, принесший из Персии в Элладу учение магов (учителем Остана, видимо, был поздний Зороастр).

Демокрита ничуть не заботило, что он вернулся домой нищим. Наука принесла ему больше наслаждения, нежели жизнь прижимистого обывателя в кругу таких же ограниченных идиотов. Он говорил: «Я объездил больше земли, чем кто-либо из современных мне людей, подробнейшим образом исследуя ее; я видел больше, чем все другие, мужей и земель и беседовал с наибольшим числом ученых людей». По греческим законам тот, кто растратил отцовское имущество, подлежал наказанию. Его могли лишить даже права захоронения на родине, а это считалось тяжким позором. Греки не были еще тогда избалованы роскошью и богатством, предпочитая скромное существование. В простоте жизни античного полиса была своя прелесть. Все жили единой коммуной. Все знали друг о друге почти все. Это сближало людей. И Демокрита не наказали.



Доисторические хищные твари

Прожив долгую жизнь (90—109 лет), Демокрит стал «всезнающим». Он без устали взбирался по бесконечной лестнице знаний. Рациональный взгляд на науку и образование тогда не стал еще sine qua non (само собой разумеющимся) для большинства обитателей ойкумены. Аристотель даже называл скромность в науке и познании не иначе как «серединой между бесстыдством и

стеснительностью». Закладываются основы и нормы научного знания. Если в VII—VI веках до н.э. философы утверждали истину как прорицатели, основывающиеся на туманных доводах и аналогиях, то, начиная с Парменида, и особенно с Анаксимандра, они чаще прибегают к научной аргументации, выделяя некие общие закономерности в сфере познания, дабы положить их в основу диалектики. Громкой славой пользовались Фалес и Анаксимандр, Эвпалин и Архимед. Говоря о теории сфер Анаксимандра, Шиллер писал («Художники»):

Теперь гармонию он сферам возвратил
С самодовольным юным обаяньем,
И если он пленялся мирозданьем,
Он симметрию в нем любил.

Ознакомившись с учениями Левкиппа и Протагора, Демокрит пленился красотой мироздания. Он считал, что жизнь на Земле и во Вселенной возникла не как результат божьего творения, но как итог механического взаимодействия частиц природы, и полагал, что сначала из сырого и влажного ила произошли земноводные, а от них произошли наземные животные. Первые люди рождены из воды и ила. Некоторые отцы церкви (Лактанций) вменяли ему в вину то, что он осмелился утверждать, что люди – всего лишь твари, которые «произросли из земли наподобие червяков, без всякого Творца и безо всякого разумного основания». В целом ряде случаев мы скорее согласимся с позицией Демокрита, чем Лактанция. История показывает, сколь слабо выражено в массе людей то, что можно было бы назвать «божественным началом». И наоборот: именно «червячное начало», где напрочь отсутствует мысль, где существо занято процессом поглощения пищи и ее переваривания, составляет для многих главное назначение и основную функцию их бытия. Б. Н. Чичерин пишет: «История привела к торжеству демократии, она явилась владычествующею в Афинах и в других греческих городах. Но с этим вместе начинается процесс ее разложения…» Учение Демокрита и было той демократией, которая умеет себя умерять, сдерживая свои стремления «в пределах закона и разума».

Греческий философ. С античной статуи

В те времена (VI—IV вв. до н.э.) творили Платон и Аристотель, Софокл и Еврипид, Алкей и Архилох. То время более располагало к созиданию и философии. Поэтому когда Демокрит прочитал согражданам сочиненный им труд «Великий Миростой», люди смогли оценить оный по достоинству. Поэтому ему не только простили его бедность, но и щедро наградили. В честь философа воздвигали статуи. На старости лет он познакомился с Гиппократом. Впоследствии, когда к нему придет громкая слава, имя его – Абдерит – жители города Абдеры будут произносить с особой гордостью. Греция умела ценить ее выдающиеся таланты. Демокрит – одна из влиятельных фигур среди философов Древней Греции. Тимон выразил похвалу в таких словах: «Пастыря слов Демокрита, двойной изощренного мыслью, всемудреца, болтуна, поспешил я прочесть среди первых». Правда, Платон, упоминая почти всех древних философов, не упоминает нигде Демокрита (даже там, где надо было по логике вещей и возразить ему). Если это и не зависть, то, видимо, понимание того, что ему придется спорить с одним из лучших философов. Сыграло роль и присущее мудрецам чувство соперничества. Сам Демокрит говорил: «Я зашел дальше всех моих современников; я расширил мои исследования далее, чем всякий другой; я видел больше стран и земель и слушал больше ученых людей; в слагании линий, сопровождаемом доказательствами, никто не превзошел меня, даже египетские землемеры». Подобные самооценки в древности были довольно частым явлением. Ведь если сам о себе не напомнишь, то о тебе могут и забыть. Нужно было утверждаться в

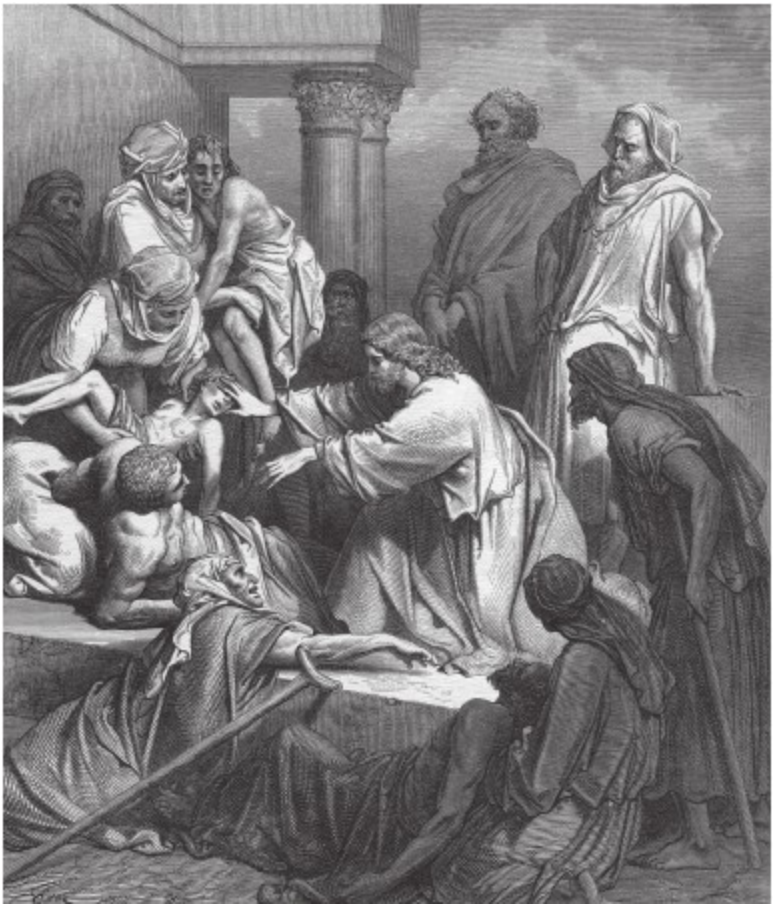
столичном, афинском мире, среди стольких светил и умов. В другом месте он косвенно подтверждает это мнение, говоря: «Я приехал в Афины, там меня никто не знал».

Философ Сократ

В его лице мы обрели яркого философа-атомиста, разрабатывавшего все отрасли познания, начиная с математики и физики и кончая этикой и поэтикой. Аристотель говорил о Демокрите как о человеке, который, по-видимому, размышлял обо всем. Философа Аристотеля, немало почерпнувшего из его трудов, иногда еще называли Стагеритом. Он различал два вида познания. Одно из них относил к области чувств, полагая его темным и незаконнорожденным, уводящим от истины. Другое познание считал относящимся к области духа и мысли, называя законнорожденным и достоверным. Демокрит был убежден: разум видит дальше и лучше, чем чувство. Чувство скорее нас ослепляет.

Пейзаж Аттики

Сочинения его включают разделы по физике, философии, математике, медицине, физиологии, эстетике и этике, психологии и технике. Малодостоверна легенда, согласно которой якобы философ ослепил себя, желая оградить от зрительных впечатлений, влияющих на ход рассуждений. Это вовсе не в духе его философии. Да и разве не зрительным впечатлениям обязан он первым росткам мудрости?! Нет, он прекрасно понимал: без сердца разум слеп! Поэтому сказал: «Мудрец – мера всех существующих вещей. При помощи чувств он – мера чувственно воспринимаемых вещей, а при помощи разума – мера умопостигаемых вещей». Во многом от него и берет начало научное восприятие человека как обучаемого животного. Демокрит считал его способным ко всякому научению. Помощником ему являются рассудок, руки и умственная гибкость. Природа делает человека тем, что он есть. Природу дополняет воспитание. Для этого нужна семья и школа. Оба «скульптора» работают вместе. К религии он относился индифферентно и исключительно скептически. К величайшему сожалению, сочинения Демокрита (их 70) впоследствии оказались утрачены.



Г. Доре. Христос исцеляет больных

Сократ (ок. 469—399 гг. до н.э.) – это целая глава в истории воспитания и культуры человечества. Сын ваятеля Софроникса и Фэнареты, он не принадлежал к знати и сливкам общества. Хотя сам он утверждал, что его род восходит к Дедалу (а тот, как известно, происходил от Гефеста, сына Зевса). В юности Сократ имел намерение пойти по пути отца, но на роду ему написано было иное. Говорят, в юности оракул Аполлона в Дельфах причислил его к числу мудрых людей. И тот же оракул посоветовал его отцу, когда Сократ был еще ребенком: «Предоставь мальчику делать все, что ему вздумается, не насилуй и ни в чем не ограничивай его наклонностей. Молись за него Зевсу Покровителю и Музам. И не беспокойся о нем, ибо он в себе самом содержит лучшего руководителя жизни, чем тысячи учителей и воспитателей». Отец так и сделал.

Смолоду он с величайшим энтузиазмом изучал естественные науки, исследовал философские течения (физику, космологию, софистику). Это было время мыслителей и строителей (тогда возвели

Парфенон), историков, философов, государственных мужей и поэтов (Геродот, Перикл, Еврипид, Протагор). Человек необычайных дарований ступил на стезю духовной деятельности в 30 лет, став спутником и учеником философа Архелая. Вот как говорит о Сократе Алкивиад: «В военном Потидейском походе Сократ превосходил всех своими трудами, голодал, отличался таким терпением, что другие перед ним ничего не значили. В пирушках он не ест и не пьет, хотя в тех случаях, когда товарищество принуждало его, он был впереди всех, но пьяным никогда не бывал, что доказывает и настоящая попойка. Легко переносит стужу, идет в легкой одежде в мороз, ходит босиком по льду. Он презирает изнеженность солдат, решителен и отважен… Он самоотверженно выносит из сражения раненого Алкивиада, с самозабвением хлопочет о его награде. В сражении он отступает величаво, с презрением и спокойствием взирая на друзей и врагов. По делам нет подобного Сократу между людьми – ни из древних, ни из современников». В нем столько любви, что этот язычник близок образу Христа.

Жил он в Периклов век. Афины находились в расцвете своей силы и могущества. Сократ и душой и телом был связан с Афинами. Он ни разу не покидал города за исключением тех случаев, когда воинский долг отправлял его на защиту родины. Сократ не любил путешествий, полагая, что сельский пейзаж и деревья везде одинаковы, а новые виды не научат его ничему новому. Как некогда Христос обращался в первую очередь к иудеям, так Сократ обращался прежде всего к своим соотечественникам: «Прежде всего я обращаюсь к афинским гражданам, которые ближе мне по крови». Как позже скажет о нем Цицерон, Сократ «призвал философию с небес на землю и стал насаждать ее в городах и домах людей». В своих спорах с софистами он пытался доказать, что подлинное знание возможно, хотя и не достигнуто. Он откровенно признавался в невежестве. Это не помешало ему согласиться с дельфийским оракулом, что он самый мудрый из всех (так как признает свое невежество). Одной из главных своих задач он считал пробуждение в людях жажды познания, готовности сделать что-то для ликвидации собственного или чужого невежества, то есть излечить больных. Поэтому он охотно подтвердил дельфийский девиз «Познай самого себя». Дело в том, что только через такое самопознание возможно достижение личного счастья

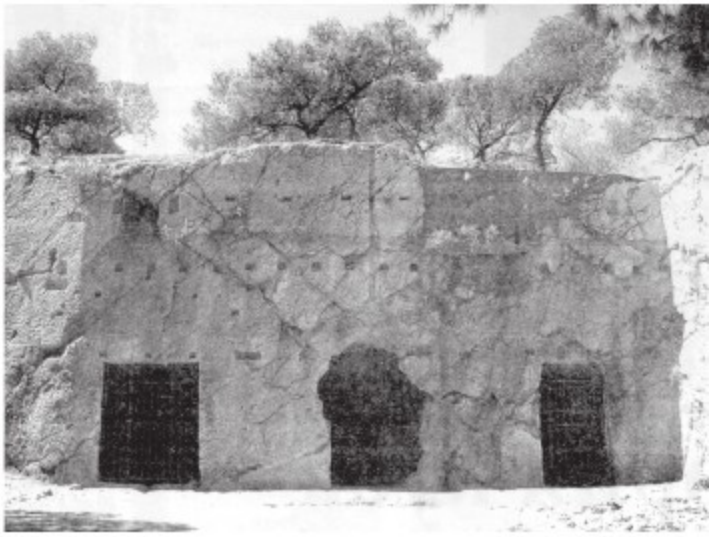
человека, если это возможно в принципе. Ведь всякие внешние атрибуты счастливой жизни (власть, богатство, статус, репутация, даже слава) – лишь фикция, некий туман. Главное условие для счастья – это жизнь, прожитая с пользой для души и тела, а также во имя людей.

Герои комедий Аристофана

Учение Сократа стало не только стержнем древнегреческой философии, но и будущей платформой для построения западной мысли. Его знаменитая диалектическая форма аргументации явилась как бы тем кремнем, на котором оттачивался острейший нож западного интеллектуализма. Отвечая на вопрос, чем он занимается, Сократ в пьесе Аристофана скажет: «Паря в пространствах, мыслю о судьбе светил». Он совершенствовал искусство беседы и аргументации, став отцом софистики, отцом той игры слов, против которой вроде бы выступал. Именно у Сократа диалектика софистов достигла наивысшего развития. Хотя Аристофан (в «Облаках»), поставив целью разоблачить софистическую манеру обучения, представлял Сократа в роли мудреца, наставляющего, как «кривую речь сделать правой», обвиняя его в том, что ложь у него стала истиной. В комедии Правда обещает слово правды сказать, на что Кривда возражает: «Опровергну тебя, возражу, докажу, что по сути вещей Правды нет никакой». Правда в ответ говорит: «Ты виною тому, что учиться подростки не ходят совсем. Но узнают афиняне все же, чему наставляешь и учишь ты глупый народ». Их судьей выступает Корифей. Он призывает для определения того, кто сильнее, Правда или Кривда, показать, как учили «молодежь в дни былые», чтоб каждый мог сравнить настоящее и прошлое, и, послушавши их, «наставника выбрал по сердцу себе». Кривда говорит, что в прошлом учили лишь пустой болтовне и то образование ничего не стоит. Однако Правда решительно ей на это возражает:

Да нисколько! Цветущим, блистающим
жизнь проводить
ты в гимнасии будешь.
Ты не станешь на рынке, как нынче
народ, кувыркаться
в словах, и кривляться,
И мытариться зря, извиваясь крючком
в пересудах грошовых и тяжбах.
Нет! Уйдешь в Академию,
в мирную тишь…

В этом споре Правды с Кривдой образ Сократа ассоциируется у нас с Правдой. В его лице мы видим общегражданского воспитателя граждан Афин. «Сократ был человеком своего времени в самом прямом смысле этого слова. Вокруг него веет ветер истории» – так выразился о нем Вернер Йегер. Он учил афинских юношей не только основам знаний, но и правильному мышлению, выступая в роли судьи, вменяя в обязанность образованным людям умение различать лучшее и худшее. Его можно считать создателем и основ народной философии, хотя иные видят в нем лишь «творца новой нравственности» (Г. Майер). Сократ ничего не написал. Он считал, что живое слово доносит мысль лучше писаного. Если он и пытался порой запутать учеников всевозможными хитростями и тонкостями диалогов, которыми злоупотребляли другие учителя и философы, то только для того, чтобы вернее помочь им отыскать путь к добру и истине. Так считали Платон и Ксенофонт.



Тюрьма Сократа

Любопытно и то, как решает Сократ извечную проблему соотношения знаний, власти, богатства. В романе «Сократ» писателей Й. Томан и М. Томановой он вновь касается этой важнейшей для любой страны темы. Он говорит ученикам, среди которых и Платон, сколь почетна и благородна эта задача – править своей страной. «Искусство правителя – самое сложное из всех человеческих занятий. Человек, поставленный на первое место в общине, обязан многое знать, уметь, быть рассудительным и отважным, и надо, чтобы в разуме его и в сердце была гармония добра и красоты». Сократ утверждает, что искусству правления можно научиться. Но тот, кто претендует на это, должен обладать чувством справедливости и правды. Без этого просто нет и не может быть истинно великого государственного деятеля. У многих правителей на первом месте – властолюбие, на втором – богатство, на третьем – желание прославиться. Эти господа всегда будут жестокими волками, а не добрым пастырем народного стада.

Изображение античной пары

С ними надо поступать как с волками: устроить на них облаву и снять шкуру.

Уроки Сократа вполне могут стать чашей жизненной философии. У него многому стоило бы поучиться… Прежде всего равнодушию к богатству, роскоши, почестям и даже к чувственным наслаждениям (в пожилом возрасте). В то же время брак он рассматривал как необходимость, которая временами скорее даже напоминает наказание Господне. Оттого-то Сократ и отвечал на нелегкий вопрос молодежи, следует ли жениться или нет, довольно уклончиво: «Как бы ни поступил, все равно будешь раскаиваться». Имея двух жен (иные уверяют, двух одновременно – одну в ранге официальной, другую – как сожительницу), он часто изменял и той, и другой. Однако не с женщинами (и даже не с мужчинами), а с философией! Одним словом, говоря, пожалуй, о самом знаменитом из греческих философов, мы вправе сказать о нем: «Он жил как учил, и учил, как жил». Стиль его жизни – это, по сути, и есть смысл его учения. «Тот наиболее богат, кто доволен малым, ибо такое довольство свидетельствует о богатстве натуры» (Сократ). В отношениях с женой Ксантиппой, которая все время ворчала, бранилась, досаждала, он был философски невозмутим. Сократ говорил, что привык к ее брани, как к вечному скрипу колеса. Перенося ее выходки, то, что обычно называют дурью, ему легче было общаться и с другими.

Отдаленные миры

Когда Афины стали свободными, ему пришлось резко обрушиться на политику вождей демократов. Оная привела к тому, что от могущественных Афин остался маленький клочок земли, разоренный дотла. Всему виной было то, что демагог Анит и ему подобные совершенно выпустили вожжи правления из рук. Вместо порядка в стране воцарились полнейший произвол и анархия. Таких людей нельзя называть «демократами». Это – демагоги, зараженные пустой софистикой. Объяснять народу они еще что-то ухитрялись, а решить и поправить дело – никак! И тогда Сократ попытался открыть афинянам глаза на истинное положение вещей в стране и обществе. Это в его понимании и было подлинной философией, образованием и воспитанием народа. Уроки гражданственности и совести – одна из важнейших сторон античной школы.

Особо стоит рассказать о смерти Сократа… Великий философ видел смысл своей жизни и деятельности в воспитании, обучении достойного молодого поколения. Он даже говорил, что это было главным делом его жизни. А так как он преподавал бесплатно, то Сократ дошел до бедности («так и дошел я до крайней бедности из-за служения богу»). Не этим были озабочены другие. Если вспомним, что Сократ жил в рабовладельческом государстве, что богатство афинян – дело рук рабов, которые владели ремеслом, и что в Афинах почти вся полиция состояла из скифов (это 1200 человек), что в Эпидамне все производство было сосредоточено в руках рабов, если укажем, что «законник» Солон покупал женщин, чтобы основать публичные дома,

собирая в храмы тысячи гетер, то, видимо, придется согласиться с вердиктом – не все, далеко не все обстояло так уж благополучно в Афинском государстве. Кстати, ее и демократией-то можно назвать лишь с большой натяжкой. А. Валлон писал: «Чего больше всего здесь боялись – это численного увеличения членов общин. Законодатели видели в этом затруднение для своих строго установленных конституций, а граждане – уменьшение привилегий, достающихся на долю каждого из них. Как раз при помощи рабов стремились увеличить ресурсы государства; и, в противоположность мнению великих политиков и самых мудрых философов, рабов даже предпочитали поселившимся в стране иностранцам, так как они гарантировали, что исключительно граждане будут пользоваться всеми выгодами от цветущего производства и растущей торговли. Это было плохое предвидение будущего».

Западный фронтон храма Афины на острове Эгине. Реконструкция

За что афиняне подвергли казни Сократа? Объяснения встречаем у Ксенофонта в «Меморабилии», у Платона и у Диогена Лаэртского. «В постановлении против него было сказано приблизительно так: Сократ виновен в том, что не признает богов, признаваемых государством, а вводит другие, новые божества; виновен также в том, что развращает молодежь» (Ксенофонт). Платон писал: «Кажется так: Сократ, говорят они, преступает закон тем, что развращает молодых людей и богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знамения. Таково именно обвинение». Диоген Лаэртский добавлял, что он виноват в развращении юношества и в вводе новых божеств, «а наказание за это – смерть». Истинной причиной казни явились зависть и его непримиримая борьба с тридцатью тиранами. Критий, хорошо знакомый со взглядами Сократа, так как и сам некогда учился у него, из-за ревности запретил ему обучать молодежь, заявляя: «Нет, тебе придется, Сократ, отказаться от этих сапожников, плотников, кузнецов: думаю, они совсем уже

истрепались оттого, что вечно они у тебя на языке». Как видите, и в Греции правители очень не любили «оводов» (так называл себя в кругу друзей философ Сократ), которые все время жалят и жалят. Поэтому многие норовили его «прихлопнуть».

М. Караваджо. Горгона Медуза. 1608 г.

Так что же в действительности стало причиной осуждения великого философа? То, чему учил Сократ молодежь Афин, – любви к родине и знаниям, нестяжательству и мудрости, в нашем понимании при нормальном порядке вещей можно было лишь приветствовать. Не в богатстве счастье (а все имущество Сократа оценивалось в 5 мин, то есть в сумму меньшую, чем цена, которую платили за 1 раба). «Серебряные сосуды, пурпурные одежды хороши для театра, а в жизни ненадежны» – эту идею втолковывал он юношам. Старался вдобавок возбудить в них недовольство таким положением, говоря, что «та жизнь, о которой ты говоришь, совсем не хороша». Тем самым он словно намекал, что они по сути дела мертвы, хотя, возможно, иные и богаты («мы – люди не бедные», – так сказал один горе-реформатор, неудавшийся «наследник царя Бориса»). Все это не нравилось состоятельной афинской публике, и та его обвинила, заявив: «Сократ преступает законы тем, что портит молодежь, не признает богов, которых признает город». Но что в действительности признает ваш город? Рабство, сытое брюхо, дары шлюх и жизнь на проценты… Поэтому Сократ говорит: было бы «удивительное счастье для юношей, если бы их портил только один, остальные же приносили бы им пользу». Условия для воспитания юношества в таком вот государстве – жуткие, ибо и сами родители-рабовладельцы обладали извращенной психикой. Для читателя, думаю, понятно: Сократа осудили на смерть клевета подонков и недоброжелательство. «Много дружеских связей

расторгнуто, много домов обращено в развалины – доверием к клевете» (Лукиан). И дело не в его ошибках или якобы преступлениях против народа. Все это глупости! Он показал «народу» его истинное лицо, а уж этого ни скотская часть черни, ни элита простить ему не могли. Ницше прав, сказав в «Проблеме Сократа»: «Но Сократ отгадал еще больше. Он видел кое-что за спиной своих знатных афинян; он понимал, что его случай, его идиосинкразия уже не была исключительным случаем. Такое же вырождение подготовлялось всюду в тиши: старым Афинам приходил конец». Думаю, это и вынудило его принять чашу с ядом. И разве не так же у нас (с распадом СССР) по своей воле, будучи не в силах вынести триумфа этих ничтожеств, ушли из жизни поэтесса Ю. Друнина и герой Великой Отечественной маршал Ахромеев?!

Битвы Геракла. Изображение на амфоре

Поставьте перед нынешней «элитой» зеркало, заставьте ее мельком взглянуть в него: она затопчет смельчака, как стадо диких буйволов. Сократ не побоялся, как не боялся Геракл, смело встречавший опасности и совершавший свои подвиги. Он твердо и прямо сказал ей: «Ты, лучший из людей, раз ты афинянин, гражданин величайшего города, больше всего прославленного мудростью и могуществом, не стыдно ли тебе заботиться о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и о почестях, а о разуме, об истине и о душе своей не заботиться и не помышлять, чтобы она была как можно лучше?» И если кто из вас станет спорить и утверждать, что он заботится, то я не отстану и не уйду от него тотчас же, а буду его расспрашивать, испытывать, уличать, и, если мне покажется, что в нем нет добродетели, а он только говорит, что она есть, я буду попрекать его за то, что он самое дорогое ни во что не ценит, а плохое ценит

дороже всего. Так я буду поступать со всяким, кого только встречу, с молодым и старым, с чужеземцами и с вами – с вами особенно, жители Афин, потому что вы мне ближе по крови… Будьте уверены, что если вы меня, такого, каков я есть, казните… вы больше повредите самим себе, чем мне». Если быть точным, он сам себе и вынес смертный приговор.

Судили его за то, что он был абсолютно равнодушен к деньгам, хотя согласно нравам времени «он мог зарабатывать деньги подобно другим учителям, преподавая свою науку молодежи» (Гегель), за то, что против обычаев греков «пил мало» на пирах, за то, что учил истине, а не испорченности, что его идеал достойных людей и благоустроенных государств отличался от идеалов толпы и преступных «элит», а также за то, что осмелился потребовать от уходящего правителя отчета за все содеянное. Поэтому Сократ дерзко говорил своим обвинителям: «Убивая меня, вы думали избавиться от угрызений совести и суда молодежи, но случится обратное. Больше появится у вас обличителей и будут они тем тягостнее, чем моложе».

Афина Варвакион

Однако, поняв мотивации философа, надо попытаться столь же честно взглянуть и на то, что подвигло афинян (охлос) к подобному решению. Так сказать, audiatur et altera pars (выслушайте и другую сторону). Среди обвинений, выдвинутых против него Анитом, которые разделяли, видимо, многие из афинян, было и такое: «Сократ внушал своим ученикам презрение к существующим законам». На это обвинение по существу никто не возразил – ни Сократ, ни его ученик Ксенофонт. Правда, в оправдание он сказал: «По законам смертная казнь назначена в наказание тому, кто уличен в воровстве, в похищении платья, в срезывании кошельков, в прорытии стен (стены домов делались из глины и необожженных кирпичей, и не составляло труда сделать подкоп и проникнуть в дом. – *Ред*.), в продаже людей в рабство (свободных людей или чужих рабов. – *Ред*.), в святотатстве; а Сократ больше всего на свете был далек от таких преступлений. Далее, перед отечеством он никогда не был виновен ни в неудачной войне, ни в мятеже, ни в измене, ни в другом каком бедствии. В частной жизни он также никогда ни у кого не отнимал имущества, никого не повергал в несчастие; никогда он даже обвинения не навлек на себя ни в чем вышеупомянутом. Так как же он может подлежать суду по этой жалобе?.. А при таком образе действий разве не заслуживал он великого почета у сограждан?» Бесспорно, слова Ксенофонта справедливы, убедительны, казалось, неопровержимы, но все же есть одно «но».

Кентавр

Косвенно Ксенофонт все же подтвердил обоснованность некоторых обвинений, говоря, что да, он не сторонник нынешних порядков, но ведь он и не побуждал учеников к насильственной смене конституции. Чтобы нашему современнику был понятнее смысл обвинения, представьте себе на мгновение, что вы вдруг решили бы выступить официально, на глазах у всех, против богоданной власти обожаемого монарха, или против советского строя, или Сталина, или против «демократической» (ельцинской) конституции и власти крупного капитала. Можно представить, что с вами бы произошло. Сократ не был другом тогдашнего политического устройства в Афинах. Более того, он был не только тайным, но явным противником оного, к тому же очень влиятельным.

П. В. Басин. Сократ спасает Алкивиада от гибели

Впрочем, дадим слово Т. Гомперцу: «Друзья Сократа не только не любили политического строя своего отечества, они были чужды и самой своей родине. В этом отношении Ксенофонт своей жизнью дал больше материала против своего учителя, чем привел доводов в его защиту в своем сочинении. И как Ксенофонт в Персии и Спарте, так Платон в Сиракузах чувствовал себя больше дома, чем в своем родном городе. Антисфен и Аристипп намеренно избегали общественной жизни, а в школе первого открыто провозглашался принцип «космополитизма». Никто не сомневается в том, что многие ученики Сократа пошли по стопам своего учителя.

«Идем же, Сократ, Протагор приехал…»

У многих уклонение от служения обществу высокоодаренного человека вызывало удивление. Платон в «Апологии» влагает в уста Сократу в оправдание следующие (странные) слова: «Кто хочет действительно бороться с несправедливостью, место того в частной жизни, а не в общественной». Сей взгляд обосновывается указанием на якобы полную бесполезность всех таких попыток, на невозможность изменить государственный строй Афин, на почти что полную безнадежность афинской толпы в смысле исправления ее мозгов. Сократ тем самым признает, что если бы он стал деятельно участвовать в общественных делах и отстаивать свою точку зрения – не сносить бы ему головы. Он должен был бы постоянно рисковать жизнью в борьбе с народом и демократией, на деле не принося ни ему, ни стране никакой пользы. Но, заметьте, это сказано о том самом народе, который выставлен как образец в речи Перикла, который в ряде случаев и на самом деле проявлял огромную выдержку, стойкость и мужество (даже после серьезных поражений). И вдруг столь славный народ называют совершенно «негодным материалом» в руках преданных, мудрых устроителей. Выходит, что Афины, «наиболее способный и благородный народ», покидают его лучшие и самые мудрые сыновья. Они равнодушно, холодно отходят от него, объявляя напрасными старания, направленные на его воспитание. Иные из писателей образно даже называли Сократа «ледяной сосулькой» (Ф. Райт).

Это просто глупость… Гегель писал, что Сократ с равным бесстрашием выступал как против тиранов, так и против народа «там, где он считал это справедливым». Но, поставив себя в этом споре на позицию тех и других (т.е. Сократа и Народа), право слово, я

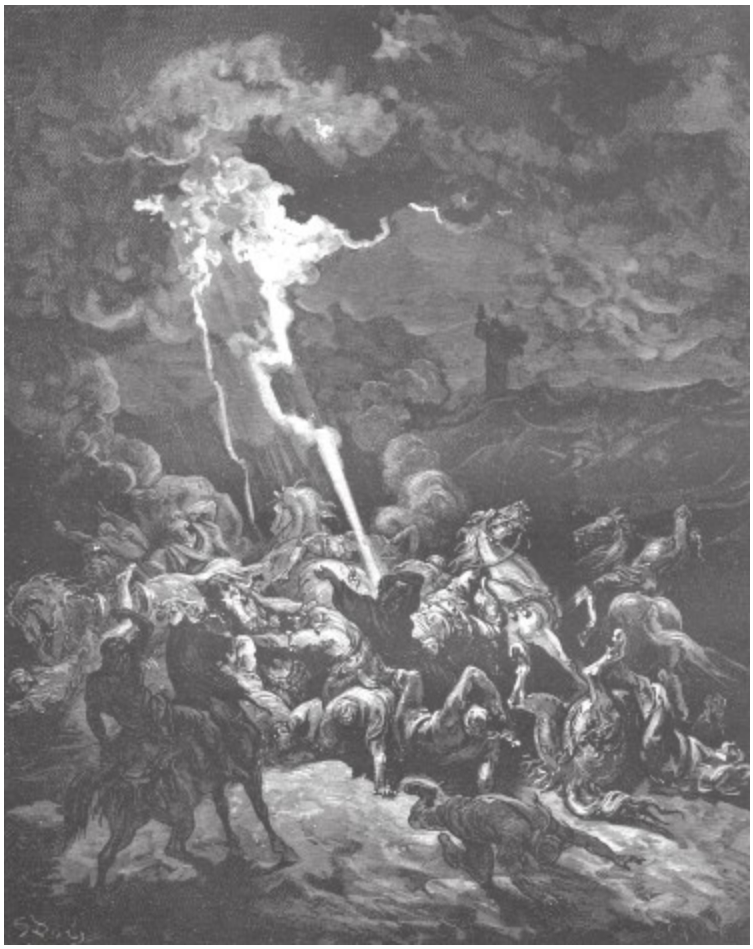
затрудняюсь найти единственно верное, абсолютно безошибочное решение. При всей очевидной гениальности, огромном таланте и величии Сократа мне трудно принять его позицию, по которой человек равнодушен к тому «уголку земли, в который судьба забросила его тело» (слова, которые ему порой некоторые приписывают). Хотя и бросать камни осуждения в Сократа как-то не хочется… Мы твердо и абсолютно убеждены в обратном: философия космополитизма губительна для страны и личности, что ее исповедуют. Плоды космополитизма гораздо более горьки, чем испитый Сократом напиток цикуты.

Любовь к любимой Родине, страстная, гневная, яркая и деятельная, только и в состоянии изменить порядок вещей. Страсть и ум, вместе с любовью, уверен, дойдут до сердца народа и его вождей. Если умом ученого понять Сократа мы еще можем, то наше сердце испытывает смущение перед его «виновной невиновностью». Если хочешь перемен, если тебе не нравится строй – сражайся за свои идеалы. Иди на жертвы, рискни карьерой, богатством (если оно есть и это нужно для святого дела), даже своей индивидуальностью, наконец, отдай жизнь, если веришь той святой цели, которой служишь. Да он так и сделал. Как и Христос, «пожертвовал своей индивидуальностью, но созданное им дело осталось» (Гегель).

Сократ был неутомим в познании и отважен в бою. Это он устремился первым на помощь окруженному врагами другу, Алкивиаду, прикрыл его телом, а затем с помощью оружия оттеснил врагов. В битве при Делии он поднял и спас историка Ксенофонта. Затем он же попытался спасти от казни достойного мужа Ферамена, которого вели на казнь по приказу тридцати тиранов. Сократ неприхотлив и стоек перед лицом самых серьезных испытаний. Монтень писал: «Всем известно, что двадцать семь лет он с невозмутимым выражением лица переносил голод, бедность, непослушание своих детей, злобный нрав жены и под конец клевету, угнетение, темницу, оковы и яд. Но если этого же человека призывали к учтивому состязанию с чашей в руках – кто кого перепьет, – ему первому во всем войске выпадала победа… Ибо, учит нас философия, всякая деятельность подобает мудрецу и делает ему честь. Образ этого человека мы должны неустанно приводить как пример всех совершенств и добродетелей». Хотя сам Сократ честно признавал, что

он человек с отвратительно низкими страстями, которые ему, как он считал, все же с трудом, но удалось обуздать. Его ум и достоинство ценили даже вечные противники Афин, спартанцы. В высшей степени знаменательно то, что когда спартанцы уничтожили в Афинах демократию и ввели аристократическо-тиранический образ правления, его избрали членом совета, заменившего в качестве представительной корпорации народное собрание. Уж не это ли и стало истинной (возможно, самой главной) причиной его преследований и осуждения народом Афин? Его идеи усваивали и другие ученые. С. Соболевский определил ксенофонтовскую «Киропедию» как «похвальное слово сократовским принципам и спартанской практике» («Ксенофонт, его жизнь и сочинения»).

Или возьмите историю отношений Сократа и Платона (учителя и ученика). Много ли аналогичных примеров столь трогательной и бескорыстной дружбы найдете в прошлой или современной истории? Платон как бы отступает на второй план, влагая свои мысли в уста его божественного Учителя. Эти двое (Сократ и Платон) – Орест и Пилад философии! Б. Вышеславцев в «Этике преображенного эроса» указал на экстраординарный характер такого поступка даже в античные времена: «Единственный и парадоксальный для античного мира факт: величайший философ и художник всех времен скрыл свое авторство, отказался от высшей чести и славы, все свое лучшее перенес в образ «учителя», вообразил и воплотил в нем; и вместе с тем – его в себе. Говорит только Сократ, Платон не участвует в «диалогах», Платона нет. А если он и говорит однажды о своем авторстве, то лишь следующее: «Да и нет, и не было никакого Платона, а есть только Сократ, снова ставший молодым и прекрасным!»» Лишь великая культура способна к такому самопожертвованию, такой самоотдаче. Так Платон воздвиг своему учителю памятник нерукотворный, поистине вечный.



Г. Доре. Пророк Илия вызывает огонь с неба

Сократ в «Диалогах» Платона великолепен. Тут настоящая россыпь драгоценных мыслей и идей. Возможности говорить о них подробно нет, да и лучше Платона это вряд ли кому-либо удастся. К тому же их обязательно надо одолевать самому, как одолевает альпинист сияющую в лучах солнца горную высь: лишь пройдя путь до пика самостоятельно, узреешь волшебную красоту неба, гор и земли. Для этого нужно упражняться в искусстве мысли постоянно, имея верные ощущения своих способностей, правильное видение людей и жизни. Поэтому Сократ учил: «Увидь самого себя!» Молодым и зрелым людям, что решились встать на государственную стезю и службу, он, беседуя с Алкивиадом, советует: «Прежде всего упражняйся, мой милый, учись тому, что следует знать, чтобы взяться за государственные дела. А до этого – (даже) не берись, чтобы не лишиться противоядия и не попасть в опасное положение». Сократ настроен критично как в отношении самоуверенных претендентов на

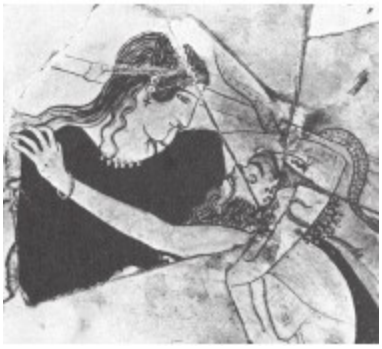
пост государственных лидеров, так и в отношении все того же народа, говоря, что народ «на вид очень хорош, но надо сорвать личину, чтобы он предстал в своем истинном свете; прими же предосторожность, какую я тебе посоветовал». Порой он напоминает пророка Илию, вызывающего огонь с неба.

Хотя среди его учеников были разные люди. Его ученик Аристипп основал у себя на родине, в Северной Африке, школу. В ней он учил тому же, чему учили и его: образованность дает человеку ощущение наивысочайшего блаженства. Правда, он поменял местами блаженство и образование, поставив наслаждение и любовь на первое место. Так он завоевал огромнейшую популярность. Афинская молодежь в жажде радостей земных охотно платила учителю, благословившему ее на подвиги на этой ниве. Гедонист Аристипп презрел принцип Сократа – ни от кого не брать денег за обучение. Богатая молодежь готова была платить учителям и гетерам, сделав девизом эпиграмму Асклепиада и восторженно ей вторя:

Брось свою девственность.
Что тебе в ней? За порогом Аида
Ты не найдешь никого, кто полюбил
бы тебя.
Только живущим даны наслажденья
любви; в Ахеронте
После, о дева, лежать будем мы —
кости и прах…

Сократ ничего не имел против любовных забав… Ведь он и сам когда-то был молодым. Но у старости уже свои заботы. Правда, к чести Аристиппа, тот не забыл своего учителя и послал ему с гонцом двадцать мин. Две тысячи драхм серебром – это целое состояние, которое обеспечило бы ему и жене Ксантиппе их старость. К тому же жена его очень больна и деньги нужны были позарез. Как оценить сей дар небес? Хоть Аристипп друг, а деньги – луч надежды, но истина дороже… И Сократ отверг щедрый дар, возвратив этот поистине царский подарок его владельцу. Ведь принять деньги значило бы нарушить свой принцип – никогда не брать ни драхмы за обучение и

воспитание юношей! Слушатель пытался, было, возразить Сократу, ссылаясь на трудные времена, переживаемые страной. Сократ ответил, что ведь они и раньше жили ничуть не легче. Ничего страшного. Главное – это жить по совести. Кстати, когда Кристобул как-то в разговоре предложил ему оценить его состояние, Сократ заметил, что за его дом («со всем, что у меня есть») вряд ли можно было бы дать более пяти мин. Сумма весьма скромная (ведь у того же Кристобула – в сто раз больше). Всегда бывший непривередливым и скромным в желаниях, Сократ считал, что ему вполне хватает его средств и что у него все есть в достаточном количестве.



Сократ и Диотима

Гегель называл Сократа интереснейшей «всемирно-исторической личностью». Но и такой великий философ как Гегель, похоже, где-то «не понял» истинных мотивов поступков Сократа («История греческой философии»). Зная его преклонение перед любым законом и порядками любого государства и власти, нас это не удивляет. На деле он прекрасно осознавал, что Сократ выступает против суждений афинского государства, его нравов и духа. Воспитание философа оказалось «разрушительно для этого духа». Таким образом, фактически Сократ как бы «совершил нападение на афинскую жизнь в двух основных пунктах». И здесь принципиальнейший момент в истории гибели Сократа. Нам кажется, что, выпив чашу с ядом, он хотел показать элите страны всю порочность и гибельность ее курса для судеб народа! Элита же хотела, чтобы он жил тихо и мирно, просто не замечая ее пороков, гнусностей. Вот и Гегель делает вид, что он будто ничего не понял. Он приводит пример Перикла, который «тоже подчинялся приговору народа». «В этом нет никакого бесчестия для отдельного лица, ибо оно должно склониться перед всеобщей силой, а

этой реальной благороднейшей силой является народ» (Гегель). Тут немецкий философ не вполне логичен.

Прощание Сократа со своею семьею. Канова

Во-первых, как мы уже говорили, речь шла не вообще о народе, а о сливках афинского общества (всего несколько тысяч человек). Это равносильно тому, когда наши демагоги болтают о народе, а сами принимают для себя привилегии, какие бедному народу и не снились (одному пару сотен рублей, а другому пару миллионов долларов). Во-вторых, и народ не всегда вправе распоряжаться судьбой человека, страны или тем более всей историей мира. Ведь и его приговор может быть ошибочен, а суждения фальшивы. И тогда должны звучать «демоны правды», что раздирают нам сердце и печень, мозг и душу, одновременно вопя, взывая к совести, чести, гордости, разуму. По словам Плутарха, Сократ – человек, более других «очеловечивший философию устранением из нее всякой напыщенной темноты». Он великий боец, каких ныне уж нет! Мне иногда кажется, что боги в награду за мужество должны были ему подсластить чашу смерти, представшей ему в образе молодой красивой женщины. Смертью Сократ попрал смерть, по сути дела взвалив на себя грехи его народа.

Яркий образ Сократа запечатлели многие художники (Давид, Басин), скульпторы (Антокольский, Коненков), композиторы (Сати), писатели (Варналис) и прочие. Великий философ представлен в произведениях скульптуры и живописи как некий идеал, как «носитель не божеского, а человеческого образа» (К. Маркс). Споры о нем идут много столетий, привлекая внимание. О нем писали Ксенофонт, Платон, Аристотель, Эсхин, Аристофан, платоники, а в наше время Г. Майер, А. Тейлор и В. Йегер. В частности Йегер писал: «Как деяния гомеровских персонажей стали на многие века образцом для подражания, так и борьба и жизнь Сократа послужили прототипом героя, поэтическим провозвестником которого стал Платон».

Сократу
Философ, воин, стоик, гражданин,
Страж истины, что чтить умел
святыни…
Таких мужей уж вряд ли встретишь
ныне:
Прост – как Народ, как Бог —
непостижим!

В. Миронов

Наша беседа о Платоне будет краткой, ибо говорить долго о нем неприлично. Его надо читать и почитать. Учитывая, что его жизнь и образ издавна стали своего рода мифом, о них можно говорить только в основных чертах. Родиной Платона были Афины, тогдашний центр культурной жизни эллинов. Великий сын Аристона и Периктионы принадлежал к знатному роду (427—347 гг. до н.э.). Он явился не случайно. О нем, как и о Сократе, не скажешь, что он «вырос, как гриб из земли» (Гегель). Будучи из богатой семьи, к счастью для себя, он имел возможность брать уроки у лучших учителей. Богатство в данном случае оказалось в союзе с талантом и разумом, что бывает очень редко. Настоящее его имя – Аристокл.

П. Чистяков. Се человек. 1871 г.

Говорят, что имя Платон дали ему в честь деда, или им его наградил известный борец Аристон, у того он некогда обучался гимнастике (греч. platys – широкий, широкий в плечах, platos – ширина). У Платона был широкий лоб и широкие плечи. Как и многие греческие юноши, Платон воспитывался в духе калокагатии (писал трагедии, эпиграммы, занимался живописью и даже выступал в качестве борца в общегреческих играх). О взаимоотношениях Платона с Сократом, с которым он познакомился еще 20-летним, говорить особо не стоит (о том лучше расскажут его книги). Давняя легенда гласит, что однажды Сократ увидел у себя на коленях маленького лебедя, который вдруг расправил крылья, полетел и запел сладостным голосом. И буквально на следующий день ему представили Платона… Платон стал сочинять свои знаменитые диалоги уже в зрелом возрасте. После смерти учителя (399 г.) Платон уехал в Мегару. Пару десятков

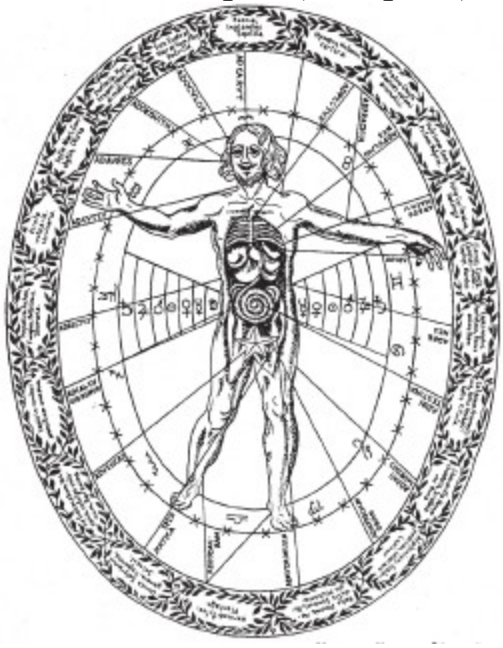
лет философ странствовал по миру, посетив Египет, Кирену, Сицилию, Южную Италию, где, полагают, общался с пифагорейцами.

Панафинейская амфора победителю состязаний атлетов

Статуя с изображением Платона

О том, что у египтян он приобщился к таинственным знаниям, писали многие. Т. Тэйлор заметил: «Платон был посвящен в Мистерии в возрасте 49 лет. Инициация проходила в одном из подземных залов Великой Пирамиды в Египте. ТАБЛИЧКА ИСИДЫ служила алтарем,

и перед ней стоял Божественный Платон и принимал то, что всегда было внутри него, но что Мистерия воспламенила и вырвала из сна. После этого восхождения, через три дня, он был принят Жрецом Пирамиды (Жрец принимал только тех, кто проводил в Великом Зале три дня, прошел три ступени и три измерения), и Платону словесно было дано Высшее Эзотерическое Учение, и каждый раздел сопровождался соответствующим символом. Еще через три месяца пребывания в залах Пирамиды Инициированный Платон был послан в мир делать работу Великого Ордена, как это делали до него Пифагор и Орфей». Вернувшись на родину уже зрелым мужем, он основал в роще мифологического героя Академа свою философскую школу (ок. 387 г. до н.э.), ту самую знаменитую Академию, напоминавшую «в равной степени и университет, и монастырь» (Р. Тарнас).



Человек на фоне диаграммы Вселенной

В силу принадлежности к аристократии взгляды его формировались во многом под влиянием рода (по матери род восходил к Солону). Видимо, в силу этого во время посещения Сиракуз у него завязались какие-то отношения с Дионисием Старшим и его двором. В итоге же Платон оказался замешан в острой политической борьбе. Кое-что нам известно о той атмосфере, что складывалась при дворе. Прямо скажем, она крайне далека от философии: пьяные оргии, разврат, интриги, козни, которыми наполнены дневные и ночные бдения Дионисия. Брат жены Дионисия пригласил Платона, надеясь, что

философ как-то сможет повлиять на царя (Дион). Но мудрец для царей подобен бельму. Тиран был жутко им недоволен и выдал Платона послу Спарты. Тот приказал его продать как раба на невольничьем рынке в Эгине (там его выкупил киренец Анникерид). Благодаря заступничеству своего друга, философа, математика и механика Архита Тарентского (440—360 гг.), он лишь чудом избежал гибели. Платон с горечью вспоминал эту его попытку заняться политикой. В одном из писем он говорил так: «В результате всего этого я, горевший поначалу желанием сделаться общественным деятелем, вглядевшись в круговорот общественной жизни и увидев беспрестанное движение противоположных течений, вскоре почувствовал отвращение… и, наконец, ясно увидел, что во всех без исключения существующих ныне государствах система управления никуда не годится. Их конституции почти никогда не выполняются, за исключением некоторых чудесных планов, претворенных в жизнь благодаря удачному стечению обстоятельств. Поэтому я утверждаю, что достоинство правильной философии заключается в том, что она дает нам эталон, с помощью которого мы можем во всех случаях жизни судить о том, что справедливо для сообщества и отдельного человека. Человеческая раса не избавится от пороков, пока к власти не придут те люди, которые следуют по правильному пути, указанному философией, или пока класс, которому принадлежит власть в городах, волей Провидения не превратится в философов».

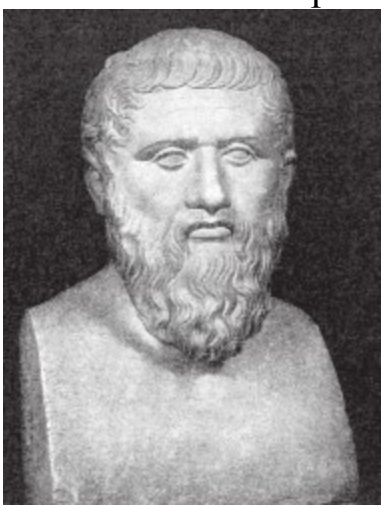
После всего этого он решил удалиться из политики и общественной жизни, равно презирая тиранов и демократов. Ведь когда в Афинах господствовали демократы (во время коринфской войны), он как раз вынужден был покинуть родину. Крепко обжегшись на попытке вразумить тех и других, он принял профессию педагога и стал обучать молодежь. Этому Платон посвятил всю вторую половину жизни, лишь дважды отрываясь от профессорской деятельности. Пару раз он все же попытался-таки провести в жизнь свои идеалы – утвердить Добро, Истину, Красоту. Попытки окончились полнейшим провалом (причем в последний раз он чуть не лишился еще и головы). В дальнейшем он занимался преподаванием и литературой. Цицерон отмечал, что Платон будет писать до самой смерти («scribens est mortuus»).

Персей с головой Медузы

В очерке «Платон» философ В. Виндельбанд отмечает: «С исторической точки зрения Платон в первую очередь представляется великим писателем, поскольку в этой его плодотворной деятельности мы невольно склонны видеть его наиболее существенное свершение. Между тем он сам утверждает (решительно в «Федре»), что писаное слово он считает лишь художественным воспроизведением устного слова и что подлинную свою деятельность он усматривает в живом воздействии устно сообщенного учения». Можно сказать, что Платон стал своего рода alter ego философа Сократа, всегда в глубине душе оставаясь педагогом. Педагогическая деятельность до самой его смерти «оставалась истинным содержанием его жизни», а школа «заменила ему семью, которой он (так и) не обзавелся, и общественную деятельность, от которой он в Афинах надолго отказался». Платон как учитель активно использует сократовский метод. Видимо, этот метод наиболее удачно мог быть применен в тех случаях, когда, как в Академии, бывшей свободным культовым сообществом, обучались люди не только различного возраста, но и разного уровня культуры и интеллекта. В лице Платона и его Академии греческое общество обрело мощный духовно-политический центр, который являлся средоточием тех сил, что выступали аналитиками социально-политических проблем. Виндельбанд писал, что при Платоне сей союз умов имел резко выраженную политическую направленность и служил «интеллектуальным центром для всех противников демократии». Это как раз то, чего сегодня не хватает

России, где «демократия» и некоторые ее слуги в правительстве, политике, а также в бизнесе давно стали Горгоной Медузой, призванной на погибель России. Однако даже те политические силы, что по идее должны быть патриотическо-традиционалистским центром, боятся собственных «платонов» больше, чем врагов.

Если ионийцы, по словам Диогена Лаэрция, изобрели философию природы, Сократ прибавил этику, то Платон обогатил ее диалектикой… Наиболее известной стороной этического учения Платона стал идеализм, о нем написаны горы книг.



Платон

В эстетическом отношении иными из воззрений философа (его учением об идеях) мы зачастую руководствуемся в практической жизнии сегодня. Как отмечают многие, Платон больше прислушивался к побуждениям сердца, в то время как Аристотель скорее отвечал голосу логики. Так, Платон установил взгляд на красоту как на вечный, чистый, неизменный, божественный идеал. Важным представляется и стремление Платона, как и Сократа, «сделать сограждан как можно лучше». Понятно, что если ни телесная красота, ни богатство, ни могущество, ни остальная земная чепуха (так говорит Платон) не составляют счастья человека, то что же тогда может дать ему счастье? Чистота помыслов, справедливость и бескорыстное влечение к истине… Неслучайно от Платона пошло само понятие «платонической любви». Философское значение этого чувства состоит в нашем стремлении дойти до познания истины путем созерцания прекрасного, а затем увековечить образ и мысль в величайших творениях. Платону, говорят иные, мы обязаны даже грезами любви, зная до него лишь

чувственную любовь или же кровную родственную привязанность. Те «отрешенные от всего земного и как бы сотканные из запаха цветов и лунного света грезы любви, которыми теперь туманятся дни юности и которые воспеваются всеми поэтами у всех образованных народов, им не были знакомы». А. Гиляров утверждал, что ни в произведениях индийских поэтов, ни в творениях восточных певцов, ни в песнях греческих лириков он, находя образы неподражаемой красоты, «нигде не видал той чистоты или, по крайней мере, той просветленной мечтательно-грустным идеализмом чувственности», которые есть у Платона. Хотя автор все же признает, что Платонова идея находится «в занебесном пространстве», а любовные идеалы все же питаются действительным и земным.

Платон – певец идеального в политике… Он требовал от правителя и политика острой восприимчивости к наукам и быстрой сообразительности. Они должны быть трудолюбивы, обладать хорошей памятью. Когда собеседник говорит ему: «Такого нам не найти, разве что это будет исключительно одаренная натура», тот говорит: «Но к этому надо стремиться». Платон ставит задачи перед правящим классом: «Если мы подберем людей здравых телом и духом и воспитаем их на возвышенных знаниях и усиленных упражнениях, то самой справедливости не в чем будет нас упрекнуть и мы сохраним в целости и государство, и его строй; а если мы возьмем неподходящих для этого людей, все у нас выйдет наоборот». Поэтому столь важен отбор ведущих руководителей страны: «…говоря тогда об отборе, мы выбирали пожилых, а теперь выходит, что это не годится – ведь нельзя верить Сократу, будто человек, старея, может многому научиться; напротив, к этому он становится способен еще менее, чем к бегу: именно юношам принадлежат все великие и многочисленные труды».

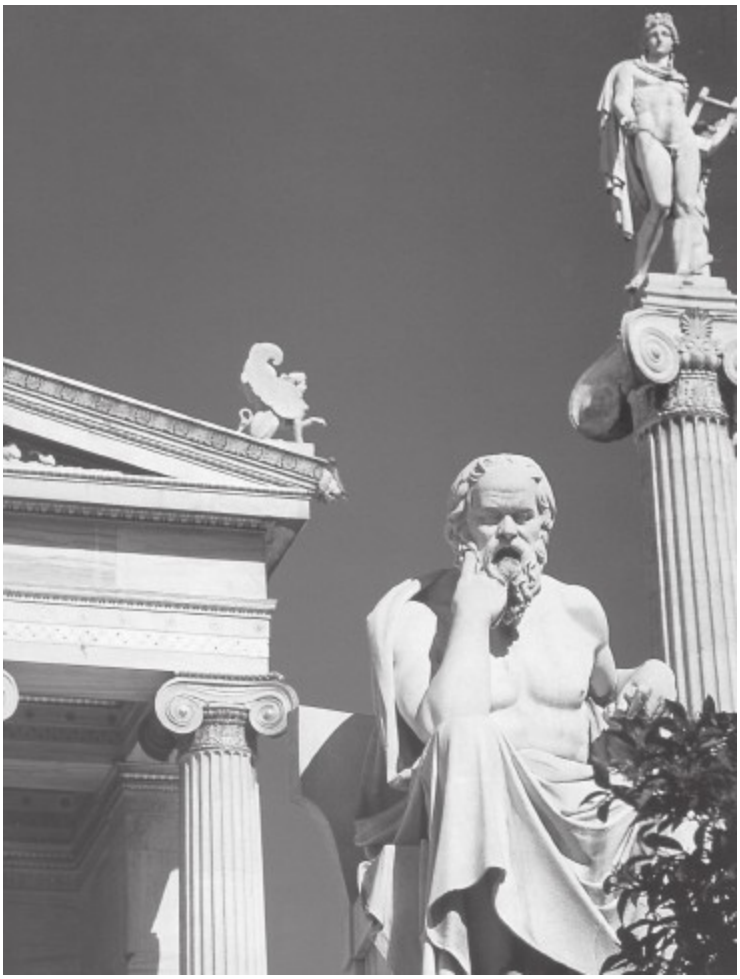
Пинтуриккьо. Кратес, или Наука о здравомыслии

Внесем некоторые коррективы в его позиции. Наше время относительно того, кто должен быть у власти, не столь безоговорочно высказывается в пользу молодости. Молодость полна энергии и силы и многое может. Беда лишь в том, что у нее завышенные апетиты и завышенные самооценки. Она зачастую не имеет опыта и не готова трудиться денно и нощно. Она хочет получить все сполна, много и сразу. Однако ничто сразу не приходит – ни слава, ни знания, ни деньги. Труднее всего даются познания и творчество. Науки изучают в молодости, но плоды их пожинают в зрелости. Платон прав и в другом. Он считал, что для политиков самой важной наукой является «наука о здравомыслии»… Увы, как редко видим ее следы среди политиков. Сегодня греческий мудрец, грамматик Кратес (II в. до н.э.), сбросивший с Горы добродетели в море драгоценности, символ богатства, отказавшийся от них во имя Мудрости, чтобы присоединиться к иным мудрецам на острове Фортуны, у многих политиканов, движимых алчностью, вызовет разве что улыбку презрения.

Но что значит «здравомыслие» для политика, государственного мужа? Из чего оно слагается? Из суммы глубоких знаний, важных навыков, из владения возможно большей информацией, из умения постигать и узнавать все новые и новые факты, сводить их вместе, анализировать и делать верные выводы, опираясь на мудрейших и опытнейших знатоков своего дела. Солон в старости не уставал учиться, говоря: «Старею в постоянном я многоучении». Так, греки были убеждены, что общество (город-государство) является абсолютно

естественным институтом, в то время как человек, будучи общественным животным, должен быть его неотъемлемой частью. Вне общества человек есть тварь!

Разумеется, в греках был достаточно силен индивидуализм, и тем не менее они не считали, что есть одна мораль для гражданина, а другая – для государства. Два эти субъекта истории очень тесно взаимосвязаны. Если плох или аморален один, то плохим и аморальным становится другой, и наоборот. Надо учитывать, что Платон явился в трагическое время Пелопоннесской войны, нанесшей непоправимый ущерб Афинам. Хотя он убежден, что и человек и государство всегда должны подчиняться вечному кодексу справедливости, Платон не мог рассматривать государство как зло, подавляющее свободное развитие человека. Поскольку не каждая конституция и не каждое правительство отвечают идеальному принципу справедливости, задача ученого и философа показать всем, что более или менее хорошее управление (т.е. реально хорошее) может быть получено при условии воспитания правящей элиты в духе истины и справедливости. Этого можно достичь с помощью науки, культуры, законов. Понятно и то, что народ не должен рассчитывать только на волю Провидения.



Фрагмент Афинской Академии. Статуи Сократа и Аполлона

Многие отмечали, что самое верное понятие о личности Платона дают его труды, и прежде всего его «Государство» и «Законы». Первые два произведения – альфа и омега политической мысли древних греков. Платон проводит в них важную мысль: «Я был неотвратимо приведен к убеждению… что беды государства не прекратятся до тех пор, пока раса подлинных, чистых философов не придет к власти…» Это говорит, что автор осуществлял жизненный идеал Сократа: научное исследование сполна проникнуто серьезностью нравственного стремления, которое должно осуществиться в государстве. В просветленной красоте их композиции и в законченной тонкости их языка виден художник, который, стоя на высоте развития своего времени, облек современные ему идеи в форму, далеко их превосходящую. Они представляют собой (за исключением Апологии) диалоги. Его письма – не столько ученые трактаты, сколь художественные произведения, эстетические размышления, в которых

научные происшествия, имевшие место, передаются в несколько идеализированной форме.

Об этом говорится и в платоновских «Соперниках», где сказано, что философ должен постоянно изучать «нечто одно – и в молодости и в старости, – дабы познать как можно больше». Сократ, правда, говорит, что философ не должен быть «подобен многоборцу, не достигшему совершенства, и претендовать всегда лишь на второе место в этом искусстве, будучи бесполезным всегда, когда присутствует кто-либо из таких мастеров». Философия – «отнюдь не многознание и не суетное ремесленничество». Политикам может быть труднее, чем философам. Ведь те должны изучать не «одно», а «многое». И вовсе не для того, чтобы «стать многоборцем», а чтобы уметь грамотно, разумно и квалифицированно оценить ситуации, решения, предложения, проекты и т. д. Не «многоборцем», «многоведцем» должен он быть.

Афинская школа. Платон и Аристотель

Платон создавал умозрительное идеальное государство, ибо в те времена таковое могло существовать лишь в идеале. Естественно, что в своем конструировании его основ он не мог обойтись без мифа. Он был уверен, что и массы не могут обойтись без мифов. Мифы – это духовные опоры их существования. Жизнь сурова, жестока, а поэтому приходится верить в лучшую жизнь, судьбу, в возможность идеала. Надо признать, что он невысокого мнения об интеллектуальных способностях масс. Если люди верят в Кадма или в зубы дракона, из

которых якобы вырастают воины, то они поверят во что угодно («Законы»). Поверят даже в то, что счастье и прекрасное будущее могут вырасти из обещаний политиков. Ослы… Скорее уж во льдах севера расцветут финиковые пальмы, созреют дыни и клубника, чем слова иных нынешних политиков, их обещания воплотятся в реальность. Греческий философ полагал, что народу достаточно выразить хотя бы некое правдоподобие, и тот уже готов «удовольствоваться правдоподобным мифом, не требуя большего». Он считал, что миф можно «перенести в действительность» с помощью воли правителя. Проект его идеального государства был мифом, не мог не быть им. Хотя он творит миф не о прошлом, но о будущем, создавая в идее своего рода воспоминание о будущем.

Афинская школа. Платон и Аристотель

Эллада, как вы знаете, прославилась знаменитыми школами Сократа, Платона, Аристиппа, Аристотеля. В философских форумах или духовных академиях ученики и учителя блистали красноречием. Тут совершенствовались в мудрости. «Ликей» производят от корня «лик» (lyc), отсюда «ликос», т.е. «волк». Известно, что боги часто представлялись в виде животных (Аполлон Ликейский в Малой Азии и Зевс Ликейский в Афинах). Иногда этимология слова «ликей» возводилась к «левкос» (leycos), что означало «светлый» или «белый». Вначале Ликей был обычным местом для верховой езды всадников. Неподалеку обычно находился гимнасий. Среди создателей гимнасиев называют Ликурга и Перикла. Ликей существовал задолго до Аристотеля (за 100 или даже за 200 лет до того). Основатели

философских школ в V веке до н.э. вели беседу с учениками и коллегами в так называемых «Садах разума» (перинатах, при гимназиях), где и шло преподавание. В дальнейшем эти сады разума и станут отождествлять со словом «школа» (по-гречески – «схолэ»).

О платоновской Академии как о высшей школе говорят с момента ее образования. О Ликее же как о философской школе в собственном смысле слова правильнее вести повествование с 322 года до н.э. (после смерти Аристотеля). Платон после приобретения Ликея всю жизнь провел в Афинах, тогда как Аристотель прожил здесь недолго и считался чужаком. Ликей и Академия имели существенные различия, и не только в доктринах, но в устройстве и в обычаях. Эти соперничающие высшие школы имели также и разных божественных покровителей. Ликей издавна был связан с именем Аполлона. Здесь находился храм Аполлона Ликейского. В Академии же поклонялись иным божествам – Афине, музам, герою Академу, Прометею. Более подробно о различиях между Ликеем Аристотеля и Академией Платона можно прочесть в интересной книге А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи «Платон. Аристотель».

И тут и там имелись старинные гимнасии, сады разума (перипаты), где два эти философа вели ученые беседы с учениками. Академия находилась к северо-западу от Афин, в шести стадиях, за Дипилонскими воротами, а Ликей – к востоку от Афин, вблизи городских стен у Диохаровых ворот, там, где били источники с освежающей жар бесед родниковой водой. Возможно, что дух Аполлона и Афины всякий раз появлялся над садами разума, когда музыкант настраивал кифару, а философ одерживал блистательную победу над невеждами. Уж не этот ли момент и был изображен на картине Б. Спрангера «Минерва побеждает невежество»?

Будильник Платона

Академия Платона была в высшем смысле слова «школой». Путь к ней, возможно, вызывал легкий трепет в сердцах учеников, когда они, поднявшись по будильнику, шли на занятия.. Дорога была обрамлена каменными стелами, воздвигнутыми в честь выдающихся героев и храбрецов, сражавшихся за свободу родины. Главой школы или схолархом вначале являлся сам Платон, но затем руководители школы будут меняться. Академия будет называться первой, второй, третьей. В стенах Древней Академии главное внимание уделялось математике и астрономии. Перед входом в здание учеников встречала надпись: «Негеометр сюда да не войдет». Это свидетельствовало не только о величайшем уважении Платона и его соотечественников к математике, но и о точности мышления. Название школы восходит к имени афинского гражданина Академуса, уступившего свой сад Платону для бесед с учениками. Ученики шли сюда по своей доброй воле. Высшее знание невозможно без свободы выбора. В эпоху античности даже возник афоризм: «Мудрый ничего не делает против своей воли».

Капитель

По примеру пифагорейцев, живших строгими общинами, ученики в Академии вели жизнь почти что аскетическую: спали мало, бодрствуя и размышляя в тишине. На занятия все собирались «по свистку», так называемому «будильнику Платона». Иногда устраивались совместные трапезы. Мяса «академики» не ели, считая, что оно возбуждает чувственные страсти. Из другой пищи ученик обычно довольствовался фруктами, овощами, молоком. В области духа вкушали чистые помыслы. В Академии наряду с учителями преподавали помощники из числа окончивших ее опытных учеников. Изучали философию, математику, астрономию, естественные науки и литературу. Иные, например, Аристотель, увлекались изучением

природы. Последний провел в стенах Академии 20 лет, затем открыл свою научную школу – Ликей. Аристотель в утренние часы читал лекции для избранного круга слушателей. Послеполуденные занятия предназначались им для менее подготовленных слушателей. Тогда же юноши занимались спортом.

Инфибуляция в палестре. V в. до н.э.

Пожалуй, куда менее значительны успехи Платона как лидера научной школы. Хотя в диалогах Платона много говорится о значении точных наук (математики и геометрии), ни у кого из младших академиков интереса к геометрии не отмечено. Предшественники Платона (пифагорейцы и софисты) действительно дали плеяду блистательных математиков – Феодор, Архит, Теэтет, Евдокс и его ученики. У Платона же научная программа встречается только в диалогах, да и то в качестве вспомогательного предмета, как подход к изучению диалектики. Почти ничего не известно и о преподавании геометрии в Академии. Чему и как учили в ее стенах, также неизвестно. Такой знаток Академии, как Крэмер, отмечал: «Нам неизвестно о стабильной программе обучения, типа тех, что описаны в «Государстве» и «Законах»… Образовательная программа, основанная на VII книге «Государства» и XII книге «Законов», не может быть прямо перенесена на реальные отношения в Академии». Оснований говорить об успехах Академии в дальнейшей науке нет: никто из учеников Платона не оставил следа в точных науках. Если же говорить о науке в целом, то из академиков лишь Аристотель достиг в ней подлинного успеха.

Инфибулированный атлет. V в. до н.э.

Ватиканские станцы Рафаэля. Афинская школа

За все время ее существования Академия так и не дала ни одного значительного математика или астронома. Вероятно, «Государство», «Теэтет», «Законы» обратили, как подчеркивали ученые, не одного талантливого юношу к занятиям математикой, но, занявшись ею, те неизбежно должны были бы подчиниться и требованиям, разработанным профессионалами. Если же Платон оставался для него дороже, чем математическая истина, он становился одним из тех, кто развивал математическую теологию в духе Анатолия и Ямвлиха, то есть толковал математические пассажи в платоновских диалогах, либо в лучшем случае, как это и было с Проклом, написал некие комментарии к Евклиду. Так что было бы явным преувеличением

говорить о расцвете точных наук при Платоне, хотя он в меру своих сил старался поставить результаты и методы точных наук на службу философии и диалектике. Умер Платон в 347 году до н.э., в день рождения, в праздничный день рождения Аполлона, в зените славы, оставив после себя более 30 произведений (до нас дошли почти все). Говорят, что смерть буквально похитила его со свадебного пира. Так что смерть как бы обручилась с жизнью. На смерть Платона откликнулся Симмий, написав о великом философе:

Здесь Аристокл почивает,
божественный муж, воздержаньем
И справедливостью всех
превосходивший людей.
Больше чем кто-либо в мире,
стяжал себе громкую славу
Мудрого он, и над ним зависть
бессильна сама.

Рафаэль в ватиканских станцах, прежде всего в Станце делла Сеньятура, отразил этот триумф античной мысли и поэзии. В апартаментах, где находится резиденция папы римского, на четырех ее стенах как раз и были изображены триумфы Поэзии («Парнас»), Богословия («Месса в Болонье»), Юриспруденции (группа Мудрости, Умеренности и Силы), Философии («Афинская школа»). Все отмеченные триумфы представлены в виде научного диспута. «Афинская школа» – персонифицированная в живописных образцах история античной мысли. Платону тут приданы черты Леонардо да Винчи, Евклиду – черты Браманте, Гераклиту – Микеланджело, тут же и Рафаэль. И эта связь между живописью и мыслью осуществлена столь живо, что воспринимаешь божественную мысль поистине как кисть самого Господа. Платон олицетворяет Мудрость и Теологию, Аристотель – Диалектику или Философию в целом, Архимед – Геометрию, Птолемей – Астрологию или Астрономию, Пифагор – Магию. Такое характерно для античности, где каждый мыслитель – еще и художник.

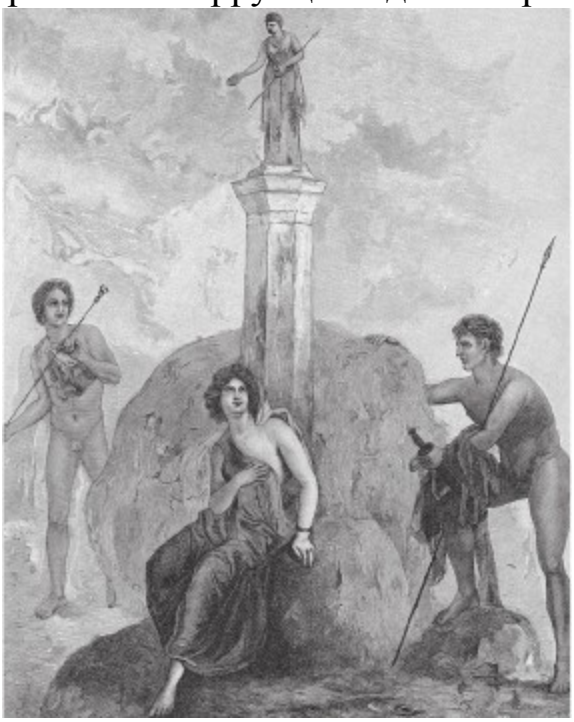
Персефона, внезапно попавшая в объятия Аида

Политические идеи философа сосредоточены в его «Законах» и «Государстве». Нам представляется, что многие его идеи способны осветить путь и современного политика. Парадокс в том, что почему-то в России эти произведения реже всего изучали и обсуждали. Ученые верно заметили, что платоновские «Законы» остаются каким-то «далеким и редко посещаемым заливом» (Р. Евдокимов). Государственные и частные «корабли» редко заходят в сей залив потому, что те и другие у нас заняты скорее пиратством и каперством, чем нормальной законопослушной деятельностью (так недавно было). Пожалуй, наше нынешнее состояние точно выразил Платон, сказав устами Клиния, что «все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый с самим собой». На месте наших государственных мужей мы бы с карандашом прочли Платона от корки до корки (особенно политические работы). Платон прямо говорит, что в любом законодательстве не должно быть ни лазеек, ни уклончивых постулатов. Законы – это оплот прочного и стабильного государства.

Пьяные сатиры или силены. V в. до н.э.

Иллюзии для государства и народа – штука опасная. Сколько лидеры возились с разрядкой, отдав Западу важные бастионы. И в результате, подобно неосторожной, наивной Персефоне, оказались пленниками Аида. А ведь еще Платон сказал: «То, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная и непримиримая война между всеми государствами». Причина тривиальна: в мире, где идет постоянное соперничество, одними призывами к миру успеха не добьешься. Никакого толка не будет, если не одержать победу в битве с врагами Родины. Конечно, война – это крайняя необходимость, лучше «всеобщее дружелюбие». Но часто это – чистой воды иллюзия, ибо везде средства и ресурсы ограничены. Русский читатель высоко оценит следующую рекомендацию Платона относительно того, кого ставить во главе государства и вообще в начальники: «Не правда ли, надо ставить начальником над нетрезвыми человека трезвого, мудрого, а не наоборот. Ведь если над нетрезвым будет поставлен пьяный, юный, немудрый начальник, он лишь благодаря очень счастливой

случайности не наделает страшных бед». Платон продолжает увещевать варваров – не ставить во главе страны пьяниц: «Разве ты не замечаешь, что пьяный кормчий и вообще всякий нетрезвый начальник – чем бы он ни распоряжался, – опрокидывает вверх дном корабли, колесницы, войско, – все, чем он управляет». Такой опрокинет и все государство. Мы – варвары, поставившие во главе страны пьяницу и полное умственное убожество. Более того, остаемся варварами, ибо, похоже, у власти нет политической воли убрать с «Олимпа» скомпрометированных ставленников царя Бориса, зачатых в грехе и преступлениях, погрязших в коррупции «детей Франкенштейна».



Ио, Аргос и Гермес

Политическое искусство – искусство совершенно особого рода. Кто посвятил себя политике, обязан быть (хотя бы в первом приближении) человеком выдающихся умственных, нравственных и душевных качеств, поскольку только такой политик в состоянии создать государство, основанное на «высшей ценности Правды и Блага». Для этого нужно быть философом, историком, энциклопедистом, психологом. Такой человек должен владеть всей суммой знаний или стремиться к этому. Мы редко задумываемся над тем, что политик в конечном счете строит то государство, каковы его душа, вера, образование и воспитание! Аристотель в трактате «О

душе» подчеркивает: «Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы. Ведь душа есть как бы начало живых существ». Даже хваленый ум – вторичен, ибо и он вызревает внутри души. Душою обязательно должно обладать и государство. Ведь «государство» по-латыни означает «общественное дело» («Res publica»). Дж. Реале и Д. Антисери говорят о необходимости понять душу государства, душу общего дела. «Только поняв это, мы можем увидеть структуру «Государства», шедевр Платона и почти «сумму», итог размышлений нашего философа». Построить Город-Государство значит познать до конца человека, его место в универсуме. «В самом деле, – говорит Платон, – Государство есть не что иное, как увеличенная фотография нашей души; эта гигантография в широких измерениях воспроизводит все то, что есть в нашей душе, психэ. Центральная проблема справедливости, являющаяся осью, вокруг которой вращаются все прочие, получает свое адекватное решение при наблюдении, как рождается (либо как гибнет) совершенный Город». На Руси без справедливости нет ни человека, ни государства! Таковы реалии.

Дух зла и богатства. Золотая маска

Что же выделяет Платон в своей работе? Как он понимает идею государства? В самых общих чертах это означало бы утверждение такого порядка, при котором в обществе воцаряется Справедливость. Однако тут же начинает выясняться (и в этом тонкость Платона), что всякая власть, пользуясь силой, устанавливает в свою пользу законы. Но при этом называет новый порядок «справедливостью» («во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти»). Тирания считает справедливыми ее законы, а демократия – свои. Однако в основе тех и других всегда лежит сила. Порой бывает даже так, что

справедливостью называют «нечто воровское, однако направленное на пользу друзьям и во вред врагам». Все власти, разумеется, считают справедливым, когда выполняют их приказы. Власть имущие иногда такого наприказывают, что это «им самим идет во вред». Лучше всего было бы устроено государство, которое состояло бы из пяти человек. Понятно, легче достигнуть гармонии в малом сообществе. Тут и демократия может еще как-то быть к месту. У Платона это – колония в 5040 семей. Но вот в тех «чудовищах», которые заполонят в дальнейшем мир (с их миллионами и миллиардами), все очень и очень усложняется. Идеал Платона – это аристократическая республика, где во главе всего стоит элита. Он не мог даже и помыслить себе другую форму правления в условиях рабовладения. Платон пишет: «Значит, государство, основанное согласно природе, всецело было бы мудрым благодаря совсем небольшой части населения, которая стоит во главе и управляет, и ее знанию. И по-видимому, от природы в очень малом числе встречаются люди, подходящие, чтобы обладать этим знанием, которое одно лишь из всех остальных видов знания заслуживает имя мудрости»… Речь в этом случае, конечно же, идет о духовно-научной аристократии, которая одна (гением ума и таланта) в состоянии построить «умную модель» по законам разума, эффективности и справедливости.

Сцены из жизни греков на вазах и амфорах

Замечательнее всего в рассуждениях Платона, как нам показалось, его мысль о трех частях демократического государства. Как ему удалось определить почти две с половиной тысячи лет тому назад, что при демократии общество состоит из трех групп – трутней, богачей и народа – нам и по сей день непонятно. Причем трутни тут злее, опаснее и влиятельнее. «Там они (при диктаторском строе. – *В. М.*) не в почете, наоборот, их отстраняют от занимаемых должностей, и потому им не на чем набить себе руку и набрать силу. А при демократии они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту (к власти и информации. – *В. М.*), жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, при таком строе всем (в стране), за исключением немногого, распоряжаются подобные люди». Это то, что мы видели в России во время пребывания у власти «трутней». Есть еще народ, что «трудится

своими руками», чужд делячества, «да и имущества у него немного». Народу власть трутней скоро надоест, и он будет готов «отнять собственность у имущих и роздать ее народу». Но чтобы народ вернул то, что украдено у него трутнями, к власти должен прийти умный тиран. Его правильнее называть «ставленник народа». Платону это, правда, не нравится, но он понимает: это неизбежный ход истории: «Он – тот, кто подымет восстание против обладающих собственностью». Далее последуют преследования виновных и конфискации. Не без этого. Но тут чувство правды вдруг изменяет Платону. И он кричит: «Народ тогда узнает, клянусь Зевсом, что за тварь он породил, да еще и любовно вырастил…» Он заключает: не хотели быть в рабстве у трутней, будете в рабстве у тирана. Уверены, умный народ может обойтись без тех и без других. Хотя лучше один тиран, чем тысячи трутней!

Сова мудрости

Мысли Платона не имеют ничего общего с идеями установления «коммунизма». Хотя понимание всей важности воцарения нормального экономического равенства, полагаю, в его трудах безусловно имеется. Окружающая мир действительность, с ее классовой враждой, индивидуализмом, отсутствием коллективной солидарности у классов делали шансы на построение идеального государства чистейшей утопией. Поэтому его назвали идеалистом. То, о чем мечтал его ум, казалось невыполнимым. Платона упрекали в шаткости идей и теорий. Ницше счел его «отклонившимся от всех основных инстинктов эллинов». Платон в его глазах даже выглядел «первым декадентом». Он не только невыносимо скучен, но стал представителем высшего

шарлатанства или идеализма. Ницше предпочитал ему Фукидида или Макиавелли, которые не морочили ни себя, ни других, видя «разумность в реальности – а не в «разуме», и еще того менее в «морали». Вот и П. И. Новгородцев в работе «Об общественном идеале» писал о шаткости оснований, на коих строил свои основные теории греческий философ. Платон видел единственный способ разрешить все острейшие социальные вопросы путем создания «социального рая» для избранных счастливцев: «Мы стараемся представить себе общественный быт, осуществленный по этому плану, и не можем не прийти к заключению, что гармония тут, может быть, и достигнута, но зато жизнь исчезла: она сменилась каким-то заколдованным сном спящего царства, каким-то гипнозом добродетели – безразличием замолкших страстей и угасших стремлений». Полная гармония бывает только во сне, на небе или кладбище. В государстве же должны царить Труд, Порядок и Справедливость.

С. Боттичелли. Минерва и кентавр. XV в.

Платон проектировал свое идеальное устройство для небольшой колонии в 5040 семейств, но похоже, сегодня некоторые из его идей встречают в мире большее понимание. По крайней мере более чем актуальна мысль о необходимости разумной общественной модели, то есть социального государства вместо нелепого деления мира на «государства богатых» и «государства бедных». И вовсе не о том идет речь, что абсолютно все в полисе «должно быть общим», а о необходимости ликвидации вопиющего социального неравенства.

Если же добром никто ничего отдавать не пожелает (из украденного у народов самым бессовестным образом), народы должны пойти на карательные меры и «полицейские приемы управления» (в отношении трутней, бандитов и воров). Тут уж вполне к месту оказались бы и слова Катулла, обращенные к лживым политикам и тогдашним цезарям (а заодно и к нынешним): «Зачем с мерзавцем нянчиться?» А мы все еще нянчимся с ними, отдав демократию на откуп негодяям.

Павшая амазонка из композиции «Дары Аттала»

Самый парадоксальный, а во многом даже и сенсационный раздел «Государства» посвящен проблемам воспитания женщин, семьи и детей. Платон считал, что в развитом обществе жизнь женщин не может быть посвящена одной семье. Семья – не единственный бог. Кто служит честно и самоотверженно обществу, у того не останется времени на семью. Семья и женщина по своему устройству эгоистичны. Они все подчиняют семейному и женскому эгоизму. В таком обществе мужья и жены будут все тащить в дом, забывая о пользе и здоровье государства. Человек по своей сути страшный эгоист. Поэтому его свобода, действия его личности должны быть ограничены. В Спарте, где мужчины служат прежде всего стране, семейная жизнь отходит на задний план. Да и нравы спартанок отличались от общепринятых в Греции. Женщины Спарты – более независимы, самостоятельны и мужественны. В идеальном государстве у Платона женщина похожа на кентавра: она не только жена, но и боевая подруга, соратница. Минерва может принимать участие в делах сообщества, не замыкаясь в кругу рожениц, уходе за мужем или детьми. Поэтому она и должна обучаться, воспитываться наравне с мужчинами, ее надо обучать не только музыке, но и гимнастике, и даже готовить к бранным подвигам. Платон ратует за то, чтобы мужчины и женщины занимались спортом до глубокой старости. Пусть не считают для себя зазорным выполнять упражнения

в гимнасиях голыми. Ведь и Геродот в эпизоде о Гигесе и Кандавле писал, что дамы вместе с одеждой сбрасывают стыд (и в этом нет позора). В древнегреческом искусстве в V веке до н.э., правда, не было еще изображений обнаженных женщин. Но с тех пор нравы заметно изменились.

Танцующий сатир

Феномену личности Платона трудно найти аналоги в истории. Нам в нем видится предшественник будущего Ренессанса человечества. В.Ф. Асмус сказал о нем: «Его гений многогранен. Его литературное наследство принадлежит не только истории античной философии, но и истории античной науки и античной художественной литературы. И не только потому, что в молодости Платон писал талантливые стихи (эпиграммы дошли до нас). Философ-ученый неотделим в Платоне от философа-поэта. Его философские диалоги, письма принадлежат к лучшим произведениям древнегреческой художественной прозы». Перед нами античный гений, желающий и в других людях видеть совершенные существа. Хотя это невозможно. Поэтому платоновский идеал, как Атлант, ногами вырастает из земли, а головой погружается в небеса. И по той же причине он «не любит человека», а точнее, не любит все то наносное, вторичное, смертное, что мешает людям достичь совершенства. Платоновский герой и «сотворен по образу и подобию космоса». Это философский Прометей. Полагаем, что Россия могла бы стать через сотню лет

первой в мире цивилизацией, где воплощается в жизнь мечта Платона: правителями должны стать лучшие ученые, инженеры, мыслители, охранять его будут воины (наследственные касты). Страна созреет со временем для прихода к власти не аристократии богатств, а аристократии знаний.

Амфора «Аякс и Ахилл, играющие в кости»

Греция дает нам пример небывалого интереса к философии. Показательна фраза Лукиана из «Зевса уличаемого», где тот устами Зевса (в ответ на вопрос, зачем же люди ходят к богам, если их судьбой распоряжаются мойры, т.е. богини судьбы) говорит: «Я знаю, где ты можешь найти ответы на свои вопросы: ступай в школу этих гнусных философов, которые оспаривают наше покровительство, оказываемое людям. Это их безбожие вселяет в них подобные вопросы». Чувствуя себя оскорбленным тем, что ему не хотят верить на слово, Зевс в ярости угрожает испепелить философа молнией. Наука стала конкурентом языческих богов. Философ не склонит главу и перед Зевсом.

Кайрос. Бог удачи и случая. Рим. II в. н.э.

Наиболее остро суть многих общественных и социальных противоречий выразили деятели кинической школы. Историки обычно оценивают кинизм как «образ жизни, способ существования, линию поведения». Эти люди были внутренне свободны от пут власти, чем-то напомнив нам ироничных свободолюбивых сатиров. Они отражали настроения бедных и средних слоев, которые не принадлежали ни к богачам, ни к аристократам. Их философия несла в себе протест социальных низов (массы бедняков, изгнанников, рабов, вольноотпущенников, метэков, женщин, неимущих интеллигентов). Кинизм просуществовал примерно тысячу лет (с конца V и до начала IV вв. до н.э.), т.е. практически до самого конца античности. Причины растущей популярности этой философии в усилившемся обнищании масс собственников. В недрах течения в античной Греции оформились и приобрели новое звучание идеи индивидуализма, независимости, равенства людей, равноправия женщин, опрощения и бедности.

Диоген

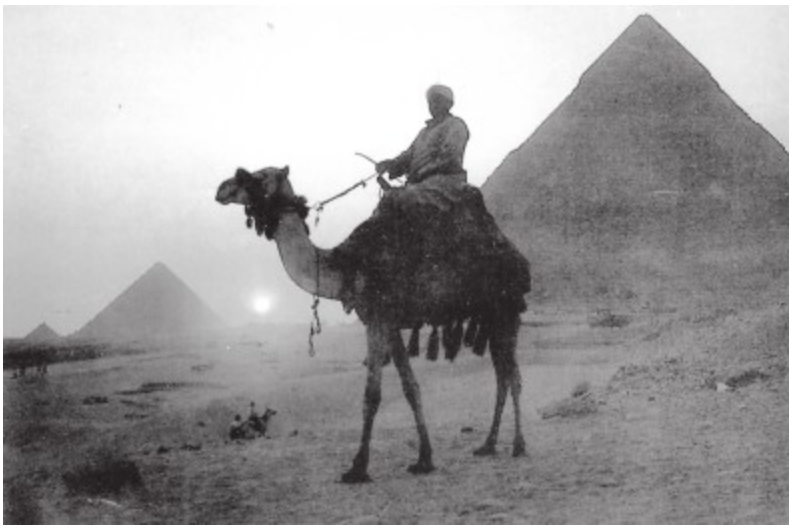
Во взглядах известных деятелей этой волны находят выражение как разум, так и неразумие народа. Киническая школа была основана Антисфеном из Афин (ок. 440—336 гг. до н.э.). Сын фракийской рабыни, он был учеником Горгия, учителем и софистом, большим почитателем Сократа. Каждый день проходил по 8 километров, чтобы его послушать. Антисфен – родоначальник философии кинизма. Из всех наук он считал самой главной ту, которая «учит отучаться от зла». Когда его спросили, что дает ему занятие философией, он сказал: «Умение оставаться наедине с собой». Антисфен считал самым прочным из укреплений на земле разум, ибо его нельзя ни уничтожить, ни предать. Мудрый человек всегда действует так, что учитывает все последствия своих поступков. Поэтому он и советовал мудрецам находиться как можно дальше от тиранов. Тем более что образованного и умного человека, по его словам, глупая власть вообще не переносит, ибо глупость, неразумие – вещь легкая, необременительная, а разум «непреклонен, непоколебим, тяжесть его неодолима». Государства же погибают тогда, когда народ перестает отличать дурных лидеров от хороших. Антисфен, наблюдая за политиками, был абсолютно убежден в том, что у них отсутствует нормальная человеческая привязанность: «этот сброд невежд и тиранов никогда не может стать друзьями». Он даже посоветовал афинянам принять специальное постановление, которое считало бы ослов конями. В ответ на недоуменные расспросы он возразил: чему удивляетесь, ведь у вас же можно стать стратегом, ничему не учась; для этого большинству достаточно поднять руку. Так и демократическая политика: ее ахиллесова пята, которая ее и погубит, в том, что глупцам (или людям абсолютно несведущим) доверено, как в игре в кости, бросать в урны бумажки (или нажимать кнопки), не зная глубоко людей и их способности.

Александр и Диоген

Наиболее ценным качеством человека Антисфен считал его непритязательность. Сколько вокруг негодяев, обманщиков и тиранов, что и поныне бессовестно крадут у людей последние гроши, похищают людей, уничтожают семьи, разрушают целые города и страны, казнят невиновных, обращают людей в рабство (все ради злата и наживы). Что же думает по поводу этих «душевнобольных» Антисфен? Он прямо говорит в их адрес: «Мне их очень жалко, что у них такая тяжелая болезнь: мне кажется, с ними происходит что-то похожее на то, как если бы человек много ел, но никогда не был сыт». В действительности, человеку не так много и надо, чтобы удовлетворить его насущные потребности (в пище, одежде, любви, дружбе и очаге). Великий киник провозгласил идеалы умеренности, справедливости и мудрости. Главное богатство он усматривал не в роскоши или в чревоугодии («я не покупаю на рынке дорогих продуктов, потому что это накладно»), а в духовной жизни. Он говорил: я достаю богатства «из кладовой своей души». Когда его спросили, почему он счел себя богачом, не имея в наличии ни денег, ни земли, он ответил просто: «По моему убеждению, друзья, у людей богатство и бедность не в хозяйстве, а в душе». Его считают по праву основателем самого строгого течения в стоицизме. Антисфен кончил жизнь в бедности. И хотя он умер от чахотки, тем не менее оставил в наследство людям 10 томов сочинений. С него берут начало Кратет, Зенон, Диоген. Диогена Антисфен пытался было палкой отвадить от философии, но, видя его усердие и стремление к знанию, смирился. «Кого не бьет слово, того не будет бить и палка» (Сократ).

Дж. Кастильоне. Диоген, ищущий с фонарем хорошего человека. XVII в.

Колоритной фигурой был Диоген Синопский (его называли еще «безумствующим Сократом»). Будучи сыном менялы, он, как и его отец, заведовавший казенным меняльным столом, был фальшивомонетчиком. За это его подвергли изгнанию. История утверждает, что на столь нехороший поступок якобы подтолкнул оракул, посоветовавший Диогену и его отцу сделать переоценку ценностей, или, по-нашему, «дефолт». Однако греки – это не мы с вами. Они тут же упрятали папашу Гикесия в тюрьму, где тот и умер. Мы же своих жуликов выдвигаем в «базилевсы». Изгнали и сына, после чего тот только надумал стать философом… После всех перипетий судьбы он избрал местом обитания бочку и уподобил свою жизнь жизни мыши, серой и незаметной. В образе Диогена Синопского нам видится иной современный «герой», что, как и он, не умеет ничего делать руками и головой, кроме того, чтобы «властвовать людьми». Их речи представляют собой язвительные насмешки над прошлым и настоящим. Диоген и Антисфен критиковали Платона и его учение, оценив по достоинству только золотой язык диалогов. Таких вот «диогеновских типов» сегодня в России пруд пруди. Они в принципе не способны ни к какому созиданию или творческой деятельности, однако бочкам предпочитают дворцы.



Собака Одиссея, встречающая своего хозяина. По Генелли

Суть метаморфоз иных наших политиков, что еще вчера были первыми лицами, а сегодня стали плутократами, прекрасно выразил две тысячи лет тому назад Диоген, с его «переоценкой ценностей»… Как собирательный образ киника Диоген выведен у Лукиана. Он говорит: «Ты видишь перед собой космополита, гражданина мира». Диоген называл себя «врагом страстей», «освободителем человечества», утверждая, что хочет быть «пророком правды и свободы слова». Диоген расписывал прелести «свободной жизни»: «Прежде всего я сниму с тебя изнеженность… заставлю тебя работать, спать на голой земле, пить воду и есть что попало. Богатства свои ты бросишь в море. Ты не будешь заботиться ни о браке, ни о детях, ни об отечестве… Котомка твоя пусть будет полна бобов и свертков, исписанных с обеих сторон. Ведя такой образ жизни, ты назовешь себя более счастливым, чем великий царь…» Лукиановский Диоген обещает, что такой вот космополит сможет навсегда избавиться и от такого «порока», как способность краснеть. Наш космополит не краснеет, став богачом и вором.

Вот как охарактеризовал философию Диогена неокантианец В. Виндельбанд в своей «Истории древней философии»: «Навязчивые поучения этих философов-нищих высказывались преимущественно в грубых остротах, из которых много анекдотического приписывают Диогену. Серьезного размышления в них мало. Еще Антисфен, настаивая на ничтожности всяких удовольствий (вероятно, против Аристиппа), пытался обосновать свое убеждение тем соображением, что если это убеждение и неверно, то все-таки оно предохранит

человека от рабства перед чувственными наслаждениями. Но у Диогена это презрение к внешним благам переходит в желчный юмор ничем не жертвующего пролетария. Кроме духовного развития, которое он еще несколько ценил, по крайней мере настолько, насколько оно ведет к добродетели, он отрицал все проявления цивилизации, объявляя их лишними, бессмысленными и опасными для добродетели. Наиболее виновны циники в том бесстыдстве, с которым они намеренно оскорбляли обычаи, касающиеся половых отношений, а также в равнодушии к семейной жизни и к государству; ибо их космополитизм, которым (так) хвалился Диоген, не носил позитивного характера общечеловеческого идеала, а только освобождал личность от всяких рамок, наложенных на нее цивилизацией. В частности, циники, подобно их предшественникам – софистам, порицали рабство, как нечто неестественное и несправедливое…». Заметим, что подобные типы встречались и в Индии (голые факиры).

Ян Брейгель Старший. Изобилие. XVI в.

Они везде вносят в течения общественной жизни элементы радикализма, обычно присущие левацким течениям. Одной из их идей стало предложение ввести общность жен и детей. Диоген противополагал природу и закон, разум и богатство, культуру и естество. В то же время его остроты и меткое словцо были у многих на слуху. Он как никто иной мог довести до белого каления сытых мещан, издеваясь над их богами. Пес, как его прозвали за собачье-бродячий

образ жизни, считал, что «люди соревнуются в том, кто кого столкнет пинком в канаву». Нищета и привела его к философии. Он называл сребролюбие матерью всех пороков и, как утверждала легенда, выходил на дневной свет с фонарем, объясняя это тем, что ищет «человека» (то есть идеал).

Людей он в глубине души презирал. И даже осуждал Прометея за подаренный им огонь. Диоген считал глупым и абсолютно наивным стремление изменить мир с помощью каких-то там идеальных систем. Отличительной чертой его воззрений являлось поддержание философии умеренности. Он даже сетовал на то, что слишком много производится и продается такого, без чего нормальный человек вполне мог бы обойтись. Диоген органически сочетал в себе люмпен-пролетарское и социально-критическое направление мысли. У Диогена есть и стихи, гневно бичующие «немужественную, грязную роскошь».

«Некоторые восхищались им как мудрейшим человеком на свете, другие называли его безумцем» (Дион Хрисостом). Из мыслей Диогена вырастут Рабле, Вольтер и Дидро. Умер он в Коринфе в возрасте 90 лет. Жители поставили ему памятник из паросского мрамора в виде колонны, на вершине которой стояла фигура собаки (Павсаний). Собака на могиле стоит, видимо, потому, что таково было бранное имя, которое дали ему злейшие недруги. Собака звучала «Kyon» – отсюда и «киники». Кстати, образ жизни киников очень напоминал образ жизни индийских аскетов. Этому обстоятельству особо поразился и Онесикрит, сопровождавший Александра Македонского в его походах. Среди определенной публики космополитизм стал со временем популярен, как и собака Диогена. Известно, что собака признает только того хозяина, кто ее кормит.

Но их идеи, повторяем, находили своих приверженцев. Кратет из Фив роздал, как утверждают, все свое состояние, чтобы посвятить себя образу жизни киников (нищенскую жизнь разделила и его жена Гиппархия). Он бродил по свету с посохом и нищенской сумой за плечами, упражняясь в добродетели. Господствующие в обществе взгляды этот опростившийся аристократ считал «дымом и чадом». Под влиянием мягкого, доброго характера Кратета кинизм приобрел демократичный и менее радикальный характер. Кратет был идеологом философии любви к человеку (филантропии). Он пользовался почти что всеобщей любовью. В народе его звали «открывателем всех

дверей» и «добрым демоном». Греки даже писали на дверях домов: «Здесь вход для доброго гения Кратета». Философ не только не стеснялся своей бедности, но и воспринимал ее как большое благо и даже награду, говоря: «Я гражданин темноты и бедности, они неприступны для судьбы». Кратет мог бы стать, пожалуй, и неким идеалом для русской разночинной интеллигенции. Автор очерка о кинической философии И. Нахов так оценивал результат его воздействия: «Конечно, киник кратетовского типа, внушая людям идею превосходства бедности, звал к бедности, а не к богатству, но звал всех, что практически было равнозначно призыву к богатым раздать свое имущество, как это сделал в свое время сам Кратет, и жить одной жизнью с народом, иными словами, это было замаскированное политически, актуальное и популярное требование передела имущества. Все это означало осуждение имущих, переоценку общепринятых ценностей, а не банальный конформизм, свойственный официальной идеологии. Ненависть к праздности и богатству, жажда свободы и справедливости составляют пафос поэзии Кратета».

Думаю, что ныне в России, одурманенной жаждой богатств, эти взгляды были бы непопулярны. Антисфен заметил: «Пусть дети наших врагов живут в роскоши!» Сомневаюсь, что это позволит народ, глядя на вопиющую и вызывающую роскошь одних на фоне убогой жизни сотен миллионов. Лучше упрятать в тюрьму тех олигархов, что устроили ограбление целого народа. Жизнь такого богача, который безобразно роскошествует и разучился краснеть (при виде вопиющей бедности народа), никак не отвечает русскому духу… Разница между киниками и циниками в отношении к роскоши и богатству огромна. Первые шли от богатства к мудрости, вторые, напротив, к алчности и безделью. «Для того, чтобы жить как следует, надо иметь или разум, или петлю» (Диоген). Чего достойны наши циники, решайте сами.

Гораздо интереснее те мысли, которые высказывал Диоген в его «Государстве» (подлинность сочинения была засвидетельствована стоиками). Там им нарисована картина идеального общественного и государственного строя в Древней Греции. Его «Государство» многие ставили в один ряд с трудами Платона и Зенона. Стоит добавить, что то нищенство и странничество, что связывают в сознании с образом жизни киников, не было не только главным, но и сколь-либо существенным. Они видели суть и смысл идеального устройства в том,

чтобы снять в конечном счете все сословные различия, разделяющие людей перегородки, привилегии богатства, все градации по национальному признаку и т.д. и т.п. Их взгляды получили довольно широкое распространение в различных частях мира: в Египте (о чем говорят трактаты времен Птолемея), в Греции (ученик киника-стоика Аристона, александрийский ученый Эратосфен доказал несостоятельность аристотелевского тезиса деления человечества на греков и варваров). И даже, как считал Плутарх, восприняты Александром Македонским, который попыткой основания мирового царства, казалось, осуществлял кинический идеал государства. У Платона в диалоге «Аксиох» Сократ, так сказать, «исповедуя» умирающего философа Аксиоха, возвращается в Киносарг, в это пристанище философов-киников. Хотя Платон, подчеркнем это, явно недолюбливал Диогена, называя того «безумствующим Сократом».

Сибиртий, учитель юношества

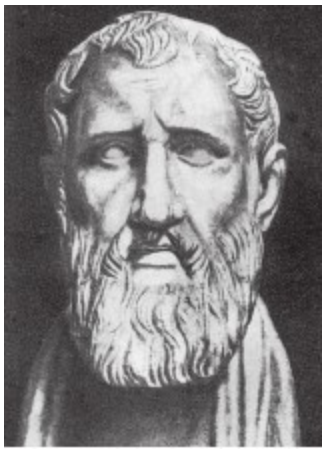
Мы не принадлежим к последователям Кратета и Диогена, или тех, кто подобно рабу коринфского банкира, наслушавшись кинической пропаганды, стал бы вдруг выбрасывать из окон господские деньги. Мы не хотим видеть в молодом поколении неумех и люмпенов, равнодушных к благам цивилизации. Но и жажда богатств, добытых любым способом, представляется позорной и опасной. Вчерашние киники стали у нас циниками. Их идеалы концентрируются вокруг богатств и власти.

К киникам примыкают стоики… Стоицизм становился правилом жизни в Риме и Греции среди достаточно широких кругов. Основателем стоицизма считают Зенона (336—264 гг. до н.э.),

прибывшего в Афины с Кипра. Считают, что он мог быть представителем семитской расы. Зенон излагал мысли, прохаживаясь взад и вперед по территории, называемой Расписной Стоей. Афиней писал о стоиках:

О знатоки стоических правд!
О вы, что храните
В ваших священных столбцах
лучший завет мудрецов!
Вы говорите: единое благо души —
добродетель,
Ею сильны города, ею живет человек.
А услаждение плоти, для многих —
предельная радость,
Есть лишь малый удел только
единой из Муз.

Учителем Зенона был самый симпатичный из киников, Кратет, о котором выше говорилось. Несмотря на то что природа посмеялась над ним (тот был горбун), он смеялся над природой, над всеми своими горестями. Кратет ходил из дома в дом, примирял семейные ссоры, давал людям разумные практические советы. Его пригласил в качестве воспитателя своего сына диадох Деметрий Полиоркет (337—283 гг. до н.э.). Одно время царь даже попытался реализовать принципы стоической философии в политике. Зенон прибыл в Афины, где и основал школу философов, ставшую известной как Древняя Стоя. Так называлось в Афинах место, где любили бывать поэты, – украшенный фресками художника Полигнота портик (Стоя). В Афинах тогда, как и в России недавнего времени, царили анархия и произвол. В идеологии сплошная путаница. Сократ погиб. Его лозунг «Познай самого себя» не удовлетворял ни жаждущих удовольствий киренаиков, ни стремившихся к некой автаркии младших сократиков. Платона в Академии тоже заменили другие люди. Великих философов не осталось.

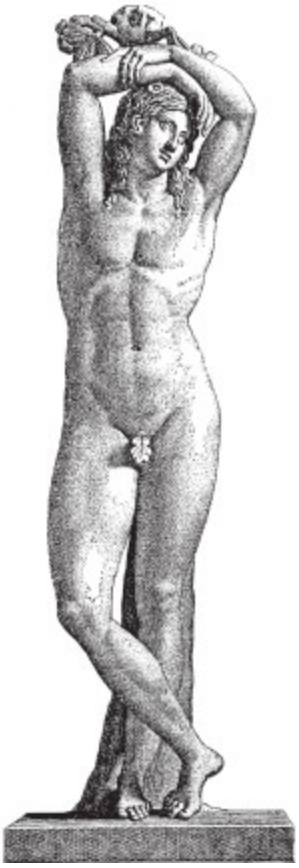


Зенон

Зенон внимательно прислушивался к веяниям эпохи. В обществе шли яростные споры, куда идти, что делать, чем наполнить жизнь. Как и мы, греки понимали, что без идеологии общество не может быть прочным. Заметное влияние на него оказали киники, особенно тонко чувствовавшие одиночество человека в условиях разрушающегося античного полиса. Так же как у нас, многие оказались неожиданно выброшенными из жизни и предоставлены сами себе, без опоры и поддержки.

Будучи финикийцем и торговцем, так или иначе космополитом, Зенон, который и родился на Кипре, где всегда было полно представителей разных стран и народов, оказался не чужд умственных интересов, натурфилософии. Виндельбанд в работах его обнаруживает «элементы древней науки». Среди стоиков было немало и тех, кто продвигал вперед математику. Они развили провозглашенный впервые Зеноном Элейским тезис о принципиальном различии меж телом и пространством. Выход эллинистического человека за пределы полиса изменил и его отношение к миру. Подобно россиянам, многие из которых впервые для себя открыли иной мир, имея возможность посетить его, греки также познавали мир таким, каков он был – соблазнительным, прекрасным, опасным и губительным. Все это расширяло их кругозор, обогащало разум и способствовало, как скажет стоик Хрисипп об их поиске, «взращиванию истинности разума». Для этого понадобилась наука, что исследует разум. Стоики подготавливали почву для ясного и трезвого восприятия всех сторон жизни и мира. Не случайно в дальнейшем к числу поздних стоиков будут относить себя такие известные фигуры, как Эпиктет, Сенека,

Марк Аврелий. Они сочетали то, что следует сочетать и нам, – логику, этику и физику.



Гений вечного покоя. Лувр

В среде стоиков заметно восточное влияние, что и неудивительно, так как многие выдающиеся стоики происходят из Карфагена, Вавилона, Селевкии в Месопотамии и греческих городов на севере Малой Азии. А Восток из любого человека, хочет он того или нет, сделает стоика. Правда, мы мало что можем сказать о ранних стоиках. Несмотря на то что многие из них были плодовитыми мужами, работы их погибли: из 705 трудов Хрисиппа остались скудные фрагменты, а от Зенона и того меньше. Поэтому приходится реконструировать их мысли и идеи по сочинениям Цицерона, Диогена Лаэртского, Секста Эмпирика, Плутарха или Галена. Суть же их такова… Все в человеке возникает спонтанно, оформляясь в уме где-то к 14 годам. Но при рождении душа напоминает чистый лист, tabula rasa, постепенно заполняясь в ходе обучения и накопления жизненного опыта. И все же стоики своеобразно понимали жизнь.

Страсти и эмоции, считали они, вредны и их надо искоренять. Их идеал – полная апатия, свобода от страстей, эмоций и аффектов. Стоик должен быть равнодушен ко всем внешним вещам, к богатству, власти, силе, славе, женщине. Ему не следует иметь друзей, любить, иметь серьезные привязанности и т.п. Не признавали они и прогресса, морали и т.д. «Почти все наследники Александра, можно сказать, все важнейшие цари в продолжение целых поколений были последователями Зенона – объявляли себя стоиками», – говорил профессор Г. Маррей. Все плохое и хорошее в этой жизни зависит только от нас самих. Добродетель заключена в воле, а посему зависит только от самого человека, впрочем, как и все порочное и злое, что также есть внутри нас. Порой их одолевала жуткая хандра, ибо стоики понимали: идеал недостижим. Стоику оставалось одно – спокойно воспринимать все удары судьбы, ибо, по их словам, «человек может так же утонуть в стакане воды, как и в морских глубинах». У них считалось хорошим тоном с полным безразличием относиться к жизни и смерти.

Дж. Уотерхаус. Гилас и водяные нимфы. XVIII в.

Иные думают, если к стоицизму добавить некую дозу скептицизма, подобного скептицизму Пиррона, основателя школы, то можно тут же обрести нужную опору и устойчивость в этом безумном и ненадежном мире. В действительности лишь немногие были бы вправе называть себя истинным стоиком. Что такое стоик, всем очень доходчиво объяснил Эпиктет: «Покажите мне человека, созданного по мерке тех суждений, какие он изрекает, точно так же как мы называем фидиевой статую, которая высечена по правилам искусства Фидия. Покажите мне человека, пораженного болезнью – и все же

счастливого, в опасности – и все же счастливого, умирающего – и все же счастливого, в изгнании – и счастливого, в немилости – и счастливого. Покажите мне его. Клянусь богами, тогда я увижу стоика. Нет, вы не можете показать мне законченного стоика; но покажите тогда формирующегося, того, кто вступил на этот путь». Так говорил грек Эпиктет, показывая, сколь невелик шанс увидеть истинного стоика.

В Древней Греции аскетизму киников, даже во многом показному, противостоял гедонизм киренаиков. «Гэдонэ» означает наслаждение. Философы направления и их сторонники видели главный смысл жизни в удовольствиях. Основателем школы считается Аристип из города Кирены (435—360 гг. до н.э.), греческого полиса на Североафриканском побережье (Киренаика). Известно, что он учился у Протагора и Сократа и был моложе Антисфена. К сожалению, его сочинения не сохранились. Этический гедонизм киренаиков покоился на сенсуализме, то есть на чувствах и ощущениях. Аристип учил: человеку ничего не дано познать, кроме его ощущений, природа коих неизвестна. А посему не следует даже пытаться проникнуть в тайну природы и ее законов. В чувстве они видели своего рода религию и поклонялись ему как богу. Если Антисфен-киник говорил, что он скорее повесится, чем испытает удовольствие, то Аристип считал, что без удовольствий жизнь не стоит и ломаного гроша. Уж тогда точно, полагал он, лучше пойти и повеситься.

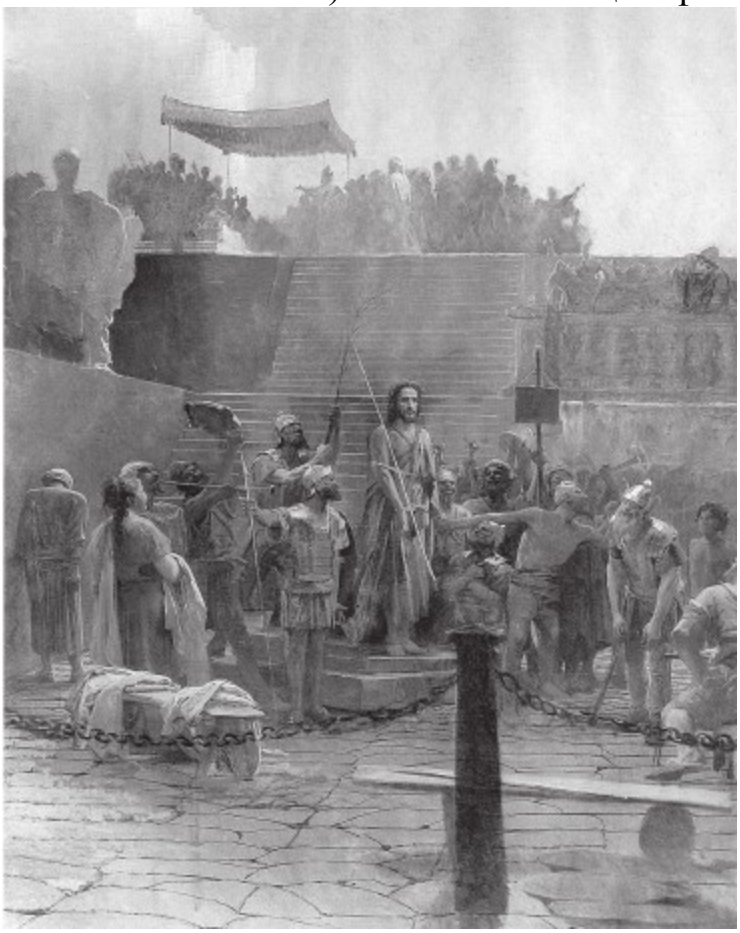
Ставя превыше всего в жизни удовольствия, киренаики неизбежно должны были попасть (и часто попадали) в зависимость от них и от тех, кто им доставлял такого рода удовольствия. В ходу у древних греков был даже такой анекдот. Как-то раз Аристип встретил Диогена, который мыл в ручье овощи, намереваясь вскоре приступить к скромной трапезе. Аристип, увидев это, насмешливо сказал: «Если бы ты умел обходиться, как нужно, с Дионисием (правителем, тираном Сиракуз. – *Ред*.), тебе не пришлось бы довольствоваться таким обедом». Диоген в ответ ему заметил: «А если бы ты умел довольствоваться таким обедом, то тебе не пришлось бы заискивать перед Дионисием». Разумеется, гедонизм как течение был популярен, хотя и чрезвычайно опасен во многих отношениях. Если даже оставить в стороне вопрос о здоровье, которое не становится лучше от невоздержанности в питье и еде, прежде всего он ведет к довольно

быстрому пресыщению радостями жизни. Не случайно те, кто яро поклонялись богам греховных наслаждений, нередко и сами становились их жертвами. Гегесий Александрийский, вначале вставший на этот путь, вскоре увидел невозможность удовлетворения всех своих страстей и желаний. В итоге стал известен античности как убежденный певец смерти, «Пейситанатос» («Смертепроповедник»). После его лекций иные из слушателей кончали жизнь самоубийством.

Перикл

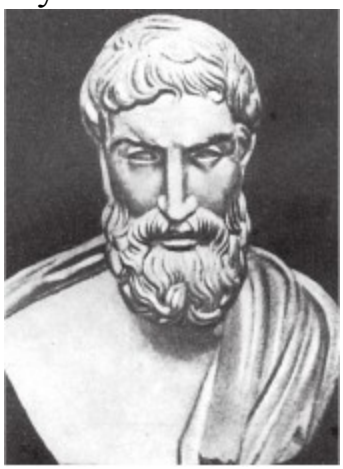
На совершенно иных позициях стоял великий Эпикур (342/341 – 271/270 гг. до н.э.). Родом он был с Самоса. Остров еще за сто лет до рождения Эпикура был взят войсками Перикла. Захватив земли самосцев, афиняне многих за приверженность к олигархическому образу правления изгнали (правильно сделали). Эпикур в отличие от Платона, сына аристократа из рода Солонов, или Аристотеля, сына близкого ко двору, родился в семье бедного школьного учителя. Философ рано познал нужду и страдания, бродя с матерью, что читала заклинания, по лачугам. Ему было всего 3 года, когда после поражения союзнических войск греков при Херонее старинные полисы утратили свободу и стали жертвой македонских завоевателей (338 г.). Не помогли грекам и страстные речи Демосфена. К философии Эпикур обратился с 14 лет не из любви к такому роду занятий, а из презрения к

учителям словесности, которые не смогли объяснить ему, что значит слово «хаос». По крайней мере так объяснял его шаг эпикуреец Аполлодор в первой книге «Жизнеописания Эпикура». Куда более убедительно звучит версия Гермиппа. Тот утверждал, что Эпикур был учителем, пока ему не попались книги Демокрита и не обратили его к философии. Косвенным подтверждением этой версии можно считать слова философа Тимона, характеризующие его как «самого последнего из физиков». Эпикур был пытлив и отличался упорством в поиске знаний. В г. Теосе прослушал лекции по философии Раксифана и Навсифана, учась, как говорили о нем недоброжелатели, «на медные деньги». В Афины он приехал в годы краха демократического правления. Это были страшные годы, когда на глазах народа захватчики из Македонии восстанавливали власть тирании или местных олигархов. В Афинах все политические права теперь были предоставлены только богачам, тем, кто имел не менее 2000 драхм (таковых оказалось всего 9 тысяч). Таков был общий фон.



Толпа и мудрец (Христос)

Остальным предложили покинуть родину (323 г.). Гиперид, Демосфен и другие защитники истинной демократии вынуждены были покинуть город. Однако тиран Антипатр, получивший Македонию и Грецию в качестве приза при дележе земель, захваченных Александром Македонским, потребовал их выдачи. Ни один из них добровольно не готов был пойти на эту жертву. Тогда «народ, по предложению Демада, приговорил их к смерти». Их приговорили к смерти те же, кто еще вчера с восторженными криками приветствовали их на площадях и улицах. Тут же нашелся доброволец-палач (бывший актер Архий по прозвищу Ищейка). Этих бедняг после пыток казнили, а Гипериду перед смертью еще и вырезали язык. Демосфен в храме Посейдона вынужден был принять яд. Афинская демократия приказала долго жить. Тысячи афинян взошли на корабли, намереваясь покинуть родину. Бедный Эпикур был свидетелем этого позора. Его тогда охватило острое чувство стыда и ненависти при виде того, как среди его сограждан вызрел обильный «урожай предателей, взяточников и богопротивных людей». Эпикур покидает Афины после двух лет пребывания в них и службы эфебом. Вскоре он вынужден стать учителем, ибо остался без средств. У его отца конфисковали все (дом, участок). Жизнь заставила отправиться в Митилены, на остров Лесбос, где он и учительствует 18 лет.



Бюст Эпикура

Чему и как учил Эпикур, которого античный мир будет знать под почетным именем «Спасителя людей»? В деталях сейчас трудно восстановить программу, но дошедшие до нас отрывки его воззрений показательны. Он стоял на пути мудрости и познания. Эпикур считал, что «мудрец не должен быть влюблен», что «любовь дана людям не от

богов» и «ни жениться, ни заводить детей мудрец не будет». При этом он согласен был питаться хлебом и водой, а кусок сыра считал невиданной роскошью, говоря: «Я плюю на дорогие удовольствия». Богатство он презирал, считая алчность и жадность худшей из болезней, подобной раку. Он утверждал, что «богатство, приобретенное дурными путями, носит на себе слишком заметное пятно». С возрастом он еще более укрепился в правильности своих взглядов. Он был счастлив, если была постель, скудный обед, крыша над головой и, разумеется, если с ним были его драгоценные свитки-книги. В то же время его нельзя считать сторонником крайностей, как и глашатаем полного опрощения. Главное во всем – это чувство меры. Эпикур заявлял: «Мудрец не будет болтать вздора даже пьяный… не станет тираном, не станет жить и киником или нищенствовать». Вместе с тем он советовал воспринимать жизнь такой, какова она на самом деле – без иллюзий.

Купив за восемьдесят мин дом и сад, он открыл там философскую школу. На воротах сада (поэтому его прозвали «Садослов») было написано: «Гость, тебе здесь будет хорошо, здесь удовольствие – высшее благо». Это дало повод для пересуд, кривотолков, обвинений, клеветы, ибо каждый понимал сей девиз в меру своей испорченности. Хотя обяснение Эпикура четко разъясняло: «Итак, когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие, или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог. Нет, не попойки и непрерывные кутежи, не наслаждения мальчиками и женщинами, не наслаждения рыбою и всеми прочими яствами, которые доставляют роскошный стол, рождают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания и изгоняющее (лживые) мнения, которые производят в душе величайшее смятение. Начало всего этого и величайшее благо есть благоразумие. Поэтому благоразумие дороже даже философии». С каждым годом он все больше времени отдавал труду, работая над своими сочинениями. Числом книг он превзошел всех (около 300 свитков). Их было больше, чем у Демокрита, Аристотеля и др. Это вызывало страшную зависть, и даже ненависть противников-стоиков. Эпикур уверен: надо

постараться прожить последнюю часть пути лучше первой, а, придя к финалу, порадоваться тому, что удалось сделать если и не все из того, что желал, то многое из намеченного.

Золотое блюдо с изображением Афины

Отношение его к тогдашней школьной программе и практике было, мягко говоря, весьма критическим. Кличем и девизом его школы стало – «Учиться без опоры на Гомера и Геосида» (поскольку те изрядно поднадоели). В чем тут дело? Внешне позиция Эпикура выглядит как восстание против рутины. Эпикур терпеть не мог ни начетничества, ни догматизма. В письмах его проглядывает глубочайшее презрение к типу образования, что утвердился в Греции. Он говорил, что не встречал худшей заразы, чем такого рода образование. И советовал одному из учеников «залезть поскорее в лодку и изо всех сил грести прочь от той культуры, которой забивают головы в афинских школах». В письме к Пифоклу сей тезис звучал так: «От всякого воспитания, радость моя, спасайся на всех парусах!» Справедливости ради заметим: Эпикур восстает не вообще против знаний и образования, что, конечно, нелепо, но против школ и программ, предназначенных исключительно для избранных, то есть для меньшинства. Кредо Эпикура: равные возможности для всех в образовании! 2300 лет тому назад он заявил: все без исключения люди имеют равные права для достижения наивысшего развития. Равные права, если равны таланты!

В мировоззрении, и особенно в этике Эпикура, как мы видим, было немало привлекательного. Мы понимаем, отчего он, философ-бунтарь, словно магнит, притягивал свободолюбивые и вольные души. Главное в учении Эпикура – его этика. Он был подобен бичу божьему, хотя и считал, что природа развивается без вмешательства богов. Не зря же он советовал тем, кто жаждет мудрости, чаще бывать на лоне природы («любить простор полей»). Свобода человека зависит не от богов, но от разумного выбора пути и образа жизни. Ведь мудрый

человек готов обуздать свои аппетиты и всегда довольствуется немногим. Он осуждал тех, кто упивались неправедно нажитой роскошью, ставил статуи из золота гетерам, ел на золоте и наряжал своих шлюх в золото… Он смеялся над теми, кто превратился в зверей, у кого имущество «накапливается кучей, но жизнь образуется несчастная». Ясно, его ненавидели те, кто жизнь посвятил накоплению богатств и имущества. Они обвиняли его в гедонизме, аполитизме, отсутствии чувства гражданственности.

Картинка с изображением пьяного сатира

Философ ратует за изменение политической жизни, нравов, что установились в Греции. Демократический полис бесспорно изживал себя. Политика все более напоминала театр абсурда. Становилось ясно: все решает не народ, а указы монарха. И все же как умный государственник Эпикур в душе был согласен с Демокритом. Тот превыше всего ставил государство, говоря: «Следовало бы убивать врага государства во всяком государственном строе». Но он наблюдал, как афиняне в раздорах, ссорах, сварах теряли государство. В такой публичной комедии он не хотел принимать участие и призвал граждан «высвободиться из уз обыденных дел и общественной деятельности». Хотя тот же Аристотель, напротив, считал, что человек и народ как существа общественные не могут без них обходиться. Эпикуровская трактовка государства и права подразумевала необходимость равенства, свободы и независимости для членов общества. Исторически это по существу первая философско-правовая концепция

либерализма, либерального индивидуализма. От него правовая нить тянется к идее общественного договора Нового времени. Справедливость – естественное право на службе у общества.

Философская беседа. Ваза. Музей античности. Берлин

Правда, и сам философ не был свободен от «недостатков»… Он любил женщин и мужчин. Любил необузданно и страстно. К примеру, в письме к Леонтии он восклицал: «Владыка Аполлон! Каким шумствованием полны мы были, милая Леонтия, читая твое письмецо!» К жене Леонтея, Фемисте, обращал нескромный свой призыв. Привечал даже цветущего мальчика Пифокла: «Что ж, буду сидеть и ждать прихода твоего, желанного и богоравного!» Ко многим гетерам сочинял он пламенно-чувственные письма. Диотим насчитал у него 50 писем «развратного содержания». В сочинении «О конечной цели» есть такое признание: «Не знаю, что и помыслить добром, как не наслаждение от вкушения, от любви, от того, что слышишь, от красоты, которую видишь». Эпиктет бранил его последними словами и обзывал «развратником». Данте, вряд ли пытавшийся всерьез разобраться в его взглядах, и уж тем более в философских, в «Божественной комедии» сказал о нем нелицеприятно: «Вот Эпикур, прославивший разврат, учения которого гласят, что с телом дух погибнет без возврата…» Недруги утверждали, что на чревоугодие он ухитрялся в день тратить целое состояние. Может быть, потому, что ему принадлежат слова: «Начало и корень всякого блага – удовольствие чрева; даже мудрость и прочая культура имеют отношение к нему». Стоит добавить, что на самом деле он многие годы жил на строгой диете. Страстная любовь Эпикура к жизни – в ее чувственных, дионисийских проявлениях – вызывала восхищение всех нормальных людей и влекла к нему многих мыслителей. Как метко выразился Аркесилай в ответ на вопрос, почему это философы разных

школ идут в стан Эпикура, а не обратно: «Из мужчин можно сделать евнухов, но из евнухов мужчин не сделаешь». Пока в тебе горит огонь желаний и ты что-то можешь, о современник, будь эпикурейцем!

Застолье эпикурейцев

Что же до брани в свой адрес, то философ должен воспринять ее спокойно. Эпикур ведь и сам называл учеников Платона – Дионисиевыми лизоблюдами, Платона – златокованым мудрецом, Протагора – дровоносом и деревенским грамотеем, Гераклита – мутителем воды, Демокрита – Пустокритом, Пиррона – невеждой, киников – бичом всей Эллады, Аристотеля – мотом, который пропил отцово добро и пошел наемничать и морочить людей. Как видим, даже философы и писатели – довольно занятная публика.

Чтобы утешить тех, кому доставалось от злых на язык философов, напомню, что и им, в свою очередь, ох как крепко досталось от язвительного Лукиана, – Эпикуру, Демокриту, Пифагору и другим.

В диалоге «Vitarum auctio» Лукиан выводит на продажу с аукциона руководителей различных философских школ. Цены, скажем прямо, – если и не совсем бросовые, то явно не очень-то высокие для мудрецов: Сократ идет за 2 таланта, Пифагор – за 10 мин, Диоген – за два обола, а Демокрита и даром не берут. Оно и понятно, ведь философ – не евнух, не кастрат, не наложница, и даже не политик.

Эпикуру
Жизнь – книга с чистыми листами,
Что подарил нам случай, а не Бог…
И вот на ней за столь короткий
срок, —
Пройдя ее роскошными кругами,
Познав любовь, омыв ее слезами, —

Должны мы подвести итог
Всему, что прожито,
прочувствовано нами.

В. Миронов

Шли годы. Жизнь приближалась к концу. Эпикур преподавал в Саду разума. Он учил людей не терять здравый смысл и благоразумие, которое считал «дороже даже философии». Популярность его была так велика, что его считали почти божеством. Среди его слушателей были те, кто жил достойной, умной жизнью, кто были демократами на деле, а не на словах, кто не принял новых порядков, сытое и наглое самодовольство тех, кто захватил в руки собственность страны (тех, кто не прочитал ни одной толковой и умной книги, но зато теперь пишет их пачками). Его любили ученики. Они были «прикованы к нему словно песнями сирен». Один из таких учеников даже пал на колени после одной из его речей, так что Эпикур сказал с усмешкой: «Теперь придется мне в свою очередь воздать тебе поклонение и божеские почести». И хотя он предпочитал «жить скрываясь», со всех сторон греческого мира шли к нему люди за советами и уроками. В действительности Эпикур был гораздо ближе к простому народу, ибо уж он хорошо знал, что такое нелегкая жизнь ради куска хлеба. К несчастью, все эти политики и богачи, болтуны и их пособники, не знают, что такое жизнь народа, того народа, что постоянно ложится и встает с одной лишь мыслью о том, как и чем ему сегодня кормить семью и детей.

Все болезни – от злоупотреблений

Один из его последователей (Диоген из Эноанды) на главной площади города запечатлел слова учителя: «Нечего бояться богов.

Нечего бояться смерти. Можно переносить страдания. Можно достичь счастья». Заслуга Эпикура в том, что он поставил во главу задач общества потребности, интересы человека, достижение им человеческого счастья (Курц). Когда в старости стали одолевать болезни и жизнь перестала его радовать, он, как и подобает философу, стал готовиться к смерти.

Эпикур оставил сад и книги Гермарху, отдал указания, чтобы философы его круга имели достаточно средств для занятий любимой наукой, отпустил рабов на волю. Затем лег в ванну, где и закончил жизнь, повторяя любимую фразу: «Хорошо мы пожили» и «Всякий уходит из жизни так, будто он только что родился». Поэт и философ Лукреций Кар (96—55 гг. до н.э.) в поэме «О природе вещей» скажет так о жизни великого Эпикура: «О украшение Греции! Ты, что из мрака впервые светоч познанья извлек, объясняя нам радости жизни». Поистине это был философ от бога.

Первые некогда злак, приносящий
плоды, даровали
Жалкому роду людей осиянные с
лавой Афины;
Жизнь обновили они и законы
для всех учредили,
Первые подали всем утешения
сладкие жизни,
Мужа родивши, таким одаренного
сердцем, который
Все объяснил нам, из уст источая
правдивые речи.
Даже по смерти его откровений
божественная слава,
Распространившись везде,
издревле возносится к небу…
Вследствие этого он правдивою
речью очистил
Людям сердца и конец положил
он и страсти и страху;
В чем состоит, объяснил он,

высшее благо, какого
Все мы стремимся достичь,
и путь указал по тропинке,
Какою его достигаем мы прямо
и быстро…

И хотя эпикурейское учение не прижилось на римской почве, а в 173 году до н.э. его последователи даже были с позором изгнаны из Рима (по обвинению, что чрезмерно «предавались наслаждениям»), оно не только не умерло, но и мощно проявило себя позднее. Хотя надо прямо сказать: христианская мысль и церковь также одно время признавали в Эпикуре опасного врага веры, яростного противника их господства. Климент Александрийский писал: «Если апостол Павел нападает на философов, то он имеет в виду только эпикурейство». Платон-идеалист для Церкви казался менее опасным, та его даже зачислила в союзники. Оно и понятно: Платон строил свое идеальное царство в высотах Разума, Церковь – в недостижимых высотах Небес. Поэтому и платоновские мечты (при легкой доработке) перевоплощались в «откровения» христиан.

Оплакивание умершего

На какое-то время учение Эпикура «как бы впало в спячку»… Но уже в эпоху Ренессанса один из деятелей той поры, Раймонди, напишет великолепную «Речь в защиту Эпикура – против стоиков, академиков и перипатетиков». В ней сказано: «Относительно Эпикура существуют большие разногласия не только в наше время. Все древние философы и главным образом школы академиков, стоиков и перипатетиков объявили ему, главе остальных, преступную войну и так набросились на него, что не пожелали отвести ему в философии

какого-либо места, а все труды его отвергли, побуждаемые, на мой взгляд, завистью, так как в его школу приходило гораздо больше учеников, чем к ним». Эпикуровская философия – глубоко оптимистична. В этом суть! Воспевая наслаждение, он имел в виду наслаждение ума, творчества и любви. Числом написанных книг он превзошел многих (300 свитков).

Эпикур-мыслитель не был забыт потомками и в XVII веке, когда «эпикурейство» стало еще популярнее, чем в древности. К их числу относились вольнодумцы, среди которых встречались сторонники гедонизма (богемного образа жизни). К эпикурейцам причисляли философа-материалиста Т. Гоббса. Как бы там ни было, а именно Эпикур, ратовавший за разумно-трезвый мир, обрел немало сторонников среди протестантов. Поэт XVII века Хр. Гофмансвальдау писал, обращаясь к нему:

Ты, сладострастье – сахар наших дней.
Чтоб усладить наш век, безрадостный
и краткий,
Нам в жилы льется твой напиток
сладкий…
Кто Эпикура не избрал в друзья,
Утратил вкус пленительной свободы,
Тот изверг, мразь, тот пасынок
природы,
И человеком звать его нельзя!
Докучливы труды ученого авгура.
Но как щекочет нас ученье Эпикура!

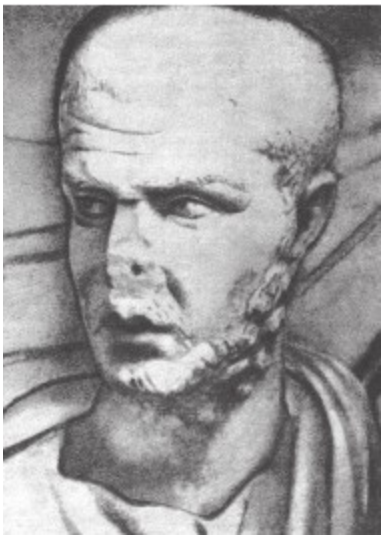
Музеи Рима, Неаполя, Лондона, иных городов доносят до нас ныне (в статуях и геммах) образ этого древнейшего греческого педагога и философа. Его идеи нашли отражение в трудах немецких просветителей. Приверженцами его идей были Руссо, Гассенди, Фейербах. К натурфилософии Эпикура часто обращался и К. Маркс. Его цитировали Ломоносов, Радищев, Новиков, Герцен и Ленин. Ряд гипотез Эпикура предвосхитили и основные положения молекулярной теории. Поистине он один из тех, которого А. И. Герцен называл

«роскошью истории»… «Революции потрясают нашу землю, – писал А. Боннар. – Они изменяют, они торопят ход истории. Новые классы, новые народы (уже без классов?) шествуют по миру. Наследие Эпикура – для них, оно ждет их… Эпикур возникает снова, он всегда верен сам себе. И (он) так же неизменен, как (и) Млечный Путь». Это был философ жизни и человеческого естества. Не потому ли и Вольтер скажет: «Мы имеем сотню эпикурейцев на одного платоника».

Древнегреческий канделябр

Последним в ряду великих греческих философов стал Плотин (204—270 гг. н.э.). Он был уроженцем Ликополя, что основан Птолемеями на восточном берегу Нила, почти в самом центре Египта. Родители его были греками и богатыми людьми. Сын получил прекрасное образование не только в школе, но и у специально нанятых педагогов. К знаниям, полученным из книг, добавились сведения, почерпнутые им у оракулов и магов. К тому же и дома была приличная библиотека. После смерти отца он перебирается в Александрию (232 г. н.э.). Порфирий писал о его жизни: «Что касается жизни своей, то в беседах с нами он рассказывал вот что. Молоком кормилицы он питался до самого школьного возраста и еще в восемь лет раскрывал ей груди, чтобы пососать; но, услышав однажды слова: «Какой гадкий мальчик!», – устыдился и перестал. К философии он обратился на двадцать восьмом году и был направлен к самым видным александрийским ученым, но ушел с их уроков со стыдом и печалью, как сам потом рассказывал о своих чувствах одному из друзей; друг понял, чего ему хотелось в душе, и послал его к Аммонию, у которого Плотин еще не бывал; и тогда, побывав у Амонния и послушав его, Плотин сказал другу: «Вот кого я искал!» С этого дня он уже не

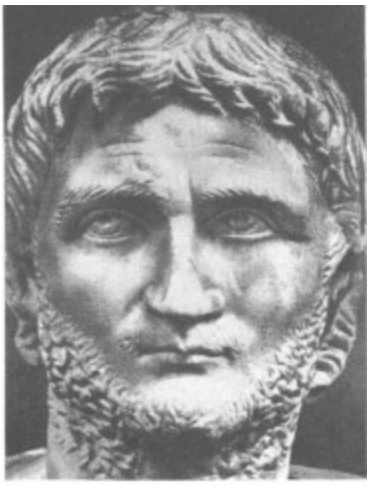
отлучался от Амонния и достиг в философии таких успехов, что захотел познакомиться и с тем, чем занимаются у персов, и с тем, в чем преуспели индийцы». Речам Амонния внимал Ориген. У него он проучился 11 лет, овладев широким кругом знаний, в том числе и в философии. Его главное произведение («Эннеады») – песня о Едином и гармоничном бытии, в основе которого лежит взаимодействие Ума, Души, Тела. Важнейшим элементом, пронизывающим, объединяющим систему Плотина, стало понятие потенции (силы и мощи). Потенцией живет Мировая Душа, отражением которой является душа человека. Потенцией движется Мир. Потенцией оплодотворяется вся наша Жизнь. Но над всем царит Ум как образ Единого. Душа наша это и есть по сути отражение Ума.



Философ Плотин

То было время, когда в Риме к власти приходили те, кто пользовался поддержкой армии. В 235 году н.э., после смерти императора Александра Севера, сенат Рима назначил императором Максимина, родом из Фракии, в детстве бывшим пастухом. Он был отчаянным храбрецом и отличался исключительной силой, за что получил прозвища Геркулес, Ахилл, Гектор, Аякс. Еще он отличался жестокостью, убивая всех, кто осмеливался напомнить о его незнатном происхождении. После него к власти пришел Гордиан вместе с сыном. Но их убили. После вереницы назначений и смертей императором стал Гордиан III. Так, на протяжении 120 дней в Риме сменилось пять императоров. Подобная атмосфера склоняла к философии. Плотин переселился в Италию и стал известным учителем в Риме (244 г.), а

перед тем участвовал в походе императора Гордиана в Персию, где собирался изучать персидскую философию (но после поражения Гордиана бежал в Антиохию). Имя его вскоре стало популярным. Его лекции посещали и сенаторы (Оронтий Марцелл и Сабинилл, из сенаторского сословия был Рогациан). Он был добрым человеком, легкодоступным. Прожив в Риме целых 26 лет, он выступал посредником во многих ссорах и, удивительное дело, никому не стал при этом врагом. Правда, философ Олимпий Александрийский все же завидовал его славе и даже замыслил покушение на Плотина. Однако оно не удалось. И тот впоследствии говорил: Плотин обладает великой силой, и тот, кто замышляет против него, сам становится жертвой своей же собственной подлости.



Галлиен и Салонина

Плотин попытался объединить некоторые главные элементы философии Платона и Аристотеля («Эннеады»). Согласно Платону, основным условием и принципом совершенного устройства являлся

принцип справедливости. Он говорил: «Единое есть мощь всего». Порой это звучало скорее как: «Справедливое есть мощь всего». Государство, общество, политики, партии, все социальные слои обладают (или же не обладают) потенцией. И чем совершеннее государство, общество и человек, тем выше их потенция. Плотин обладал огромной силой убеждения и многих наставил на путь истинный… Послушав какое-то время его наставления, Рогациан проникся таким отвращением к своему образу жизни, типичному для знатного римлянина, что отказался от всего своего имущества, всех знаков достоинства и распустил всех своих рабов. Более того. Он покинул свой дом, стал ходить по друзьям и близким, там же ел и спал, принимая пищу через день. Плотин его уважал и ставил в пример занимающимся философией. То, что философов надо слушать, это несомненно. Но то, что не все их рекомендации следует принимать, – еще более несомненно, нежели первое… Рогациан наглядный тому пример. Наслушавшись Плотина, от такого воздержания и нерадения о себе он заболел подагрою, ослабел до того, что уже не мог встать с носилок и поднять руки. Плотин тут неправ, ибо хотя он говорил, что материя – «украшенный труп», но и без поддержания плоти, согласитесь, какая может быть философия.

Античная ваза

В дальнейшем Плотин постарался донести свои идеи и до римского государства. Видя, как буквально начинает трещать по швам великая Римская империя, он не раз задумывался над тем, какие

причины способствуют укреплению общественных сил, а что приводит к их ослаблению и гибели государства. Вот как передал образ мыслей философа Ш. Султанов. Общество должно обладать такими качествами, как мудрость, мужество, рассудительность и трезвость. Все эти качества должны быть присущи как политической организации, так и государству с обществом. Такое общество, во-первых, должно было бы располагать и средствами защиты, достаточными для сдерживания вражеского давления. Во-вторых, оно должно снабжать всех своих членов необходимыми для жизни естественными благами. В-третьих, оно должно руководить развитием их духовной деятельности и направлять ее. Выполнение этих задач означало бы осуществление идеи Блага как высшего принципа. Плотин был в большом почете у императора Галлиена и у его супруги Салонины. Философ хотел воспользоваться их благосклонностью, чтобы возродить в Кампании город философов, якобы некогда существовавший, впоследствии разрушенный. К философии он относился с любовью, торжественно отмечая даты появления на свет Сократа и Платона (не свои дни рождения) и устраивая по этому поводу пиры.

Христианская проповедь

Он просил восстановить город в Кампании, желая воссоздать тут все так, чтобы люди там жили по законам Платона. В этом городе он хотел поселиться и сам со своими учениками – и назвать его Платонополем. Но этому воспрепятствовали императорские советники – то ли из экономических соображений, то ли просто из зависти или ревности. Говорят, что именно по совету Плотина Галлиен отменил преследования христиан.

М. Караваджо. Апостол Матфей с ангелом. 1602 г.

Плотин был одним из первых, кто попытался если и не обосновать, то хотя бы обозначить идею возможности бессмертия души. «Мысль эта для классического мира была совершенно новая», – писал российский философ М. И. Владиславлев. Царство Аида древнему греку представлялось, по сути, царством бессильных и бесплотных теней, влачивших там жалкое существование, сравнительно с которым бедственная земная жизнь человека была наслаждением. «Этому убеждению классической древности Плотин противопоставляет мысль о деятельности жизни. Для древних греков смерть порывала все связи человека с живущими. Для Плотина загробная жизнь была возможным поприщем для благодеяний оставшимся. Очевидно, здесь мы вправе подозревать новое влияние, чуждое классическим представлениям, и едва ли ошибемся, предположив влияние христианских убеждений…».

Не секрет, что платонизм стал для многих образованных подданных Римской империи символом философии как таковой. Результатом этого стало появление через одну-две сотни лет множества платонических кружков. Однако шло время, и понадобилось как-то привести идеи великого учителя в некую систему. Нужно было объединить круг обсуждаемых вопросов в рамках единой ассоциации. Если угодно, нужен был единый платоновский Храм, где можно было бы развивать его идеи. Эту миссию возложил на себя Плотин. Как отмечают, Плотин первым задался вопросом: как можно

помыслить абсолютно трансцендентное условие бытия и знания полноправным и деятельным началом всего? Он ставит вопрос об уме как сущем, то есть вопрос о предметном содержании ума, о его источнике и о границах знания. Таким образом, он ввел в понимание языка Платона элементы священного, демиургического и теургического. О нем и его жизни писал ученик Порфирий.

Особый интерес представляет проблема отношения к платонизму (и вместе с тем к неоплатонизму) Отцов Церкви. Все это интересует нас лишь в той мере, в какой позволяет ответить на вопрос – противостоит или нет вера разуму. С. Н. Трубецкой был твердо убежден, что вера не противостоит разуму, а греческая философия в лице наиболее глубоких, ярких ее представителей – Платона, Аристотеля, Плотина – не только не оппонент христианства, но и его союзник, несмотря на целый ряд важных расхождений. «В древности метафизика первая восстала против языческого многобожия и проповедала единого духовного Бога разумною проповедью, – отмечал С. Трубецкой. – Метафизика приготовила все просвещенное человечество к разумному усвоению начал христианства». Иные считают, что из неоплатонизма проистекает и основной догмат христианства – о Святой Троице. Известно, что Василий Великий, Григорий Богослов часто обращались к определениям Плотина, порой дословно повторяя его мысли. Нынешние философы не могут прийти к единому мнению. Так, Лосев считал, что «христианство не принимало платонизм и даже придавало его анафеме», или (в другом случае) полагал, что и среди неоплатоников были разные люди: «Были неоплатоники языческие, и были неоплатоники христианские».

Б. Гоццоли. Августин встречает Богомладенца

Как бы там ни было, очевидно одно: христианская мысль не прошла, да и не могла пройти мимо античной философии. Более того, она взяла некоторые важнейшие ее положения, перелицевала их по своей фигуре. Зная, как мы уже убедились, сколь яростно выступали виднейшие фигуры христианской Церкви против наук, и против философии в частности, следует скорее согласиться с позицией тех, кто считает (как, например, А. Сидоров), что христианство постаралось противопоставить богословие последнему великому философскому синтезу античности – неоплатонизму. И все же даже Афанасий Великий, считавший, что времена «эллинской мудрости» прошли, тем не менее охотно воспользовался эллинским инструментарием для своих построений. Достаточно напомнить о триадологии Плотина, об учении о Едином, Уме и Душе – трех основных уровнях и ипостасях сверхчувственного мира, – чтобы увидеть в нем следы и очертания будущего учения о Св. Троице. Возможно, и один из столпов христианства Ориген (185—253) посещал лекции Аммония Саккаса (ок. 175—242) – непосредственного учителя Плотина. Так что христианские ученые мужи безусловно многое заимствуют у Плотина (хотя бы то, что образ Единого реализует неживые вещи; а отсюда полшага до того, чтобы признать Единого Бога их создателем). Почти с уверенностью можно сказать: не будь греческой философии – не было бы Бога.

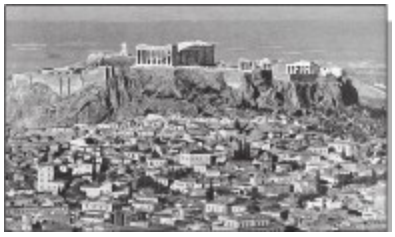
Понятно, что в данном случае мы имеем аллегорию, ибо прекрасно известно, что помимо ипостасей-сущностей древнегреческих богов, такие же существовали у других народов. Вспомним, нерасщепленный на части образ Бабы-яги у русских, положенный в основу более поздних представлений ряда христиан о божественной Троице, индусов о Тримурти (триединстве Брахмы, Шивы и Вишну), египтян и римлян о «группировках» богов по три. Образ триединой богини запечатлен и в бронзовых языческих идолах I—III веков н.э. с нижней Оби, и в верхнекамских бронзовых «иконках» VIII века некой трехголовой крылатой богини, владеющей трехчастным миром, на серебряном медальоне XII века из Северной Месопотамии с изображением владычицы животного мира, водной и воздушной стихий и т.д.

И все-таки платонизм и христианство – если и не братья-близнецы, то по крайней мере особи двоюродного родства. Видя, сколь несовершенен мир, понимая, что в нем нет места для воплощения в жизнь их чаяний и мечтаний, одни из них (философы) обратились к вечному миру идей, другие (христиане) – к прекрасному, хотя и иллюзорному небесному царству. Те и другие в равной мере отвернулись от зрелища разорения и нищеты в мире, чтобы созерцать в дымке вечный мир блага и красоты. Христианские теологи многое взяли у Плотина. Настоятель Инге в книге о Плотине честно говорит, чем они обязаны философу. «Платонизм является частью жизненной основы христианской теологии, с которой никакая другая философия, я позволю себе сказать, не сработается без трений». Более того, он признает и то, что просто невозможно «отрезать платонизм от христианства, не разорвав… на куски».

Инге отмечал, что Августин отзывался о системе Платона, как о «чистейшей и самой блестящей из всех систем философии», а о Плотине говорил, как о человеке, в котором «снова живет Платон» и который, если бы он жил немного позднее, «изменил бы несколько фраз и стал христианином». По его словам, многие, в том числе и св. Фома Аквинский, «ближе к Плотину, чем к подлинному Аристотелю». Плотин глубже и точнее многих мыслителей той поры понимал смысл и суть христианства, пытаясь и философию создать по «мере, счету и весу» христианства. И так же как в труде Августина «О Книге бытия буквально» впервые исследуются в богословском плане отношения

между естественными науками и религией, так же и Плотин первым почуствовал философскую глубину учения христианства. Не берусь утверждать наверняка, но все же рискну предположить: если б философы античного мира пришли сегодня на российскую почву, вероятно, глядя на нас, они сказали бы: «В России живут самые героические стоики». Русские – стоики по своему характеру, сюжетам истории, превратностям жизни. У нас если и захочешь стать эпикурейцем, сама действительность быстро сделает тебя стоиком, ибо жизнь в России выковывает и «закаляет душу» лучше, чем в любом огненном горниле. Создавая ненужные трудности, а затем «героически» их преодолевая, мы, судя по всему, стали хроническими стоиками, так и не научившись быть эпикурейцами.

Историки и географы Древней Греции



Сенека считал, что основной наукой античности является философия, ибо только она «исследует весь мир». Но философия без истории все равно что душа без тела. Разумеется, одни лишь мифы и поэтические картины исторического процесса при всей красочности и яркости не могли удовлетворить зарождающуюся науку. Мысль требовала не только этих сказочных или полусказочных образов, но точных имен, дат, фактов. Жизнь требовала реалистичного и точного описания мира. Одним из первых, кто попытался выделить в мифах собственно исторический материал, был Гекатей Милетский (ок. 546—480 гг. до н.э.). Стараясь ввести в процесс восприятия истории элемент объективности и истинности, он предваряет свою «Историю» следующей фразой: «Так говорит Гекатей Милетский: я пишу это так, как мне представляется истинным, ибо рассказы эллинов многоразличны и смехотворны, как мне кажется». Автор подводит к более понятному и, главное, точному восприятию описываемых в мифах событий. У него присутствуют начала научной критики мифа. Тем не менее даже для отца истории Геродота миф все еще остается важнейшей частью истории.

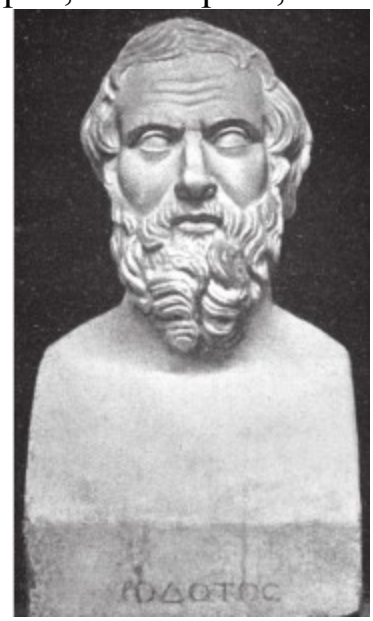
Орфей, Эвридика и Гермес

Мифология и история переплетены столь тесно, что они воспринимаются им как два равновеликих начала… И лишь Фукидид решительно выступает за первенство историзма. Требуя от ученых прежде всего надежности приводимых ими сведений при подаче материала, Фукидид заявляет: «Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалек от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими события, или историям, которые сочиняют логографы (более изящно, чем правдиво), историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимися проверке. На основании приведенных выше очевидных доказательств он сможет убедиться, что результаты исследования столь древних событий достаточно надежны». На первые роли выходят понятия точности, надежности, достоверности описываемых авторами событий. Это – непременное, главное условие того, что труд создается творцами «как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей».

Одежды греков и римлян (пеплос, туника, хитон, тога)

Заметную, если не сказать решающую, роль в воспитании античного юношества всегда играла история. «История – древний автор» (Болингброк). Примерно с 750—753 годов до н.э. греки стали систематически излагать свою историю, соблюдая строгий порядок и ясность. Варрон охарактеризовал этот период как «рассвет, или начало исторического времени». Напомним, что тогда же был основан Рим. Чуть раньше берут начало и Олимпийские игры (776 г. до н.э.). Первыми историками греков были Кадм Милетский и Акусилай Аргосский. Сюда же относят Гекатея. Цицерон «отцом истории»

называл Геродота. Другие считают не совсем верным отдавать ему пальму первенства, говоря, что Геродоту в развитии эллинской историографии принадлежит скорее «серединное, центральное, а ни в коем случае не передовое положение». Начало историографии обычно возводят ко времени более раннему, когда еще только начиналась обработка мифологических и легендарных событий. Историческая наука возникла в Ионии, в том числе в Милете, в первой половине VI века до н.э., причем история, как и проза, возникла позже поэзии.



Геродот

Древнейшие произведения греческой прозы носили название «логос» («слово», «рассказ»). Поэтому первых историков иногда и называли логографами. Историзм есть и у «кикликов», что располагали события во временной последовательности. Их описания имели хронологию и т.д. и т.п. (VIII—VI вв. до н.э.). Говорится и о том, что некоторые сочинения об отдельных эллинских и варварских народах и странах, включавшие как легендарные, так и исторические, географические или прочие данные, составлялись до Геродота и использовались позже Фукидидом, Платоном, Аристотелем, Страбоном и другими авторами. Они черпали из них сведения и различные варианты, «которые отсутствуют в историях Геродота».

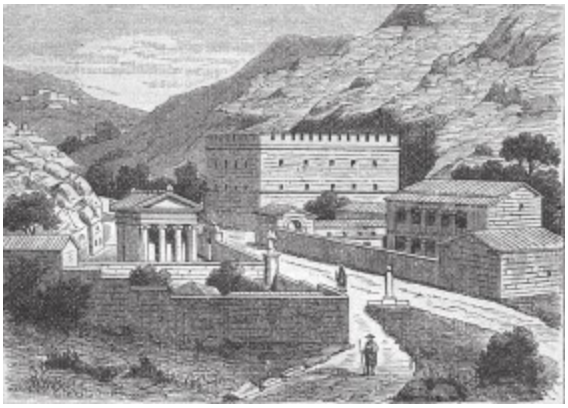
Сам термин «историк» (historicos) возник позднее у греческих историков (Диодора Сицилийского, Плутарха, Фукидида), впервые встречаясь у Фукидида. Что надобно для того, чтобы стать приличным историком? Талант наблюдателя, ум аналитика, мастерство писателя,

трудолюбие крестьянина, мужество бойца. Болингброк в «Письмах» отмечал: труд философа начинается с деятельности разума и заканчивается работой воображения. Историк же действует как бы в обратной последовательности: он начинает свой труд, опираясь на источники, и иногда даже заканчивает его, обращаясь к ним. Что идет первым – действительность или источник, повествующий о событиях прошлого и настоящего, не столь важно. Не станем разъединять эту неразлучную пару – воображение и разум. Словно птицы, парят они высоко над нами, обозревая все происходящее и устремляясь вперегонки за добычей. Знание – их пища. Говорил же Лао-цзы: «Кто имеет знания и имеет вид незнающего, тот на высоте…» Ученого, историка, философа должна питать любовь к истине, отечеству. Как и художник, он движим жаждой совершенства! Историки и поэты древности стремились к красоте. Сам дух эпохи способствовал появлению богатых, целостных натур. Таковым был и великий греческий историк Геродот.

Публичные чтения отрывков из него буквально полонили пылкое воображение афинян. Следы его влияния видны в пьесах Софокла, Еврипида, Аристофана. «Отец истории» Геродот (ок. 480—425 гг. до н.э.) был родом из Галикарнаса (западное побережье Малой Азии). Земли находились тогда под властью персов. В роду его были известные поэты (Панассий), так что он повенчан с музами с детства.

В 455—447 годах до н.э. он, покинув родину, около 8—10 лет провел в путешествиях. Жизнь его наполнена событиями и богата приключениями. Историк объездил огромное пространство от Ливии до Вавилона, от Ассирии до Экбатана, побывал и в Египте, собирая сведения от местных греков, смешанного греко-туземного населения и от жрецов. Геродот путешествовал по Малой Азии и Северному Причерноморью, посетил Ольвию, был в ряде греческих государств Балканского полуострова и на островах Эгейского моря. В молодости он принял участие в политической борьбе. Тогда же погиб его дядя Паниасид. В итоге же и ему самому пришлось покинуть родину. Приютил будущего историка о. Самос, к которому он сохранил на всю жизнь глубокую благодарность. Принял он участие в основании общеэллинской колонии Фурии, которую ранее (на месте разрушенного Сибариса) думал основать Перикл. Следует подчеркнуть: как говорят, Геродот был вхож во власть. Судя по всему,

он входил в знаменитый кружок Перикла-Аспасии (Перикл, Протагор, Софокл), что позволяло быть хорошо осведомленным о всех важнейших событиях, законах, лицах и т.д. Главную его заслугу видят в том, что он сделал попытку нарисовать историю всего греческого мира, написать очерк всемирной истории. Ранее логографы описывали местные истории. Так вот появилась состоящая из девяти книг «История». В основе ее – история вражды между Грецией и Персией, а также последовавших за сей враждою греко-персидских войн. Поскольку большую часть жизни он провел в Афинах, история полиса занимает центральное место в его труде. Видимо, потому афиняне столь высоко оценили его труд, выделив ему за его дар награду (сумму в 10 талантов, около 30 000 золотых рублей). Напомню, что Пиндар получил за свой дифирамб в честь Афин лишь $^1/_6$ таланта.



Дорога из Элевсина в Афины

Конечно, своей объективностью он нажил себе немало врагов. Редко где зависть и злоба принимают столь изощренные и иезуитские формы, как среди иных деятелей науки и искусства. Плутарх разразился речью («О злокозненности Геродота») и заявил, что греки наградили его «за свою лесть им». Вряд ли это так. Столь весомая награда историку, по словам С. Лурье, скорее объясняется немалыми заслугами на ниве дипломатии или в области организационных усилий. Интересен его подход к истории. Геродот выстроил такую модель, в которой боги неминуемо наказывают тех, кто забирает больше счастья, чем ему отведено судьбой. Иначе говоря, Геродот призывал всех к умеренности в их желании славы, власти и денег. Меру он считал основным законом истории. Книги иллюстрируют этическую норму божественного провидения.

Фермопильское ущелье

В уста персидскому вельможе Артабану, поучающему Ксеркса, он эту мысль влагает: «Ты видишь, как божество молнией поражает живые существа, выдающиеся над другими, не дозволяя им возноситься; напротив, мелкие существа не раздражают его. Ты видишь также, что божество всегда мечет свои перуны в наибольшие здания и в самые высокие деревья; божеству ведь приятно калечить все выдающееся… Божество не терпит, чтобы кто-нибудь другой, кроме него самого, мнил высоко о себе». В этих его словах некоторые увидят попытку обосновать неравенство и неравноправие. Вряд ли стоит упрекать Геродота в таком грехопадении, хотя он не был энтузиастом и демократии, принимая ее с очень большой оговоркой.

Поражают тщательность и особое внимание к деталям, которое видим в его книгах. Думая о Греции, он не забыл уделить достойное место также истории древней Персии, Египта, Вавилона, Скифии и т.д. Детальное описание Вавилона, его стен позволяет предположить, что Геродот доехал до него (речной дорогой по Евфрату), побывав и в Финикии. Он признался, что одна из главных его задач: «описать замечательные достижения, как наши собственные, так и варварских (азиатских) народов». Возможно, уже то, что он родился в точке соприкосновения Европы и Азии, побуждало его стремиться к соединению культур двух материков.

Геродоту совершенно чужд узкий местнический «патриотизм», от которого порой попахивает шовинизмом. Во всяком случае, он честно старался сообщить читателю все точки зрения, донести весь доступный ему как историку материал.

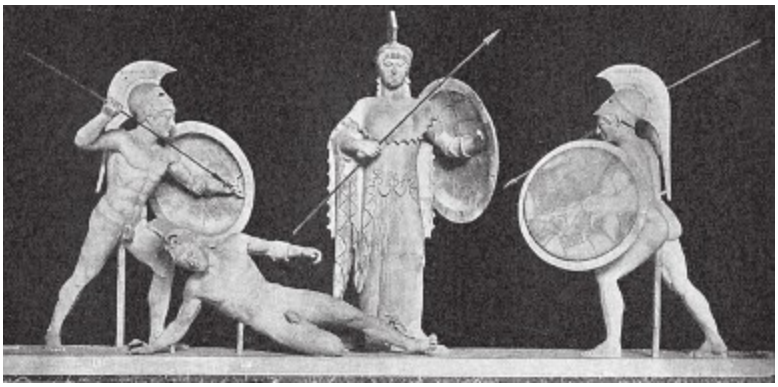
В этом он видел главное условие для развития в людях самостоятельности мышления. Мы уже приводили его слова: «Я

обязан сообщать все, что мне говорят, но верить всему не обязан». Он подвергал критике всех и вся, поддерживая тех, чьи взгляды ему ближе, даже если это был тиран или чужеземец. Панэллинский патриотизм вовсе не был главным стержнем книг Геродота. Хотя отсюда не следует делать вывод, что ему чужды и идеи патриотизма. С. Лурье писал, что речь в этом случае не могла идти о таком живом и великом явлении, «как русский патриотизм» (или французский), скорее о сравнении с такими «мертворожденными и по существу реакционными учениями», как «паневропеизм», или, скажем, «панисламизм». Как видим, время меняет акцент: паневропеизм и панисламизм стали довольно популярными идейными течениями.

Фигура греческого воина

Геродота можно назвать одним из лучших писателей-историков, поэтом истории. То, что главной темой его книг стала освободительная война греков против персов, естественно. Историк только тогда оправдывает свой хлеб, если он пишет о том, что представляет самое важное и нужное для страны и народа. Такова наша позиция… Если первые четыре книги и начало пятой «Истории» можно назвать рассказом о прошлом Эллады и связанных с нею цивилизаций Востока, то последующая часть труда выглядит как история современности. Ведь Геродот был современником Пелопоннесской

войны, начавшейся в 431 году до н.э., когда ему было чуть за 50. Война захватила практически весь тогдашний мир. Описывает он ее довольно объективно. Думаю, дело даже не в том, что сам историк был родом из Галикарнаса, входившего в состав персидской державы, правители которого были в близких отношениях с двором царя персов. Просто, стараясь быть объективным историком, он считал этот момент – объективность – главным условием самого существования науки история.



Столкновение цивилизаций

Некий анонимный критик даже называл его «самым гомерическим писателем», тем самым намекая на близость его произведений по стилю к трудам великого Гомера. Стоит прочесть хотя бы изумительный отрывок, что гласит о подвиге спартанского царя Леонида. Во главе 300 спартанцев он сумел в Фермопилах остановить армию персов в 300 или 400 тысяч человек (пусть и не многомиллионную; видимо, цифры преувеличены)… Полчища Ксеркса стали подходить. Эллины во главе с Леонидом вышли на смертный бой, группируясь в самом узком месте прохода в ущелье. В первые дни часть спартанцев защищала стену, тогда как другие бились с врагом в самой теснине, куда они отступили. Теперь же эллины бросились врукопашную уже вне этого прохода.

В жестокой схватке варвары гибли тысячами. Не помогло даже то, что персов подгоняли бичами начальники их отрядов.

В результате давки многие персы упали в море и погибли. Немало врагов было раздавлено своими. На погибших никто не обращал внимания. Эллины дрались с мужеством обреченных. Они безусловно знали, что им грозит неминуемая смерть от персов, обходивших гору. Поэтому греки, проявляя величайшую боевую доблесть и отвагу, бились отчаянно. Когда у спартанцев сломались копья, те стали

поражать персов мечами. В последовавшей жестокой схватке пал царь Леонид, а с ним много других знатных спартанцев. За его тело между персами и спартанцами началась яростная схватка. Наконец эллины вырвали павшего героя из рук врага.

«Свет и тени в своем огромном историческом полотне он (Геродот) распределил под сильным влиянием политической ситуации, сложившейся к тому времени, когда он писал свой труд, – писал В. Борухович. – Это было время назревания Пелопоннесской войны, когда политические противоречия между двумя сильнейшими политическими объединениями Эллады – Афинским и Пелопоннесским союзами – достигли крайнего обострения и перешли в открытые военные действия. Можно с уверенностью утверждать, что «отец истории» был сторонником Афин и выражал в своем труде главным образом афинскую точку зрения на все то, что происходило тогда в Элладе. Причина заключалась в том, что Афины стали второй родиной Геродота. Историк не только подолгу жил в этом городе, но входил в кружок наиболее выдающихся деятелей культуры и науки, который группировался вокруг Перикла. Туда же входили художник Фидий, поэт Софокл, философ Анаксагор. Возможно, что именно эти обстоятельства сыграли решающую роль в выборе им темы своего сочинения. Афины были ведущей политической силой Эллады во время греко-персидских войн, организатором борьбы против персов». Геродот называет афинян «спасителями Эллады». Такие люди, как Перикл, смогли по достоинству оценить масштаб его замысла. Его ценили вовсе не потому, что он восхвалял род Перикла. Он славит родину, свою страну, взявшую на себя роль организатора борьбы против захватчиков. И хотя в ряде случаев политические пристрастия Геродота очевидны, мне это импонирует, тем более что он оказался по большинству вопросов на уровне поставленных им же самим великих задач.

Вероятно, Геродот был первым, кто стал разрабатывать столь популярную сегодня тему столкновения цивилизаций… И здесь он оказался поистине непревзойденным мастером. Историк Хаммонд писал: «Как Гомер превзошел авторов эпических песен, создав великую эпическую поэму, так и Геродот превзошел своих предшественников, вплетая свои «сказки» в историческую канву. Его плавный стиль даже в переводе обладает непревзойденной

прозрачностью и очарованием, превосходно подходя для устного чтения длинного рассказа. Полем его исследований служило все протяжение человеческой памяти и границы известного мира; он сочинял собственные «сказки» или привязывал «сказки» предшественников к конкретным районам. Единство его материала обеспечивалось не только складом его ума, но и центральной драматичной темой – конфликтом между Западом и Востоком».

К слову сказать, Геродот писал и о наших предках скифах, выделяя их из всех народов по эту сторону Понта: «Ни одного народа мы не можем предложить, мудростию известного, ни одного мужа, ученостью знаменитого, кроме народа скифского и царя Анахарсиса». Видимо, он лично общался со скифами. Приводит он их самоназвание – «сколоты» (от «сокол», который являлся одним из главных символов наших предков-славян). Согласно греческой традиции, Геродот считал, что скифы (славяне) произошли от Геракла. Одним из трех сыновей Геракла и женщины-полузмеи и был Скиф. Сами скифы считали, что их первопредок – Таргитай, рожденный от любовной связи Зевса и дочери реки Борисфена (Днепра). Отдавая должное их мужеству, Геродот не скрывал того, что его неприятно поразило в скифах. Анализируя факт захвата скифами Азии, он крайне невысоко оценил их управленческие способности. Он писал: «Всё в ней (Азии) приведено было в расстройство спесью их и презрительностью». Довольно верная оценка их натуры.

Народы Великой Степи (скифы)

Описание Геродотом двухвековой истории греков дало ту фундаментальную основу, которую не мог в прошлом и не может ныне игнорировать ни один историк. По словам Дионисия Галикарнасского, Геродот поднял историю на высшую, более достойную ступень: он решил написать о делах не одного государства и не одного народа, но «соединил в изложении многочисленные и разнообразные рассказы, европейские и азиатские». Уже со II века н.э. подражание стилю и языку Геродота стало модой. Похоронен он в Южной Италии, в бывшей общеэллинской колонии. На могиле его оставят эпитафию, о которой Стефан Византийский писал:

Гроб сей останки сокрыл Геродота,
Ликсова сына.
Лучший историк из всех, кто
по-ионийски писал,
Вырос в отчизне дорийской, но,
чтоб избежать поношенья,
Сделал Фурии он новой отчизной себе.

Иные даже увидели в нем первого «космополита», первого «глобального историка», хотя это – отнюдь не синонимы. Так, в отличие от Фукидида, считавшего не нужным изучать чужие миры, мифы, религию, обычаи, традиции, Геродот с большим интересом внимательнейшим образом исследует нравы, обычаи, порядки народов. Английский историк О`Брайен, давая оценку деятельности Геродота, отметил среди его заслуг и то, что тот пренебрег узколобым европоцентричным подходом и представил в «Истории» широкий обзор не только эллинистического мира, но и Египта, Индии, Вавилонии, Аравии, Персии. Он, по его собственным словам, хотел сохранить в памяти прошлое, записав поразительные достижения «наши и азиатских народов». Можно сказать, что Геродот, подавая в хронологической последовательности важнейшие события, что происходили в разных странах, на нескольких континентах в течение длительного времени, тем самым дисциплинировал, упорядочил историю. Конечно, прославляя прежде всего победы греческих полисов (главным образом Афин) над Персидской империей,

представляя конфликт между Западом и Востоком в духе борьбы цивилизаций или культур, он не избежал очевидных слабостей «европейского триумфализма». В его трактовке победителем в споре систем стал Запад, ибо на стороне того были завоевания свободы, демократии, цивилизации.

Изображение Геродота и Фукидида

О`Брайен продолжает: «Глобальные историки восхищаются Геродотом: широтой его взглядов, целеустремленностью и пристальным интересом к достоинствам варваров, которые он без особых колебаний противопоставлял порокам греков. Они сожалеют о большом провале в написании светской всемирной истории, который длился вплоть до тех нескольких коротких десятилетий перед самым началом Французской революции, когда Вольтер и его современники-просветители вновь выдвинули этот проект. И с недоумением отметят, что, за исключением горстки стоиков (Диодора, Полибия и Дионисия), а также географов и этнографов (Страбона, Птолемея и Плиния), всемирная история не привлекала других ученых, творивших в греко-римскую эпоху». Автор считает просчетом древних то, что те, проживая в империях, включавших в себя множество разных культур, граничивших или контактировавших с ними (африканская, арабская, персидская, индийская, китайская), всецело заняты Европой. «Их произведения… были в основном посвящены политическим событиям и скандалам в Риме или (как у Фукидида) войнам между греками». Энциклопедист, что и говорить, редкий тип даже в истории.

Другой греческий историк, Фукидид (ок. 460—404/400 гг. до н.э.), успел еще застать славное время Геродота. Византийский писатель отмечал: «Говорят, будто однажды Геродот читал публично свою «Историю», а присутствовавший при этом Фукидид, слушая чтение, заплакал. Геродот, заметив это, сказал отцу Фукидида: «Олор, натура твоего сына жаждет знания»». Будучи человеком знатным и богатым, Фукидид в зрелые годы был назначен стратегом и принял самое активное участие в Пелопоннесской войне. Но в 424 году до н.э., после поражения в битве за Амфиполь, его изгоняют на 20 лет из Афин (во Фракию). Пребывание там дало досуг для написания 8 книг знаменитой «Истории Пелопонесской войны». Труд сей ценен прежде всего обилием этнографического, историко-экономического и социально-исторического материалов. Во главу угла своих исследований он ставил достоверность, а не вероятность. Историк, подчеркивал он, просто обязан точно излагать все, что происходило в действительности. А так как природа человека остается неизменной, значит и события в будущем (при всех вариациях) будут повторяться. Фукидида еще называют основоположником, создателем прагматической историографии. Описательной историографии, выразителем которой был Геродот, он противопоставил реальную историю. По словам Ницше, в его трудах обрела законченное выражение культура реалистов. Фукидид – «великий итог, последнее откровение сильной, строгой, суровой фактичности, которая коренилась в инстинкте более древнего эллина». «Мужество перед реальностью различает в конце концов такие натуры, как Фукидид и Платон: Платон – трус перед реальностью, – следовательно, он ищет убежища в идеале; Фукидид владеет собою, следовательно, он сохраняет также и владычество над вещами». Оставим на совести Ницше упреки Платона в сомнительной его трусости и похвалу в адрес Фукидида, в которой тот вовсе и не нуждается.

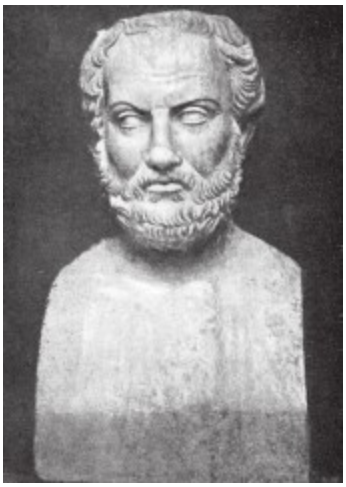
Надгробие афинского всадника. Мрамор

Ища и находя причинные связи между историческими событиями и движущими силами, определявшими характер тех или иных событий, историк особое внимание уделяет личностному фактору. Фукидид уверен: какова личность лидера, вождя, такова и история страны… Взгляд на события политической и социальной жизни страны с точки зрения антрополога, психолога, клинициста (а в последние годы мы стали привыкать и к такому подходу), бесспорно, интересен. С Плутарха и Фукидида берет начало традиция изучения жизни замечательных людей. Его труды известные историки (Гоббс, Нибур, Ранке) считали для себя образцовыми.

Полагаю, современным историкам неплохо бы вспомнить советы, которые дает во введении к «Истории» Фукидид: «И все же не ошибется тот, кто примет эти события скорее такими, какими я описал их по упомянутым свидетельствам, а не такими, как воспели их поэты с их преувеличениями и прикрасами, или как сочинили прозаики, в своей заботе не столько об истине, сколько о приятности слуха, сообщающие известия недоказуемые и за давностью времени превратившиеся большею частью в невероятные сказки. Пусть знают, что события мною восстановлены по достовернейшим свидетельствам, настолько полно, насколько это позволяет давность… Что же касается событий войны, то я не считал достойным писать все, что узнавал от первого встречного или что сам мог предполагать, но записывал то, что было при мне самом или о чем я узнавал от других, посильно точно исследовав каждую подробность. Изыскания были трудны, потому что очевидцы событий передавали об одном и том же не

одинаково, но в меру памяти или сочувствия к той или другой из сторон. Быть может, такое отсутствие басен покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все, кто пожелают ясно понимать то, что было и что впредь, по свойству человеческой природы, может быть еще такое же или подобное. Труд мой слажен не звучать в скоротечном состязании, а быть достоянием навеки». Но чтобы стать «достоянием навеки», работа историка должна быть не только фактологически точной, но острой и уверенной, как скальпель гениального хирурга. Для этого надо отсечь всю мифологию (или если и оставить ее, то как литературный сюжет).

А. Ф. Лосев пишет, что такое отпадение мифологии впервые сделало возможными исторические исследования как исследования фактографические (в смысле описания фактов) и как прагматические (в смысле объяснения их причин). Им были сделаны попытки установления и более точной хронологии событий. Не имеет большого значения то, что Фукидид широко пользовался «Сицилийской историей» Антиоха Сиракузского при написании его истории, ни разу не упомянув об этом.



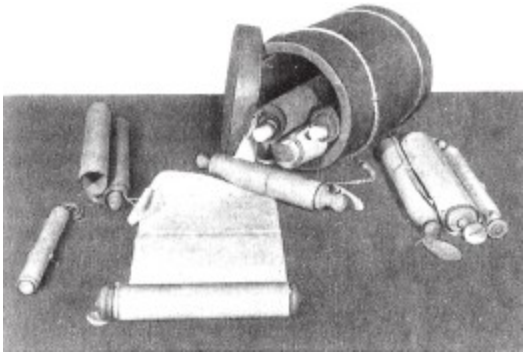
Фукидид

А вот учет разницы подходов в описании истории Геродотом и Фукидидом немаловажен. На эту разницу указывал известный историк Дионисий Галикарнасский (I в. до н.э.): «Фукидид следует хронологии, а Геродот стремится схватить ряд взаимосвязанных событий. В итоге у Фукидида получается неясность и трудно следить за ходом событий. Поскольку за каждое лето и зиму в разных местах происходили различные события, то он, бросая на полдороге описание одного дела,

хватается за другое, происходившее одновременно с ним. Это, конечно, сбивает нас с толку… Геродот же, начав с царства Лидийского и дойдя до Креза, сразу переходит к Киру, который сокрушил власть Креза, и затем начинает рассказ о Египте, Скифии, Ливии, следуя по порядку, добавляя недостающее и вводя то, что могло бы оживить повествование… Таким образом получается, что Фукидид, избрав своей темой только одно событие, расчленил целое на много частей, а Геродот, затронувший много самых различных тем, создал гармоническое целое».

Золотой венок победителя

В том же «Письме к Помпею» он продолжает сравнивать особенности творчества великих историков: «Третья задача историка – обдумать, что следует включить в свой труд, а что оставить в стороне. И в этом отношении Фукидид отстает. Геродот ведь сознавал, что длинный рассказ только тогда приятен слушателям, когда в нем есть передышки; если же события следуют одно за другим, как бы удачно они ни были описаны, это (неизбежно) вызывает пресыщение и скуку, и поэтому Геродот стремился придать своему сочинению пестроту, следуя в этом Гомеру. Ведь беря в руки его книгу, мы не перестаем восторгаться им до последнего слова, дойдя до которого хочется читать еще и еще. Фукидид же, описывая только одну войну, напряженно и не переводя дыхания нагромождает битву на битву, сборы на сборы, речь на речь, и в конце концов доводит читателей до изнеможения». Геродот более умело сочетает дар историка и писателя, хотя Фукидид, возможно, более лаконичен и даже более точен.



Книжные свитки

Кому же из них отдать венок победителя? Решайте сами. Геродот интереснее, хотя некая отстраненность Геродота меня смущает. Нет даже попытки найти объяснение событиям. Но разве историк – сказочник, что призван развлекать изнывающих от скуки снобов?! Читатель хочет видеть в истории руководство к действию. Для этого нужны определения и оценки, которые мы видим у Фукидида: «Стремление к наживе вело к тому, что более слабые находились в рабстве у более сильных, тогда как более могущественные, опираясь на свои богатства, подчиняли себе меньшие города». Или вот Фукидид объясняет цели военной экспедиции, предпринятой Афинами против Сиракуз (всё четко и понятно, вполне в русле понятий нынешней геополитики). Афиняне послали корабли под предлогом племенного родства, на деле же желая воспрепятствовать доставке хлеба из Сицилии в Пелопоннес, а также предварительно попробовать, нельзя ли подчинить себе Сицилию. Но их авантюра закончилась страшным разгромом. Вот как об этом пишет историк: «Когда весть об этом пришла в Афины, афиняне долгое время не верили тому, будто все так окончательно и погибло, хотя о том с достоверностью передавали именитые воины, спасшиеся бегством из самого сражения. Узнав потом истину, афиняне ожесточились против тех, которые своими речами поощряли их к походу, как будто не они сами подавали голоса в его пользу… Все и везде огорчало их. Страх и сильнейшая паника овладели ими по поводу случившегося. Действительно, как отдельные лица понесли тяжелые потери, так и все государство удручено было гибелью множества гоплитов, конницы и молодого поколения, заместить которое другим у них не было возможности». Кстати, в работах многих древних историков (греков и римлян) заметно влияние Фукидида. Особое внимание уделяет он стилю (хотя временами тот и

выглядит несколько архаичным). Он считался образцовым писателем, каким был для ораторской прозы Демосфен или для поэзии – Гомер. Труд его и стал «достоянием навеки», а его примеры стали «источником риторики».

К числу бессмертных отнесем и Плутарха (ок. 46—119 гг. н.э.), знатока литературы, истории и естественных наук. Плутарх принадлежал к состоятельному старинному роду. После обучения в Афинах он избрал карьеру политика и верховного жреца Аполлона Пифийского в Дельфах. Греки считали Аполлона богом пророчеств, в их представлении он как бы владел всей Землей. Напомним читателю, что в истории античный человек видел прежде всего интересное и поучительное развлечение, или, как мы говорим, чтиво. С ее помощью педагоги пестовали юность, а затем на закате дней за исторической книгой многие скрашивали свою старость. Жизнь Плутарха, автора знаменитых «Сравнительных жизнеописаний», – единственная в своем роде… Он побывал в Риме и Александрии, Спарте и Сарде, общался с выдающимися людьми того времени (среди них императоры Траян и Адриан), вел беседы с выдающимися учеными и ораторами. Плутарх проявил себя и мудрым государственным мужем, занимая в родном Херонее высшую управленческую должность архонта-эпонима.

Омфал («Пуп Земли») в Дельфах

Плутарх был человеком довольно обеспеченным. Это позволило ему заниматься творчеством, не думая о заработке (тогда как Аппиану и Лукиану пришлось «идти в чиновники», чтобы жить и творить). Людей среднего достатка в то время почти не было. Эллада, о которой Лукиан писал, что та «воспитана на сочетании философии и

бедности», ушла в прошлое. А если что-то и в состоянии окончательно погубить человечество, так это, по моему глубочайшему убеждению, чудовищное расслоение общества, собравшее на одном полюсе совершенно отчаявшихся, опустившихся и готовых буквально на все бедняков-люмпенов, а на другом – жадных, циничных, пресыщенно-алчных, погрязших в роскоши властных и бесчеловечных тварей. Увы, в эпоху Плутарха Греция и Рим все более напоминали именно такое общество. В этих условиях историку необходимо было найти точку опоры, которая поддерживала бы его дух, служила бы надежной опорой творчества.

Такой точкой опоры стал для Плутарха родной город Херонеи, захолустный и мелкий городок. Для фигуры подобной Плутарху он не был тем местом, за которое следовало бы цепляться, тем более что библиотек тут было мало. А историку и писателю нужны книги, ибо они и есть главная его пища. В молодости он учился в Афинах, Дельфы были его второй родиной. Он изъездил всю материковую Элладу, побывал в Александрии и Риме. Известно, что греки – легкий на подъем народ. Они частенько вели жизнь торговцев, путешественников, наемников, космополитов, для которых ubi bene ibi patria (лат. – «где хорошо, там и родина»). Многие черпали из своих путешествий знания, мудрость, радость общения, но жить и работать все же предпочитали на родине. Плутарх до конца жизни был верен родному городу. Поддерживая беотийских поэтов, философов, ученых, воспев Херонею, он основал тут и своего рода филиал платоновской Академии.

Плутарх отстаивал идеалы гражданской общности и полисной гласности, заявляя, что не видит для себя смысла жизни вне общества, вне родины: «Хорошо жить – значит жить в общности». Покинувшие по своей воле отечество как бы отрекаются от него, тем самым обрекая себя на многие несчастья: «Тот, кто ввергает самого себя в безвестность, кто закутывается в темноту и хоронит себя заживо, – похоже, досадует на то, что родился, и отрекается от бытия…» Плутарх в глубине души ненавидел и презирал космополитов, резко осуждал теорию и практику идеологии. Хотя его подход встречал осуждение со стороны некоторых видных историков и писателей, таких как Дион Хрисостом, Лукиан, Элий Аристид и др.

Пифия на треножнике. Рисунок на вазе

Плутарх был решительным сторонником участия в политике достойных людей. В родном городе он исполнял должность не только архонта-эпонима, но и куда более скромные магистратуры. В 119 году до н.э. он (уже в преклонном возрасте) был назначен наместником Эллады (Евсевий Памфил). Плутарху при первых Антонинах была предоставлена довольно широкая возможность вмешиваться в дела римского управления Грецией. Историк не чурался политики и даже порицал стоиков за то, что те в теории требуют от мудрецов участия в государственной жизни, а на практике избегают участвовать в делах сами. Хотя на словах все они мастера (Зенон, Клеант, Хрисипп), раздают советы, но никто из них никогда не исполнял должности стратега, не вносил ни одного закона, не ходил в совет, не выступал в судах, не сражался за отечество, не участвовал в посольстве. Вместо того они «проводили жизнь на чужбине, вкусив, словно некоего лотоса, покоя, – среди книг, бесед и прогулок». Эту позицию сам историк подтвердил особым трактатом «О том, что философу надлежит беседовать прежде всего с правителями». И все же он умалчивает о своих деяниях во времена близости к большой политике. Тому есть два объяснения: или причина в известной скромности, или результаты его усилий были столь незначительны, что упоминать о них даже не стоило. В последующие века, несмотря на весь прогресс цивилизации, человечество редко позволяло писателю и историку становиться во главе власти.

Пора его жизни пришлась на трагическую эпоху. Греция потеряла независимость, став римской провинцией Ахайей. Правда, Рим был более снисходителен к грекам, чем к другим побежденным народам. Вспомним хотя бы то, как Цезарь поступил с галлами: их вожди были взяты в плен или перебиты, а их мятежный вождь после триумфа 26

сентября 46 года до н.э. задушен. Взяв один из галльских городов, Цезарь приказал отрубить каждому осажденному правую руку. Так что к грекам Рим отнесся, можно сказать, почти дружески. Греки надеялись, что покорившие их римляне вернут стране былое величие, учитывая симпатии к ней Нерона. Филострат даже воскликнул в эйфории: «Нерон даровал Элладе свободу, оказавшись в этом отношении мудрее самого себя, и города вернулись к дорическим и аттическим нравам!..»

Однако кто-кто, а Плутарх, знавший Рим, не испытывал на сей счет иллюзий. Он понимал, что Римская империя погрязла в грабежах, коррупции, убийствах, войнах. Он вспоминал жуткие рассказы о гражданских войнах, когда трупы лежали горами («вровень с кровлей храма»). Храмы и кровь, кровь и храмы. И все же римляне продолжали вбирать культурные традиции греков. Ранее уже говорилось о могучем влиянии эллинизма. Можно сказать, что Греция отдала Риму ее кровь. Культурная жизнь греков отныне уже будет протекать в рамках римской системы. За все надо платить. Далее не будет у греков ни блестящей плеяды философов, ни историков подобных Геродоту, Фукидиду, Плутарху. Это – последние титаны. И хотя будет еще греческое Возрождение, оно проявится лишь в поверхностных деталях культуры – учителя, мифологизмы, переводы. Постепенно литературная жизнь Греции замирает. Люди из круга второй софистики близко не подойдут к славе великих софистов прошлого. Лишь кометой на небосклоне промелькнут грек Аппиан и сириец Лукиан. Лосев в «Мифологии греков и римлян» пишет о вкладе Плутарха (в том числе в историю философии): «Таким образом, впервые за все существование греческой литературы только у Плутарха имеется попытка дать философскую концепцию Аполлона, которую едва-едва намечали пифагорейцы и которой не дали ни Платон, ни Аристотель». О том, что этот писатель был популярен у его современников и потомков, говорит и трактат некоего Лжеплутарха («О Реках»).

Пересказывать труды последнего совершенно нет смысла. Заметим лишь, что он вызвал у филологов огромное возмущение, и даже не столько тем, что сей неизвестный автор использовал имя великого историка, но своим примитивизмом, «бедной фантазией сочинителя» (Якоби), тем, что продемонстрировал скудость своего «умишка». Авторитетный издатель Плутарха Виттенбах (много

сделавший для восстановления текста и смысла его трактата) называл сей труд «грязной книжонкой обманщика, пустейшего, глупейшего и, самое главное, всех лживейшего». Другой, Бернгарди, написал о нем: «Эта книжонка… вся наполненная ложью и грязной похотью». Карл Мюллер начал очерк о трактате лаконским афоризмом из Ксенофонта: «Ничем не хуже жила бы Спарта, если бы он погиб» (а не сохранился, к несчастью для всех читателей).

Русский философ А.Ф. Лосев

Его истории и беседы строились на разработке трех главных тем (политической, застольной и философской). Застольные беседы протекали так, что серьезные темы перемежались шутками. Любимые темы бесед – о правителях, характере народовластия, законах. К примеру, Солон утверждал в беседе: «Я так полагаю, что более всего стяжает славы царь или тиран тогда, когда он единовластие над гражданами обратит в народовластие». Анахарсис добавлял: «И не один среди всех будет разумен». Фалес назвал лучшим государством то, в котором нет ни бедных граждан, ни безмерно богатых, а Хилон – то, где больше слушают законы, чем ораторов. Смена тем обычно сопровождалась сменой блюд, вин и собеседников.

Дионис и дух вина

Заканчивались же беседы, как правило, «женской темой» (речами об их доблестях, добродетелях и пороках). Один из его сюжетов посвящен умению сочетать беседы и напитки: «Те, кто лишает застолья философии, …поступают хуже гасящих свет. Ведь люди благовоспитанные и разумные не станут хуже, если унести светильник: их взаимное уважение не зависит от того, видят ли они друг друга. Если же к действию вина присоединится грубость и невежество, то и сам золотой светильник Афины не сделает такой симпосий благопристойным и радостным. Ведь, собравшись вместе, напиваться и насыщаться в молчании уподобляло бы людей животным, да это и невозможно… Философы, осуждая опьянение, называют его пьянственным суесловием; а суесловие означает не что иное, как пустую болтовню. Но пустая болтовня, превысив известную меру, переходит в наглость, безобразнейшее и отвратительнейшее завершение пьянственного излишества».

Греческий симпосион

И хотя на ниве управления общественной жизнью его достижения были не столь заметны, как «Жизнеописания», ставшие, пожалуй, самым популярным источником исторических знаний среди любителей античности, все же рискнем вам дать совет: пусть начнет с Плутарха тот, в ком проснулась неистребимая любовь к истории. В нем он обретет редкое сочетание мудрости, гармонии и знаний. В чаше его дивного таланта словно слито содержание знаменитых апулеевских чаш. Слава этого выдающегося историка Греции с годами только будет крепнуть… Критик В. Белинский в письме к В. Боткину от 28 июня 1840 года, говоря о своих удивительных впечатлениях от плутарховских «Сравнительных жизнеописаний», не скрывая своего восхищения, восклицал: «Книга свела меня с ума… Во мне развилась какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности… Я понял через Плутарха многое, чего не понимал. На почве Греции и Рима выросло новейшее человечество». Надеюсь, и вы, войдя в мир Геродота, Фукидида, Тацита, Плутарха, Ливия и Полибия, поймете весь пафос этих слов Белинского: в некотором роде в них содержится упрек бескровным и холодным, как рептилии, ученым схоластам, претендующим на внимание широкой читательской аудитории. Читая плутарховские лекции и беседы, внимая его рассказам, вспоминаешь героя романа «Война и мир» Николая Болконского, уносящегося в своих мечтах к тому славному времени, чтобы хотя бы мысленно оказаться рядом «с людьми Плутарха».

Рассказ о великом греческом историке Ксенофонте (445—355 гг. до н.э.) будет краток, ибо сведения о нем скудны: принадлежал к

аристократической верхушке афинского полиса, получил прекрасное образование, хорошее военное воспитание. В молодые годы слушал лекции Сократа и служил в коннице. Его время – время жестокой борьбы между станами демократии и олигархии. Внутренняя борьба в полисах шла на фоне обостряющихся отношений между важнейшими центрами Греции и Персией. Двумя главными поджигателями войны выступали тогдашние гегемоны греческого сообщества —Афины и Спарта. Вокруг них образовались два военно-экономических блока – Афинская архе во главе с Афинами и Пелопоннесская лига во главе со Спартой. Следствием этих противоречий стала Пелопоннесская война – «первая мировая война античности» (431—404 гг. до н.э.). Война эта не только стала губительной для самих греков, но и вовлекла в конфликт Персию и Карфаген.

Главное, что показала та война, так это полнейшую несостоятельность малых полисных государств и вообще демократического устройства в условиях серьезной военной угрозы (при масштабном военном конфликте). Болтать, жить себе в удовольствие, предаваться излишествам при демократии, разумеется, приятнее и намного веселее (хотя кому как), чем жить в строгих рамках спартанской философии. Разное воспитание и культура, а следовательно и ориентиры (об этом пишут мало), еще более обострят разногласия, усугубят непонимание сторон. Как отмечают, та война поставит под сомнение основательность таких незыблемых устоев полисной жизни, как автаркия и автономия, и даже экономическую и политическую независимость. В качестве сравнения опять же возьмите историю ряда стран Кавказа, Восточной Европы или Прибалтики после развала СССР. Их болтовня о полной независимости может ввести в заблуждение лишь неуча и обывателя, совсем не знающего мировой истории и законов политики. Уйдя из сферы влияния России, все они неизбежно рано или поздно должны будут попасть (уже попали!) в тиски нового партнера-хозяина – США.

Воин в полном вооружении

Грекам также не удавалось оставаться в стороне от конфликтов и схваток держав. Вот и Ксенофонт в 401 году до н.э. вынужден был записаться добровольцем. Он завербовался в наемное войско Кира Младшего, активно участвовал в походе против Артаксеркса и даже возглавил 13?тысячный греческий отряд на его обратном пути на родину. Так афинянин оказался в стане враждебной Афинам Спарты. В учебе и походных буднях рождался великий историк… Своему учителю он посвятил книгу «Воспоминания о Сократе». Поход описал в «Анабасисе» (букв. «восхождение», поход от моря вверх, то есть в глубь страны). Там показано, как греки, выйдя из Сард, двинулись вдоль границ Сирии к Евфрату и дошли почти до Вавилона. Ксенофонт признает, что греки охотно согласились принять участие в походе Кира.

Греческий и персидский воины

У него есть описание сцены, из которой совершенно ясны и понятны мотивы участия отряда греков в военной авантюре Кира. Один из военачальников, Клеарх, откровенно говорит воинам, да, я был изгнан с родины, верно, я получил от Кира десять тысяч дариков, «деньги я взял, но не припрятал для себя и не прокутил, а все истратил на вас». Далее он говорит, что «сперва воевал с фракийцами», вместе с его воинами «мстил за Грецию», а потом, «по зову Кира, я взял вас и пришел, чтобы в случае нужды помочь ему за все хорошее, что он для меня сделал». Что же такое «хорошее» сделал для него Кир? Дело понятное – заплатил ему, воинам приличные деньги. Вот и все… Ни у кого из греков на сей счет нет сомнений, все прекрасно понимают, о чем говорит Клеарх, когда они попытались взбунтоваться и не идти в пекло битв: «Воины! Всем ясно одно: как мы к Киру, так и Кир к нам. И раз мы за ним не следуем, то ни мы ему не воины, ни он нам не плательщик». Чем же кончился сыр-бор? Что порешили «свободолюбивые греки», «демократы» (или как их там еще называть)? Поспорили и приняли решение, обычное для наемных убийц и проституток-политиков, будь то Древняя Греция, современная Восточная Европа, Прибалтика, Молдавия, Грузия, Чечня, Украина или Россия, – пусть заплатит «в полтора раза больше, чем они получали: вместо дарика по три полударика в месяц на каждого воина». Наемники дали понять: неважно, куда и против кого их поведет Ксеркс, лишь бы платил хорошо. Так действовали и действуют все наемные шлюхи.

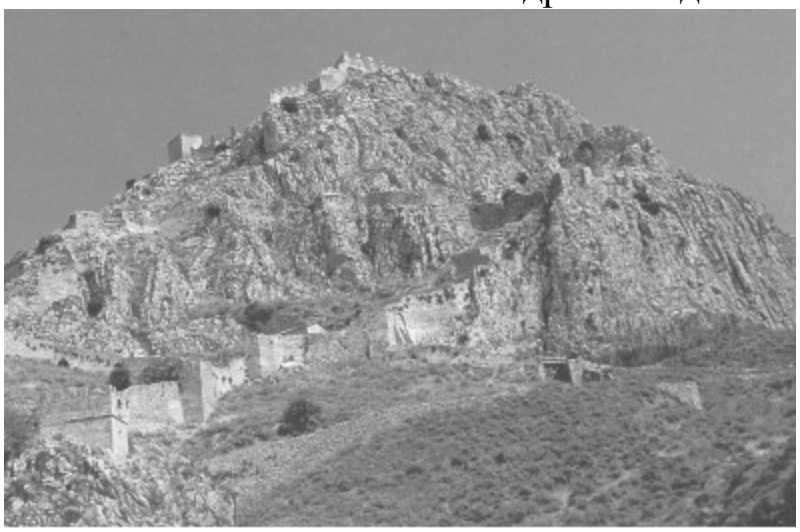
Будучи частью греческого мира, Ксенофонт нес в себе, так сказать, и его атомы. Неслучайно он подружился с беотийцем Проксеном, что отправился к Киру Младшему, надеясь на службе у перса «прославиться, получить большое влияние и разбогатеть». К тому же в Афинах поле активной деятельности для него было закрыто. Знаменательны и те слова, какими соблазнял Ксенофонта его друг Проксен на участие в авантюре Кира. Он обещал, что в случае приезда Ксенофонта будет «содействовать его дружбе с Киром, а последний, по словам Проксена, дороже для него отчизны». Известно, что Ксенофонт согласился и принял участие в походе. Но известно и другое (о чем надо не забывать нынешним сателлитам Восточной Европы, Балтии, Молдавии, Украины, сателлитам «нового Кира»): когда Кир был убит в

битве (кстати, у стен Вавилона), то ряд стратегов-наемников были схвачены и казнены самими же персами. Правда, Ксенофонт, проявивший себя как талантливый организатор и полководец, вывел все же остатки войск из Месопотамии (половину из 13-тысячного войска). Кстати, он дважды склонял греков остаться в Понте и основать там новое государство, а не возвращаться на родину, ибо их там никто не ждет. Но этих вояк-наемников вовсе не прельщала перспектива оказаться на земле в качестве трудяг-колонистов. Тогда-то Ксенофонт и нанялся на службу к фракийскому царю Севфу (400/399 г. до н.э.).

Могила Арсинои II, супруги фракийского царя, дочери Птолемея I, в Священном квартале Самофракии

После целого ряда военных приключений историк-кондотьер угомонился, все же получив в качестве вознаграждения небольшой дом и земельный надел. Э. Фролов задается риторическим вопросом: «Оценивая все достигнутое Ксенофонтом за годы его политической деятельности, приходится признать, что по сравнению с целями и усилиями, затраченными на их осуществление, итог был разительно ничтожен. Между тем после ухода от дел человек этот прожил еще долгую жизнь, считая от конца Коринфской войны, – свыше 30 лет. От природы он был наделен крепким здоровьем, энергией и предприимчивостью. Чем мог он заполнить свой досуг? Чем мог компенсировать свои неудачи на политическом поприще? Ответ здесь очевиден: литературным трудом. И вот, отложив в сторону меч, он

взялся за перо, с тем чтобы снова пережить все пройденное, еще раз обдумать и развить любимые прожекты, создать для них – пусть на листе папируса – идеальные условия и, наконец, увидеть их осуществленными в новом, фантастическом мире. И действительно, этот заключительный период жизни Ксенофонта отмечен интенсивной литературной деятельностью… При этом поражает удивительная особенность творческого труда Ксенофонта – неуклонное нарастание его интенсивности при весьма почтенном возрасте писателя». Таков был этот историк, мужественный воин, талантливый стратег и тактик, политик, ученый и писатель, в котором самым удивительным образом соседствуют мудрость Сократа, честолюбие Алкивиада, цинизм, любовь к деньгам Зенона и отвага Александра Македонского.



Древний Коринф

Последним в нашем списке великих исторических фигур Греции стоит Страбон (64/63 г. до н.э. – 23/24 г. н.э.). Само время, в которое он жил, говорит о многом. То была эпоха перелома. На его глазах возникала Римская империя и заканчивалась эпоха эллинизма. В 30 году до н.э. пало последнее эллинистическое государство – царство египетских Птолемеев. Уже более ста лет (с 146 г. до н.э.) Греция была под пятой римлян, став ареной грабежей, войн и разбоев. Разорялись сельские жители, приходили в запустения греческие города. Целые области обезлюдели. От былой славы Греции, ее знаменитых культурных центров остались жалкие руины. Приход к власти в Риме императора Августа заметно изменил ситуацию. В ойкумене стало больше порядка. Греческая верхушка стала приспосабливаться к новой ситуации. И даже крупнейшие ученые и философы (Полибий,

Панеций, Посидоний) заняли позицию откровенной поддержки Рима, воспевая его победы. Греческие философы, грамматики, риторы зачастили в столицу Римской империи. Многие делали тут карьеру, достигали почестей и становились обладателями немалых богатств. Все дороги тогда вели в Рим. Прибыл сюда средь прочих и уроженец Понта, историк и географ Страбон. Родом он был из знатной семьи г. Амасии, эллинистического центра в Понте. Члены его семьи занимали высшие должности у понтийских царей. Прадед Страбона был полководцем Митридата Евпатора, родственник – верховным жрецом в Коммагене, фактически вторым лицом после царя. Дед Страбона перешел на сторону римлян, и хотя обещанной награды не получил, но положение семейства упрочилось. Сохранение римской ориентации дало возможность самому Страбону получить хорошее философское образование. У него были средства, позволившие путешествовать и посвятить себя науке.

Древнегреческий кратер

Благодаря финансовым возможностям семейства он имел возможность не только увидеть мир, но и обучаться у тогдашних светил античной науки (Аристодема из Нисы, философа Ксенарха из Селевкии, грамматика Тиранниона из Амисы). В те времена самые знаменитые и известные педагоги нередко вояжировали по миру. Учитель Страбона Ксенарх, перипатетик из Селевкии Киликийской, читал лекции в Селевкии, затем в Александрии, Афинах и, наконец, в Риме. Помимо занятий и одновременно с ними Страбон объездил немало стран (побывал в Нисе, в Катаонской Комане, в ущелье реки Пирама на Тавре, посетил Траллы, Гиераполь, Эфес) и везде вел

наблюдения. Путешествия, являясь предметом его гордости, продолжались и в зрелом возрасте. Он посетил немало стран от Армении до Сардинии и от Черного моря до Эфиопии.

Одиссей и Навсикая

Вообще этого величайшего географа древности можно было бы назвать в своем роде «географическим Одиссеем». Повидал столько, сколько немногим в его время удавалось узреть за всю жизнь. Стратановский в очерке «Страбон и его география» пишет о том, что ученый подолгу жил в столице мира, Риме, и вращался в высшем обществе. Среди его близких друзей были такие известные фамилии, как Сервилий Исаврийский, Гней Писон, Элий Галл и, быть может, как думают, даже Гораций. Знал он, вероятно, и Феофана Митиленского, друга Помпея и историка его походов на Восток. Он мог знать его и раньше, а затем вновь встретиться с ним в Риме. Там же он видел молодых британцев, мог наблюдать в цирке смерть сицилийского разбойника Селура. В храме Цереры, еще до того как тот сгорел, успел увидеть знаменитую картину Аристида. Из Рима Страбон, возможно, по знаменитой Аппиевой дороге доехал до Брундисия, а оттуда морем прибыл в Популонию. По пути из Италии в египетскую Александрию, плывя вдоль берегов Африки, Страбон видел с корабля Кирену. Остановившись надолго в Александрии, он встретился там с историком Николаем Дамасским. Во время путешествий он повидал немало чудес и диковинок (индий-ских змей, уродца «гермеса», привезенного индийскими послами в подарок Августу). Из Александрии он совершил прогулку по Нилу. Маршрут его поездки был таков: Гелиополь – Мемфис – Пирамиды – Арсиноя на Меридском

озере – Фивы – Сиена – остров Филе – границы Эфиопии. Одним словом, ему можно позавидовать.

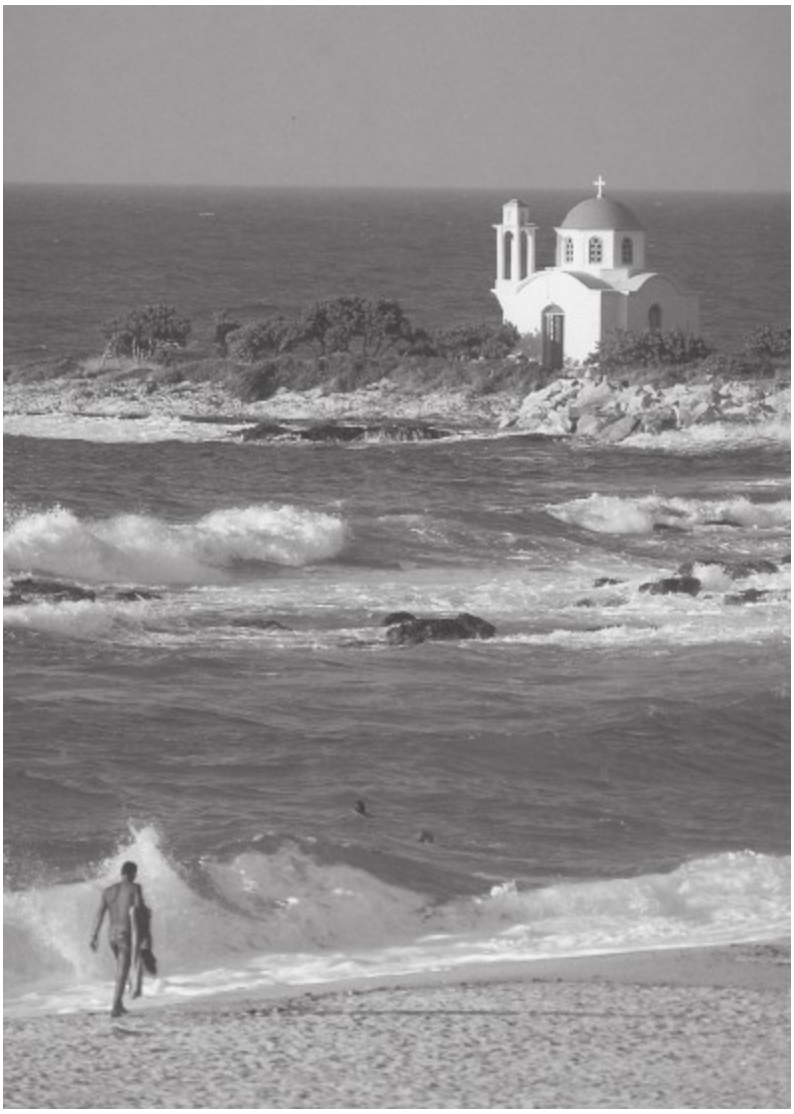
Страбон является автором двух крупных сочинений. Первое – не дошедшие до нас «Исторические записки», задуманные им как продолжение «Истории» Полибия. Они охватывали исторический промежуток от разрушения Карфагена и Коринфа и доходили, возможно, до битвы при Акциуме (31 г. до н.э.), когда флот Антония и Клеопатры потерпел решающее поражение от войск Октавиана. «География» – это своего рода продолжение «Исторических записок». Страбон закончил ее около 7 года до н.э. в 70-летнем возрасте. И вероятно, труд увидел свет уже после его смерти.

В своем труде великий географ преследовал сугубо практические цели, видя в качестве главной цели – «государственные интересы и пользу народа». Страбон считал, что его книга «должна быть полезной вообще – одинаково полезной и для государственного деятеля, и для широкой публики». Такую же цель он ставил во время написания и своего исторического труда. И все-таки на первом плане у него – правители и политики. Ведь они, «величайшие властители – это исключительно люди, которые могут господствовать на суше и на море и объединять народы и города под единой властью и единым политическим управлением». Поэтому ясно, что география как целое «имеет прямое отношение к деятельности властителей».

Шарль Лебрен. Дедал и Икар

Страбон ставит географию в один ряд с историей политических и этических учений: «Итак, большая часть географии, как мы сказали

раньше, имеет отношение к жизни и нуждам правителей; так же и большая часть этического и политического учений имеет отношение к жизни правителей». В числе своих главнейших задач он видел: 1) информировать политическую элиту страны и прежде всего верховного правителя о положении дел в мире, расстановке сил, формах государственного управления, нравах, религиях и порядках народов; 2) в описаниях увиденного мира дать общее представление о культуре народов, имея в виду чисто практические знания, которые римляне, не любившие научных теорий, ставили на первое место; поэтому «География» – своего рода энциклопедия; 3) создать книгу, что могла бы служить настольным чтением, развлекая и просвещая, давая сумму практических знаний и сведений: «Далее, как в моих «Исторических записках» упомянуты только события из жизни выдающихся людей, а мелкие и бесславные деяния опущены, так и в настоящем сочинении я не должен касаться маловажных и незаметных явлений, а заняться предметами славными и великими, содержащими практически полезное, достопамятное и приятное». Его книга – феноменальный труд «о колоссальном», затрагивающий «явления огромной важности и весь мир».



Остров Икария

Подобно тому как Фукидид считал историю философией в примерах, о Страбоне можно сказать, что он оставил читателям географию, историю, философию в живых картинах. Однако написать даже выдающийся труд недостаточно. Желательно вдохнуть в него историческую душу. Некогда немецкий географ А. Геттнер, опубликовавший в Германии в 1927 году книгу «География. Ее история, сущность и методы» (в 1930 г. она вышла и в СССР), указывал на необходимость познания «характера стран и местностей». Он считал, что делать выводы надо с учетом глубокого понимания сосуществования и взаимодействия различных царств природы и их различных форм, а также познания земной поверхности. Он отмечал, что древние называли географию «хорографией» или «хорологией». И

самыми выдающимися представителями этого направления в древности были Птолемей и Страбон. Чтобы донести важнейшие мысли и идеи до огромных масс людей, и нужна историческая «хорография», нашедшая ее аудиторию.

Политическая хорография: демократия и тирания

Политический строй Древней Греции большинством авторов воспринимается традиционно как строй демократический. Безусловно, ему были присущи черты демократии, хотя наряду с демократическим правлением она знавала олигархию и тиранию. Слово «тиран» негреческого происхождения, видимо, оно занесено было в Грецию из Лидии. Синоним его – «царь», «гегемон», «руководитель», «монарх». Первое упоминание о тирании встречаем в середине VII века до н.э. К примеру, поэт Архилох называл тираном лидийского царя Гигеса, хотя и говорил, что не завидует ему в том, что у того много золота. Тирания связывалась не только с идеей власти, но и нередко с богатством. Скажем, Семонид Аморгосский видел смысл тирании исключительно в богатстве (VII в. до н.э.). Но и элита часто служила тиранам, ибо такова, если угодно, ее натура. Ведь она и не могла существовать иначе как без щедрых даров, зрелищ и кнута.

Платон видел сущность демократического устройства в следующем: «Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравняют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию. Да, именно так устанавливается демократия, происходит ли это силой оружия или же потому, что ее противники, устрашившись, постепенно отступают… Прежде всего это будут люди свободные: в государстве появится полная свобода и откровенность и возможность делать что хочешь… А где это разрешается, там, очевидно, каждый устроит себе жизнь по своему вкусу… Я думаю, что при таком государственном строе люди будут очень различны… Казалось бы, это самый лучший государственный строй. Словно ткань, испещренная всеми цветами, так и этот строй, испещренный разнообразными нравами, может

показаться всего прекраснее». Платон в «Государстве» далее подчеркивает, что при таком строе всякий может управлять либо судить, даже если закон тебе это запрещает. Все, что тебе придет в голову, можно делать, не обращая никакого внимания даже на законы. Такой строй очень снисходителен к поступкам людей. Настолько снисходителен, что в нем даже приговоренные к смерти или к изгнанию люди ведут себя так, как будто им до этого нет никакого дела. Никто этого и не замечает. Разгуливает такой человек в обществе (будь то олигарх или преступник) «прямо как полубог». И это отнюдь «не мелкая подробность демократического строя». Это присуще демократии – «строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному». Тут же Платон указал на недостатки демократии. Демократия склонна высокомерно относиться к наукам, к занятиям прекрасному. И в политике она преследует совсем иные, корыстные цели: «Между тем демократический строй, высокомерно поправ все это, нисколько не озабочен тем, от каких кто занятий переходит к государственной деятельности». Потрясающе, насколько точно и верно греческий философ описал самые главные, сущностные черты этой «демократии».

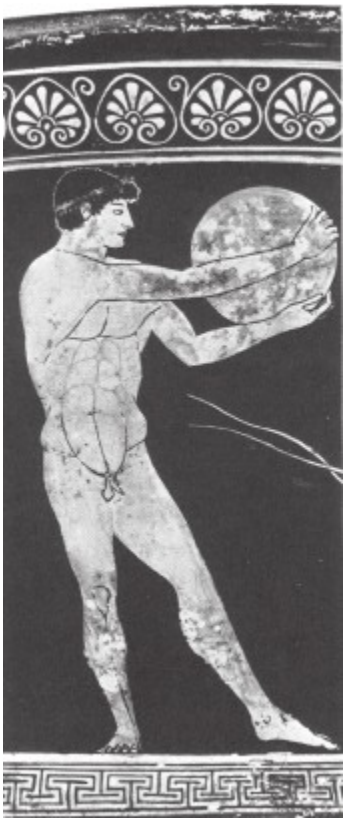
Главное для «демократии» – увлечь громкими лозунгами толпу и на этой волне обещаний въехать во власть, сев на шею народа. Большинстве ее героев абсолютно пусты и ничтожны, ибо «акрополь их души пуст». Платон прямо говорит, что у них нет «ни знаний, ни хороших навыков, ни правдивых речей». Приди они к власти, вскоре это государство, говоря словами Главкона, «будет состоять из свиней». Подобный строй близок олигархам, и он глубоко порочен. Его вредоносность в том, что он внедряет в души алчность, цинизм, тягу к роскоши, низкие забавы и пьянство. «Демократы» (а в образах Платона только слепой не увидит российские аналоги) «низведут туда, с большим блеском, в сопровождении многочисленного хора, наглость, разнузданность и распутство, увенчивая их венками и прославляя в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность – свободою, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством».

Облик демократического правления. Химера

Ксенофонт в «Воспоминании о Сократе» уточнял, кого греки относили к демосу, а кого к олигархам. Демос – это бедные люди. «У кого нет достаточных средств на насущные потребности, те, думаю, – бедные, а у кого их больше, чем достаточно, те – богатые». Далеко не любая демократия хороша и разумна. Исократ в большинстве речей осуждал олигархию и тиранию, и одобрял равноправие и демократию, хотя и «не любую, а лишь хорошо организованную, созданную не как попало, но на справедливой и разумной основе» (Исократ). Прочтя такое вот определение демократии античными авторами, возможно, кто-то и удивится тому, что спустя 2,5 тысячи лет в России нам почти ежедневно подавали власть олигархов под соусом демократии. Иначе описывал демократию и олигархию Аристотель… Различая пять видов демократии, он указывал в его «Политике»: «Таким образом, демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках, а олигархией – такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство». Вот как Аристотель видел тиранию.

Школа Л. Бернини. Голова Медузы

Тираны и мздоимцы ненавидят собственный народ, говоря о нем: «эта страна», «этот народ». Они опираются не на весь народ, а на узкий клан чиновников, что нередко ведут себя, как чужеземные правители в оккупированной стране. У них в почете льстецы, воры, демагоги и подхалимы. Они всячески поощряют взаимную вражду в стране, сталкивая «друзей с друзьями, простой народ со знатными, богатых людей с людьми из их же среды», ибо так легче управлять. Они стараются разорять своих подданных, чтобы, с одной стороны, иметь возможность содержать свою охрану и чтобы, с другой стороны, подданные, занятые ежедневными заботами, не имели досуга составлять против них заговоры. Тиран «склонен также вести войны, чтобы подданные не имели свободного времени». Плутократы не сочувствуют «ничему возвышенному, ничему свободному». Показателен вывод: «Все те признаки, какими отличается крайняя демократия, свойственны также и тирании». Как он понимал демократию? Главный признак демократического строя – наличие свободы, если ею пользуются все. Одно из главных условий свободы – когда по очереди управляют и правят. Но все же решающий фактор демократии – чтобы те, кто составляет в стране большинство (народные массы), обладали и верховной властью («верховная власть принадлежит народной массе, то, что решено будет большинством, должно считаться решением окончательным и справедливым»).



Диомед – благородный, но обедневший

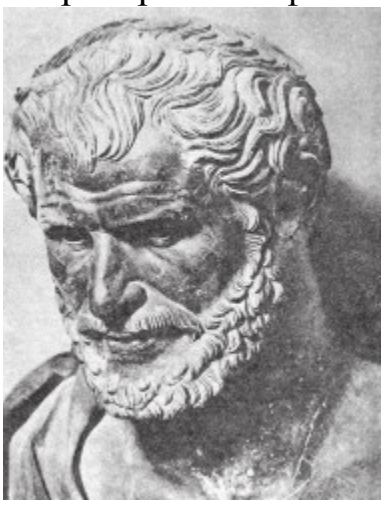
Греция и Рим знамениты не только великими мыслителями, ораторами, врачами, но и яркими политиками (Ликург, Солон, Перикл, Демосфен, Исократ и др.). В 594 году до н.э. главой Афин стал Солон (ок. 640—560 гг. до н.э.), выходец из обедневшего аристократического рода. С VII века н.э. в Афинах стали развиваться торговля и ремесла. Прежде чем стать политиком, он занялся торговлей, продавая оливковое масло. В политику он пришел тогда, когда два непримиримых лагеря, с огромным недоверием взиравших друг на друга, стали искать подходящую кандидатуру на вождя нации. Вероятно, он более других подходил на эту роль, соединяя в себе, по словам Плутарха, казалось, два совершенно несовместимых и взаимоисключающих качества: «Знать уважала его за его богатство, бедные – за честность».

Павший гигант. Из серии «Дары Аттала»

Случается так, что страна изнемогает под бременем грабителей и богачей, что народ лишен элементарных средств к жизни и вынужден покидать родину (из-за отсутствия средств к жизни). Примерно такая ситуация возникла в Афинах, когда кончилась Килонова смута и «проклятые» наконец ушли из Аттики. Общество предстало, как у нас в России, расколотым на партии: одни афиняне были сторонниками демократии, другие – олигархов, третьи ратовали за смешанный строй. За наименованиями партий, о которых говорит Плутарх в биографии Солона, стояли конкретные группы жителей Аттики. Первая группа состояла из владельцев самых плодородных земель вокруг Афин. В основном это были эвпатриды (или «правые»). И так как в руках у них находились лучшие земли, то настроены они были олигархически. Центр занимали «центристы». В этой группе нашли пристанище состоятельные люди, купцы, богачи, старая греческая «номенклатура». Сюда временами примыкала и большая часть мелких торговцев и их семей, стоявших на умеренно-демократических позициях. На левом фланге находилось большинство, т. е. беднейшее население северо-востока Аттики. Левые ратовали за решительное изменение политического курса страны.

А вот как описал ситуацию Плутарх: «Поскольку неравенство между бедными и богатыми дошло тогда, так сказать, до высшей точки, государство находилось в чрезвычайно опасном положении: казалось, оно сможет устоять, а смуты прекратятся только в том случае, если возникнет тирания. Ведь простой народ был в долгу у богатых: одни обрабатывали землю, платя богатым шестую часть урожая; их называли «гектеморами» и «фетами»; другие брали у богатых в долг деньги под залог тела; их заимодавцы имели право обратить в рабство; при этом одни оставались рабами на родине, других продавали на чужбину». Многие вынуждены были продавать

даже собственных детей (закон этого не воспрещал) и бежать из отечества из-за жестокости заимодавцев. Но огромное большинство, люди решительные, большой физической силы, «собирались и уговаривали друг друга не оставаться равнодушными зрителями, а выбрать себе одного вожака, надежного человека и освободить должников, пропустивших срок уплаты, а землю переделить и совершенно изменить государственный строй». И тогда в Афинах сочли, что Солон, – пожалуй, единственный человек, за которым «нет никакой вины, который не является сообщником богатых в их преступлениях и в то же время не угнетен нуждою, как бедные». Все стали просить его взять в свои руки государственные дела и наконец-то покончить с раздорами и распрями в афинском государстве.



Солон

Каждая сторона надеялась, что Солон встанет на их сторону. В глазах богатых он был человеком их круга (зажиточным), но и бедные ему благоволили, в их глазах он оставался честным и рассудительным человеком, к тому же глубоко порядочным. По словам Аристотеля, «народ рассчитывал, что он произведет передел всего, а знатные, что он вернет прежний порядок». Надо признать, что действия его были радикальны. Получив как архонт чрезвычайные полномочия, он спас крестьян-полурабов от полного закрепощения. Межевые столбы на полях, отданных за долги, были вырваны и уничтожены, земля была возвращена прежним владельцам, о чем он писал в стихотворении:

Свидетельницей будет пред судом
времен

Мне богоматерь Олимпийцев – черная
Земля благая в том, что вырвал из нее
Я долговые знаки, в ней забитые:
Была она рабою, ныне – вольная.
В Афины вновь, в отчизну
богозданную
Вернул я многих, правдой в рабство
проданных
Иль неправдой; тем, кто по нужде ушел
Из-за долгов в изгнанье и аттический
Забыл язык в скитаньях по чужим
местам,
И тем, кто дома здесь терпел
постыдную
Неволю и дрожал перед хозяином,
Всем я вернул свободу…

Другим радикальным действием стала отмена долгов («снятие бремени») и запрет в будущем давать деньги в долг («под залог тела»). Солон уменьшил проценты с закладных и вернул с чужбины всех закабаленных за долги. Отменил он и законы Драконта, что были написаны, по его словам, «кровью, а не черной краской», кроме законов об убийстве. Законы те карали смертью за любую кражу (отсюда название «драконовы законы»). Чтобы богачи, владевшие деньгами, не скупили земли, он установил предельную норму земельных владений. Принял строгие меры по охране вдов и сирот, а также законы против роскоши. За богачами установили присмотр – на какие средства живете, господа… Запрету подвергли: богатые приемы, пышные туалеты, большие свиты, неумеренные мужские попойки. Запретили даже пышные похороны. Брань и словесные оскорбления в судах, правительственных местах и общественных процессиях запрещались (за их нарушение – штраф в пять драхм).

Солон всегда был сторонником активной политики… В политике не должно быть места людям безразличным к судьбам отечества. Все граждане обязаны твердо выражать свою волю. Солон провел закон, по которому все классы афинского общества (от первого до четвертого)

имели право голоса в народном собрании, независимо от того, богаты они или бедны. Аристотель скажет: «Когда народ – хозяин выборов, он хозяин и правительства». Хотя стоит заметить: в каком-то смысле народ Афин был более свободен в принятии важнейших решений, чем народ России, где без больших денег, прессы и ТВ ни в какое «народное собрание» сегодня просто не попадешь, будь ты самым умнейшим и талантливейшим человеком. По этой причине хотя народ голосует, не он выбирает кандидатов, и уж тем более не его голоса (если убрать формальную сторону) делают «проходными» тех или иных политиков… По этой причине мы не можем сказать, подобно Фенелону: «Все в Греции (точнее, в Афинах) зависело от народа, а народ зависел от слова». Нынче золотым правилом в политике становится иной девиз: «В России всё и везде зависит не от народа, а от денег».

Доссо Досси. Юпитер, Меркурий и Добродетель

Солон создал суд присяжных (высший верховный орган, состоявший из 6 тысяч человек). Трибунал гелиастов – это суд народа, а не чиновников, которых можно подкупить или запугать. О солоновской конституции известно мало. Следов от нее в истории не осталось, хотя он и надеялся, что его законы будут жить 100 лет.

Солон взял за твердое правило по всем важнейшим вопросам спрашивать согласия у народа. Происходя из среднего класса, он хотел государства, в котором царствует правило золотой середины. Его можно назвать одним из первых «демократов». Хотя в отличие от нынешнего понимания этого слова, он под словом «демократия»

подразумевал «справедливость» (кстати, это слово чаще других встречается и в его поэзии). В то же время надо помнить, что, несмотря на то что он сам считал себя умеренным, прикрывая, словно щитом, две противоборствующие силы, стоя меж ними, словно меж ратями на рубеже, «как пограничный столп», он исторически был преемником популярной тирании и предшественником тирании. Немудрено, что порой он действовал в ее духе. Любопытно, что последующий тиран, преуспевший Писистрат, был из того же рода, что Солон. Но традиция мнения о Солоне пошла совершенно другим путем.

Коррадо Джаквинто. Веселье на небесах

Солон принял закон против «равнодушных»: не примкнувший ни к одной партии во время междоусобиц мог быть вообще лишен гражданских прав. Закон призывал граждан выступать на защиту пострадавших, призывал оказывать взаимопомощь, проявлять сочувствие. Казалось, он установил нужные законы, добился равновесия в стране. Сам он так говорил о сути своего законодательства: «Власть даровал я народу в той мере, в какой он нуждался, чести его не лишил, но и не дал лишних прав». Ему предлагали установить тиранию, чтобы легче было проводить в жизнь

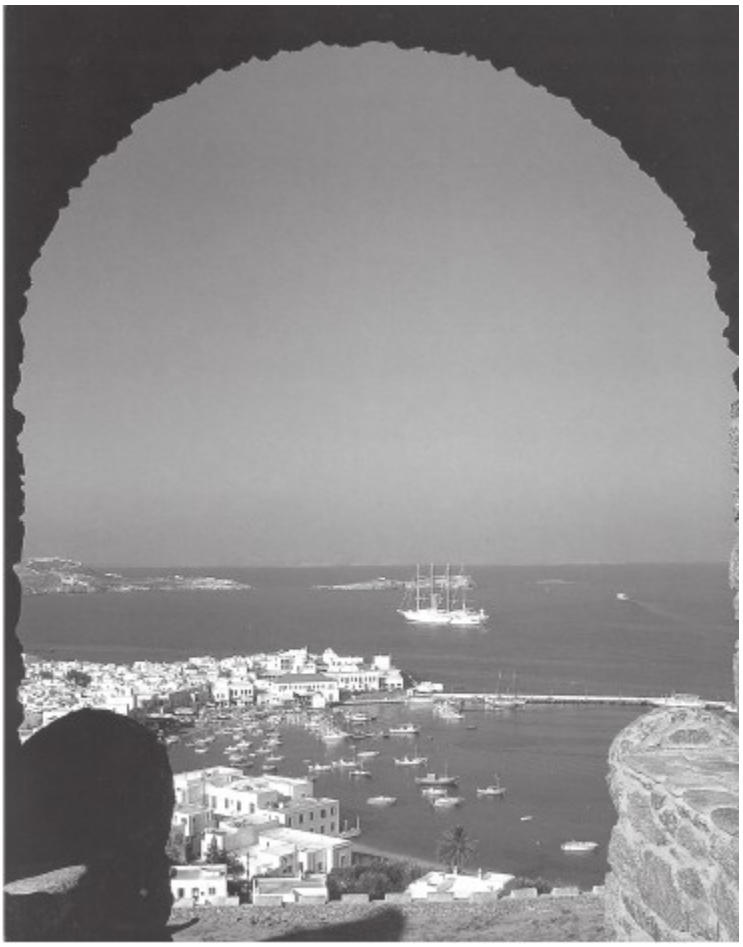
его политику. Солон был слишком осторожен, да и «враг всем властодержцам». Поэтому подумав, он отказался и заметил: «Тирания – отличная крепость, только из нее нет выхода». Вдобавок ко всему, он проявил себя как стратег и умный политик, хотя и признавался, что вынужден «словно волк вертеться среди стаи псов».

Каков же результат его правления? Вскоре стало ясно: всех не удовлетворить и при желании. Плутарх писал: «Солон не угодил ни той, ни другой стороне: богатых он озлобил уничтожением долговых обязательств, а бедных – еще больше – тем, что не произвел передела земли, на которые они надеялись, и, по примеру Ликурга, не установил полного равенства жизненных условий. Но Ликург был потомком Геракла в одиннадцатом колене, был царем в Спарте много лет, пользовался большим уважением, имел друзей и власть, которая отлично служила ему в исполнении задуманных им перемен в государственном строе; он действовал больше насильственными мерами, чем убеждением, так что ему даже выбили глаз. Таким путем он осуществил реформу, самую важную для блага отечества и единодушия граждан, – чтобы в государстве не было ни бедных, ни богатых. Солон своим государственным устройством не мог достигнуть этой цели, потому что он был из демократов, человеком среднего состояния. Однако он сделал все, что мог, в пределах бывшей у него власти, руководствуясь только желанием иметь также и доверие сограждан». Солон избрал в политике путь «разумного компромисса».

Полицейский скиф в Афинах

Его причислят к семи мудрецам, хотя равноправия при нем не наступило. Можно задаться вопросом, а был ли он вообще

демократом? Гибкий и умный политик, считавший, что равноправие к смутам не приводит, он был чужд всяких иллюзий. Может, поэтому уехал из Афин, взяв с граждан слово, что они не будут менять его законов. Так бегут те, кто установили законы или наделали долгов, по которым будут платить иные поколения. Солон надеялся, что через 10 лет все привыкнут к ним. Но они не привыкли, как россияне не привыкли к бандитским действиям плутократов ельцинского десятилетия. Поэтому Солон, вернувшись из странствий, застал все те же старые противоречия, только еще более резко обострившиеся. Меж партиями-антагонистами сгущалась лютая ненависть. Богачи хотели грабить народ, как это бывало прежде. Крестьяне, средний класс горячо желали вернуть украденную у них собственность и порядок. Так что Афины внутренне уже созрели для переворота (560 г. до н.э.). Солон говорил: «Стар становлюсь, но всегда многому учусь». Ему предстояло увидеть и власть Писистрата, которого все назвали тираном, но который завершил многое из того, на что Солон так и не решился. Говорят, что скончался Солон на Кипре, прожив восемьдесят лет. И будто бы пепел великого законодателя, согласно завещанию, был отвезен на о. Саламин и там развеян. Дух его вознесся к небесам, ибо, как говорилось в тогдашней песне, афинянам «был легок Солонов закон».



Вид на пристань острова Миконос

Однако чтоб читатель в полной мере почувствовал эту совершенно удивительную, потрясающую, невероятную (почти фантасмагорическую) близость к эллинству и Элладе, пожалуй, вам нет даже и надобности совершать довольно дорогое путешествие в Грецию. Нищему русскому интеллигенту сегодня и книгу-то зачастую не на что купить, а не то что особо по заграницам ездить. Если это все же удастся (то есть купить книгу), пролистайте стихи Солона, правителя и законодателя греков, и вообразите себе, что вы в России. Взгляды Солона, как и вся его поэзия, сформировались под влиянием общественно-экономической и политической жизни того времени. В Аттике VI века происходят стремительные перемены в экономике (как и в России). В обществе решающую роль играет богатство. Ему посвящены мысли и чаяния многих людей.

Через все творчество Солона проходит мысль о том, что стремление к деньгам и богатству составляет, пожалуй, неотъемлемое

свойство человеческой натуры… Все хотят их иметь: бедняк, чтобы выбраться из бедности, богач, чтобы увеличить его вдвое-втрое, если повезет, то и более. Стремление к корысти и прибыли для многих оказывается непреодолимым. Это как болезнь. Понимая, что богатство с собой в Аид (могилу) не унесешь, тем не менее все хотят иметь больше серебра и золота. Ведь деньги дают возможность приобрести землю, собственность, коней, богатые особняки, дают возможность угождать «чреву, бокам, ногам», да и всем прочим членам. Но оказывается, виной тому вовсе не люди, а боги (ах какие замечательные боги!). Солон и сам хочет, чтобы боги принесли ему богатство.

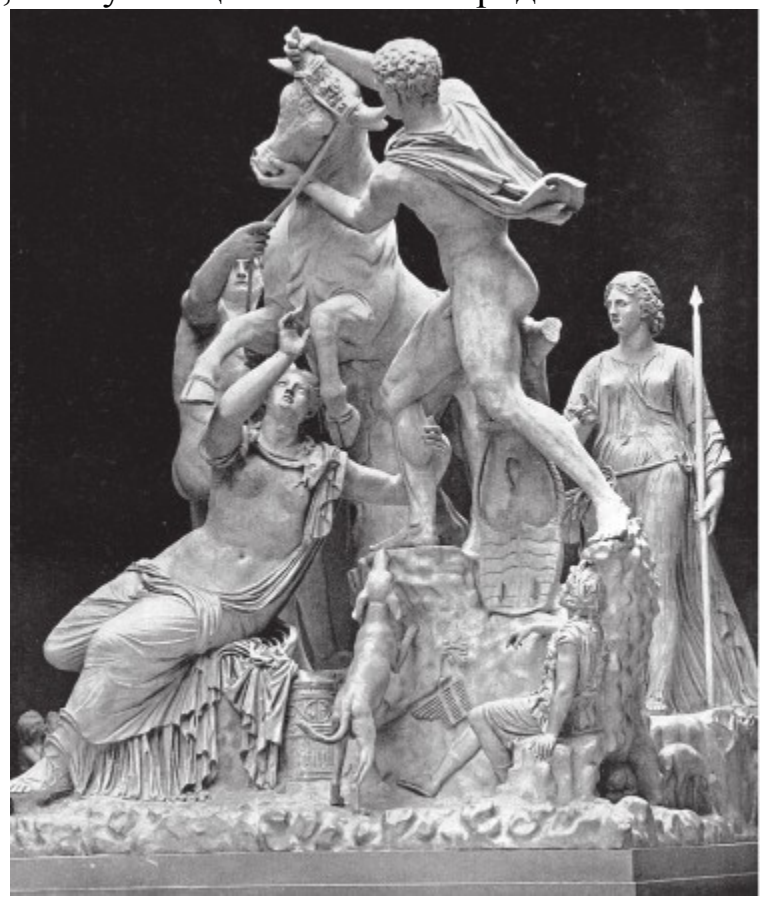
Правда, он оговаривается: жаждет не любых денег, но лишь денег справедливых. Увы, многие готовы добиваться денег, богатства любым, в том числе и нечестным, путем. Поэтому жажда богатства и пороки очень тесно связаны со злонравием. Богатство, большие деньги – это злая сила. Потому она чаще всего и послушна корыстным и неправедным людям. Честный человек больших денег не имеет. Богатство зачастую добывается с помощью несправедливостей и обмана. Тот, кто стремится к богатству, становится зломыслящим и подлым, портя народ и воздух.

Среди его ценностных установок отметим следующие. Здоровье и крепкие ноги он считал не меньшим даром, чем золото, серебро и земли. Счастлив тот, кто имеет «серебра в изобилье, золота много, земли и плодородных полей», но счастливее тот, кто имеет «крепкие бедра и грудь, силу и резвость в ногах», если к тому же судьба ему еще даст «молодую красотку, счастлив он будет, пока сам он и молод и свеж». Солон любил науку, философию, много размышлял и был неплохим поэтом. Как уже говорилось, Солон, будучи не в силах удовлетворить две враждующие стороны (народ и богачей-олигархов), «нашел решение» – он просто-напросто сбежал или убрался из страны, предоставив ей право жить по установленным им законам.

Наступала славная эпоха Писистрата (560—527 гг. до н.э.). Родом он был из семейства древних царей Кодридов (родственников Солона). Существует легенда, что его отец, Гиппократ (не врач), получил даже некое знамение до рождения сына (котлы с жертвенным мясом будто бы вспыхнули сами собой, без всякой помощи огня). Все говорило о божественном избранничестве ребенка. Древние придавали знакам

судьбы большое значение, как и харизме. Обладая талантом политика, Писистрат и возглавил переворот (к счастью, удавшийся). Против были лишь аристократы и Солон. В своем стихотворении тот писал о поддержке народом «тирании»: «Сами возвысили этих людей вы, им дали поддержку, и через это теперь терпите рабства позор». Солон попытался защитить ту, свою «демократию», даже взял оружие и встал у дверей дома. Позже он скажет: «Я по мере сил защищал отечество и законы».

Но народ был абсолютно прав, поддержав тиранию Писистрата. В социальной политике тот опирался на поддержку народа, ориентируясь преимущественно на бедные слои. Его приход был оправдан и стратегическими задачами афинского государства. Во время его правления не было допущено произвола и насилия. Он соблюдал законы (того же Солона). Писистрат давал беднякам ссуды, чтобы те могли прокормить себя, занимаясь земледелием. Правда, он распустил народное собрание, сказав при этом людям: идите по домам, я позабочусь о делах общества. Это порой лучше, чем кормить орды бездельников, выступающих от имени народа.



Аполлоний и Тавриск. Фарнезский бык

Аттика – страна земледельцев. И Писистрат получил мощную социальную опору в лице трудового крестьянства. Интенсивная строительная программа дала работу и заработок городской бедноте. Он стимулировал денежное обращение, отчеканив монету с ликом Афины, поддерживал торговцев и ремесленников. При нем стала расцветать экономика. Аттика стала экспортером масла и ремесленных изделий. Многие люди тогда пришли к выводу: для народа лучше один тиран, чем их куча.

Путешествие по загробному миру

Большинству народа ближе Писистрат, проводимая им политика. Опираясь на поддержку мелких, средних земледельцев, он осуществил золотой век, царство Крона – политические иделы крестьянства, труженика. Он понял: бессмысленно убеждать сверхбогачей в необходимости предоставлять народу право на труд и сносные условия существования. Глас вопиющего в пустыне. И он стал быстро и решительно расправляться с теми, кто угнетал, грабил народ, вызывая его лютую ненависть. Одни богачи погибают, других изгоняют, третьи сами бегут из страны.

Писистрат роздал народу большую часть земли, конфискованной у олигархов и аристократов, ввел очень выгодный для нуждающихся крестьян (с более низким процентом, чем у ростовщиков) государственный кредит. Он установил налоговые льготы для неимущих и издал закон о содержании на счет государства изувеченных войной солдат. Энергично вел общественную стройку. В итоге страна буквально на глазах похорошела. Люди были заняты делом – у всех появился хлеб, работа! При нем проводят водопроводы, строятся храмы и даже мраморные дворцы для народа. При нем создается мощный морской флот. Афины могли торговать

самостоятельно. Писистрат сам назначал и смещал чиновников, твердой рукой пресекал беззакония. Политические же права граждан остались незыблемы. Народ доволен, видя такую власть. То, что кучка безмерно алчных сволочей получила по заслугам, лишь приветствовалось. В его понимании это и была истинная демократия! Своей политикой он укрепил положение средних слоев афинских граждан. При нем стали развиваться ремесла.

Собственно с Писистрата началась классическая мифология. Он вдохнул жизнь в греческий Олимп, в образы героев, каковыми мы их себе сегодня представляем. Аристотель утверждал, что Писистрат правил «с умеренностью и скорее в духе гражданского равноправия, чем тиранически». Он был гуманным, спокойным, можно даже сказать, кротким человеком, снисходительным к провинившимся, разумеется, если это не были смертельные враги народа. Тираном его называли люто ненавидевшие враги. В охрану он отобрал 300 беднейших крестьян с дубинами, оберегавших дворец. Поистине это был Юпитер во власти, умевший сочетать таланты управителя с добродетелями.

Конечно, Писистрат скорее исключение. Нередко причиной тиранического правления была обычная жажда власти. Таков лидийский царь Гигес, и греческий тиран Кипсел в Коринфе, и Псамметих в Египте, Саргон II в Ассирии, персидский царь Кир, Александр и некоторые другие. Тирания неизбежно несет с собой издержки. И Писистрат прибегал к социально-политическим акциям, ухищрениям, инсценировкам. Вспомним хотя бы историю его возвращения в Афины рядом с «богиней Афиной». Ее роль блестяще сыграла красивая женщина, поддержавшая его всем своим видом. И все же тирания была гораздо популярнее демократии. Многие мужи Греции и Рима мечтали о том, как овладеть тиранией, «богиней всесильной» (Еврипид). Им это частенько удавалось.

Актеры, исполнители комедийных ролей

Тема эта исключительно актуальна. Не случайно историки будут обращаться в их трудах постоянно к теме «демократии» и «тирании». Чтобы объяснить сей феномен, надо понять, что тирания – не столько даже этическая категория, сколь важнейший политико-экономический феномен. И далеко не всегда, как порой думают глупцы, в ее лице находит воплощение власть тупых или жестоких самодуров. Конечно, ряд ее признаков (узурпация власти, опора правителей на войско, разоружение народа или его вооружение, волюнтаризм) вызывал негативные чувства и у части обитателей древнего мира. Это понятно. Важно отметить и другое. «Тирания», которую имели в виду греки, подразумевала торжество и раскрепощение индивидуума на службе не только (и не столько) своей гордыни и интересов, но и целей общества. Тирания часто возникала как естественная реакция масс на растущий эгоизм знати, как инстинктивная их тяга к справедливости, как вера в высший Закон, хранитель нравственного начала, мститель за злодеяния против народа. Фактически это была форма национального предводительства и возникала она в период смут, в переходные эпохи, когда старая власть рухнула и занять свободный трон стремилась стая хищников, где намного больше шакалов и гиен, чем львов.

Поэтому мы в принципе согласны с мнением историка Г. Берве, который, говоря о так называемых сторонниках демократии в Греции, отмечает их фальш, двуличие, крайнюю неискренность: «Их ненависть к тирании определяет в гораздо большей степени соперничество, зависть и ненависть к тому, кто поднялся над ними как властитель, чем подлинное нравственное возмущение и принципиальное отрицание тирании. Очевидно, они совершенно не осознавали, что именно их

эгоизм и корыстолюбие создавали почву для появления тирании». Так что же такое тиран? Тиран, на наш взгляд, – ответ на бессовестную власть воров или продажной политической группировки (так было в Греции, так было и будет в России).

Одним из примеров подобной благотворной и целебной тирании можно назвать власть Дионисия Старшего в Сицилии. Установление такой тирании в Сиракузах в 406/5 году до н.э. было исторически необходимо. Кризис показал, что неограниченная демократия продемонстрировала полную неспособность управлять полисом. Внешняя угроза еще более обострила ситуацию. «Сицилия, которой карфагеняне угрожали гибелью, могла искать помощи лишь у тирании» (Ад. Гольм). Правда, Э.Д. Фролов в книге «Греция в эпоху поздней классики» писал, что в высшей мере антиисторично считать, что греки республиканской Сицилии якобы были обречены на поражение при демократии и что, видимо, единственное спасение могло прийти к ним от этого вождя. Но ведь сам он именно тирану Дионисию Сиракузскому посвящает едва ли не лучшие страницы своей книги. Дионисию в момент захвата им власти было 25 лет. Тот был от природы наделен крепким здоровьем, твердым характером и умом, и вообще выделялся среди сограждан своими достоинствами: он был смел, настойчив, предприимчив, в делах и речах обнаруживал трезвый расчет и обладал страстной убежденностью, что производило на людей исключительное впечатление. Главным же достоинством тирана было то, что всегда на первое место он ставил интересы целого государства, а не отдельных групп или олигархов.

Краснофигурный кратер

Порой, правда, и демагогический характер речей Дионисия очевиден… «Он советовал, – писал Диодор, – выбирать в стратеги не

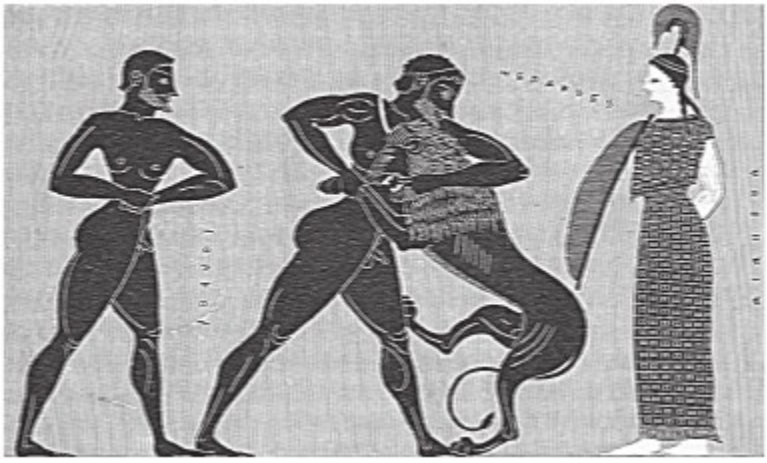
сильнейших, а скорее наиболее преданных и демократичных, ибо те, первые, деспотически управляя гражданами, презирают массу и в несчастьях отечества видят источник собственной выгоды, тогда как люди менее значительные ничего подобного не будут делать, испытывая страх из-за собственного своего бессилия». Но следует помнить, что с начала истории элементы демагогии присущи всем политикам без исключения. Просто одни верят тому, что говорят, и стараются в делах воплотить ими сказанное, другие даже и не помышляют об этом, будучи бессовестными лгунами… Дионисий, используя национально-патриотическую риторику, в реальной политике как раз воплощал многие положения его речей. В этом и только в этом подлинная причина симпатий к нему не только народа, но некоторых представителей полисной элиты (как мы бы сказали, национально-ориентированной). Конечно, опасность тирании состоит и в том, что у человека, захватившего власть в стране, тут же появляется огромное число «друзей». Ими движет своекорыстный расчет: одни хотят получить теплые места, другие – загрести немалые деньги, приобрести земли, третьи – устроить будущее их семей и родственников. Но народ поддерживает политика, глядя не на речи, а на его дела. Дионисий, человек простого происхождения, как раз отражал интересы широких народных масс Сиракуз, выступая под лозунгом защиты народа от посягательств олигархов. Это была почти современная личность.

Историки отмечают близость Дионисия к народу, его глубокую приверженность отстаиванию интересов народных масс и армии. Так, прибыв в Гелу, готовящуюся отразить наступление карфагенян, он застает там брожение в низах. Народ был недоволен действиями богачей, армии задерживали жалованье и т.п. Дионисий, посланный туда с отрядом пехотинцев и всадников, выступил на собрании гелойцев с обвинениями в адрес богачей, добился их осуждения и казни, тут же выплатив задолженные воинскому гарнизону суммы из конфискованного у олигархов, элиты имущества. Так он смог расположить к себе армию («сделал их себе лично преданными»). Часть конфискованного у богачей имущества, конечно, перепала и простому люду. Действия эти вызвали восторженный отклик со стороны народа. Тот особым постановлением почтил Дионисия как восстановителя свободы. Можно себе представить ту бурю чувств и

эмоций простого народа России, если к правлению страной придет такой вот «тиран», который вернет в казну страны награбленные олигархами богатства.

Ахиллес вооружается к битве

Необходимо подчеркнуть и следующий важнейший момент. Для малых полисов, какими были Сиракузы или другие государства Греции, в условиях постоянных внешних угроз очень важно было сосредоточить власть в одних руках. Дионисий, председательствуя в народном собрании, получил возможность выносить (и принимать!) важные решения. Он представлял общину во внешних сношениях, заботился о техническом (и вообще материальном) оснащении войска, об изготовлении оружия, сооружении машин и кораблей, о заготовке провианта, о призыве на военную службу, о наборе наемников, о взимании чрезвычайных налогов и т.д. и т.п. Правда, он же после восстания 404/3 года провел массовое разоружение граждан. Но и это вполне разумный шаг, если вспомнить недавние примеры по вооружению толп. Естественно, тирания несла в себе и целый ряд негативных черт. Он поставлил под жесткий полицейский контроль гражданское население, создал целый штат осведомителей и доносчиков, в частности из числа певиц, танцовщиц и гетер. Все проявления нелояльности в поступках (и мыслях) безжалостно пресекались. Вся страна наполнилась узниками. Тюрьмой стали каменоломни в районе Эпипол, число казненных тираном людей составило 10 000 человек, хотя эта цифра и звучит как безусловное преувеличение.



Геракл, поражающий льва

Наконец, не секрет, что в тех же Сиракузах, когда в конце IV века власть попала в руки своекорыстной плутократии и та стала поддерживать ее насильственными и жестокими мерами, а демократы повели себя самым гнусным образом (вступили в сговор с олигархами и те стали угрожать родине, как это недавно имело место и в нынешней России), к власти пришел военный человек, храбрый Агафокл. После принесенной им торжественной клятвы соблюдать существующее государственное устройство (так сказать, конституцию) его избрали в стратеги. Свое положение и влияние он использовал в направлении, в котором его подталкивал народ Сиракуз (прежде всего бедные и средние слои общества). Он стал физически истреблять своих противников, особо многочисленных именно среди олигархов. С помощью солдат и черни он организовал кровавое избиение этих господ. Р. фон Пёльман подробно описывает сложившуюся тогда в Сиракузах ситуацию: «Все ужасы социальной революции обрушились на преследуемых; и очень возможно, как сообщают наши источники, что страсти народных масс и в данном случае были возбуждены обещаниями уничтожить долговые обязательства и произвести передел земли. Это делает понятным то настроение, при котором предводитель масс, после притворного сложения с себя должности, был провозглашен стратегом-автократом, т.е. неограниченным повелителем Сиракуз». Естественно, что реакция различных кругов общества на такие его решения была диаметрально противоположной. Одни любили тирана, называли «добрым и любящим свой народ» (и это была святая истина), другие его люто ненавидели и заявляли, что правил он, как «свирепый тиран, преследовавший имущих и

образованных, но был примерным покровителем черни» (и это тоже было абсолютной правдой). Причина разброса мнений понятна: одни выражали чаяния большинства народа, другие – настроения кучки богачей.

Вооружение греческих гоплитов

У историков, пишущих о Дионисии, сицилийском Геракле, даже сегодня можно видеть совершенно диаметральные отношения к этой сильной личности. Одни в нем видят защитника низших слоев, т.е. большинства народа Сиракуз, другие же – тирана, гонителя аристократов и богачей. В числе первых можно назвать Филиста Сиракузского, сторонника тирании Дионисия Старшего, автора «Истории Сицилии», от которой практически не сохранилось ничего. Противники Дионисия приводят слова Феодора: «Каждый раз, как после массового убиения граждан оставшиеся в живых задумывали свергнуть тиранию, он снова и снова объявлял войну карфагенянам – страх перед нарушением клятвенных договоров был слабее, чем страх перед еще не уничтоженными тайными организациями сицилийцев». Феодору предпочтительнее была политика карфагенян. Поэтому он, говоря о них, указывает: «Карфагеняне, если даже и побеждали в войне, довольствовались тем, что брали с нас умеренную дань и не мешали нам жить в нашем государстве по нашим отцовским законам; Дионисий же грабит храмы и отнимает имущество честных людей вместе с их жизнью… Все те ужасы, которые происходят при взятии городов, он учиняет в мирное время. Для нас гораздо важнее, чем положить конец войне с финикиянами, положить конец тирану,

находящемуся в наших стенах». Кого имел в виду Феодор, говоря о тиране, ясно, как ясно и то, кого он защищал в своем труде. Всадников, аристократов, олигархов… Поэтому для него, как и для наших плутократов-иудеев, иудейский Карфаген (США, Англия или Израиль) не противник, а друг, в стенах которого, что случись, можно будет укрыться. Эти господа, убежавшие на Запад или пока еще тут пребывающие в надежде на возврат былого всевластия, имеющие двойное гражданство и финансово-коммерческие интересы, хранящие основную часть капитала «в своем Карфагене», ясное дело, осудят «Дионисия».

Актеры, снявшие маски

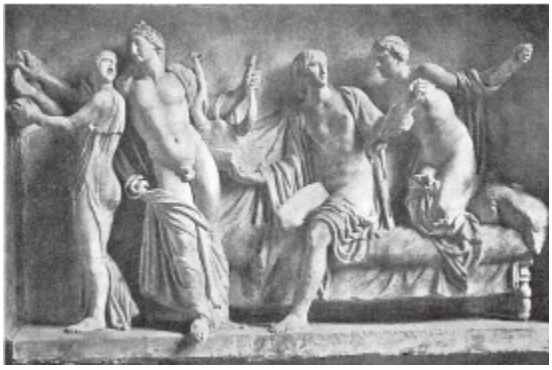
При нем была создана империя, воздвигнут великий город, организована мощная армия и флот. Состав гражданского общества в Сиракузах подвергся существенным изменениям. Подавив мятеж сиракузских всадников, Дионисий провел передел собственности: земли, дома мятежных аристократов конфисковали, лучшие из них он подарил друзьям и командирам наемных отрядов, остальные – разделил между гражданами и наемниками. Вместо казненных и изгнанных олигархов пришли так называемые неополиты (новограждане). Кем они были? Освобожденными на волю Дионисием и наделенными всеми правами гражданства рабами репрессированных аристократов и олигархов! Историк Н. Хаммонд, явно его осуждающий, признает тем не менее за ним личные таланты: отличался храбростью, был изобретательным, упорным, блестящим организатором десантных операций и пионером среди греков в осадном деле, имел заслуги в кораблестроении, был самым великим греческим командиром наемников и блестящим организатором спецслужб в эру непрерывных войн. И все же он пишет о нем

скептически: «Хотя Дионисий создал великий город, мощную армию и флот и крупную империю, сплоченного государства ему построить не удалось. Заполнив Сиракузы смешанным населением, он лишил город единства, необходимого для полиса, и заменил кровные узы общими узами политического рабства. Как он ни старался узаконить свою власть, объявляя себя освободителем, сохранив некоторые конституционные нормы и чеканя на своих монетах название Сиракуз или символ Сицилии… греки из Сиракуз и подчиненных государств не примирились с потерей политической свободы. Империю Дионисия связывали лишь стальные кандалы, которые он выковал, манипулируя людьми и деньгами. Успехи Дионисия были его личными успехами. У него почти не было советников и друзей, он жил в страхе перед предательством, сместил своего брата Лептина и изгнал своего сторонника, историка Филиста. Опору своему режиму он искал за морем – в Спарте, греческом государстве-тиране, и в Афинах, когда возродилась их морская мощь. В Греции Дионисий пытался воплотить свои амбиции, над которыми едко насмехались его враги – стать признанным трагиком».

Смеялись далеко не все. Каковы бы ни были достоинства его трагедий, политические достижения Дионисия вызвали в Греции гораздо больший интерес. Сиракузы посетят Платон и Аристипп, чтобы изучить этот пример единоличного правления (хотя оба и жестоко пострадали от Дионисия). Лисий, выступая на Олимпийском празднике в 394 году, призывал греков объединиться и освободить Сицилию. «Исократ, не питавший иллюзий о характере правления Дионисия, провозглашал его спасителем эллинизма и призывал его объединить Грецию против персов». Несомненнно, величайшей заслугой Дионисия было то, что он сумел, как подчеркивает историк, спасти греческую Сицилию от карфагенского завоевания, – не всякому на его месте это удалось бы. Однако на этом основании его все же еще нельзя считать «идейным защитником эллинизма».

Оплакивание погибшего

Тем не менее нельзя пройти мимо или просто отмахнуться от феномена Дионисия. Можно сколько угодно втыкать шпильки в тела мертвых тиранов (того же Ленина или Сталина), болтать о «маске народного защитника», что якобы носил Дионисий. Это чушь. Тайна их влияния проста: им не нужна была маска, ибо их любил народ, знавший, что они всегда на его стороне. «Сицилийский Сталин» находился у власти 38 лет, больше, чем российский коллега. И он сумел спасти Сиракузы от такого грозного противника, как Карфаген (как власть и правительство Сталина спасли всю Россию, Европу, мир от Гитлера). Где были тогда эти жалкие демократии?! Плакали и трусливо сдавали страну за страной. Дионисий из породы тиранов, несомненно, но другим не выжить в этом мире. Могучей империи римлян понадобилась сотня лет и концентрация всей мощи союзных армий, чтобы отбить бешеный натиск войск Ганнибала. А что касается якобы морали и благородства сиракузских аристократов и олигархов, полагаю, о них лучше скажет такой факт: в самом начале правления, после поражения от карфагенян в тяжелой битве под Гелой, аристократы нанесли коварный удар в спину. Не имея отваги и мужества сразиться с Дионисием в честном бою, они, пока он дрался за их общую родину, ворвались в его дом в Сиракузах, полностью его разграбили, изнасиловали жену (несчастная в отчаянии покончит с собой). Такова, друзья, демократия олигархов в действии. А разве нас с вами не изнасиловали еще более жестоким образом правители, отняв многие права и льготы?!



Алкивиад и гетеры. Неаполь

Тирания была осуждена демократической теорией, но народ более других помнил тирана и его (полувековую) власть в Афинах вспоминал добрым словом. Тогда демократическая легенда, отыскивая ему противовес, сделала в лице Солона ему предшественника, представителя законных конституционных начал демократии, от которого остались политические элегии в народническом духе. А раз установилось убеждение, что родоначальником демократии был Солон, его образ стал все более обрастать «идеализирующей фантазией и резонерством». Мы сегодня вспоминаем (думаю, не без ностальгии) недавние советские времена, при которых нас каждый день не взрывали, не убивали, не брали в заложники детей при полнейшем бессилии этой «демократии». Платон, глядя на разложение демократии в Афинах, прямо заявлял, что это устройство более походит на «отвратительную, гротескную театрократию». Думаю, он прав.

Когда заходит речь о том или ином политическом устройстве и государстве, в первую очередь проанализируйте имущественное и материальное положение его граждан. Историк, как и политик, должен четко понимать: истина всегда социальна, предметна и конкретна. Можно сто и даже тысячу раз назвать, скажем, нынешний строй в России «демократией», но он таковой не станет, как не станет слаще слово «халва», если ты повторишь его даже тысячу раз. Это – «ящик Пандоры», откуда, несмотря на его лоск, разлетаются по необъятной России тысячи бед и трагедий.

Взгляните, как живет основная масса народа – и вы поймете, кому выгоден этот строй… Чтобы представить себе уровень жизни и состояний древних греков в ту пору, приведем ряд цифр. В Афинах в V и VI веках до н.э. было немного богатых людей, но много тех, кто

владел суммой меньше таланта, а то даже и менее десяти мин, что являлось совсем уж небольшим состоянием. Но уже и одного таланта, как отмечает Гиро, якобы было достаточно, чтобы не относить себя к нуждающимся. Упоминание же о состоянии от двух до пяти талантах встречается довольно-таки часто. К примеру, наследство оратора Эсхина равнялось пяти талантам. Имущество Кристобула оценивалось Ксенофонтом в 500 мин, и он уже считался богатым. Дикеоген (не путать с Диогеном) имел 800 мин годового дохода (то есть что-то около 11 талантов). Тимократ владел 10 талантами. Торговец по имени Диодот имел 14 талантов, а отец Демосфена оставил после себя 15 талантов. Это состояние представляется уже весьма значительным, если принять во внимание набегавшие проценты (в том случае, если владелец пускал деньги в оборот) и низкие цены на продукты. Некоторые были еще богаче: Онетор имел состояние в 30 талантов; Конон – в 40 талантов; Стефанос, сын Фалла, и Пасион – по 50 талантов каждый. На первом месте среди тогдашних богачей в Афинах находилась семья Никия.

Имущество этого человека оценивалось в 100 талантов. Его сын Никерат считался самым богатым из афинян, что погубило его во время правления тридцати тиранов. Еще более богатым считалось семейство Каллия. Его основатель, Каллий I, скупал имущество Писистрата всякий раз, когда того изгоняли из Афин, тратил большие суммы на разведение лошадей, был победителем на олимпийских играх и выдал огромное приданое за своих трех дочерей. Его сын, которому он оставил состояние, хотел выстроить дом на Акрополе – священном для всех афинян месте. Но затем сынок ухитрился наследство промотать, так что к 385 году у него оставалось не более двух талантов. Состояние Алкивиада доходило до 100 талантов, и значительную часть оного он, как утверждали, тратил на пиры и гетер. Однако те же греки под демократией понимали не только право на безудержное накопление капиталов любым способом, а и священное право народа на конфискацию капиталов богатых людей. Ведь уж тогда прекрасно знали: капиталы эти нажиты далеко не праведным способом. Конфискованное имущество некоего Дифила во второй половине VI века до н.э. оценивалось в 160 талантов, а по древнегреческим понятиям – это был явный олигарх.

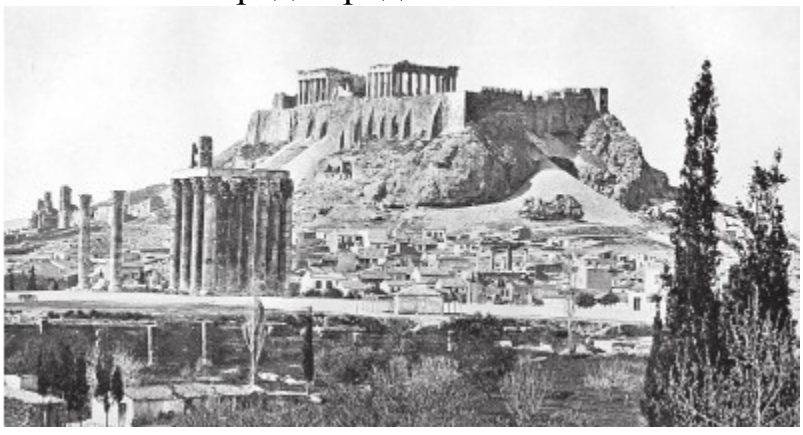
Правда, Гиро уверяет: «В общем, в Афинах имелось несколько крупных состояний, но их было немного и, кроме того, они недолго сохранялись. Преобладали главным образом средние и мелкие состояния. Бедных было очень много, если верить современникам, то в 322 году до н.э. только девять тысяч граждан из двадцати одной владели суммой больше одного таланта». Это и был греческий средний класс. На основании вышесказанного можете сами сделать выводы. «Демократия» у нас – это все-таки преимущественно олигархическое правление, хотя и в маске демократии. Очевидно, что бедных у нас очень много, богатых же – очень мало, кучка. Но пока о случаях конфискации неправедно захваченных имуществ и богатств, по крайней мере до сих пор, в России никому не известно. Хотя пресса и телевидение, находящиеся на тайном или даже явном содержании у олигархических кланов (через рекламу и проч.), пугают народ тираном.

Образцы греческих монет

О том, что демократия в Афинах в отдельных случаях была завоеванием народа, а не только кучки богатеев и прохвостов, использующих этот лозунг к их выгоде, говорят события. Так, после того как с помощью Спарты к власти в Афинах вернулась группировка правых, олигархи предприняли попытку повернуть общественную и политическую жизнь страны вспять (вернуть к досолоновским временам), сведя на нет последние завоевания народа. Тогда афинский

народ восстал и изгнал спартанцев вместе с главой аристократов Исагором. Власть перешла в руки Клисфена, который провел свои знаменитые реформы (509 г. до н.э.). В чем состояла главная суть его реформ?

Отметим два важнейших момента… Во-первых, он разрушил деление общества на «чистых» и «нечистых». Старая же организация предполагала деление на 4 филы (пережиток родового строя), в которых заправляли аристократы. Солон оставил их в неприкосновенности. При такой организации все дела в стране решала их партия, выродившаяся в антинародный организм. Народ при Солоне не имел никакого доступа к управлению. Аристократ по рождению, Клисфен нанес ощутимый удар афинской родовой аристократии, покончив со старым административным делением Афин, сохранявшим пережитки родовых кланов в стране. Создал 10 фил, придав им функции территориальных округов. Дальнейшие реформы завершат процесс образования нормального государства. Надо сделать то же и в России, где на диво всему миру сохраняется средневековье в лице вотчинных республик. Во-вторых, чтобы голос народа с мест был услышан, Клисфен организовал Совет пятисот, от каждой филы избрав по 50 человек. Им же была создана коллегия стратегов (10 человек). Ее выбирали, а не назначали по жребию. Стратеги руководили военными делами в государстве и должны были ежегодно отчитываться перед народом.



Вид на Афины и Акрополь из долины Илисса

Если они обнаруживали талант и были верны долгу, то могли переизбираться на эту должность сколько угодно раз. Клисфен ввел такое средство борьбы с врагами государства, как «остракизм» (греч. ostrakismos – «суд черепков»). Эта практика была введена для того,

чтобы убрать от власти людей, угрожающих демократии, порядку в афинском государстве. Аристотель отмечал, что в полисах с демократическим правлением существовала такая мера как остракизм. К примеру, в Афинах могли подвергнуть преследованию и осудить любого человека, заметим, нередко даже не за преступление, а за отсутствие того, что греки звали «гражданской добродетелью», то есть за недостаточное уважение и внимание к интересам и нуждам родного полиса. Для вынесения приговора собиралось народное собрание. И если 6000 голосов подавалось за изгнание провинившегося политика из пределов страны, тот обязан был покинуть пределы отечества на 10 лет (порой его возвращали и ранее назначенного срока). Энгельс видел в этом революцию. Полагаю, ближе к истине Л. А. Остерман: «Реформы Клисфена поставили Афины на путь последовательного развития демократии, так что некоторые исследователи именно Клисфена считают ее родоночальником». Хотя реформы в Греции шли трудно и растянулись на 100 лет, заслуги Солона, Писистрата, Клисфена народ всегда ценил и помнил.

Благосостояние греков во времена Писистрата

И тиран Дионисий крайне редко прибегал к насилию и соблюдал законы, ибо был силен волею народной… Он выступал покровителем поэтов, философов (несмотря на жестокие споры с Платоном), финансировал и поощрял грандиозные общественные работы, вместе с гражданами самолично работал на возведении стен вокруг Сиракуз, храмов и гимнасий. Нередко устраивал пиры, раздачи подарков народу. Дочерей назвал именами Правосудие, Самообладание и Добродетель. Он был скромен в поведении, лишь изредка позволяя себе носить знаки особого отличия (золотой венец, пурпурное одеяние). Полагаем, Корнелий Непот не прав, говоря, что «единственной его страстью была единоличная пожизненная власть». Народ его любил. Мастера и

ремесленники любили его за то, что он поддерживал производителей. Дионисий дал им то, что более всего ценят, – постоянную работу. Диодор отмечал и мудрую политику, направленную на сохранение высокой обороноспособности страны: «Он собрал много умелых ремесленников, распределил их по разным специальностям и поручил присмотр за ними самым влиятельным горожанам, обещая оружейникам богатые дары. Он роздал им образцы каждого вида вооружения, поскольку наемников он набирал из разных племен. Он заботился, чтобы каждый солдат был вооружен оружием своего племени, рассчитывая, что тем самым армия будет наводить больший страх, и что каждый его соратник в бою будет лучше управляться привычным оружием. Сиракузяне с воодушевлением поддержали политику Дионисия, началось соперничество за изготовление оружия. Все место было занято людьми за работой…» И хотя у него были уязвимые места (он был так недоверчив и подозрителен, что к себе не подпускал даже цирюльника; волосы ему опаляли тлеющим углем), тем не менее, «он умер в своей постели, несмотря ни на что, невредимый от громов Зевса» (Дж. К. Дэвис).

По свидетельству Т. Гомперца, «начиная с Клисфена (конец VI в. до н.э.) почти до половины пятого столетия, борьба сословий, бушевавшая до того времени во всей Греции и преимущественно в Афинах, почти совершенно затихла, а затем, за исключением отдельных проявлений (например, убийство Эфиальта), вплоть до Пелопоннесской войны, протекала в гораздо более мягких формах…». Как видим, даже греки, воспитанные преимущественно в демократических традициях, все же охотно соглашались с тиранническим правлением, хотя лишь в тех случаях, когда их собственная демократия не выполняла своего главного предназначения: служить большинству свободных граждан. Писистрат трижды возглавлял власть в Афинах.

Проницательный философ

У него среди историков есть как сторонники, так и противники (хотя последних, пожалуй, и больше). Скажем, Юстин писал о том, что он одержал победу «не для отечества, а лично для себя». Геродот утверждал, что аттический народ якобы был угнетен и раздроблен Писистратом. Аристотель отмечал, что за время тирании тот два раза подвергался изгнанию. Однако все они вынуждены признать и достоинства этой выдающейся личности. Геродот отмечал как достоинство то, что он не менял прежних законов, а управлял государством правильно и честно, согласно давним порядкам. Плутарх заметил, что тот всегда занимал сторону бедных, а потому и «толпа была готова защищать Писистрата». Он сумел привлечь на свою сторону даже Солона, то есть своего политического противника. Тот «стал его советником и одобрял многие его мероприятия».

Благодаря его законам «в стране улучшилось земледелие, а в городе стало спокойнее». Афиней отмечает, что Писистрат был щедр и великодушен, умерен в наслаждениях. На своей земле и в саду он не ставил охрану, но «позволял каждому, кто желал, приходить туда и брать все, в чем он нуждался…». Ему в этом позднее подражал Кимон… В другом месте Плутарх говорит о роли тиранов как правителей, и оценивает ее весьма высоко. Как бы ни пришли они к власти, но «потом правили добродетельно и по законам, так что сделались умеренными и полезными для народа властителями, блюдущими благозаконие, заботливыми о земле и сумевшими даже самих граждан из болтунов и насмешников сделать разумными и трудолюбивыми». Писистрат был доступен и прост в обращении,

дальновиден и мудр. Он сам явился в суд, когда его однажды обвинили в убийстве. Р. Виппер отмечает: «…до Солона было общее задолжание и разорение крестьян и все земли перешли в руки немногих, Солон сделал первый шаг к облегчению бедных, уничтожив долги; Писистрат довершил социальный переворот, открыв прямую поддержку мелким землевладельцам: при нем наступает для крестьян настоящее царство Крона (т.е. золотой век)». Он терпеть не мог партий, видя в них источник пустой болтовни. При нем на деньги общества энергично строились дороги, водопроводы, храмы. Он привлек в Афины художников, особенно из стран, покоренных Персией. Стараясь поддерживать национальный капитал, он смог активно привлечь его на свою сторону, что в принципе должен сделать «русский Писистрат» или «Перикл».

Заметим, что демократия греков неплохо умела защищаться, не допуская анархии. Внимательно и строго следит государство за тем, чтобы народ соблюдал установки патриотизма. В ту демократическую пору всех наших так называемых демократов давно бы побросали со скалы или забили бы насмерть камнями (при всеобщем восторге и одобрении граждан). В Спарте матери, узнав о поражении при Левктрах, не имели право даже демонстрировать свою радость при известии о том, что их сын жив. Если это требование может показаться современному обществу чересчур жестоким, то правило, согласно которому философ, писатель, человек науки, и уж тем более любой купец или олигарх не имели права пренебрегать интересами государства и народа, эта идея представляется в высшей степени закономерной, необходимой и демократичной. По какому праву те, кто гораздо большим обязаны обществу, чем своему труду, цинично и с вызовом заявляют о полном безразличии и равнодушии к судьбам отечества?! Такой человек – паразит и обуза для любой страны и любого общества. Он его разлагает и ведет к гибели. Греки бдительно наблюдали за тем, каков облик и поведение граждан. Всех, заподозренных в злонамеренном действии или даже только в намерении, подвергали строгим наказаниям. Самый известный случай, конечно же, казнь Сократа, но ведь изгнали и Аристида, который вообще не совершал никакого преступления против общества и даже не подозревался в нем.

После ухода Писистрата сыновья продолжат его курс. «Будучи тиранами, сыновья Писистрата отличались в высшей степени достохвальным поведением и трезвой политикой; они украшали город, успешно воевали и исполняли религиозные обряды», – писал Фукидид. Они следовали курсу отца, курсу по поддержке, как мы бы сказали, собственного производителя и торговца, снижая прямые налоги. Имея солидные финансовые резервы, они стали взимать лишь двадцатую часть всей натуральной продукции Аттики. Поддержку получили искусство и культура, а также усилия по деторождению.

Гиппарх сам сочинял стихотворения и куплеты, что вырезались на могильных камнях (гермах). Он организовал доставку гомеровских поэм с оккупированного персами Хиоса в Афины (те давно были записаны Гомеридами и там хранились). Чтение поэм Гомера становится важной частью праздника Панафиней. Добавлю, что при них из изгнания возвратились некоторые представители ведущих родов. Хотя тираны и не конфисковали имущества своих противников из знатных родов (подвергшиеся остракизму политики не лишались греками собственности и их поместий, что, на наш взгляд, было роковой ошибкой), но они в дальнейшем не смогли найти общий язык со знатными политическими группами Алкмеонидов и проч.

Классическая герма. V в. до н.э.

Обосновавшись в Дельфах, как иные наши беглецы в Англии, США, Израиле, Европе, те не утихомирились, стремясь всячески вредить Афинам. Результаты такой политики быстро сказались. Вскоре вызрел заговор. На Панафинейском празднике Гармодий и Аристогитион убили Гиппарха, руководствуясь личными мотивами, а вовсе не политическими интересами или желанием принести свободу (в 514 г.). Гиппарх был убит, а Гиппий, правивший еще четыре года, вынужден был в итоге бежать (510 г. до н.э.). Греки воздвигли «тираноубийцам» на рыночной площади Афин памятник. Их «подвиг» ежегодно отмечался официальной церемонией: все хором пели песню во время званых обедов с хвалебными словами в адрес убийц:

Под листьями мирта мечи понесем,
Подобно Гармодию с Аристогитоном,
Когда поразили тирана мечом
И сделали равными всех пред законом.

И хотя греки воспевали тираноубийц, прославляя их за то, что, убив «тирана», якобы вернули на афинскую землю равноправие, на деле те приблизили наступление смуты в Греции. К тому же в подоплеке сей истории лежала вовсе не любовь к родине, а обычная ревность гомосексуалистов… Гиппарх, брат афинского тирана Гиппия, захотел соблазнить Гармодия, но был им отвергнут. Тогда он оскорбил сестру Гармодия и надругался над ней. Любовники Аристогитон и Гармодий его убили на виду у всех и были убиты сами. Как видим, эта история не имеет ничего общего с политикой и борьбой за свободу (если не иметь в виду свободу половых отношений между схожими полами). Акт гомосексуалистов приблизил войну с могучей Персией, став косвенным предлогом для вмешательства в дела Греции.

Критий и Несиот. Гармодий и Аристогитон

Персия оказывала покровительство тиранам Самоса и Афин. Вдобавок ко всему Спарта напала в 524 году до н.э. на персидского ставленника, самосского тирана Поликрата. Тот имел крупнейший флот в восточной части Эгейского моря. Будучи настроен проперсидски, он представлял некую угрозу для Греции. Таким образом, к 510 году до н.э., когда все острова вдоль побережья Малой Азии оказались в руках персов, а Дарий двинулся в Европу, перед греками замаячила перспектива столкновения с персидской державой. Все последующие события, среди которых были битвы меж полисами, создание союзов Спарты и Афин, схватки с персами на суше и море, неизбежно придется рассматривать под углом зрения их противоборства. Однако мы чуть забежали вперед и должны вновь вернуться к рассмотрению вопроса о политическом строе.

Известно, что Греция была расположена к республиканскому правлению, а не к тирании. Та выполняла (что бы ранее не говорилось) у них функцию скорее временного учреждения. Поэтому даже сильные тираны в Греции долго не удерживались. Но и демократия не представляла собой постоянное учреждение. Она многолика, как и понятие «охлос». В одном случае это «толпящийся народ», в другом – общее собрание, которое собирают для решения важных государственных вопросов, в-третьем, как видим у Аристофана, –

сборище плутов или актеров, которыми манипулирует бог богатства Плутос… У Аристофана и Еврипида охлос представляет собой скорее граждан, чем просто толпу людей. Геродот употреблял слово охлос для дефиниции больших масс людей и крайне редко. В устах глашатаев аристократического правления охлос имеет явно негативный облик. Фукидид увидел в афинянах или сицилийцах лишь неразумную «перемешанную толпу». Охлос – это худшая часть демоса. Примерно в том же духе высказывался Ксенофонт, но еще определеннее. Пренебрежительно-презрительное отношение к толпе сближает Ксенофонта с другим учеником Сократа, Платоном. Для Ксенофонта неприемлемо то, что охлос требует равенства, а не вознаграждения по его трудам и заслугам. Феогнид в отношении плебса высказывался еще жестче:

> Крепко пятою топчи простодушный
> народ, беспощадно
> Острою пикой коли, тяжким ярмом
> придави!

Исократ же, в отличие от многих, всегда отделял охлос от народа… Так, в речи «К Никоклу» он пишет: «…Одни почитают тех, кто способен произносить речи перед толпою, другие же – людей, умеющих управляться с делами». В другом месте он же говорит: «Знай, что из всех форм правления – и олигархических, и всяких иных, – те дольше других сохраняются, которые лучше всего заботятся о народе. Ты сможешь отлично управлять народом, если не будешь позволять бесчинствовать толпе и не станешь спускать бесчинства над нею другим». Есть над чем подумать.

Одиссей, слушающий пение сирен. По Генелли

Мы, являясь, как и автор «Всеобщей истории» Полибий, сторонниками умеренной классической демократии, не поклоняемся слепо ни одному виду власти. Власть в чем-то подобна бесчувственному божку. Однако все равно приходится выбирать из разных ее видов и типов. Полибий выделял два типа власти. Один (положительный) включал в себя следующие виды: царство (единовластие), аристократию (власть избранных) и демократию (народовластие). Другой (отрицательный) состоял из: монархии – власти, осуществляемой одним, хотя и не достойнейшим, действующим по доверенности в угоду алчности и гордыни; олигархии – власти немногих, но также не лучших (не тех, кто избран народом за их ум, достоинство, благородство), а кучки захватчиков, заполучивших богатство и власть случайно и использующих их в личных целях; наконец, охлократии – власти народа, но не как организованного, разумного, просвещенного целого, а как стихийно действующей толпы, увлекаемой дикими инстинктами. Полибий считал, что один вид власти временами, по законам природы, перерастает в другой: «Когда царское управление переходит в соответствующую ему по природе извращенную форму, в тиранию, тогда, в свою очередь, на развалинах этой последней вырастает аристократия». Когда аристократия выродится по законам природы в олигархию и разгневанный народ выместит обиды правителей (а точнее, обиды, нанесенные ему правителями), тогда и нарождается демократия. «Необузданность народной массы и пренебрежение к законам порождает с течением времени охлократию». Но и демократия, в свою очередь разрушаясь, переходит в беззаконие и

господство силы. Привыкшая кормиться чужими состояниями и богатствами толпа выберет в вожди отважного честолюбца, а сама вследствие бедности и невозможности заниматься политикой устранится от должностей. И тогда вновь наступает господство силы.

Кратер из Дипилона

Собравшаяся вокруг вождя-узурпатора толпа, завороженно слушающая его (как Одиссей – пение сирен), совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает окончательно. Тогда она вновь считает для себя необходимым избрать очередного самодержца. «Таков, – считает Полибий, – круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно которому формы правления меняются, переходят друг в друга и снова возвращаются». Забегая вперед, скажем: сила Рима заключалась в том, что тот избрал не какой-то один вид власти, а умно и тонко соединил в государстве все три положительных вида власти. Иначе говоря, он, как известно, прогнал царей, однако не давал особой воли ни олигархам, ни охлократии. По мысли Полибия, консульская власть в Риме воплощала принцип царства (жесткая и сильная, отвечающая за свои поступки), сенат воплощал в себе принципы аристократизма (мудрость и талант), в комициях осуществлялся принцип демократии (тут царствовал народ и он же контролировал решения и действия консулов, принципов, императора, аристократии). Полибий ратует за вид некой синтетической власти. Понятно, что такая власть не могла выступать против частной собственности, если та не приняла форму олигархии. Платон, породивший некоторые «социалистические тенденции», выступавший в «Республике» за общность имуществ, в «Законах»,

сочинении, где сказано об устройстве реального, а не идеального государства, является также сторонником частной собственности.

Греки и римляне, позволим сделать предположение, были не глупее нас с вами, но, заботясь о правах собственников, они все же не превращали эту частную собственность в главное божество государства, в священный закон общественного строя. Они четко следовали принципу сохранения чувства меры в этом вопросе. П. Гиро подчеркивает: «Они не допускали, чтобы общественный интерес отступал когда-либо перед интересом частным, так что всякое посягательство на это право (на частную собственность. – *Ред*.) казалось им законным, если только общество может извлечь из этого какую-либо выгоду. Затем права гражданина, даже его частные права, были ценны в их глазах только до тех пор, пока какой-либо гражданин сам выполнял все свои обязанности по отношению к государству, и достаточно было кому-нибудь только прослыть плохим гражданином, не говоря уже о том, чтобы быть им в действительности, чтобы закон перестал защищать их». У нас же в России закон пока только и занимался тем, что зачастую защищал тех, кто является не просто «плохим», но порой «очень плохим гражданином». Так какую же, простите, «демократию» мы строим?! Уж не ту ли «демократию», которую некогда с пеной у рта воспевал иудей Филон? Или, быть может, «демократию», которая покрывает воров и бандитов, уберегая их от карающего меча правосудия, позволяющая им избегнуть высшей меры – казни?!

Риторика и софистика в греческом обществе

Уже в те времена ораторское искусство высоко ценилось у всех народов. Моисею пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить свой народ в необходимости покинуть Египет. В древних египетских текстах встречаем прямые указания на то, сколь высоко ценили риторское искусство: «Речь сильнее, чем оружие!» или: «Будь искусен в речи, и ты победишь». Первый трактат по риторике, как утверждают источники, принадлежал оратору Кораксу, ученику Эмпедокла. Ему же принадлежит и такое выражение: «Красноречие есть работница убеждения». Видимо, эти мастера умели увлечь даже скептиков-греков мастерством ораторского дара, как Орфей когда-то увлекал своим пением многочисленных слушателей. Пройдет время, прежде чем многие поймут: риторика и софистика – обоюдоострое оружие, которым следует пользоваться осторожно. Кто блистал на философской и риторской аренах? И кого выбрать в собеседники? Выбор не прост. По словам Цицерона, вся Греция «поистине пылала страстью к красноречию и долгое время им славилась и преуспевала в нем больше других государств». Известно, прекрасным оратором был и упомянутый Перикл.

Орфей, поющий песни зачарованной публике

Почему эти искусства явились на свет? Битва афинской демократии с образом правления в Спарте привела к серьезному кризису в миросозерцании греков… Кризис достиг апогея в период Пелопоннесской войны (так называют серию войн за господство над Грецией между демократическими Афинами и олигархической Спартой в 431—404 гг. до н.э.). Естественно, что в борьбе сторон в ход шло любое оружие, включая и такое мощное, как слово. Ведь Герцен справедливо называл софизм «торжеством юношеского упоения в науке». Это было вступление в философию. Софизм – песнь брызжущего энергией младого греческого разума… Как явление, софизм гораздо значительнее и глубже простой публичной риторики. Риторика может стать оружием и невежд, глупцов, плутократов и негодяев. Софийность же – совершенно особое свойство вдохновенной, мудрой, высоконравственной души. Именно так ее определяет отец Флоренский, видя в ней осуществленную Мудрость Божью. София (Премудрость) по отношению к твари, каковой является человек, выступала и выступает в роли ее ангела-хранителя. Она выступает «божеством» всех идеальных личностей мира.

Термин «софист» появился в Древней Греции в V веке до н.э. и первоначально означал просто-напросто умного человека, или мудреца (sophos). Появление его в обществе связано с некоторым ослаблением позиций древней мифологии и космологии. Софисты стали учителями и глашатаями «общественного человека». Они были близки скептическому настроению народа. Вот как описал А.И. Герцен назначение философа-софиста в то время. Наука черпалась из жизни и

тотчас погружалась в нее. Деятельность философа в Греции не ограничивалась школой, в стенах которой споры могут длиться веками, прежде чем кто-то услышит их. Тогда философ был преимущественно учителем народа, то есть тем, в задачу коего входило давать ему советы. Поэтому столь значима его роль в обществе. Эмпедоклу и Гераклиту предлагали корону. Зенон погиб в геройской борьбе. Уважение к Пифагору порой доходило до божественного поклонения. Перикл ходил по Афинам, вымаливая софистикой у толп прощение ученому Анаксагору. Филипп Македонский благословлял судьбу за то, что сын его родился в эпоху Аристотеля. Афиняне хотя и казнили Сократа, но Платона называли «божественным». Но затем философы древности стали отходить от дел площади, с сожалением видя страшную болезнь, пожиравшую древний порядок вещей. Эта смертельная болезнь (демагогия) имела не одну, но много причин.

Евфроний. Пелика с ласточкой

Софисты желали донести знания народу, желающему слушать и слышать. Плод их состоял из двух половинок – диалектики и риторики. Тот, кто вкусил первую из них, овладевал искусством рассуждения, кто познал вторую – искусством убеждения. А.Ф. Лосев заметил, что и сама греческая софистика является не чем иным, как «греческим Просвещением». Видимо, в значительной мере это так. Ведь что представляли собой софисты? По сути дела, все они были бродячие учителя, проповедники законов, неких истин. Античное красноречие, совпавшее с периодом расцвета рабовладельческой демократии, пользовалось большой популярностью у широких масс населения. В известном смысле ритор становился некоронованным королем античности. Имена Исократа, Демосфена, Эмпедокла,

Цицерона у всех на устах. Софисты впервые заговорили о силе слова, создали теорию красноречия, блестяще применяя ее на практике. Они разъезжали по городам и обучали людей понятиям и законам. При этом умели даже «слабейший аргумент сделать сильнейшим». Таких виртуозных ораторов Платон называет «Дедалами речей» (Протагор, Горгий, Тисий, Гиппий, Продик, Пол). Впрочем, он же устами Сократа сказал, что хотя «душа питается знаниями», грек часто сталкивается с опасностью быть надутым софистом. Как и политики, те зачастую приторговывают любым «товаром», даже гнилым («расхваливают все ради продажи»). Многие из них «развозят знания по городам и продают их оптом и в розницу всем желающим». Народ толком даже не знает, хороши ли те вещи, что они продают («Протагор»). Иные особенно преуспели в искусстве демагогии.

Греческий рельеф

Самыми знаменитыми софистами были Протагор, Горгий, учитель Сократа – Продик – и другие… Протагор из Абдеры (480—410 гг. до н.э.) жил на побережье Фракии, в греческой колонии, и родом был из простой семьи. О его пути в науку и риторику известно немногое. Говорят, когда с ним познакомился Демокрит (также родом из Абдеры), тот носил дрова. Жизнь его протекала скучно и однообразно. Вскоре он счел, что лучше доносить мысли, чем дрова. Сведения о нем отрывочны: знакомства с Демокритом и с Сократом (тот был моложе его на 15 лет). Прибыв в Афины, он познакомился с правителем Периклом. Вскоре он стал известен как общественный учитель (в прямом смысле слова). Свои произведения он читал вслух, подобно рапсодам и поэтам. В то время не было еще ни учебных заведений, ни учебников. Главным средством обучения являлась

поэзия. Стать образованным, по словам Платона, значило «стать сильным в стихотворении». Гегель отмечал, что в то время обучение с помощью стихов и речей было примерно тем же, чем у народов Европы позже станет обучение библейской истории при помощи библейских изречений и цитат из изречений святых отцов. Софисты знакомят людей не только с поэзией, но с игрой мысли, творениями ума философов. Видимо, успехи Протагора были действительно велики, раз на него обратил внимание Перикл. «В общении с такими людьми Перикл развивал свой ум, получая подготовку к красноречию, ибо в духовном занятии, какого бы рода оно ни было, может быть великим лишь образованный ум, а истинное образование возможно лишь посредством чистой науки. Перикл был великим оратором, и мы видим из Фукидида, каким глубоким пониманием государства и своего народа он обладал». Можно позавидовать как философу, так и правителю, которые нашли друг друга. Мы же знаем, как редко наши правители обращаются за советами к мудрейшим и знающим людям эпохи, считая это зазорным.

Если рассматривать софистику «с положительной стороны» (что мы и делаем), то главной заслугой Протагора стало помещение человека во главе ценностного, да и вообще материального мира. Основное положение своей философии он выразил такими словами: «Человек есть мера всех вещей, тех, которые существуют…» Двусмысленную часть его суждения мы пока не рассматриваем, хотя и оно играет весьма существенную роль – особенно при определении эгоизма и индивидуализма. Важно то, что Протагор увидел в разуме и человеке опору всего существующего. Это – «великое слово» (Гегель). Труды его до нас не дошли, хотя их было немало («Наука спора», «О борьбе», «О знаниях», «О государстве», «О сущем», «Великое слово», «О честолюбии», «О добродетелях», «О неправильных людских деяниях», «О том, что в Аиде»). Его сочинение «Антилогии» сохранилось лишь в отрывках и преданиях. Надо сказать, что Протагор и его коллеги были в Афинах популярны. На их выступления люди шли не только ради познания, но и ради эстетического удовольствия. Он научил их видеть различия в явлениях, отличать, как говорят, две стороны медали в событиях и вещах. Протагор «первый сказал, что о всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу» (Диоген Лаэртский), дал научное обоснование самой возможности иметь свою

собственную точку зрения. У Платона в диалогах Протагор говорит: «…Какой мне кажется каждая вещь, такова она для меня и есть, а какой – тебе, такова же она, в свою очередь, для тебя» («Теэтет»).

Горячие споры греков по любому поводу

Эллины охотно следовали утверждению: «Следуя по стопам Протагора, эллины часто говорили, что о всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу» (Климент). При определенных условиях, исповедуя подобную философию, можно стать на путь релятивизма и агностицизма, а то и на путь скептицизма, полнейшего цинизма. При том разнообразии людских умов, нравов, образования, воспитания, культур, вероисповеданий, интересов, желаний, целей и намерений – учение Протагора давало почву индивидуалистическому инстинкту. Как известно, он ввел в обычай публичный диспут. Диспуты эти, словно зараза или ветрянка, охватили Грецию. Народ так ими увлекся, что стал спорить по любому поводу и без повода.

Диоген Лаэртский констатирует: возникшие школы риторики стали учить эвристике, т.е. умению вести споры. И не только… Педагоги за свой труд стали требовать деньги, и немалые. Протагор первым ввел плату за обучение, беря со слушателей за урок до 100 мин (более половины таланта). Учителя быстренько сообразили – дело это очень выгодное. Неуемное племя спорщиков становилось все обширнее. Школы плодились, как кролики. Впрочем, иные из аналитиков (типа Протагора) пользовались немалым авторитетом и у политиков. Известно, Перикл поручил Протагору подготовку законопроектов для новой греческой колонии в Фуриях (444 г. до н.э.). Чем объяснялся столь головокружительный его успех? Восхищением его мудростью и познаниями? Скорее чрезвычайным удобством его релятивистских одежд. По Протагору, все в мире относительно: нет ни

абсолютной истины, ни абсолютных моральных ценностей, ни абсолютной власти. Сей сугубо прагматический и циничный взгляд на действительность позволяет легко менять принципы и ориентиры, с такой же легкостью, как одежду при любой погоде.

Фигура греческого мудреца

Пока был жив его друг, великий Перикл, все для Протагора складывалось более или менее сносно. Но когда Перикл скончался, все изменилось. Близость к правителям всегда несет в себе опасность. Ревнивое окружение или недруг не преминет отомстить «счастливчику» при первом удобном случае. Лишенный защиты вождя, Протагор был обвинен в нечестии и изгнан из Афин, а его книга о богах (предмет гонений) была сожжена публично по приказу государства. Произведение начиналось словами: «О богах я не могу ничего знать, ни того, что они существуют, ни того, что они не существуют, ибо многое мешает познанию этого; мешает этому как темнота предмета, так и кратковременность жизни человека». Его приговорили к смерти, но решили помиловать, изгнав из Афин. Во время переезда в Сицилию его корабль попал в шторм и он утонул.

Каковы итоги его трудов? Как отмечают итальянцы Д. Реале и Д. Антисери, его знаменитая аксиома («Человек есть мера всех вещей в том, что они существуют, и в том, что они не существуют») стала со временем на западе чем-то вроде magna charta, великой хартией западного релятивизма и заповедью индивидуалистов. А таким был и остается по сей день западный мир. Итак, с одной стороны, Протагор и

софисты своей деятельностью способствовали развитию ума, расцвету демократических порядков, ибо демократия – прежде всего индивидуальность. Греция подарила миру и «прекрасную индивидуальность, и прекрасную демократию» (Гегель). С другой стороны, идеи софистов, восторженно встреченные в трибуналах, ассамблеях, политических кругах (ибо позволяли в случае нужды вывернуть буквально наизнанку правду и истину), стали одной из предпосылок заката и гибели афинского государства. Греция в конце концов превратилась в захолустную провинцию Римской империи под именем Ахайя (с центром римской администрации даже не в Афинах, а в Коринфе). По мысли Гегеля, виной тому во многом и стали эти самые софисты-демагоги: «Прекрасную демократию погубил тот вид рефлексии, который культивировался софистами». Я все же не стал бы на бедных софистов возлагать весь груз ответственности за трагедию Греции. Хотя с другой стороны, видя, как политические болтуны России смогли всего за 20 лет превратить великую державу, мощное государство (а заодно народ-победитель) в жалкое подобие, в полурабов, невольно задумаешься.

Идеи Протагора были развиты и дополнены построениями софиста Горгия… Горгий родился на Сицилии и прожил более века (483—375 гг. до н.э.). Он искусно возвел здание риторики на фундаменте нигилизма. В трактате «О природе, или О небытии» в первой части он доказывал, что объективно ничего не существует; во второй части доказывал, что субъективно, т. е. если предположить, что бытие все же существует, оно все равно не может быть познано; и наконец, в третьей части Горгий пытается убедить в том, что если субъективно и объективно бытие все же существует, если оно познаваемо, нет никакой возможности сообщить другим это познанное. Гегель, правда, указывает, что диалектика Горгия имеет «интересное содержание» и совершенно объективный характер, и это вовсе «не болтовня».

Ионическая капитель на дороге к Дельфам

Что привлекало Гегеля в рассуждениях Горгия? Чистая диалектика. Нас же куда более привлекает «диалектика грязная», то есть то, что и сам Гегель определяет как «здравый человеческий смысл». «Здравый человеческий смысл заключает в себе образ мышления, максимы и предрассудки своего времени, и определения мысли этого времени управляют им совершенно бессознательно для него», – пишет Гегель. Горгий заставляет нас вступить на путь мнений и ситуаций. Иные пытаются оправдать эту философию, считая ее вполне разумной и даже рациональной. «Это анализ ситуаций, описание того, что надо и чего не надо делать… Горгий, таким образом, один из первых представителей этики ситуаций. Ваши обязанности, говорил он, зависят от момента, эпохи, социальной характеристики; один и тот же поступок и хорош, и плох, в зависимости от того, к чему он относится» (М. Миглиори). Понятно, что человеку, находящемуся в самой гуще жизни, просто невозможно укрыться за «китайской стеной» релятивистской философии и там преспокойно пересидеть все бури и невзгоды. Горгий мог еще позволить себе бросить лозунг, что, мол, в этом мире «все ложно» (познание, бытие, истина). Это вполне в духе и вчерашних политиканов в России: бросить громкий лозунг и исчезнуть, оставив людей в отчаянии и полнейшем недоумении – как жить дальше, во что верить. В примитивном восприятии масс это часто означало следующее: «Пропади все пропадом» или «Гори все ясным пламенем».

Две маски – трагическая и комическая

Относиться несерьезно к такой философии невозможно. Она и сейчас популярна. Уйти в себя, уйти с арены борьбы, отдав все на откуп фиглярам и политическим прохвостам… Понятно, почему им восторгались чиновники и политики. Риторика в духе Горгия позднее даже станет «надежным штурвалом в руках государственного деятеля» (В. Йегер). И хотя следующее его высказывание относится к искусству, а не к общим вопросам бытия, многие деятели нашей эпохи взяли на вооружение и эту его фразу: «Обманывающий поступает лучше того, кто не обманывает, а обманутый – мудрее того, кто не обманут». Иначе говоря, этика Горгия признавала, что обман может быть законным инструментом в политической деятельности. Ведь мысль о том, что правда вовсе не обязательна, а народу хватит того, что его кормят иллюзией правды или истины, такого царского подарка правящая элита не могла не оценить по достоинству. Полагаю, тут налицо не столько «дурной идеализм нового времени» (Гегель), сколь циничный и подлый политико-экономический практицизм новейшего времени.

Маска раба и маска проститутки

Немало и у нас тех, кто умело играет словами, хоть им и далеко до греческих софистов. Ведь те выступали с целыми представлениями. «Появление известного софиста в греческом городе – целое событие. Зеваки глазеют на софистов, как на чудодеев, их сравнивают с борцами, одним словом, выступление софистов полностью ситуируется в рамках спорта. Зрители бурно поощряют их возгласами, удачный ответ встречается одобрительным смехом. Это игра в чистом виде: соперники ловят друг друга в сети силлогизмов, отправляют в нокаут, похваляются умением задавать противнику столь каверзные вопросы, что любой ответ на них всегда будет ложным. Когда Протагор называет софистику «древним искусством» – …он попадает в цель». Это древняя игра ума, которая еще в архаических культурах, на самых ранних стадиях, поочередно то соскальзывала из священнодействия в чистое развлечение,то возвращалась в чисто игровую состязательность (Й. Хейзинга).

Наши политические бойцы также иногда напоминают кулачных бойцов, норовя отправить идейного противника в нокаут, но вот в силлогизмах они как-то не очень сильны. Они даже не знают, что это за фрукт. Греки учились у философов. Поэтому Горгий и брал большие деньги за свои выступления. Говорят, что затем он даже поставил богу массивный золотой бюст в храме в Дельфах. Доморощенные наши горгии, продики, протагоры берут горы взяток и гонорары охотнее греков, при этом не утруждая себя чтением философов… Говоря о значении философии, Горгий привел афоризм: «Те, кто пренебрегает философией, занимаясь частными науками, похожи на женихов Пенелопы, что, добиваясь ее, совокупляются с ее служанками». Иные горгии в прессе, думе, чиновничестве охотнее «совокупятся» с богатыми и властными, выступая в роли «женихов Пенелопы». Его

циничную методику ловко использовали иные «реформаторы» в России, хотя уверен: ни один из них даже и не слышал о Горгии.

Горгий известен и своими олимпийскими речами, призывавшими к единству, а также тем, что сей ритор взялся обучать всех желающих риторике. Он обещал научить покорять людей речью, дабы те делались «рабами по доброй воле, а не по принуждению». Голубая мечта тиранов, олигархов и чиновников. Вот что значит уметь потрафить вкусам одновременно богачей и плебса. Горгию, единственному из греков, и поставили в Дельфах золотую статую. В отношении таких демагогов верна критика Платона. В диалоге «Софист» он рисует бессовестного дельца-лжеца, политика-софиста, способного надувать народ, подобно ловкому фокуснику («он из рода фокусников»). Так же действовала одна партийно-демократическая, академическая тля, которую некогда по воле судьбы наш народ вознес на корону Советской империи… Она сделала все, чтобы продать русский народ в рабство Америке, назвала это свободой и еще недавно с удивительным цинизмом заявляла (А. Яковлев): «Я думал, они все будут плясать от восторга и восхвалять нас (за нашу «демократию»). Почему они не пляшут?» «Лгать словами, лгать делами, лгать под клятвой – все при ней» (Тит Плавт).

Говорят, что Горгий был учеником Эмпедокла. Мы специально поставили его перед учителем, чтобы показать, что у великих учителей, увы, бывают и жалкие, ничтожные ученики. В понимании Платона такой софист – жалкий лицемер. Он «способен лицемерить всенародно, в длинных речах, произносимых перед толпою». Они (а я имею в виду наших «демократических» политиков всех мастей и «героев» последних лет) также способны до поры до времени «обольщать молодых людей и тех, кто стоит вдали от истинной сущности вещей, речами, действующими на слух, показывая словесные призраки всего существующего…». Обманывая других, господа безмерно при этом обогащаются. Горько видеть, как в новой России сей бездуховный плебс (включая псевдолитераторов и деятелей масскульта) купается в золоте, тогда как у истинных ученых, изобретателей, творцов зачастую нет куска хлеба. Надо, чтобы эти призраки исчезли с первыми лучами Солнца, которое непременно взойдет над Россией.

Солнце свободы и справедливости обязательно взойдет, если больше появится у нас умных и знающих бойцов истины. Аристотель приписал изобретение риторики пифагорейцу Эмпедоклу. Тот жил в Сицилии, в городе Агригенте (480—420 гг. до н.э.). Потомок островных дворян (его дед одержал победу на Олимпийских играх 496 г. до н.э.), он посвятил жизнь людям. Его учителя – Парменид и пифагорейцы. Правда, последние отстранили его от слушания уроков, обвинив в разглашении тайны. В нем сочетались таланты философа, ученого, врача, религиозного проповедника и оратора. Его ученик, Горгий, вспоминал, как тот завораживал публику речами, являясь перед толпой, словно сошедший с Олимпа бог. Эмпедокл слыл народным учителем, великим защитником дела народа и народного правления (он изобличил заговорщиков против народной власти, решительно осудив их на заслуженную казнь). По воззрениям его можно отнести к демократам. Известно, что он положил конец господству аристократии, в течение трех лет угнетавшей Агригент. Ему принадлежит заслуга в проведении и ряда реформ, положивших конец междоусобицам и политическим переворотам. Пожалуй, это самая яркая личность в богатой славными именами Сицилии. С ним мог бы сравниться разве что Эсхил, неоднократно приезжавший из Афин в Сицилию, пока наконец не переселился туда окончательно (459 г. до н.э.).

Фигура богини Победы

В дальнейшем его имя будут прославлять Мадзини и Гарибальди. Г. Якубанис пишет об Эмпедокле: «Об его дальнейшей судьбе наши сведения крайне сбивчивы и противоречивы. Достоверным можно считать только то, что Эмпедокл приобрел себе за это время такую громкую и повсеместную известность, какая выпадала на долю весьма немногих сынов Эллады за все время существования этой последней. К своей славе выдающегося политического деятеля, общественного благотворителя и поэта он прибавил теперь целый ряд новых лавров, сделавшись одновременно философом, ученым, ритором, врачом, инженером, чародеем, чудотворцем, словом, универсальным «всезнайкой», обладавшим всеми средствами к тому, чтобы стать кумиром впечатлительной, утратившей непосредственность религиозного чувства и в то же время крайне суеверной сицилийской толпы. Однако несмотря на столь поразительный успех на родине, Эмпедокл, по наиболее правдоподобным известиям, окончил жизнь на чужбине, в Пелопоннесе». Хотя философия его была, пожалуй, философией закоренелого скептика. Жизнь человеческая представлялась ему мукой или тяжким скитальчеством. Почему сей удивительный человек был пессимистом? Догадаться не трудно.

Видимо, потому что сама жизнь часто делает самых умных пессимистами. Что видят они вокруг? Владычество вражды и ненависти. Почти никто из его предшественников не писал о царящих на Земле порядках так, как это делал он, характеризуя всю землю как «дол безотрадный, где и Убийство, и Злоба, и сонмы Бед смертоносных, Немощей, плоть изнуряющих, язв и бесплодных страданий…» Люди пожирают друг друга ради призрачных богатств и корысти. Удел человека на земле – беспрерывная борьба, страдание, которым нет конца до момента его ухода:

Горе, о горе тебе, злополучный
и жалкий род смертных:
Распрей и тяжких стенаний
исполнен твой век с колыбели!

О нем в народе ходила молва, что он мог исцелять больных, избавлять от мук немощных и якобы даже оживлять умерших. Сам же философ свято верил в то, что в состоянии повелевать ветрами, зноем и ливнями. Он часто повторял: «Я для вас ныне бессмертный бог». Несмотря на явно мифический характер этих сведений, в них была толика истины: известно, что он смог облегчить страдания многим, а однажды даже избавил целый город от свирепствовавшего там мора, осушив почву, смешав воды рек, пробив проходы в горах для целебного северного ветра. Его произведение «О природе вещей» рисует картину мироздания, где четыре элемента являются «корнями всех вещей» (огонь, воздух, земля и вода). Он мифологизирует элементы, сравнивая их с богами. В мире, считал он, нет ни рождения, ни смерти, а есть лишь смешение и разделение. Помимо этого он написал труды «Очищения» и «Врачебное слово», а также трагедии. Этот царственный муж всегда был сумрачен и невозмутим. Тем не менее он был добр и щедр к людям. Эмпедокл на свои собственные средства осуществлял стройки, носившие общественно-полезный характер, помогал бедным и даже давал приданое за многими бедными бесприданницами.

Греческий политик, разрывающий путы олигархии

Историки сообщают: «В пурпурной одежде, препоясанный золотом, с жреческим лавром в длинных волосах, обрамляющих смуглое лицо его, он из края в край проходил Сицилию, окруженный толпами благоговейных почитателей и почитательниц. Тысячи, десятки тысяч людей славили его, хватались за края его одежды и вымаливали у него то счастливые предсказания, то излечения различных немощей и болезней. Он утверждал, что имеет власть и над ветром и непогодой и может повелевать иссушающим солнечным зноем и губительными ливнями. И он имел на то некоторые основания. Ему удалось избавить город Селинунт от свирепствовавшего там мора, осушив его почву; своему родному городу он дал более здоровый климат, пробив в скале проход, открывший доступ освежающим северным ветрам. В качестве инженера, как и в качестве врача, он совершил, быть может, много великого, и еще больше обещал. Мнимоумершую, пролежавшую тридцать дней «без дыхания и пульса», он вывел из ее летаргического состояния. Горгий, бывший его ученик, видел его «чародействующим», причем мы вряд ли будем правы, приписав его чудесные излечения одному лишь гипнозу или силе воздействия на воображение больных». Эмпедокл сумел обогатить плодотворными идеями биологию, физику, физиологию, а с его учением о веществе мы словно по мановению ока переносимся почти что в современную химию. Разделение веществ началось, как

говорит он в одном стихе, с отделения «легкого» от «тяжелого» (Гомперц). Видимо, разделение людей, как и их сближение, началось с того момента, когда они, как считал Эмпедокл, обнаружат, что подобное притягивается, а разное отталкивается.

Жерло огнедышащего вулкана

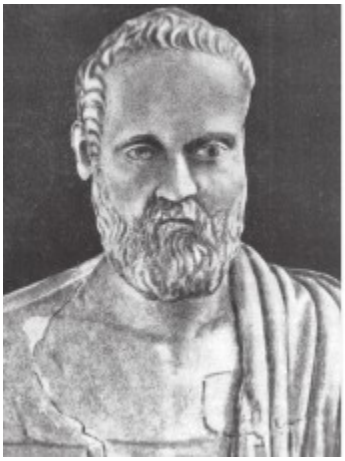
Вероятно, умер он в Пелопоннесе в возрасте 60 лет… Хотя легенда гласит, что он бросился в жерло вулкана Этна, желая укрепить в народе молву, что его призвали боги. Он заявил: «Я для вас ныне бессмертный бог, а не смертный человек». Как гласила легенда, огнедышащее жерло выбросило один из медных сандалий. Поэт Ф. Гёльдерлин в память этого оригинального ученого и философа написал стих:

Жизнь вопрошал ты. Словно в ответ
тебе,
Из глубины священный огонь блеснул,
И ты, обуреваем жаждой,
Бросился в пламя шумящей Этны.
Не так ли в час надменности
царственной
Царица скрыла в кубке жемчужину?
Все, чем ты был и горд и славен,
Все растопилось в сей бурной чаше.

Ты стал бессмертным, ты разделил удел
Богов, и Мать-Земля приняла тебя.
И если б я любви не ведал,
Прянул бы я за тобой в бездну.

Статуя Эмпедокла стояла сначала на родине, затем ее перенесли к зданию сената Рима. То была «поистине космическая смерть, когда вместе с мыслителем гибнет вся Вселенная». Живя ныне, как на вулкане, мы чувствуем себя в чем-то сродни философу. Поэтому, как писал профессор Г. Башляр, порой и в нас просыпается комплекс Эмпедокла, просыпается при виде всепожирающего пламени жизни.

Греция пылала страстью к красноречию. Интереснейшей личностью был Исократ (436—338 гг. до н.э.), ритор и педагог. Риторика была в Греции крупной силой, а Исократ был самым прославленным из преподавателей. Его звали «отцом общего образования». Он был известен в Афинах, как никто другой. Цицерон писал: дом его, открытый для всей Греции, стал подлинной школой, кузницей красноречия. На его произведениях учился мастерству Демосфен. «Великий оратор и превосходный учитель, он чуждался открытых выступлений в суде, но в четырех стенах своей школы он завоевал такую славу, какой, по моему мнению, после него не достиг никто. Он и сам прекрасно написал много сочинений, и других этому научил».



Исократ. Римская копия IV в. до н.э.

Исократ родился во времена Перикла, а умер после битвы при Херонее. Это был, по сути дела, последний аккорд песни

независимости греческих полисов. Потеряв отцовское состояние, он, находясь в оппозиции к режиму 30 тиранов, вынужден был покинуть родные Афины. Исократ открыл школу риторики на о. Хиос, затем, вернувшись, стал логографом (писал за деньги речи для судебных процессов). В период с 392 по 352 год Исократ возглавляет созданную им школу красноречия, ставшую крупнейшим и известнейшим риторическим центром всей Эллады.

Его творчества изучено В. Йегером, российским историком В. Исаевой, многими другими. Говорят, что в политику он не пошел потому, что был робкого нрава и чуть заикался. Исократ говорил о себе: «Нет у меня ни достаточно сильного голоса, ни смелости, чтобы обращаться к толпе, подвергаться оскорблениям и браниться с торчащими на трибуне». Видимо, это было скорее формальное объяснение, нежели истинная причина, ибо далее он добавлял: «Я не пал духом и не позволил себе остаться незаметным и совершенно безвестным, но, после того как я потерпел неудачу в политической деятельности, я обратился к занятиям философии, к упорному труду, к изложению в письменной форме того, что было мною обдумано». За свою долгую жизнь Исократ написал около 60 речей (до нас дошли 21 речь и 9 писем). Обучая красноречию, он был твердо убежден в том, что это – искусство богов. Обладающий таким даром одолеет больше врагов с помощью речи, чем целая армия (так он считал). Тот, кто научился красноречию, в состоянии не только сам стать лучше, но привести к достойной, нравственной жизни немало сограждан.

Одни называли его сторонником олигархии, другие – противником демократии. Правильнее сказать, что Исократ был противником того и другого. В нем всегда жил свободный человек, чей вольнолюбивый дух служил народу. Порой его называют еще и создателем историко-публицистического жанра, жанра, где «переплелись элементы истории и политической пропаганды». Его интересно читать, поскольку он умел отбросить всю шелуху, которой политиканы так любят забивать уши несведущему народу. Он был очень популярен как учитель. Известно, что к нему приезжали издалека, чтобы насладиться мудростью. У Исократа было больше учеников, чем у других риторов, вместе взятых. Проходившие у него курс оставались в его школе три или четыре года. В основном это были богатые люди. Среди его учеников находим Лизетеида, одного из

богатейших афинян того времени, Андротиона, представителя богатого рода, Эвнома, Каллина, Онетора, Антикла, Филонида, Филомела, Хармантида и др. Все они отличились на поприще услуг, оказанных республике, и были награждены золотыми венками. С афинских слушателей Исократ денег не брал (хотя те с ним расплачивались дорогими подарками, а его друг Тимофей однажды подарил ему целый талант), но с чужеземцев он брал по тысяче драхм (седьмая часть таланта). И вообще Исократ был не беден. Его талант отмечали даже цари. Так, к примеру, царь Кипра, Никокл, заплатил 20 талантов за написанную специально для него речь.

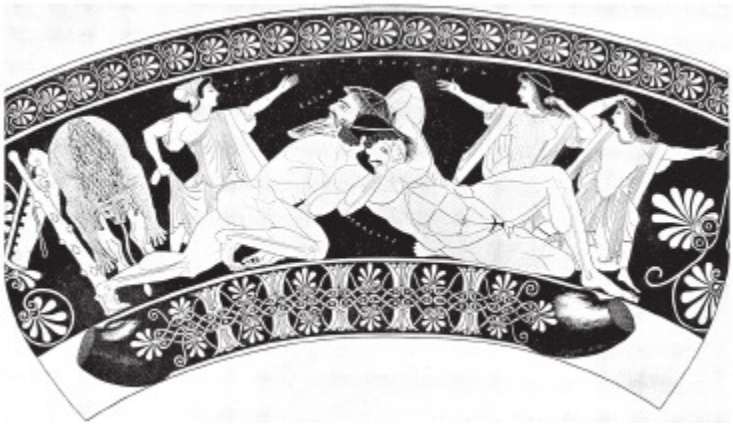
Холм Пинкс – место речей и народных собраний в Афинах

Речи дают представление об уровне его мастерства и взглядах. В «Ареопагитике» он подвергает жестокой критике государственный строй Афин, утверждая, что к власти пришли коварные люди, воспользовавшиеся инструментами демократии для обмана народа. Исократ видел мелочность и ничтожество иных риторов, что не просвещают народ, но долгими и бесплодными дискуссиями наносят стране страшный вред, забалтывая истину. Знаменательно расхождение взглядов на роль знания в жизни между Платоном и Исократом. Исократ отверг узкую трактовку пользы знания, отстаиваемую Платоном. Философию он воспринял как духовную культуру in toto, включающую литературу, историю, философию, образование, медицину, право, риторику. То была первая гигантская битва между старой и новой философией (В. Йегер). В его речах предстала как бы вся жизнь эллинов, где кипит яростная битва этико-политических концепций. В жизнь Афин ворвалось новое поколение общественных деятелей, воспитанных при Перикле. В сфере внутренней и внешней политики они попытались выработать новую

концепцию строя, создав иные культурно-этические принципы (насколько это удалось, иной вопрос). Греции именно тогда и потребовались умы, которые могли бы теоретически обосновать новую идеологию, «новый моральный кодекс греков». Исократ и станет такого рода идеологом. Смеем утверждать, что иные его речи («Против софистов», «Об обмене имуществом»), будучи направлены против отжившей свой век старой философии, могут быть с успехом использованы против постулатов «демократии» варваров.

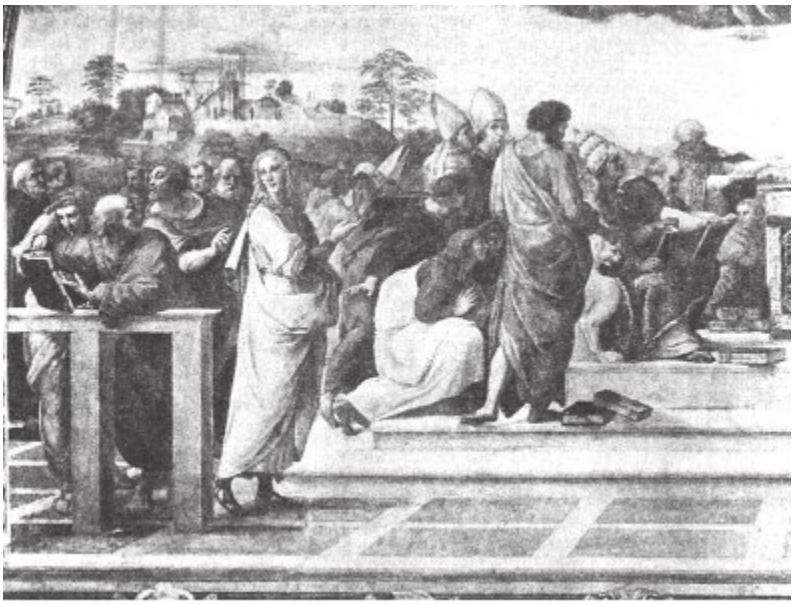
Хор всадников (знать на шее народа). Ваза

При политике предков в Афинах царила относительная гармония в частных и общественных делах. Власть афинян у греков зиждилась на авторитете, который допускал добровольную гегемонию. Тогда Афины одерживали победы на суше и на море и были грозой варваров, врагов эллинов. Теперь же (при демократах), отмечал Исократ, царят хаос, анархия, нужда. Полис рассорился со всеми своими бывшими союзниками. Афины не вызывают былой веры и уважения. Чем была вызвана близорукая, преступная политика «демократов» первой волны? Одна из причин такой ситуации в том, что к власти тогда пришли те, кого было бы правильнее называть расхитителями общественного состояния, алчными мздоимцами, антипатриотами и льстецами. Исократ называл такой строй «искаженной демократией».



Эвфроний. Краснофигурный кратер «Геракл и Антей»

Посмотрите на нынешних политиков и демагогов, говорит Исократ, они даже не пытаются найти истину. В профессиональном отношении они ремесленники, руководствующиеся в деле государственного строительства какими-то жалкими экспромтами. Большинство этих людей – циники, воспитанные в рамках старых стереотипов и догм. Им ли создать новый строй?! Немудрено, что, по сути дела, возрождается тирания. Достаточно взглянуть на того, кто управляет страной. Единственный правитель (тиран) обязан быть культурным человеком. Тогда его просвещенная деятельность пойдет на пользу подданным. В противном случае невежда погубит страну, собрав вокруг себя таких же ничтожеств, как и он сам. С отвращением взирает философ на ораторов-болтунов, заменяющих словесами полезную деятельность на благо людей и государства. Талантливый и яркий полемист, Исократ считал себя арбитром истины и совести на службе у простых людей. В то же время он высоко оценивал роль образования, которое, по его мнению, может помочь человеку достичь счастья в жизни. Что же касается самих Афин, то, по его мнению, они должны стать центром философии и образования, объединить вокруг себя разобщенные греческие полисы. Если этого единения не произойдет, то и достигнутые ранее успехи в культурной области не уберегут народ Афин от гибели.



Рафаэль. Диспут (левая нижняя часть). 1509 г.

Исократ уже тогда говорил о существовании двух видов политики, одна из которых принадлежит прошлому, тогда как другая – будущему. Главной проблемой для перестроечных Афин стало отсутствие в них равенства (как понимали его греки) и культуры среди политических вождей. Политика и тогда зависела не столько от противоречивых постановлений народного собрания (их принимали сколько угодно, по любому поводу), а от состояния добродетели, справедливости, воли в обществе в целом. Нет воли к справедливости – никакие законы и указы не помогут. Исократ как политик и мыслитель выступал за ту демократию, что сохраняла черты былого «золотого века» полисов (гармония меж личностью и государством, порядок и устойчивость законов, высокая нравственность и мораль, воспитание молодежи). И неравенство между людьми в Древней Греции не было столь вопиющим, каким оно стало позже.

По мысли философа, распри имели истоком причины скорее экономические, чем политические (недостаток земли и хлеба). Это почти современный подход. В его речах постоянно встречаются ссылки на выгоду, пользу, доходы и т.д. Все главные политические акции рассматриваются им с точки зрения вреда или пользы для уровня жизни и благосостояний тех или иных полисов. В речи «О мире» он выступал убежденным сторонником мирной политики. Исократ говорит, что из-за постоянных войн военные расходы растут, государственная казна пустеет, налоги растут, а жизнь людей все время

ухудшается. В Афинах появилось множество бедняков. Они скитаются по всей Элладе и выпрашивают подаяние. Их число столь велико, что уже угрожает самому существованию Афин. Итоги войны между полисами известны – в Афинах дважды свергали демократов (в 411 и 404 гг. до н.э.). Афинская демократия приказала долго жить. На смену ей пришли тираны, что стали осуществлять переустройство полиса в соответствии с законами отцов. Это закономерно. По воле народа верхушку демократов (по словам Аристотеля, 1500 человек) попросту уничтожили. Тираны же вернулись к прошлой конституции.

Не все были в восторге от речей Исократа, что совершенно естественно. Иные, правда, считали, что он был «защитником интересов богачей». Мы не убеждены в этом. Известна его речь против банкира Пасиона, которого обвиняли в присвоении доверенных ему денег. Разжившийся вольноотпущенник (то есть раб, которого отпустили) сумел скопить громадное состояние, благодаря которому пользовался большим влиянием у правителя Боспорского царства Сатира. Так вот этого банкира как раз и обвинял Исократ. Правда, философ был сторонником идеи «сильной руки». В 365 году до н.э. он обращался с такой идеей к наследнику спартанского престола Архидаму, затем в 360 году до н.э., прославляя убитого кипрского тирана Эвагора, обращался к его преемнику Никоклу. Когда на севере стал укреплять власть Филипп Македонский, Исократ стал в Афинах представителем его партии и даже обратился к нему с призывом стать во главе всех греков, иначе говоря выступить в роли Объединителя.

Исократ выступал за единство эллинов под властью сильного правителя. Он хотел их объединить, к чему одно время стремились Афины и Спарта. Базой объединения должен был стать поход против Персии, за которым последовал бы захват Азии и ее богатств. Не вызывает сомнений то, что Исократ явился идеологом азиатского похода Александра Македонского. «Его произведения читались от одного конца греческого мира до другого, а к влиянию литературному присоединялось еще личное влияние на целый ряд даровитейших юношей, которые отовсюду стекались в Афины к стопам знаменитого учителя и которые позднее сделались духовными вождями нации. Голос такого человека влиял на общественное мнение, как ничей другой, и если Филиппу удалось объединить Элладу, если Александр смог открыть далекую Азию для греческой культуры и греческой

предприимчивости, то это в значительной степени было заслугой Исократа…», – писал немецкий историк.

Поход казался спасительным решением. Это позволило бы объединить греков и македонцев, удалить из страны немалое число безработных, обеспечить приток огромных средств и новых рабов, добытых в походах. Лозунг Исократа возьмут на вооружение македонские цари. Греки неохотно шли на усилия по поддержанию военной мощи. Их приходилось уламывать чуть ли не силой. Вообще-то нежелание тратить силы и средства на войну понятно, хотя и недопустимо для страны, желающей занимать достойное место в мире, имея благодаря этому существенные экономические выгоды. Даром богатства и привилегии никому не даются. Это и заставило Исократа начать голодовку как вызов недальновидности граждан. И каждое слово «Ареопагитики» – атака Исократа на отсутствие культуры в Афинах.

Полиевкт. Статуя Демосфена

Представляют интерес его взгляды на науку и образование. Он занял позицию умеренного оптимиста, с немалой долей скепсиса относясь к возможностям наук способствовать социальному прогрессу. Говоря об изобретении философии, частью которой явились астрономия, геометрия и арифметика, он, отмечая полезность этих

наук, не вполне уверен, что они способствуют росту добродетели. В древнем мире одни считали, что занятие науками дело абсолютно пустое, бесполезное для успеха в частной и общественной жизни, другие видели в занятиях науками некую пользу. В своих поздних трудах (речь «Об обмене имуществом») Исократ отмечал, что в отличие от других занятий математика помогает не в жизни (если только, конечно, вы сами не преподаете математику), а в процессе обучения. Изучая ее, юноша тренирует, оттачивает ум, укрепляет память и приучает себя к труду. Это помогает в дальнейшем легче и быстрее справляться с более важными проблемами и вещами. Сие еще не «философия» (т.е. образование, необходимое для всех свободных граждан), но лишь «гимнастика души» и «приготовление к философии». Занятие ею вряд ли поможет в навыках ораторского мастерства, т.е. в умении говорить и верно судить о важных вещах. Поэтому Исократ советовал изучать ее в молодости, и то не слишком долго, чтобы ум человека не закостенел от этих занятий. Вместе с тем Исократ добавляет и «ложку дегтя в бочку меда». Не возражая в принципе против общепринятого типа обучения, он предупреждает, что всему свое время: время учиться, а время и дело делать. Взрослые и солидные люди должны заниматься более важными делами, чем математика. Преуспевшие в математике не всегда преуспевают в использовании знаний, нередко оказываясь глупее не только своих учеников, но и своих слуг в жизненных делах. Здесь стоит напомнить и слова Аристотеля: Гиппократ Хиосский слыл глупцом во всем, кроме математики. Хотя разумеется, полезность ее никто не отрицал. Но в таком случае вряд ли можно считать полезными (с точки зрения достижения вершин мудрости) и философию с риторикой. Ведь ни то, ни другое, к сожалению, не помогло Исократу, который умер от истощения.

Знаменательна судьба Демосфена (384—322 гг. до н.э.), героя, отдавшего жизнь за родину, но так и не смирившегося с предателями и врагами. Возможно, герой стоит всех Александров Македонских и Цезарей, вместе взятых. Родился он в Афинах. У отца его была мастерская по изготовлению мечей (отец владел двумя мастерскими, где полсотни рабов делали мебель и оружие). При более удачных обстоятельствах Демосфен мог бы рассчитывать не только на известность и карьеру. Однако судьба вначале не была к нему

благосклонной. Отец умер, когда ему было 7 лет, оставив сыну, матери, дочери наследство. Управление оным возложил на опекунов, но к 18 годам Демосфен узнал, что от былого его наследства (т.е. от 14 талантов) остались крохи. Родные дяди-опекуны все расхитили. Пришлось искать справедливости в суде. По обычаю афинян истец обязан был сам вести свое дело. Так жизнь сделала из Демосфена оратора поневоле. Он стал прилежно учиться у Исея, считавшегося лучшим адвокатом по делам о наследствах, изучал Платона и Фукидида (Фукидида он знал наизусть, так как переписал его «Историю» 8 раз), штудировал сочинения Исократа, Алкидама, других риторов. Пять раз он выступал в судах и добился все же своего. Суд признал иск Демосфена справедливым, но денег не вернул. История тривиальна и не вызвала бы интереса, если бы не яркая личность Демосфена. Эта борьба развила в нем упорство и настойчивость, обострила ум, закалила волю.

Золотая ваза

В истории человечества не так много фигур, которым удалось воплотить мечту: достичь в жизни громкого успеха, да еще на поприще, которое, казалось, заказано ему самой природой. По своим физическим данным он был невзрачным и хилым человеком, с тихим, слабым и картавым голосом, часто срывавшимся в фальцет. Говорил Демосфен обычно робко и нерешительно, комкал фразы и мямлил, а при волнении заикался. Во время выступлений он имел привычку нелепо размахивать руками, дергать плечом, как от нервного тика. Первое выступление Демосфена встречено всеобщим хохотом и шиканьем. При таких данных адвокатура или ораторство, казалось,

абсолютно противопоказаны, как женщине внематочная беременность… Однако почему-то именно картавых более всего тянет в политику. Впрочем, иные из них, как известно, кое-где добились поистине феноменальных успехов. Вот и Демосфен еще мальчишкой возмечтал стать оратором, выступая публично с речами перед народом.

Золотой ритон

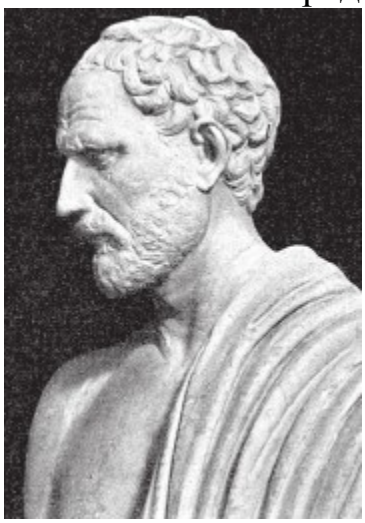
Так или иначе заслуживает внимания и восхищения то, как упорно и целеустремленно стремился Демосфен к своей цели. По словам Деметрия Фалернского, тот для укрепления легких будто бы взбирался по нескольку раз в день на гору, стараясь как можно реже и глубже дышать; для усиления голосовых связок он произносил целые монологи, стоя на берегу моря и пытаясь звуком своего голоса заглушить шумящий прибой. А чтобы произношение его стало четким и ясным, он набирал в рот мелкие камешки и без устали говорил, говорил, говорил. По нескольку часов в день он упорно тренировал речь. Стараясь произнести букву «р», он учился у рычащего щенка. Пытаясь овладеть мастерством жеста, он скрывался в подземной хижине, где целые месяцы выучивал и оттачивал разные жесты. Позже, отвечая на вопрос, что необходимо для того, чтобы стать хорошим оратором, Демосфен воскликнет: «Жесты, жесты и еще раз жесты!» Хотя фигура с полуобритой головой (чтобы пресечь соблазн покинуть его пещеру), упражняющаяся перед зеркалом, размахивающая руками, видимо, представляла странное, почти сюрреалистическое зрелище. Преодолеть робость и дефекты Демосфену помог некий актер, прочитавший ему Софокла и Еврипида. Это сделано было столь талантливо, выразительно, что юноша понял,

как добиться успеха. Он выучивал речи наизусть, тщательно обдумывая слова и общий смысл. Демосфен не позволял себе пустой болтовни. Он строго придерживался предмета выступления. Легенда гласит, что он еще и подвесил над плечом острый меч, чтобы фиксировать позу и не делать лишних движений. (Неплохо иным политикам России, что лгут народу, подвесить такой меч над головой, чтобы с каждым лживым обещанием его лезвие приближалось к их шее…) К 30 годам он стал известным оратором. Время было тревожное. Греческие государства раздирали межплеменные распри и войны. Тогда против Афин выступил грозный противник – македонский царь Филипп. Прежде чем напасть на Афины и Грецию, он готовил почву, работая среди греческой элиты, подкупая ее с помощью золота. Филипп говорил: «Осел, нагруженный золотом, возьмет любую крепость». Принцип сей будет не раз еще с успехом использован и другими (в том числе врагами России в начале и конце XX в.).

Ослы в ожидании золотого груза

Показательно то, что в Греции прежде всего местные богатеи и крупные рабовладельцы (их «номенклатура») открыто пошли на сотрудничество с врагами родины. В стране обострялись социальные противоречия между богачами и бедняками. Как говорилось в анонимных стихах поэта, «людей покинула Совесть, и они, как Гарпии с крючковатыми пальцами, готовы из каждого камня выдавить прибыль, каждый ищет, где бы пограбить». В обиход греков входит пословица, своего рода девиз времени: «Везде ищи только выгоду, никого и ничего не стыдясь». Некоторые готовы были ради корысти утопить даже родных и близких. Иные в отчаянии восклицали,

подобно поэту Фениксу: «Ныне многие из честных и достойных людей вынуждены подыхать с голоду, а те, кто… гроша ломаного не стоят, купаются в богатстве». Возмущенные этим неравенством бедняки требовали раздела имущества и земли богатых мерзавцев. В схватку политиков были вовлечены практически все известные риторы. Каждая из сторон пыталась опереться на сторонников. Демосфен возглавил партию патриотов против царя Филиппа и местных компрадоров-коллаборационистов. Если Исократа отнесем к македонской партии,то Демосфен был главой антимакедонских сил. Он всю свою жизнь посвятил борьбе с царем Филиппом. Хотя, похоже, сам оратор не был кристально чист, занимаясь торгово-ростовщическими операциями. Они принесли ему богатство. Ходили слухи о том, что Демосфен клюнул на взятку Гарпалла: якобы тот наполнил золотой кубок 20 талантами и передал его оратору.



Известный оратор и политик Демосфен

Тем не менее Демосфена избрали первым стратегом, и он встал во главе Афин. К тому времени положение Афин стало угрожающим, ибо Филипп захватил Фракию, а затем и Олинф (крупнейший город на Халкидике). Промакедонская партия (Евбул и Эсхин) всячески уверяла афинян, как им будет хорошо при власти чужого царя, а чтобы привлечь на свою сторону массы, они подкупали часть народа, давая им те или иные государственные подачки («из закромов родины»). Демосфен громил Филиппа и предателей (его страстные речи затем назовут «филиппиками»). Кстати, афинянам он показал: кто больше всех разглагольствует о пользе мира с грозным противником, на

поверку оказались предателями и платными агентами все того же царя Филиппа.

Вулкан, приготовляющий оружие в своей кузнице

Филократ и Эсхин заключили мир на невыгодных для Афин условиях (346 г. до н.э.). Благодаря Демосфену их разоблачили и обвинили в измене (кто-то из них бежал, кто-то затаился). Демосфен объезжал греческие государства, уговаривая их объединить силы для борьбы с врагом. «Сила македонян, – говорил он, – в слабости и разрозненности греков; если все греки будут едины, то Филипп не осмелится напасть на нас». Коринф, Мегары, ряд других городов Пелопоннеса вступили в союз с Афинами. Затем к этому союзу присоединились Фивы. И хотя Демосфен жаловался на народное собрание, что предпочитало слушать «пьяниц, мореходов и невежд», а не мудрых ораторов, озабоченных судьбами родины, хотя ставил народ в один ряд с самыми злобными тварями (ибо сам был певцом аристократов и богачей, являясь, по словам Динарха, «богатейшим человеком в городе»), можно все же понять его горячую любовь к родине, тоску по сильной власти и сожаление по поводу того, что в Афинах много говорят, тогда как царь Филипп действует. И действует очень успешно.

Судьба Греции решалась в битве при Херонее (338 г. до н.э.). Против греков македонцы выставили войско опытных воинов (Филипп, Александр, Антипатр). В битве победу одержали македонцы, греки потеряли тысячу человек убитыми и две тысячи ранеными. Демосфен сражался в центре рядовым гоплитом и ушел одним из последних с поля боя (хотя Плутарх утверждал, что он сбежал). Афинский народ считал иначе, оценил его мужество, поручив ему произнести надгробную речь в память воинов, павших при Херонее. Дальнейшие события были катастрофическими для судеб Афин. Несмотря на смерть Филиппа, Александр Македонский захватил

Фивы. К власти в Афинах пришла македонская партия. Уже тогда многим было ясно, что это партия врагов отечества и предателей своей родины. Они тут же набросились на Демосфена, в котором народ всегда видел защитника. Голову великого оратора у афинян потребовал и Александр Великий, но в битве главы компрадоров (Эсхина) и оратора народа (Демосфена) победу вновь одержал последний. Эсхина подвергли штрафу и удалили в изгнание. Демосфена же народ наградил золотым венком за заслуги перед родиной. Борьба греков против македонского господства не утихала.

Вначале борьба шла успешно, но в итоге войско греков, состоявшее из многих отрядов наемников, вновь потерпело поражение (322 г. до н.э.). Пришлось идти на позорный мир (платить контрибуцию, пускать в свои гавани чужие гарнизоны). Так в Афинах была уничтожена демократия. Управлять страной захватчики поставят сговорчивых богачей. Демосфена и ряд патриотов приговорили к смерти. Он укрылся в храме Посейдона на о. Калаврии. К нему прислали актера Архия с наемниками для того, чтобы тот силой взял его и выдал в руки македонскому царю Антипатру. Тогда Демосфен, взяв перо, что служило ему на протяжении жизни в написании речей, надкусил его конец, где был запрятан смертельный яд. Афиняне воздвигли ему медную статую на городской площади, где он был изображен со скорбным выражением лица и сжатыми в отчаянии руками. Внизу на постаменте надпись:

Если бы мощь, Демосфен, ты имел
такую, как разум,
Власть бы в Элладе не смог взять
македонский Арей.

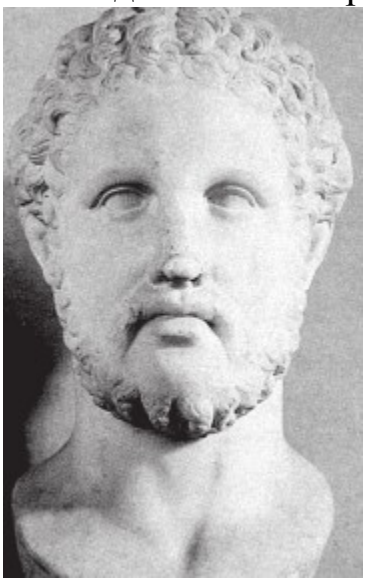
Истинные корни причин поражения афинян глубже… О них Демосфен сказал так: «У Филиппа было, граждане афинские, важное преимущество… у эллинов – не у каких-нибудь одних, но у всех одинаково – оказался такой урожай предателей, взяточников и враждебных богам людей, какого еще никогда не бывало прежде, насколько помнят люди. Их он и взял себе в соратники и сотрудники и с помощью их довел эллинов, у которых и прежде были плохие

отношения и нелады друг с другом, до еще худшего состояния, одних обманывая, другим что-нибудь давая, третьих всякими способами обольщая, и таким образом разделил их на много партий, а между тем для всех польза была в одном – не допускать, чтобы он становился сильным». Тех людей, которые обрекли Демосфена на смерть, настигла карающая рука судьбы. Подтвердились слова оратора: первыми изменники себя предают. Их казнят сами же македонцы, в глубине души презиравшие предателей.

Казнь предателей (месть Одиссея)

Не касаясь второстепенных деталей противоборства Афин и Македонии, обрисуем суть спора. В основе конфликта лежали военно-политические и идеологические интересы. Греция, состоящая из городов-государств (Афины, Спарта, Фивы, Олинф), представляла собой «демократию». Македония же была монархией и тоталитарной деспотией. Населенная фракийцами, та казалась грекам варварской страной. Греки смотрели на фракийцев как на клятвопреступников, полудикарей, как на народ с отсталыми политическими учреждениями и слабым войском. Одним словом, то был в их глазах «реликт догомеровской эпохи». Поведение Македонии во время греко-персидских войн, Пелопоннесской войны также не способствовало проявлению к ней симпатий греков. Александр I открыто сотрудничал с персами, состоя при армии Ксеркса в качестве агента влияния. Он

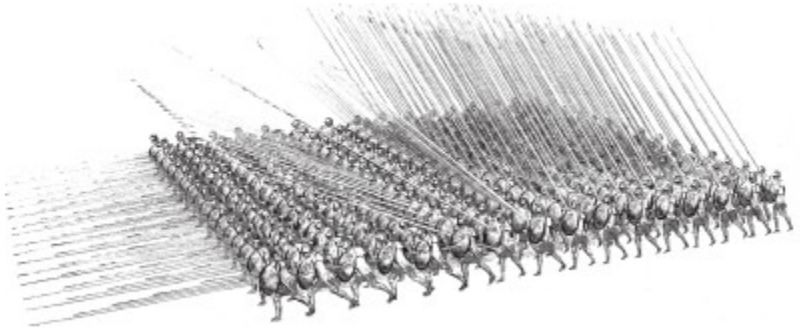
советовал афинянам капитулировать, уверяя, что персов им все равно не дано одолеть, и выдал сестру за перса. Если же говорить о планах наследников царя, то Пердикка и Архелай хотели объединить Верхнюю и Нижнюю Македонию и тем самым выдвинуться на передний план общегреческой политики. Архелай усилил войско, предпринял шаги к эллинизации Македонии, был поборником просвещения, покровителем литературы, искусства и наук. Но с убийством Архелая страна погрузилась в пучину анархии. Македонская знать вернулась к охоте, попойкам, содомии как обычной практике их сексуальных развлечений, оставив скучные и однообразные занятия музыкой или литературой. Одним словом, в глазах многих греков они выглядели чем-то вроде дикого Пана.



Портрет царя Филиппа I

Но вот в 382 году до н.э. на свет появился Филипп II, почти одновременно с Демосфеном (384 г. до н.э.). К тому времени безнравственность и цинизм династии Аргеадов перешла все мыслимые границы. Македонским правителям было наплевать на положение их страны. Они униженно раболепствовали не только перед Афинами, но и перед Фивами, все более набиравшими силу, превращавшимися в могущественный полис. Туда в качестве заложника и был направлен пятнадцатилетний юноша Филиппа. Там он получил возможность пройти прекрасную выучку у знаменитых греческих военачальников – Паммена и Эпаминонда. Последний был известен прежде всего тем, что разбил непобедимых спартанцев при

Левктрах. Это был лучший греческий полководец до появления Александра Великого. Филипп понял настоятельную необходимость тщательной выучки и подготовки войска, перенял у фиванцев приемы профессионального отношения к делу. Все, что составляло тайну военного дела (вопросы тактики, взаимодействие родов войск, сочетание тактики и стратегии, планирование действий штаба и непосредственно солдат и офицеров), все было им изучено и взято на вооружение.

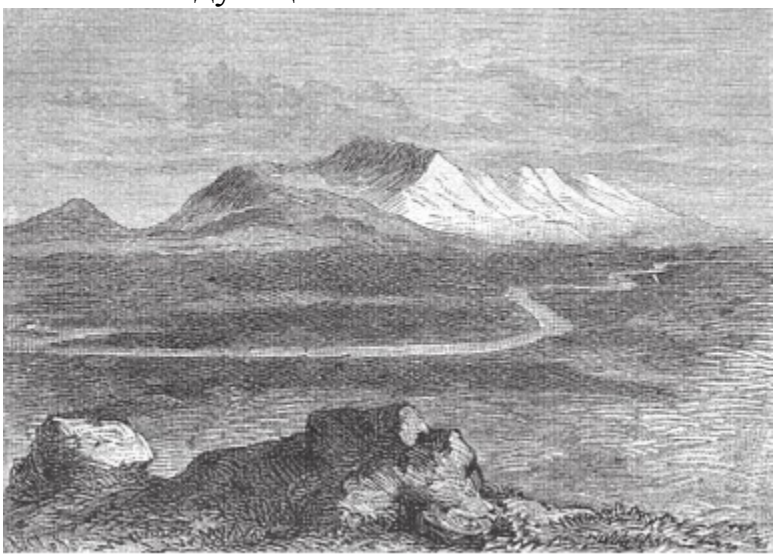


Македонская фаланга

Он усвоил важнейший принцип: «Самый лучший способ с наименьшей затратой сил победить противника – нанести ему удар не с самой слабой, а с самой сильной стороны». В конечном счете он настолько хорошо изучил действия фиванского «священного отряда», что тридцать лет спустя вместе с сыном ему удалось наголову разбить элитное фиванское подразделение. Помимо прекрасной военной выучки, наблюдая за греческими полисами, Филипп понял, быть может, и самое главное – демократия как политический строй не выдерживает в серьезной схватке с грозным противником, если борьба не скоротечна, а продлится долгое время.

Он видел, как между различными полисами греков (и даже внутри них) идет постоянная грызня, как порой преступно медленно, неэффективно принимаются решения (часто бесполезные из-за противоборства спорящих сторон), как выборы на деле становятся фикцией, ибо потом власть, ни за что не отвечая, все свои грехи валит на народ (мол, сами же нас избрали), как отсутствие профессионализма в войске и болтовня довершают общую невразумительную картину их правления. Филипп, искусный военачальник и хитрый политик, все это запоминал, брал на вооружение. Он понял, что главное условие успеха любой страны – это

железное единоначалие, абсолютное и беспрекословное подчинение воле царя и главнокомандующего.



Херонейская равнина

Тогда же родилась идея создания македонской фаланги, лучшего на то время в мире соединения тяжелой пехоты, вооруженного длинными копьями-сариссами. Тараном войск служила военная фаланга (Полибий скажет: «страшный зверь, ощетинившийся тысячью копий»). Македонскую фалангу не могли остановить ни боевые слоны, ни страшные колесницы персов, ни скалы Тира. Армия македонцев постоянно тренировалась, училась соблюдать дисциплину и организованность. После ряда успешных войн (с иллирийцами и другими) Македония стала представлять собой весьма грозную силу. Благодаря притоку золота в македонскую казну годовой доход Филиппа возрос до 1000 талантов (для сравнения: столько же в V в. до н.э. имели Афины – от своей огромной морской империи). Филипп стал чеканить и золотую монету – статиры. Он назвал их «филиппами» (видимо, в противовес персидским «дарикам», что были названы по имени царя Дария), а также серебряные шекели. В итоге менее чем за четыре года Македония превратилась из захолустного царства в одно из сильнейших государств Эллады. Так вызревал неизбежный конфликт с Афинами.

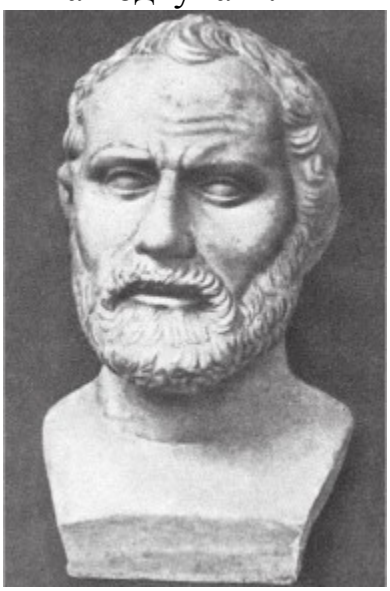
Как уже говорилось, Демосфен обрел громкую известность в Афинах благодаря речам, прозванным филиппиками, поскольку те направлены были против Филиппа, царя Македонии. Вначале, недооценив противника, Демосфен говорил о нем с презрением – «этот

македонский Филипп». Но, поняв серьезность положения, он стал требовать от народа концентрации сил и средств ради борьбы с Филиппом. В борьбе против него Афины потерпели ряд поражений (349, 347, 338 гг.). Демосфен выступал против македонской партии, к которой принадлежал Исократ. Он обвинял тех, кто жил за счет Филиппа, продавая национальные интересы, – ряд богачей и именитых граждан Афин. Они охотно продавали интересы Афин, отдав Грецию в руки Филиппа Македонского, уклонялись от повинностей, в результате чего вся тяжесть расходов в государстве ложилась на бедных. При этом они не стыдились называть себя «друзьями» и «гостеприимцами» владыки Македонии. Важную роль в направлении общественного мнения в пользу Македонии сыграли такие люди, как Фокион и Эсхин. Но если Фокион, один из вождей партии мира, был неподкупен, честен и справедлив (афиняне 45 раз выбирали его в стратеги, он выступал против схватки с Филиппом из соображений общегреческой пользы), то иные цели ставил Эсхин. Это был циник и прагматик. Видя, сколь силен (да еще и щедр) Филипп, он стал его тайным эмиссаром, доверенным лицом. Когда Афины направили к македонскому царю посольство во главе с Демосфеном и Эсхином, тех потрясла роскошь приема. Филипп их переиграл и сумел навязать мирный договор. Эсхин, действуя по инструкциям царя Филиппа, рьяно помогал разоружить Афины (те сдали союзников, как наши бывшие вожди эти политические ничтожества, сдавали и предавали вчерашних друзей в Германии, Сербии, на Кубе).

Царь Филипп Македонский

В битве при Херонее (338 г. до н.э.) Филипп наголову разбил фиванско-афинское войско, потерявшее тысячи убитых. Полководцы афинской армии позорно бежали. Фивы разрушены. Многие жители

были казнены и проданы в рабство. С тех пор в Греции установилась гегемония македонян. Угроза нависла над Афинами. Еще раз обратим ваше внимание на поразившую Грецию моральную деградацию. В стране, говорил Демосфен, созрел невиданный урожай изменников (как в «демократической» России). Повальная болезнь распространилась на страну. Он назвал имена отдельных предателей, иногда приводя целые списки людей, запятнавших себя изменой. Демосфен говорил о случаях откровенного шпионажа в пользу врага. О решениях греческого правительства Филиппу становилось известно задолго до того, как власти Афин начинали действовать. Демократический строй оказался откровенно продажен и слаб и не мог оказать сопротивление такому противнику, каким был Филипп. Тот, будучи прекрасным дипломатом и тонким политиком, побеждал зачастую не столько силой оружия, сколько с помощью золота. «Он увеличил свою власть более золотом, чем оружием», – говорил Диодор о способности царя Филиппа подкупать.



Демосфен. Римская копия

Демосфен обвинял в измене многих, тех, кто орудовал в коридорах власти Афин. В одной из его речей он говорил о причинах поражений Афин: «В самом деле, кто же из стратегов погубил Гал, кто фокидян, кто Дориск, кто Керсоблепта, кто Святую гору, кто Пилы? Кто открыл Филиппу путь до самой Аттики через земли наших друзей и союзников? Кто оторвал от нас Коронею, кто Орхомен, кто Эвбею? Кто недавно чуть не сделал этого с Мегарами? Кто усилил фиванцев?

Из всех этих столь многих и столь значительных областей ни одна не была потеряна по вине стратегов, и Филипп владеет ими не потому, чтобы вы по мирному договору согласились их уступить, но все они потеряны из-за этих вот людей и из-за их продажности…» Доставалось от него и народу Афин, что тогда уже стал обретать жалкую привычку бесцельно слоняться по улицам, прислушиваться ко всякого рода сплетням, клянчить у богачей деньги, жить на подачки, вообще возлюбил зрелища.

Демосфен говорил: «Так слыхал ли кто-нибудь из нас, чтобы Эсхин хоть слово сказал в обвинение против Филиппа? Да что? Видал ли кто-нибудь, чтобы он изобличал его или говорил что-нибудь против него? – Нет, никто!.. Почему? …потому, что (тот) отдал себя внаймы и получил деньги; просто он предал все дело тому человеку (Филиппу. – *В. М.*); он стал… наемником того человека, но в качестве посла и гражданина по отношению к вам – предателем и потому заслуживает по справедливости не один раз, а трижды быть казненным». (Эти же слова можно было бы повторить в адрес целой плеяды наших политиков, что верой и правдой служили и продолжают служить США и Западу в качестве тайных и явных агентов влияния, осуществляя прямую измену советским, ныне российским национальным интересам.) Понятно, что эти люди люто ненавидели Демосфена, видя в нем угрозу их будущему. Великий человек не мог простить им измену Родине. За такие речи македонская партия стала преследовать его и отправила в изгнание. Хотя говорят, что даже его ярый противник, Энний, находясь в изгнании, заставлял учеников слово в слово выучить речь Демосфена «О венке», несмотря на то что она стала фактически предлогом того, что потрясенные речью афиняне отправили Энния в изгнание. Греки, отдадим им должное, предпочитали не возлагать венки (тем более одарять высшими наградами родины) явных негодяев, воров и изменников. Мы, русские, к нашему стыду, делаем иначе… Демосфен вошел в историю не только как оратор и патриот Афин, но и как автор идеи панэллинизма, торжества единой и неделимой Греции, обладающей общим языком, культурным богатством, общими политическими и экономическими интересами. Когда в 323 году до н.э. скончался Александр Великий, Греция восстала… К Демосфену, находившемуся в изгнании, обратился народ, фактически призвав его возглавить восстание и

борьбу против ненавистной Македонии. Но после ряда побед вновь настал черный день для афинян: наследник Александра, Антипатр, в битве при Краноне (322 г. до н.э.) сумел разбить афинское войско. Одним из главных условий позорного мира стало требование выдачи Демосфена и его соратников. Чтобы не унижаться перед трусами и предателями, он принял яд. Греция после этого позорного мира надолго попала под пяту воинственной тирании.

Под пятой тирании

Для историка еще недостаточно осудить войны и междоусобицы. Важно выявить то и тех, кто несет наибольшую ответственность за эту дикость, которая вот уже тысячи лет разрушает ткань обществ и является причиной трагедий стольких людей. Опыт веков показывает, главные виновники – «цари», властители всех мастей, их слуги: там полно гадов алчности, ехидн властолюбия, змеенышей приспособленчества. Народ должен понять: пока власть находится у них, выпестованных подлостью, они будут посылать нас на смерть под любыми предлогами. Перелистав труды по истории и литературе, увидите, в них постоянно воспеваются войны. Мифы полны упоминаний о кровопролитных битвах и единоборствах. Миф о схватке Гора и Сета отразил многолетнюю борьбу кланов за господство в Египте. У Гомера в «Илиаде» герои призывают богиню

Палладу, дабы она «возбуждала мужей», понуждая их «без устали вновь воевать и сражаться». Не только политики, но писатели и поэты приложили руку к возвеличиванию войн и охаиванию мира. Вот дщерь Востока, Нестан-Дареджан из «Витязя в тигровой шкуре», раскрывает благоуханные уста (в ее послании к возлюбленному) лишь для того, чтобы вымолвить: «Вот совет тебе разумный: объяви войну хатавам, заслужи почет и славу в столкновении кровавом». В «Шахнаме» противоборство добра и зла находит отражение в схватке Фаридуна и тирана Заххака. Гераклит, автор учения о логосе и мировом порядке, утверждает: «Война есть отец всего, царь всего». Платон в «Законах» говорит о войне и мире: «Мир – один пустой звук». Даже такой проникновенный лирик, как Овидий, певец любовных метаморфоз, в «Скорбных элегиях» выразил сожаление, что не воспел взятие Трои аргосским воинством, Фивы, взаимное братоубийство, подвиги жестокого Рима. Хотя в словах его ощутима почти неприкрытая ирония, когда он говорит цезарю, что должен был воспеть его «великие деянья», и вдруг понял, что неспособен на это – и «возвратился опять к легкомысленным юности песням».

Театр, где был убит Филипп II

Спустя много лет немецкий философ Кант, пытаясь определить источники войны и мира, скажет в работе «Вечный мир»: «Эта сатирическая надпись («Вечный мир») находится на вывеске одного голландского трактирщика, рядом с изображенным на той же вывеске кладбищем. К кому обращена она? Вообще ли к людям, или в частности к правителям государств, которые никогда не могут

пресытиться войной, или, быть может, только к философам, мечтающим об этом чудном сне?.. Этот вопрос можно оставить нерешенным». Так пока сделаем и мы с вами. Но напомним: война более всего нужна глупым правителям, олигархам, империалистам, богачам, ворам, а также продажным и ненасытным воякам, тем, кто наживается на ней за счет простого люда, «пушечного мяса». Недаром же древние говорили: «Сходят владыки с ума, а спины трещат у ахейцев».

Эпоха Перикла – «золотой век» или век войн и междоусобиц?

Как ранее отмечено, век Перикла многие назовут «золотым веком». В ту эпоху жизнь молодой Греции строилась на началах известного равенства и благородства. Не потому ли Шекспир на базе греческой истории пишет пьесу «Перикл», которая в его дни вызвала бурный восторг в Англии. Один из поэтов так характеризовал ее: «С Софоклом мы можем сравнить великого Шекспира; никогда не было у Аристофана такого полета фантазии, как у него; доказывает это его Перикл…»

Перикл, родившийся в эпоху битвы у Марафона (490 г. до н.э.), где 10 тысяч греков дали бой 100-тысячной армии персов, наголову разбив оную, обозначил собой начало целого века славы, который так и назовут – «век Перикла». Перикл (ок. 492 – 429 гг. до н.э.) происходил из знатного афинского рода (отец командовал афинским флотом в битвах с персами). Вот как представляет его историк. Природа щедро наградила Перикла телесными и духовными дарами. Он имел ладную спортивную фигуру, рос сильным и здоровым. Необыкновенная величина и форма головы стала мишенью для острот, дав недругам предлог называть его «Луковицеголовый». Во многом благодаря природному уму его постоянно влекло к знанию и образованию. Слушал лекции Зенона, обучался ораторскому искусству, естественным наукам у Анаксагора. Не довольствуясь обычным аттическим образованием, Перикл искал любой удобный случай для беседы с умными людьми своего времени – философом, историком, художником, поэтом. К его кругу принадлежали известные их красноречием виртуозы Пифоклид и Дамон. Особое значение для его интеллектуального развития имела встреча с такой яркой личностью,

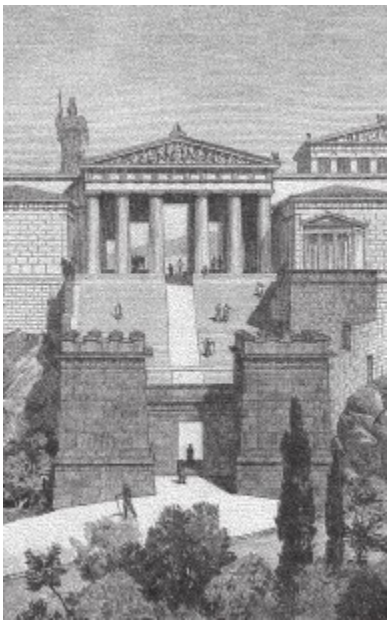
как философ Анаксагор Клазоменский. Будучи по складу своей натуры человеком возвышенных мыслей, он обрел в этом философе верного друга и соратника. Перикл и сам был превосходным оратором.

Бюст Перикла

Его сравнивали с Олимпийским Зевсом и называли Олимпийцем. «Он производит гром и блещет молнией на ораторской трибуне. Он имеет страшный перун в устах», – говорили о нем поэты. Овладеть искусством красноречия помогли и юношеские занятия с Зеноном. Манерой речи и голосом он походил на афинского тирана Писистрата. Науками Перикл занимался не в мечтательном уединении, пребывая в философской башне, а на боевом посту, на мостике государственного корабля полиса. И от него зависело, какой курс выберут Афины – верный или ошибочный. Этому он посвящал все время. Народ видел, что он не ходил никуда, кроме как по дороге, ведущей на площадь, где он выступал перед народом, или в государственную думу.

В кругу мудрецов

Он отказывался от приглашений на пиры, торжественные собрания или всяческие сходки, банкеты и празднества; и, за редчайшим исключением, не бывал в гостях. А если где-либо и приходилось бывать по долгу службы, он уходил с попойки. По второстепенным вопросам Перикл не любил мелькать и в думе, предоставляя право друзьям и соратникам доносить свои главные мысли до народа. Важнейшими его достоинствами были высочайшее бескорыстие и совестливость в управлении общественным достоянием. Будучи смелым человеком, он старался не втягивать страну в войны или в сражения ради собственной славы, считая это преступлением (это утверждение, к сожалению, абсолютно не соответствует действительности). В частной жизни его поведение можно считать безукоризненным. Был он верным и преданным другом. Когда голод едва не свел философа Анаксагора в могилу, Перикл поспешил к нему с помощью и словами участия. Старый философ сказал вождю: «Перикл, кто имеет нужду в светильнике, тот пусть подливает масла».



«Пропилеи» Акрополя. Реконструкция

Правда, порой он бывал и высокомерен, но только с дураками или прохвостами. Выражение его лица на бюсте скульптора Кресила говорит скорее о гордости и ироничности, чем о высокомерии. Ему было 30 лет, когда он стал убежденным демократом! Он хотел построить такую демократию, где было бы хорошо не кучке аристократов типа Кимона, а всему народу Афин, творцу славы и величия страны. Это не наши «демократы» плутократической волны. Его учителя – композитор и музыкант Дамон, считавший, что «музыку следует сделать крепостью государства», Анаксагор, учивший, как исторгать мир из хаоса с помощью Разума, живший в Афинах Зенон (тот самый Зенон, что под пыткой отказался назвать имена своих политических соратников и, как гласит легенда, чтобы молчать до конца, откусил даже язык, выплюнув его в лицо палачу). В античной политике объединялись во имя родины мысль, искусство и мужественность. Хотя Писистрат и Перикл ломали политическое устройство Афин 30 лет (подобно Моисею, что водил евреев по пустыне 40 лет, выбивая из них предрассудки), но в отличие от наших господ олигархов они мечтали более о славе отечества, надеясь сделать Афины «школой Греции», а народ свой предметом гордости всех греков.

Развалины Акрополя

Надо подчеркнуть, что у греков слово «тиран», как мы видели, вначале вовсе не носило нынешнего отрицательного смысла. Напротив, скажем, с именем тирана Периандра был связан блестящий расцвет Коринфа. При нем город превратился в крепость, были проведены водопровод, дороги, изобретен якорь, отчеканена первая в Греции монета и т.д. Случалось, что народ ждал тирана как награды судьбы, чтобы избавиться от тех малых и больших кровососов, что, словно слепни, впились в народное тело. Таков был и правитель Митилены Питтак. «При всеобщем одобрении поставили тираном над мирным несчастным городом Питтака, человека низкого происхождения», – писал поэт Алкей. Питтак – человек мудрый, умеренный и бескорыстный. Он навел порядок в Митиленах, заставил принять нужные законы, принесшие покой и больший порядок в управление государством. Уже в конце VII века до н.э. греки говорили: «Деньги делают человека». Однако большинство народа вовсе не были в восторге от подобных порядков. Поэтому и в Греции потребовался тиран для уничтожения тех акул бизнеса, которых называли «новыми богачами», так как они не способствовали развитию города, работая не на национальные интересы, а прежде всего на свой карман (точно как у нас в России). По словам Страбона, «Питтак воспользовался единовластием для уничтожения олигархов и, истребив их, возвратил городу независимость». Находясь под защитой народа, он дожил до глубокой старости и умер частным лицом, добровольно сложив с себя государственные полномочия.

Карта греко-персидских войн

Но вернемся к Периклу. Он пришел к власти в 461 году до н.э. и находился у власти 32 года. Это было время расцвета политических и художественных талантов греческого народа. За плечами имелся опыт Солона и Писистрата, да и самого Перикла называли тираном. Не кажется ли странным: как только в стране является умный, волевой, жесткий вождь, так плутократы и ворье сразу начинают вопить о тирании. В древности тираном называли тех, кто поставлен у власти народными массами. Перикл и стал таким тираном, хотя отец его Ксантипп был вождем демократической партии. Он не раз говорил: «Наше общественное установление зовется демократией, потому что власть находится в руках всего народа, а не нескольких людей». И вот современникам еще один урок. Аристократ, демократ, тиран, «ненавистник народа», а поди же ты, стал любимцем народа, заслужил Афинам славу в веках, хотя и, по словам Плутарха, «у него в молодости было чрезвычайное отвращение к народу». Принципиальнейшая разница между великим и мелким политиком в том и состоит, что великий государственный муж, даже видя все недостатки и пороки народа, как бы забывает о них, начиная служить интересам своего народа, тогда как ничтожная тварь, став политиком, презирает свой народ еще больше, чем ранее, и полностью занимается своими собственными делами!

Весь тогдашний мир находился в состоянии войны всех против всех. В борьбе так или иначе участвовали не только Персия и Греция, но все (даже самые маленькие) государства или колонии. Такова была суровая реальность многополюсного мира, в котором ни один из его

участников не мог бы выжить самостоятельно. Все, как у первобытных диких людей, где нужно было примкнуть к тому или иному стану, чтоб выжить. Причем сотни и тысячи факторов влияли на то, как и где окажется тот или иной участник этого вечного и неутихающего конфликта интересов. Когда в конце VII века до н.э. развалилась огромная Ассирийская держава, а затем в 546 году до н.э. пало Лидийское царство, персы захватили власть над огромным регионом Малой Азии. Дарий I подчинил себе весь регион и стал подчинять греческие колонии в Азии. Тогда восстали греческие города, предводительствуемые Милетом (500 г. до н.э.), которые обратились за помощью к греческим союзникам. Афины и Эретрия отправили экспедицию в Ионию, где их войска захватили и сожгли Сарды, столицу персидской сатрапии. Этого персы стерпеть уже не могли, они направили мощное войско и буквально стерли с лица земли Милет, всех жителей обратив в рабство. Вдохновителя восстания Гистиея посадили на кол, а его голову отправили Дарию. Событиям в Ионии посвятил трагедию Фриних, она настолько потрясла аудиторию, что пьесу запретили, а на автора наложили штраф (видимо, не желая провоцировать персов еще более). Персы начали готовиться к вторжению в Грецию, направив туда посольство с требованием «земли и воды» (символ подчинения). Те отвергли оскорбительное предложение и стали готовиться к бою. К тому времени оформился Спартанский союз и окрепли Афины. В 490 году до н.э. персы напали на Эретрию, а их флот подошел к Марафонскому заливу, готовый напасть на Афины и наказать за помощь повстанцам Ионии. Столкновение армий персов и греков было уже неизбежно.

Персы в своих традиционных костюмах

Персы были могучим и грозным соперником. Даже их имена на эллинском языке звучали, по словам Геродота, так, что вызывали

почтение (Дарий – деятельный, Ксеркс – воин, Артаксеркс – великий воин). Конечно, на первый взгляд могло показаться, что греки, даже сильнейшие из них, Афина и Спарта, подобны карлику по сравнению с огромной персидской державой (численность граждан Афин в 500 году до н.э. достигала 30 тысяч человек, Спарта из числа свободных граждан могла поставить не более 5 тысяч гоплитов). Но греческие гоплиты и греческие моряки оказались в военном, тем более в психологическом отношении готовы гораздо лучше, чем персы. С другой стороны, навряд ли даже приблизительно точны те огромные цифры, которые приводят греческие авторы, говоря о численности армии персов. Так, они уверяют, что армия Ксеркса насчитывала 3 миллиона человек, не считая обоза. Геродот дает общую цифру в пять с четвертью миллионов, хотя сам же сомневается в том, что такую ораву можно было бы прокормить в греческих землях. Подсчеты, что были сделаны уже в наше время, в начале двадцатого века специалистами, говорят: вся персидская армия вряд ли могла насчитывать более чем 210 000 человек воинов.

Тем не менее ситуация для греков была крайне серьезной. Многие греческие полисы, включая островные, подчинились приказам Дария и дали ему свой флот. Армия Дария, состоящая из кавалерии и пехоты, насчитывала не более 25 тысяч человек, а ее флот, видимо, превосходил объединенный флот Афин и Эретреи. Персы пересекли Эгейское море, по пути захватывая один остров за другим. Они сожгли и разграбили Наксос и депортировали всех, кто не успел скрыться в горах. Они призывали жителей на военную службу, а детей брали в заложники. Шесть дней оборонялась Эретрия, на седьмой день город пал по вине предателя. Храмы разграбили и сожгли, людей депортировали. Персы высадились в Марафонском заливе. Узнав об этом, Афинское народное собрание приняло тут же решение – идти к Марафону. Афиняне сразу отправили посла в Спарту, призывая ее прийти на помощь соотечественникам и отразить общую угрозу. Но спартанцы справляли в это время праздник Аполлона Карниоса, а их священный закон категорически запрещал им вести любые военные действия до полнолуния. Полнолуние должно было наступить лишь через шесть дней. Так что напрасно спешил гонец Филиппид, преодолев 140 миль, стремясь донести крик о помощи. Впрочем,

спартанцы твердо заявили, что по окончании срока действия закона они обязательно выступят.

Гонец доносит весть о марафонской битве. 490 г. до н.э.

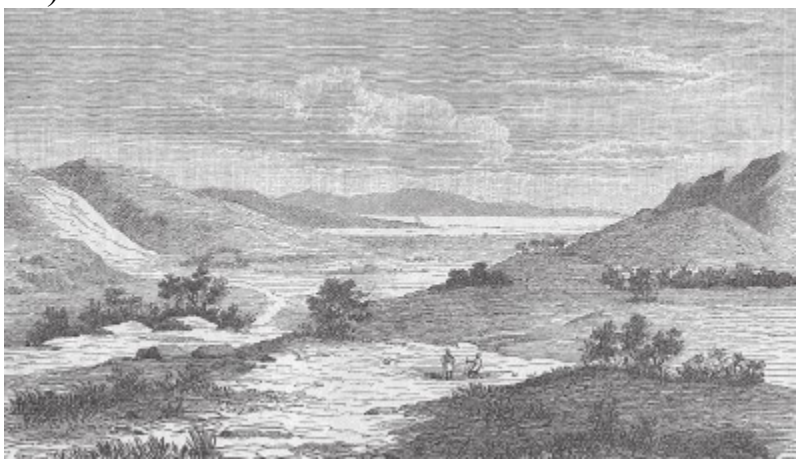
В итоге 10 000 тяжеловооруженных гоплитов Афин представляли собой все войско греков, у которых не было конников, лучников и застрельщиков. Дело осложнялось и тем, что у афинян не было одного главного военачальника, а было десять стратегов. По афинским законам, стратеги осуществляли оперативное командование поочередно, сменяясь ежедневно. К счастью, рассудок возобладал и стратеги уступили командование Мильтиаду, который хорошо знал тактику персов и вообще персидскую армию со времен Скифской кампании и его правления в Херсонесе. Он был отважным и опытным воином, залог успеха и победы видел в наступлении. Преимущество персов в количестве войск было очевидно. Но повели себя персы довольно легкомысленно: расположившись лагерем под охраной удобного рельефа, они чего-то выжидали. Греки же, не теряя времени даром, сближались, валя деревья и строя частоколы (для охраны себя от нападения персидской конницы). Вдобавок, ионийцы, служившие у персов, вдруг сообщили грекам, что куда-то ушла конница персов. И Мильтиад нанес удар: в стремительной рукопашной схватке они одолели персов, причем конница тех оказалась не у дел.

Античный воин надевает поножи

Вот как описал сражение Геродот. Битва при Марафоне длилась долго. В центре боевой линии, где стояли сами персы и саки, одолевали варвары. Здесь победители прорвали ряды афинян и стали преследовать их прямо в глубь страны. Однако на обоих крыльях одерживали верх афиняне и платейцы. После победы афиняне не стали преследовать обратившихся в бегство врагов, но, соединив оба крыла, сражались с врагами, прорвавшими центр. И здесь в итоге победили афиняне. Затем они начали преследовать и рубить бегущих персов, пока не достигли моря. Греки старались напасть на корабли и поджечь их. В этой битве пал доблестно бившийся с врагом Полемарх (Каллимах), а из стратегов – Стесилай, сын Фрасила, потом Кинегир, сын Евфориона (ему отрубили руку секирой, когда он ухватился за изогнутую часть корабельной кормы). Погибло и много других знатных афинян. В битве при Марафоне пало около 6400 варваров, афиняне потеряли 192 человека. Персы бежали на кораблях, а афиняне вернулись в город, так как боялись десанта персов. Стратег Мильтиад послал гонца с вестью о победе. Легенда гласит: тот прибежал в Афины и, воскликнув «Радуйтесь, мы победили!» – упал замертво. Правда, у Геродота нет ни слова о «марафонском забеге».

Аристид

Спартанцы явились, когда все было кончено. Они поздравили победителей и ушли к себе в Лаконию. Поражение персов при Марафоне нашло отражение в росписи в Поикильской Стое, или Расписном портике (павший в битве Каллимах, приветствующий бойцов Мильтиад, Кинегир с отрубленной рукой, драматург Эсхил, персы Датис и Артаферн, якобы присутствовавшие там боги – Тесей, Афины, Геракл).



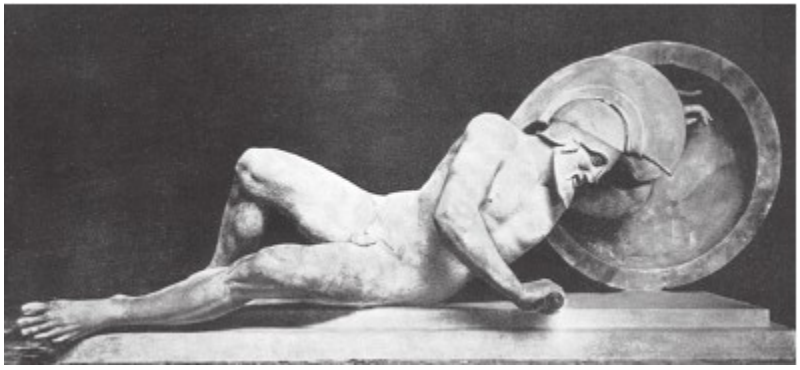
Вид Марафонского поля

В ту героическую эпоху юноши считали идеалом архонта Аристида (540 – ок. 467 гг. до н.э.). В битвах он был первым, всю жизнь посвятив служению отечеству. В Марафонском сражении Аристид принял на себя главный удар персидских когорт. Затем после триумфальной победы, сидя среди груды захваченного у персов золота

и серебра, он читал книгу, даже не смотря на золото, словно это мусор. Увы, из-за интриг Фемистокла, опасавшегося соперничества, Аристида подвергли остракизму в 483 году до н.э. Несмотря на эту вопиющую несправедливость, когда Афинам стали угрожать персы, окружившие у острова Саламин греческий флот, Аристид вновь поспешил на помощь родной земле. Когда его назначили полководцем аттического войска, во многом его мужество обеспечило победу афинян в 479 году до н.э. в битве при Платее. Он способствовал тому, что четвертый класс граждан (средний класс) получил доступ ко всем государственным должностям. Пробыв у власти 20 лет, он умер нищим, не оставив денег даже на похороны. Его похоронил на свои средства город Фалеры.

Греческий воин в атаке и его щит

Идеи патриотизма очень сильны в античной традиции. Пожалуй, это – главный элемент идеологии античного государства. В Греции, Риме, на Востоке патриотизм, отвага в порядке вещей. Так, у японцев особым почетом пользовалась «Хагакурэ» (Книга воина), идеи которой позднее стали активно внедряться в умы нации. В книге сказано: «Вы можете потерять свою жизнь, но честь – никогда». Любой народ восхищается защитниками отечества. Вспомним хотя бы и героическую оборону русскими Козельска от Батыевых полчищ (1238 г.). Все жители положили «животы свои», но не сдались, за что татары тогда и прозвали наш Козельск «злым городом».



Раненый воин с фронтона храма Афины на острове Эгине

В то время защита отечества, выполнение воинского долга считались священной обязанностью граждан. Сократ, воспитанный как воин, в 18 лет дал клятву: «Я не посрамлю священного оружия и не покину товарища, с которым буду идти в строю, но буду защищать и храмы и святыни – один и вместе со многими. Отечество оставлю после себя не умаленным, а большим и лучшим, чем сам его унаследовал». Представляет интерес произнесенная на похоронах афинских воинов речь Перикла. На протяжении последующих веков она всегда привлекала внимание многих историков и политиков. Образ Перикла яркими мазками набросал Фукидид. Чтобы почувствовать величие его речи, да и вообще лучше и полнее понять, что же такое истинная демократия (ибо в России в конце XX в. делалось все, чтобы лишить наш народ понимания всей важности подлинной демократии), послушайте речь Перикла на похоронах жертв первого года Пелопоннесской войны (войны гражданской).

Воины, несущие тело погибшего товарища

Обращаясь к афинянам, он начал прежде всего с предков, ибо справедливость и пристойность требовали воздать им дань

воспоминания. Ведь это они, от века обитавшие в этой земле, из поколения в поколение доблестью своею сохранили ее свободной. И за это они, по глубочайшему убеждению Перикла, достойны похвалы; а еще достойнее ее отцы, потому что к полученному ими наследию трудами своими приобрели нынешнее могущество и оставили его им. А затем его приумножили и они сами, ныне здравствующие и полные сил, сделав город вполне и во всем независимым в военное и в мирное время… Государственный строй Афин не подражает чужим учреждениям; они сами скорее служат образцом для некоторых, чем подражают другим. Называется этот строй демократическим, потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве народа. По отношению к частным интересам законы Афин предоставляют равноправие для всех; что же касается политического значения, то у них в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает та или иная политическая партия, но в зависимости от его доблести, которая и приносит ему добрую славу в том или другом деле; равным образом скромность звания не служит бедняку препятствием к деятельности, если только он может оказать какую-либо услугу государству… Афиняне любят красоту без прихотливости и мудрость без изнеженности; пользуются богатством, как удобным средством для деятельности, а не для хвастовства на словах; и сознаться в бедности у них вовсе не постыдно, напротив, гораздо позорнее не выбиться из нее своим трудом. Одним и тем же лицам можно заботиться о своих домашних делах, и заниматься делами государственными, да и прочим гражданам, отдавшимся другим делам, не чуждо понимание дел государственных. Они одни считают не свободными от занятий и трудов, но бесполезными тех, кто не участвует в государственной деятельности.

Обращение Перикла к народу

Превосходство их состоит также и в том, что они обнаруживают и величайшую отвагу и зрело обсуждают задуманное предприятие; у прочих, наоборот, неведение вызывает отвагу, а размышление – нерешительность. Говоря коротко, Перикл утверждал, что государство Афины стало центром просвещения Эллады. При этом он подчеркивал, что каждый человек может у них приспособиться к многочисленным родам деятельности и, выполняя свое дело с изяществом и ловкостью, всего лучше может добиться для себя самодовлеющего состояния. А то, что все сказанное – не одни лишь громкие слова по удобному поводу, но сущая истина, доказывает и само значение государства, приобретенное ими именно благодаря этим свойствам… В этой силе своей, очевидной для всех и доказанной великими доказательствами, оно послужит предметом удивления для современников и потомства, и нет им нужды ни в панегиристе Гомере, ни в ком другом, доставляющем минутное наслаждение своими песнями в то время, как истина, основанная на фактах, разрушает вызванное этими песнями представление. Своей отвагой они заставили все моря и все земли стать для них доступными, они везде соорудили вечные памятники содеянного ими добра и зла. В борьбе за такое государство и положили свою жизнь эти воины, считая долгом чести остаться ему верными, и каждому из оставшихся в живых подобает желать трудиться ради него…

Перикл вручает награду

Упомянутая речь Перикла стала символом, особым знаком демократического строя. В ней подчеркнуто, что Афины благодаря демократии добились громких побед и стали школой Эллады. Однако необходимо более трезво взглянуть на идеальную картину демократического правления. Какую бы из версий речи вы ни взяли (Фукидида или Платона), по зрелому размышлению всем становится ясно: перед нами все же яркий образец политической пропаганды.

Кресилай. Портрет Перикла. V в. до н.э.

Погибшему в битве воину воздают почести и хоронят. О том, что являла собой могила воина, можно судить по обнаруженному в Марафоне захоронению воина. В загробную жизнь, царство Аида, его сопровождали железный меч и бронзовый нож, бронзовая фибула, два сосуда и два кольца. Предметы указывают, что родичи усопшего имели некоторый достаток и неукоснительно соблюдали права покойника на его личные вещи, в том числе и на достаточно ценный в то время железный меч. В могилах других воинов также находят качественное оружие, железные удила, различного рода украшения и т.д. Фукидид, пересказывая речь Перикла над телами павших греческих воинов, показывает нам пример того, как и о чем должен говорить великий муж (без пошлых «рокировочек» и «лакировочек»). Разве мы слышим в его словах жалобы и стенания? Или завуалированную измену и трусость? Греки на месте растерзали бы такого «главу отечества», которых столько развелось. Великий муж должен воздать дань предкам. Он обязан бережно передать потомкам и все лучшее, что ранее в боях и трудах было создано и завоевано ими.

Афина в трауре. Рельеф V в. до н.э. Стела погибших воинов

Повторим слова Перикла: «Ведь они всегда и неизменно обитали в этой стране и, передавая ее в наследие от поколения к поколению, сохранили ее, благодаря своей доблести, свободною до нашего времени. И за это они достойны похвалы, а еще достойнее ее отцы наши, потому что к полученному ими наследию они, не без трудов, приобрели то могущество, которым мы располагаем теперь, и передали его нынешнему поколению. Дальнейшему усилению могущества содействовали, однако, мы сами, находящиеся еще теперь в цветущем зрелом возрасте. Мы сделали государство вполне и во всех отношениях самодовлеющим и в военное и в мирное время». А смогут ли вчерашние вожди России, опозорившие свою родину, глядя в глаза внукам, повторить слова Перикла?! Что эти прохвосты оставили людям?

Разумеется, говоря о патриотизме греков, величии Афин, мудрости Перикла и т.д. и т.п., не забывайте и о том, что, во-первых, греки очень часто вели захватнические войны и, во-вторых, войны эти являлись причиной многих трагедий. Поэтому даже античные ученые, мыслители, писатели пытались умиротворить страсти. Скажем, Гомер в уста греков, видевших нелепость и бессмысленность войн, вкладывает такие слова: «Мы, воюя, творим преступленье» («Илиада»). Историк Фукидид писал о жутком и разрушительном

воздействии беспрерывных войн на положение государств. Хотя Перикла и назвали «главным архитектором Пелопоннесской войны», длившейся 27 лет, все же надо упомянуть о его робкой попытке добиться объединения греков. Он предлагал всем эллинам Европы и Азии прислать своих уполномоченных на съезд в Афины, где поставил вопрос о необходимости создания условий для безопасного плавания. Солон также говорил о желательности для народов «сложить свое оружие». Война была совершенно не нужна простым людям. Поэтому герои пьесы Аристофана и перебрасываются репликами: «За что воюете, ребята? – За тень осла идет война!» Впрочем, попытка найти дорогу к миру была скорее всего обычной риторикой.

Так почему все-таки войны не прекращались? В любом обществе найдется достаточное число бессовестных мерзавцев, властителей, толстосумов, наконец, просто бандитов, готовых нажиться на войне и грабеже (за счет простого люда, который идет на бойню). Иные гордятся разбоем и убийствами (такого типа высмеял римский драматург Плавт в «Хвастливом воине»). Кто только не писал и не говорил о мире, начиная с Рамсеса II, призывавшего в XII веке до н.э. племена хеттов к «миру и братству»: «О сильный царь, мир лучше войны». Все без исключения попытки заключения длительного мира в истории, увы, кончались неудачей. Правда, по сей день в Лувре хранится конусообразный камень. На нем запечатлен древнейший мирный договор. Два враждовавших шумерских города 4,5 тыс. лет тому назад пришли к согласию. Однако мир был исключением из правил.

Кимон

Говоря о Перикле как о наиболее известном афинском политике того периода, нельзя не упомянуть о Кимоне и Никии. Перикл своей главной заслугой считал, что «ни один афинский гражданин не надел из-за меня черного плаща». Греки надевали черный плащ по погибшим в войнах и распрях (наивысший знак доблести для государственного мужа). Не все могли сказать о себе словами Перикла (включая его самого), ибо то было время жестоких противоборств и гражданских войн. Как ни славны Перикловы времена, величие Афин заложено было еще при старике Кимоне. Это фигура, не уступающая Периклу, а в чем-то его даже превосходящая.

Ваза из Дипилона. VIII в. до н.э.

Кимон (ок. 510 – 450 гг. до н.э.) был сыном Мильтиада. Сторонник спартанского воспитания и образа жизни, он являлся одним из предводителей антиперсидски настроенной аристократии. Активно выступая за создание Афинского морского союза, он немало способствовал победе греков над персами при Эвримедонте на суше и на море (между 469 и 465 гг. до н.э.). Вот как описал его заслуги перед Афинами историк. Кимон на деньги от персидской кампании выстроил южную стену Акрополя, заложил фундамент для Длинных стен. Местность там, кстати, была болотистая, и Кимон укрепил ее, засыпав болото множеством возов щебня и опустив на дно тяжелые валуны. Он первым украсил город прелестными местами для прогулок, городскую площадь обсадил платанами, Академию, находившуюся в безводной местности, превратил в рощу, богато орошаемую, с тенистыми аллеями и открытым местом для бега. В отношении других греков он

не применял насилия. Он поступал довольно снисходительно с теми, кто не желал участвовать в военных походах, беря с них плату деньгами и кораблями. Им же охотно предоставлял право заниматься своими собственными делами. Тем самым от нагрузок военного бремени оказались освобождены созидатели – землепашцы и купцы. Тогда афиняне не расставались с морем, кормили себя сами и еще считались хорошими вояками. Но все течет, все изменяется. «Времена золотого Кимона, наследника побед над персами, и серебряного Перикла, придавшего Афинам опасный статут столицы эллинства, времена роста и расцвета проходят. После первых неудачных лет войны население города на три четверти разбавлено отъявленным сбродом, деревенщиной, бездельниками, дезертирами, женщинами и инвалидами, а цветут теперь не Кимоновы рощи, но повсюду вынюхивающие жирно пахнущий след доносчики, сидящие на жалких подачках судейские, да еще на всем ухитряющиеся погреть руки торгаши, да красноречивые бахвалы вкупе с безумствующими фисиками, толкующими о каких-то «законах природы», да нашедшие кров и стол в тесноте аттической столицы акробаты и эквилибристы, в том числе орудующие языком. Простолюдью неуютно в собственном городе. В Афинах Кимона и Перикла, тогда еще просто большой деревне, они почти все знали друг друга…» (Г. Гусейнов).

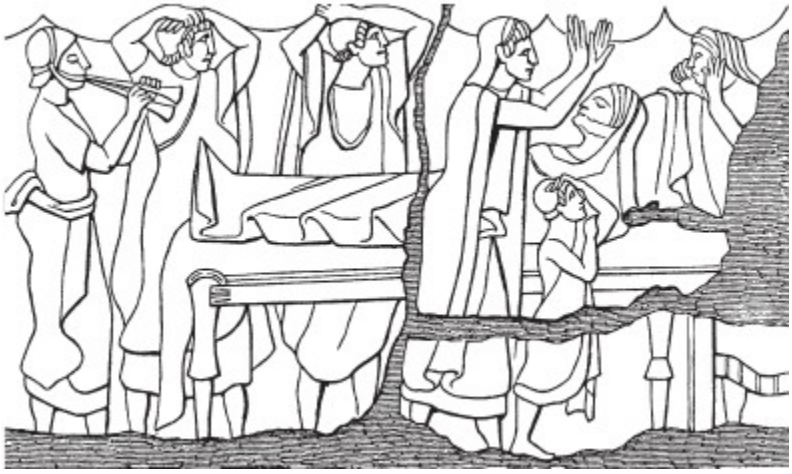
Руины фаллического храма на острове Делос

О жизни Никия до его акме (30 лет), а то и даже до его пятидесятилетия мало что известно. Вероятно, он был старше Сократа, что родился в 469 году до н.э., но не более, чем на 10 лет. Условно

датой его рождения можно считать середину 70-х годов V века до н.э. Родом он был из дема Кидантиды филы Эгеиды и принадлежал к числу политиков новой волны, то есть тех самых «новых богачей», что вышли на арену политической жизни Афин в 20-е годы V века до н.э. Богатство его семьи было нажито еще его отцом, Никератом, разрабатывавшим Лаврийские рудники. О его состоянии говорят и такие цифры: известно, что он сдавал в аренду в Лаврийских рудниках 1000, Гиппоник – 600, Филемонид – 300 рабов. Делалось это через фракийца Сосия, который обязан был платить Никию по 1 оболу в день за каждого раба. Годовой доход Никия от этих операций составлял 60 тыс. драхм, т.е. 10 талантов. Общая же сумма его состояния равнялась примерно 100 талантам. Представляется актуальным рассмотреть взгляды афинского богача, входившего в самый привилегированный слой граждан. Понятно, что его влияние на внешнюю и внутреннюю политику Афин было значительным. Однако Никий (в отличие от большинства «русских Никиев») значительную часть своего состояния предпочел пустить на общественные нужды: на эти средства делались «социальные выплаты» бедным гражданам, приобретались земли для храмов, закупались дары и хлеб, организовывались «священные посольства на Делос», устраивались церемонии и т.д. Никий, видимо, давал деньги и на творения иных греческих интеллектуалов. Во всяком случае очевидно, что его щедрость вызывала к нему симпатию в самых широких слоях афинской публики. И та наградила его постом стратега, который он занимал в течение шести лет непрерывно (с 427 по 421 г.). Он не принадлежал к политикам первого ряда до смерти Перикла, однако его щедрость открыла ему путь во власть. От наших же «никиев» спустя века не останется даже руин, подобных тем, что на о-ве Делос.

С пальмовой ветвью мира

И если Перикл (забудем о его риторике) был сторонником агрессивной внешней политики, то Никий стал символом умеренного и спокойного политического курса. Трусом он не был. Подтверждение этому хотя бы то, что его не раз посылали во главе войск для решения тех или иных военных задач. Он захватил остров Миною (427 г. до н.э.), возглавил экспедицию на Мелос, атаковал Танагру, разорил локрийское побережье, возглавил высадку в Коринфии, добился сдачи Киферы, захватил Менду и т.д. Справедливо говорят, что ни один афинский полководец Архидамовой войны (первой фазы Пелопоннесской войны) не участвовал в столь большом количестве схваток и сражений, не проиграв при этом ни одной.



Оплакивание погибших

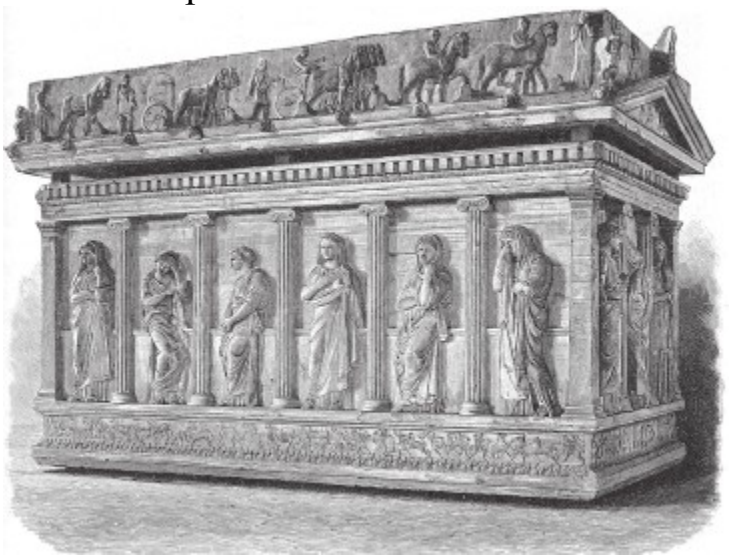
Но в данном случае нам не это хотелось бы особо выделить и подчеркнуть. Дело в том, что война меж Афинами и Спартой возникла

как схватка между двумя братскими союзами. Такое случалось и между славянами. Заслуга Никия в том, что он стремился примирить Афины и Спарту. Но если раньше агрессивному крылу (Перикл, Клеон, Брасид) удавалось доказывать необходимость войны, то после битвы при Амфиполе (422 г. до н.э.), когда афиняне потерпели тяжелейшее поражение (при этом погибли вожди обеих сторон – Клеон и Брасид), переговоры о мире возобновились. По мнению Фукидида, тогда Никий вышел впервые на первый план афинской политики. Никию сопутствовали «счастье и почет в городе» потому, что он «предпочитал не рисковать». Он хотел «не только сам избежать тягостей войны, но и избавить от них сограждан, оставив потомкам память о себе как о человеке, который за свою жизнь не принес несчастья родине». Никий был из числа тех политиков, которых называют «миролюбцами».

Он считал, что наилучшей защитой от опасностей является мир. Знаменательно и то, что этот богатый человек занимал сторону крестьян, а не торговцев, которые жили морем и войной. Плутарх считает, что старшее поколение и большая часть земледельцев, будучи решительными сторонниками мира, являлись опорой Никия. Вероятно, его поддерживали в основном мудрые и опытные люди, и те, что видели главные источники прибыли в мирном труде и земле. Если учесть еще и то, что Никий был весьма благородным человеком, то можно понять причину его большой популярности. Плутарх писал: «Никий готов был скорее перенести утерю победной награды и славы, чем оставить без погребения двух сограждан». Надо признать, что подобного рода позиция, полагающая, что худой мир лучше доброй ссоры, была большой редкостью для древнего мира, что жил в условиях перманентных войн.

Знаменательны слова Плутарха, сказанные о времени, когда прервалось жестокое соперничество, вражда братских народов: «Уже раньше афиняне и спартанцы договорились о прекращении военных действий сроком на год. В течение этого года они встречались друг с другом, общались с чужеземцами и близкими, избавились от страха, вновь вкусили покоя и жаждали и впредь жить без кровопролитий и войн. Им приятно было слушать, как хор поет: «Пусть копья лежат паутиной, как тканью, обвиты», приятно было вспоминать изречение, что во время мира пробуждают спящих не трубы, а петухи. С бранью

отшатывались от тех, кто говорил, что войне суждено тянуться три девятилетия. Договорившись по всем спорным вопросам, они заключили мир. Большинство граждан верило, что пришел конец несчастьям. Про Никия все твердили, что он муж, угодный богам, и что по их воле в награду за благочестие его именем нарекли величайшее и самое прекрасное из благ. И действительно, мир называли делом рук Никия, войну – делом рук Перикла. Ведь тот из-за ничтожного повода и вверг греков в великие бедствия, первый же сделал их друзьями, заставив забыть о величайших бедствиях. Вот почему и поныне этот мир зовется Никиевым».

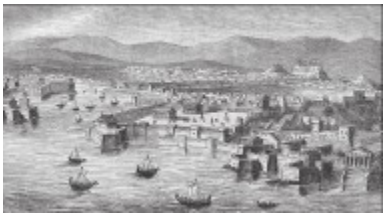


Греческий саркофаг

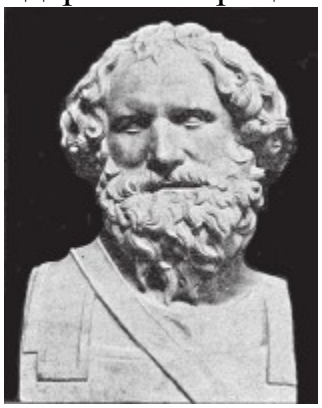
Все сказанное выше никак не объясняет, почему же тогда войны следовали одна за другой, если Ксенофонт уверял, что из всех полисов Афины естественным образом «приспособлены для увеличения своего богатства в мирное время». Слово «мир» стало расхожей фразой. Сравнивая Перикла и Никия как двух совершенно разноплановых политиков (один «ястреб», а другой – «голубь»), надо все же помнить конец их историй. Конец же таков: Перикл умер своей смертью. Став жертвой моровой язвы (чумы), он никогда в политике не становился жертвой собственной слабости. Никий же, говоря все время о мире, следуя курсом «разрядки», был человеком если и не слабым и пассивным, то гораздо менее удачливым. В конечном счете он во время похода на Сиракузы оказался в плену (вместе с остатками войска) и был благополучно казнен. От судьбы, как и от смерти, никуда не

уйдешь. Но в нашей воле сделать собственную судьбу и жизнь страны достойной памяти потомков.

Афины, Спарта и Фивы– битва за гегемонию



Невольно забежав вперед, мы не объяснили глубинные причины конфликта между Афинами и Спартой. Эти два мощных полиса (государства) на протяжении веков определяли ход древнегреческой истории… Афины постепенно пришли к контролю над Аттикой, став к 500 году до н.э. самым мощным государством в центральной Греции и важнейшим культурным центром эллинского мира. Спарта вела свое происхождение от дорийцев, грозных воителей, что некогда вторглись в Грецию. Она преимущественно держалась границ ее Лаконии, которую завоевала (отсюда их наименование – «лакедемоняне» или «спартанцы»). Местное население они частью обратили в рабов, прикрепив их к земле (илоты). Те обязаны были обслуживать воинов и частично свободное население, т. е. периэков. К концу VII века под властью Спарты оказался весь южный Пелопоннес, жители которого с помощью силы и принуждения были организованы в Пелопоннесский союз. Меж Афинами, морской державой, и Спартой, преимущественно сухопутным военным государством, развернется долгая и кровопролитная битва за лидерство в Греции.



Спартанский царь Архидам

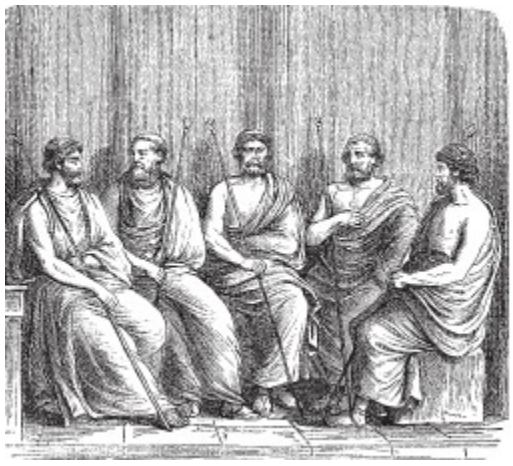
В качестве некой аналогии (довольно условной) можно привести пример России и Соединенных Штатов Америки. Россия является

преимущественно сухопутным государством, США – скорее морская держава. Обе страны полвека находились в жесткой конфронтации. Поэтому схему современного мира в XX веке были готовы подать в виде противостояния «тоталитарной Спарты» и «демократических Афин». Подобным образом разделилось и мировое сообщество: на сторонников «демократического» государственного устройства (Афины—США) – и союзников так называемой «тоталитарной» Спарты (СССР или Россия). Двум этим государствам и сообществам приписывали разные философии и характеры. Одни – непримиримые индивидуалисты, другие – убежденные коллективисты. Одни – «афиняне», другие – «спартанцы». Одни восхваляли, всячески превозносили преимущества демократии, поклоняясь Афинам (США). Другие ценили твердую власть избранных, воспевая идеалы Спарты (СССР). Ныне искусственность подобного деления очевидна, ибо афинские идеалы, как и спартанские, содержат в себе немало мифологем.

Ликург

Читатель понимает всю искусственность сравнения этих стран, ибо всем очевидна разница их происхождения, положения, их географии и т.д. И все же что-то было и есть в этом давнем историческом и геополитическом споре. Ведь схема конфликта и суть противоречий не зависят от величины объекта. Чтобы лучше понять основные причины противостояния Афин и Спарты, надо особое внимание уделить вопросам геополитики, не забывая, конечно, и о экономической стороне противоборства сторон.

Большое значение имеет и личный фактор… Скажите мне, чем живут вожди, и я вам отвечу, что ожидает ту или иную страну через пару-другую десяток лет. В этом смысле особый интерес представляет жизнь спартанского законодателя Ликурга. По мнению Эратосфена и Аполлодора, начало его деятельности можно отнести к 884 году до н.э. В Спарте правили одновременно два царя. Власть их передавалась по наследству. Вот вам пример торжества строя, в котором правит не кучка богачей (олигархов) и их прихвостней, а народ и гражданский коллектив, по сути дела являющиеся правящим сословием. Знаменательно и то, что спартанцы рано стали именовать себя «гомеями», т.е. равными. Свободные граждане превратились в правящую элиту, пусть даже военного толка. Помимо царя в Спарте существовала еще «герусия» (пожизненный совет старейшин из 28 самых знатных старцев). Члены герусии, геронты, фактически управляли Спартой. Существовал институт эфоров, которому в классическое время принадлежала вся исполнительная и контрольная власть в государстве. Коллегия из 5 эфоров, учрежденная, видимо, в царствование царя Феопампа (754 г. до н.э.), избиралась из массы граждан, выражая интересы всей общины (с VI в. до н.э.). Спартанское «Политбюро» имело право отстранять от власти царей. Власть их была столь велика, что Аристотель счел ее «тиранической». В руки эфоров перешло гражданское судопроизводство и управление финансами. За неправедные деяния они могли наказать любого, отстранить от должности любого чиновника до истечения срока его полномочий, и «даже заключать в тюрьму любых магистратов». Хотя присудить человека к смерти мог лишь суд. В эфорах видим все признаки демократической власти народа, что сближает сей институт с властью народных трибунов в Риме. Совет старейшин сдерживал в известных границах и царскую власть, ибо пользовался одинаковым с нею числом голосов при решении важнейших вопросов. По выражению Платона, сей Совет в Спарте стал «якорем спасения» государства, уравновешивая власть царя и народа и тем самым привнося в общество мир. Однако полномочия народа Спарты были не так уж и велики: тот мог лишь принимать или отвергнуть предложения геронтов и царей (всего лишь).

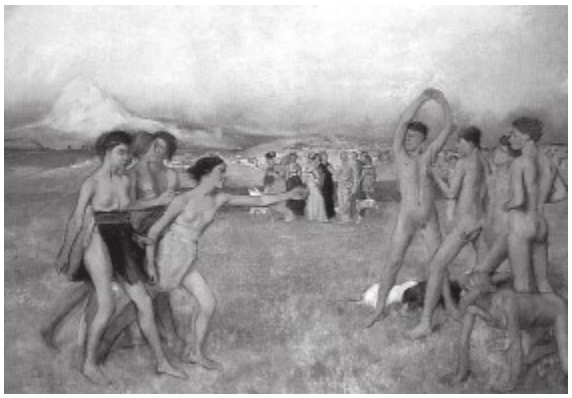


Пять эфоров в Спарте

В том, что Ликург ставил власти некие пределы, Плутарх видел признак высокого ума и прозорливость законодателя. Но особое значение он придавал тому, что Ликург поделил земли и дал их народу, то есть по сути дела осуществил передел земель, находившихся в руках крупных собственников, в пользу неимущих. Неравенство состояний до него было ужасным: «Масса нищих и бедняков угрожали опасностью государству, между тем как богатство было в руках немногих». Ликург решил уничтожить «две самые старые и опасные болезни государства – богатство и бедность». Ради этого крепко прижал олигархов и богачей, убедив их отдать часть собственности в пользу государства, чтобы «жить на равных условиях, так чтобы никто не был выше другого». Историк хвалит Ликурга даже за то, что, зная поганую и алчную натуру этих воротил, он обманывал их. В другом известном труде, «Лакедемонской политии» Ксенофонта, также с явным одобрением сказано, что спартанский строй представлял собой общину равных. Плутарх писал о законах Ликурга: «Вообще он приучал сограждан не желать и не уметь жить отдельно от других, напротив, они должны были, как пчелы, жить всегда вместе, сбираться вокруг своего главы и вполне принадлежать отечеству, совершенно забывая о себе в минуты восторга и любви к славе. Такие мысли видны в некоторых изречениях».

Изображение воинов в бою

Спарта – полувоенное государство, в котором лишь тот, кто защищал родину с оружием в руках, имел право носить почетное имя гражданина и участвовать в управлении страной. Одевались спартанцы просто, а греку, дивившемуся простоте их одежд, царь Спарты Агесилай, объясняя вкусы спартанца, сказал: «Такой образ жизни – почва, на которой выросла наша свобода». Государство тут регулировало буквально все области в жизни гражданина, начиная от воспитания и обучения молодых людей до смерти и захоронения. Элита страны тщательно следила за тем, чтобы даже матери будущих воинов росли здоровыми и выносливыми. В возрасте семи лет детей забирали у матерей и помещали под надзор опытных и храбрых воспитателей. Дети жили, ели, спали и обучались в одном коллективе, у одного наставника. Основной упор в их воспитании делался на дисциплине, физических упражнениях и выносливости. В любую погоду дети Спарты бегали на стадионах босиком, нося зимой и летом одну тунику. Молодые люди, признанные гражданами в 16—18 лет, становились эфебами, лишь тогда обретали гражданские права, когда получали от государства оружие – щит и копье. Уже к 20 годам юноша становился воином и мог принять участие в битвах. Аристотель писал о спартанцах в «Афинской политии»: «После этого они охраняют границы страны, дежуря все время на сторожевых постах, гарнизонную службу они исполняют в течение двух лет… и на это время освобождаются от всех повинностей… По истечении этих двух лет они становятся уже на один уровень с остальными гражданами».



Э. Дега. Упражнения молодых спартанцев

Ели и пили спартанцы немного. Пища была скромной, почти грубой. Общий обед состоял из черной похлебки, вареной свинины, вина, овсяного хлеба и сладкого печенья. Не все греки могли удовлетвориться их пищей. Молва гласит, что когда сибарит из Афин попал к спартанцу на обед, он сказал: «Действительно, спартанцы – самые храбрые из людей. Всякий предпочел бы тысячу раз умереть, чем так жить». Будучи наслышан об их еде, тиран Дионисий купил лакедемонского повара, приказав тому приготовить их знаменитую похлебку: съесть ее не смог, выплюнул. Повар сказал ему: «Чтобы оценить это кушанье, надо делать нашу гимнастику и купаться в Евроте». Спартанцы ели обычно гороховую кашу. Пьянства и кутежи исключались. Толстяков в Спарте практически не было (Олеша не смог бы там написать «Трех толстяков»). Если они появлялись, их изгоняли из страны указом правительства (а уж на правительственный Олимп «тяжеловесам» в Спарте путь и вовсе был заказан). Не пускали туда демагогов и проституток. Не приветствовались и богачи. В Спарте в ходу была пословица: «Бог богатства слеп и лежит без жизни и движения» (Плутарх). Само собой пропала роскошь. Трусов презирали, более всего ценили – храбрость. Убитых в бою несли на щитах. Отсюда выражение: «Со щитом или на щите».

Спартанский обед

Понятно и исключительное значение, которое играли в жизни Спарты военные. Во многом это объяснялось суровыми условиями тогдашней жизни, когда войны следовали одна за другой, постоянно стуча в двери их дома. Спарта – военное государство, наводившее страх на соседей. Однако среди всех греков было широко распространено мнение, что один спартанец стоит в бою нескольких гоплитов из других земель. Жили спартанцы единым общежитием, так что Исократ называл их государство, фактически состоявшее из четырех кварталов, государством-станом. Законы полиса строились с учетом общинной идеологии народа. Ликург запретил заниматься ремеслами, торговлей, воспрепятствовал ввозу серебра и золота, а в качестве денег постановил использовать железо. И чтобы доставить небольшую по нашим понятиям сумму в пару тысяч рублей, нужно было не меньше пары быков – деньги были железными.

Дурис. Эос с телом Мемнона. Роспись килика

Главным занятием спартанского гражданина считалось участие в войне. Смерть в бою считалась, как и у викингов, наивысшей

доблестью. Имена павших героев были окружены почетом и славой. Спартанка напутствовала уходивших на войну сыновей фразой: «Возвращайся со щитом или на щите». Это была демократия, хотя сугубо военного типа. Пассивным избирательным правом тут пользовались лишь 8000 мужчин из 376 000 населения Спарты. Но свободные и не стремились к демократии. Ликург в ответ на просьбу одного либерала учредить в Спарте демократию философски заметил: «Введи ее для начала, друг мой, у себя дома». Платон, Плутарх, Ксенофонт восхваляли спартанцев и их общественный строй. Напротив, Аристотель в его «Политике» осуждал ее: «Для спартиатов все соседи были врагами: и аргосцы, и мессенцы, и аркадяне». Какую из систем предпочтет современный мир – вот в чем вопрос?!

Два основных источника сведений по спартанскому государственному устройству и армейской системе – «Лакедемонская полития» Ксенофонта и труды Фукидида. Ксенофонт подробно рассказал о том, как была организована спартанская армия. Все мужчины в возрасте от 20 до 60 лет должны были служить в армии. Основу войска составлял гоплит, тяжеловооруженный воин, который содержал себя сам и экипировался сам. Исключение делалось для тех, чей отец погиб, защищая отчий дом и родину. Вооружение спартанца было таким же, как и у остальных греков (длинное копье, меч, поножи, шлем и щит). Спартанца от остальных греческих воинов отличал красный плащ. Войско состояло из лохов, т.е. крупных военных подразделений по 144 человека. Войско Спарты строилось в несколько шеренг (до конца V в. до н.э. их было восемь, затем значительно возросло, по примеру Фив). Вся спартанская армия делилась на шесть частей, называемых морами, те, в свою очередь, состояли из четырех лохов. К каждой море была приписана конница. 300 лучших гоплитов спартанской армии – гиппеи. Они находились на правом фланге и являлись телохранителями царя. Подобный же отряд был и у фиванцев, называвшийся Священным отрядом. Такой же отборный корпус был у персов – 10 тысяч «бессмертных».

Статуэтка спартанского воина в плаще

Царская одежда в Спарте

Следует отметить, что примерно с VII века до н.э. население Спарты стало быстро уменьшаться. Причиной тому была политика в области семейного и гражданского планирования (ограничение числа полноправных граждан), а также постоянная и естественная убыль в результате смерти и войн. В итоге армия из 9-тысячной превратилась сначала в 8-тысячную, а затем в 4-тысячную, причем собственно спартиаты составляли всего лишь тысячу воинов (VII—V в. до н.э.). Пришлось идти на уступки низшим слоям общества. Армию стали увеличивать за счет вольноотпущенных илотов и периэков. Наступали

времена, когда армейская служба стала уделом не только высших слоев общества, но и тех, кого ранее относили к париям. Смешанное спартанское войско называлось «лакедемоняне». В битве при Фермопилах участвовали все спартанцы.

Таким образом можно сказать, что Спарта пожертвовала большим разнообразием вкусов и запросов в угоду равенству части населения, которое являлось главным защитником страны. Ликург предложил миру древнейшую хартию, где сказано: «Созывай правильно от времени до времени народ… тут (ему) предлагай и обсуждай, но народу – решение и власть». Под словом «народ» имелось в виду, конечно, дорическое население страны, дворянство, в противоположность периэкам и илотам, покоренным народностям. «Илоты» представляли собой земледельческое население долины. Фактически это были обращенные в неволю военнопленные. Они обязаны были работать на полях, которые победители, спартиаты, разделили между собой. В несколько лучшем положении находились «периэки», окрестные жители Спарты. Доряне (спартанские дворяне) жили в городе Спарте, который сохранял характер открытого военного лагеря и простирался свободно без всяких стен. При очевидной несправедливости того социального устройства, которое установилось в государстве, естественными были постоянные распри. Собственно, именно так и было до прихода к власти Ликурга. Страну раздирало двоецарствие, да еще имущественное неравенство терзало спартанское общество. С приходом к власти Ликурга, однако, вся ситуация в экономике коренным образом изменилась.

Д. Веласкес. Кузница Вулкана. 1650/51 г.

Штоль писал о переменах, которые принес Ликург: «До тех пор между гражданами существовало сильное неравенство имуществ. Уже при покорении страны земля, вероятно, разделена была неравномерно; с течением же времени одни завладели огромными имуществами, а другие пришли в нищету. Между тем государство налагало на всех одинаковые обязанности и тягости, требуя от всех равномерно, чтобы они защищали и расширяли страну, завоеванную предками. Недовольство, с одной стороны, гордость и высокомерие – с другой стороны, привели к раздору и беспорядку. Необходимо было положить предел такому положению, для того чтобы сохранить мир между гражданами. Ликург уничтожил разницу между богатыми и бедными; он разделил между беспоместными и мелкопоместными семействами, вероятно, царские поместья, принадлежавшие прежде Пелопидам, и вообще создал равенство имуществ. …завоеванная земля была разделена между 9000 спартанскими семействами на 9000 довольно равных наделов, и дальнейшими распоряжениями Ликург позаботился о возможном сохранении в будущем этого положения. Разделенные земли не считались свободной собственностью владетелей, они были собственностью государства, и владетели не имели права их продавать, дарить или завещать. Они нераздельно переходили от отца к старшему сыну, который делил доходы с них с младшими братьями, если они не получали надела женитьбой на наследнице другого семейства или свободного участка после вымершего семейства. Если какое-нибудь

семейство вымирало, то его свободный надел возвращался в собственность государства, и царь, как глава войска, …снова отдавал его». Владение наделом налагало на граждан и обязанность военной службы.

Дорянин был прирожденный воин. Вся община была войском, где царило жесткое правило: «Кто не сражается – тот не имеет земли и не ест». Спартанцы презирали плуг и мотыгу, считая, что свободные люди созданы лишь для битв и сражений. Землю же обрабатывали илоты, получавшие за это определенную долю урожая. В отношении их был установлен твердый порядок – илотов нельзя было убивать, продавать или отдавать в дар, ибо они были собственностью государства. В Спарте они не были прямыми рабами, но закрепленными за землей крестьянами (примерно такое же положение при режиме Сталине занимали и наши крестьяне). При всех слабостях и недостатках такого строя (особенно глядя с высот нашего исторического развития) в пользу Ликурга и его «Законов» говорит не только то, что они появились на два века раньше, чем в Афинах, но и то, что Спарта оказывалась победителем почти во всех тогдашних войнах и конфликтах. И разве же не показательно то, что по пути Ликурга, его законов вынужден был пойти даже такой «демократ», как Солон?!

Среди защитников историчности предания о Ликурге можно назвать ученых Г. Бузольта, Н. Хэммонда, К. Краймса, Г. Мичелла, В. Форреста, Дж. Хаксли, Э.Д. Фролова, И. Шишову, Л. Печатнову. Опровергая позиции противников реальности существования Ликурга, Л. Печатнова пишет: «Несмотря на остроумие некоторых из подобных гипотез, всеобъемлющий скептицизм в отношении античной традиции о Ликурге неоправдан. У нас нет серьезных оснований отвергать все предание о Ликурге как лишенное какой-либо исторической ценности. Конечно, проблема Ликурга очень трудна. Это одна из самых больших загадок древнегреческой истории… В настоящее время в науке преобладает скорее позитивное отношение к Ликургу, которого причисляют к крупнейшим греческим законодателям архаической эпохи наподобие Драконта или Солона в Афинах».

Ахилл, перевязывающий Патрокла

Однако при всем уважении к умеренному строю Спарты (с точки зрения ряда жизненных установок и нравов), идеализировать его никоим образом не стоит. Спарта представляла собой полис, руководствовавшийся исключительно своими, личными и эгоистическими интересами. Никакие высокие мотивы, призывы к защите общей родины на них не действовали. Приведу один или два примера. Когда огромное войско Ксеркса вторглось в Грецию, двинулось через Фессалию и подошло к Афинам, афиняне отправили послов в Спарту, убеждая их оказать помощь. Те медлили. Это же было при Марафоне. Придя на второй день пути в Спарту, посол сказал: «Лакедемоняне! Афиняне просят вас помочь им и не допустить порабощения варварами древнейшего города в Элладе. Ведь Эретрия уже несет ярмо рабства, и Эллада стала беднее одним знаменитым городом». Спарта хотя и согласилась прийти на помощь Афинам, но при этом все медлила, ссылаясь на закон, словно беременная женщина на девятом месяце. «Это ведь был как раз девятый день первой половины месяца, а в девятый день, говорили они, нельзя выступать в поход, если луна будет неполной» (Геродот). При этом одновременно они лихорадочно увеличивали стены на Коринфском перешейке. Видимо, надеялись как-то отсидеться от врага за великой спартанской стеной.

Битва воинов царя Леонида

Между двумя ведущими государствами Эллады шло острейшее соперничество, не только открытое, но и скрытое, которое старались всячески закамуфлировать. Вот как описывает события Геродот: «А в Лакедемон афиняне отправили послов с упреками лакедемонянам за то, что те допустили вторжение варваров в Аттику, не встретив врага в Беотии. Послы должны были, кроме того, напомнить им о щедрых посулах персидского царя афинянам (в случае их перехода к персам). Да к тому же еще объявить лакедемонянам: если те откажут в помощи, афиняне сами найдут средство спасения. Лакедемоняне же как раз справляли тогда праздник, именно Гиакинфии, и для них важнее всего в то время было чествование божества (да и стена, воздвигаемая в Истме, была почти готова, и на ней даже ставили зубцы (башен). По прибытии в Лакедемон афинские послы вместе с мегарцами и платейцами явились к эфорам и сказали вот что: «Послали нас афиняне и велели передать вам, что царь мидян возвращает нам нашу землю и желает заключить с нами союз на условиях полного равенства (обеих сторон), без обмана и коварства. Он жалует нам кроме нашей земли еще и другую по нашему выбору. А мы не приняли его предложений из благоговейного страха перед эллинским Зевсом и потому, что измена Элладе для нас – отвратительное деяние. Мы отказались, хотя эллины обижали нас и покинули на произвол судьбы и хотя мы знали, что мир с царем нам выгоднее войны. Все же добровольно мы, конечно, не заключили мира с персами. И (поэтому) наш образ действий и намерения по отношению к эллинам честны и искренни. Вы же, напротив, были тогда в сильнейшей тревоге: как бы мы не помирились с персидским царем. А после того как вам стали ясны наши намерения (именно, что мы никогда не предадим Эллады) и

так как стена на Истме была почти готова, тогда вы стали совершенно безразличны к афинянам. Договорившись с нами встретить персов в Беотии, вы покинули нас и допустили варваров в Аттику. Поэтому-то афиняне в данный момент гневаются на вас: ведь вы поступили нечестно. Афиняне требуют теперь, чтобы вы без промедления послали войско и вместе с ними дали отпор врагу в Аттике». Но спартанские вожди медлили с ответом. Геродот назвал причину, по которой лакедемоняне повели себя именно таким вот образом, говоря, что он не видит иной, «кроме той, что теперь они успели укрепить Истм и считали, что афиняне им уже более не нужны».

И лишь когда афиняне пригрозили отдать весь афинский флот под командование полководца персов Мардония (что означало бы гибель Спарты), те согласились включиться в борьбу: 5000 спартанцев и 35 000 илотов выступили на север. К ним присоединились 17 000 гоплитов из северо-восточного Пелопоннеса. Однако персы сумели захватить и сжечь Афины. Укрывшиеся на Саламине афиняне видели столб дыма над городом. Можно представить себе охватившее их чувство возмущения и горечи. В свою очередь, и они не пришли на помощь спартанскому царю Леониду, принявшему неравный бой в Фермопилах. Многие покинули войско перед битвой.

Ж.-Л. Давид. Леонид при Фермопилах

Спартанцы все же были отважными воинами. Да и в их личном мужестве никто в Греции не усомнился бы. Фаланга спартанцев всегда билась до конца. Не случайно спартанский поэт Тиртей писал: высший долг воина – стоять плечом к плечу с товарищами, а не пытаться показывать личный героизм в ущерб боевому порядку. Спартанцы осудили Аристодема за то, что в битве при Платее тот проявил

безрассудную храбрость, но при этом поставил под угрозу жизнь товарищей.

Хрестоматиен пример спартанцев, оборонявших Фермопилы (480 г. до н.э.). В узком ущелье воины царя Леонида (300 спартанцев и 700 феспийцев) защищали от персов проход. Знаковый пример – бой при Фермопилах. Историки подробно описали эту битву. Ксеркс задержал выступление до середины утра. Когда спартанцы увидели, что его войска вошли в проход, они не пытались больше оборонять стену. Вместо этого лакедемоняне вышли в самую широкую часть прохода и построились там обычной фалангой. Легковооруженные илоты прикрывали их с флангов. Здесь они приняли бой, сражаясь с безрассудной яростью. Персы, которых, как говорят, гнали в бой бичами, вынуждены были карабкаться по горам трупов, чтобы добраться до греков. Вскоре большая часть греческих копий была сломана. Греки вынули мечи, сомкнули ряды и дрались до конца. Леонид пал, и за его тело развернулась ожесточенная битва: персы и греки стремились им завладеть. Четыре раза брали его персы, и четыре раза греки отбивали тело Леонида. Сражение продолжалось до тех пор, пока «бессмертные» персов не добрались до конца тропы, не напали на греков сзади. Развязка близилась.

Тогда греки сомкнули ряды и стали отступать за стену. Миновав ворота, они укрепились на невысоком холме, что возвышался над болотистой равниной. Они выстроились в круг и приготовились к смерти. Персы хлынули через стену, пытаясь забраться на холм, но их оттеснили. Фиванцы подняли руки и сдались. Остальные греки бились мечами, пока те не сломались, а затем голыми руками и зубами они продолжали бой, покуда персы не погребли их под градом стрел. К полудню все было кончено. О мужестве спартанцев говорит такой факт. Некий воин, по имени Еврит, страдавший от глазного недуга, узнав, что персы обошли гору, потребовал доспехи и приказал своему илоту вести его в самую гущу сражения. Там он вступил в бой, хотя и был почти что слеп. Правда, был и другой, Аристодем. Как сообщает Геродот, он отступил вместе с союзниками. По возвращении в Спарту его ожидали бесчестие и позор. И лишь его безумная храбрость (в последующей битве против персов при Платее) смогла вернуть ему доброе имя. Изменник Эфиальт, который долго скрывался, боясь возмездия, все ж был убит, когда дерзнул вернуться домой.

Последний день битвы при Фермопилах

Все 300 спартанцев пали смертью храбрых, но так и не сдались. Понятно, почему бой у Фермопил, как и всем известные битвы при Марафоне и Саламине, считают вершиной греческой военной истории. Слова Леонида, с которыми он обратился к собратьям по оружию, обессмертили его имя: «Давайте-ка завтракать, соратники: ведь ужинать будем в преисподней!» Святость долга гражданина по защите отечества прославил Гораций (65—8 гг. до н.э.). Обращаясь к римским юношам, он убеждал их, что «и честь и радость – пасть за отечество», и при этом восклицал:

Военным долгом призванный, юноша
Готов да будет к тяжким лишениям;
Да будет грозен он парфянам,
В бешеной схватке копьем подъятым.

Персы поступят с прахом убитых спартанцев недостойно. Ксеркс отдал приказ, чтобы тело царя Леонида обезглавили; остальных мертвых захоронили. Сдавшихся же в плен фиванцев персы заклеймили особым царским знаком. После окончания той войны Дельфийская амфиктиония воздвигла спартанцам памятник с надписью: «Путник, расскажи лакедемонянам, что мы полегли здесь, исполнив их волю». Этот подвиг воспели Симонид и Байрон: «Когда в неравный бой за Фермопилы шла без надежды горсть богатырей…» Однако пример битвы и гибели Леонида указывает на то, что и разногласия среди греков были сильны. Байрон скажет в «Чайлд-Гарольде:

Моя Эллада, красоты гробница!
Бессмертная и в гибели своей,
Великая в паденье! Чья десница
Сплотит твоих сынов и дочерей?
Где мощь и непокорство прошлых дней,
Когда в неравный бой за Фермопилы
Шла без надежды горсть богатырей?
И кто же вновь твои разбудит силы
И воззовет тебя, Эллада, из могилы?

Спартанцы были храбрыми воинами, спору нет. Но со временем и их нравы стали меняться. Спартанское войско, одерживая победы, в особенности полководцы и вожди, становились богаче. Присваивая военную добычу, они отучились жить скромно, привыкли к роскоши. Такие люди, как Агесилай, не взявший себе ничего из огромной персидской добычи, были исключением. Политик справедливый и бескорыстный, хороший товарищ, которого любили воины, равнодушный к славе и почестям, он был готов на все во имя благополучия и славы Спарты. Иногда он прощал товарищам и дурные поступки. Когда один из его командиров захватил во время перемирия Фивы, сверг демократов, привел к власти аристократов, Агесилай выступил в его защиту и сказал: «Все, что приносит пользу Спарте, разрешается совершать даже без приказа». Спас он от сурового наказания и того воина, что чуть было не захватил врасплох главного

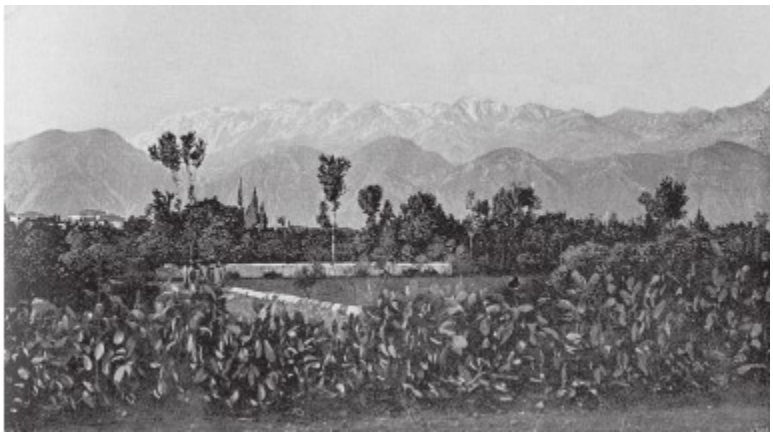
противника Спарты – Афины. Кто-то поставит под сомнение этичность его поступков. Но следует помнить, что и сами Афины не упускали случая ослабить и даже уничтожить Спарту, не брезгуя ничем. Получили же они от персидского царя 30 тысяч золотых монет. Тот дал их на восстановление афинских укреплений и фиванской армии. Фивы были грозным противником. Достаточно упомянуть, что в 371 году до н.э. в битве при Лектрах, в 10 км от Фив, искусный полководец Эпаминонд полностью уничтожил спартанскую армию. Так что «на войне как на войне».

Спартанский гоплит в коринфском шлеме

Пример Спарты и для нас во многом поучителен. Государство могущественное в военном отношении, казалось бы, имевшее хорошую систему воспитания граждан, тем не менее стало клониться к упадку. Почему это стало возможным с нашей «русской Спартой»? Потому что, развиваясь однобоко, уповали лишь на силу армии. «Поэтому они держались, пока вели войны, и стали гибнуть, достигнув гегемонии: они не умели воспользоваться досугом и не могли заняться каким-либо другим делом, которое выше военного дела», – писал Аристотель. В итоге лакедемоняне очутились в ситуации, схожей с российской: казна пуста, власть корыстолюбива, и почти все соседи стали врагами.

Афина Паллада

Этот исторический пример можно дополнить и нынешним состоянием отношений между Россией и некоторыми вчерашними «союзниками и друзьями», членами единого союзного государства – СССР. Иные вчерашние «друзья», чьи народы, находясь некогда на грани полного уничтожения (в результате агрессии соседей), слезно умоляли Россию о помощи, а затем и добровольно вошли в состав империи, сегодня спешат напрочь забыть о прошлом, о некогда могучей державе и ее грозных вождях. Не скрывая намерений, торопятся продать побыстрее и подороже их «независимость», так сказать, конвертировать политический капитал в золото… Некоторые еще и угрожают нам вступлением в военный блок НАТО, устройством баз США в непосредственной близости от границ России, считая, что русские более не нужны. Они, мол, «слабаки» и уже кончились как великая нация… Не спешите делать необдуманные шаги. Завтра ведь ситуация может в корне измениться – и вам вновь потребуется наша помощь. Но кто же захочет иметь дело с предателями и изменниками?! Никому не удалось сломить дух русских воинов. И современная российская армия и разведка, как мы видим, год от года становятся все сильнее…



Гора Тайгет, откуда в Спарте сбрасывали предателей

С другой стороны, и нам есть над чем поразмыслить. Русская Спарта одолела почти всю Европу и Азию в битвах XX века. И что же? Плоды побед достались иным. Видимо, побеждать во внешних войнах еще недостаточно. Надо уметь побеждать внутреннего врага. В России сей враг – верхушка новой элиты и бюрократия, узурпировавшая власть. Они произвели самозахват самой прибыльной части собственности. Все сокровища России, все, что создавал народ, попало в руки бездарного жулья. Это была катастрофа. Народу они пели лживые песни о свободе слова, тогда как сами, под шумок пустопорожних речей и демагогических обещаний, растаскивали Россию.

Сменились ценностные и жизненные установки нации (Спарты и России). Ведь и у спартанцев было время, когда ее лидер, отвечая на вопрос, какой из спартанских обычаев важнее, говорил: «Презрение к удовольствиям». Но с годами стремление к богатству росло… Говоря об особенностях национального характера спартиатов, греки стали отмечать их безудержную тягу к деньгам. И хотя тот же Агесилай гордо заявил царю персов, прислашему к нему делегацию с подарками, надеясь на благоприятные условия мира, что у них принято брать от врагов не подарки, а добычу, в действительности многие вожди и политики Спарты (и России) охотно брали и подарки и взятки. Геродот привел имена ряда спартанских царей, замешанных в коррупции.

К примеру, командующий объединенным греческим флотом при Артемисии и Саламине спартанский наварх Еврибиад, по слухам, получил от Фемистокла взятку в 5 талантов за то, что изменил план экспедиции в пользу Афин. Прибывший в Спарту правитель Самоса,

Меандрий, надеясь получить в войне с персами помощь спартанцев, опять-таки по слухам, был готов с этой целью подкупить всю верхушку спартанской элиты. Говорили, что и самосский тиран Поликрат подкупил спартанское командование, используя для этого фальшивое золото. Взяточничество среди военного и высшего руководства страны (Афин и Спарты) становилось уже нормой. Одного из спартанских царей, Леотихида, возглавлявшего экспедицию в Фессалию, по словам Геродота, «застали на месте преступления: он сидел в своем собственном стане на мешке, полном золота», который он только что получил от врагов своей родины (476 г. до н.э.). И мы в России имеем аналогичные случаи измены. Если народ «очень захочет», будут вскрыты тысячи случаев подкупа нашей элиты!

Правда, даже при поражениях лучшие люди Спарты вела себя мужественно и непримиримо. В решающие минуты царь Спарты, Агесилай, взял в руки оружие, бился как простой воин, хотя сам был уже в преклонном возрасте. Когда в Спарте возник заговор, он приказал схватить изменников и с согласия эфоров убить тех без суда и следствия (хотя без судебного разбирательства ранее не казнили ни одного спартанца). Спарта победила грозных фиванцев в битве при Мантинее (362 г. до н.э.), но ее силы и казна были истощены до предела. И Агесилай пошел служить наемником к отложившемуся от Персии египетскому царю Таху. Его стали упрекать в поступке, но он возразил: «Не может быть ничего недостойного в том, что пойдет на пользу родине». И когда через год вспыхнула Пелопоннесская война и любимой родине вновь потребовались его ум, отчаянная отвага, Агесилай вернулся, привезя в казну страны огромную сумму, данную ему за верную службу фараоном Нектанебом – 230 талантов. Агесилай умер на пути к родине. Тело залили воском и доставили в Спарту. Он лишь просил, чтобы ему не воздвигали памятников. «Если, – сказал он, – я сделал что-нибудь хорошее – это и будет мне памятником; если же – нет, не помогут мне все статуи в мире». К сожалению, не дошло ни одного портрета Агесилая, так как он запрещал живописцам и скульпторам изображать себя. Но помните, что Плутарх из всех греческх правителей лишь его называл «Великим».

Рабы в руднике

Тягостная тема – отношение к рабам… Положение рабов (периеков, илотов и др.) было ужасным как в Спарте, так и в Афинах. В Спарте илоты были, по сути дела, государственными рабами и не могли быть отпущены на волю их господами или проданы за пределы страны. На их плечи ложились все трудовые обязанности. Их называли государственными крепостными. Они жили отдельно, доставляли своим господам хлеб, масло и вино, обслуживали их и обязаны были выступать в случае войны в числе легковооруженных воинов. Правда, их не имели право ни продавать, ни предавать смерти, а за участие в войне на стороне Спарты некоторые из них получали свободу, но чудовищная эксплуатация делала их жизнь невыносимой.

А. Валлон в «Истории рабства в античном мире» приводит слова одного древнего писателя: «Нет народа, где бы раб не был большим рабом, а свободный человек – более свободным». В Спарте илот половину добытого им в ходе тяжелейшего труда на земле урожая должен был отдавать хозяину-спартиату. «Илоты, – отмечал в этой связи Мирон, – должны нести труды самые позорные и наиболее бесчестящие… Каждый год им полагается определенное число ударов, хотя бы они не совершили никакого проступка, чтобы они помнили, что они рабы; более того, если они переходят меру физической силы, которая прилична рабу, их наказывают смертью и на их хозяев накладывают штраф за то, что они не сумели сдержать их развития». В дополнение к этому рабам запрещалось даже петь песни дорян и участвовать в их воинственных плясках. Спартиат не только властвовал над илотом и жил за его счет, но он еще и всячески издевался над ним. Политикой правящей элиты стало сознательное и умелое спаивание илотов (для ослабления их физического и духовного состояния).

Раб из Пафлагонии

Рабы должны были внушать молодежи отвращение и презрение своим пьяным видом (ныне есть еще одна страна, где политика спаивания масс проводится с огромным успехом). Однако этого власти в Спарте казалось недостаточно. Они последовательно, умело проводят против рабов-илотов политику неприкрытого геноцида. Каждый год эфоры (правители), вступая в свою должность, по словам Аристотеля, объявляли «охоту на ведьм» (то есть на илотов). Фактически молодые головорезы, наиболее жестокие и подлые, вооружались кинжалами и рассыпались по стране. Прячась в перелесках и в пещерах (подобно нынешним бандитам), они подкарауливали вечером рабов и убивали их. Это называлось «криптией». Причина столь жуткого порядка заключалась в том, что на 340 тысяч илотов и периэков приходилось 32 тысячи спартиатов (рабов в 10 раз больше, чем спартиатов). Спартиаты убили даже тех рабов (2 тыс.), что показали особое мужество в битвах за Спарту, перед тем цинично украсили их главы венками, как бы уже освободив.

Поэтому ненависть илотов и прочих угнетенных к спартиатам была закономерной. Неудивительно поэтому, что Ксенофонт, говоря о заговоре Кинадона 398 г. до н.э. против спартиатов, заметил, что замыслы заговорщиков «совпадают со стремлениями всех илотов, неодамодов, гипомейнов и периеков: ведь когда среди них заходит разговор о спартиатах, то никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем». Впрочем, в тех случаях, когда Спарта особенно остро нуждалась в воинах, она все же решалась освободить часть илотов, предоставляя им особое положение. Безусловно, многие достоинства спартиатов не должны скрывать от

нас и явные признаки разложения этого общества, где, с одной стороны, были «равные», а с другой, «меньшие» или «худшие», т. е. 700 спартиатов, из которых лишь 100 имели свои клеры, и массу остальных, которых Плутарх называл «толпой» или «чернью». В самой Спарте была и «жалкая и нищая толпа», а за фасадом политического равенства скрывалась формация земельной олигархии. В отличие от римских рабов спартанских илотов отпускали на волю только от случая к случаю, в моменты военной опасности, и ни они сами, ни их дети не могли стать полноправными гражданами. В Риме же, как мы позже убедимся, многие вольноотпущенники пользовались всеми правами и даже в ряде случаев становились представителями самых высших слоев общества.

Ахилл и Аякс за игрой в кости

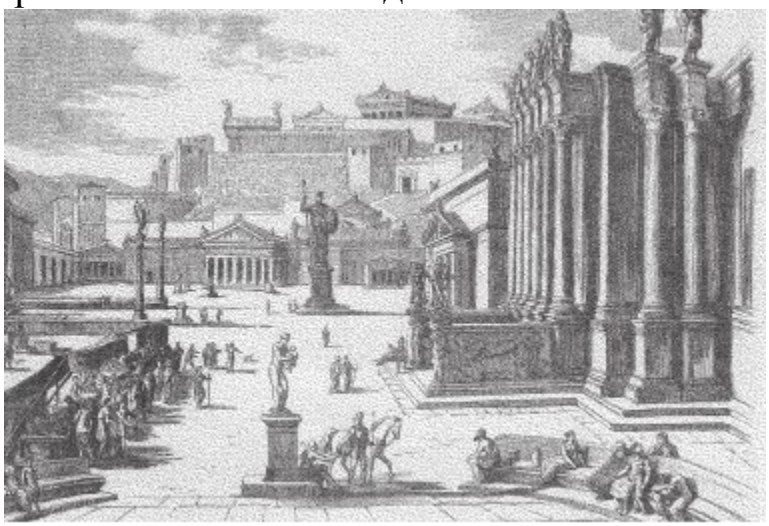
Спартанцы с пренебрежением относились к обычному человеческому труду, как и все прочие греки, презирая труд ремесленников. Геродот писал: «Я вижу только, что и у фракийцев, скифов, персов, лидийцев и почти всех других варварских народов меньше почитают ремесленников, чем остальных граждан. Люди же, не занимающиеся физическим трудом, считаются благородными, особенно же посвятившие себя военному делу. Так вот, этот обычай переняли эллины, и прежде всего лакедемоняне. Менее всего презирают ремесленников в Коринфе». Конечно, подобное уничижительное отношение к труженику имело губительные последствия.

О. Бердслей. Послы Спарты. 1896 г.

Характерно и другое: пожалуй, ни в одном из тогдашних греческих государств не уделялось столь ничтожное внимание образованию, как в той же Спарте. Например, Исократ открыто упрекал спартанцев в безграмотности. Обучение чтению и письму даже не входило в их учебные программы (большинство граждан все же училось самостоятельно). Не приходится удивляться, что спартанский утилитарно-военный идеал, который превосходно описан Г. Жураковским в очерках по истории античной педагогики, оказался бесплодным с точки зрения художественно-эстетического, философского и литературного наследия. Жизненные силы народа обращались на милитаристские устремления и войны. Воин почти полностью доминировал в общественной жизни Спарты. Производительный труд был в загоне. На одной армии далеко не уедешь! Даже если у тебя имеется самое грозное оружие, которого лишен твой противник.

Удивительно и то, что с такого рода философией они стремились обратить в свою веру других. Спартанцы хотели на свой лад переделать мир, но мир сопротивлялся унификации. «Ненасытное честолюбие, – говорит Эзоп, – помрачает ум человека, и он не замечает грозящих ему опасностей». В истории мы найдем страны, ставшие вольно или невольно наследниками Спарты (со всеми плюсами и минусами). «Желая уничтожить гордость, зависть, преступления, роскошь и две самые старые и опасные болезни государственного тела – богатство и бедность, он (Ликург) убедил сограждан отказаться от владения землею в пользу государства, сделать новый ее раздел и жить

всем на равных условиях, так чтобы никто не был выше другого, – отдавая пальму первенства одним нравственным качествам», – писал Плутарх. Чтобы воплотить в жизнь сей идеал, из Спарты изгнали «бесполезные, лишние ремесла». В итоге исчезли деньги, имевшие хождение в других государствах. Сюда перестали заходить чужеземные корабли. Сама собой исчезла роскошь, а с ней исчезли мастера золотых, серебряных дел, гетеры, ораторы. Это уже была крайность, а крайность попахивает дикостью.

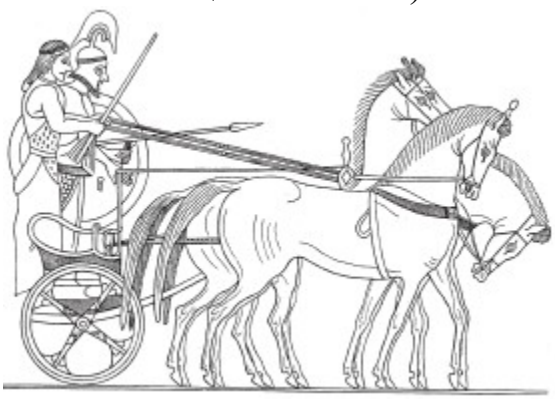


Рыночная площадь в Спарте

Поэтому, оценивая плюсы и минусы Спарты, нужно принимать во внимание все эти особенности и нюансы строя. Американец В.Дюрант в «Жизни Греции» дал взвешенную оценку спартанской цивилизации. Он пишет, говоря о сторонниках Спарты: они могли позволить себе восхваление Спарты, потому что им не пришлось в ней жить. Им не доводилось близко чувствовать себялюбие, холодность и жестокость спартанского характера; встречаясь со сливками знати или вспоминая героев прошлого, они не понимали, что спартанские законы производили хороших воинов и никого более, что телесную (и мужскую) силу они превращали в бесстыдную брутальность, ибо почти полностью притупляли умственные способности. С триумфом этих законов скоропостижно скончались искусства, до их установления переживавшие расцвет; после 550 года мы уже почти не услышим о поэтах, скульпторах и строителях, работающих в Спарте.

Оставались только хоровой танец и музыка, ибо здесь торжествовала спартанская дисциплина, а индивидуализм мог раствориться в массе. Отрезанные от торговли с миром, лишенные

права путешествовать, ничего не знающие о науке, литературе и философии бурно растущей остальной Греции, спартанцы стали в итоге народом превосходных гоплитов с разумом пожизненного пехотинца. Путешественники восхищались их простой и неприкрашенной жизнью, ревностным ограничением числа полноправных граждан, упорно цепляющимся за любой обычай и суеверие консерватизмом, их прославленной отвагой и жесткой дисциплиной – столь благородными по характеру, столь низменными по цели и столь бесплодными по результату. Тем временем на расстоянии в день пути на тысячах несправедливостей и ошибок афиняне строили цивилизацию с широким кругозором, напряженно деятельную, открытую всем новым идеям, жадную до общения с миром, довольно терпимую, разнообразную, сложную, пышную, изобретательную и скептическую, наделенную богатым воображением, чуткую к поэзии, кипящую и свободную. Этот контраст окрасит и, пожалуй, предопределит весь ход греческой истории. В конце концов духовная узость подкосила силу спартанской души. Спарта опустилась до освящения любых средств на пользу своей цели; наконец, в своих завоевательских аппетитах она дошла до того, что продала Персии свободы, отвоеванные для Греции Афинами при Марафоне. Ее поглотил милитаризм, превратив некогда столь уважаемую общину в ненавидимое соседями пугало. Когда она пала, все были поражены и удивлены, но никто ее при этом не оплакивал. Труднейшей задачей политики является, как видим, установление такого общественного строя, который бы гармонично сочетал скромность, простоту и неприхотливость Спарты с изобретательностью, живым разнообразием, творческой и деловой энергией Афин (если это вообще возможно).



Воины на боевой колеснице

Многие отдавали предпочтение афинскому политическому устройству. Вряд ли в данном случае имеет смысл уходить в глубины афинской истории и описывать приход к власти в качестве басилеев (царей) Меланфа и его сына Кодра (видимо, случилось это событие в конце XII в. до н.э.). Тем более что об этом поведал Геродот. С утверждением царем в Афинах Кодра, храброго воина и искусного военачальника, полис не только прочно встал на ноги, но и смог отбить вторжение дорян. Кстати, Аристотель считал, что именно со времени правления Кодра начинается самостоятельное развитие Аттики. К той же эпохе относят и начало соперничества между Афинами и Спартой (XI в. до н.э.). Заслугой царя стало то, что он сумел создать боеспособную армию, состоявшую из ополчения. Туда призывался каждый боеспособный житель царства с оружием. В то время войско составлялось из тех граждан, достаток которых позволял иметь оружие и служить в армии. Как видите, ситуация в корне отличная от нашей: у нас в России (да и во всем так называемом развитом мире) в армию попадают те, у кого нет средств, кому нечем заплатить не то что за оружие, а иногда просто даже за скромный обед или кров над головой!

Денежный капитал – основа олигархии

Установленные Кодром порядки сформировали соответствующую политическую структуру афинского общества. Тот, кто защищал власть и страну с оружием в руках, нес расходы и жертвовал жизнью, тот и должен был пользоваться правами. Такое было при советской власти: те, кто служил в армии, имел преимущественное право на прием в вузы. Именно в ту эпоху (но когда точно, неизвестно) произошли перемены и в структуре высшей политической власти: в Аттике ввели должность архонта. Он должен был решать текущие вопросы полисной жизни, из полномочий басилея выделили обязанности верховного военного руководителя (полемарха). Царь (басилей) оставался царем. Платон скажет: «Ведь цари у нас были всегда, то ли в силу происхождения, то ли избранные». Тут мы уже видим возникновение института разделения властей. Аттическая правовая мысль совершенствовалась, отвечая тем новым реалиям, при которых приходилось жить и бороться Афинам.

Правовые нововведения имели длительную историю, и мы не будем вдаваться в их детализацию. Скажем лишь, что в 624—623 годах до н.э. архонт Драконт завершил запись строгих правовых установлений полиса и провел их опубликование. Сам он ничего не придумал, но кодифицировал правовые предписания былых времен. Эти «драконовы законы» были довольно суровы, поскольку аттические власти строго требовали от народа соблюдения суровых правил жизни. Однако в одном плане его установления имели вполне определенную направленность, а именно: они служили преимущественно олигархам. В законах четко прослеживается стремление архонта оградить интересы состоятельных земледельцев, т.е. закрепить за богачами право частной собственности. Записанные Драконтом (Драконом) установки в аттической терминологии именовались фесмами, хотя Аристотель в «Политике» называет их законами. Конечно, это был важный сдвиг в правосознании общества, такой же сдвиг, какой происходит сегодня в России, когда все мы учимся действовать уже не внутри системы, где «все вокруг мое», то есть ничье, но когда право на полученное, закрепленное законом становится и вашей собственностью (к сожалению, за исключением прав новых рабов современного мира – ученого, изобретателя, учителя, рабочего).

Кратер с изображением Диониса и Ариадны

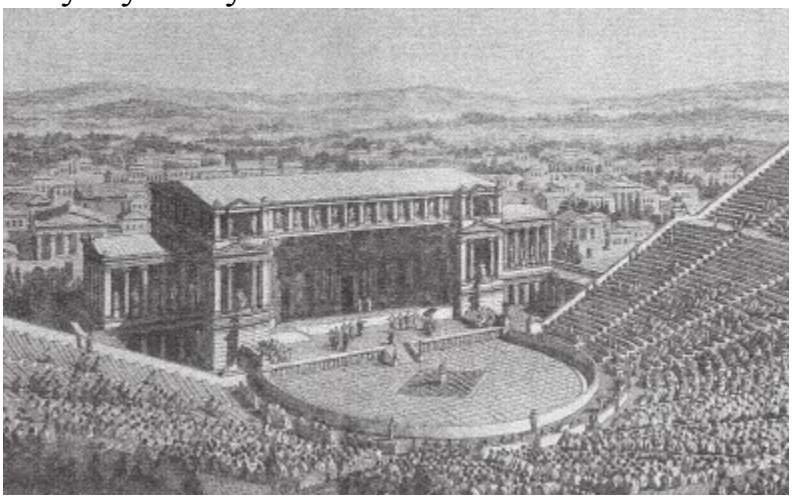
Поэтому мы не можем не видеть узко ограниченный, враждебный плебею характер данного законодательства. Чего же, собственно, достиг Драконт? Перевел право в плоскость обслуживания интересов довольно узкого клана – то есть клана богачей и крупных земельных собственников. Олигархи времен Драконта сделали все угодные и выгодные им записи в общеполисное законодательство, как они сделали записи в конституцию России (где четко закрепленные права народа на недра, леса, моря и т.д. отсутствуют или обозначены общими и абсолютно ничего не значащими фразами).

Разумеется, древний совет на холме Арея, оставленный из отслуживших свой срок архонтов-олигархов, как пишет Т.В. Блаватская, в большинстве случаев занимал проолигархические позиции. Поэтому в конце VII века до н.э. в Аттике и «развилась безудержная олигархократия». О состоянии того общества говорил и Солон, сын Эксекестиада (635 – ок. 560 гг. до н.э.). Быстрое развитие денежного обращения и сосредоточение средств в руках у олигархов позволило им своевольно толковать экономические уставы и законы Аттики. Правда, Демосфен восхвалял Драконта за полезные афинянам законы, но эта похвала явно носит характер лести, вызванной политэкономическими симпатиями самого Демосфена. Законы Драконта служили узкому кругу лиц и уже по этой причине неизбежно должны были бы встретить сопротивление и осуждение всего общества. Государства и погибают тогда, когда народы перестают отличать дурных правителей или дурные законы от хороших.

Свидетельства Солона, Аристотеля и иных авторов позволяют заключить: Драконт заботился прежде всего о правоспособности и преимуществах своего социального круга. Даже то, что Солон и его единомышленники отменили большинство фесм Драконта, указывает на проолигархический характер предписаний законодателя. «Не думая об интересах и правах народа и попирая ряд «отеческих» моральных ценностей, Драконт не понимал реального состояния общества (Афин) и сложного правосознания своих современников». Итогом власти олигархократии стало неизбежное крушение. Хотя сведения о злоупотреблениях в Афинах в конце VII века до н.э. не идут ни в какое сравнение с тем беспределом, который наблюдался и наблюдается в конце XX – начале XXI вв. в России.

Такая правовая и социальная беззащитность населения, произвол олигархов, власть верхов, бандитов, пиратов – все это чрезвычайно ослабляло устои афинского общества, угрожало самому его существованию. Ради чего и во имя чего защищать всех этих бандитов, которые ограбили тебя до нитки?! Губительность и абсолютная порочность подобной власти становилась очевидной как для рядовых политов, так и для наиболее умной и ответственной части политической элиты страны. Поэтому Аристотель и осуждал олигархический строй и господство олигархов. Фактически они привели дело к тому, что «неравенство в одном отношении обусловливает и неравенство вообще: раз существует имущественное неравенство, то из него вытекает и неравенство вообще». Он-то прекрасно понимал, что пустыми речами о свободе, о которой так любят поболтать ныне журналисты и политиканы, делу не поможешь. Раз у народа нет реальных прав, то есть нет мало-мальски приличных средств к проживанию и достойному существованию, рано или поздно жди бунта и мятежа. «Вот каковы бывают первоисточники внутренних междоусобиц, вот где зарождаются мятежи». Вот главные причины и военных переворотов… Собственно, для этого всегда были две главные причины: одни поднимают мятеж, ибо считают, что обделены правами и не имеют ничего из того, что есть, скажем, у богатой части общества (они стремятся к равенству); другие поднимают мятеж по иной причине – имея больше, чем другие, они хотят иметь еще больше власти и денег, т.е. распоряжаться всем в стране (эти стремятся к неравенству во всех областях жизни данного общества).

Если Афины и сумели выстоять в течение ряда веков против многочисленных угроз, то это произошло лишь потому, что Солон и особенно Клисфен и Писистрат поставили на место олигархов, держа их в железной узде. Хотя упомянем и великое мужестве афинян. Им пришлось испытать на себе ужас персидского нашествия. Все или почти все, что уцелело в Афинах от первого разрушения, было окончательно уничтожено. Страна была опустошена. Надо вспомнить и моральное превосходство Афин. В заслугу им поставим создание панэллинского национального собрания для обсуждения вопросов организации войска и флота для борьбы с персами. Ведь они выступили на свой страх и риск на защиту азиатской Эллады. «И дело не в одном только национальном значении Афин, – пишет Р. фон Пёльман, – все решительнее выступавшем в течение греко-персидских войн, но и в том, чем Афины стали для человечества. Афины вели яростную борьбу за свободу. Политическая и духовная свобода, без которой невозможно ни всестороннее развитие народных сил, ни полный расцвет свободной творческой личности, – долго была бы немыслима в покоренной Востоком Элладе». Действительно ли война Афин за свободу означала «победу обращенного к посюстороннему свободного эллинского духа, даровавшего нам те культурные сокровища, которыми мы живем до сих пор»? Пафосные слова западного историка о «битве за свободу» вызывают у серьезного историка грустную улыбку.



Театр в Афинах

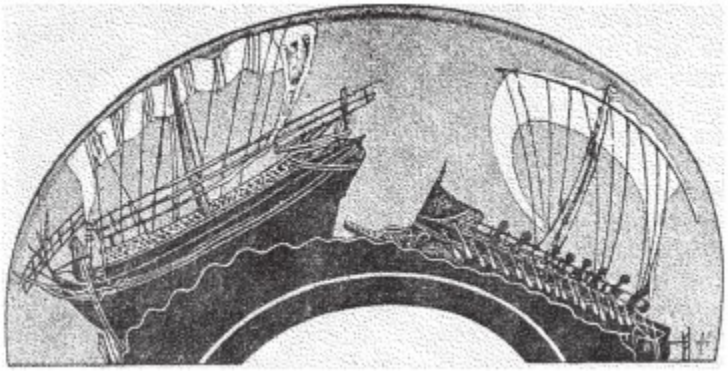
При всех наших симпатиях к свободе, демократическому правлению, к торжеству эгалитарных принципов, к идее подчинения

афинян вождям в силу их авторитета, доблести и ума – все же надо не забывать и о фактах. Утверждения, что в Афинах и полисах древнего мира правили не тирания с монархией и олигархией, не произвол правителей, а закон, на каждом шагу опровергаются фактами, когда смотришь на их дела. Обращение к конкретике политической, экономической и военной жизни позволит нам лучше понять место и роль Афинской империи в тогдашнем мире и понять суть ее политики… Афины громогласно восхваляли сами себя как лидера союзных демократических государств греческого мира. Но после того как союзное казначейство было перевезено с Делоса в Афины (в 454—453 гг. до н.э.), наступила уже иная эпоха. Раньше союзники контролировали финансы. Теперь же Афины стали распоряжаться ими единолично, а вскоре союзное совещание и вообще перестало собираться. Так союзники Афин, потеряв контроль за экономическими решениями, фактически стали сугубо номинальными фигурами (такими, каковыми являются ныне, что вовсе не является секретом, прибалтийские страны или же многие страны Восточной Европы в НАТО), ничего не решая. Финансовой столицей империи стали Афины.

Теперь афинское народное собрание (подобно правительству и сенату США) самолично решало все вопросы войны и мира. Правда, США, будучи более богатой страной, платят своим марионеткам (иногда деньгами, иногда в форме грантов и помощи, обещая выделить 5 тысяч бесплатных стипендий деткам проамериканской элиты Украины, для воспитания в духе американизма и презрения к собственной стране). Афиняне тут же стали беззастенчиво грабить союзников. Специальные казначеи с 454 года до н.э. собирали дань с союзных государств, исходя из оценки имеющихся у тех ресурсов. Установленный размер дани оглашался на Панафинейских празднествах. Хотя дань собирали чиновники самих союзных государств, все вопросы по выплате и суммам решались в столице империи – Афинах. Суммы выплат все время росли.

Летом после праздника за недоимками отправлялись афинские военные суда, что были известны как сборщики дани. Хаммонд подчеркивает, что Афины получали от империи и другие доходы: это были репарации от восставших государств, например Самоса, штрафы и средства от продажи конфискованной собственности противников

афинян (судьи в Афинах работали исправно, хорошо понимая, кому они должны служить), арендная плата с покоренных земель (порой доходившая до десятой части урожая), деньги, полученные от военной добычи (в том числе за продажу пленных или выкуп за них). Были и другие формы взносов и даже взяток.



Триера, преследующая торговое судно

В общей сумме деньги, перевезенные с Делоса в Афины, составляли примерно 8 тысяч талантов. Сумма осела в афинской казне и составила резерв, скопившийся на Акрополе. Общие поступления от союзников составляли в 431 году до н.э. 600 талантов (а на 1 талант в 483 г. до н.э. можно было построить трирему). Конечно, значительные суммы вносили и сами афиняне. Если они брали из казны суммы на ведение войн, они старались их возместить (в 434 г. до н.э. Афины внесли 3 тысячи талантов). Однако надо понимать, сколь тяжелым грузом ложились на экономику малых государств все эти имперские амбиции Афин. Вероятно, в состав Афинской империи входило что-то около 300 государств (в «списках квот» в 454—431 гг. до н.э. фигурирует 180 государств). Во всяком случае известно, что после 425 года до н.э. Афины назначали размер дани более чем 300 государствам. Разумеется, отношения внутри столь пестрого сообщества были различными. Более терпимой, сдержанной была политика Афин в отношении малоазийских государств. Афины боялись, что те могут вновь вернуться под флаги Персии, как Соединенные Штаты более всего на свете страшатся, что бывшие союзные республики СССР вновь встанут под крыло России. Наиболее сурово и жестко вели себя афиняне с островными государствами в центре империи и на севере Эгейского моря. Конечно, сбирая эту дань, они предоставляли кое-какую защиту от Персии и пиратов, но ведь сами Афины и были главными пиратами.

Воины поднимаются на корабль

О том, что пиратство и разбой уже тогда были чуть ли не «конституционным правом» каждого уважающего себя гражданина, говорят историки. Даже после того, как закончились войны между главными соперниками, морской разбой не только не утих, но стал свирепствовать с новой, еще большей силой. Похоже, что моряки и пираты, ранее находившиеся на службе у сторон конфликта, оказались без работы. Вот они и вышли на «большую морскую дорогу» в надежде поправить свое пошатнувшееся экономическое положение. «Хуже всего было усиление опасности пиратства для приморского населения. Между афинской талассократией IV века и родосской талассократией II века ни один из эллинистических правителей не принял достаточных мер к защите морей – на самом деле многие эллинистические цари были в сговоре с пиратами; и ряды морских разбойников постоянно пополнялись за счет вливания наемных экипажей» (М. Кэри). В этом промысле участвовали многие весьма известные лица. Ученик Сократа Алкивиад, презрев занятия философией, свидетельствует оратор Лисий, «проиграл в кости все, что у него было, и, избрав себе опорным пунктом Белый берег, топил в море своих друзей (сограждан)». Занимались неприкрытым грабежом афиняне, которых посылали власти в города и порты союза с выполнением официальных поручений. Все государства фактически поощряли разбой, если уж не открытый, то скрытый (что вообще характерно для законов и нравов «демократии»). Почти повсюду в древних обществах процветали законы, разрешавшие налагать арест на груз и корабль чужого купца или противника.

Перикл любил говорить о том, что Афины являются центром культуры, «школой всей Греции» и т.д. и т.п. Безусловно, в каком-то

смысле это было так. Но еще они были и торговой столицей, вроде Москвы… Сюда свозилось все, что только было интересного в мире. «Все, что было хорошего на Сицилии или в Италии, на Кипре, в Египте, в Лидии, на берегах Понта, в Пелопоннесе или где бы то ни было, все свозилось в Афины», – писал современник. Все достижения, товары, находки других народов и стран находили тут отклик. Так, из Фурий (колонии на месте Сибариса) попала в Афины мода на жаркие бани, из Карфагена – на пестротканые ковры и пузатые подушки. Египтяне везли папирус, ткань для парусов, снасти для флота, Сирия присылала благовония, Геллеспонт доставлял вкусную селедку, Пафлагония – маслянистый миндаль и сладкие каштаны, Родос – кишмиш и инжир, Сиракузы – сыр и поросят, Италия – зерно и скот, Финикия – пшеницу, айву, финики, Фригия – рабов, Аркадия – наемников, Крит – кипарис для богов, Кирены – мечи и щиты.

Элевсинская равнина

Однако за пышными фразами Перикла о свободе торговли скрывалась политика силы, «выкручивания рук». «Граждане подчиненных государств возмущались тем, что Афины поддерживают демократические режимы и поощряют доносительство, а также необходимостью приносить клятву верности и передачей в афинские суды дел, связанных с убийствами и политическими обвинениями, не говоря уже о таких исключительных мерах, как размещение гарнизонов, назначение комиссаров и взятие заложников. Государства должны были присылать дары установленной стоимости на Панафинейский праздник Афине и в Элевсин – Деметре. Их граждане были обязаны платить налог за прибытие в Афины и вносить залог, который они зачастую теряли еще до того, как обращались в афинский суд. Перикл знал о чувствах, которые союзники питали к Афинам, но

ослаблять бразды афинского правления было слишком поздно». Афины выступали не как равноправный, пусть и более сильный, союзник, но как откровенный деспот и тиран, угнетавший и своих.

Так что и Перикл выступает как политический демагог. Не случайно демократия в его устах оказывается аристократией. Благодаря ораторскому таланту и уму он управлял народной массой по своему усмотрению. Вождь находился у власти около 15 лет и все это время держал Афины под своим жестким контролем. Он держал железной хваткой и всю Аттику. По первому требованию Афин посылали войска, всех недовольных подвергали казни, разрушались стены городов, афиняне забирали корабли, союзников вынуждали вносить в казну Афин громадные суммы. Это и произошло с Эгиной, которая в течение двух веков принадлежала к числу самых богатых государств Эллады. Маленький остров площадью около 80 кв. км был беден землей и водой, но остров процветал благодаря мореходству, торговле и выгодному расположению в центре залива, где пересеклись морские пути. Его жители добирались до Черного моря, устья Нила, до богатой серебром и золотом Испании. Торговля приносила им огромные богатства. Они же первыми в Элладе стали чеканить монету. Только спустя десятки лет монеты возникли в Афинах, Коринфе, Халкиде, Сикионе. Понятно, Афины видели в нем конкурента, который снимал сливки с торговых потоков. Отсюда и ненависть к удачливому сопернику.

Вспомним и карательную экспедицию Фрасилла против богатого Эфеса. Афиняне выступают тут как откровенные разбойники, желающие поживиться за счет города Артемиды Эфесской. Диодор описал неудачный поход Афин: «Фрасилл, посланный афинянами с тридцатью городами, большим количеством гоплитов и ста всадниками, приплыл в Эфес. Он высадил свое войско в двух пунктах и пошел приступом на город. Горожане сделали вылазку, и завязалась жестокая сеча: не выдержав натиска всенародного ополчения эфесцев, афиняне отступили, потеряв четыреста человек; остальных Фрасилл успел усадить на корабли и отплыл в Лесбос». Такого рода военных авантюр против своих соотечественников не счесть.

Разумеется, не секрет, что в основе всей внешней политики Перикла, наряду с главной задачей (противоборство со Спартой), стояли локальные военные планы, целью которых была ликвидация

всех конкурентов и соперников. Поэтому он даже не стеснялся заявлять публично: «Мы должны вытащить эгинскую соринку из глаза нашего Пирея». А ведь тогда, когда под нажимом афинян срывали стены Эгины (457 г. до н.э.), не пожелали вспомнить о том, что 23 года назад эгинцы отличились в битве против персов при Саламине, проявив огромное мужество. Так предали своих союзников Афины, не без участия Перикла «навеки погас блеск островного государства». А как поступили Афины с союзным государством Самос? Это был один из главных основателей Морского союза греческих государств. Самос стал известен в эпоху тирана Поликрата своими великолепными зданиями, туннелями, храмом Геры, чудесами техники. Известна история с «перстнем Поликрата», который, желая умилостивить судьбу и отвести от себя угрозу, выбросил в море самый ценный перстень, но море возвратило его (в брюхе пойманной рыбы). Злым роком Самоса стал Перикл.

Я. Брейгель. Триумф смерти. Фрагмент. 1562 г.

Он вторгся туда, установил политический строй («демократию»), который ему был по душе. Когда же в Самосе вспыхнуло восстание (что неудивительно), «демократов» прогнали взашей, а афинских чиновников и воинов выдали персам, разъяренный вождь Афин повел войну на их уничтожение. Захваченным пленникам он ставил клейма на лоб. Девять месяцев сопротивлялся город, но пал. Самосцев

заставили срыть стены, отдать все корабли и заложников, выплатить военные издержки (1500 талантов). Те даже богов уступили афинянам. Воинов самосского флота привезли в Милет и выставили на позор у столбов тамошней агоры. Через 10 дней и ночей умирающих добили палками, а тела выбросили на поживу псам и птицам. Перикл при этом хвалился: «Царю Агамемнону понадобилось десять лет, чтобы захватить Трою, а я заполучил богатейший город Ионии всего за девять месяцев».

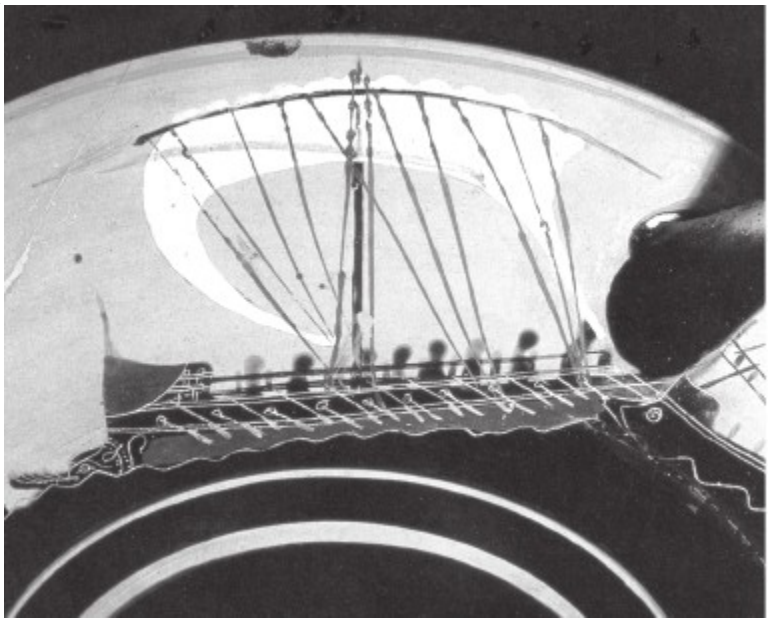
Так за что же пали молодые люди Афин? За свободу? За родину? Нет, в угоду интересам самой подлейшей демократии, которая всегда скрывается под маской. И права была старая женщина, которая, послушав немного хвастливую речь Перикла, подошла к нему и презрительно бросила ему в лицо: «Твои деянья прекрасны и достойны удивления, Перикл! Ты отправил на смерть столько храбрецов. И ради чего? Только для того, чтобы надеть ярмо на братский, союзный с нами город. Мой брат тоже сражался и вел воинов в смертельную схватку. Но ведь он побеждал врагов Эллады – персов и финикийцев!» Таков был этот «народный вождь» без прикрас. Туманс отмечает, что образ Перикла некогда был популярен в советской России и фашистской Германии. Однако еще более популярен стал образ афинской демократии на Западе. Новые режимы ощущают родство с Периклом и Афинами.

А разве не так же действуют новые властители современного мира, Соединенные Штаты?! Разве они не вломились (вместе с ближайшим их союзником, Англией), как бандиты, в Югославию и Ирак?! Разве не захватили, как пираты, законных правителей и государственных деятелей двух этих стран?! Разве не отдали их под суд в Женеве, который на поверку оказался самым гнусным и лживым судом за всю историю человечества, ибо не обладает пусть даже фикцией независимости от своих хозяев?! И по какому праву эти убийцы судят независимые народы?! Что происходит в мире?! Вот она цена серии предательств, которые разрушили могучую державу СССР и отдали мир на потребу главному хищнику – Соединенным Штатам Америки. Как афинский «президент» Клеон издавал приказы о казни жителей Скионы и Менды, так американский президент отдает приказ убивать непокорных жителей Ирака, а глава Израиля убивает граждан Палестины и Ливана.

Язык меча и кинжала

Ранее мы как-то «щадили» афинян, обходя, как вы заметили, войны и все ужасы, которые им сопутствовали и ими же порождались. Однако при более объективном рассмотрении выясняется, что Афины и Спарта были пусть и не очень большими, но сильными, жестокими и прожорливыми хищниками… Спарта последовательно покорила многие земли и стала к концу VI века до н.э. во главе почти всего Пелопоннеса. Это же можно сказать и в отношении Афин. Их возвышение привело к временной гегемонии их «империи». Поэтому на каждую страницу славы приходится десяток случаев позора, предательства, измен, корыстолюбия, трусости и обмана. Спарта и Афины поклялись уважать «автономию греческих государств», но в жизни редко этому следовали. Известна фраза спартанца Лисандра: «Детей мы обманываем бляшками, а взрослых – клятвами». Листая страницы истории Греции, то и дело сталкиваешься с междоусобными войнами. Историк де Ромили прав, утверждая: частые вооруженные конфликты между греческими полисами были явлением обычным и совершенно естественным. Это так. Ведь в Пелопоннесской войне шла постоянная борьба за гегемонию, экономические и политические преимущества. Результатом непрерывных междоусобиц становились акции мести и устрашения, сопровождавшиеся жестокими расправами с пленными, опустошением территорий и земель, гнетом населения. Славные герои Афин без малейшего колебания отрубали пленным правую руку, сбрасывали в пропасть экипажи захваченных в плен триер и т.д. Спартанцы, в свою очередь, казнили пленных афинян. Все отмечали фанатизм Пелопоннесской войны («первой мировой войны» древности), продолжавшейся целых 27 лет. Не забудьте, войну начал

не кто иной, как «великий» Перикл, которого считают отцом западной демократии. Это по его приказу войска атаковали Мегары и захватили Эгины, надеясь тем самым заполучить полный контроль Афин за всей греческой торговлей.



Греческий военный корабль

Афины, как и Спарта, силой побуждали к покорности все свободные полисы и малые государства в Эгеиде (район Эгейского моря). Союз свободных городов на деле был фикцией. О сути взаимоотношений греков открыто сказал Фукидид, хотя и устами Клеона. Обращаясь к народному собранию, Клеон сказал: «Вы должны помнить, что ваша империя – это деспотия, сохраняемая против воли ее подданных, которые постоянно злоумышляют против вас; они не станут повиноваться вам в ответ на любую милость, оказанную вами в ущерб себе, но будут подчиняться вам только до тех пор, пока вы господствуете над ними; у них нет любви к вам, но они покорствуют силе». Отсюда и яростное сопротивление политике Афин, исходившее фактически от всех государств Греции. Историк Дюрант сравнил античные Афины с Англией, которой «предстояло выбирать между империей и голодной смертью» (на деле Англия захватила полмира). Добавьте сюда большое число не всегда смышленой, туповатой и просто безработной молодежи, о которой писал Фукидид («Пелопоннес и Афины были полны молодежи, чья неопытность побуждала их взяться за оружие»), и вы поймете, что везде и всегда причины войн одни и те же.

Гоплиты вступают в бой

На одной стороне оказались Афины, на другой – Спарта, поддержанная всеми государствами Пелопоннеса. Разгром афинянин под Сиракузами на реке Асинар (415—413 гг. до н.э.) западными греками приблизил крах Афин. Фукидид писал о той битве: «Это было величайшее сражение среди эллинов за всю войну и, по моему мнению, величайшее сражение, известное нам в эллинской истории». Мы также оказались перед выбором после разгрома советской, народной демократии. Бездарные вожди предали страну и ее национальные интересы. Греки хотя бы понимали опасность. Гермократ (лидер сицилийцев и Сиракуз) произнес то, что никак не могут выдавить из себя наши политики: «Когда угрожают гражданам Сицилии, живущим вдалеке от нас, можем ли мы воображать, что опасность минует кого-либо из нас?» Напрасно наши предатели надеются, что за давностью лет им простят преступления. Народ помнит все!

Греческая демократия (V – конца IV вв. до н.э.) отличалась от господствующей в нынешнем мире представительной демократии. Правильнее было бы назвать ее «прямой демократией», поскольку вся власть принадлежала в полисе Народному собранию (экклесии). Оно собиралось примерно раз в 10—14 дней (на холме Пникс, где находился и алтарь Зевса). Вторым важным органом был Совет (Буле), куда по жребию избиралось 500 человек. Сюда мог попасть даже бедный афинянин, если ему исполнилось 30 лет (служба его в Совете оплачивалась). О масштабах той демократии говорит и такой факт: примерно 70 процентов всех афинян в течение жизни смогли побывать членами Совета. Поэтому они и старались укрепить свой полис: интенсивно, энергично занимались созиданием, а не разрушением, строили могучий флот, порты, длинные стены (своего рода систему

«противоракетной и ядерной обороны»). Античность – это гражданственность, сила духа, чувство чести и высочайшая ответственность. Участие в делах общественной и государственной жизни (res publica) считалось самой важной, а во многом и определяющей чертой, характеризующей античного гражданина. Греки и римляне были сторонниками непосредственной демократии общины (civitas), но только такой, в которой идея свободы предполагала наличие неких общих экономико-политических прав. В тех случаях, когда происходило то, что древние обычно называли убийством отечества (parricidium patriae), всякий уважающий себя грек и римлянин должен был браться за оружие, встать на защиту республики (полиса) и ее законов. Демократы Греции в отличие от наших старались помогать развитию национальной промышленности и торговли. Как бы в противовес им, олигархи стояли на классово-консервативных, антинародных, паразитических позициях. После них хоть потоп, клятва олигархов звучала следующим образом: «И я буду враждебно настроен к простому народу и замышлять против него самое что ни на есть худое». Все греческое общество тогда разделилось на друзей и врагов («наши» и «не наши»). Что лежало в основе столь яростного и непримиримого спора? Вопрос главенства тех или иных сил в народе и государстве!

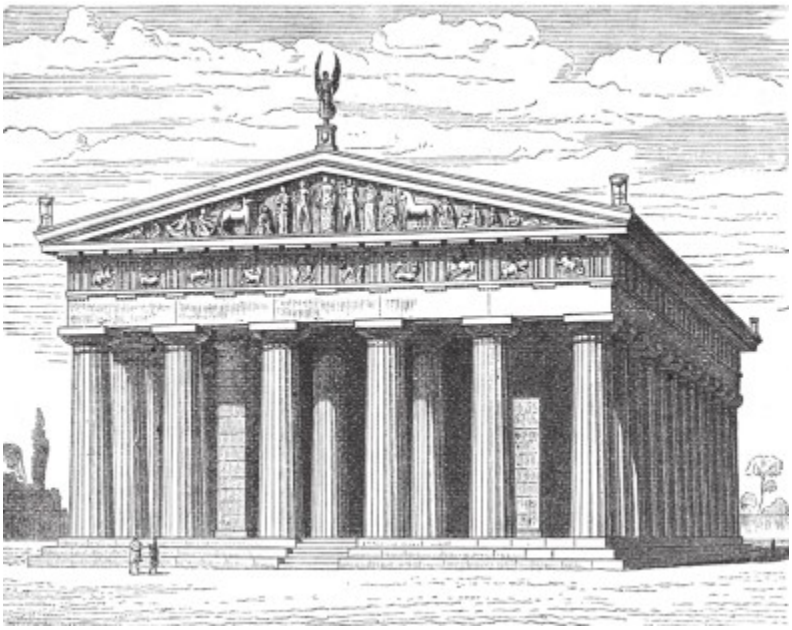
Мать и сын. Рим

Тогдашняя греческая демократия имела, конечно, немалые преимущества (для самих афинян), суть которых довольно отчетливо выразил оратор Эсхин: «Простой человек в демократическом государстве царствует с помощью закона и права голоса». При этом Эсхин определил и черты истинного демократа (думаю, читателю будет небезынтересно сравнить их с обликом тех, что сегодня столь часто выступают в личинах «демократии» в России): «Я думаю, все согласны в том, что у приверженца демократии должны быть следующие качества: во-первых, он должен быть человеком хорошего происхождения и со стороны отца, и со стороны матери. Это для того, чтобы он из-за неприятностей, связанных с происхождением, не относился враждебно к законам, охраняющим демократический строй. Во-вторых, у него должны быть предки, совершившие что-либо хорошее для народа или, уж во всяком случае, не питавшие к народу вражды. Это для того, чтобы он, мстя за неудачи своих предков, не стремился причинить вред нашему государству. В-третьих, он должен быть рассудительным и скромным в своей повседневной жизни, для того чтобы из-за безудержной расточительности не брать взяток и не действовать вопреки интересам народа. В-четвертых, он (демократ. – *Ред.*) должен быть благоразумным человеком и искусным оратором. Ибо хорошо, когда рассудительность оратора помогает ему выбрать наилучшие решения, а его образованность и красноречие убеждают слушателей. Если же оба качества не соединены в одном человеке, то благоразумие всегда следует предпочесть красноречию. В-пятых, он должен быть человеком храброй души, чтобы не покинуть город в период бедствий и опасностей». Если читатель честно сравнит два типа демократии (греков и наш), он легко убедится: мы создали нечто иное – полнейший антипод демократии. У нас в обществе 20 лет заправляют как раз те, кто в Греции считался бы врагом демократии. Когда афинянин хотел одной фразой объяснить свою позицию, он говорил: «Поэтому естественно, что я – сторонник демократии, хотя бы в силу тех подвигов, которые совершили мои предки». Как видим, у нас и тут все совсем иначе. В России «демократия», собственно, и поднялась на охаивании, оплевывании, оболгании, осмеянии деяний родины, веры и героев.

Бегущие Нереиды

Греческие демократы противопоставляли себя олигархам и опирались на волю народа. Они даже конфискацию («приватизацию») часто осуществляли с мыслью о том: а будет ли от того польза всему полису, государству, или нет. Любопытен отрывок из речи оратора Лисия (речь о конфискации имущества у Никиева брата). Она дает представление и о тех принципах, которыми руководствовались властные, судебные органы греческой демократии (где казнокрадство, взятки, надо это честно признать, были распространены столь же широко, как в нашей цивилизации): «Если бы вы видели, господа судьи, что конфискуемое ими имущество идет на пользу государства, то я извинил бы это. Но вы знаете, что часть его ими перехватывается, а другая часть, дорого стоящая, продается за бесценок. А если вы последуете моему совету, то вы получите от такого имущества не меньше пользы, чем мы, владеющие им… Чего же еще не хватает, господа судьи, до полного нашего несчастия, если мы, в правление Тридцати оставшись сиротами, при демократии лишимся (еще и) состояния, тогда как судьба дала нам возможность еще в детстве прийти к палатке Павсания и помочь народу? При таких наших заслугах к каким судьям мы захотели бы обратиться за помощью? Не к тем ли, которые охраняют государственный строй, за который отец и родные наши погибли?» В России, надо это признать, пока нет

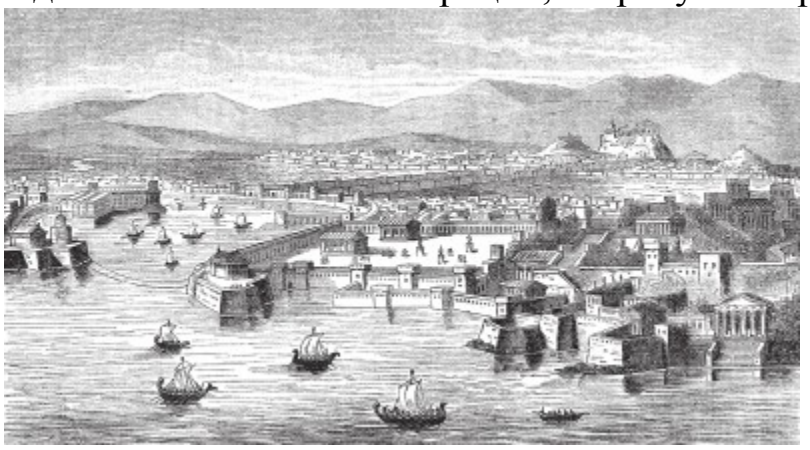
серьезной общественной силы, которая бы защитила интересы народа (и те идеи, «за которые погибли наши отцы и деды») от власти безумных олигархов, обокравших Россию.



Храм Зевса

Если греческая демократия чем-то привлекает нас, то это ее творческой стороной, и менее всего государственным устройством, которое зачастую оказывалось просто несостоятельным перед лицом врагов. К тому же то рабовладельческая демократия, ненавидящая народ. Еврипид считал рабство естественным состоянием варваров, не относя к ним греков. Платон в «Законах» требовал, чтобы идеальное государство имело рабов в необходимых количествах для должного функционирования строя. Аристотель почти дословно повторил слова учителя, отмечая, что «государства должны иметь в больших количествах рабов, а также постоянно проживающих чужаков и иностранцев», чтобы накапливать богатства. Он предполагал, что в его идеальном государстве сельскохозяйственные работы будут выполняться рабами, которые находятся в государственном или частном владении (по примеру Лаконии и Крита). Ксенофонт предлагал Афинам приобрести по три раба на каждого взрослого гражданина для использования в рудниках и шахтах при разработке месторождений. Он считал, что это «снимет» все социальные проблемы общества и вообще доставит необходимые средства полису. Рабы, как известно, облагались налогами и учитывались как один из

видов капитала при определении суммы налога на капитал. Соответствующее законодательство закрепляло эти положения. Если принять к сведению сообщение Гиперида о том, что в 338 году до н.э. во всей Аттике, включая серебряные рудники, было примерно 150 тысяч взрослых рабов мужского пола, то можете себе представить и уровень «демократического мировоззрения» греков. Рабы доставляли грекам немалые богатства. Одна деталь. Когда Афины 17 лет не вели войн, эксплуатируя на полную мощь все рудники, некоторые граждане на использовании рабов в рудниках сколачивали состояние в 300 талантов. Это о чем-то говорит, если самый богатый гражданин Афин, Никий, обладал состоянием в 100 талантов. Так что Греция могла процветать, пока была империей, имела рабов и, разумеется, пока сама (в свой черед) не пала жертвой завоеваний и рабства. Можно сказать, что история в дальнейшем отомстит Греции, ввергнув ее в рабство.



Вид Афин с Пиреем и длинными стенами. Реконструкция

Можно ли в политическом смысле считать Афинскую империю демократией? Если под этим словом подразумевать только свободное население, то с натяжкой можно. Ведь примерное соотношение властных групп внутри свободного населения Афин таково: 10 процентов афинян – бедные люди, 10 процентов – богатые, остальные 80 процентов составляли мелкие и средние собственники. Причем число очень богатых ничтожно, составляя 1—1,4 процента. Такой баланс позволяет, казалось, говорить об известном демократизме строя. Ведь некоторые исследователи даже утверждают, что Афины представляли собой общество, где на самом деле всем и вся фактически заправлял «средний класс» (не олигархи, не эвпатриды, не номенклатура, не богачи, а мелкие и средние собственники). И все же

не видеть за так называемым средним классом трагическую фигуру раба для философа и историка просто непозволительно. В Афинах были каменоломни, игравшие роль каторжных тюрем. Там в тяжелейших условиях трудились и погибали, словно дикие звери, тысячи и тысячи рабов. И тут уж действительно нельзя не привести цифру, на которую обращает внимание ряд историков (как древних, так и современных). По данным историка Ктисикла, при переписи населения Аттики, проведенной в конце IV века до н.э., в Афинах у 21 тысячи свободных граждан и способных носить оружие 10 тысяч метэков числилось в услужении 400 тысяч рабов, в это число включены как мужчины, так и женщины.

Изображения диких животных

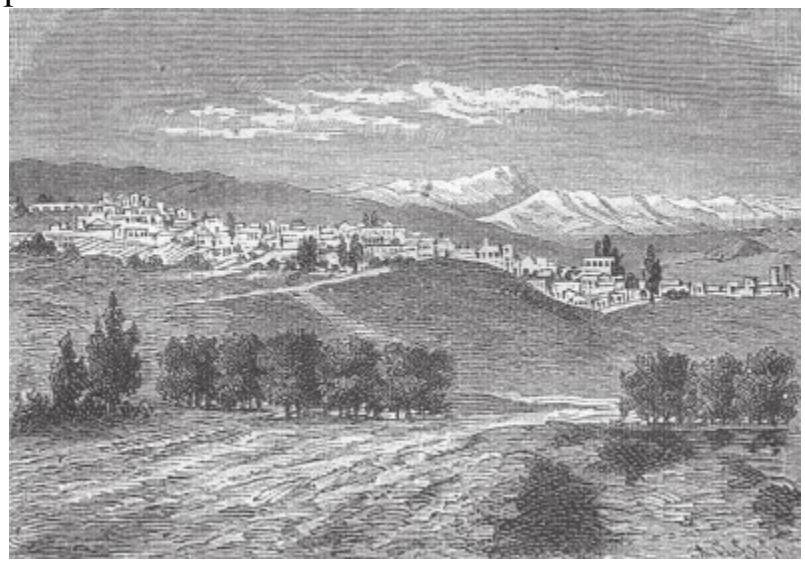
Эта цифра настолько же красноречива, насколько и поразительна. Она означает, что греческая демократия всегда была демократией господ, державших в тисках массы трудового населения. Боннар пишет: «Большинство историков оспаривают эту огромную цифру. Но, по правде сказать, кажется, что они оспаривают её только потому, что не хотят признать, что греческая цивилизация была в основе своей рабовладельческой. Не нужно бояться правды. Выдающийся эллинист Джордж Томпсон принимает эту цифру, он почти единственный, кто принимает эту цифру вместе с Гернетом. Несомненно, эти два крупных ученых знают, что без такого огромного количества рабов Афины никогда бы не возвели Парфенон и не достигли бы величия в остальном. Они знают также, что эта же цифра привела Афины и Грецию к неизбежной гибели. Но время этой гибели подошло не вдруг. Оно не могло прийти, пока для афинян иметь рабов было так же «естественно», как пить, есть и спать». Рабство поддерживали виднейшие философы античной Греции – Платон и Аристотель. Это

рабство было связано с торговой и военной экспансией Афин. Оба философа понимали, что без рабов даже и относительное благополучие афинской державы рухнет в мгновение ока. Поэтому и оправдывали «реальность», как оправдывают иные нынешние ученые, слуги плутократии, – «чудище обло и озорно». Честный ученый должен был бы сказать: «Кончайте с этим рабством!»

Греческие воины: гоплит, пельтаст, пращник

Среди западных ученых апологетом афинской «индивидуальной демократии» стал К. Поппер. В Древней Греции, писал он, индивидуализм являлся составной частью «интуитивной идеи справедливости». В качестве аргумента Поппер привел слова Перикла, где тот связывает индивидуализм с альтруизмом. Кульминация его речи (речи Перикла) – описание афинских возможностей: когда молодежь вырастет, она сможет приспособиться к самым разнообразным занятиям и «добиться для себя независимого состояния». В том вся прелесть буржуазной демократии – «добиться для себя независимого состояния». И пусть все вокруг горит огнем! Разумеется, Поппер прямо этого не говорит. Он даже выстраивает целую систему аргументов, упорно утверждая, что западная демократия – это христианское и альтруистичное общественное устройство. «Этот объединенный с альтруизмом индивидуализм стал основой нашей западной цивилизации. Это – ядро христианства («возлюби ближнего своего», – сказано в Священном Писании, а не «возлюби род свой»), а также всех этических учений, получивших

развитие в нашей цивилизации и ускорявших ее прогресс… Ни одна другая мысль не оказала такого мощного влияния на нравственное развитие человечества». Далее следует враждебный выпад в адрес Платона за то, что тот был противником индивидуалистской демократии. Он обвинил философа в том, что тот, «подобно другим милитаристам, восхищается Спартой», копируя в «Законах» установления полиса Спарты. Поппер сознательно вводит в заблуждение, хотя мы знаем: Запад говорит как демократ, а действует как тиран и палач. Государственное устройство Запада – олигархия в маске демократа.



Вид древнегреческих Фив

Может, именно в силу идеологических неприятий многие всячески поносили и оскорбляли героев Спарты. Показательно хотя бы отношение к Ликургу… В науке об античности XIX—XX веков прослеживалась тенденция принизить, а если удастся, то и вовсе низвести эту фигуру с пьедестала. Ее подают как легенду, а законодательство Ликурга хотят представить как фикцию. Его признавали то богом, то героем мифа. «Кто же этот Ликург? Единственно, что мы надежно о нем знаем, это то, что он был богом, который высоко почитался в Спарте, имел свой храм, ежегодный праздник жертвоприношений», – восклицал Э. Мейер. Откуда делаются подобные довольно спорные выводы?

А на том основании, что в Спарте существовали культ и храм Ликурга. Но это же должно было, казалось бы, говорить в пользу реальности фигуры Ликурга?! Нас поражает готовность западной

науки представлять как фиктивное то, что является одной из самых интересных и знаменательных страниц истории Древней Греции. Иные выражаются осторожнее, заявляя, что эта легенда о Ликурге, подобно прочим мифам, не чистая фантазия, но мифическое эхо исторической действительности (П. Олива). С таких же позиций выступал и Ю.В. Андреев, считавший «совершенно неприемлемыми попытки реабилитировать античную традицию о Ликурге как серьезный исторический источник». Но, думается, ближе к истине автор первого в отечественной истории труда о Спарте – Л. Печатнова. Она считает абсолютно реальной и исторически обусловленной фигуру Ликурга (не касаясь его позиций).

В то же время на Западе и в России немало было и тех, кто восхищался строем спартиатов. На Западе это был Я. Буркхардт, считавший, что именно Спарта, а не Афины представляют подлинный образец идеального полиса, самый совершенный его вариант. Иные сравнивали аристократию Спарты то с японскими самураями, то с тевтонским орденом и средневековым рыцарством. Спарта требовала от граждан «воинственности без войны, аскетизма без принуждения, равенства, несмотря на фактическое неравенство» (Г. Берве). Главное же, она отличалась от большинства греческих полисов духом гражданственности, патриотизма и коллективизма. Об известной «близости воззрений» спартиатов к русскому образцу говорит и то, что только в Спарте государство на раннем этапе истории последовательно боролось с частной собственностью. Личный интерес тут был подчинен общественному, а во главе страны стоял патриарх, отец народа (в форме диархии). Плутарх подчеркивал и такую особенность атмосферы в Спарте: любой гражданин воспринимался только как член коллектива. Любопытно и то, что Запад, превознося в течение ряда веков Афины и ее демократию, в последние годы всё заметнее поворачивается к уроку и историческому опыту Спарты. Что же касается России, то мы абсолютно убеждены в неизбежности пришествия «века русской Спарты»! Это вопрос выживания нации.

Фиванский гоплит

Говоря об Афинах и Спарте, мы обошли стороной Фивы, что играли важную роль в определении баланса сил в тогдашней Греции. Беотийский государственный деятель, полководец Эпаминонд, и Пелопид основали Беотийское федеративное государство во главе с Фивами (379 г. до н.э.). Таким образом, самыми опасными соперниками Спарты в центральной Греции были Фивы и Афины. Фивы стояли во главе Беотийской лиги, а та обладала сильной армией в 11 тысяч гоплитов и 1100 всадников. Спартанцы захватили Фивы и поставили там военный гарнизон, что поддерживал проспартанских вождей Фив – Леонтиада и других сторонников оккупационного режима. Тогда в Фивах вспыхнуло восстание, коллаборационистов убили. Спартанцы вывели гарнизон. Пытаясь помешать Фивам вновь окрепнуть, Спарта направила против Фив в конце 378 года до н.э. войска во главе с Агесилаем. Это была для той поры огромная армия, состоявшая из 18 тысяч гоплитов и 1500 конников. Фиванцы сумели к тому времени создать оборонительные укрепления, и поход Спарты ничего не дал. Но на следующий год Агесилай вновь вторгся в Беотию, опустошил страну еще больше, но решающего сражения Фивам не смог навязать. После ухода основных войск воины Фив стали уничтожать поодиночке гарнизоны спартанцев. При этом священный отряд фиванцев, состоявший из отборных гоплитов, одержал в 375 году до н.э. историческую победу над превосходившими их числом 2-

мя бригадами спартанцев. Впервые в истории войн греков спартанцы бежали от врага, что значительно уступал им в численности. Престиж командира Пелопида необычайно вырос. Источником силы Фив в политическом плане было федеральное устройство. В федеральном правительстве Фив действовал совет из 660 членов. Правительство обладало пропорциональным представительством, и все номы (территории) имели одинаковые избирательные права. Фивы и их владения составляли четыре нома, в состав этой федерации входила Платея и другие полисы.

Полководец фивян – Эпаминонд

Правление совета осталось, правда, олигархическим, ибо полноправные граждане определялись имущественным цензом. Но ведь так было почти всюду. К тому же вскоре (между 376 и 374 гг. до н.э.) лигу воссоздали на демократической основе. Правами были наделены все беотийцы без различия классов. В Фивах проводили всеобщее собрание беотийцев, которое решало и все важнейшие политические вопросы. Все чиновники федерации избирались на номовой основе, отчитываясь перед всеобщим собранием. Количество номов уменьшилось до семи, так как это заметно облегчало управление страной, да и сокращало чиновничий аппарат. В совете федеральных полководцев самым высоким авторитетом пользовались два фиванских полководца – Пелопид и Эпаминонд. Если Пелопид был знатного происхождения и богат, то Эпаминонд также происходил из знатного рода, но был беден. Оба они оказались прекрасными воинами. Эпаминонд к тому же не чужд был занятиям философией и часто беседовал с пифагорейцами. Большой удачей для Фив стало и то, что два этих выдающихся человека стали верными друзьями, ведь дружба так редка между политиками. «Высокое образование

Эпаминонда, его скромность и воздержание, справедливость и возвышенный характер в соединении со свободою в обращении, патриотизмом, храбростью и военными дарованиями ставят его в один ряд с величайшими людьми эллинской эпохи. Пелопид и Эпаминонд были связаны узами крепкой дружбы, и единственным предметом их соперничества могло быть только величие их родины» (Беккер). Победе соратников способствовало государственное устройство Фив и Беотии, для того времени безусловно довольно прогрессивное.

К сожалению, как это часто случается в жизни, вчерашние друзья и союзники могут запросто стать соперниками или даже врагами. Когда беотийцы готовились перейти в наступление, расширяя их экспансию, Афины встревожились. Ведь Фивы вдобавок еще и прекратили выплату Совету союзников. Создание Беотийской лиги, покорение Платеи, нападение на Фокиду усиливали Фивы. Те могли стать главным центром притяжения в союзе, а этого Афины допустить никак не могли. Афины заключили мир со Спартой (374 г. до н.э.), который распространялся и на Фивы, но они претендовали на полное господство в рамках союза. Постоянные вмешательства Афин в дела греков вызывали у всех раздражение, а финансовое их положение оставляло желать лучшего. Чтобы выйти из провала, пришлось вводить налоги на капитал, особые налоги и даже (чтобы накормить войска и моряков) пришлось сдавать моряков внаем в Керкире (как рабочую силу). Все устали от войн, и на мирной конференции в Спарте (летом 371 г. до н.э.), на которую все враждующие стороны прислали своих депутатов, наконец-то, было решено заключить «вечный мир».

Кефисодот. Богиня мира Эйрена с Плутосом

Спарта предложила и условия, поддержанные Афинами и Персией. Условия были таковы: греческие государства получали независимость, все гарнизоны отзывались, приступали к всеобщему разоружению… Если бы вдруг какое-то из государств и нарушило условия мира, другие не имели обязательств вмешиваться. Но каждый из участников мог по усмотрению договора оказать помощь жертве агрессии. Спарта поклялась соблюдать мирный договор от имени себя и своего союза. Принесли клятвы и Афины с членами их союза, включая Фивы, каждый независимо друг от друга. Возникла уникальная возможность сохранить общий мир, ибо даже Персия признала за Спартанским и Афинским союзами право главных гарантов мира. Но уже на следующий день после принесения сей торжественной клятвы фиванцы попросили заменить в мирном договоре слово «фиванцы» на «беотийцы». Понятна и причина их просьбы: Фивы желали закрепления авторитета и мощи Беотийской лиги, тогда как Спарта и Афины, напротив, хотели воспротивиться этому любым способом. Поэтому Агесилай, говоривший от имени Спарты, отказал фиванцам в их просьбе, сказав: «Фивы должны

соблюдать принесенную клятву, иначе их имя будет вычеркнуто из договора». Фиванские делегаты, во главе с Эпаминондом, предпочли быть вычеркнутыми. Так что не успели еще высохнуть и чернила на договоре, как стороны стали демонстрировать несогласие и подозрительность.

Смерть Эпаминонда

Правда, Афины выполнили условия договора, вернув в Спартанский союз все полисы, что откололись от него. Затем Афины и Спарта отозвали свои гарнизоны и вооруженные силы. Однако нрав и душу агрессора не переделаешь. «Царский мир» 371 года до н.э. оказался коротким, как и все слова о верности и их клятвы. И через три недели после заключения мира спартанский полководец Клеомброт во главе армии из 10 тысяч гоплитов и 1000 всадников напал на беотийцев (6 тысяч гоплитов и 600 всадников). Тогда в знаменитой битве при Левктре Пелопид во главе «Священного отряда» с Эпаминондом сумели наголову разбить войско спартанцев, уничтожив половину их воинов (400 спартанцев) и смертельно ранив Клеомброта. Вскоре Эпаминонд довершил разгром Спарты, подорвав ее экономическую мощь. Хотя его победы и привели к созданию очередной лиги, новые союзы не давали гарантий мира. Все стороны продолжали строить интриги друг против друга. Войны продолжались. Схватка за первенство между давними соперниками и конкурентами – Афинами и Спартой – закончилась тем, что более мощный и сильный хищник набросился на Грецию и поработил ее.

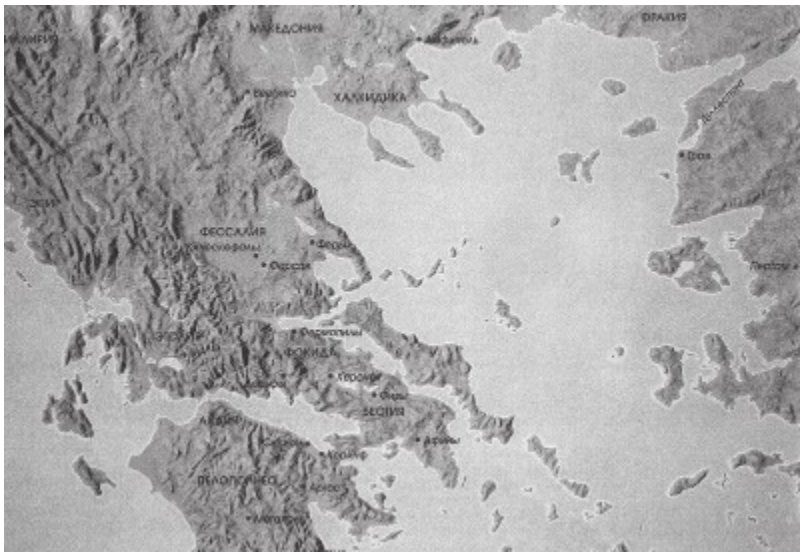
Александр Македонский и греки

Война приносила всем участникам предприятия довольно значительные прибыли. Поэтому вожди греков, македонцев, персов, евреев, египтян и вели бесконечные войны. Двойную функцию войны определил Исократ: «Война эта единственная, она лучше мира, более похожа на зрелище, чем на поход, полезна обеим сторонам – как желающим иметь мир, так и желающим вести войну. Ибо одним можно безбоязненно пользоваться своею собственностью, а другим – приобрести большое богатство из чужого имущества». Эта идея была чрезвычайно популярной среди торгашей и военных. Ну а настроения мирных тружеников выразил еще Лукреций:

И уже пахарь-старик,
головою качая, со вздохом
Чаще и чаще глядит на бесплодность
тяжелой работы.
Если же с прошлым начнет
настоящее сравнивать время,
То постоянно тогда восхваляет
родителей долю.

Тяжелые битвы греков против персов, но еще в большей мере Пелопоннесские войны (гражданские войны) нанесли огромный материальный и человеческий урон всему греческому миру. Единство греков было серьезнейшим образом подорвано, а с ним исчезли и все шансы одолеть столь серьезного противника, как Македония. Ведь та находилась в гораздо более удобном стратегическом положении, чем греки. Хаммонд пишет: «Главные сухопутные коммуникации Европы

проходят в стороне от Греции. Таким образом, контроль за сухопутными коммуникациями на Балканах, а также за важнейшим выходом Балканских стран к морю находится в руках Македонии. Преимуществами ее положения воспользовались великие македонские цари и римляне периода республики. Македония находится в центре коммуникаций Греции с материком. Однако греческим государствам никогда не удавалось полностью покорить Македонию, и в итоге они так и не стали военной силой, способной доминировать на Балканском полуострове. Вместо этого они в поисках богатств и власти обратили свои взоры на море». Конечно, море и тогда, доставляя товары, являлось источником прибыли, но окончательно не решало судьбу войн.



Карта северной Эгеи с Македонией и ее соседями

Македонская агрессия против греков увенчалась успехом отнюдь не случайно… Причина не только в хитрости и мощи Филиппа. Ведь тот, как писал Плутарх, хотя и покорил ее силой оружия, не смог все же «принудить греков смириться и покорно нести свое бремя». Греки готовы были сопротивляться вторжениям оккупантов. Но македоняне нанесли удар в солнечное сплетение системы, в систему управления Греции. Филипп «перевернул и смешал там все, оставив страну в великом разброде и волнении, вызванном непривычным порядком вещей». К тому же, и в этом тайна их быстрых побед, интервенты обрели верных союзников в лице олигархической буржуазии полисов. Той давно было наплевать на родину, свой народ, на традиции и веру отцов. Богатство заменило им и то, и другое, и третье. Массовая

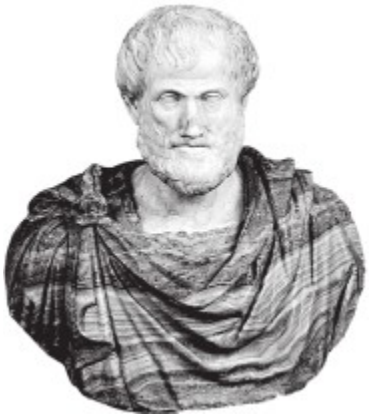
безработица плодила бедняков в ужасающих размерах. Власть имущие и олигархи тут уж стали бояться собственный народ куда больше, чем даже самых ненавистных оккупантов.

Олимпиада, мать Александра. Барельеф

То, что не удалось сделать грекам (т.е. объединить греков), сделали македонцы – Филипп и Александр. Александр был достойным сыном своего отца. Он появился на свет от брака Филиппа и Олимпиады. Легенды доносят, что он был прямым потомком Ахилла, героя легендарной Троянской войны. Накануне той ночи, когда новобрачные уединились в покоях, Олимпиаде привиделось, что раздался удар грома и молния ударила ей в чрево, от этого удара вспыхнул огонь. Филиппу же привиделось, что он после соития запечатал чрево жены печатью, на которой был вырезан лев. Все эти сны истолковали так, что будущее дитя «будет обладать отважным, львиным характером». Говорили также, что видели змея, обвившегося вокруг тела спящей Олимпиады. Впоследствии возникли разного рода домыслы, будто бы сын ее родился от божественного змея. Говорили, сама мать открыла Александру тайну его рождения перед персидским походом. Известно, что Олимпиада ревностнее других была привержена всякого рода орфическим таинствам и оргиям в честь Диониса. В этих шествиях часто несли змей, что наводило неподдельный страх и на мужчин. Подобные увлечения охладили страсть Филиппа, что стал реже бывать в спальне жены. Его можно понять: ведь когда не знаешь, кого найдешь в постели (женщину или змею), даже самая пылкая страсть может улетучиться в мгновение ока… Александр появился на свет в тот день, когда был сожжен храм

Артемиды Эфесской. Находившиеся в Эфесе маги сочли это величайшим несчастьем, они кричали, что «этот день породил горе и великое бедствие для Азии» (Плутарх).

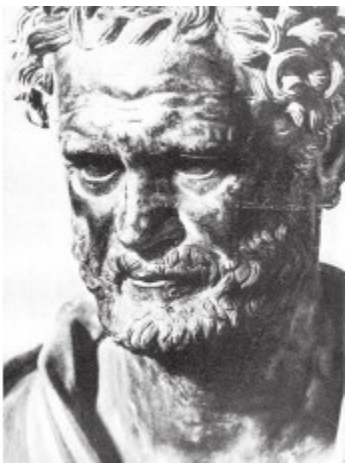
С младенческих лет Александр проявил способности, которые интерпретировали каждый по-своему. Так, рассказывают, что когда двор Филиппа посетила афинская делегация, та узрела 10-летнего Александра, игравшего на арфе и певшего. Увидев все это, яростный противник Македонии, Демосфен, будто бы насмешливо бросил в его адрес: сей маменькин сынок вряд ли будет когда-либо представлять серьезную опасность для Греции. Однако то, что Александр был воспитан отцом в греческом духе, не помешало ему в дальнейшем стать властелином Греции. Он с детства стремился не только достичь славы отца, но и превзойти ее. Плутарх писал, что Александр, слыша об очередной победе отца или же захвате им нового города, мрачно говорил сверстникам, что его отец успеет захватить все, так что ему ничего в жизни не останется, «не удастся совершить ничего великого и блестящего».



Аристотель – учитель полководца

Поучительна история обучения Александра Македонского, «победителя мира», великого полководца древности. Это наглядный пример того, как осязаемо увидеть плоды учения и наставничества в жизни воинов и политиков. Хотя в этой же связи возникает другая важная проблема: взаимоотношение мудрейших людей – ученых, историков, философов, литераторов – с сильными мира сего, с властью. Какой путь в жизни избрать ученому? Путь спокойного, холодного и ироничного наблюдения (с высот созерцательного Олимпа) за тем, что вершит власть, путь союза с властью или критики в надежде, что власть станет чуть умнее благодаря наукам и гению? И

тут частичный ответ на вопрос могла бы дать история взаимоотношений великого философа Аристотеля и знаменитого полководца Александра Македонского. Пред нами, с одной стороны – 13-летний мальчик, с другой – зрелый муж, умудренный, не потерявший вкуса к знанию и совершенству (Аристотелю тогда исполнилось 40 лет). Лучшее сочетание возрастов и возможностей для эффективного преподавания.



Философ Аристотель

Уникальна возможность – донести философию мудреца до политика. Насколько же преуспел Аристотель (384—322 гг. до н.э.) в обучении своего самого знаменитого ученика? «Аристос» по-гречески значит «лучший, достойнейший, благородный». Родом он был из старинной семьи врачей (отец Никомах служил придворным врачом македонского царя Аминта). Как известно, Аристотель с 18 лет учился в Академии Платона, находясь в ее стенах до самой смерти учителя. Аристотель был знаком с демокритовско-гиппократовскими методами, разбудившими в нем страсть к наблюдению и анализу. Вскоре он проявил себя не только как яркий философ, но и как талантливый педагог. Славу ему принесли речи «о красноречии» против Исократа. Между платониками и Исократом шла тогда острейшая конкурентная борьба. Важнейшим рубиконом в жизни Аристотеля стал вызов его ко двору Филиппа Македонского (343 г. до н.э.). Там он стал воспитателем 13-летнего сына царя, – будущего великого Александра. Каков же был результат наставничества? Можно ли обучить царя, главнокомандующего, премьера, президента не только знаниям или навыкам, но хорошим нравам и достойной морали? Чрезвычайно трудно. Тем более что период обучения царя был довольно кратким.

Когда Филиппа убил телохранитель (336 г. до н.э.), Александру волей-неволей пришлось взвалить на себя бремя управления государством. После этого учеба «цезаря» как таковая, собственно, закончилась.

Александр Македонский (356—323 гг. до н.э.), став учеником Аристотеля, соединял в себе две души или два начала. Вот что писал Плутарх в «Избранных жизнеописаниях» о некоторых положительных чертах царя: «Мне кажется, что и любовь к врачеванию Александру более, чем кто-либо другой, внушил Аристотель. Царь интересовался не только отвлеченной стороной этой науки, но, как можно заключить из его писем, приходил на помощь заболевшим друзьям, назначая различные способы лечения и лечебный режим. Вообще Александр от природы был склонен к изучению наук и чтению книг. Он считал, и говорил об этом, что изучение «Илиады» – хорошее средство для достижения военной доблести. Список «Илиады», исправленной Аристотелем и известный под названием «Илиада из шкатулки», он всегда имел при себе, храня его под подушкой, вместе с кинжалом… Так как в глубине Азии Александр не имел под рукой книг, Гарпал по приказу царя прислал ему сочинения Филиста, многие из трагедий Еврипида, Софокла и Эсхила, дифирамбы Телеста и Филоксена. Александр сначала восхищался Аристотелем и, по его собственным словам, любил учителя ничуть не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно».

Шлем воина

Александра в походе сопровождали крупные придворные историки, дипломаты, литераторы (Аристобул, Пиррон, Анаксарх, Каллисфен). В задачу их входило запечатлеть для потомства бессмертные деяния царя и вести научные исследования. Дневник

похода, который вел Евмен, стал важным историческим документом той эпохи. Культурно-образовательные итоги его завоевательных походов также были важны. По словам И. Шифмана, поход сделал возможной греческую колонизацию Востока, создал условия для интенсивного культурного взаимодействия греков и народов Востока. Во многом благодаря походу сложилась и эллинистическая цивилизация, ставшая впоследствии фундаментом двух культур: европейской и ближневосточной арабской. Поход Александра способствовал разрушению части перегородок между народами Восточного Средиземноморья. Он пытался заложить основы идеологии, что нашла выражение в словах – «несть ни эллина, ни иудея». Поход Александра на Восток раздвинул географический горизонт греков, сделал возможными контакты Греции с отдаленными частями тогдашнего мира, сыграв заметную роль в развитии естественных наук. И это далеко не все, что можно отнести к его последствиям.

Как же мыслил себе ход воспитания учитель? И чего желал царственный ученик? Аристотель-педагог считал, что человек должен стремиться не к практической мудрости, воплощающейся в каких-то отвлеченных этических добродетелях, но к высшей форме жизни и деятельности, к «созерцательной жизни» (bios theoretikos), что развивает интеллект и мудрость. Поэтому в курс обучения Александра входили такие предметы, как философия, литература, география. Среди читаемых им книг – Геродот, Еврипид, Ксенофонт, Пиндар. Александр писал Аристотелю: «Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах». И надо заметить, что Аристотель сумел передать ему основательные знания медицины, так что впоследствии царь сам лечил больных друзей диетой и лекарствами. Без курса обучения у учителя Аристотеля Александр вряд ли стал бы покровителем наук. Даже скудный анализ их взаимоотношений (философа и царя) свидетельствует, что польза от этого была, и немалая. Аристотель хотел видеть в Александре будущего просвещенного гегемона эллинов. Итогом его трудов стали и некоторые полезные вещи для школ и наук. Во-первых, высшая школа, Ликей, под негласным покровительством Александра Македонского процветала. Тот даровал Аристотелю на одни только зоологические изыскания 800 талантов (в то время талант был равен 1500 золотых

рублей). Царь помогал ему и в проведении опытов всем, чем мог. Это тем более было важно, что аристотелевский Ликей (в отличие от платоновской Академии) был ориентирован на практическую деятельность. И на эти цели была выделена немалая сумма из персидских денег. И все же, это во-вторых, Александр предпочел отвлеченным философским спорам радость военных побед. Почему это произошло? Может, внутреннему идеалу царя более отвечала военная деятельность (energia), а не досужая болтовня за чашкой вина или даже научные эксперименты? Главная причина, конечно, иная: «царское дело» – это управление страной и битва.

Х. Гелль. Аристотель и его ученик Александр

Вторая часть их взаимоотношений касается советнической деятельности философа. Тут дело сложнее, ибо царям трудно советовать. Приведу письмо, которое считают письмом Аристотеля к царю Александру. Он пишет: «Многие мудрецы доказывали, что желание добра позволяет приобщиться к участи богов, потому что на возвращении дара и дарении держится жизнь людей, состоящая в том, что они отдают, принимают и снова воздают. Поэтому прекрасно и справедливо жалеть и миловать всех незаслуженно несчастных, ведь жалость есть признак кроткой души, а жестокость признак невоспитанной, и особенно добрых; ведь безобразно и жестоко презирать впавшую в несчастье добродетель… Старайся же быть скор на добрые дела и медлителен на гнев: первое – царственно и милостиво, второе – отвратительно и свойственно варварам. Впрочем, делай, что считаешь правильным, не презирая полезных мнений». Если в начале их дружбы царь внимал учителю, как простой ловец истины, то в дальнейшем он склонился к мысли, что есть знания скрытые и недоступные даже философам. Если его наставнику в области военных и физических упражнений, верному служаке Леониду, Александр, завоевав Восток, прислал не менее 18 тонн

пряностей, ладана и мирры (удовлетворив «надежду, что учитель поселил в душе мальчика»), то, разумеется, труднее было удовлетворить духовные и интеллектуальные надежды своего великого учителя – Аристотеля.

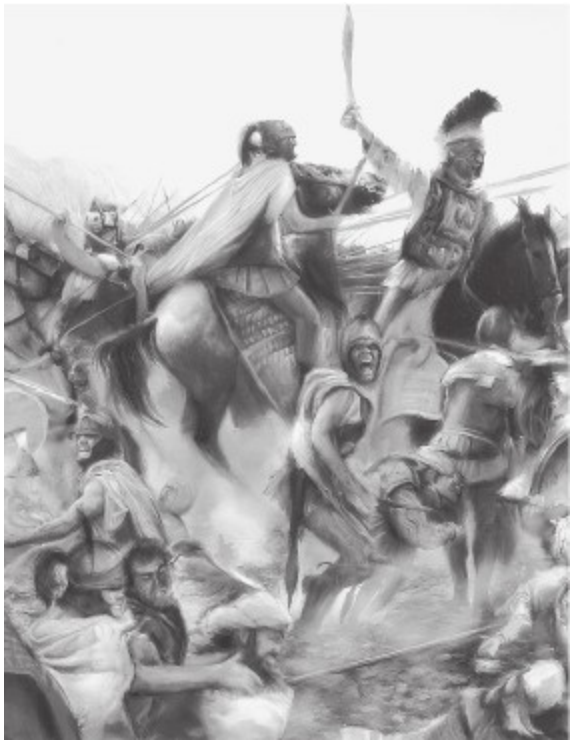
Карта походов Александра Македонского

Особенно если принять во внимание некоторые стороны его взглядов. Так, в сфере конкретной политики Аристотель выделял 3 основные демократические акции: 1) запрещение рабства за долги; 2) предоставление права жаловаться на суд лицам, посторонним потерпевшему; 3) апелляция к народному суду. «Последнее, как говорят, более всего повело к усилению массы, потому что, ставши верховным судьей, народ делается неограниченным властелином в государстве». Весь этот демократический соус, конечно, выглядел нелепо в глазах царя – повелителя мира. Так же нелепо выглядит введение в стране, руководствующейся тысячелетней традицией царей, суда присяжных.

Хотя вряд ли Александру удалось бы создать империю без усвоения полученных им от философа важных знаний. Опираясь на знания и опыт наставников, тот показал себя талантливым стратегом и умелым администратором. Понимая, что Восток – материя особая, Александр выработал свой стиль управления. Суть оного – учет специфики регионов, обычаев, нравов. Подтверждение того, что он искренне пытался понять нравы и систему ценностей Востока, служит и его известная «беседа» с брахманами-софистами (индийские мудрецы). О ней рассказывают многие: Арриан, Страбон, Плутарх. Хотя иные отрицают факт беседы. Арриан считал, что софисты ответили всего на один вопрос. Плутарх же говорит о беседе Александра с плененными им гимнософистами. Зная нрав полководца,

можно предположить, что беседа скорее всего походила на допрос. Мегасфен же пишет, что завоеватель мира не нашел ничего умнее как стал угрожать мудрецам. Если учесть, что встретились люди, говорящие на разных языках, воспитанные в совершенно разных культурах, мыслящие в разных плоскостях, вряд ли такая беседа могла быть сколь-либо плодотворной. Позднее факт встречи был сообщен культурному сообществу киниками-греками. В описании киников Александр рисуется жестоким завоевателем, что в общем и целом соответствует действительности. По их мнению, в споре с мудрецами Индии, что близки в своих воззрениях киникам, Александр потерпел жестокое поражение.

В случае с Александром Македонским Аристотелю не удалось реализовать свои идеи. Ученик, не успев построить Александрию, тут же поспешил объявить себя богом. Стоило царю ознакомиться с обычаями восточных сатрапов, как он ввел их и у себя при дворе. Аристотель писал ему: «Время не сможет здесь ничего затмить, потому что прекрасные советы учений и увещаний имеют своим зрителем вечность. Старайся поэтому превратить власть не в высокомерие, а в добрые дела сообразно добродетели, выше которой в жизни ничего не может быть. Человек, смертный по природе, после неизбежной смерти может благодаря величию своих дел стяжать бессмертную память. Помни одно: ты воспитан не неразумно, как некоторые, получившие нелепые убеждения; у тебя и знатный род, и унаследованное царство, и надежное образование, и повсеместная слава. И насколько ты выделяешься дарами судьбы, настолько же ты должен и первенствовать в доблести и прекрасных делах. Впрочем, твори полезное, довершая задуманное». У философа и политика-завоевателя различные представления о том, что следует считать «доблестью» и что является подлинно «прекрасными делами». И всегда ли надо следовать тому, чему учит греческая философия? Так, Аристотель внушал ему, что в варварах следует видеть лишь животных или растения, а вовсе не соратников и друзей. Философ рекомендовал, что одними народами надо управлять «гегемонически», а другими – «деспотически». Но полководец и политик, конечно же, не мог себе позволить такой вольности, реализуя идею «всемирной империи».



Битва при Гранике

Еще при жизни Филиппа стало ясно, что между жизненными целями и задачами ученого и царя-завоевателя, каковыми были Аристотель или Филипп с Александром, лежала бездна, преодолеть которую трудно. На словах те превозносят Аристотеля. В книге «Цветы литературы» Аль-Хусри приводится такой разговор: «Спросили Александра Великого: – Почему ты уважаешь своего учителя больше, чем родного отца? – Отец подарил мне жизнь бренную, – ответил Александр, – а учитель – вечную». Александр рвался к власти, к славе победителя-громовержца и воина… Молодость мужественна. Аристотель считал, что Сократ не прав, называя мужество знанием. Знание становится наукой благодаря опыту. «Стало быть, мужество не наука». Но при чем тут мужество или наука? У царя на первом месте одна наука – искусство управлять и властвовать (и по возможности с наибольшой пользой для его народа). Поэтому серьезные разногласия между учителем и учеником были неизбежны.

К примеру, Аристотель в одном из ранних писем дает наказ царю Филиппу: «Выведи гарнизоны из городов, дай эллинам свободу управления; заблудшим дай раскаяние, благомыслящих немедленно надели дарами. Действуя так, и не однажды, а всегда, ты надежнейшим

образом сохранишь и будешь иметь в безопасности здание своей власти». Надо ли доказывать, что подобный текст выглядит (в свете тех жесточайших реалий) не только наивно, но и глупо. Разве Аристотель не понимал, что вывести гарнизоны из городов равносильно их потере (в тогдашнем мире, где все или почти все держалось на силе и мощи армий или золоте, как и ныне). Дать свободу управления в тогдашнем мире значило – потерять провинции. Выполнение такого требования Аристотеля не могло привести в тех условиях к позитивным результатам. А разве не так же бездарные лидеры России (1985—2000 гг.), живя в отвлеченном «мире грёз», пошли на полное разрушение мощной державы. Хотя заметим, СССР – более крепкое и жизнеспособное объединение, нежели Империя Александра! И это все яснее становится (уже сегодня) многим нашим собратьям и друзьям.

Греческая музыка

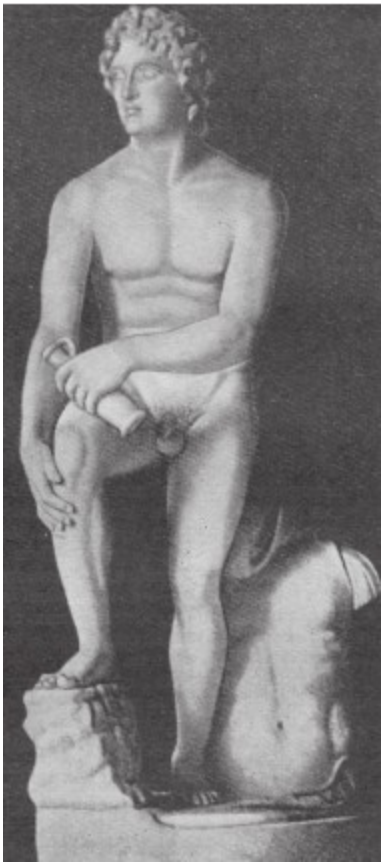
Слов нет, стремясь одолеть врага, привлечь симпатии «интеллигенции», он использовал достижения науки. Процесс ускорился, когда Аристотель, которого ссужал деньгами Александр Македонский, привел в систему все отрасли науки и установил главный метод исследования – предварительный отбор данных для анализа. Шахермайр замечает: «Без обучения в Миезе он (Александр) никогда не стал бы покровителем наук… Без уроков Аристотеля связь царя с греческой духовной культурой никогда не могла бы стать сильной и глубокой. Но самое важное: без Аристотеля концепция мирового государства не была бы выработана столь рано и в такой четкой форме. Именно благодаря учителю Александр воспринял мир как единое целое… Аристотель стремился организовать научное мышление людей. Александр при помощи той же организации хотел поднять человечество на высшую ступень развития». Приведу еще один пример. В Индию с ним ходил Пирон из Эллиды (360—270 гг. до н.э.). Опираясь на идеи Демокрита о чувственных качествах, на уклончивый релятивизм софистов и учение киренаиков, он создал

теорию, утверждая, что человеческий разум вообще не способен постичь внутреннюю сущность вещей и ухватить смысл того, что происходит в мире. И так как разным людям одни и те же объекты кажутся различными, то нельзя узнать и то, чье мнение правильно, а чье – нет. Любой посылке можно противопоставить то или иное утверждение. В итоге то и другое может быть справедливо или ошибочно. Поэтому ни в чем нельзя быть до конца уверенным. «Мудрый человек» – это тот, кто воздерживается от окончательных и резких суждений. А значит, что вместо того чтобы говорить: «Это так», лучше осторожно заявить: «Мне так кажется» или «Вполне возможно». Александр Македонский не знал сомнений, по крайней мере в политике. Философы лишь укрепляли его в самомнении, пренебрежении к закону. Ведь философы создавали умозрительные системы, а он сумел увеличить в четыре раза границы эллинского мира. Царь действовал нетрадиционно, пуская в ход не только силу своего войска и гения, но и инструментарий идеологии искусств.

Войско Александра Македонского в походе

Представляется, что беря с собой в походы ученых, инженеров, деятелей искусств, Александр преследовал практические цели. Уже тогда без инженера не обходилось ни одно военное мероприятие. Потому и македонский царь не мог шагу ступить без их помощи. Одним из наиболее характерных примеров роли, значения инженерной службы стал захват им Тира. Выходцы из Тира основали знаменитый Карфаген. Являясь самым богатым городом Финикии, а, возможно, и всего Средиземноморья, город считался неприступным. Он был

построен на скалистом острове в море (по-еврейски название острова звучало как «Сор», т. е. «скала», ныне Сур). Остров расположен довольно далеко от берега. Учитывая, что тут скопились огромные богатства, это был лакомый кусок для всех завоевателей. Тир безрезультатно осаждали 5 лет ассирийцы, 13 лет штурмовали его стены войска вавилонского царя Навуходоносора, пока не овладели им с помощью измены и голода (в городе к тому времени поедали даже трупы людей). И вот перед решением такой же задачи встал царь Александр. По словам Арриана и Плутарха, Александр решил захватить Тир потому, что принял за Геракла местное божество Мелькарта (тот протягивал к нему якобы руки). Думается, дело обстояло гораздо проще: полководец решил протянуть руки к сокровищам Тира. Созвав инженеров, он выслушал их идеи. Те хотели подступиться к скалистому острову в море с помощью моста. Мост осажденные постоянно сжигали с помощью града стрел и частых вылазок. Тогда инженеры придумали следующее решение. Они стали насыпать огромную земляную дамбу под защитой громадных щитов («черепах»). Осажденные тирцы беспомощно наблюдали, как грозная земляная змея приближается к городу. Войско македонцев сколотило огромные башни на колесах, высотой в 50 метров (20-этажный дом). На верхних площадках установили «секретное оружие» – бочки с кипящим маслом и разбрызгивателями, которые поражали защитников крепости. Через семь месяцев строительство дамбы завершилось и город был взят штурмом. Не помогло горожанам и то, что они опутали своего бога Аполлона веревками, дабы тот не перебежал к Александру. Всех жителей Тира продали в рабство, как это ранее было проделано с гражданами Фив.



Александр Македонский. Скульптура Леохара

Говоря о великом царе и великом философе, надо четко понимать, сколь различны их функции и роли. Один (царь) – правит, строит или разрушает, другой (философ) – думает, советует или критикует. Поэтому естественно, что при всем пиетете к своему учителю, предлагавшему ему видеть в варварах животных и держать себя с ними как хозяин, Александр в этом вопросе не мог и не хотел идти этим путем. Ему ближе философ Зенон, стремившийся к объединению греков и варваров. Александр пытался, используя силу оружия и армии, тем не менее вступить на путь объединения народов. За этим стремлением уравнять различные расы и народы, возможно, стояла и подлинно великая идея – о равенстве людей, некоем «братстве», в котором нет места различию между победителями и побежденными. Люди могут жить одной дружной семьей вне зависимости от их нравов, привычек, религий, языков, одежд и т.д. «Доблесть Александра, – пишут философы, – как раз и заключалась в том, чтобы воплотить философию в жизнь, взвалив на себя ношу, достойную не просто царя, но бога, а именно, собрать все народы в один мир, некий

единый космос (heni cosmoi cosmesanta pantas anthropoys), связанный общностью власти и обычаев». Невольно тут напрашивается вопрос: а не были ли эти мечты и планы скорее плодом работы ума будущих его интерпретаторов, нежели целью самого Александра?!

Александр Македонский в битве против персидских войск

Александра в походах сопровождали ученые, художники, музыканты. Художник античности Апеллес, сопровождавший Александра, рисовал его в образе Зевса, что держит в руках молнии. Скульптор Леохар изобразил в виде божества, подобного богу Аполлону. Но живой и реальный Александр – это империалист, царь-разбойник, имевший задатки государственного деятеля и великого полководца. Он стремился к мировому господству. Аппиан так охарактеризовал созданное им государство: «При Александре же Македонском государство стало выдающимся по величине и обширности, удаче и быстроте военных действий и едва не дошло до безграничного и неподражаемого, но по кратковременности своего могущества уподобилось блестящей вспышке молнии; ведь даже тогда, когда оно распалось на многие сатрапии, некоторые его части были весьма блестящи». Список городов и стран, покоренных Александром Великим, неуклонно рос (как и его аппетиты) – Милет, Исс, Тир, Египет, Вавилон, Персеполь, Мидия, долина Инда. И все же то была лишь небольшая толика мира.

Здесь вы должны себе ясно представить внутреннюю подоплеку действий сторон. С одной стороны, это желания македонцев, бывших «медвежьим углом» Греции, воплотить давнюю затаенную мечту греков – овладеть Азией и ее сокровищами. Мысль выразил Исократ, обратившись к македонскому царю Филиппу со словами: «Перенесем богатства Азии в Европу, а бедствия Эллады – в Азию». Этого хотели многие. К стремлению обогатиться прибавилось желание и отомстить

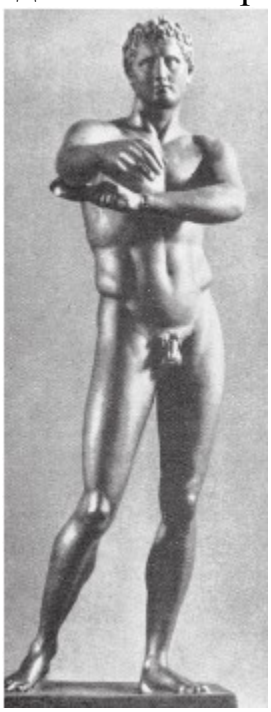
персам за их вторжения в Грецию, за жертвы и страдания греков. После того как македонцы одолели греков в битве при Херонее (338 г. до н. э.), собравшийся в Коринфе общегреческий конгресс подтвердил главенство Македонии и вручил Филиппу «жезл главнокомандующего». Поход в Азию становился делом решенным. Мотив возмездия был предлогом, действительной же причиной намеченного предприятия стал передел мира. Филипп и Александр действовали в схожем направлении, но разными методами. Римский автор Помпей Трог писал: «Способы побеждать у того и другого были различны. Александр вел войны открыто. Филипп пользовался военными хитростями. Он радовался, если ему удавалось обмануть врагов. Александр – если удавалось разбить их в открытом бою… Благодаря этим чертам характера отец заложил основы мировой державы, а сын закончил дело». С другой стороны, многие греческие полисы, которые недавно и сами являлись гегемонами греческого мира (Спарта, Афины, Фивы, Коринф), разумеется, были не в восторге от «железной пяты» Филиппа, а затем и Александра. Отсюда и восстания против македонцев (Фивы и др.). Александру удалось на какое-то время удержать греков в пределах своего влияния. Но надолго ли?! И вовсе не случайно на стороне персов будут выступать многие греки. И это не только потому, что вольнолюбивая Греция «звенела в карманах» персидским серебром и золотом. Она куда больше, как нам представляется, боялась «звона македонских кандалов» на ногах ее свободы. Стоит привести хотя бы такой многозначительный ответ коринфянина Демарата, данный на вопрос царя Филиппа: «Как ладят между собой греки?» Подтекст был таков. Филипп надеялся услышать предложение стать гарантом мира и единения Греции в лице Македонии. Но Демарант заявил: «Что и говорить, Филипп, кому как не тебе заботиться о Греции, тебе, который в свой собственный дом внес распрю и беды!» (вздумав жениться на молодой девчонке, Филипп в гневе чуть не убил сына, Александра).

А. Мюллер. Свадьба Александра и Статеиры, дочери Дария

Говоря о роли и значении походов Александра Македонского (и вообще о его личности), нельзя забывать, сколь многим он обязан отцу – Филиппу. Тот основал Коринфский союз, запланировал азиатский поход и начал его. Его дело продолжил Александр. Хотя бешеный и необузданный нрав отца вполне передался и его сыну. В нем явственно обозначились те же черты завоевателя. В качестве примера можно упомянуть отрывок из «Истории Александра Македонского» Курция Руфа. Царь читает там своим воинам «лекцию», описывая яркими красками, что ожидает их на Востоке. «Они, мол, прошедшие по всему миру, покорят себе не только персов, но и все остальные народы: Бактрия и Индия станут македонскими провинциями. То, что они видят теперь, – это наименьшая часть их добычи; победа откроет перед ними все. Их уделом будет не бесплодный труд на крутых скалах Иллирии и камнях Фракии, но весь Восток станет их добычей. Им почти не понадобятся мечи: вражескую армию, дрожащую от страха, они смогут отогнать щитами… Обращаясь к грекам, он напоминал им, что война против Греции была начата народами Персии, сначала по дерзости Дария, а затем Ксеркса, потребовавших от них земли и воды, чтобы не оставить сдавшимся ни глотка из их источников, ни привычного куска хлеба. Дважды были разрушены и сожжены греческие храмы, осаждались города и нарушались все божеские и человеческие законы. Иллирийцам же и фракийцам, привыкшим жить грабежом, он приказывал смотреть на вражеское войско, сверкающее золотом и пурпуром, несущее на себе добычу, а не оружие; пусть они,

как мужи, отнимут золото у этих по-женски слабых народов и обменяют свои голые скалы, промерзшие от вечного холода, на богатые поля и луга персов».

Александр разобьет войско Дария, разрушит легендарную столицу персидских царей – Персеполь. Но самое замечательном в этом отрывке иное. Как прекрасный психолог, царь к каждому слушателю постарался найти свой волшебный ключик. Грекам он напомнил, что они мстят губителям и гонителям родной страны. В начальный период войн панэллинская идея еще задавала тон в политике полководца. Солдатам удачи, или наемникам, он показал, что они получат взамен за свои раны и возможные увечья. И хотя войско, победившее стольких царей, добыло «больше славы, чем денег», но как могло оно возразить своему царю, убивавшему всех недовольных! В свою очередь, охваченный безумной идеей Александр не мог понять нормальных чувств хлебопашцев, ремесленников, скотоводов, которым смертельно надоели эти войны и битвы, лишения и страдания. Они мечтали об одном – поскорее вернуться домой.



Лисипп. Римская копия. Мрамор

Александр создавал форпосты греко-македонской цивилизации в виде городов (Александрия). Для этого отдал ключевые должности в империи близким лицам из числа греков-македонцев, хотя его войско было разноплеменным. Для ускорения процесса единения народов он

обратился к семье как эффективному посреднику. В Сузах, куда вернулось измученное походами войско, Александр приказал 10 тыс. воинов единовременно сочетаться браком с азиатками, каждой паре молодоженов сделав свадебный подарок. Массовое бракосочетание его воинов с женщинами Востока ставило перед собой разные цели, но имело и главное, хотя и скрытое намерение. Такой целью являлся бы совместный поход македонцев, греков, персов против «западной цивилизации». Ведь помимо сугубо политического значения «армейская свадьба» имела этнический смысл. Смешение кровей должно было умиротворить и сблизить враждующие народы. Можно представить, какой психологический эффект имела эта акция в глазах окружавших толп. Казалось, свершилось бракосочетание самого бога войны, неистового Марса, с прекраснейшей из богинь, любимейшей дочерью Зевса – Афродитой. Союз македонцев, греков, азиатов (при наличии иных факторов, нежели военный роман) мог стать прелюдией к созданию величественнейшей из империй! Ведь с семенем любви должны быть переданы и «плоды эллинизма». Это чем-то напоминает мне усилия великого русского народа по единению Евразии! Хотя Александру до него, пожалуй, далеко.

П. Миньяр. Великодушие Александра Македонского

Ни о каком серьезном единении народов и речи тогда быть не могло, как не было речи о каком-то историческом повороте во взаимоотношениях между победителями и побежденными, «какого мир до того не знал» (А. Ранович). Широко рекламируемая акция группового брака народов, символизирующая «брак Европы и Азии», и закончилась полнейшим фиаско. Разумеется, воины охотно приняли подарки царя, а с доставшимися им в «жены» женщинами поступили так, как они обычно и поступали с пленницами (испив «бокал любви», бросили). Они вели себя, как и их вождь, оставивший беременной

жену Роксану, которую полонил в Средней Азии. Была у него и еще одна жена, старшая дочь Дария. Конь Буцефал был ему дороже всех женщин, ибо в его честь он назвал город в Индии. После смерти Александра персы были изгнаны из свиты, а его империя развалилась. Ничто не говорит, что на смертном одре Александр успел сделать какие-либо распоряжения о регентстве, порядке наследования в государстве и т.п. С его последним вздохом начались раздоры между вельможами, мятеж войск, разрушение и падение его государства.

П. Веронезе. Семья Дария перед победителем

Многие склонны представлять его величайшим героем (так он выглядит на одном из портретов Лисиппа). Асклепиад писал: «Полный отважности взор Александра и весь его облик вылил из меди Лисипп». Восхваляет его и Плутарх: «А говоря об Александре, не будет ли справедливо признать, что родивший его бог вложил в него сочетание многих доблестей, и он обладал самоуважением Кира, скромностью Агесилая, мудростью Фемистокла, опытностью Филиппа, отвагой Брасида, красноречием и государственным умом Перикла? Если же сравнивать его с героями древности, то мы увидим, что он сдержаннее Агамемнона: тот предпочел пленницу законной супруге, а он и до женитьбы не сближался с пленницами; великодушнее Ахилла: тот взял какие-то деньги за выдачу непогребенного тела Гектора – он же устроил Дарию торжественные похороны; и тот принял от друзей богатые дары в уплату за прекращение своего гнева, а он обогащал побежденных врагов; благочестивее Диомеда: тот был готов сражаться с богами, а он считал себя всеми своими свершениями обязанным богам; своим близким желаннее Одиссея: от скорби по Одиссею умерла мать, а смерти Александра не смогла перенести умершая вслед за ним мать Дария». Говорили, что он превосходит щедростью Солона и Перикла, так как те отменили долги, а Александр сам заплатил

чужой долг заимодавцам. Те строили храмы на деньги афинян, он же – на деньги варваров и т.д.

Когда Александр вернулся из похода в Индию и обнаружил, что гробница Кира, основателя Персидской империи, разграблена, приказал Аристобулу восстановить усыпальницу, заменить украденные сокровища факсимильными, заблокировать вход и запечатать его царской печатью (Страбон). Милостив он был не только к побежденным врагам-мужчинам, но особенно к женщинам (по-царски обошелся с пленными дочерьми и женой Дария). Александр старался пресекать типичные для его времени акты насилия и жестокости в отношении женщин. Услышав, что два македонца из отряда Пармениона надругались над женами двух наемников, он отдал письменный приказ: «Если дело будет разбираться, придать их смерти, как диких зверей, которые позорят человеческий род». В другой раз, когда Атропат, наместник Мидии, прислал ему в подарок сотню девушек, Александр отослал их, дабы избежать «возможных попыток их обесчестить со стороны македонян или варваров». Такое отношение к дамам древнему миру незнакомо. Мир совершенно не мог такого понять, ведь в обычную практику входили захваты и насилия над всеми побежденными врагами, а женщин воин рассматривал как самую сладкую и приятную добычу. А тут командующий, вдобавок ко всему еще и сам красавец, приказывает людям, как было им сказано при захвате Персеполя, «держаться подальше от женщин и их украшений». Такое поведение отличало его от всех.

Филот, сын Пармениона

Но и идеализировать Александра Македонского не стоит… Все-таки он оставлял за собой кровь и пепел. В ярости он убил друга детства Клита, командира царской илы, отборного отряда македонской конницы, спасшего его в битве при Гранике. Тот донимал и укорял его за то, что он уподобляется богу, присваивая только себе заслуги их побед. Царю не понравился стих из Еврипида, что прочел ему Клит: «Не те прославлены, которые трудились, а вождь один себе хвалу берет». Но более всего возмущало Клита и других ревнителей греческо-македонской старины то, что царь вводит персидские порядки: «Мы считаем счастливыми тех, кто умер еще до того, как македоняне оказались в таком положении, что вынуждены обращаться к персам, чтобы получить доступ к царю». Греки видели в проявлениях раболепия черты, характерные для подданных Персидской империи, что «в душе низки и полны раболепного страха». Когда острый на язык Каллисфен (историк, ритор, ученик Аристотеля) не пал перед ним ниц, Александр приказал повесить его, обвинив в тайном заговоре. Когда военачальник Кассандр расхохотался, видя, как персы бросились к ногам Александра, царь, вцепившись обеими руками тому в голову, в ярости ударил его. Защитники Александра оправдывают его поведение речами о заговоре. И приводят пример его полководца – Пармениона. Александр сместил его с поста командующего и оставил в Экбатанах охранять сокровища. Конечно, это уязвило старого вояку, которому было 70 лет. Возможно, тот выражал недовольство. Хотя в эти годы надо думать уже больше о душе, нежели о ратной славе. Тогда Александр приказал полководцам Мидии умертвить Пармениона. Смерть Пармениона была «чистой воды убийством». Был ли заговор с целью покушения на жизнь Александра, сказать трудно. Говорят, сын Пармениона, Филот, впоследствии признался и был казнен. Понятно желание Александра избавиться от отца и сына во избежание проблем. В политике такое часто случалось. Сталин казнил ряд маршалов, боясь, что те готовили заговор с целью свергнуть его власть. Ныне же не казнят и тех, кто того заслуживает.

Александр принимает лавры победителя

Александр был жесток, беспощаден и вызывал у людей неподдельный страх. Ему ничего не стоило казнить любого сатрапа, если он считал его виновным. Войдя в Персеполис, в священный город персов (31 января 330 г. до н.э.), город, сравнимый с Меккой и Иерусалимом, он разрешил воякам безнаказанно грабить и убивать, хотя гарнизон города с согласия командира капитулировал без боя. Вы помните, он уничтожил Фивы, которые осмелились поднять восстание против владыки мира. На их сторону стали Афины и персы. Фивы возглавили освободительную войну греков против македонского тирана. Дитя аристотелевской философии разрушило крупнейший город Беотии, семивратные Фивы. Ахматова скажет в стихотворении, рисуя образ царя Александра: «Наверно, страшен был и грозен юный царь, когда он произнес: «Ты уничтожишь Фивы». Итог был печален для Фив: город, считавшийся местом рождения Дионисия и Геракла, родина Антигоны и Эдипа, был захвачен и превращен в развалины. 6000 фиванцев погибли в бою, а 30 000 греческих воинов были проданы в рабство. Победители пощадили только одно здание Фив – дом поэта Пиндара. Проходивший военную службу в Афинах в 324—322 годах до н.э. Эпикур признался бывшему рабу Мису в ненависти к оккупантам из Македонии: «О, если бы впоследствии свергнуть самых злейших врагов наших – македонян!»

Воины Александра и их путь на карте

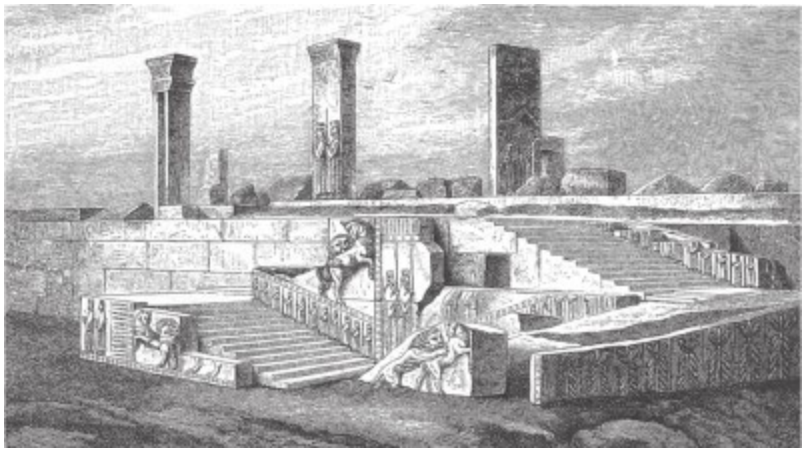
Когда он взял Тир, по его приказу все мужчины были казнены, а женщины были проданы в рабство. Плутарх пишет: «Утешением в скорби для Александра была война, которую он превратил в охоту на людей: покорив племя коссеев, он перебил всех способных носить оружие». Ненужная, слепая жестокость. Много лет спустя Кассандр, став царем Македонии, владыкой Эллады, оказавшись однажды в Дельфах, увидел статую Александра (уже после его смерти). Он затрясся от страха, волосы его встали дыбом, и он едва пришел в себя. И эта личность стала героем истории?! Хороша «цивилизация»… Хотя вот Арриан заметил: «Те, кто считают Александра дурным человеком, пусть остаются при своем мнении; однако пусть они прежде всего будут иметь в виду не только его действия, за которые следует его порицать, но и всё им совершенное. Затем пусть оглянутся на себя, а также на то, какая судьба им выпала, и только тогда оценивают, кого же они порицают».

А. Альтдофер. Битва Александра Македонского с Дарием. Деталь. 1529 г.

Льстецы превозносили царя. Философ Анаксарх, известный своим презрительным отношением к общественному мнению, заявил: «Разве ты не знаешь, что Зевс для того посадил рядом с собой Справедливость и Правосудие, дабы все, что ни совершается повелителем, было правым и справедливым?» Он упрекал царя за то, что тот, словно раб, страшится закона и порицания людей, хотя «он сам должен быть для них и законом и мерою справедливости». Наслушавшись подобных речей, Александр, по словам Плутарха, в итоге для себя «сделал выводы»: стал в дальнейшем проявлять еще большую надменность и пренебрежение к законам.

Сдача оружия противнику

Главная цель почти всех походов Александра Македонского – неприкрытый грабеж и мародерство. Взяв под личный контроль дворцы и цитадель, где хранились сокровища Дария, он приступил к их «приватизации». В Царской сокровищнице хранилось не менее 120 000 талантов, накопленных со времен Кира Великого. Только в царской опочивальне Дария было обнаружено 8000 талантов золотом (Дарий буквально спал на золоте). Помимо денег там нашли золотой виноградный куст, символизировавший «древо жизни» династии Ахеменидов. Грин, автор книги о полководце, отмечает, что если принять за основу фунт стерлингов 1913 года, то Александр получил в Персеполисе 44 000 000 фунтов стерлингов. Это примерный национальный доход Эллинского союза за триста лет! Убедительные мотивации, спору нет, в пользу войн, грабежей, захвата чужих территорий и столиц.

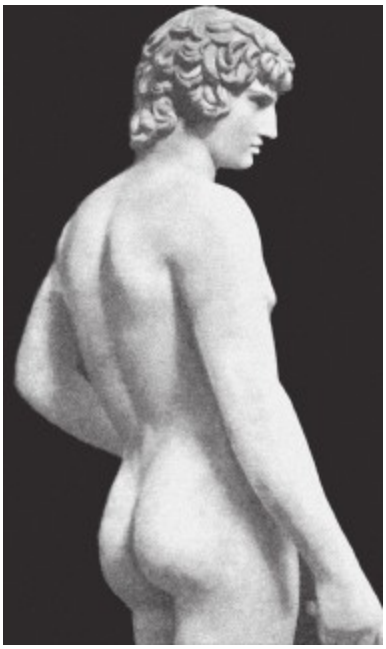


Развалины дворца в Персеполисе

Грабежом царь не удовлетворился. Он объявил Персеполис «самым ненавистным городом Азии». На что рассчитывал завоеватель, надеявшийся к тому же занять трон Ахеменидов, что было просто невозможно сделать без поддержки персидской знати и жрецов-магов, тем более без поддержки народа? Но он не проявил к религии и культуре великого народа необходимой уважительности. Мало того. Вскоре он отдал распоряжение разрушить Персеполис. Конечно же, это было очень «дурное решение» (Аппиан). Не только дурное, но и гибельное для завоевателя. Разрушение сопровождалось дикими пьянками и оргиями, во время которых прекрасный дворец Ксеркса был разграблен и подожжен. Устыдившись действий кумира, в дальнейшем греческие авторы старались как-то приукрасить событие.

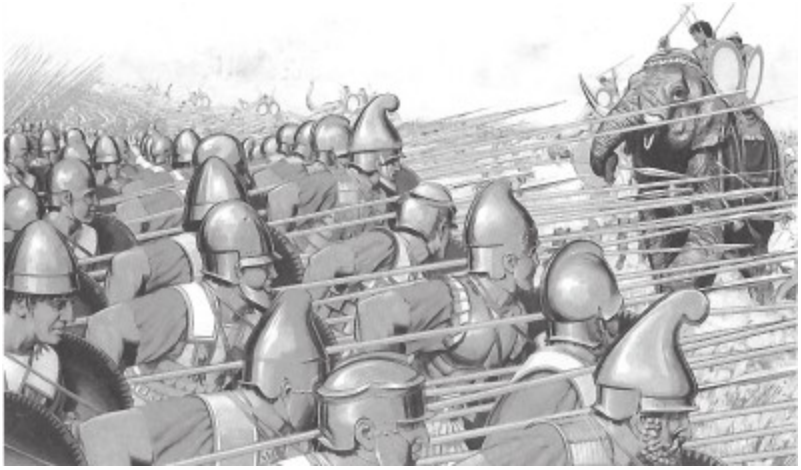
Красавец Антиной, погибший от вина

Сюжет довольно обычен. Александр на пиру выпил много вина. Таис Афинская (Таида), любовница Птолемея, заявила, что было бы здорово сжечь дворец Ксеркса (эта версия снимает всю первоначальную ответственность с самого Александра). Принесли факелы, и процессия пировавших направилась во дворец. У дверей некоторое время они колебались. Но тут кто-то громко закричал, что это было бы деяние, достойное одного Александра. Царь в порыве пьяного энтузиазма и, может быть, желая еще раз почувствовать себя мстителем за Элладу, первым поджег здание. Охранники, прибежавшие с ведрами воды, вместо того, чтобы гасить огонь, наблюдали за происходящим как за потехой. Вскоре всю террасу охватило пламя. Поэтому у многих возникло искушение объяснить поджог инцидентом во время пьяной оргии, о котором исполнители вскоре пожалели. Такая версия (или легенда) довольно прочно вошла в историю, и изменить ее с помощью каких-то научных аргументов сегодня трудно. Так что попытки историков представить Александра этаким античным Антиноем могут быть восприняты довольно превратно.



Антиной. Музей Неаполя

Перед сожжением дворец был основательно разграблен, македоняне вытащили из него почти все ценное – монеты, золото, ювелирные украшения; варварски разбили красивые каменные вазы, сбивали головы статуй, калеча рельефные изображения. Таким вот образом «крестовый поход» эллинов против «азиатского варварства» достиг своего «триумфального завершения»… «На сегодня нам остались только красноречивые следы пожара и то, что уцелело после него. Пламя обожгло сотни глиняных табличек (что было удачей, иначе те давно рассыпались бы в прах), глазурь рельефов с изображением процессий времен Ксеркса. Покидая дымящиеся развалины, Александр едва ли мог знать, что своим поджогом он обессмертил Персеполис». Хотя правильнее было бы сказать, что этим поступком он опозорил свое имя в истории.



Битва войск Александра с армией Пора

Одним словом, это злой демон войны. В труде Палладия «О жизни брахманов» образ и деяния полководца даны в критическом ключе: «В нем был божественный дух, но обращенный каким-то злым демоном к убийствам и распрям». Полны сарказма и слова грека Лукиана: «Он отличался природными дарованиями, гибкостью и остротою ума; был наделен немалой любознательностью, понятливостью, памятью, способностью к наукам, но пользовался всеми этими задатками самым дурным образом. Дав благородным качествам своей души низменное назначение, он превзошел своим злодейством Керкопов, Эврибата, Фринонода, Аристодема, Сострата». Душа его – душа человека без предрассудков, смелого, готового на опасный шаг, терпеливого в исполнении планов, обладающего даром убеждения, умевшего внушить доверие, показать добрые чувства, представив все это в лучшем свете, и в то же время вместилище клятвопреступлений, лжи и хитрости. Добавим к характеристикам оценку Курция Руфа, настроенного критично к македонянину. Тот писал: «Он хотел, чтобы его не только называли сыном Юпитера, но и верили в это; как будто он мог предписывать людям, что думать и что говорить. Он приказал македонцам по персидскому обычаю раболепно приветствовать его, падая ниц на землю. Это желание царя подогревалось гибельной лестью, обычным злом для царей, ибо угодничество подрывало их силы чаще, чем даже враг». Не так далек от истины один из афинских ораторов, заявивший: когда Александр все же подохнет, запах тления от него заполнит всю Вселенную. Поэтому и мы готовы повторить: «Хватит восхвалять Александров, воздадим хвалу ученым, педагогам и врачам».

Бесспорно, это был великий полководец и амбициозный политик… Когда он двинулся за Инд, в «страну чудес», каковой все считали Индию, он, видно, уже стал подумывать о создании греко-македоно-евразийской империи. В битвах он одолел мужественного царя индов Пора. Александр встретился с его армией у реки Гидасп (326 г. до н.э.). Индусская армия имела около 30 тысяч пехотинцев, 3—4 тысячи всадников, 300 боевых колесниц и 100 слонов. Боевые слоны стали для македонцев неожиданным и грозным оружием. В свою очередь, македонская армия вместе с союзниками насчитывала около 30 тысяч пехотинцев, в том числе 6 тысяч тяжелой пехоты, 5 тысяч конницы, лучше, профессиональнее подготовленной, нежели у индусов. В начале битвы македонцы на какое-то мгновение растерялись, увидев этих страшных животных, что, как танки, вламывались в ряды фаланг, топтали воинов, хватали их хоботами, швыряли в воду, вонзали клыки в тела, а стрелки со спин слонов стали осыпать их стрелами. Но вскоре они пришли в себя, вновь пошли на слонов, стали теснить их, убивая стрелами и дротиками погонщиков и воинов-индусов. После этой битвы слоны стали использоваться в бою и другими.

Боевые слоны в действии

Селевк обменял 500 слонов для армии, а за это уступил правителю Чандрагупте значительную территорию. Слоны стали использоваться в Греции и Карфагене. Одержанной им победой над римлянами Пирр фактически был обязан слонам. Как показали битвы у Беневенента и Гераклея, слоны действовали успешнее всего против

тех войск, что впервые с ними встретились. Но смелые и хорошо обученные воины находили средства борьбы с ними. К тому же слоны в случае бегства вносили замешательство в ряды их войска. С этой целью у погонщика был специальный стальной клин, который в случае необходимости вбивался в затылок слону, чтобы, умертвив его, обезвредить грозное животное. Обычно против слонов применялись горящие стрелы, которые могли их напугать и обратить в бегство. А некий неизвестный греческий изобретатель соорудил железные клинья, что были связаны цепью и закреплены на земле. Слон, наступив на такую преграду, разрывал свои нежные ступени и, конечно, выходил из строя. Это изобретение, похожее на заградительные шипы для машин, затем использует царь Птолемей под Газой.

Богиня победы Ника Самофракийская

Одной из искусных операций прикрытия была акция, получившая наименование «гордиев узел»… Зимой 333 года до н.э. Александр пришел в Гордион, значительный центр Фригии. В античной традиции доэллинистического периода сохранялись представления о том, что в прошлом фригийцы – это переселенцы из Македонии. Согласно генеалогии македонских царей Александр считался потомком Карана, изгнавшего Мидаса из Македонии (того Мидаса, что известен богатством, садами и «ослиными ушами»). Это указывает на то, что Александр был заинтересован в том, чтобы попытаться мирно убедить народ страны в законности его наследной власти. Отсюда и его интерес к преданию о фригийских царях и к предсказанию, которое (в случае выполнения) делало его законным наследником династии, и

достоверность посещения им храма Гордиона. Легенда гласила, что тот, кто развяжет узел на повозке фригийских царей, тот станет властелином мира. Сей узел ассоциировался с центром Земли, как и фетиш, олицетворявший «пуп Земли» в Дельфах. Гордиону придавалось большое значение и потому, что град сей символизировал власть над Азией (прежде всего в силу географического положения). Град сей находился на равном расстоянии от Синопы, Геллеспонта, Киликийского моря и, согласно древнеионийской географии, мог считаться центром известного тогда мира. Потому Александр Македонский, разрубив «гордиев узел», продемонстрировал всему миру то, что он решил, казалось, одну из главных головомоек древнего мира, а потому вправе был владеть им. Подобно Мидасу, он желал заполучить все золото мира.

Лисипп. Александр Великий. Копия

В действиях Александра Македонского, как в деяниях империалистов всех эпох, видимо, были крупицы необходимости и закономерности. Он расширил границы древнего мира, вовлек в него новые страны. Он не только принес на Восток многие важнейшие достижения греческой культуры, но и дал импульс строительству и торговле. А. Свечин заметил: «Македонская фаланга Александра несла на остриях своих копий народам Востока завоевания греческой культуры, греческую мысль – греческую литературу, греческое искусство и технику». Хотя и говорят, что свободу и культуру не приносят на острие мечей или штыков, видимо, бывают исключения. Он реализовал программу эллинистического империализма. Дело в том, что любая программа мертва, если не появится тот, кто достойно воплотит ее в жизнь. Таким гениальным демиургом стал Александр Македонский. Он прекрасно понял не только военную сторону задачи,

что также не просто, но сумел заглянуть в глубины политического космоса. Что такое его города, как не континентальные станции, что должны были связать человечество? Свечин подметил характерную черту: «Глубокое понимание Александром политических условий, в которых ему приходилось бороться, видно из методической подготовки его кампании 311 г. – вторжение внутрь Персии, а также из попытки подвести экономический базис под свои завоевания. Найденным морским путем от устья Инда к устью Евфрата он продолжал караванный путь через Переднюю Азию, и на обоих концах этой важнейшей торговой артерии древнего мира он построил два города – Александрии, – которым он придавал наибольшее значение: Александрию в Египте, близ устья Нила, и Александрию в Индии, на реке Инд. Завоевание Востока Александром Македонским вызвало для древнего мира такие же экономические последствия, как открытие Америки – для новой Европы». Александр – это Колумб античного мира.

Подлинный лик завоевателей и захватчиков

Последствия его действий значительны… Во-первых, Александр подал пример к созданию империи. Рим, Карфаген, персы – это уже эпигоны. Откровенно говоря, только Рим по-настоящему мог претендовать на звание «всемирного владыки». Во-вторых, он и в самом деле подал пример того, как за военной победой начинать осуществлять мирные завоевания. Победы Александра Великого повлекли за собой такое ускорение развития техники производства и столь радикальное ее улучшение, какого не наблюдалось в мире пожалуй что с начала бронзового века. Повсюду на Среднем Востоке стали возникать новые города, за завоевателями шли торговцы. Политика вела к важным экономическим, градостроительным, научно-техническим открытиям. До его походов в Средиземноморье было три

города с населением свыше 100 тысяч человек (это Сиракузы, Афины, Карфаген), а спустя всего один век появились четыре города с населением свыше 200 тыс. человек (Александрия, Селевкия, Антиохия, Карфаген), несколько городов с населением около 100 тысяч человек (Сиракузы, Коринф, Рим, Афины, Родос, Эфес и др.). Земли бывшей Персидской империи стали доступнее для прохождения товаров. Экономическая экспансия немногим отличалась от той, что имела место в районе Эгейского моря в VII веке до н.э., но шла с большим размахом. И поскольку экспансия захватила Египет и Месопотамию, эти древние центры цивилизации впервые в политическом и культурном отношении объединились с Грецией. В результате их объединения и возникла цивилизация, названная эллинистической. Там, несмотря на объединение различных народов, продолжавших пользоваться собственным языком, греческий язык признан международным посредником в управлении, торговле и культуре. Наука постепенно стала освобождаться от подчинения натурфилософии. По образному выражению Ланселя, царь Александр «перенес осеннюю розу эллинской культуры на Восток».

Гордиев узел

Если это даже и так, то лепестки ее быстро опали… Да и сам образ розы, которую дарят восторженные юноши и поклонники своим возлюбленным, на наш взгляд, не очень подходил к облику Александра Македонского. Не лавр, не мирт и не розу нес он народам, но меч. А

если все же принять образ Ланселя, то это была скорее роза печали, роза смерти… Когда Александр вторгся в Малую Азию и нанес поражение Дарию III в битве в 331 году до н.э., он за пять лет завоевал почти все области Ахеменидской империи. Каков же итог его «розовых походов»? Иранцы и жители Ахеменидской империи очень скоро поняли кровавую суть его политики. Понятно, почему в зороастрийских сочинениях он упоминается не иначе как «ненавистный». В одном из фрагментов на согдийском языке он даже помещен среди наихудших грешников в истории человечества. За что такая «честь»? Злодеяния заключались в том, что он «убивал магов». В другом сочинении на пехлеви сказано, пишет Бойс, что Александр убил «много учителей, законоведов, эрбадов и мобадов». В третьем сочинении сообщается, что он «погасил много огней». Все эти злостные преступления были совершены тогда, видимо, когда воины Александра грабили храмы и святилища, а жрецы погибали в попытках защитить свои святыни. Увы, об этих и других разрушениях по воле «гения Александра» мало что известно. Храм Фратадара в Персеполе пострадал, когда Александр разграбил столицу, а храм Анахиты в Экбатанах (Хамадан) македонцы грабили несколько раз. Они сорвали серебряные пластины с крыши и золотое покрытие колонн. Если персы как-то могли возместить материальный ущерб (это еще можно было перенести), то особенно ощутимой для иранской религии и культуры стало убийство священнослужителей-персов. Историк объясняет это так: «В те времена, когда все религиозные произведения передавались изустно, жрецы становились как бы живыми книгами религии, а с их массовым убийством многие древние произведения, как утверждают предания, были утрачены или дошли до наших дней не полностью». Но европейцы, похоже, напрочь забыли о кровавом следе, что ими был оставлен в истории. Хотя сегодня в отношении Александра принят более взвешенный и трезвый подход. Писатель П. Грин заметил: «Напрасно было бы, вопреки этой истине, считать, что Александр мечтал каким-то таинственным путем, перейдя реки крови, достичь братства людей. Всю жизнь, со всеми ее легендарными победами, он посвятил достижению личной славы, а эта цель до недавнего времени считалась вполне достойной похвалы». И тем не менее восхвалений и восторженных речей в адрес завоевателя хватает по сей день. Поклонники его охотно поведают о бурном

романе, что случился между полководцем и красавицей Роксаной, об их страстной любви.

П. Баратта. Александр Македонский

Бесспорно, Александр Македонский сделал ставку на армию, и только на армию. Он видел в ней идеальный инструмент, с помощью которого можно разрубить любой «гордиев узел» в политике или управлении. С самого начала своей карьеры он заботился об армии, ничего не жалел для нее, во всем потакал ей. Известно, что перед началом войны с Персией он роздал все свои богатства воинам. «Что же ты оставляешь себе?» – спросили его. «Надежды», – ответил молодой царь. Македонцы жаждали богатств. Однако всему есть мера. Ведь когда битвы уносят твою жизнь, а богатства достаются другим, любой наемник начинает задумываться. Воины его победоносной армии смертельно устали от бесконечных войн и походов. Так, Клитарх в красках изобразил жалкое положение его армии… «Немного македонян осталось в живых, и эти оставшиеся были близки к отчаянию, копыта лошадей были стерты далекими походами, множество сражений притупило и сокрушило оружие воинов; никто не имел более греческого платья, лохмотья варварской и индийской добычи, кое-как сшитые друг с другом, прикрывали эти покрытые шрамами тела завоевателей вселенной; уже семьдесят дней с неба падали страшнейшие дожди, сопровождаемые вихрями и бурями». К чудовищным ливням, не оставлявшим сухого места на теле людей, прибавились разливы рек, постоянная сырость, туманы, недостаток одежды и продовольствия, болезни и многое иное. Все это подрывало

физические и нравственные силы македонского войска, что находилось в непрерывном движении по ужасным дорогам. Нужда, смертность, муки телесные, приступы отчаяния, тоска по родным и близким, по родине – все это не могло не вести к потере энтузиазма, воинственности, упадку сил, апатии.

А. Дюрер. Всадники Апокалипсиса. 1498 г.

Правда, они сделались обладателями немалых богатств. Он говорил воинам, что еще царь Филипп застал их нищими бродягами, одетыми в кожухи, которые пасли по нескольку овец в горах. Македонцы еще не так давно и сами боялись варваров, прежде уводивших их и их семьи в плен и уносивших все их добро. Александр увел их из этой бедной страны, которая уже не могла прокормить, распахнул перед ними дорогу в иной обильный и богатый мир – Иония, Эллада, Фригия, Лидия, Милет, Палестина, Междуречье, Индия, Парфия. Богатства Египта и Кирены, лидийцев, персов – теперь к их услугам. Из диких полурабов они превратились в сатрапов и стратегов, в богатых людей. Они стали, по сути дела, его «родственниками», его «семьей». Отслуживших он щедро наградил и отправил на родину, в Македонию (10 тысяч). Все это так. Но более точной представляется оценка, которую дал ему древнегреческий историк Феопомп (IV в. до н.э.), ученик Исократа и автор истории Греции, истории македонского царя Филиппа и его эпохи. В

обвинительной речи против царя Филиппа и его друзей он дал им характеристику, которая подошла бы Александру Македонскому и сообщникам: «Мужеубийцами были они по натуре, мужеблудниками стали по образу жизни. Они назывались сообщниками, а были соложниками». Добавим, что воины Александра стали к тому же и заложниками его безумств. Хотя тот же Феопомп, называя ближайших соратников Филиппа не гетайрами, а гетерами (ибо они – «не воины, но подонки, по натуре злодеи, по привычкам блудодеи», предпочитающие пьянство, стремящиеся вместо порядка к грабежам и убийствам), все же отметил те немалые привилегии, которые они получили от своего царя. Феопомп писал о македонцах: «Владея большою частью Европы, они пренебрегали тем, что есть, и гнались за тем, чего у них не было. В это время гетайров было не более восьмисот, но земельных доходов они получали не менее, чем десять тысяч эллинов в обширной и плодородной местности».

П. Пюже. Александр Македонский и Диоген. 1692 г.

Награды и богатства хороши, когда их обладатели могут ими воспользоваться с пользой и удовольствием для себя. Вскоре стало ясно, что даже такой великий полководец, как Александр, не может того, что не под силу смертным. Ему удалось победить войска противников, но не под силу, оказалось, одолеть все превратности

судьбы и чуждой природы. Жаркое испепеляющее солнце, проливные тропические дожди, непроходимые девственные леса, змеи, скорпионы, непривычная пища, бесчисленные болезни, да и тоска по родине, что действует сильнее вражеского оружия, – все это подрывало мощь его армии. Болели и ныли старые раны. Воины хотели вернуться домой, совершенно этого не скрывая. И кому нужны богатства, полученные в сражениях, если ими нельзя будет воспользоваться.

Конечно, Александр бесспорно был мужественным воином. Подтверждение тому – его тело воина, все покрытое шрамами и рубцами… При переходе через Граник его шлем раскололся от удара меча, который чуть не рассек его голову; в Газе дротик пронзил ему плечо; в Марканде стрела раздробила ему ногу так, что кость торчала наружу; в Гиркании пущенный камень с такой силой поразил его в затылок, что он почти потерял зрение; в Маллах стрела в два локтя длиной прошла сквозь его грудь. Его воинские подвиги таковы, что позволяли сравнивать его с Гераклом. В мужестве ему не откажешь. Однако был ли победоносный царь и правителем-философом? Можем ли мы согласиться с позицией Плутарха, видевшего в нем в первую очередь «ученика Аристотеля»? Иные ответят на вопрос утвердительно. Разве Александр, питавший глубокую привязанность к Аристотелю, не выделял философа Анаксарха, учившегося у Демокрита?! Разве он щедро не одаривал Пиррона и Ксенократа, друга Платона?! Разве не почитал киника Диогена, а его ученика Онесикрита не сделал навархом?! Бесспорно, царь ценил и уважал людей науки. Но Диоген, что будто бы сказал ему, когда он попросил исполнить любое его желание: «Не заслоняй солнца», был прав: он не мог стать солнцем философии. Философия и массовое убийство – это, согласитесь, все же разные категории.

Персидский сатрап Карии – Мавсол (377—353 гг. до н.э.)

Хотя говорят, что, мол, в отличие от Платона, создавшего умозрительный строй, идеальный строй, так никогда и не воплощенный, Александр все же построил нечто реально существующее – основал посреди варварского мира 70 городов, посеял там семена греческих законов. К тому же «Законы» Платона мало кто и читал, тогда как вот законодательством Александра имели возможность воспользоваться тысячи и сотни тысяч людей. Он попытался воплотить идею стоика Зенона, выдвинувшего мысль о едином человеческом обществе. Будто бы целью его походов (утверждают сторонники и наследники Александра) была попытка соединить персов и греков, эллинство и Восток, Европу и Азию. В подтверждение они говорят о тех одеждах и привычках, что он обрел во время завоевательных походов (усваивая образы жизни, костюмы, нравы покоренных народов). Он даже попытался переженить чуть ли

не все нации. Н. Панин пишет: «За этими как будто внешними атрибутами скрывалась идея о равенстве всех народов, о единой слаженной общности, где нет различия между победителями и побежденными, но все соединяют свои жизни, обычаи, нравы, семьи как в одной дружеской чаше. Доблесть Александра как раз и заключалась в том, чтобы воплотить философию в жизнь, взвалив на себя ношу, достойную не просто царя, но бога, а именно – собрать все народы в один мир, некий единый космос, связанный общностью власти и обычаев». Все это звучит довольно красиво, но мы все же склонны считать, что влечение к философии и науке были скорее изящной оправой в венце тирана, каковым и был Александр Македонский.

Александр – это политик-прагматик. Поставив перед собой цель стать мировым гегемоном, великим императором всех покоренных им народов, он должен был менять стратегию, тактику и идеологию. Отсюда и известные перемены в системе управления, в войсках, нравах и одеждах. Македония не могла одна вынести бремя всемирной власти. Поэтому Александр и делает ставку на греческих и азиатских наемников, создав прообраз вооруженных сил Организации Объединенных Наций. Все указывало на то, что «азиатизация» не только войска Александра, но и его системы управления были предприняты им отнюдь не в силу каких-то глупых заблуждений или тем более религиозных мотивов, но сугубо в прагматических целях. У него просто не оставалось иного выхода. Как справедливо подчеркивают, уже во время захвата Милета царь счел разумным взять к себе на службу греческих наемников (напомним, что их приглашали все без исключения властители). А уж после вторжения в Азию, удаления от европейского мира нужда в воинах, которые были бы знакомы с местными условиями, еще более возросла, и возросла стократ.

Царь Мидас и его гробница

Новая армия Александра напоминала слоеный пирог: в трех первых рядах шли македонцы, затем двенадцать рядов – персы, а замыкали их – вновь македонские гоплиты. Вскоре появились изменения и в царском окружении. Александр окружил себя не верными «гетайрами», а персидскими телохранителями («яблоконосцами», чьи копья украшены золотыми шарами). Полагаю, что на сей шаг его толкнула суровая необходимость: по подсчетам ученых, примерно лишь четырнадцатая часть его 70?тысячной армии состояла тогда из родных македонцев. Греков и персов он влил в македонские подразделения, как сегодня американцы пытаются создать в Ираке союзные силы, разбавляя войска подчиненными «варварами». Думаю, он просто не видел иного способа удержать под своим контролем обретенные им огромные части Азии. В новой смешанной армии он хотел бы видеть инструмент ассимиляции народов, своего рода плавильный котел типа войск НАТО. Также сегодня американцы, столкнувшись в Ираке с сопротивлением народа, уже планируют использовать как пушечное мясо своих новых союзников в Европе и Азии, которых они с большим удовольствием зажарят на кострах развязанных ими новых мировых битв.

Войска, что присылал Антипатр, состояли из уроженцев зависимых Балканских стран. Они всегда были ближе к Азии, чем к Европе. Причем все увеличивающиеся масштабы потерь среди воинов (смерть от ран, болезней, истощения и т.д.), нужда в новых гарнизонах (для удержания захваченных им крепостей) вынуждали царя искать замену быстро таявшему войску. В итоге с осени 330 года до н.э. в армии Александра стали служить лидийские наемники и персы-

горцы в качестве подданных. В начале 327 года до н.э. царь приказал обучить греческому языку и владению македонским оружием 30 тысяч персидских юношей (ровно столько, сколько у него насчитывалось всего пехоты в 338—334 гг. до н.э.) Менялась и организация военных сил, что должно было отвечать условиям ведения горной войны в 330—327 годах до н.э. Для такого рода войны требовались в больших количествах и «горные стрелки», иранские спецотряды конных метателей дротиков и лучников. Создан был и новый род войск, конница в качестве гоплитов. Стало ясно: в Азии надо применять азиатские способы борьбы.

Раненый Телеф, сын Геракла

Взвесив все содеянное, можно ли сказать, что Александр Македонский все же не случайно назван иными «великим»? Так что же достойно похвал? То, что он готов был убивать вновь и вновь, губить сотни тысяч, миллионы людей во имя миража? Конечно, он почти завоевал весь тогдашний античный мир. И все же не весь: Рим был вне зоны влияния, схватка между двумя гигантами не состоялась. Александр, вернувшись из Индии, год занимался подготовкой нового, более дерзновенного предприятия – похода на Запад. Вся весна 323 года до н.э. ушла на заготовку вооружений для его новой армии. Со всех концов обширного царства в Вавилон прибывали войска всех родов оружия, азиатские всадники, греческие наемники, обученные по македонскому образцу войска. Отовсюду приезжали строители, моряки, капитаны кораблей. Что было причиной этих лихорадочных сборов? Вскоре стало известно: с наступлением лета должен был начаться поход на запад. Его полководец Неарх с находящимся на

Евфрате флотом хотел обогнуть Аравию и направить силы Александрова войска против Карфагена или Италии. Флот должен был проникнуть через Геркулесовы столбы в западный бассейн Средиземного моря. Завладение его берегами позволило бы завершить эллинизацию. С той целью по его приказу и накапливались громадные вооружения в гаванях Средиземного моря. Подобные шаги, по мысли Александра, довершили бы и упрочили на будущие времена «смелое здание всемирной монархии». Царь захворал буквально за пять дней до начала величайшей авантюры – покорения Запада. Затея провалилась, ибо он вскоре умер. Показательно, что буквально у мертвого тела возникла схватка за царские регалии.

Выбор наложницы на Востоке

Вправе ли мы говорить, что он «изменил ось его (мира) вращения» (Дж. Фуллер)? Вилькен скажет: «Весь последующий ход мировой истории, политику, экономику и культуру позднейших времен нельзя понять без деяний Александра». Спустя столетия после его смерти Аппиан из Александрии сравнивал его короткое правление со вспышкой молнии, столь яркой, что якобы только недавно историки осознали его значимость. Возразить ему трудно в отношении одного: бесспорно, правление Александра было в чем-то подобно вспышке молнии. Но что же высветила эта вспышка? Только то, что весь античный мир огромен, что он состоит из множества народов, которые отнюдь не жаждут оказаться под началом мирового владыки, царя или императора. Если даже и сегодня при колоссальных возможностях современной техники, средств сообщения, мощнейших экономик вряд

ли кто решится выступить этаким мировым монархом (при условии если он не идиот и не самоубийца), то в те времена подобная затея была изначально обречена.

Но может быть, его походы имели какую-то научно-географическую и культурную ценность, скажем, подобно походу Наполеона в Египет? Бесспорно, крупицы новых знаний для европейцев и азиатов это «мероприятие» дало. Предприняты были определенные усилия в направлении научных изысканий: в государственный архив Вавилона сданы на хранение важные отчеты генштабистов Александра, где приложены измерения завоеванных стран, так что его можно назвать и «первым землемером». Вспомним, что еще Аристотель жаловался на неверность данных по расстояниям, полученных от купцов и караванов. Благодаря ему и Неарху Критскому стали известны течения Инда и Ганга и другие данные по географии Индии и Месопотамии. Конечно, есть доля истины в словах и тех авторов, что говорят: «Историки часто приписывают ряд географических открытий Александру Македонскому и участникам его походов или сильно преувеличивают их роль в деле изучения географии Востока. Войска Александра проходили через области Персидской империи, заселенные древними народами высокой культуры, либо через территории, хорошо известные этим народам. Участники македонских походов, как правило, не добыли на месте новых и не обработали старых географических материалов, собранных покоренными ими народами (египтянами, персами и др.). И все же можно отметить по крайней мере три относительно крупных географических достижения, связанных с именем Александра и его соратников: получение сведений о Приаралье, исследование Персидского залива и Красного моря». Поручение исследовать Каспийское море не было исполнено в связи со смертью полководца. Неудачей закончилась попытка обогнуть Аравию (ни Архей из Полы, ни Андросфен из Тазоса, ни Гиерон из Солои не смогли этого добиться). Эра подлинных масштабных географических открытий была еще впереди. И стоило ли ради этого положить несколько сотен тысяч людей – большой вопрос. Сенека писал: «Александр, царь Македонский, принялся изучать геометрию – несчастный! – только с тем, чтобы узнать, как мала земля, чью ничтожную часть он захватил. Несчастным я называю его потому, что он должен был понять

ложность своего прозвища, – ибо можно ли быть великим на ничтожном пространстве?» Далее Сенека очень злободневно говорит о «безумце», который простирает «свои помыслы за океан» в мечтах о мировом господстве…

Античная камея, изображающая Александра и Роксану

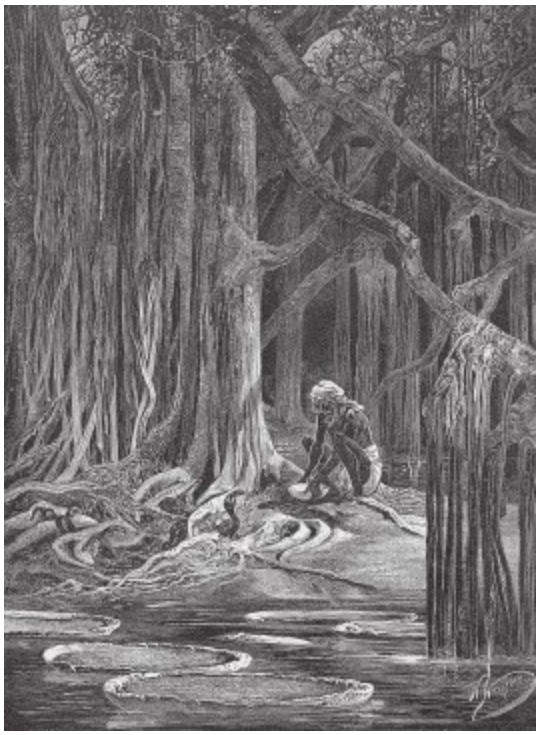
И вообще надо бы ответить на вопрос – что все-таки хотел создать Александр? Одни утверждают, что его целью было создание огромной эллинской державы, с царем-греком во главе, основой которого было бы греко-македонское войско и греческая культура. Так ли это? Полагаем, что скорее он все же думал о своего рода «мировом правительстве», основой которого стали бы азиатские порядки и нравы, да и азиатское войско. Иначе он венчался бы в Афинах или в другом греческом полисе. Попытки соединить Запад и Восток по-своему замечательны, но они в то время были нереальны (проблематичны они и ныне). Вот какими представлялись цели Александра авторам труда «История человечества»: «Таким образом, духовное завоевание востока удалось благодаря живой наблюдательности, присущей жителям запада. Но брак между странами востока и запада, который был отпразднован брачным пиром в Сузах, оставался всегда рабским браком, причем восток играл (в нем) роль господина. Правда, включение персов и вообще других племен в македонское войско обозначало собою победу западной организации; но планомерное включение персидских войск в самые ряды македонских фаланг могло только разрушить эти фаланги. И все-таки Александр полагал, что политическое господство греков над всем миром возможно только при условии слияния народов. Переселения народов из Азии в Европу и из Европы в Азию должны были создать для этого освященного религией всемирного царства однородные

массы, связанные только с династией, но не между собой. В отдаленном будущем ему представлялся греческий город-государство, носитель новой культуры; здесь же, на родине, древнее государственное устройство могло стать опасным, и поэтому Александр, вместе с вытеснением всяких воспоминаний о Коринфском союзе, издавал указы, предписывающие возвращение изгнанников и запрещающие общие собрания ахейским и аркадским городам. Гарнизоны ставились по городам, одним тиранам оказывалось покровительство, другие были в опале, так что восточный деспотизм одержал, казалось, победу над всей западной цивилизацией». Тут интересно осторожное упоминание о том, что в будущей карте мироустройства пальма первенства отдается не Западу, но Востоку. То, что начал Александр, может все же свершиться.

Ж. Фуке. Коронация Александра Великого

В Азии Александа Македонского называли Искандером Двурогим, ибо «один рог означал Запад, другой – Восток». В действительности он кажется более похожим на воинственного быка, сломавшего оба рога. Не могло быть и речи о покорении им Востока. Он дошел только до Пенджаба (до реки Биас), хотя ему уж очень хотелось дойти до моря. Но армия его была настолько измучена и обессилена, что мечтала лишь о том, как бы вернуться домой. К тому же Александр узнал, что где-то далее в Индии находится Ганг, а за ним владения Ксандрама, чья армия насчитывает 400 000 солдат и тысячи боевых

слонов. У него же в лучшем случае 120 000 человек и огромный обоз, а впереди неизведанный путь домой. Ветераны, раненые, обоз (20—30 тысяч человек) повернулись и пошли через пустыню. Часть войск направлена морем. Убивает чудовищная жара Гедросийской пустыни, где и ночью температура не опускается ниже 35 градусов по Цельсию, отсутствие воды, болезни, жалкий провиант, штормы на море. Все говорит о том, что число погибших на море и на суше во время этого «марша смерти» составило 45 000, то есть более трети его войска. Конечно, военачальники привыкли не жалеть солдат. Но мы видим: в Сузы приходит уже не победитель Востока, а беглец из Индии, «призрак пустыни». Может, он кое-что стал понимать? Азия и Индия принадлежат к иной культуре. Его увлекла духовная жизнь аскетов. Греция и культура эллинов никак не подходят к нравам индусов. Было ясно: можно основать еще сотню городов, но народ тут жил и будет жить своей жизнью. Индией правят бесчисленные князья, раджи, а то и просто свободные люди. Как объединить весь конгломерат в единое государство? Это было немыслимо. Индия – не Египет и не Персия. Тут Запад был бессилен.



В дебрях Индии

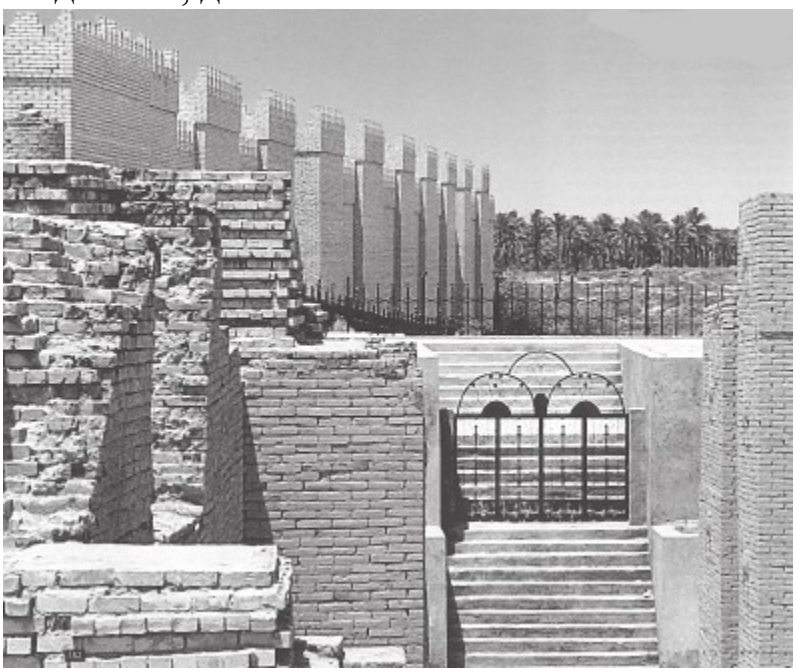
Но нет, он еще ничего не понял и мечтает о походе в Аравию, Северную Африку, Италию, хочет завоевать Европу до Геракловых

столбов. Безумной идее не суждено воплотиться. Сенека характеризовал деяния македонского вояки как «несчастные»: «Несчастного Александра гнала и посылала в неведомые земли безумная страсть к опустошению. Или, по-твоему, здрав умом тот, кто начал с разгрома Греции, где сам был воспитан? Кто отнял у каждого города то, что там было лучшего, заставив Спарту раболепствовать, Афины – молчать? Кто, не довольствуясь поражением многих государств, либо побежденных, либо купленных Филиппом, стал опрокидывать другие в других местах, неся оружье по всему свету? Чья жестокость нигде не остановилась, уставши, – наподобие диких зверей, загрызающих больше добычи, чем требует голод? Уже множество царств он слил в одно; уже греки и персы боятся одного и того же; уже носят ярмо племена, свободные даже от власти Дария; а он идет дальше океана, дальше солнца, негодует, что нельзя нести победу по следам Геркулеса и Либера еще дальше, он готов творить насилие над самой природой. Он не то что хочет идти, но не может стоять, как брошенные в пропасть тяжести, для которых конец паденья – на дне». Александр умер от загадочной болезни в Вавилоне (известны версии о его отравлении и смерти от малярии). Не исключено, что смерть прозаичнее: умер как заштатный пьяница (от горького запоя). В этом случае с горечью замечу: «плоды просвещения» уместились на дне кубка. Похоже, вовсе не философ Аристотель (или кто-то иной) приготовил ему яд (по приказу Антипатра), а он сам. Поэт Вийон так описал гибель одного из величайших полководцев древности:

Вот Александр, на что уж был велик,
Звезда ему высокая сияла,
Но принял яд и умер в тот же миг…

Умный и тонкий политик Филипп, видимо, все же сделал ошибку, сказав сыну: «Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!» Он тем самым заронил в голову сына мысль о возможности покорения всей необъятной ойкумены. Поставив перед собой цель немыслимую для смертного – создание всемирной империи, он рано или поздно должен был пасть под ударами суровой

Судьбы. Поэтому и смерть его в молодом возрасте была неизбежна. Прекрасно сказал об Александре Петр Великий: «Какой тот великий герой, который воюет только ради собственной славы, а не для обороны отечества, желая быть обладателем вселенной!» Упрек слышится и в таких его словах, которые он обращает в адрес македонского полководца: хотел стать «великаном всего света; последователям его – неудачный успех». Кстати говоря, стать «великаном» можно ведь и у себя на родине. Как нам кажется, в том больше пользы для нее, для тебя и человечества.



Вавилон, где закончился путь завоевателя

Когда царь умирал (323 г. до н.э.), возможно, он вспомнил слова индийских софистов, когда-то сказанные: «Царь Александр, каждому человеку принадлежит столько земли, сколько у нас сейчас под ногами. Ты такой же человек, как все остальные, только суетливый и гордый; уйдя из дому, ты прошел столько земель, сам не зная покоя и не давая его другим. Вскоре ты умрешь, и тебе достанется столько земли, сколько хватит для твоего погребения». Согласно воле Александра его должны были похоронить в оазисе Сива. Жрецы Египта приветствовали его там как сына Зевса – Аммона – и предрекли ему господство над землей. Так вот и умер сей лев, скованный не железный цепью, а обычной болезнью… Для перевозки тела греческий инженер создал специальную колесницу на рессорах, запряженную 64 мулами. На ней был установлен мраморный саркофаг,

на золотой крышке лежало оружие царя Александра и щит Ахилла из Трои. Балдахин, украшенный камнями, опирался на колонны из слоновой кости. Впереди шли отряды строителей и землекопов. Они выравнивали старые, строили новые дороги, возводили мосты. Видимо, это были самые пышные проводы венценосного покойника в истории древнего мира. В процессии шли тысячи всадников, индийские слоны, колесницы, фаланги пеших воинов. Птолемей принял колесницу с телом в Дамаске, но саркофаг в Сиву не отвез, а доставил его в Мемфис, в свои владения, а затем уже – в Александрию.

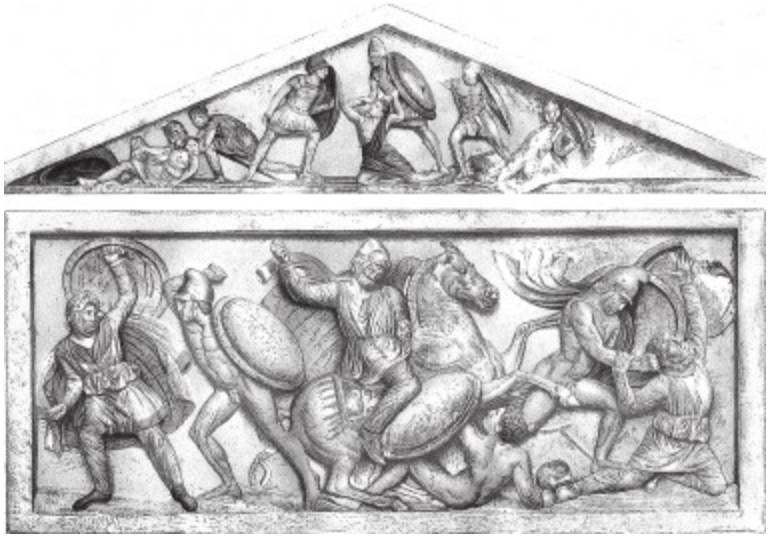
Колесница, перевозившая тело Александра

О месте захоронения македонских царей давно идут горячие споры. Греческий археолог М. Андроникос, искавший древнюю столицу македонских царей, все же обнаружил гробницу царя Филиппа в 70 км от Салоник. Ее украшала фреска длиной 5,5 м, изображавшая охоту на оленя, кабана и льва. Гробница полна была драгоценной утвари и украшений. Нашли там и золотую урну весом 8,5 кг, крышку которой украшала звезда. Тут же находились ожерелья, золотые цепочки и диадема. Обнаружили и скелет дамы, указывавший, что ей в год смерти было около 23—27 лет. Далее располагался главный зал гробницы: стоял саркофаг на львиных лапах, вокруг него горами располагались сокровища, включая богатое боевое оружие (золотые наконечники стрел, золотой колчан, меч, шлем, украшенный головою Афины, щит, покрытый пластинами слоновой кости и листовым золотом, чешуйчатый панцирь с львиными головками). Неподалеку белели кости коня в роскошной сбруе. В мраморном саркофаге обнаружили 11-килограммовую золотую урну, украшенную

драгоценными камнями. В центре урны сияла звезда, символ македонских царей. В найденном черепе повреждена левая глазница. Там же нашли пять миниатюрных статуэток из слоновой кости, имеющих сходство с царем Филиппом. Сомнений не было, это – отец Александра Македонского. В гибели его немало загадочного. Имя убийцы известно. Но вот кто направлял его руку? Коварная Олимпиада и Александр? Персы, заинтересованные в предотвращении восточного похода? Греки, жаждавшие освобождения? Тайны сопровождали Филиппа и после его упокоения. Кто эта молодая женщина, как бы охраняющая вход в гробницу?

В золотой шкатулке из усыпальницы Вергина хранился прах Филиппа

Так, уже упомянутый Андроникос уверен, что это был прах Клеопатры, любовь к которой и стоила якобы Филиппу жизни. С этим предположением трудно согласиться. Да и как могла допустить Олимпиада посмертное торжество ее счастливой соперницы? Появление останков Клеопатры в царском склепе иные готовы представить себе следующим образом. Погребальный склеп Филиппа при жизни Александра не засыпался землей. После смерти завоевателя Азии возникли споры о месте его захоронения. Македонская партия настаивала на возвращении тела Александра на родину и захоронении его в отцовском склепе или рядом с ним. Египетская партия во главе с Птолемеем полагала, что душе Александра надо находиться ближе к его египетскому «отцу» Аммону. Большинство полководцев выступали за отправку останков Александра в Македонию. Но Птолемей уже в Македонии похитил саркофаг и отправил в Египет, где тот хранился близ царского дворца в Александрии. Через некоторое время родственники Клеопатры поместили и ее останки в преддверии гробницы Филиппа, а сама гробница была ими засыпана.



«Сидонский саркофаг» Александра

Легенд о смерти Александра множество, ничуть не меньше, чем разного рода «Александрий», то есть рассказов о нем… Источники утверждают, что Александр, прослышав про оазис Сива с древним храмом, направился туда через пустыню (300 км). Принявшие его жрецы объявили его сыном Амона. Выйдя от них, он заявил: «Я узнал то, что он хотел узнать, и ответы мне пришлись по сердцу». Биограф македонского царя Кальсиниас писал, что после встречи с оракулом Александр и выразил желание быть похороненным в Сива, рядом с храмом Амона-Ра. В 1989 году греческие археологи, проведя в тех краях раскопки, вскоре обнаружат целый комплекс в виде гробницы (30 м длиной, 7 м шириной). В оформлении видны элементы, характерные скорее для македонской, нежели для древнеегипетской гробницы.

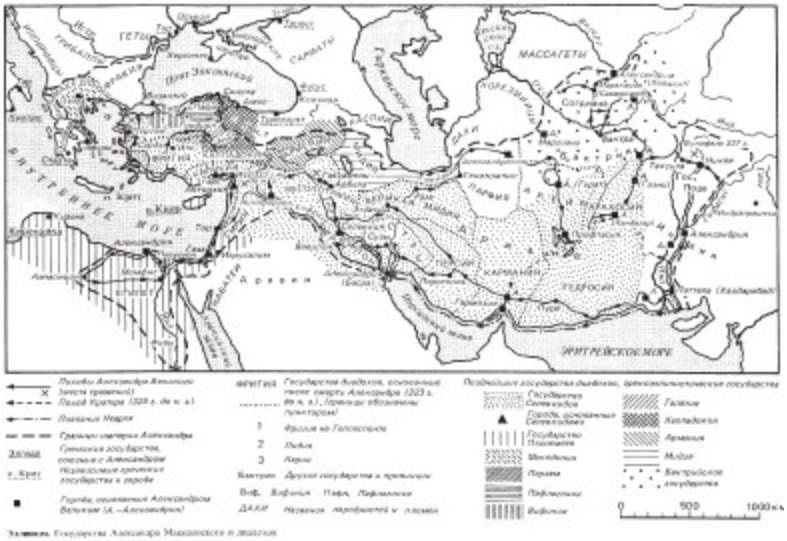
Александр Великий в львином шлеме

Найдены обломки саркофага, барельеф с восьмиконечной звездой – символом Александра, тайный проход из гробницы в храм Амона-Ра и стелы с надписями на древнегреческом языке. На главной стеле написано: «Александр, Амон-Ра. Во имя почтеннейшего Александра я приношу эти жертвы по указанию Бога и переношу сюда тело, которое такое же легкое, как самый маленький щит, в то время, когда я являюсь господином Египта. Именно я был носителем его тайн и исполнителем его распоряжений, я был честен по отношению к нему и ко всем людям. И так как я последний, кто еще остался в живых, то здесь заявляю, что я исполнил все вышеупомянутое ради него». Тут же стоит дата – 290 год до н.э. Автор текста – ближайший сподвижник Александра Македонского, Птолемей Лаг. Ему великий македонец и завещал перенести останки в Сиву. Вторая стела сообщает причину смерти царя: «Первый и неповторимый среди всех, который выпил яд, ни мгновения не сомневаясь». Говорят, был у македонцев обычай: когда человек достигал вершины славы и хотел, чтобы его имя осталось навечно в памяти потомков, он должен был принять яд. Третья стела указывает на число людей, проживающих в районе в момент погребения, – 400 000 человек (100 000 из них служат в армии, 30 000 охраняют гробницу). Дальнейшие раскопки могли бы дать ответ на всех волнующий вопрос: осталась ли мумия Александра в одном из помещений? Но египетские чиновники по какой-то причине не позволили вести раскопки и разорвали контракт. Загадки остаются. Возможно, в Александрии находилась официальная гробница, в Сиве –

оригинал гроба с останками Александра. Высказывали версию: тело сожжено, прах помещен в сосуд и его потомками отправлен в Македонию.

Сцены войны. «Сидонский саркофаг» Александра

Мы опускаем богатую событиями страницу, посвященную борьбе наследников Александра (диадохов) за власть. Пока был жив Антипатр, империя держалась. Но через два года, в 319 году до н.э., он умер. Началась серия убийств. Семья Александра словно сошла с ума. Все желали стать наследниками. Мать его, Олимпиада, замуровала в подвале царского дворца внучку Александра, Евридику, и сына Филиппа Арридея. По ее приказу слабоумного беднягу расстреляли из луков. Она принудила к самоубийству Евридику. Сотни представителей македонской аристократии были казнены по ее воле. Когда Кассандр пришел к власти, он убил кровавую мать Александра. Жена Роксана уничтожила добрую Статиру (дочь Дария), вторую жену Александра Македонского, заманив ее обманом к себе и убив вместе с ее сестрой. Но и Роксана кончила жизнь печально – ее закололи вместе с сыном, Александром IV. Видите, к чему привели подвиги покорителя мира. Дали обильную пищу смерти… Прав был Антигон, когда, став царем, задумчиво произнес: не счесть зла, что таится в его диадеме, то есть в символе власти. «Если бы вы знали об этом, вы не подняли бы ее даже с навозной кучи». Таким же завоевателем был Деметрий Полиоркет, сын Антигона Одноглазого (род. в 336 г. до н.э.), да и другие. Однако с тех пор политики всех стран и народов идут на любые ухищрения, чтобы взбираться на самую вершину этой «кучи». И ее запахи их не смущают… У главарей партий на устах были красивые слова: «равноправие для всех» или «умеренная аристократия». Они утверждали, что борются за благо государства, в действительности же вели между собой борьбу за личное господство и за богатства, которые приносит власть.



Карта государства Александра и его наследников (диадохов)

Мало кто из пишущих на исторические темы обошел вниманием фигуру великого полководца. Российский писатель И. Ефремов дает такую оценку его деяниям (из уст героя, египетского жреца): «Еще не бывало, чтобы великий гений, полководец, владыка, какому бы народу он ни принадлежал, принес бы счастье людям! Чем более он велик, тем больше беды. Люди обычные повинуются тысячелетним законам, выросшим из здорового опыта поколений. Они связаны необходимостью жизни, верой и службой богам и власти. Великий человек ставит себя превыше всего общечеловеческого, разрушая устои бытия, и совершает вечную ошибку, сводящую на нет его деяния и низвергающую его в бездну Тьмы. Богоравные люди только тогда приносят счастье, когда они не имеют власти: философы, врачи, поэты или художники… Еще не взвешены его (т. е. Александра Македонского) деяния на весах времени, еще боги-судьи не считали белую и черную стороны его жизни. Одни историки, вроде Драйзена, восторгаются деятельностью Александра и его политикой. Другие, наподобие Нибура, считают всех македонцев «разбойниками» и хотели, «чтобы земля разверзлась и поглотила всех македонцев». Спору нет, лучше быть историками, писателями, поэтами, врачами, инженерами, нежели испытывать судьбу царей, полную превратностей. Но иные и по сей день грезят о славе Александра Великого… Не обладая храбростью и волей Александра, не имея желания обрести хотя бы каплю глубоких знаний, иные ограничились, впрочем, грабежом страны и умножением собственных богатств, «взяв разом то,

что копилось веками в большом народе, в огромной стране». И нас еще пытаются убедить, что это справедливо.

Перге в Малой Азии. По стопам Александра

У моряков существовало поверье: когда в Эгейском море бушует шторм, якобы это демоны глубин борются за душу Александра. Правильнее было бы сказать, что демоны войны и насилия овладели им, так и не выпустив из своих объятий до самой смерти. Во многом знаменательны и слова Августа, которые приводит Плутарх в «Застольных беседах». Услышав, что в тридцать два года Александр, покорив весь мир, вдруг затревожился, что ему делать дальше, Цезарь Август подивился тому, что великий Александр предпочитал завоевания разумному управлению тем, что у него уже есть. Чтобы завоевать чужие земли, конечно, нужны мужество, доблесть, военная удача, определенные таланты полководца и кое-что еще. Но чтобы разумно и эффективно управлять собственной страной и своим народом, необходимы мудрость, глубокие знания, честь, справедливость, любовь, способность предвидеть будущее – т.е. нужны истинные добродетели. Ими владеют немногие.

Сцены из жизни властителей и царей

Что остается в памяти человеческой по прошествии многих веков? Что надо совершить такое, чтобы люди сразу стали создавать легенды о человеке, считая его то «непобедимым богом», то сверхчеловеком, то просто «великим человеком»? Почему воспели деяния Александра Великого, от которого не осталось и праха?! Возможно, дело в том, что для многих он сочетал в себе качества, непостижимые для смертных. Он был воином и поэтом, мечтателем и прагматиком, царем и философом, революционером и тираном, человеком Запада и Востока. Он хотел покорить даже не мир, а Пространство, покорить не народы, а само Время! Это казалось совершенно немыслимым, особенно тогда, ибо эпоха, в которую он жил, была, строго говоря, сугубо замкнутой, ограниченной и провинциальной. И вот явился Александр Македонский! Появился тот, кто разбудил в народах дерзновенную Мечту! Пытаясь найти скрытые причины столь удивительной популярности героя, автор книги о нем, П. Фор, счел, что в основе этого обожания лежат религиозные корни. Но Александр – выражение не только коллективной веры, но и коллективной мечты: «Ему приписывают даже то, что было лишь замыслом или мечтой, – покорение Аравии, завоевание Запада, всемирное царство, усвоение всей мудрости, и это происходило в то время, когда диадохи, наследники, буквально рвали друг друга на части; тогда-то и получили хождение всякого рода вымыслы: тенденциозные мемуары, анонимные сочинения, подложные письма, вымышленные посольства (такие, как посольство римлян, якобы явившееся в Вавилон), рассказы о вымышленных путешествиях (паломничество Александра в Иерусалим). Все великие завоеватели,

от Пирра и до Марка Аврелия, которые, будучи не в состоянии сохранить трезвость мысли и вдохновляясь идеей всемирного господства, внесли свой вклад в создание нового образа Александра. «Роман об Александре» (если быть точным, «Книга о достославных деяниях и жизни Александра»), безосновательно приписываемый Каллисфену, начал писаться в людских умах и сердцах с самого начала эллинистической эпохи». Подобно тому как три с половиной века спустя Христос овладеет сердцами людей, поверивших в чудо воскресения, Александр овладел сердцами верховных властителей как демон-искуситель. В его облике Власть обретала (в легендах) те добродетели, которыми по самой сути она и должна быть наделена. В образе Александра Македонского, как представляется, не столько человечество, сколь сильные мира сего создали себе кумира, не поняв вполне ни феномена Александра, ни его предназначения. В действительности власть царей зачастую примитивна, глупа, слаба и ничтожна, и не в состоянии поддерживать не то что вечный мировой Порядок, но порядок в их стране, ибо первая и является источником беззаконий и беспорядков. Но хочется выглядеть сильной и победоносной!

Аристотель в раздумье. Чего же он достиг?

Им восхищались даже римляне, ревностно относившиеся к любой чужой славе. В фигуре повелителя Вселенной они увидели прекрасный пример для подражания и следования по его пути. Хотя философы и историки выпустили в направлении Александра Македонского немало язвительных стрел, не было полководца, что не желал бы сравняться с ним бранной славой или превзойти его (хотя бы в мечтах). Император

Октавиан носил перстень с изображением Александра, Коммод чеканил монеты с изображением – своим и Александра, Каракалла, следуя его примеру, не только создал фалангу по македонскому образцу, но принял конституцию, давшую римское гражданство свободным обитателям империи и тем самым, как и Александр, уравняв людей Запада и Востока. Преемник Элагабала, император Север принял имя Александра, так что Римская империя почти уверовала в то, что явился наследник великого македонца. По словам Фора, тот «никогда окончательно не уходил из жизни» и «не переставал вдохновлять глав западных государств, в том числе трех Александров – российских самодержцев, поскольку он никогда не переставал быть любим поэтами и сказителями». Порою мне кажется, что человечество увидело в нем прообраз Хозяина Земли. Это – личность-идея, которая сильна не столько грезами о всемирном господстве, что вряд ли могло бы послужить прочной основой для долгой памяти, сколь своими планами по объединению различных культур, языков, народов, вер, континентов. Возможно, мы живем в преддверии явления чуда «нового Александра» (кто знает!), который своим божественным гением создаст-таки единое государство будущего – Империю Народов.

Александр Великий с телом Дария. Персидская миниатюра. XVI в.

Что же касается Аристотеля, то после смерти македонского царя его обвинили в преступлениях против религии (из политической ненависти или из зависти). Может, ему не простили, что он, относясь с

пренебрежением к мнению афинян, терпеть не мог, чтобы ему предписывали, что тот должен делать. Множились слухи, что он якобы спустил все свое состояние и вынужден был изготавливать лекарства для тех, кто в них нуждался. Может быть, сыграло роль и то, что он был невысокого мнения о женщинах, хотя и любил их. Во всяком случае, «в узде» он себя отнюдь не держал (как советовал ему Платон). Полагаю, толпа не могла ему простить презрения к ней. Один из древних писателей сказал об этом: «Во дни Соломона мудрость подняла голос на площадях, но не была услышана. Так продолжается и до сих пор. На площадях нет места для мудрости. Мудрость требует спокойного размышления; на площадях же всегда шум и суматоха. Аристотель проникнут презрением к толпе, а толпа, в свою очередь, питает инстинктивное презрение к Аристотелю. Крайние мнения, выраженные резким языком, имеют в толпе наибольшую популярность». Детище Аристотеля, философская школа Ликей, просуществует до конца античного мира. Он соединял разносторонние познания с самостоятельностью суждений, проницательностью, широким кругозором, глубокой аналитикой и гуманизмом, что делает его совершенно исключительным явлением в истории древности. И хотя отдельные положения из его философии современник вряд ли полностью приемлет, в целом его значение в истории науки и философии огромно. Он бежал в Халкиду на Евбее, где летом 322 года до н.э., всего через несколько месяцев после смерти Демосфена, и умер от желудочной болезни. Это был благородный, смелый и чистый ум.

Оплакивание Александра Великого. Персидско-монгольская миниатюра. XIV в.

Мечеть, посвященная Наби Даниилу, под которой возможно находится гробница Александра Великого

Злаки и плевелы в наследии эллинов

Что приходит на ум при слове «Эллада»? Греки известны не только торговыми талантами (хотя и этот их важный дар мы нисколько не отрицаем). В первую очередь на ум приходят греческие герои, великий Гомер с родниковой прозрачной строфой. Л.Н. Толстой назвал его поэзию «водой из ключа, ломящей зубы, чистой и сладкой». И чтобы проникнуться духом прошлого, вовсе нет необходимости «жить античностью». Достаточно мысленно воссоздать картины того, как Ахиллес играет на лире, жарит на огне баранов, как златокудрую Елену (отцом ее был спартанский царь Тиндарей, дочери которого обречены стать «двоемужними и троемужними») еще девочкой похищает Тесей, как сватать ее собрались герои со всей Греции, как развертываются события Троянской войны. Если эта тема не увлекает, обратимся к истории греческой мысли и литературы. Гегель сказал во введении к «Философии истории»: «Если мы хотим составить себе общее представление, получить понятие о греках, то мы найдем это у Софокла и у Аристофана, у Фукидида и у Платона». В этих индивидуумах греческий дух гениально выразил самого себя. И это более глубокое удовлетворение, но в то же время «оно идеально и отличается от реальной действительности». Добавьте имена Сократа, Аристотеля, Демокрита, Гераклита, Эпикура, Протагора, Анакреонта. Suum cuique tributo! («Воздайте каждому свое»). Сколько славных имен историков, философов, писателей, государственнных мужей, сколько дивных поэтических образов дошло до нас из той дали. Их, мы абсолютно уверены, не уничтожат «ни меч, ни огонь, ни алчная старость», и «вовеки нерушимо останется имя» (Овидий). Путешествие по следам их жизней и творений ничуть не менее

интересно, нежели вояж Одиссея и Ясона за мифическим золотым руно.

Афродита в раковине

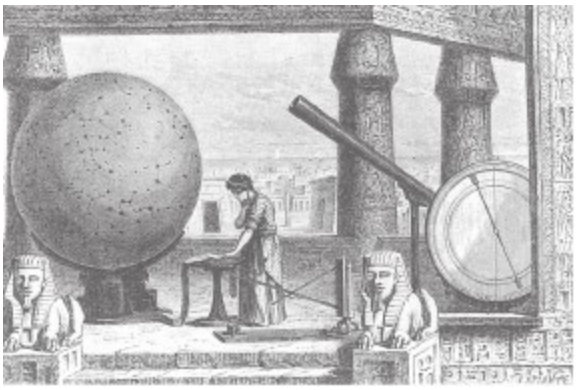
Античная культура возвестила собой начало гуманистической линии развития, которая должна быть сохранена и поддержана в российском обществе. В романе И. Ефремова «Таис Афинская» древнегреческий философ Лисипп так формулирует кредо античного мировоззрения, его гуманистической составляющей: «Мы считаем, что благородный человек может родиться у кого угодно, и он заслуживает и знания, и искусства, и мастерства, какое он может усвоить и применить. Если он найдет себе такую же хорошую пару, то благородная линия потомков пойдет от такого человека во дворце Афин или в доме земледельца в Халкидике равно».

Карта греческой колонизации – распространения эллинизма

Греки создали образец модели культурного мира, имя которой – Эллинизм. «Эллинистический принцип» со времен Александра распространился среди народов Запада и Востока (И. Драйзен). То, что сделали и оставили они в сфере культуры, выходит далеко за пределы Греции, став своеобразной школой, образцом, традицией, идеалом для обитателей Римской империи, Византии, Передней Азии, Причерноморья. Общегреческий язык на базе аттического диалекта стал языком образованных слоев. На нем сделан перевод еврейской Библии. С этим языком вошла в обиход народов раннехристианская литература. Все или почти все, что в дальнейшем легло в основу научного знания о древнем мире, также написано на греческом – труды Манефона, Бероса (истории Египта и Вавилона), произведения древних евреев (Филон и др.) и т. д. Рост интереса к книге привел к тому, что почти во всех значительных городах Эллады были свои библиотеки (Полибий). Библиотека Мусея в Александрии имела до 700 тысяч свитков. В этом центре наук велись серьезные исследования, шла трудная работа по систематизации знаний. Во главе библиотек стояли крупные ученые, руководившие работой (Деметрий Фалернский, Аполлоний Родосский, Эратосфен, Аристофан, Аристарх, Каллимах). Каллимах говоорит: «Я ничего не воспеваю без доказательств». Аполлоний вторит ему, заявляя, что чтение – сущность стиля жизни. Наряду с литературной, исторической, научно-философской, переводческой работой ведется строительство. Мир восхищался замечательными творениями зодчих и инженеров: маяк Фароса, Родосский колосс, Пергамский алтарь и т.д.

Египетские фараоны. Тутанхамон

Откроем любой диалог Платона, известных как «сократовские», и насладимся их великолепием… В «Соперниках» описывается сцена посещения Сократом училища грамматиста Дионисия. Идет спор то ли об Анаксагоре, то ли об Энопиде… Сократ вопрошает одного из участников, считает ли он занятие философией прекрасным делом. Тот говорит пренебрежительно о подобных занятиях: «Несут философский вздор!» Уязвленный Сократ (в изложении Платона) пытался выяснить, что же вызвало столь отрицательный отзыв его слушателя… Ответ приходит, но уже из уст другого участника дискуссии: «Ни к чему тебе, Сократ, спрашивать его, не считает ли он философию чем-то постыдным! Или ты не знаешь, что он всю свою жизнь провел в обжорстве и беспробудном сне, подставляя под удары свою шею? Так какого еще ответа ты можешь от него ожидать?» В одном этом диалоге, похоже, больше жизненной правды, чем в уныло-дидактических поучениях, формулах иных нынешних педантов от науки.



Клавдий Птолемей (90—168 гг.) в Александрийской обсерватории

Философия, история проложили путь естественным наукам. Преемник Аристотеля, Теофраст, стал основоположником научной ботаники, одним из величайших естествоиспытателей, философ Аристоксен стал специалистом в области теории музыки, Стратон получил титул «физика» и т. п. Заметно возросла роль науки и философии в общественно-политической жизни. Ранович пишет: «Более видные философы подвизаются при дворах властителей: стоик Персей – у Антигона; боспорец, тоже стоик, Сфер – у спартанского царя Клеомена, скептик Гекатей – у Птолемея Лага; академик Панарет получал 12 талантов в год от Птолемея Филометора; Кратер занимал видное место при пергамском дворе. Также и в Риме философ Метродор был воспитателем детей Эмилия Павла; Тиберий Гракх держал при себе философа стоика Блоссия; Панэтий был близок к Сципиону; Диодор был в близких отношениях с Цицероном, Антиох – с Лукуллом, Филодем – с Пизоном и т. д.». Греческая общественно-политическая жизнь явила миру и виднейших homo politicus.

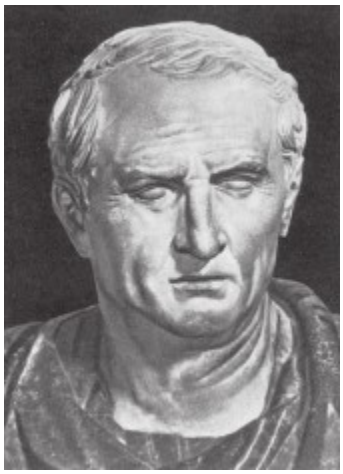
Афины и Рим

Следы греков видны повсюду – в Малой Азии, Европе, Египте, что позволяет говорить о взаимовлиянии культур. В подтверждение влияния Египта на духовную жизнь Греции приведем отрывок из «Эфиопик» Гелиодора. Действие романа начинается в низовьях Нила, «близ устья, называемого Геракловым», неподалеку от Александрии. В основном действие происходит в Египте в эпоху правления там персов (519—322 гг. до н.э.). Гелиодор, живший в позднеримскую эпоху (в III в. н.э.), отмечает и широкое распространение греческого языка, и знание литературы греков, и осознание всей важности египетского наследия. Поэтому один из героев романа утверждает, что Гомер – «египтянин и обучался священной науке». На это один из собеседников, Кнемон, пораженный, отвечает: «Божественный муж, ты посвятил меня в эту тайну. Но ты не раз назвал Гомера египтянином, а об этом, пожалуй, еще никто не слыхивал до сих пор. Я не смею сомневаться, но, совершенно пораженный, умоляю тебя не пропускать никаких подробностей в твоем рассказе». Тогда Каласирид продолжил свой рассказ: «Пускай, друг мой, Гомера называют по-разному и всякий город желает быть родиной мудреца. На самом же деле Гомер был наш сородич, египтянин. Родина его – Фивы, называемые у нас стовратными. Отцом его, по видимости, был жрец, на самом деле – Гермес, жрецом которого был мнимый его отец. Его жена, исполняя некий отечественный обряд, ополчила в святилище, и вот сошло божество и зачало Гомера, отмеченного знаком, что рожден тот от неравного соединения». Слушатель охотно соглашается, что творения Гомера изобилуют «каким-то египетским смешением загадочной сокровенности со всяческой приятностью».

В искусстве греки, прежде чем выработали свой стиль, одно время подражали Востоку. Но и когда греки с римлянами перегнали учителей, обаяние восточной культуры не исчезло, оно продолжало оказывать на европейцев влияние. «Греческие ученые не только учили восточных людей, но нашли сами, чему научиться у Востока: нашли в Вавилоне астрономическую науку и астрологическое искусство, искусство гадать по звездам; у египтян они нашли немало полезных сведений по анатомии и физиологии человеческого организма. Больше всего тянуло к Востоку религиозных людей тогдашней Европы».

Но более всего влияние греков распространилось в Риме. Тот стал италийским продолжением Греции, агентом влияния, хотя и был ее

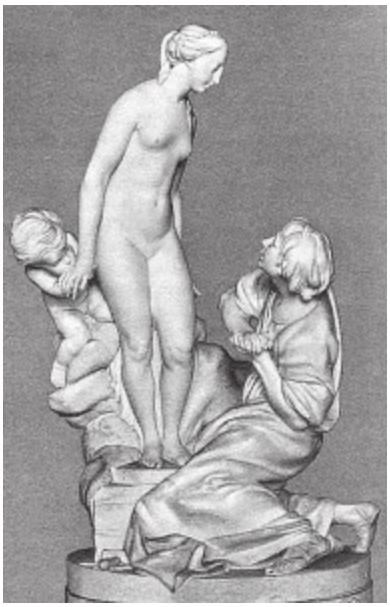
антитезой. Как известно, легенда гласит, что основатели Рима (Ромул и Рем) были вскормлены молоком волчицы. Но разве не так же эллины вскормили римскую культуру? Та переняла у греков навыки чтения и письма, основную канву легенд и мифов, художественные и поэтические образы. Римлянин Гай Саллюстий Крисп отмечал, что «у афинян были писатели редкостного дарования». Римский же народ «писателями не был богат никогда, ибо самые рассудительные бывали заняты делом без остатка, и никто не развивал ум в отдельности от тела…». И если греки воспитывались на примерах из Гомера, то римляне учились на примерах из «Энеиды» Вергилия. Хотя, по словам Лессинга, «Вергилий довольно удачно подражал Гомеру, так как все подражание его заключалось в том, что он ничего не прибавлял к словам Гомера».



Марк Туллий Цицерон

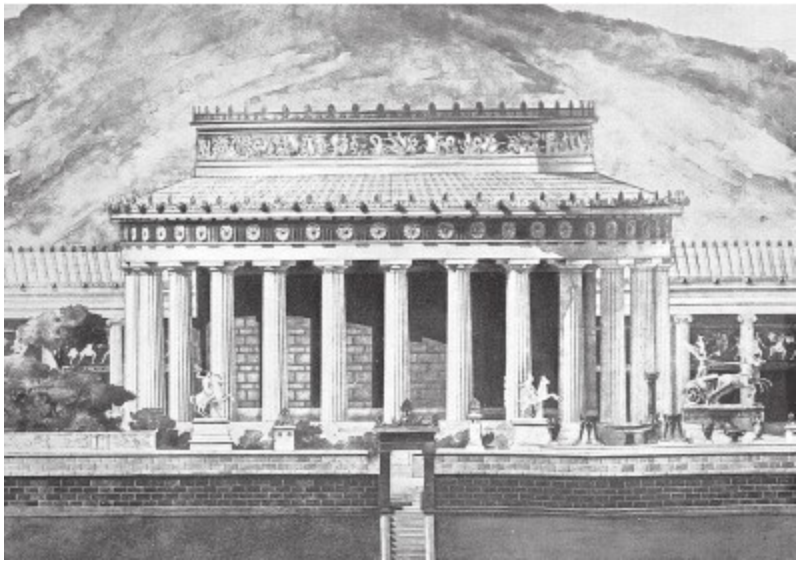
Греки очаровывали и привлекали, подчеркнем это, не столько материальными богатствами, сколь своими знаниями и талантами. В классическом труде «История Рима» Моммзен писал: «У финикийцев можно было покупать, но учились только у греков». Он оставил нам описание двух различных по своему содержанию и типу цивилизаций: «У римлян даже не сохранилось никаких следов от самых древних и общих мифов, как например от того уцелевшего у индусов, у греков и даже у семитов рассказа, что после большого потопа остался жив один человек, сделавшийся праотцом всего теперешнего человеческого рода. Их боги – не так как греческие – не могли жениться и производить на свет детей; они не блуждали незримыми между людьми и не нуждались в нектаре. Но о том, что их отвлеченность, кажущаяся вульгарной только при вульгарном на нее взгляде,

овладевала сердцами сильно и быть может более сильно, чем созданные по образу и подобию человека боги Эллады, может служить свидетельством, даже в случае молчания истории, тот факт, что название веры Religio, т. е. привязанность, было и по своей форме и по своему смыслу римским словом, а не эллинским». В греческой мифологии господствует личность, а в римской – понятие, у греков – свобода, у римлян – необходимость. Обучение в Риме носит замкнутый характер, в Греции же оно и широко, и многосторонне. «По бедности своего художественного развития Лациум стоит почти на одном уровне с теми народами, у которых не было никакой культуры, а в Элладе с неимоверной быстротой развились из религиозных представлений миф, культура, из этих последних тот дивный мир поэзии и ваяния, равный которому история не может указать. В Лациуме, и в общественной жизни и в частной, признавались исключительно власть ума, богатства и силы, а в удел эллинам досталась способность сознавать блаженное могущество красоты… Таким образом, обе нации, в лице которых древность достигала своей высшей ступени, были столь же отличны одна от другой, как одинаковы по своему происхождению. Преимущества эллинов над италиками более ясно бросаются в глаза и оставили после себя более яркий отблеск; но в богатой сокровищнице италийской нации хранились глубокое понимание всеобщего в частном, способность отдельных личностей к самоотречению и серьезная вера в своих собственных богов. Оба народа развились односторонне, и потому оба развились так совершенно». Грек силен в искусстве, римлянин в битвах. Это, так сказать, общая картина склонностей.



Э. Фальконе. Пигмалион и Галатея

Вспомним, сколь мощным и всеохватывающим явилось влияние ораторской школы греков на римлян… Чтобы приобрести ораторские навыки, Цицерон, Брут, Мессала и другие делали вольные переводы с греческих образцов, декламируя по-гречески различные отрывки (главным образом ораторов). Во II веке до н.э. ораторы-греки появились в Риме. Несмотря на сенатское указание от 161 года до н.э., поручавшее претору Помпонию сделать все возможное, чтобы в Риме не было греческих философов и риторов, несмотря на речи типов подобных Гаю Марию, что хвастался перед собранием римского народа: «Я не учил греческих букв; меня нисколько не интересовало учение, которое не могло вызвать у самих учителей любви к доблести», учителя и ораторы-греки стали желанными гостями почти в каждом состоятельном римском доме. К грекам идут не только ораторы, желавшие блеснуть яркой речью, не только те, кто готовился к серьезной профессиональной карьере, но и политики. Зрелые государственные мужи упражнялись в составлении речей и декламации под их чутким руководством. И даже стойкие противники греческого образования говорили: «…Ведь у греков, каковы бы они там ни были, я все-таки видел, кроме этой развязности языка, хоть какие-нибудь научные сведения и знание, соразмерное их общему образованию» (Красс). К примеру, Квинтилиан рекомендовал начинать учебу с изучения греческого языка, затем переходить к латинским авторам, «двигаясь в паре» с греками по извилистой дороге знаний.

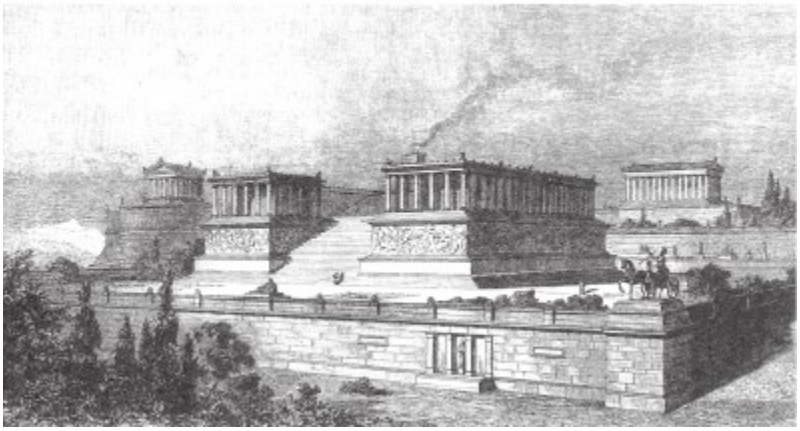


Поликлет Младший. Толос в Эпидавре. Реконструкция

Подтверждением влияния, которое оказали Афины, греческая культура на Рим и римское общество, стало и решение Нерона предоставить Греции свободу (хотя то был шаг скорее пропагандистский, рекламный). Возможно, на Нерона повлияло то, что во время поездки в Грецию он получил там восторженный прием. Греки как никто другой сумели оценить его мастерство актера, певца и колесничего. Серия выступлений в городах Греции вдобавок ко всему принесла ему миллион восемьсот восемь тысяч сестерциев, полученных в качестве присужденных призов. В итоге 28 ноября 67 года н.э. он, выступив на стадионе в Коринфе, объявил Грецию свободной: «Нежданный дар, эллины – хотя всего можно ожидать от щедрот моих, – подношу я вам; столь велик он, что вы и просить о нем не могли. Все эллины, живущие в Ахайе на земле, что до сегодняшнего дня называлась Пелопоннесом, объявляются отныне свободными и освобождаются от налогов». Но ведь Рим и раньше предпринимал усилия, нес издержки, подвергался военной опасности ради освобождения эллинов, защищая их от произвола македонского царя Филиппа. Видимо, Нерон захотел выглядеть в истории нисколько не хуже царя Александра, который вернул грекам все жертвенные дары, похищенные у них ранее персами.

Греки научили нас быть мудрыми! Они восхитительны в своем благоговейном отношении к жизни, к раскрытию способностей человека и народа. Их мирская душа стремится к познанию и свободе даже вопреки всем превратностям бытия. Они удивительно человечны,

и прежде всего в том смысле, что им не чуждо ничто человеческое: увлекаются, борятся, страдают, ненавидят, убивают и порождают, ценят семью и детей, долг и честь, справедливость и родину. Гегель сказал: «Поэтому греки – самый человечный народ: все человеческое здесь утверждено, оправдано, развито и имеет меру». Это же можно сказать об их богах. Если в Египте и Месопотамии богами чаще всего выступали странные фигуры, не имеющие прототипов в реальной жизни (многометровые колоссы, сфинксы, люди с головами орлов, кошек и собак, львы с головами быков, с орлиными крыльями), то в Греции боги прекрасны, как Аполлон и Афродита, могучи, как Зевс, искусны, как Гермес, ревнивы, как Гера. Все – как у людей.



Пергамский алтарь (по Боку)

А сколь привлекательны все эти греческие гераклы, одиссеи, ахиллы, эвридики, орфеи, оресты, клитемнестры, купидоны, психеи, галатеи. Казалось, перед нами – существа мифические. Но любовь сделала их живыми. Примечательно, что женоненавистник Пигмалион, талантливейший скульптор, что, по словам Овидия, «оскорбясь на пороки, которых природа женской душе в изобилье дала, холостой, одинокий жил», а холодное ложе его «лишено было долго подруги», и он не вытерпел. Оставаясь закоренелым холостяком, он все же решил изваять прекраснейшую женщину. Заметьте, не корову, быка или крокодила – а женщину. Пигмалион трудился над своим творением очень долго. В итоге создал столь прекрасную статую, с которой не могла даже сравниться не то что какая-либо другая фигура из мрамора или слоновой кости, но и восхитительная девичья плоть. Правда, статуя стала ему мстить (как все женщины, она хотела любви и, вероятно, страдала). Мастер одевал ее в роскошные наряды, украшал драгоценностями, приносил ей цветы, живых птиц. Он даже клал ее к

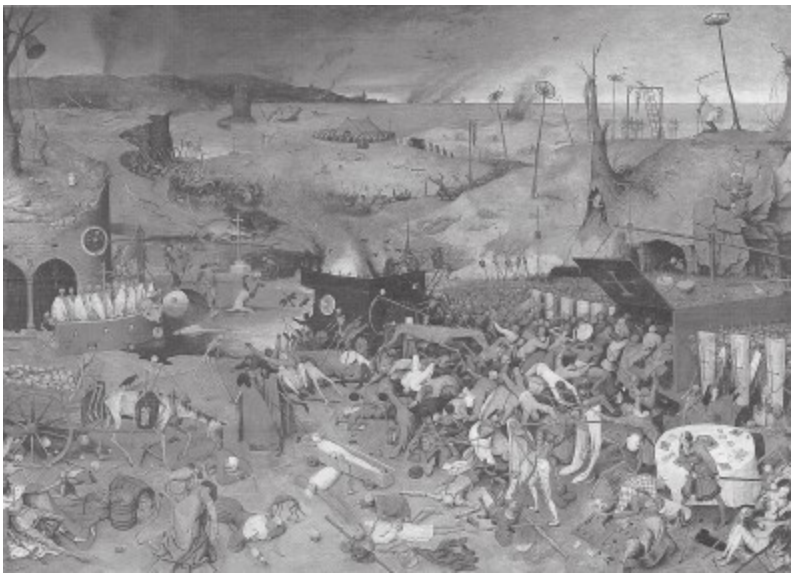
себе на ночь в постель. Все было напрасно. Тогда, полный отчаяния, в день, когда устраивались торжества в честь богини любви Венеры, он обратил свою мольбу (и свои дары) к богине, прося даровать ему в подруги живое существо, подобное созданному им в скульптуре идеалу. Богиня смилостивилась и вдохнула жизнь в Галатею. Та ожила, наполнилась теплом, ответила на поцелуй поцелуем. Красотою женщин восхищались и другие. Пастернак написал: «Тебе молился Поликлет».

В круг греческой мысли был вовлечен Вавилон и его культурное наследство, и Египет. Современник Аристотеля Гераклид из Гераклеи Понтийской открыл, что Земля вращается вокруг оси, а Меркурий и Венера – вокруг Солнца. Ранее считали, что Солнце, Луна и планеты вращаются вокруг неподвижной Земли. Гиппократ заложил основы современной медицины. Страбон написал свою «Географию», эту «лебединую песню эллинизма». Скопас в гигантском фризе алтаря Зевса в Пергаме изобразил битву богов и титанов, выразив сущность эллинизма лучше, чем кто-либо другой: сумятица эпохи, встреча цивилизации и варварства, конфликт добра и зла, постоянная борьба различных сил. Это не «трон Сатаны», как иногда называли его в литературе, а трон божества, имя которого классическая Греция. В нем мы видим редкую мощь, вкус, эрудицию. Многое стало прахом. Из 1100 писателей Эллады многие похожи на тень Эвридики. Об их присутствии приходится лишь гадать. Немало эллинистической литературы погибло. Как отмечал В.С. Сергеев (1883—1941), перу которого принадлежит изложение древнегреческой истории в ее наиболее фундаментальном варианте, сегодня в наших руках, увы, только обломки, хотя «раскопки в песках Египта постоянно увеличивают их число». Причины этого великого бедствия для культуры и роль в том Рима еще не достаточно ясны.

Древняя Греция стала для многих народов прекраснейшим учителем… Какую страну древнего мира ни возьмите, везде ощущалось ее влияние – в Селевкидском царстве, являвшемся преемником империи Александра Великого, в Месопотамии, Египте, Риме, Азии. На малоазийском побережье появилось немало греческих городов. Стремясь распространить греческую цивилизацию на Восток, Селевкиды основали на территории державы более 150 новых городов. Греки основывали не только города, но и царства. Так, грек Филитер

стал основателем Пергамского царства, оазиса греческой культуры. Хотя Пергам перешел затем во владение Рима, он оставался греческим по духу (133 г. до н.э). Атталиды стремились превратить Пергам в «Афины эллинистического мира». Библиотека Пергама соперничала с александрийской (тут хранилось более 20 тысяч рукописей). Царский дворец являл собой настоящий музей скульптуры. Тут зародилось и искусствоведение. Гремела школа риторов, мастерские скульпторов. Те умели соединить внешний эффект и патетику. К примеру, дионисийские актеры, которым покровительствовали цари, создали в Пергаме крупнейший для своего времени центр театрального искусства. Вспомним, что пергамский царь Аталл II воздвиг в Афинах в дар городу (в память о годах учебы) монументальный памятник высокого эллинизма – афинскую Стою…

В наследии греков видим не только «злаки», но и «плевелы». Не все в полной мере смогли перенять культуру, искусство, язык греков. Даже Александр Македонский, ученик философа Аристотеля, не смог овладеть греческим стилем своего времени. Об этом можно судить по тому манифесту, что он послал Дарию после битвы при Иссе. Документ был составлен «удивительно тяжелым и плохим языком». Да и многие другие правители, скажем Деметрий, говорили по-гречески «варварским языком». Но того же Деметрия посылали в Афины, как в столицу самого культурного и просвещенного государства той поры. Он воображал себя будущим правителем настоящей эллинской империи, в столице которой будут процветать истинная культура и утонченность. Правда, его надеждам и планам так и не суждено было сбыться. Восточные деспоты не созданы для демократии. Ему вскоре надоела и демократия, и эти афиняне – с их преувеличенным представлением о собственном величии. Деметрий становился все более грубым и распущенным. Он устроил кутеж среди святынь Акрополя, пригласив с собой проституток поужинать в Парфенон (так сказать, ужин при свечах). В итоге же стал бичом своего времени.



П. Брейгель. Триумф смерти. 1562 г.

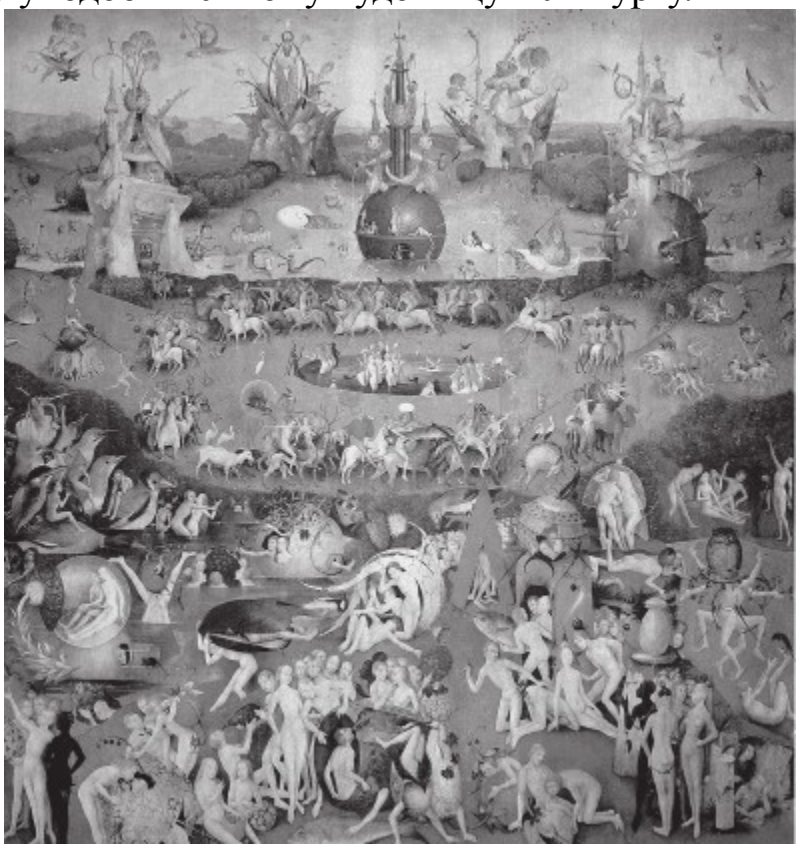
А сами греки? Не стали ли они бичом для себя и для других? Присмотримся к ним чуть внимательнее. Так ли они «человечны», как уверял нас Гегель? Ведь не только мифы их полны сражениями и жестокими сценами, но такова и повседневная политическая жизнь «демократических» Афин. Со страниц книг предстают картины жестоких политических распрей. Любая из сторон не останавливается и перед массовыми убийствами… «В Милете первое время победителем оказался народ, убивавший жен и детей аристократов; затем стали господствовать аристократы, которые сжигали живьем своих противников, освещая городские площади живыми факелами». Ликург, легендарный законодатель Спарты, создавший политические институты по образцу государственной системы Крита, принял мудрые законы (IX в. – первая половина VII в. до н.э.). Но ведь греческой мифологии известен и другой Ликург, царь эдонов во Фракии, воспротивившийся культу Диониса и загнавший бедное божество веселья, вина и удовольствий в море. О том, что представлял собой этот царь (полная противоположность первому), автор последнего эпоса античности «Деяния Диониса» Нонн из Панополя (400—470 гг. н.э.) писал:

Там обитал Арея отпрыск,
мужеубийца,
Только отцу подражавший в его
ужасных деяньях,

Беззаконник жестокий, губил
он всех чужестранцев,
Яросвирепый Ликург, умерщвлял
он странников медью,
Головы человечьи после втыкал
он в ограду…
Путников с ношей тяжелой
на перекрестке хватал он,
В мрачный дворец свозил их
и там Эниалию в жертву
Приносил, разрубая в куски…
А конечности тела
На зубцы прибивал
негостеприимного дома!
Словно воитель, удачлив
в битве с врагом ненавистным,
Что поразвесил на стенах
знаки победы в сраженьях,
Щит, шелом и панцирь
под кровлей родимого дома,
Так в обиталище сем Ликурга,
кровью омытом,
Вместо доспехов кисти
да ступни висят убиенных!
Да, здесь царило убийство…

Нет нужды вспоминать все обстоятельства, вызвавшие подобное смерти деление греческого народа, вылившееся в Пелопоннесскую войну. Однако ответственность за нее несут как Афины, так и их противники. Перикл при всех своих способностях, дарованиях не смог достичь того, к чему стремился, – Греция не стала ни единой, ни мирной. Проект панэллинского союза оказался фикцией. Напрасно в города брели его посланники. Против проекта выступили лакедемоняне. И дело не в нежелании Спарты крепить единство, а в том, что скрывали намерения Афин. А они прозрачны и ясны – диктатура. Афины, прикрываясь демократией, подавили восстание

городов Эвбеи, задушили самостоятельность Ионии, всех впрягли в колесницу античного империализма. Полисы стали рабами… Боннар пишет: «Проливаемая Периклом кровь, деньги, отобранные им у союзников, отнимаемые у народа свободы – все это с каждым днем все больше приковывало его к империалистической политике. Как мог он надеяться, что поверят его предложениям о всеобщем умиротворении Греции и тому, что панэллинский конгресс в Афинах будет чем-либо иным, как не подтверждением их всемогущества, и не санкционирует главенства Афин над остальной Грецией? Плутарх несколько наивно приписывает Периклу «столь же возвышенный образ мыслей, как и величие духа». Отныне Перикл может лишь ускорить приближение войны для Афин». Но и главная тяжесть вины падает на Перикла: это он предложил Афинам принять декрет против Мегары. Та закрывала товарам и кораблям Афин выходы к рынкам Аттики. Он бросил кости политики («кости были давно брошены, и игра начата»), не поняв, что мечты быстро выиграть войну «при помощи разума и денег» – наивны, и та растянется на долгие годы и приведет греков в итоге к тотальной катастрофе и рабству. Афиняне словно специально поставили перед собой задачу уподобиться тому чудовищу – Ликургу.



И. Босх. Сад радостей земных. 1510 г.

Так ли крепки греки в философии? Сократ спас Алкивиада, вынеся его раненым с поля сражения, наставлял его и учил. Но оказалось, что недостаточно быть первым красавцем в Афинах, храбрым воином и иметь высокий рост, чтобы стать истинным философом и мудрым политиком. Беспринципный (каковы едва ли не все политики Древней Греции), Алкивиад желал очаровать всех. В итоге из него не вышел ни настоящий философ, ни великий политик: для философа он был слишком горяч и нетерпелив, для политика – одержим жаждой единоличной власти. Он не умел владеть собой и не терпел рядом с собой равных. Хотя был неплохим оратором и отличался известной ловкостью при дипломатических переговорах. Наибольшей же популярностью пользовался он в кругу гетер. Его символом стал щит, на котором был изображен Эрот с молнией. Видимо, это должно было означать, что в постели к красивым женщинам он заскакивал столь же быстро, как молния. Однако вот к Сократу захаживал редко, хотя тот относился к юноше тепло (мы любим тех, кого спасаем). И бедный Сократ гонялся за ленивцем, как «за беглым рабом».

Архангел Михаил, поражающий дракона

Так ли уж афиняне превозносили свободу? Для себя – да, для других – нет. Один из городов Греции не пожелал отказаться от 700-летней свободы, но решил защищаться до конца от нападения Афин. И тогда с ним поступили как худшие тираны. Когда после долгой осады Метилена сдалась, всех взрослых метиленцев было решено умертвить, детей и женщин обратить в рабство (по совету Клеона, «самого

неистового» из граждан Афин). Афинянам уже мало было наказать пленников, они жаждали крови собратьев. За что же они хотели казнить невинных людей? За желание остаться свободными, за то, что те хотели отстоять свою свободу! Никто из афинян и не сомневался в характере своего господства, власти над остальными. Тот же Клеон напомнил афинянам, кем они стали в действительности – тиранами. Он сказал: не заблуждайтесь и не забывайте, что «ваше владычество над союзниками – это тирания, осуществляемая против воли ваших подданных». После долгих и бурных дебатов часть граждан Афин все же поняла, что неправа, и послала второй корабль вдогонку за первым, чтоб отменить свое преступное решение. Но когда тот прибыл, военачальник Пахет успел зачитать решение народного собрания и уже собирался выполнять приказ. Метилена находилась «на волосок от гибели». Остальных метиленцев, отосланных в Афины Пахетом, как наиболее виновных в восстании, афиняне по предложению Клеона не пощадили и казнили (чуть более тысячи). Стены города приказали срыть, заставили метиленцев выдать флот, остров поделили на 3 тысячи участков, распределенных среди жителей Афин по жребию.

Но может быть, их законодательство представляет собой образец разумных законов и является для нас примером? Стоик Хрисипп рисовал кристально чистый образ античного правосудия – серьезность, неподкупность, честность, равнодушие к лести, непреклонность к ворам и убийцам, милосердие в отношении невинных людей. Увы, все это ложь. В Греции пороки судебной системы те же, которые мы видим и в нынешних российских судах. Один из авторов писал о судьях: «Что судебная процедура вроде афинской не давала никаких гарантий справедливости приговоров, что при этом в непозволительно широких размерах действовали личные мотивы, а также политические симпатии и антипатии, это само собой разумеется». Сколько невинных жертв на совести тех же греков! Афины и Спарта коварно убили персидских послов. Согласитесь, какие уж тут правовые нормы!

Взгляните, как поступали полисы со своими героями, которым обязаны всем – жизнью, свободой, благополучием. Как поступили с Мильтиадом, творцом победы над персами в Марафонском сражении? Не дали и лаврового венка, ограничившись скромной картиной, где он изображен впереди других стратегов. На его просьбу в Народном

собрании ему сказали: «Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй награды для себя одного». Чтобы еще более его унизить, победителя персов при Марафоне через год после триумфа направили карателем против острова Парос (тот когда-то выступил на стороне персов). Спустя месяц тот вернулся ни с чем. Афиняне тут же забыли о его мужестве и осудили полководца, обвинили в предательстве, присудили к штрафу и посадили в тюрьму, где он через год и умер от ран, полученных в сражении. Опозоренный согражданами воин был потрясен черной неблагодарностью соотечественников. Таковы судьбы многих героев, и не только в Греции, но и в современной России, которая редко их ценит.

Афиняне покидают свой город

В 406 году афинский флот сокрушил спартанскую эскадру при Аргинусских островах (близ Лесбоса). Победителям-стратегам, не успевшим подобрать раненых и убитых в море из-за разыгравшейся бури, это поставят в вину. Вместо награды за победу их судили. Евриптолем старался их защитить, говоря: несправедливо наказывать всех стратегов. Ведь это коллегия приказала Ферамену и Фрасибулу отправиться во главе 47 триэр для спасения их товарищей, оставшихся в море на тонувших судах. Однако капитаны не смогли этого сделать. Вина же стратегов заключалась в том, что они прикрыли командование флота, скрыли сей факт. Обращаясь к Народному собранию Афин, Евриптолем восклицал: «Не делайте же этого; ведь гораздо справедливее увенчать победителей венками, чем подвергнуть их смертной казни, послушавшись совета дурных людей». Собрание не прислушалось к его словам. Только двум стратегам удалось скрыться, а шестерых казнили (включая Перикла-младшего, сына великого вождя).

Потом афиняне, правда, горько каялись, рвали на себе волосы, даже попытались привлечь к ответственности обвинителей, включая сикофанта Каллисфена. Но тому удалось бежать, как и нашим «героям реформ».

Фидий. Статуя Прадье. Париж

Вспомните судьбу Сократа. Он проявил себя как смелый воин и великий философ. В военном походе он превосходил всех: был неутомим и терпелив, мужественен и отважен, стойко переносил невзгоды. В мороз ходил босиком по льду, носил легкую одежду, не щадил себя в битвах и всегда был готов прийти на помощь товарищу. Как сказал о нем один древний автор, по делам его «нет подобного Сократу между людьми – ни из древних, ни из современников». Это был если не сверхчеловек, то идеальный человек. «Сократ представляет сочетание в себе божественных и человеческих черт любви, что приближает ко Христу этого наилучшего и по жизни и по учению язычника». И вот «своему Христу» греки поднесли яд, как евреи некогда казнили Христа. Казнили за то, что он якобы направлял юношей на пагубный путь. Либаний опровергал нелепое обвинение: «Но правда – какой она была и есть в том, что никогда не направлял Сократ юношей – ни словами, ни делами – на путь пагубный. Все это ложные обвинения и исходят от людей, кои не стоят мизинца ответчика. Желая избавиться от досадившего им соотечественника, выдают они себя за героев и вгоняют сограждан в страх, пугая бедствиями, что обрушатся непременно на государство, если они… не предадут происходящее огласке. О, если бы все недоброжелатели города хоть каплю на Сократа походили! Глубока и покойна была бы

уверенность афинян в благополучии и безопасности державы, когда б раздавались на площадях и рынках речи, подобные Сократовым, – вел он их открыто, у всех на виду…» («Апология Сократа»). Правда, затем афиняне, по словам Диогена Лаэртского, приговорили обвинителей Сократа к изгнанию, а Диодор говорит о казни этих людей без суда и следствия. Плутарх же сообщал, что обвинители Сократа якобы повесились, так как не могли вынести всеобщего презрения афинян, лишивших их «огня и воды». Фемистий в одной из речей говорит, что один из самых злостных обвинителей, Анит, был побит камнями. Сведения эти носят, вероятно, легендарный характер. К тому же Сократу, как и казненным стратегам, не легче, что их обвинителей потом казнили или подвергли всеобщему презрению. Осуждение тех, кто обрек на смерть великих людей, никак не извиняет, конечно же, вины самих афинян. На могиле Сократа, кроме плиты с изображением, установят колонну с сиреной, видно, как признание явной вины, что не вняли некогда голосу Сократа. Ох, уж эти запоздалые дары и награды великим! Сколько в них ничтожества и фарисейства. И разве жалкие подачки иных наших олигархов, составивших такие состояния, что не снились и Крезу, снимают с них вину за то, что, даже став сверхбогачами, они выделяют гроши на развитие науки, культуры и образование. Ныне президент переломил ситуацию!

Фидий. Афина Промахос

Или вспомните, как афиняне поступили с Анаксагором, философом, говорившим, что мир создали не боги, а Разум. Его обвинили в безбожии. Тогда такое заявление считалось

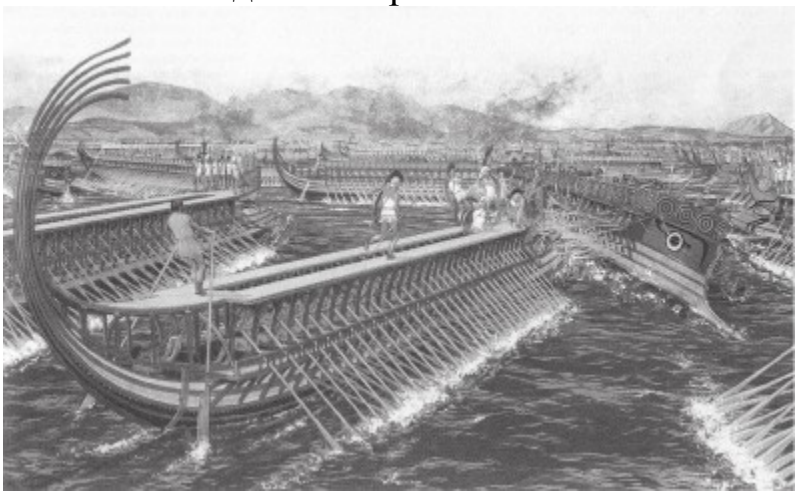
преступлением, и за него запросто могли осудить на смерть. Другу и учителю Перикла пришлось уйти в изгнание, поселиться на азиатском побережье Геллеспонта. Неподалеку от того места ему и пришла в голову мысль о том, что звезды, солнце и луна ничем не отличаются от земной материи. Перед смертью он обратился к властям города Ламсака с просьбой: «Пусть день моей смерти будет ежегодно отмечаться как праздник детей! Пусть в этот день ребятишки не ходят в школу, а посвящают его играм и забавам!» Те пошли навстречу его просьбе.

Фемистокл

Афиняне изгнали Алкивиада, одержавшего ряд побед над Спартой, хотя тому были некоторые основания. Обвинили в нечестности Фидия. Судьи проверили вес золотой одежды, щита и шлема созданной им статуи Афины и не обнаружили хищения, однако клевета осталась. Великого скульптора обвинили и в неуважении к богам. Изобразив на щите богини битву греков с амазонками, он будто бы придал одному из персонажей собственные черты, а в образе Тесея с копьем запечатлел законодателя и правителя Афин – Перикла. Изображение в образе богов или рядом с богами смертных считалось у греков серьезнейшим преступлением. Сломленный и опозоренный перед всем миром, несчастный Фидий вскоре заболел и умер.

Великого баснописца Эзопа, раба и калеку, отпущенного на волю и посланного Крёзом в Дельфы, жители Дельф по какой-то не очень ясной причине, как гласит легенда, сбросили со скалы (начало VI в. до н.э.). Возможно, причина в том, что он упрекал жрецов дельфийского храма в тунеядстве (а вовсе не из-за того, что поэт якобы украл

золотую чашу из святилища). Видимо, Эзоп не всегда и сам следовал своим мудрым советам. Он говорил: «Когда ты при царском дворе, то все, что ты слышишь, пусть в тебе и умрет, чтобы самому тебе не пришлось безвременно умереть. За вином не выставляй напоказ свою ученость: разглагольствования твои будут неуместны и тебя осмеют. Язык (же) держи на привязи». Полагаю, Эзоп погиб за свои острые басни и не очень-то покладистый нрав.



Победа греческого флота над персидским при Саламине

Более сложной, неоднозначной представляется личность Фемистокла (524—459 гг. до н.э.). Во многом благодаря его прозорливости и настойчивости Афины смогли создать мощный флот. Он уговорил греков направить серебро рудников Лавриона на создание флота. В итоге афиняне имели 180 боевых кораблей к 481 году до н.э., став первой морской державой. Он немало сделал для усиления Афин. Ему вменяют в заслугу образование Делосского союза. И даже отнюдь не симпатизировавший ему Фукидид говорил, отдавая дань его уму, что он «был вернейшим судьей данного положения дел и лучше всех угадывал события самого отдаленного будущего». Благодаря его хитрости греки одержали блестящую победу над флотом Ксеркса при Саламине (480 г. до н.э.). Эсхил в «Персах» так писал о той знаменитой битве:

Найти спасенье в бегстве
беспорядочном
Весь уцелевший варварский
пытался флот,

Но греки персов, словно рыбаки
тунцов,
Кто чем попало, досками,
обломками
Судов и весел били…

Признаем, что Фемистокл был человек далеко не лучших нравственных качеств. К примеру, когда не прошло предложение разрушить мост Ксеркса у Геллеспонта, чтобы отрезать тому путь в Азию, он посылает к царю персов слугу. Тот по его поручению подал дело так, что именно Фемистокл отговорил эллинов преследовать корабли персов и его армию. Описывая шаги полководца, Геродот говорит, что тот, победив персов, тут же аки лютый пес набросился на своих. Осадил остров Андрос и стал требовать от его жителей денег. Движимый ненасытной алчностью посылал Фемистокл и на другие острова тех же самых вестников, которых раньше отправлял к царю. Вестники требовали денег, угрожая в случае отказа, что Фемистокл явится с эллинским флотом и осадой возьмет их город. Гнусным шантажом Фемистокл заставил каристян и паросцев выплатить ему огромные суммы денег. Жители островов, узнав, что Андрос осажден за приверженность к персам и что Фемистокл пользуется решающим словом среди эллинских военачальников, испугались и тут же послали ему денег. Он откровенно и цинично спекулировал на просьбе евбейцев, боявшихся персов и просивших отсрочить отход флота греков, и тем самым дать возможность переправить своих детей и слуг в безопасное место. Только получив взятку в 30 талантов, он склонил греческое войско дать битву персам перед Евбеей. Правда, скажем, спартанцы, воздавая должное его уму, вручили ему оливковый венок «за мудрость». Однако афиняне не переизбрали его стратегом весной 479 года до н.э., избрав на эту должность недавнего изгнанника и его соперника Аристида. Даже его ведущую роль при Саламине они не отметили, хотя он тогда командовал флотом.

Фемистокл получает награду или взятку?

В чем же дело? Видимо, прав историк Л. Остерман, говоря о причинах: «Я не нахожу другого объяснения, кроме того, что своекорыстная и безнравственная оборотная сторона некоторых действий Фемистокла стала известна гражданам Афин и возбудила их недовольство». Они не доверяли уже Фемистоклу, имея на то все основания. Всем было ясно, что вождь не чист на руку. И когда встал вопрос, кого же назначить ответственным за распределение ежегодных взносов членов Делосского союза (фороса), а туда вошло почти 250 городов-государств, постановили доверить ответственный пост честному Аристиду. Не зря назвали его «Справедливым». Фемистокл после отступления войск Ксеркса предложил поджечь флот бывших союзников-греков и изложил план Аристиду. Тот заявил в Народном собрании: нет ничего полезнее, но в то же время и бесчестнее того, что задумал сделать Фемистокл. Хотя сведения и походят на анекдот, но звучат весьма правдоподобно. Ясно одно: в Фемистокле сочеталось, казалось, несочетаемое – ум, хитрость, стяжательство, коварство, честолюбие и полнейшая неразборчивость в средствах достижения цели. Он заслужил остракизм, которым его подвергли греки.

«Острака» (черепки) с именами Фемистокла и Кимона

Видимо, все эти «подвиги» Фемистокла не ускользнули от внимания афинян. Против него возбудили судебный процесс, обвинили в государственной измене и приговорили к смертной казни.

Фемистоклу удалось все же бежать в Аргос, а затем в Сузы к персу Артаксерксу I. И персидский царь даже доверил ему управление своими городами. Когда он прибыл в лагерь персов, один из их военачальников ему вслед бросил: «Змея эллинская, меняющая свои цвета!» Возможно, афиняне действительно разбросали останки тела этого политика после смерти, по крайней мере были такие слухи. «Герои» позорнейшего периода российской истории, на счету которых нет побед, одни поражения и предательства, в большинстве отделались легким испугом. Опираясь на тайных сторонников, которых немало в нынешних коридорах власти, лишь некоторые из них сели в тюрьму или отправлены в изгнание (тайком).

Фемистокл отправляется в изгнание

Вскоре после Саламинского сражения войска греческих государств одержали блестящую победу под руководством Павсания над персами при Платеях (479 г. до н.э.). Ревниво относившийся к успехам спартиатов, Геродот назвал это крупнейшее сражение греков на суше «величайшей» известной ему победой за историю. Но вскоре греки забыли о вкладе Павсания в победу, стали подозревать его в сговоре с персами (имел азиатских телохранителей из Фракии и носил персидскую одежду). Его несколько раз вызывали в суд и обвинили в измене. Многим не нравились его диктаторские привычки, высокомерие, гордыня… Ему вменили в вину посвящение, которое он велел выбить на золотом треножнике, жертвенном даре богу в Дельфах. Оно несло одно имя – Павсаний, «вождь эллинов». А ведь и у других были заслуги. Павсания обвинят, что он подстрекал к восстанию илотов. Илоты входили в состав его войск в битве при Платеях и достойно себя проявили, поэтому он пообещал им свободу и гражданство. В Спарте обвинение в заговоре с илотами являлось

самым страшным и смертельно опасным обвинением. Павсаний был подвергнут жесткой критике. «Среди выдающихся людей греческой метрополии первой трети V века Павсаний наглой заносчивостью наиболее ярко воплощает тип властолюбивого, тиранического индивидуалиста, который не хочет вписываться в рамки государственного порядка. Беспредельное стремление к максимально возможной личной власти сделало его предателем не только Спарты, но и всей Эллады, за которую он, победитель при Платеях, больше не чувствовал ответственности (хотя он – в отличие от Демарата, Фемистокла и других – не подвергался гонениям). Демарат и Фемистокл окончили свою жизнь как персидские вассальные тираны в малоазийских городах, Павсаний же, если бы его происк сопутствовал успех, хотел править всей Грецией как вассальный тиран великого царя. Здесь до предела доведены стремления некоторых выдающихся людей или аристократических родов, когда личная власть приобрела для них большую ценность, чем законный порядок в их общине, не говоря уже о всей Греции» (Г. Берве). Такое отношение типично для эпохи упадка.

Один из древних некрополей

Конец Павсания таков. Когда он стал налаживать связи с Ксерксом, стремясь заполучить власть над всей Элладой (пусть и в качестве персидского сатрапа), и предложил ему власть над Спартой и Грецией, перс отреагировал сдержанно. Не помогло и то, что он посватался к девушке из рода Ахеменидов… Но факт остается фактом – Павсаний был готов предать малую и большую родину, как некий серый лис предавал (и не раз) свою большую и малую родины. Даже потеряв надежду на власть у себя на родине, он попытался вести переговоры с персами, смертельным врагом эллинов. Надеялся, что те оценят по заслугам его предательство. Узнав об этом, спартанцы долго колебались. Письмо Павсания к сатрапу Артабазу стало веской уликой

измены. Коль скоро Павсаний обвинялся в этом, ему уже не было спасения. Не помогло и то, что он, как и Фемистокл, названный сообщником, был известным человеком… Одним словом, спартанцы, несмотря на то что он спрятался в священном храме, замуровали его там живьем. Когда он потерял силы от голода, предателя вынесли и бросили в овраг, где он и испустил дух. Спартанцам, к их чести, хватило воли, ума, мужества уничтожать предателей. Мы же позволяем негодяям спокойно разгуливать по улицам, выступать с речами, создавать партии, печатать книги, посещать соревнования и театры, отмечать юбилеи, и награждаем их, хотя смерть была бы им самой достойной наградой. Но и в этом нет ничего необычного для греков (и для нас). Вспомним, во времена вторжения персов в 490 году до н.э. дорогу полчищам персов вглубь Греции (когда случилась Марафонская битва) указывал не кто иной, как бывший афинский тиран Гиппий, сын Писистрата.

Менелай с телом Патрокла

Греки своенравны, корыстолюбивы, эгоистичны, как и их «лучезарные боги». Все они отличались лицемерием, коварством, жадностью, склочничеством. Взгляните хотя бы на то, как ведут себя эти боги? Могучего и храброго Патрокла бьют сзади (подло, со спины). О гибели Патрокла (в XVI песне «Илиады») Гомер говорит:

Тут, Патрокл, для тебя наступило
скончание жизни!
Вышел навстречу тебе Аполлон
средь могучего боя, —
Страшный. Но в давке Патрокл
не узнал подходившего бога:
Мраком великим укрытый,
шагал он навстречу Патроклу.
Стал позади и ударил в широкие
плечи и спину
Мощной рукою. Завертелося
все пред глазами Патрокла…

Почему бог торговли Гермес так благосклонен к воровству? Говорят, дело в традиции. Мол, у греков во время праздника Гермеса Хариодота разрешалось воровать одежду. Говорят, что сей обряд проистекал из того, что, когда самосцы покинули остров, чтобы поселиться по указанию оракула на острове Микале, они десять лет жили там грабежом. Как мы убедились, все без исключения не упускали случая ограбить побежденных, как и их боги. Думаю, понятна и реакция Эпикура: «По правде, всех богов я ненавижу!»

Пракситель. Гермес с Дионисом. IV в. до н.э. Мрамор

Итогом этого безудержного стремления людей к богатству и власти в государствах античного мира стала всеобщая зависть, ненависть, подозрительность, недоверие, взаимная вражда. В начале истории греки позволяли себе крупные траты разве что при погребении близких. Считалось в порядке вещей, если достойного человека, мудреца, героя в последний путь проводят с честью. Пышные похороны государство устраивало воинам, павшим в битвах за отечество. При Солоне и Ликурге появились законы, наказывавшие за чрезмерную тягу к роскоши. Но вкусы и нравы афинян меняются со временем.

По мере того как богачей становилось все больше, а благосостояние элиты росло полисы стали клониться к закату (как ни «странно»). Хотя секрет эволюции довольно прост. Люди совсем потеряли совесть, готовы были почти открыто идти на грабеж и воровство (государства, близких, храмов). Не оставалось ничего святого. Полибий сказал о греках, что если им доверить хотя бы один обол из общественных денег, они с удовольствием возьмут и его. Причем если даже и выдадут расписку, ни за что не поступят с общественными деньгами честно (то есть, попросту украдут). Среди греков, как и среди других, росло имущественное расслоение. С ростом богатств нравы еще более испортились. Бедные ненавидели богатых, а крестьяне чувствовали все большую неприязнь к горожанам. Эгоизм и индивидуализм побуждали людей стремиться к роскоши, богатству, удовольствиям. Древнегреческий поэт так скажет:

В этом вся жизнь. В наслаждении
жизнь. Отойдите заботы!
Смертного жребий недолог.
Сегодня – дары Диониса,
Хоры, венки из цветов и женщины
с нами. Сегодня
Пользуйтесь благами всеми.
А завтрашний день неизвестен.

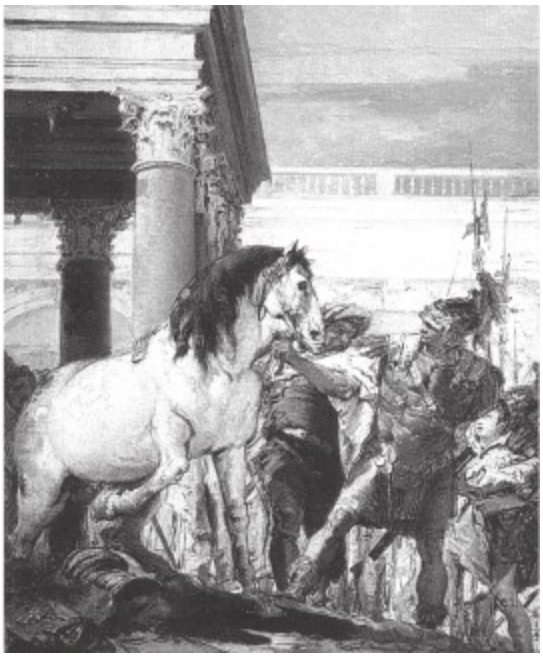
Среди греков всегда можно было найти тех, кто за деньги охотно был готов услужить персидским, карфагенским, македонским, римским интересам. Одним из таких подлецов был Демад, не знавший никаких других соображений и интересов, кроме личных. В отношении «родных Афин» он всегда искал случай обрести хоть какую-нибудь выгоду, признаваясь, что ему абсолютно наплевать на патриотизм. Он не желает способствовать делу расцвета государства и упрочению его роли «в делах вселенной». Дройзен говорит о нем: тот был талантлив, но лишен характера, блестящ, но поверхностен, скорее болтлив, чем красноречив. Главный его инстинкт, которому он служит, – жадность к деньгам. Антипатр метко сказал о Демаде – тот подобен жертвенному животному, от которого в конце концов ничего не останется, кроме языка и брюха. Сколько же подобных «демадов», безмерно жадных до бешеных денег, повидали за последние десятилетия (и видим по сей день) в многострадальной России.

Всюду торжествуют наглость и подлость. Девиз только один: «Человек – это деньги» (Алкей). Бедность подавляет народ, но это никого не волнует. Дурные и злые обогащаются и процветают, а добрые и бедные нищают, опускаются и гибнут. Солон призывал людей опомниться, обуздать их корыстолюбие. Наглость до добра не доведет. Он предупреждал богатых и знатных («великих мужей», «более могущественных и превосходящих силой») – всему есть предел. Вы пресыщены буквально свалившимся на голову неправедным богатством! Ведете роскошную жизнь! У вас власть и сила! Но вы губите вашей преступной политикой Родину!

П. Брейгель. Алчность. Гравюра. 1558 г.

Однако Солон не жалует и вождей демоса. Те ничуть не менее наглы и подлы, чем проклинаемые ими олигархи. Они только делают

вид, что противостоят олигархам и режиму плутократии. На деле они и сами погрязли в политиканстве, лицемерии, аферах, обмане, лжи. При них «все пошло навыворот», как утверждает Лукиан. Подобное произошло в Греции после смерти Перикла (428 г. до н.э.). Когда тот не оставил преемника, Народное собрание, в нашем случае Дума, подпало под влияние разбогатевших простолюдинов. Владельцы крупной собственности не только становятся членами Народного собрания, но и начинают открыто манипулировать голосами. Среди подобной публики: торговец паклей Евкрат, торговец овощами Лисикл, владелец кожевенной мастерской Клеон, стоявший во главе афинского демоса в течение семи лет (424 г. до н.э.). Клеона сменил торговец лампами Гипербол (историк Фукидид называл его «гнусным»). Среди лидеров греческих «демократов» оказался даже банщик (Клиген). Греция и Рим тем и замечательны, что их типы прекрасно дожили до наших дней почти без изменений. Вождей демоса тогда называли «демагогами». Отрицательный смысл эпитет приобрел позднее, когда вся мерзость, продажность и ничтожность господ, умело играющих на низменных инстинктах толпы, на зависти и социальных ожиданиях, стала вполне очевидна. Клеон, сменивший на посту Перикла, превратил народную трибуну в цирк, подобие клоунады. По свидетельству Плутарха, он перестал соблюдать всякие приличия на возвышении для оратора: «Он был первым, кто, говоря перед народом, стал вопить, скидывать с плеч плащ, бить себя по ляжкам, бегать во время речи». В афинском (как и в российском) собрании, можно было увидеть немало тех, кто выделялся не знаниями и культурой, а дикими выходками и броскими речами. Конечно, вся эта вульгарщина примитивна. Но при убогих вкусах срабатывает. Хлесткая фраза, пустая болтовня, громкие лозунги близки вкусам неразвитой и хамоватой аудитории. Ее прекрасно высмеял Аристофан в комедии «Всадники». Говоря об одном из таких вождей простонародья, Аристофан характеризует его так – «пройдоха страшный, негодяй отъявленный». Тот льстит народу: «О государь Народ!» А в результате тот же самый народ, с которого он «взяток требует», он же и «под розги подведет». В этой связи стоит вспомнить, как некогда Александр Македонский направил верного Буцефала в Народное собрание, дав понять, что тот нисколько не хуже депутатов.



Дж.-Б. Тьеполо. Александр вводит коня Буцефала в парламент

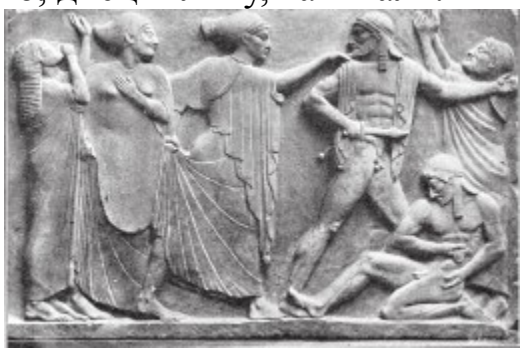
Уроки греческой «демократии» неоднозначны и противоречивы. Ее благотворные признаки проявились скорее в сфере личных устремлений, творчестве, искусстве, нежели в силе и жизнеспособности политических институтов. Именно политически демократия оказалась в высшей степени недееспособной. Особенно это стало заметно в период поздней классики. После краткого периода расцвета Греция стала клониться к закату, что закономерно. Перикл понимал всю слабость и уязвимость греческого политического устройства. Он говорил в своей речи: «Вести же войну с противником совершенно иначе вооруженным, чем они, они не в состоянии, пока у них нет единой постоянной союзной власти. Поэтому-то и не способны тотчас же быстро и решительно действовать. Действительно, при всеобщем равноправии это – разноплеменной союз, и каждый союзный город стремится соблюдать лишь свои частные интересы; отчего у них обычно не выходит ничего дельного. Ведь если одни желают причинить кому-либо как можно больший урон, то другие стремятся потратить как можно меньше средств для войны. На коротких совещаниях у них редко обсуждаются общесоюзные дела, а большей частью – только частные дела отдельных городов. Каждый считает, что его собственное нерадение не принесет вреда и что об общем благе позаботится вместо него кто-нибудь другой. И именно потому, что каждый (в Афинах) занят своими

частными делами, они не замечают, что страдают их общие интересы». Полагаю, именно эгоизм, войны и распри среди союзников и погубили Грецию. Что же касается афинской демократии, ее, на наш взгляд, погубили рабовладение и чудовищное социальное расслоение среди граждан. Разброд и разобщенность полисов, их неустойчивость и слабость, эгоизм элит становились не только «истинной матерью тирании», но еще в большей степени главной причиной заката и гибели. Демократия утратила некогда присущие ей единство и цельность. В итоге Греция распалась на несколько враждующих лагерей. Платон четко обозначил это расслоение как разделение на государство бедных и богатых. Солон верно заметил: «От богатства родится пресыщение, от пресыщения – спесь».

Менандр. Рисунок по рельефу

Борьба партий породила в Элладе разгул пороков и бесчестья. Все были твердо убеждены лишь в том, что всеобщего благоденствия и безопасности нет и быть не может… Поэтому партии проституировали и меняли маски, как актера в пьесах Менандра. Разумеется, в такой борьбе не могло быть победителей. Проигравшей же стороной всегда в этих случаях был и остается народ. Английский историк К. Поппер в «Открытом обществе» так оценил политический строй Афин. Во-первых, несмотря на все рассуждения о демократии, сторонники олигархии и демократы в равной степени являлись тиранами. Во-вторых, очевидно, что Афины были «безжалостной демократией, городом, управляемым необразованными людьми, которые ненавидели и подавляли образованных и, в свою очередь, служили объектом ненависти последних». В-третьих, отмечена и такая важная черта, как поразительная духовная продуктивность Афин. В-четвертых, им подчеркивается необходимость использования в переходный период для стран «некоторой формы империализма», которая носит либеральный характер. В-пятых, автор честно признает, что против

афинской демократии тогда выступали все выдающиеся афиняне. Ими даже был выдвинут лозунг: «Назад к древнему отеческому государству». Собственно тогда-то и появился в Греции термин «патриот». Хотя одно стремление патриотов возродить старые формы отеческого государства (без каких-либо серьезных, необходимых и позитивных изменений) вряд ли было тогда исторически оправдано. Закономерно и то, что в итоге долгих Пелопоннесских войн должна была победить Спарта. Это была победа строгой и четкой философии, разумной и здоровой системы обучения и воспитания. Так, филолог-классик В. Йегер говорил: «Спарта, казалось, победила не столько благодаря своей конституции, сколько благодаря чрезвычайно последовательно проводимой системе воспитания. Сила Спарты была в строгости и дисциплине». Формулу «спартанского строя для России» мы бы сформулировали так: «Сила страны – разум и знания, помноженные на волю, дисциплину, капитал».



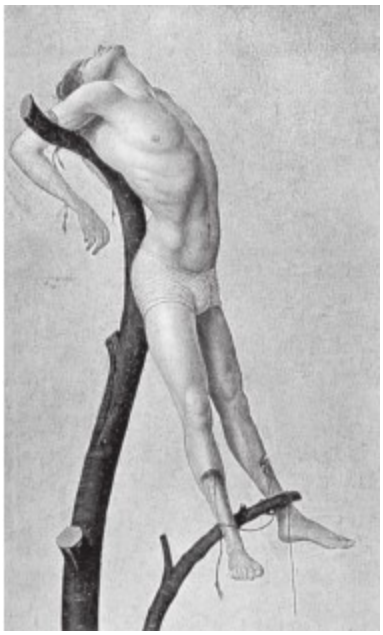
Кровная месть у греков

Государственное устройство Греции все очевиднее превращалось в господство одного первенствующего человека (Фукидид). А это означало одно – прямой путь к тирании! Перикл при всем своем природном уме и очевидных достоинствах руководителя оказался не очень-то успешным учителем афинской толпы. Народ при нем развратился, потянулся не к знаниям, а к зрелищам, приобретая жалкую привычку получать дармовые вознаграждения. В итоге, как пишет Плутарх, из скромного, работящего под влиянием тогдашних политических мероприятий «стал расточительным и своевольным». Нет более жалкого зрелища, нежели народ, привыкший жить на подаяния тиранов и богачей. По поводу греческой демократии Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал: «Не демократия погубила Афины, как … утверждают европейские школьные педанты, пресмыкающиеся перед

монархами, а рабство, которое сделало труд свободного гражданина презренным». А разве олигархия, пусть и выступающая в личине демократии, не есть рабство?!

Раб в древнем мире

Рабство было неизбежным и закономерным способом производства того времени. Как ребенок испытывает жесткие узы властного диктата со стороны родителей, так и общество в период «детства» проходит эту фазу развития. Эллинская мысль до IV в. до н.э. считала рабство необходимым общественным институтом. Ксенофонт полагал, что наилучшим средством для процветания афинского полиса и граждан стала бы возможность каждого из них иметь трех рабов. Идеал раба в изображении Еврипида – это лишенный индивидуальных черт слуга, всецело преданный своему господину. Аристофан, предлагавший осуществить радикальную реформу, тем не менее не видел иного пути как возложить труд земледельца на рабов. Совершенно необходимым счел рабство и Аристотель, говоря в «Политике»: «Если бы каждое орудие могло выполнить свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, и уподоблялось бы статуям Дедала или треножникам Гефеста, о которых поэт говорит, что они сами собой входили в собрание богов; если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в работниках, а господам не нужны были бы рабы». И далее он высказывается в том духе, что раб «всецело принадлежит» своему господину.



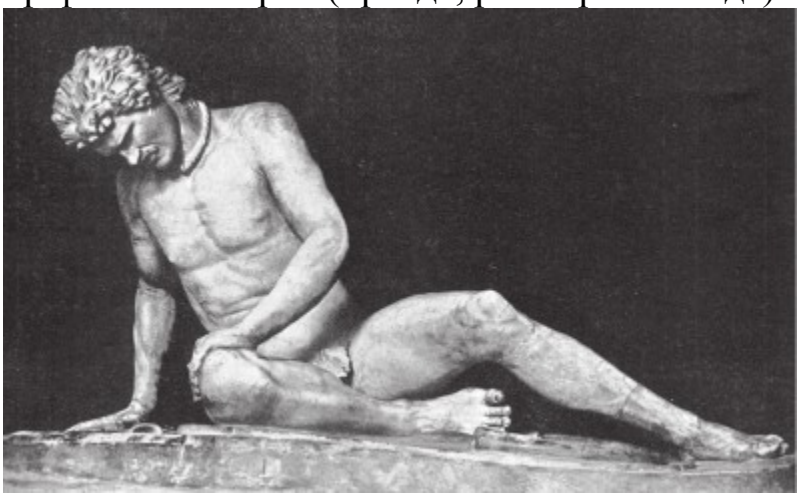
Антонелло де Мессина. Распятие. XV в.

Суть дела не меняет то, что обычной формой рабовладения в Афинах и иных полисах была такая, когда свободный грек пользовался плодами труда малых групп рабов (5—7 человек). Встречались, разумеется, и рабовладельцы, подобные Аттику, во владении которых были образованные люди и искусные ремесленники, которых он воспитал и обучил у себя дома. Так же поступал римлянин Красс, сам присутствоваший при их обучении и образовании, ибо был твердо убежден, что обязанность господина – их воспитание «в качестве живых орудий хозяйства». Тем не менее жизнь большинства рабов была незавидна. Греческая литература дает множество образов и сцен, описывающих их жизнь, быт, нравы, равно как и нравы их господ. О жизни рабов пишет Менандр, говоря: если рассуждать по справедливости, «все честные должны быть полноправными, а низкие – рабами и ублюдками». Герод показал тяжкую участь рабов, выступающих в роли лиц без речей. В «Жертвоприношении Асклепию» сварливая госпожа обрушивается на рабыню с несправедливыми упреками и угрозами. Башмачник Кердон, безмерно льстя дамам из высшего круга, кричит на раба Дримила, грозя отправить его на мельницу, приказав отколотить жестоко. В миме «Ревнивица» богатая, грубая, взбалмошная Биттина, не стесняясь в выражениях, выговаривает рабу-любовнику за ухаживания на стороне:

Скажи, Гастрон, с чего ты стал
такой прорвой,
Что мало для тебя мне раздвигать
ноги, —
К жене Менона Амфитее ты лезешь?

В бурную эпоху эллинизма рабская тема звучит в литературе и искусстве. В позднеантичных романах, о которых нам не так много известно, нередки сюжеты, где героев и героинь обращают в рабство с последующим их освобождением. В многочисленных греческих рельефах, в произведениях стенной живописи, мозаике, статуэтках можно видеть рабов и представителей низов – бедняков (земледельцев, раболовов, рыбаков). Всем известна пергамская группа «Галл, убивающий жену и себя». Он делает это с одной целью – избавить себя и жену от плена и неизбежного рабства. Эта группа, как и статуя «Умирающий галл», находящиеся в римских музеях, вдохновят Байрона на строфы песни в «Паломничестве Чайльд-Гарольда», а затем и Лермонтова, написавшего стих «Ликует буйный Рим». Хотя в последнем случае поэт ошибся, приняв воина за гладиатора, суть реакции общества очевидна. «Эта скульптура, – отмечал В. Блаватский, – не только дань уважения к свободолюбивому врагу-варвару, в ней звучат и другие ноты. Это – знамение того времени, когда передовые умы уже не могли безучастно взирать на тяжелую участь рабов». Оценка института рабства в Греции не может измениться от наличия среди рабовладельцев «добрых хозяев», от случаев кормления детей рабов грудью матрон, и даже высокого общественного положения иных из вчерашних рабов. Хотя известны исключения. Так, римский раб и вольноотпущенник Паллант стал

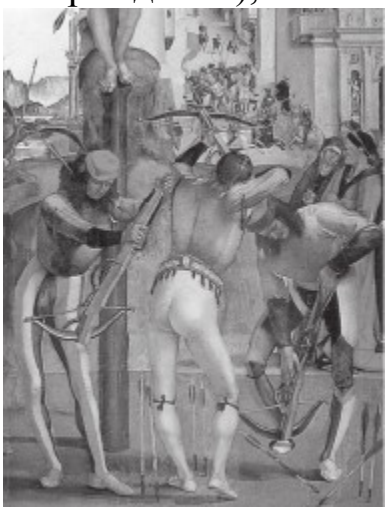
министром финансов императора Клавдия, а потом и любовником у императрицы Агриппины. Эти случаи типичны. Ведь и у нас был одно время министр финансов – раб (правда, раб стран Запада).



Умирающий галл

Так давайте спросим себя: «А был ли действительно свободен даже гражданин, считавшийся свободным?» При объективном и тщательном анализе положения мы увидим, что полис имел почти абсолютную власть над гражданами. Те во всем или почти во всем беспрекословно подчинялись полису, принадлежа ему как часть целого. Фюстель де Куланж в «Античном городе» говорил, что у человека древнего мира «не оставалось ничего, в чем бы он был независим». Даже его богатство всегда находилось в распоряжении государства. Если полис нуждался в деньгах, он запросто мог заставить кредиторов отдать розданные ими в долг деньги, взыскав их с заимодавцев. Полис мог приказать женщинам отдать все их драгоценности, а владельцам оливковых рощ передать бесплатно урожай. Даже тело гражданина принадлежало государству. Мы уже сказали, что греки не дозволяли жить любому, как ему заблагорассудится! В Спарте строго наказывали не только закоренелых холостяков, но и тех, кто женился поздно, засиживаясь в холостяках. Государство могло предписывать кому труд, а кому и «праздность». Контроль распространялся и на так называемые мелочи (в Локрах закон запрещал мужчинам пить чистое вино, а по-нашему водку, ибо греки обычно пили даже вино разбавленным водой; в Милете и Марселе всем женщинам запрещалось даже прикасаться к вину). Закон регламентировал виды одежды, головные уборы, наряды дам, ношение

усов или бороды и прочее. Как видите, даже в классических государствах демократии нет и никогда не было даже частицы той анархии, которую одно время все мы могли наблюдать в России. В греции было иначе. Там везде, на любого человека (будь он даже сам правитель или богатейший гражданин), можно было «надеть узду».



Лука Синьорелли. Святой Себастьян. XVI в.

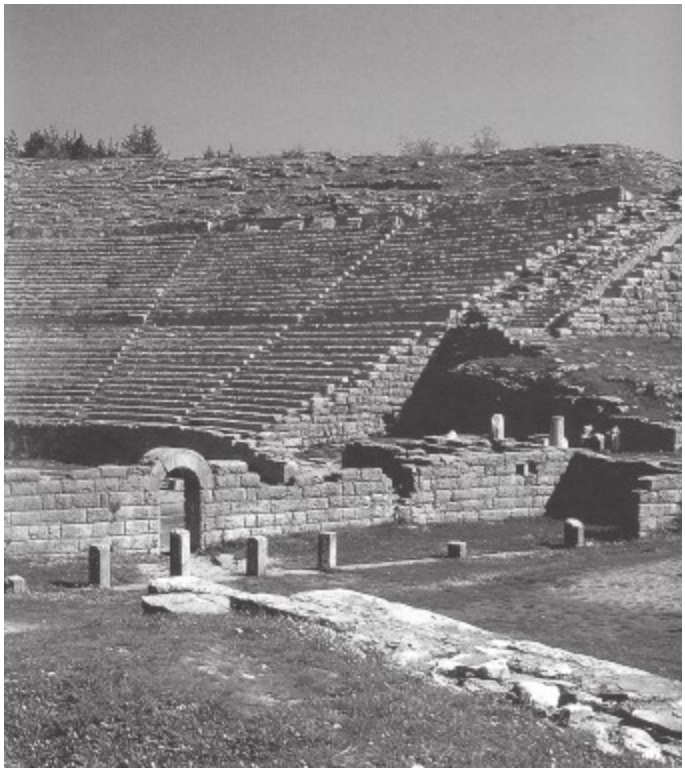
Однако, видимо, узды той было все же недостаточно или она была не прочной. В конце концов античное государство исчерпало свой потенциал, став жертвой роскоши, разврата, рабства, бесчисленных пороков, противоречий. Греция шла к системному кризису, к глобальной катастрофе. Процесс стал особенно заметен с конца V века до н.э. Все стремительно покатилось вниз особенно в ходе Пелопоннесской войны. Та сломала мирную трудовую жизнь ремесленника и крестьянина. Следует подчеркнуть, что политическим условием для краха Эллады стало наступление господства так называемой «радикальной демократии». Это была власть безземельных купцов или охлоса. Она установилась в эпоху после Перикла и господствовала до Никиева мира. Господство военных, моряков и дельцов неизбежно вело страну в сторону агрессии. Эти группы населения были заинтересованы в грабеже, в продолжении войн, в расширении территорий. Итогом сей политики стало расстройство хозяйств, рост задолженности и безработицы, растущая конкуренция со стороны крупных землевладельцев. Разорялся средний класс, а на нем держалась демократия народа Афин и Спарты. В Спарте возникла олигархическая верхушка (такие, как богач Еврикл). В ее руках были огромные богатства, получаемые в итоге грабежей,

войн, захватов и субсидий из-за границы (персов). Именно враги греков персы и богатые эллинские города Малой Азии снабжали деньгами олигархов Спарты. Ситуация, как мы видим, в главном, даже в деталях напоминает крах иной, Северной Эллады.

Большие рыбы поедают малых. Гравюра И. Кока по рисунку П. Брейгеля. 1556 г.

Итоги такой политики имели ужасные последствия. Потерявшие землю и работу люди стали искать средств к существованию. Приходилось идти в наемники, во всевозможные армии царьков и тиранов. Следствием безработицы и потери нормальных источников существования стало массовое наемничество. Начиная с похода Кира Младшего греки участвуют как наемники во всех войнах в районе Восточного Средиземноморья. Полководцы открыто выступали в роли наемников и слуг, делая бизнес на крови соотечественников, продавая себя на службу кому угодно (от Рима до египтян, персов и тех же греков), кто больше заплатит. Хоть дьяволу! Их имена известны – Хабрий, Пфикрат, Тимофей. Чудовищен сам по себе факт борьбы Афин против греков в последние годы. Хуже всего, что и недавние работники вошли во вкус службы наемника, стали презирать нормальный труд. Тем более что и условий для этого уже почти не было. Военная служба могла принести хотя бы быстрое обогащение (а нередко и мученическую смерть). Спартанский полководец царь Агесилай умер на пути в Египет, где он предводительствовал наемным войском на службе у египтян (IV в. до н.э.). Крестьянство полисов массами уезжало из родных мест, бежало на Восток. Почему на Восток? А почему граждане бывшей страны Советов вынуждены при «демократах» уезжать на Запад и Восток?! Ни для кого это и не секрет.

Там ценят труд и процветает торговля. Там нужны умелые руки и умные головы.



Развалины древнегреческого театра в Эпире

Поэтому когда иные политики отвлеченно говорят о преимуществах демократии, это звучит цинично и лживо. Демократические Афины осудили на смерть Сократа и Аристотеля (как осудили на нищенство, смерть или полуголодное существование ученых и учителей, инженеров и врачей «демократы» России). Таким образом, с началом эллинистического периода былая экономическая мощь Эллады исчезла. Центры античного мира переместились на территорию новых эллинистических государств Востока. Возникшие на Востоке новые города – Александрия, Антиохия, Селевкия на Тигре – вскоре совершенно затмили собой старые полисы материковой Эллады.

Эллада теряет даже монополию на производство ремесленных изделий, то, что имела ранее. Происходит перемещение жизненных центров античного общества, и она начинает превращаться в то, чем она, по сути, в давнее время и была – в глухую провинцию со скудными ресурсами, в беднейшую страну Средиземноморья. Наконец, громадные опустошения происходят в Элладе в период

завоевания страны Римом. Римляне появляются на горизонте с конца III века до н.э. Военные действия на территории Эллады сопровождаются массовым обращением греческого народа в рабов. Такая судьба постигла Антикиру, Орей, Диму, Эгину и ряд других полисов. «Политически бессильная, Эллада обращается в место охоты за рабами, и это, несомненно, также способствовало ее запустению». Такова суровая плата за недавнее господство.

Роковую роль в положении Греции сыграли и победы Александра Македонского. Он соединил Грецию с Западной Азией и Египтом, и тем самым выбил из-под ног национальную опору. Создав огромную империю, в основе которой лежали идеи эллинизма, он вынудил греков забыть о своих личных интересах. Таким путем он сделал из греков «космополитов». Во благо это пошло или во вред – сложный вопрос. Мы его касаться не будем. Тут есть плюсы и минусы. Очевидно, что греки быстро распространились по империи, не преминув воспользоваться некоторыми преимуществами. В столетие, последовавшее за смертью Александра, их богатство еще более возросло. При половине населения, сосредоточенной в материковой части, на Пелопоннесе и Ионических островах, столько же, если не более, проживало в колониях (всего примерно 7—8 миллионов греков). У обосновавшихся в других регионах греков было немало денег, так как они наряду с евреями и стали главными торговцами. Но богачи были уязвимы. Покидая родину, теряя органическую связь с отечеством, они ослабляли не только себя, но и Грецию. Греки все более превращались в нацию торговцев – рядом с римлянами, нацией воинов. Хотя ранее и они умели воевать.

Теперь, получив возможность разбогатеть, не платя за то жизнью, они выбрали легкий путь. Богатый грек александровской эпохи мыслил совершенно иначе, чем грек эпохи Фермопил. Он уже не хотел «идти в горы» и защищать какие-то там ущелья или маленькие острова. Что ему до них… К тому же мы ведь видели, сколько ненависти и страха испытали многие греки, находясь под пятой Афин или Спарты. Можно предположить, что в глубине души они охотно (даже с неким злорадством) приветствовали покорение Афин великим Римом. От некогда громкой славы отважной Греции оставалось разве что былое имя. Как скажет об этом Сенека:

Греция, скошена ты многолетней
военной бедою,
Ныне в упадок пришла, силы
свои подорвав.
Слава осталась, но Счастье погибло,
и пепел повсюду,
Но и могилы твои так же
священны для нас.
Мало осталось теперь
от великой когда-то державы;
Бедная, имя твое только и есть у тебя!

Эгоизм греческих аристократов, жадность и непомерное честолюбие не оставили шансов Греции. Опять же и римляне поступили очень мудро. Покорив Македонию, они уменьшили вдвое налоги, которые до того платили греки македонским царям. Следствием этого стала всеобщая деморализация страны, духа населения. Богачи коварно работали в этом направлении, подрывая устои национального духа. В их среде и родилась, вероятно, поговорка, которая стала среди определенных кругов очень популярна. Полибий сохранил следующие слова, в коих высказано желание победы врагу, то есть Риму: «Если бы не наша быстрая гибель, не было бы нам спасения». Вспомните, как охлос, олигархи, воры, одним словом, все прохвосты и предатели России в конце XX века почти слово в слово повторят эту фразу.

Разве вы не видели этих бессовестных политиков? Вспомните, как они издевались над народом! Вспомните их наглые лица-маски, открыто презирающие народ, лидером которого они себя называют. Говоря словами Платона, они наловчились в длинных речах лицемерить всенародно. Они искусно скрывают свою жажду денег под маской «защитников народа». Но при этом не стесняются идти на поклон к любому олигарху. Они – «из рода фокусников» (Платон). Плевать им на всех нас – электорат. К тому же по мере обогащения элиты в Афинах занятие общественных должностей стало восприниматься как обуза. Об этом писал и Аристофан, говоря о

лицемерии иных партийных вождей, заявивших во всеуслышание, что они бедны и у них, мол, ничего нет:

Быть не хочет никто триерархом
теперь из богатых
по этой причине,
Но, одевшись в лохмотья, он в голос
ревет и кричит,
что всегда голодает.

Выходит, говорит герой Лукиана, что, говоря об их безразличии к обретению денег, в действительности они всего сильнее стремятся «именно к тому, чтобы стяжать как можно больше», и ради этого они постоянно держатся «поближе к богачам». Знаем мы таких вождей. Они обманывают народ, ибо сами являются ворами, полуолигархами. Их интересуют лишь власть и деньги, деньги и власть. Золотые вши выгрызли весь их социализм. Правда, и в Греции были софисты, которые развлекали публику речами. По своей породе они принадлежали к типу людей «перекати-поле», будучи бродягами и нахлебниками по праву рождения (par droit de naissance). Но по какому же праву наши политики-перекати-поле стали нахлебниками народа? Ясно, почему Солон выражал глубокую озабоченность и тревогу в отношении судеб страны. Много юных жизней может погубить эта спевшаяся банда, где с одной стороны – олигархи, а с другой – пьяные «вожди народа». Схватки и раздоры из-за них часты на улицах любимого города. Как писал Платон в «Государстве», «справедливый человек везде проигрывает сравнительно с несправедливым».

Эпиктет. Сатир с бурдюком вина

Старый пьяница

Разумеется, греческая демократия знала всякого рода политических деятелей. Одни из них были известны как люди скрупулезной честности, мужества, чести и глубокой порядочности (афинянин Фокион, командовавший войсками, хотя мог с легкостью разбогатеть на этих постах и должностях, так и остался храбрым и бедным; ему даже дали прозвище «Честный»). Характеристику неподкупного вождя заслужил и известный деятель Клеофонт, что, по словам Лисия, «много лет держал в своих руках управление всеми государственными делами» Однако были среди них такие, как Ельцин и его окружение, о которых можно сказать словами Демосфена (как и о наших): «А поглядите-ка на людей, ведущих такую политику: из них одни сделались из нищих богачами, другие – из неизвестных уважаемыми, а некоторые соорудили себе частные дома такие, что они великолепнее общественных зданий. А в общем, насколько упало благосостояние государства, настолько же возросли богатства у них». Такого рода дельцы встречались не только среди руководителей греческих государств, но и среди некоторых демократических трибунов. Вот что говорил Аристофан в одной из своих комедий о подобных «слугах народа», что, как и некоторые деятели российского правительства, пришли в него не для отстаивания интересов народа, а для сбирания, как говорится, в свои карманы золотой жатвы:

Посмотрите теперь на ораторов
вы в государстве:
Пока они бедны,

То с народом своим, с государством
они поступают
Всегда справедливо;
Но лишь станут богаты,
казну обобрав, —
Справедливость их тотчас исчезнет;
Строят козни они против
граждан своих,
Поступают враждебно с народом.

Плутарх, бывший в родной Херонее сам на самом высоком посту и по приказу императора Траяна даже выполнявший функции прокуратора Греции, видимо, имел довольно четкое и точное представление о том, в чем состоит подлинный секрет мудрого политического деятеля. «Первое условие, – писал он, – как бы надежная и устойчивая основа для государственных трудов: чтобы решение заняться ими проистекало из разумного выбора, а не из обуянности тщеславием или задором или из недостатка в иных занятиях. У кого нет приличного дела дома, тот без всякой нужды проводит большую часть времени на площади; так же точно есть люди, которые от того, что не имеют, чем бы им заняться всерьез, бросаются в общественные дела, превращая их в некий род препровождения времени».

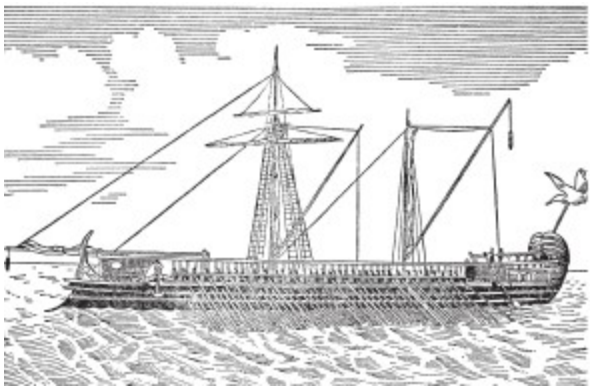
Эйрене – богиня мира. Фрагмент

Ради достижения своих целей греки не останавливались ни перед чем… Хотя войны, которые они постоянно вели между собой, только

ослабляли их единство. Геродот сказал (правда, имея в виду выступление греков против персов): «Потому-то не погрешишь против истины, назвав афинян спасителями Эллады». Нам трудно согласиться с такой оценкой великого историка. Правильнее было бы сказать, с учетом дальнейшего развития событий, что Афины стали «губителями Эллады». Перикл был яростным милитаристом и апологетом войн. Это признал объективный Фукидид, говоря: Перикл не допускал уступчивости и всегда «побуждал афинян к войне». Бесконечные войны и грабежи стали для Афин источником постоянной наживы. Не стесняясь взимать дань с союзников, они отвратят от себя всю Элладу. Фукидид подчеркивал, что если лакедемоняне пользовались гегемонией, «не взимая дани со своих союзников, а заботясь только о том, чтобы, подобно им, и у союзников был олигархический строй управления», то афиняне, напротив, «с течением времени отобрали у союзных с ними государств, за исключением хиосцев и лесбиян, корабли и обложили всех союзников денежной данью». Они всячески противились заключению мира со Спартой. Когда в Афины вернулись послы, направленные ими же для ведения переговоров о мире (391 г. до н.э.), один из самых уважаемых людей и послов, Андокид, выступил с речью «О мире с лакедемонянами». Однако Народное собрание не только отклонило рекомендации Андокида, но и, по предложению оратора Каллистрата, отдало послов под суд, обвинив в нарушении данных им предписаний. Послы, не дожидаясь решения суда, удалились в изгнание. Так вот на словах греки хотели мира, на деле вели войны.

Афина – богиня войны

Афины сами спровоцировали Спарту на войну, возводя против нее стены и обманув с помощью ложных обещаний Фемистокла. Во многом они виновны в воцарении атмосферы всеобщей подозрительности и вражды. «Эти события, – писал Ксенофонт, – привели таким образом к последствиям прямо противоположным тем, которые ожидались всеми людьми. Здесь собралась вместе почти вся Греция и выступила с оружием в руках друг против друга; все ожидали, что если произойдет сражение, то те, которые победят, получат в свои руки власть над Грецией, а побежденные подчинятся им. Однако по воле божества случилось так, что обе стороны, как победители, поставили трофей… Далее, обе стороны утверждали, что они победили, и тем не менее ни одна из сторон не приобрела после этой битвы ни нового города, ни лишней территории или власти по сравнению с тем, что она имела до этого боя. Это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство в дела Греции, чем было прежде». Непрерывная междоусобица, вылившаяся в апофеоз Пелопоннесских войн, окончательно подорвала силу греческой нации.



Греческая боевая триера

Даже во время греко-персидских войн стоило больших трудов объединить их в единый союз против общего врага. Но и после громких побед, когда, казалось бы, можно уже воспользоваться их плодами, живя в мире и согласии, греки развязывали все новые и новые междоусобные войны. Не знаю, почему, удивлялся историк Полибий, но пелопоннесцы, народ, казалось бы, наиболее склонный к спокойному, мирному человеческому существованию, наслаждались им меньше всех. Напротив, они, как выражается Еврипид, «всегда зажигали войны и никогда не имели покоя от брани». О том же, если верить Геродоту, говорил и перс Мардоний, выражая свое несказанное удивление тем обстоятельством, что греки, которые все даже говорят на одном языке, предпочитают хвататься за оружие каждый раз, вместе того чтобы улаживать свои дела мирно, путем переговоров и послов, «при помощи герольдов и посланников».

Некогда, создавая державу, афиняне клялись, что они не допустят присвоения их подданными земли за пределами Аттики. Почувствовав силу и одержав ряд побед, прежде всего над персами, Афины встали на путь империализма, экспансионизма: захватили Эйон во Фракии и продали в рабство его жителей, затем обратили в рабство все население Скироса, а вместо них поселили колонистов из Афин, взяли Самос, Херсонес, города Пидну, Потидею, Метону на побережье Македонии и Фракии, заселили их афинскими гражданами. В 430 году до н.э. афиняне в начале Пелопоннесской войны завоевали Аргос и продали весь народ в рабство. В 427 году до н.э. фиванцы взяли штурмом соседний с ним город Платею, истребили 200 мужчин, а женщин и детей обратили в рабство. Это после того как в 479 году до н.э. при Платеях была одержана историческая победа над персами, а сама Платея была клятвенно поставлена под защиту всех греков как

земля священной победы! В 421 году до н.э. афиняне захватили Торону и Скиону: мужчин из Тороны отправили в Афины, а женщин и детей обратили в рабство; в Скионе мужчин перебили, обратили в рабство женщин и детей и переселили на эту территорию колонистов из Платеи. В 416 году до н.э. они покорили Мелос, перебили мужчин, обратили в рабство женщин и детей, переселив на остров колонистов из Афин. Во время похода в Сицилию афинская флотилия достигла Гиккары, захватила в плен жителей города, продала в рабство. Но когда терпели поражение они, убивали или продавали в рабство уже их самих. Торговля рабами была обычным явлением. Цена на раба колебалась от 70 до 301 драхмы, в среднем по 168 драхм за мужчину и 147 драхм за женщину. Цена за раба составляла треть платы учителя. Скажем, некий Евной с Пароса, что вел курс «человеческой и политической добродетели», получал в год как учитель зарплату в 500 драхм.

Рабовладельческий рынок

По сути дела почти ничего не изменилось со времен гомеровской «Илиады», где сказано: «Мужи убиты оружием, дома превращаются в пепел, дети уводятся в плен и пышно одетые жены». Никто не вспоминал Эпикура с Лукрецием, высказавшихся в пользу необходимости единения людей, дружбы и помощи. «Соседи стали связываться друг с другом узами дружбы, не желая ни применять насилие, ни страдать от него». Причем убивали и грабили любого, кто попадался под руку. Как известно, Агамемнон со своим флотом опустошил Мисию, приняв ее за Троянскую область. Страбон пишет о

нем, что после тот «с позором вернулся назад». Во время междуусобиц греки убивали греков, жгли дома, уничтожали поля, истребляли деревья. Никто не боялся уже ни гнева богов, ни закона, ни мести фурий. Хотя на некоторых временами находило озарение. Тогда они горестно стенали при виде этого моря жертв. После битвы под Коринфом царь Спарты Агесилай, несмотря на то что в ней погибло множество противников и лишь несколько спартанских воинов, в глубокой печали воскликнул: «Горе тебе, Греция, что ты сама погубила столько людей, которые, если бы они остались жить, могли, объединившись, победить всех варваров на свете». Однако Платон в «Законах» считал само собой разумеющейся вечную войну между людьми, даже укорял тех, кто не понимал по своему неразумию, что «у всех в течение жизни идет непрерывная война со всеми государствами». Так о чем тут говорить! Как после всего этого можно было даже помышлять о единстве или свободе Греции! Полибий напишет: «В междуусобной войне не было жестокости, перед которой они остановились бы, а теперь, когда незадолго перед тем была испробована братняя кровь в Арсинойской резне, они были на все готовы и так одичали, что не давали правителям своим собираться на совещание». Насилия, убийства, грабежи, взятки, ненависть, различные гнусные деяния и преступления раздирали Грецию.

Афинский флот перед Сиракузами

Мир был исключением. Казалось, что на греков нашло некое помутнение разума. Гомперц, правда, уверяет, что дикие нравы прошлых лет якобы канули в лету, но тут же признает, что фиванцы, считавшие себя законными господами и свой город естественной столицей Беотии, не щадили военнопленных других беотийских городов. Восприняв как глубокую несправедливость вмешательство афинян в дела Сицилии, Сиракузы, после блестящей победы над

последними, заточили тысячи из них в каменоломни, где и оставили умирать под открытым небом. Но и Афины во время Пелопоннесской войны не могли удержаться от подобных крайностей. После взятия отпавшего союзного города Тороны его женщины и дети были проданы в рабство; мужчины едва избегли самой худшей участи; при заключении мира они частью были освобождены, частью обменены на пленников. Еще хуже обошлись с другим отпавшим союзником, с обитателями Скионы. Продажа женщин и детей в рабство сопровождалась умерщвлением мужчин и конфискацией земли, которую афиняне подарили платейцам, бежавшим из своей родины. Пять лет до этого Платеи после долгой осады были взяты спартанцами (427 г. до н.э.). Фиванцы убедили победителей наказать город за измену: женщины были проданы в рабство, оставшиеся в живых воины казнены, а весь город разрушен. Такие же жестокости, проявленные афинянами в отношении обитателей острова Мелоса, еще возмутительнее, так как сей остров, колонизованный спартанцами, был, однако, самостоятельной общиной, которая не только не нарушила союзнической верности, но даже не принимала участия в войне, она только хотела остаться нейтральной.

Фукидид в «Истории» приводит яркие примеры того, каково было отношение Афин к другим греческим государствам. И если даже принять во внимание, что Фукидид, что был избран одним из десяти стратегов Афин, а затем осужден за измену, приговорен к пожизненному изгнанию (423 г. до н.э.) и смог вернуться в Афины только через 20 лет, то есть если понять всю скопившуюся в его сердце в отношении Афин горечь, приводимые им в книге данные подвергать сомнению не стоит. Вот что говорят коринфяне в отношении политики: «афиняне злоумышляют против всех нас», «наглость афинян», их «преступные деяния в Элладе»; «одних эллинов афиняне уже поработили, а другим – и как раз нашим союзникам – они теперь строят козни и давно уже сделали все приготовления на случай войны», они захватили Керкиру «силой оружия»; осадили Потидею, а та – «наиболее выгодно в военном отношении расположенный пункт, господствующий над фракийским побережьем»; «мы знаем методы афинян: как они шаг за шагом наступают на соседей». При этом обвинители объективно говорят и о сильных сторонах Афин: «они сторонники новшеств, скоры на выдумки и умеют быстро осуществить

свои планы». Но это делает их, видимо, еще более опасным противником.

Гавань в Родосе. Реконструкция

Как и в V веке до н.э., Афины прибегали к жестоким методам принуждения и наказания недовольных и в IV веке до н.э. Методы оказались малоэффективными, а итоги – плачевными. В 357 году до н.э. восстали Хиос, Кос, Родос и Византий. Повстанцы отразили все усилия афинян их обуздать, и в 355 г. до н.э. Афины вынуждены были волей-неволей подписать договор, признавая их независимость. В результате великий город остался «без союзников, без вождей, без средств и без друзей» (Дюрант).

Греческий философ

Причины такой политики абсолютно понятны. На первом месте у Афин всегда (за редчайшим исключением) были собственные узкоклановые интересы, интересы их семей и партий. Государство превратилось в некий фантом, по внешнему облику демократический, по сути своей – олигархический. К власти все чаще прорывались олигархи или демагоги. За исключением архонтства Евклида (403 г. до н.э.) и Ликурга (338—326 гг. до н.э.), что были честны и блюли финансовую дисциплину, весь IV век Афины находились в руках коррупционеров. Законы в Афинах были, ох, как строги: по закону взяточничество там наказывалось смертью. В реальной же жизни оно, по словам Исократа, приносило взяточникам и коррупционерам значительные финансовые, политические, военные льготы. Персии не составляло труда подкупать греческих политиков, вождей, полководцев, ибо те уже привыкли к этому способу получения денег. Стоило заплатить приличную сумму, и грек готов был выступить против любого греческого государства, против Македонии, Персии или Египта (или же – на их стороне). Греческие наемники (то ли в силу своей бедности, то ли в силу жадности) с легкостью продавали себя греческим, равно как и «варварским» военачальникам. Они сражались против «родимой Греции» столь же часто, как и за нее. Поэтому греков было полным-полно в персидском, египетском, македонском войсках. «Теперь солдаты проливали кровь не за отечество, но за самого щедрого хозяина, какого им только удавалось найти» (Ксенофонт). Сам Ксенофонт принял участие в азиатском походе Кира Младшего среди 10 тысяч греческих наемников. Они прошли 1300 километров вдоль

Тигра, через горы Армении, к Черному морю, а затем вынуждены были отступать. Эту эпопею греческий историк подробно описал в «Анабасисе». Наиболее ранние сведения о греческих наемниках относятся к VII—VI векам до н.э. и имеют своим источником Египет. Понятно, что греческие государства из демократии в этих условиях скоро превратились в «солдатократию», и пока Платон витал в своих эмпиреях, в мечтах и идиллиях о пришествии царей-философов, «солдатские цари» вырастали у него под носом.

Похоже, что поэт Аристофан гораздо лучше разбирался в реалиях жизни, чем философ Платон. Популярностью пользовалась у греков комедия Аристофана «Лисистрата» (411 г. до н.э.). Напомним, что незадолго перед этим был подписан мирный договор между Спартой и Афинами (421 г. до н.э.). Событие это нашло широчайший отклик у греков, которые жили в обстановке постоянных конфликтов, войн и свар. В ней один из героев задает вопрос Лисистрате: «Из-за денег мы разве воюем сейчас?» Эта умная женщина, составившая заговор среди жен воинов с целью любыми способами добиться мира, прямо говорит ему о причинах раздоров:

> Все раздоры от денег, бесспорно!
> Чтобы было Писандру стащить
> что-нибудь, как и прочим
> властям предержащим,
> Постоянно они возбуждают вражду.
> Но пускай что хотят замышляют,
> Им теперь этих денег уже не видать,
> никогда они их не получат.

Афины не были исключением. Такое же положение сохранялось в Эпире, Спарте и других местах. В Беотии за четверть века не приняли ни одного судебного решения и общественного постановления. Все заняты расхищением имущества, новым переделом земли. И никакие уловки Лисистраты, что надеялась удержать от военных конфликтов враждующие стороны тем, что товарки наденут прозрачные хитоны, пройдут перед ними «нагие, с дельтою подбритой», и сумеют, воздействуя на страсть («пускай горят желанием мужья»), чтоб

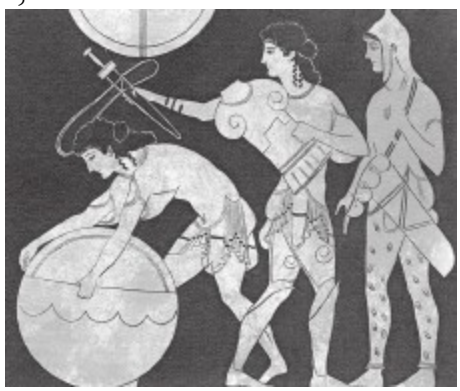
вынудить к миру («Руки прочь! Ни шагу!»), – все эти комедийные штучки хороши на сцене, но не в театре жизни.

Особенно губительным для судеб страны оказывалось воздействие партий. Эти узаконенные банды вовсе и не помышляли о национальных интересах и благе народа. Борьба между олигархами и демократами принимала в Греции жестокий и безжалостный характер. Характерен пример Керкиры, где между олигархами и народом вспыхнула свирепая гражданская война. Кровопролитие началось в 427 году до н.э. после того, как олигархи, приговоренные народом к выплате больших штафов, не смогли сдержать своей ненависти и, ворвавшись в Народное собрание, убили там 60 народных депутатов. Тогда же масла в огонь добавили «посланцы мира» (типа войск НАТО или их союзников в нынешнем Ираке). В конфликт вмешались Спарта и Афины, что были кровно заинтересованы в том, чтобы удержать за собой этот плацдарм. Владение Керкирой могло изменить сложивший баланс морских сил, чего не могли допустить два главных конкурента в борьбе за греческую гегемонию. Поэтому стали посылать войска и корабли. Гражданская война набирала обороты.

Юнона Соспита. Мрамор. Рим

У кого была сила, тот и считал себя правым. Прекрасно об этом писал Фукидид, описавший губительную и провокационную роль партий, политических гетерий. Недаром слово «гетеры» и «гетерия» одного корня, там и тут царят разврат и узаконенная проституция. Фукидид смело говорит о том, какие гнусные порядки воцарились в этих так называемых партиях (или же «гетериях»). Настоящий смысл слов произвольно искажался в гетериях: безрассудную дерзость

называли самоотверженным мужеством, благоразумную медлительность – скрытою трусостью, сдержанность – личиною малодушия. Даже близкое родство уступало дружбе с теми, кто готов был покуситься на все без размышления и всяких ссылок на совесть и порядочность. Верность укреплялась не святостью данного слова, а сообщничеством в преступлении. Присяге оставались верны лишь до появления мощной поддержки, которая давала бы возможность нарушить данное ранее слово. Тот, кто первым сознавал себя сильнее, тут же старался отомстить другому, «лишь только тот, полагаясь на заключенный договор, считал себя в безопасности и забывал об осторожности». Закон был один: у кого сила, тот и прав. А разве что-то изменилось в мире за 2,5 тысячи лет?!



Два гоплита и лучник готовятся к военному походу

Вернемся к тому, что произошло в Керкире. Во время схватки между олигархами и народом в городе начались пожары. Стороны стали вооружать рабов, чтобы те поддержали именно их. Афины и Спарта посылали корабли к берегам Керкиры, как американцы шлют ныне корабли в регионы, на которые они планируют напасть. В итоге афиняне оказались более могущественными в морском отношении, они прислали 60 кораблей – и вскоре победа оказалась на стороне демократов. Историк так описывает дальнейшие события. С прибытием сильного афинского флота и удалением пелопоннесского народная партия одержала верх. В течение семи дней их партия неистовствует над аристократами. Многие из них стали искать спасения в храме Геры, но и это неприкосновенное убежище не смогло их защитить. Одних оторвали от алтарей и убили, другие в отчаянии сами лишали себя жизни. Третьи убежали на гору Истон, где и укрепились. Оттуда они стали производить нападения на город и так опустошили его, что настал страшный голод. Афиняне прислали

войска, и те окружили окопавшихся на горе мятежников. Их взяли в плен и решили было отправить в Афины. Однако народ воспрепятствовал этому и потребовал их выдачи. Афинянам пришлось уступить народу. Всех аристократов и олигархов, взятых в плен, заключили в одно здание, а затем стали выводить партиями по 20 человек. Их проводили через ряды воинов и тут же убивали. Когда оставшимся в здании стала ясна их участь, они отказались выходить. Тогда народ взобрался на крышу и стал бросать в них камни и стрелы. Одних убили, другие поразили себя стрелами, третьи предпочли удавиться. Таков был итог кровавой разборки. Таковы были нравы!

В битвах против персов греки еще смогли договориться, но вот в противостоянии могущественному Риму они не сумели выстоять. Тому есть немало причин (включая экономические), хотя роль олигархов и предателей была катастрофической. В итоге Греция оказалась порабощена сначала Филиппом, потом Римом. Роберт фон Пёльман в труде «Очерк греческой истории и источниковедения», отмечая ахиллесову пяту греков, более всего подчеркивал губительную роль партийных склок: «Установлению порядка в Элладе, пожалуй, еще больше, чем неразрешимые местные споры, препятствовали страшные раздоры политических партий (в Элладе), особенно обострившиеся благодаря тому, что враждующие между собой партии заняли различное положение даже относительно национального вопроса. Одну сторону составляли демократы, которые в то время упорно добивались независимости эллинов от Рима (Филопемен, Ликорт, Полибий); другую – сторонники олигархии и аристократии, которые, как и повсюду, находились под покровительством римлян и стояли за безусловное подчинение Риму, из страха перед социально-революционными тенденциями времени, из любви к покою и власти и из ненависти к демосу». Картина напоминает то, что происходило и происходит в России.

Триумф Смерти. Фреска из Пизы

Все воевали со всеми, вступали друг с другом во временные союзы только для того, чтобы напасть или оборониться от кого-то третьего. Вчерашний союзник уже завтра мог стать противником и даже смертельным врагом. Самое главное: все эти бесконечные битвы приводили лишь к одному – ослабляли Грецию, и в частности каждую ее часть. Ксенофонт в «Греческой истории» сказал, завершая труд: «Эти события привели таким образом к последствиям прямо противоположным тем, которые ожидались всеми людьми. Здесь собралась вместе почти вся Греция и выступила с оружием в руках друг против друга; все ожидали, что если произойдет сражение, то те, которые победят, получат в свои руки власть над Грецией, а побежденные подчинятся им. Однако по воле божества случилось так, что обе стороны, как победители, поставили трофей и ни те, ни другие не в силах были воспрепятствовать противникам сделать это; обе стороны, как победители, выдали противникам трупы, заключив для этого перемирие, и обе же стороны, как побежденные, согласились на это. Далее, обе стороны утверждали, что они победили, и тем не менее ни одна из сторон не приобрела после этой битвы ни нового города, ни лишней территории или власти по сравнению с тем, что она имела до

этого боя. Это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство в дела Греции, чем было прежде». Речь в данном случае идет лишь об одном сражении, при Левктре (371 г. до н.э.), где фиванец Эпаминонд столкнулся с воинами могущественной Спарты. Но думается, что мы вправе расширить рамки исторических выводов Ксенофонта и на всю картину древнегреческой истории.

П. Брейгель. Война сундуков и копилок. 1568 г.

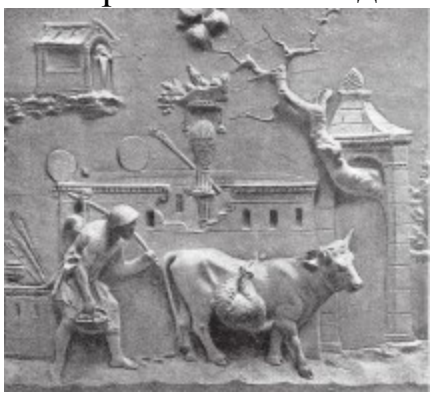
Можно и нужно восхищаться жизненной энергией греков, великими, гениальными творениями ее скульпторов и поэтов, философов и историков, инженеров и врачей. Но не сделайте роковой ошибки, приняв их достижения как некий политический эталон, как тот образ государства, к которому следует стремиться… Если хотите оставаться на почве реальности, а не поддаваться искушению мифов (во всех иных отношениях прекрасных), постарайтесь понять одно. Греческая республика – это демократия империалистического толка. Она внешне привлекательна и гуманна, но на поверку безжалостна и преступна. Мы с вами убедились в ходе повествования в том, что демократические государства Древней Греции (полисы) не могли жить без войны. Война для них столь же естественна, как она естественна для Америки. И там и тут всем заправляют деньги. Люди превратились в диких животных (в хитоне или фраке – не играет особой роли). Платон по возвращении из путешествий (с некоторым даже удивлением) вынужден был заметить, что сократовские мечты о некоем справедливом мире – блеф. Мир представляется ему большим пастбищем, на котором толпятся орды животных, называемых людьми. Они готовы перегрызть горло друг другу, затоптать любого за жирный кусок. «Постоянно, уткнувшись в землю, как животные, или склонившись над столом, они обжираются пищей или же, споря по

поводу того, кому больше достанется этих наслаждений, они набрасываются друг на друга, лягаются, сталкиваются лбами и убивают друг друга рогами и копытами, дабы удовлетворить свое ненасытное вожделение». Мы друг другу восторженно говорим: «Ах, Сократ, ах, Платон, о Солон, о Геродот!» Но ведь уже при жизни Платона страшный экономический кризис потряс Афины. В начале IV века до н.э. «славные Афины» превратились в обитель нищих, в «город уныния», в центр обездоленных.

П. Ф. Мола. Разбойник-пират. XVII в.

Всюду царят запустение и разруха. Денег в казне нет. Снабжение затруднено, «на полках магазинов» хоть шаром покати. Демосфен описывает жителей Пирея, что толпятся на Большом рынке «для получения пайка в полсетье ячменной муки». Народ выходит из себя и ненавидит политиков. Значительная часть его голодает. Чиновники живут только за счет взяток. Транспорт перехватывают пираты. Афины почти в блокаде, окруженные со всех сторон теми, кто их ненавидит и является их конкурентом в торговле. Как только рухнула гегемония Афин, ее данники тотчас отшатнулись от нее и норовят побольнее укусить вчерашнего «Большого Брата». Конечно, мы вправе сказать: Афины получили то, что заслужили, развязав империалистическую войну. Но справедливости ради надо бы заметить, что все без исключения рвали друг друга на части (Афины, Спарта, Фивы, Коринф, Персия, Филипп и Александр Македонский, Рим и т.д.). Нельзя воевать против всего мира? Но именно это и демонстрируют

все участники описываемых событий. А в итоге Афины и Спарта не выдержали чудовищного напряжения – и надломились.



Крестьянин с быком

Поэтому и к Спарте, которой мы посвятили немало похвальных и лестных слов, которая могла бы восприниматься как образец для подражания (в то время и с оговорками), нельзя не высказать тех же упреков. Да, она не делала культа из богатств и была чужда алчности, старалась сохранить единство греков, вела более трезвую политику в отношении соседних полисов, не стремилась к постоянным захватам, предпочтя господству над всей Грецией, «мудрую воздержанность граждан и верность их отеческим обычаям» (Плутарх). Но свое могущество, немалую военную силу полис использовал не во благо грекам. Плутарховская позиция в отношении Спарты опровергается мнениями других историков, и не без оснований. В конечном счете и спартанцы стали (а правильнее сказать, были) точно такими же империалистами.

Павсаний в «Описании Эллады» говорит о претензиях мессенцев к спартанцам. Описанный им случай никак не вписывается в начертанный образ «благородного спартанца». Некий житель Мессении, Полихар (кстати, олимпийский чемпион), имел стадо коров, которое он отдал спартанцу Эвефну, чтобы тот мог пасти его на своей земле с правом использовать для себя часть прибыли от стада. Однако Эвефн был человеком, который «неправедную корысть ставил выше совести и чести и при всем том был ловкий пройдоха». Он продал купцам стадо Полихара, а тому заявил, что разбойники угнали его стадо вместе с пастухами. Один из пастухов разоблачил ложь. Но негодяй Эвефн, не имея возможности отрицать все эти обвинения, стал просить мессенца прислать сына, чтобы отдать ему деньги за коров. Когда сын Полихара прибыл в Лаконику, Эвефн совершил безбожное

дело – не желая расставаться с деньгами, убил сына. Алчность и подлость – в порядке вещей. В России таких случаев – масса!

Выставление умерших

Похоронная процессия

Попытки несчастного отца найти справедливость у царей и эфоров Спарты ни к чему не привели. Те не отдали преступника, защищая отъявленного мерзавца. История, став известной, вызвала справедливый гнев мессенцев, а обезумевший отец стал убивать всех спартанцев, попадавшихся ему в руки. Тут лакедемоняне объявили войну Мессении. Историк Павсаний доносит нам мнение мессенцев о лакедемонянах: «Они утверждают, что лакедемоняне начали войну не из-за этого, но замыслили зло против их страны из-за жадности, как они поступали и в других случаях: они ставили им на вид их поступки с аркадянами, их отношение к аргивянам; их страсть к захватам была ненасытна, и то и дело они отбирали земли у тех и других. Они упрекали лакедемонян и за то, что они первые из эллинов заключили дружбу с варваром Крезом, который посылал им подарки, даже после того, когда он поработил живших в Азии эллинов и даже тех дорян, которые поселились на Карийском материке. Они также указывают, что когда главари фокейцев разграбили святилище в Дельфах, то и спартанские цари, каждый персонально, и многие влиятельные лица в Спарте, вся коллегия эфоров в полном составе, равно как и герусия, приняли участие в разделе сокровищ бога. В особенности же, в доказательство того, что лакедемоняне ни перед чем не останавливались ради выгоды, они упрекают их за позорный союз с Аполлодором, тираном Кассандрии». Результатом этих разногласий явилась кровавая война. Спарта начала ее даже без объявления,

коварно напав на один из городов Мессении – Амфею. Войдя в открытые ворота города (никто из мессенцев их не охранял), спартанцы поубивали тех, кто не успел бежать из города, кого спящими в постелях, а кого в храмах, у алтарей богов. Так что, как видим, «достославная» Спарта – отнюдь не идеал устройства.

Мы уже не говорим о ненависти спартанцев к илотам. Лакедемоняне коварно и подло завлекли в западню 2000 илотов (под предлогом дарования им свободы). В самой Спарте тиран Набис, истребляя противников, решил изгнать всех богатых граждан. Так и сделал, роздав их имущество своим верным наемникам. Понятно, что Греция при такой ситуации просто не могла рассчитывать, что свободу удержит своими силами. Она вынуждена была обратиться к варягам. Призвали на помощь властителя части Азии, Деметрия Полиоркета (род. в 336 г. до н.э.), ставшего протектором Коринфского союза. В 294 году до н.э. он уже был царем Македонии. Избавив Афины от другого завоевателя, Кассандра, тот обосновался в Акрополе, в храме Парфеон. Царь даже изволил шутить, говоря, что Афина – это его старшая сестра, позволяющая делать все, что ему захочется. Храм богини-девственницы стал напоминать развеселый притон, где дни и ночи напролет толпились флейтисты, льстецы, гетеры, откуда по вечерам были слышны пьяные крики, музыка и песни. Здесь решалась судьба Греции – и боги равнодушно взирали на сей позор.

Ранее говорили о том уважении, с которым древние греки относились к богам. Говорилось о том, что порой они уделяют внимание делам земным и небесным. Разумеется, их любили и почитали, как любим мы старые привычные вещи, как любят дети свои игрушки, прежде чем, вдоволь наигравшись, сломать их и бросить. Солон приобрел известность в Элладе речью, в которой он требовал охранять дельфийский храм и не позволять жителям Кирры издеваться над оракулом. Но в глубине души, будучи трезвыми и разумными людьми, греки не очень-то верили им. Софокл в одной из своих трагедий («Филоктет») устами героя прямо заявляет:

Я так и знал: не погибает злое, —
Нет, боги покровительствуют злу.
Им любо плута тертого, лукавца
Нам из Аида возвращать! А честных,

Достойнейших знай гонят
в царство тьмы!
Что тут сказать? Как восхвалять
богов?
Я их хвалю, но вижу: дурны боги!

Поэтому, когда, к примеру этоляне, захватили общегреческие святилища Дий, Додону, они, не колеблясь, безжалостно разграбили и сожгли храм, где столько веков благоговейно молились перед алтарями их предки. Вождя грабительского похода не только не осудили и не признали нечестивцем, но даже превозносили как доблестного мужа и славного героя. Или же приведу другой пример. Властитель Сиракуз Дионисий отправляет на кораблях изваяния из золота и слоновой кости в Олимпию и Дельфы. Сей священный груз предназначен богам и храмам. Однако афинский флот под командованием стратегов Тимофея и Ификрата по-пиратски настигает в море сиракузские корабли и овладевает ими. Не зная, как поступить с захваченной добычей, Ификрат все же направляет запрос в Афинское народное собрание. Какой совет дает ему собрание граждан? Казалось бы, греки должны свято почитать богов соотечественников. Афиняне приказывают ему не умствовать и не заниматься религиозными рассуждениями. Пусть лучше подумает над тем, как накормить воинов. Вняв мудрому совету, Ификрат продает с публичных торгов драгоценности, принадлежащие богам, пуская в ход золотые изделия в общем-то для благородной цели – обеспечения воинов, сражающихся за Афины. Конечно же, Дионисий при этом возмущается и даже горько упрекает афинян за то, что они «кощунственно оскорбили величайших богов – Аполлона Дельфийского и Зевса Олимпийского». А разве не так же будут упрекать и революционеров в России, пустивших драгоценности и золото церквей на развитие и индустриализацию. Они понесли в дальнейшем наказание. Гнев богов привел к краху безбожной власти. Те хотя бы отдавали народу награбленное, нынешние революционеры все взяли себе.

Развалины храма в Дельфах

Впрочем, ведь и греков можно понять… Чем заняты их драгоценные боги в те времена, когда не дерутся? Любовными похождениями. Создается впечатление, что этим бездельникам просто нечего делать, кроме как увиваться за дамами… При этом они меняют свой облик, чтобы предстать перед женщиной в каком-то новом обличье, готовы ради этого перевоплотиться в зверя или птицу (протеизм и териоморфизм). Зевс, которого его будущая жена, Гера, вначале отвергала, сумел соблазнить ее только с помощью обмана, когда он принял облик пестрой кукушки. Гера пожалела одинокую и прижала к груди. Ну а далее, когда Зевс принял свое мужское обличье, трудно было сопротивляться. В мифе о Леде Зевс принимает облик лебедя. Немезиду, которая прячется от него рыбкой в воде, он настигает в облике бобра. Ей не помогли ее превращения и в конце концов ее, гусыню, настигает Зевс-лебедь. В облике лебедя Зевс и вступает в интимную связь с Ледой. Конечно, наиболее известен миф о Европе. Влюбившись в дочь финикийского царя Агенора Европу, Зевс принял облик белоснежного быка с жемчужными рожками. Европа, восхищенная красотой и внешней кротостью белого быка, стала с ним играть. Во время шаловливых забав она забралась на спину этому красивому быку.

Голова возничего из Дельф

Парис, соблазняющий богиню

Зевс этим воспользовался и умчал Европу с глаз прочь от родителей. А там уж сделал все, что ему было надобно: овладел ею на острове Крит, под вечно зеленым платаном. В ином случае тот же Зевс, принимая облик быка, льва или змеи, пробирается на грудь прекрасной Семелы, овладевая ею путем обмана или насилия:

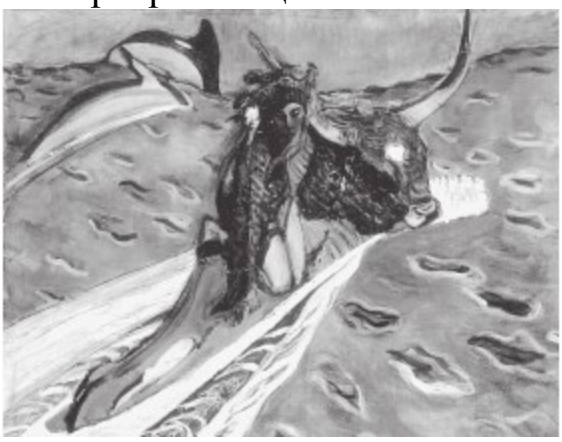
Он на упругие груди, сжав их
кольцами плоти,
Брачною песнью звеня и мед
изливая пчелиный
Сладостнотерпкий на грудь,

а вовсе не яд смертоносный.
Долго Зевс наслаждался,
и будто бы рядом с давильней
Вопль «Эвоэ!» испускал,
столь милый зачатому сыну!
Бог, обезумев от страсти, устами
сливался с устами
Милой Семелы и нектар в лоно
Семелы безумной
Изливал, чтобы сыном, царем лозы,
разрешилась…

Но разве мы, простые люди, чтобы овладеть той или иной красивой женщиной, не принимаем разные животные обличья? Мы ведем себя ничуть не лучше, чем ведут себя эти «бессмертные люди» (по выражению Гераклита). Выгибаем шею, словно лебедь или коршун, желая заполучить иную красивую и глупую гусыню. Зная, что дамы больше любят ушами, раз за разом словно кукушка на току, повторяем ей слова любви, которые женщина готова слушать бесконечное число раз. Понимая, что они обожают драгоценности, мы хотим соблазнить их какими-либо «жемчужными рожками». Это не исключает того, что вас (даже если вы осыпете красавицу драгоценностями) могут также наградить рожками… Выступали же и вы в роли Париса, если была такая возможность? А разве иные политики (и страны) не пытаются сесть на шею Европе, и даже отдаться ей в порыве «страсти», получив частицу любви в твердой валюте?!

П. Рубенс. Суд Париса. 1639 г.

Таким образом, древняя профессия уже в те времена стала обычным явлением… Примером тому стало широкое распространение в Афинах, Абидосе, Коринфе, на Кипре и в других местах храмовой проституции. Многие давали в качестве подарка в эти храмы девушек для сексуальных оргий (коринфянин Ксенофонт, победитель Олимпийских игр, в качестве подарка направил в подобный храм сто девушек). Афиняне посвятили собственный храм Афродиты известным гетерам Ламии и Леэне. В храме Афродиты Порне в Коринфе несли службу более 1000 храмовых рабынь-гетер. Таким образом, храм и город богатели за счет того, что девушки привлекали многочисленных клиентов. Правда, и тогда моралисты и моралистки, особенно последние, обрушивались с резкими нападками на жриц любви. Да и было за что. Согласитесь, иным женщинам обидно: одни работают весь день так, что порой уже не остается сил на все остальное, а другие получают удовольствие, да еще неплохо зарабатывают этаким занятием. Одна из подобных девушек, в ответ на упрек некой ткачихи, что та не любит работать или прясть шерсть, заявила: «Да, вот такая я, а все же за это короткое время я успела сокрушить уже три ткацких станка». Деятельность этих «половых луддиток» вела не только к нравственному упадку полисов, но в известном смысле и к переориентации античной экономики.



В. Серов. Похищение Европы

Геродот писал: «Молодые девушки у лидийцев все занимаются развратом, зарабатывая себе приданое. Делают же они это, пока не выйдут замуж, причем сами же себе выбирают мужа». Справедливости ради скажем, не только Запад, но и Восток не считали подобные нравы чем-то зазорным. Скажем, в Армении культ Анаитиды (богини, схожей

с Афродитой) был широко распространен. Ей посвящались рабы и рабыни, и даже знатнейшие люди среди армян посвящали богине своих дочерей еще девушками. У последних же, как отмечал Страбон, в обычае было выходить замуж только после того, как в течение долгого времени они отдавались за деньги в храме этой богини. И никто из мужчин не считал для себя недостойным или чем-то позорным вступить в брак с такой вот женщиной. Это же говорит Геродот о мидийских женщинах. Похоже, они явно не без удовольствия предаются разврату, одаривая любовников не только ласками, но и подарками, т.е. дамы дают мужчинам даже больше, чем берут, ибо происходят из богатых семей (а семьи снабжают их для этого необходимыми средствами). Обычно эти культурные и состоятельные дамы предпочитают все же иметь дело с мужчинами их круга.

Рогатый обитатель земель Аттики

Не чуждались гетер и самые высокие умы… К примеру, когда Сократ услышал о том, что в Афинах есть прелестная женщина по имени Феодота, что готова отдаться всякому, кто ищет ее любви, а красота ее выше всякого описания, он чрезвычайно заинтересовался

сей дамой. Говорили еще, что ее приходят писать многие живописцы. Сократ упросил того, кто был знаком с женщиной, провести его к ней. Придя в дом к гетере, они застали ее позировавшей художнику, с коим она сожительствовала. Сократ завел с ней разговор о том, каким способом лучше привлекать друзей. Правда, девушка и сама знала такой способ (и более надежный, чем у Сократа). Но философ заметил, что одной красотой внимания не добиться, в этом деле нужны еще доброжелательность и скромность. Так вот великий мудрец и учитель молодежи нанес визит к даме легкого поведения (как мы бы сейчас сказали). О дальнейшем ходе их беседы Ксенофонт, поместивший эту сцену в «Воспоминания о Сократе», умалчивает. Однако общий дух эпохи был таков, что не позволяет сомневаться в раскрепощенности нравов. Интеллектуалы нуждались в услугах красивых, страстных и сексуальных женщин. Пример тому Аристотель. Афиней пишет: «У Аристотеля был сын Никомах от гетеры Герпеллиды, и он любил ее до самой смерти, поскольку, как говорит Гермипп, он находил у нее полное удовлетворение своих нужд, и разве красивый Платон не любил Арханассу, гетеру из Клофона, как он сам признавался в эпиграмме, ей посвященной?» Перикл буквально потерял голову под влиянием чар чувственной Аспасии. Тот же Афиней отмечал как данность: «Перикл вообще был склонен к чувственным наслаждениям».

Бюст Коры

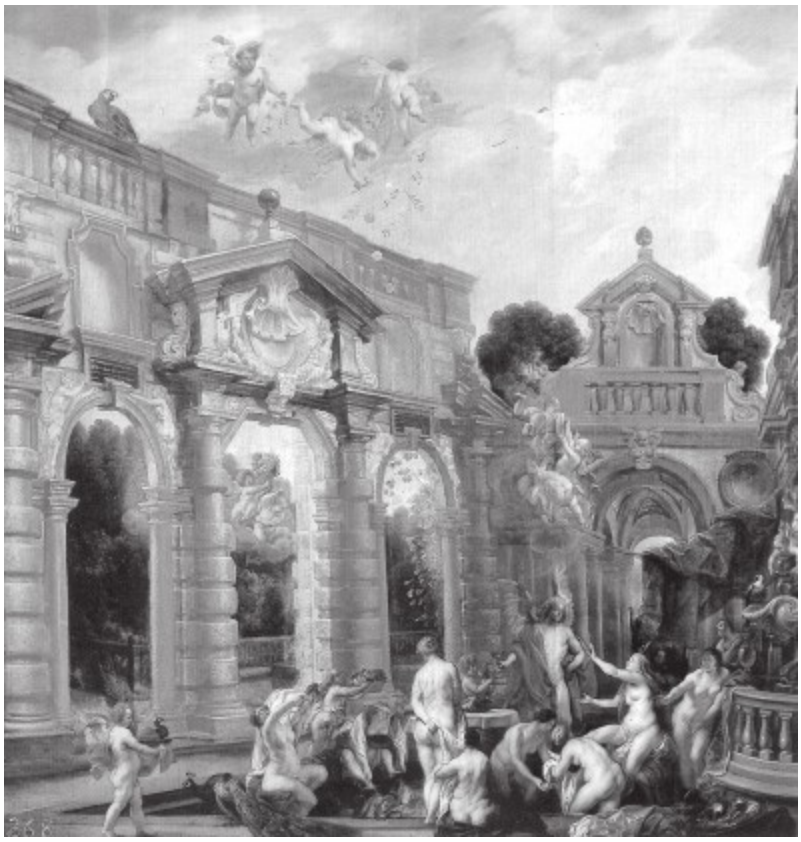
При этом он состоял в интимных отношениях даже с женой своего сына, о чем свидетельствует его современник Стесимброт. Антисфен добавлял, что Перикл входил и выходил из дому Аспасии дважды в день. Когда Аспасию обвинили в отсутствиии благочестия, он умолял судей проявить к ней снисходительность и проливал потоки

слез, как будто бы на кону была его собственная жизнь. Когда отправили в изгнание Кимона (за связь с собственной сестрой Елпиникой), он помог тому вернуться, но в награду за услуги попросил разрешения взять у него любовницу. Глядя на такие увлечения политика, невольно задаешься вопросом: «А где же, в каких глубинах находился источник его мудрости?» В те времена незаконные сексуальные связи политиков не приводили к их отставкам или к грандиозным скандалам, о которых ныне взахлеб судачат средства информации. Хотя, конечно, мы не достигли еще высот свободы демократической Греции. Так, в труде Идоменея «О демагогах, скандальная хроника» рассказывается, что Фемистокл, еще в те времена, когда напивались крайне редко, проехал при свете дня через заполненную народом рыночную площадь Афин на повозке, запряженной вместо лошадей четырьмя самыми известными в городе гетерами. Был ли на этих «кобылках Афродиты» какой-то наряд или нет, доподлинно неизвестно. Говорят, что гетеры находились с ним в коляске, а не везли оную. Любовь его к гетерам вполне понятна, ибо и сам Фемистокл был сыном фракийской гетеры.

Интересное предложение

Богов и певцов не смущал противоестественный характер страсти мужины к мужчине. Вспомните судьбу прекрасного Ганимеда. Увлекшись им, Зевс принял облик орла и доставил Ганимеда на Олимп. Тот же путь выбрал Орфей, сын музы Каллиопы. Потеряв жену Евридику, он возненавидел женщин и стал предпочитать юношей. Оскорбленные дамы за это разорвали его на части. Надо отметить, что издавна существовала религиозная и светская гомосексуальная

проституция, а храм Афродиты, блудниц в Афинах, храм богини Ма в Зеле и Комане были местами пребывания как женских, так и мужских гетер. Наиболее распространены были гомосексуализм и гомосексуальная проституция в доколумбовой Америке. Гомосексуалистов даже считали избранными людьми, педерасты чувствовали себя вольготно не только в Египте или Ханаане, в Передней Азии и Японии (где жрецы не должны были иметь половых сношений с дамами, но только с мужчинами), но и в странах-лидерах эллинистического мира (Греция, Рим). Стоит ли удивляться, что в современном мире мы видим, как иные политики, деятели искусств, литературы, шоу-бизнеса и даже «высоконравственные» мужи церкви больше внимания уделяют юношам, хотя они далеко не Зевсы. Некоторые утверждают, что проституция важна, удовлетворяя глубинные, биологические инстинкты, в частности дионисьевские потребности, что живут и в новом «культурном человеке» Европы. «Только так можно объяснить удивительную привлекательность, которую она и теперь представляет даже для образованных мужчин с высоким умственным и эстетическим развитием. Как бы это странно ни звучало, но именно художественный момент (в широком смысле слова), заключающийся в проституции, возможность временно перешагнуть через социальные и индивидуальные границы, поставленные половому инстинкту, и составляют основу ее привлекательности», – уверяет И. Блох. Все эти художества, на наш взгляд, не что иное, как внутренняя гнилость естества самой «цивилизации».



Якоб Йорданс. Нимфы у фонтана любви. 1630 г.

Мифология греков и римлян полна сцен любовного насилия. Взгляните, как вели себя Зевс, Аполлон и Посейдон… Узнав, что богиня плодородия Деметра, устав от ее дочери, превратилась в кобылицу, Посейдон тут же принял облик жеребца, настиг прятавшуюся в табуне Деметру-кобылицу и силой овладел ею. Ценитель дамских прелестей красавец Парис назвал Афродиту самой красивой богиней и отдал ей подкинутое богиней раздора Эридой золотое яблоко. Как признание его заслуг Афродита отправила его в Спарту, где мирно жили в любви и согласии муж Менелай и жена-красавица Елена. Парис вошел в дом Атридов как друг, но закон преступивши, жену у хозяина выкрал. А так как преступление не должно остаться безнаказанным, сразу началась Троянская война. В отношениях между мужчиной и женщиной греки неоднократно являли миру образец неверности и коварства. На одну верную Пенелопу, супругу Одиссея, что прождала его 20 лет, сохраняя мужу верность, несмотря на приставания к ней толп женихов (иные авторы выражают сомнения), приходятся сотни ветреных мужчин. И можно разделить возмущение юной пленницы Кассандры, которую привез домой

вернувшийся после покорения Трои Агамемнон. Она бродит по дому Клитемнестры, бормоча бессвязные фразы, в которых предсказание страшной трагедии, что вскоре и обрушится на дом Атридов.

Б. Торвальдсен. Купидон и Ганимед. Копенгаген

Ганимед с орлом. Ватикан

В устах Эсхила эти ее угрозы звучат так: «Лев без сердца замышляет репрессии… Хозяин дома, опустошитель Илиона, он даже не подозревает о том, что скрывается под улыбкой гнусной суки, о коварном вероломстве на свою беду… Самка осмеливается убить самца… Какой ужасный крик она издала, дерзкий, словно крик победы на полях сражений… А меня вместо алтаря Приама ждет обеденный стол. Там я упаду под ударами окровавленного кинжала. По крайней мере я не умру не отомщенной, боги позаботятся об этом. Однажды сюда придет другой, чтобы покарать преступление, сын – убийца своей матери, мститель за своего отца… Дом пахнет смертью. Ах! Какой запах крови!» Хотя ведь и Клитемнестру можно понять по-человечески. Столько лет жить без мужа. Фаллоимитаторы – бабуоны,

олбисы, обереги, о чем рассказывает Геронд в «Двух подругах», тут не помогут. Мужчины решали извечный вопрос проще, т. е., как говорили греки, попросту обслуживали себя рукой, как Ганимед.

Любовная весточка. Бронзовые обереги

Статуя сатира. II в. н.э. Греция

По мере того как деньги захватывали власть в обществе, человек получил свободу от моральных и общественных ограничений. Стремительно клонилась к упадку и мораль. В Греции даже вошло в моду сожительство холостяков с куртизанками. Свободные союзы (ныне это называют гражданским браком) потеснили законный брак. «Разве не предпочтительнее иметь не жену, а наложницу? – вопрошал персонаж одной из комедий. – На стороне первой – закон, который

принуждает тебя жить с ней, сколь бы отвратительна она ни была, а наложница знает, что должна удержать мужчину хорошим поведением, в противном же случае ей придется подыскивать себе другого». Известно же, что Пракситель, а после него Гиперид жили с Фриной, Аристипп – с Лаидой, Стильпон – с Никаретой, Лисий – с Метанирой, строгий Исократ – с Лагискион. «Молодые люди проводят все свое время среди флейтисток и куртизанок; те, что чуть постарше, предаются азартным играм и распутству, а целый народ тратит на публичные застолья и развлечения больше, нежели на то, что необходимо для благополучия государства», – пишет Феопомп. Если тут и есть некоторые преувеличения, то не очень значительные. Все чаще молодые люди и семейные пары вообще стали ограничивать деторождение, прибегая к услугам контрацепции или абортов. Как отмечал Аристотель, некоторые женщины взяли за привычку предохраняться от зачатия, «натирая ту часть лона, куда падает семя, кедровым маслом, свинцовой мазью или ладаном, смешанным с оливковым маслом». Семьи рушились. Нередки стали и случаи детоубийства. Старинные и почтенные семейства вымирали, сохраняясь, по словам Исократа, только в склепах. Так, число граждан, обладавших всеми правами и составлявших главную силу государства, сократилось в Аттике с 43 000 в 431 году до н.э. до 22 000 в 400 году до н.э. и 21 000 – в 313 году до н.э. Правда, зато численность низших классов постепенно росла. За этим последовало и сокращение призыва граждан на военную службу. Понятно, жизнь в покое, удовольствии, уюте и тепле куда предпочтительнее. Одним словом, все или почти все происходило точно по той же схеме, как и в нынешней России…

О. Бердслей. Аполлон, преследующий Дафну. 1896 г.

«Мастер Пана». Артемида с лебедем. Лекиф

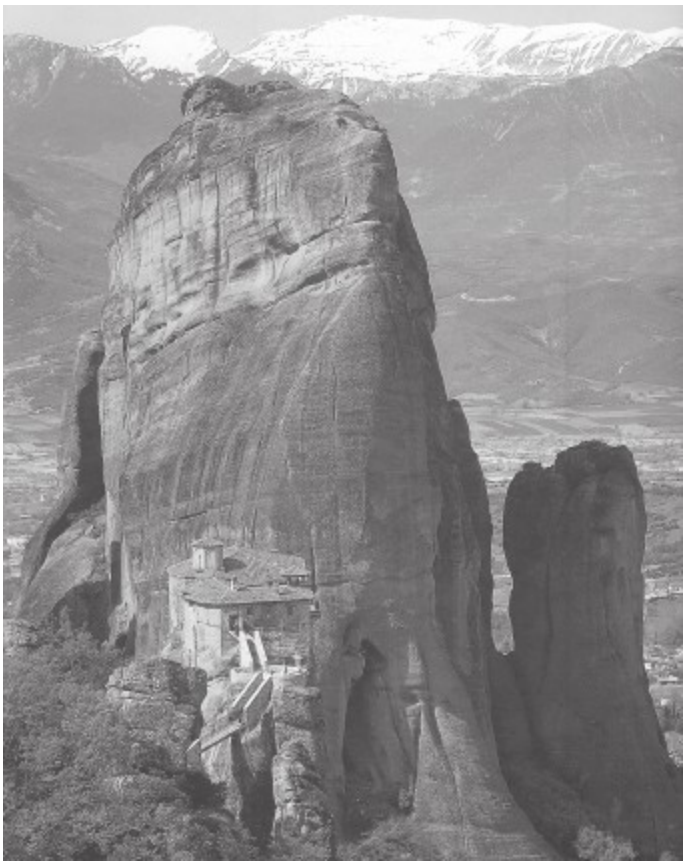
Нередко женщины были причиной раздора. Их было мало, и за ними шла охота. За дам дрались с соседями греки и римляне. Вспомните попытку толпы женихов заполучить замужнюю Пенелопу, похищение Елены Парисом, спор Агамемнона и Ахиллеса за обладание прекрасной рабыней, бога Диониса, отнявшего у Тесея его невесту, Ариадну, и десятки, нет, сотни других случаев, итогом которых были конфликты и ссоры из-за женщин. В Спарте младшие братья не имели часто никакой возможности завести свою семью и жену, поскольку законы в области землевладения устанавливали неотчуждаемость, неделимость участков земли. В итоге, отмечал Полибий, нередки были случаи, когда три-четыре брата вынуждены были делить ложе с одной общей женой. Поэтому Ликург и советовал оставлять не более одного наследника. Надо ли говорить, что такой порядок не способствовал увеличению народонаселения Спарты. Кроме постоянных войн, негативную роль в балансе общественных отношений сыграла специфика законодательства. Женщина в Спарте стала сосредотачивать в руках все больше прав. Частые случаи женского наследования, а также установившийся обычай давать за даму приданое привел к тому, что в скором времени в руках женщин сосредоточилось $^{2}/_{5}$ всех земель Спарты. Итогом этого стала гинэкократия, или женовластие. Имея деньги и землю, те стали главными лицами в государстве. А какая разница, говорил Аристотель,

управляют ли женщины правителями страны, или они управляют государством.

Если не быть сторонником мужского шовинизма, следует признать разумным и необходимым участие женщин в управлении страной. Хотя должно было пройти не менее 2,5 тысячи лет, прежде чем порядки эти стали естественным, закономерным правилом для цивилизованных стран. Участие женщин в парламентах не вызывает ныне ту бурю эмоций, что вызвали некогда «Женщины в народном собрании» Аристофана. И свобода сексуальных контактов стала общепризнанной. Сложнее дело с признанием законными наследниками детей, прижитых в «браке левой руки» (правильнее его было назвать «браком левой ноги»). Института гетер в Спарте не существовало, поэтому женщина вынуждена была выполнять, как и у нас с вами, одновременно роль жены, матери и любовницы. Мужчина же не только оказался отстранен от воспитания детей, но и от хозяйства. Оставалась функция воина и детопроизводителя. Итогом этих порядков становилось официальное распутство, а семя мужчины, как, впрочем, и женщин, становилось как бы «своего рода общинной собственностью». Оно блуждало, где хотело, и оставалось, где хотело. Но мог ли быть действительно прочным такой строй?! Теперь вы понимаете, почему и дни свободной Греции были сочтены? Когда мужчины перестают быть мужчинами, а ключевые умственно-управленческие функции де-факто сосредотачиваются в руках сильных, властных, умных женщин, вырождение такой цивилизации неизбежно.

Ж. Лагрене. Федра, обвиняющая Ипполита перед Тесеем

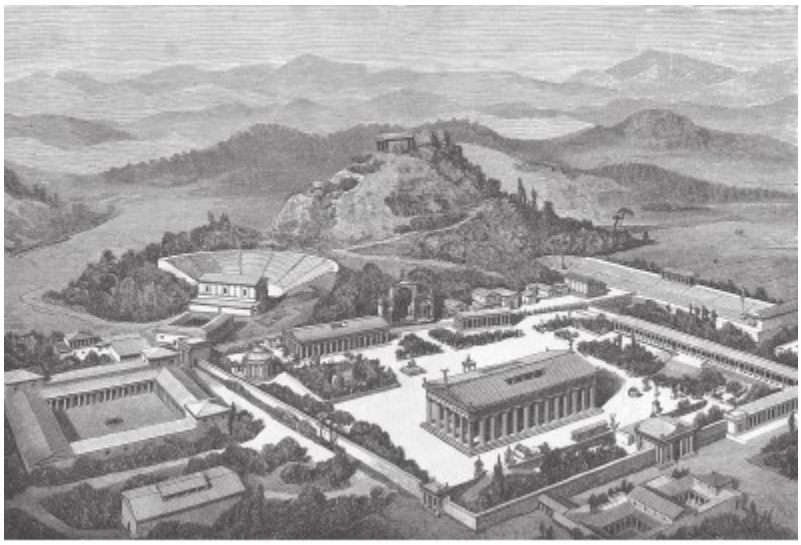
Может, греки на первое место ставили интересы государства, а не корысть? Увы, за исключением небольшого числа граждан, так или иначе равнодушных к деньгам, все не упускали случая нажиться – и не только на труде рабов, что казалось тогда естественным, но и на страданиях своих сограждан и на бедах отечества. Подобно ферскому правителю Ясону, иные испытывали чувство, что сродни голоду, если не могли править как тираны. Это понятно, ибо можно запускать руку в общую казну. Алкивиад, узнав, что Перикл готовит отчет народу, цинично заметил: «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов?» Правители России последних 12—15 лет успешно воплотили сей замысел Алкивиада. А как повел себя прославленный оратор греков Демосфен, когда сатрап Сирии и Вавилона Гарпалл, завладев сокровищницей Александра, свыше 700 талантов, явился в Афины. По предложению Демосфена сатрапа заключили в тюрьму, а деньги поместили на хранение в Акрополь. Когда спустя некоторое время Гарпалл бежал, выяснилось, что в хранилище недостает крупной суммы. После скандала и расследования стало ясно, что Демосфен и его друзья получали крупные взятки от Гарпалла (а ведь Демосфен был официальным лицом – членом комиссии по надзору за общественными деньгами). В найденной книжке счетов сатрапа имя Демосфена отсутствовало. После тайного шестимесячного разбирательства и обсуждения ареопаг обвинил Демосфена во взятке в 20 талантов. Народ был ошеломлен, так как патриотизм оратора был широко известен. Дело до конца так и не довели. Ясно, что дыма без огня не бывает. Во-первых, сам Демосфен признался, что взял из этих денег 20 талантов. Во-вторых, против него тогда высказались народный суд, глубоко почитавший его, а также друг и товарищ Гиперид. В-третьих, выяснилось, что он долго скрывал от Народного собрания Гарпаллову декларацию относительно количества привезенных в Афины денег. Это объясняет то, почему даже Сократ заявлял: «Я не знаю, что такое справедливость». Вероятно, уже в его время Афины стали не столько оплотом демократии, сколько бастионом античной коррупции. Те, кто не мог этого видеть без возмущения и переносить, уходили из жизни. Таких были единицы.



Монастырь Св. Николая Анапафса на Метеоре

Разложение афинского общества вело к исчезновению прежнего образа жизни. Старый строй давал людям, несмотря на патриархальное правление и наличие рабства, некие привилегии (безопасность, стабильность и т.д.). И все почувствовали себя неуютно, когда этот стабильный мир стал разрушаться. Однако ведь сами же греки и разрушили свои социальные устои. Ведь не кто иной, как Аристотель счел возможным заявить, что похищение людей у варваров, их массовое обращение в рабство допустимо (якобы это в интересах самих варваров, которые не способны к самоуправлению). Еврипид высказал убеждение греков в «Ифигении в Авлиде»: «Пусть чужеземец всегда служит греку; мы свободны, они – рабы». При торжестве такой вот массовой философии стоит ли удивляться, что вскоре и сама Греция стала напоминать прибежище рабов. Нет, не зря Аристофан клеймил воинственный дух Афин в «Ахарнянах», не зря обливал презрением афинскую элиту и народных депутатов во «Всадниках», не зря наносил болезненные уколы утвердившимся в обществе взглядам в «Осах», осуждая страсть греков к спорам,

склокам, сварам, грабежам, воровству и обману. Он же показал в «Облаках», к каким страшным последствиям может привести новое «демократическое» воспитание и образование. Воспитанный демагогами в «духе свобод» юнец стал доказывать отцу, что теперь в условиях «демократии» он имеет полное право даже побить отца, научив его уму-разуму, так как тот отстал от «рынка» и вообще от жизни… Отец, не будучи в состоянии аргументированно и убедительно оспорить разглагольствования своего сопляка, всю эту никчемную софистику, покорно того слушает. И лишь когда сын начинает его убеждать в том, что теперь он может в грошь не ставить даже родную мать, чаша терпения отца переполняется… Но вместо того, чтобы вздуть сына, он отправляется поджигать дом его учителя, что вбил в голову эти позорные мысли. Однако и палка бессильна там, где нужна плаха… И даже Фукидид вынужден был признать, что симпатии всего образованного мира «отвернулись от Афин». Отныне свободные Афины предстали в его глазах своего рода Содомом и Гоморрой.



Праздничная площадь в Олимпии

Можно сказать, что афиняне, да и греки в целом, потеряли не только этос (то есть «образ жизни», формы поведения, нравственное сознание, религиозную традицию, способ мысли), но и весь этнос (народ Эллады). Все классы Греции вдруг почти в одночасье увлеклись торговлей, добычей денег. Заниматься литературой, наукой, искусством им стало просто некогда. Как пишет Плутарх, даже известные ученые Фалес и математик Гиппократ занимались

торговлей, а Платону продажа масла в Египте доставила деньги на его заграничное путешествие. Зенон возил пурпур в Аттику. Распродав его, он решил заняться изучением философии. Порой и ученые вынуждены были заниматься торговлей, ибо философия и наука не прокормят.

Афина, Ясон, дракон и золотое руно

Ф. Жерар. Купидон и Психея

Близился закат и великих Олимпийских игр… Точка поставлена при императоре Феодосии. В летописях последним чемпионом значился армянин Варастад, ромей. Его именем заключат длинный список победителей. Затем и великое греческое искусство приказало долго жить. Афина не смогла сберечь некогда золотое руно. Вот и греки не смогли сберечь даже своих богов. Статую Юпитера Олимпийского перевезли в Константинополь, где та и погибла во время пожара. Увезли и статую Минервы, которая, по убеждениям язычников, спасла их город от воинов Алариха. Произведения

великого Фидия покинули Грецию. Разрушен будет и грандиозный олимпийский храм. Греки перестали состязаться в красоте тела и духа, но стали состязаться в искусстве торгового обмана. Славным и знаменитым считался не тот, кто силен, умен, красив, а кто был ближе к власти и деньгам. В интеллектуальной сфере свободе мысли и дискуссий был нанесен самый страшный удар с тех пор, как император Феодосий II лично стал вмешиваться в действие системы образования и контролировать общественное мнение. Цезарь назначал угодных ему профессоров, выделял их и поддерживал, при этом, под угрозой изгнания, воспретив частным преподавателям публичные лекции. Тем самым лишил их свободы исследования. Учителя философии, пользовавшиеся довольно большой свободой в Греции, с той поры словно оказались «заключены в оковы в Афинах». Право на преподавание получат те, кого одобряла и поддерживала императорская власть. Соревнование в науках практически исчезло, вместе с ним исчез и гений, внушающий подозрение рутинерам. Лишившись свободы мысли, люди скоро и вовсе перестали мыслить.

Возможно, анализ судьбы античной Греции можно завершить стихотворением Паллада, который жил в Александрии в конце IV – начале V в. н.э. Этот эллин стал свидетелем заката античной цивилизации. Он говорил, обращаясь к грекам:

Мне кажется, давно мы, греки,
умерли,
Давно живем, как призраки
несчастные,
И сон свой принимаем
за действительность,
А может быть, мы живы, только
жизнь мертва?
О, худшее из зол – зло зависти,
вражда
К любимцам божества, счастливым
меж людьми!
Безумцы, ею так ослеплены мы все,
Так в рабство глупости спешим
отдать себя!

Мы, эллины, лежим во прах
повержены
И возложив свои надежды мертвые
На мертвецов. Так все извращено
теперь.

Конечно, безумно жалко, что до нас дошло далеко не все из того, что свершили на земле богоподобные греки… «И храм Артемиды, и Галикарнасский мавзолей, и Родосский колосс простояли бы гораздо дольше, если бы строители наряду с гибким основанием обеспечили пространственную жесткость конструкций… Незнание великим Фидием природы материалов также явилось причиной того, что жизнь его знаменитой статуи Зевса оказалась столь краткой. Конечно, это было божественно красиво, но, если бы скульптор знал о большой разнице коэффициентов температурного расширения золота и слоновой кости, он бы попытался сделать соединения между ними менее жесткими». Много чего не знали греки. Но, как видите, и мы удержались от того жалкого размалевывания греков в идеал, которое «классически образованный» юноша уносит с собою в жизнь» (Ницше). Каким же нам видится это идеальное государство – демократией, как в Афинах, или военной демократией уравнительного типа вроде той же Спарты?

Афина Паллада. Ватикан

Отвечая на сей вопрос, следует четко понимать, что афинская демократия, если бы ее можно было внедрить у нас, не имела бы ничего общего с тем режимом, что ложно именуется «демократией», но который, по сути, был и остался олигархией. Хотя и греческая демократия – актерская маска, часто скрывающая лицо убийцы, бандита и рабовладельца. Возможно, наиболее яркое тому подтверждение Хиос, первый греческий город, где в течение всего периода античности существовал крупнейший рынок рабов (вот суть демократии), тут впервые стали использовать их и как рыночный товар. Однако на Хиосе в 600 году до н.э. действовала и одна из первых демократических конституций! Демократия в облике Горгоны Медузы!

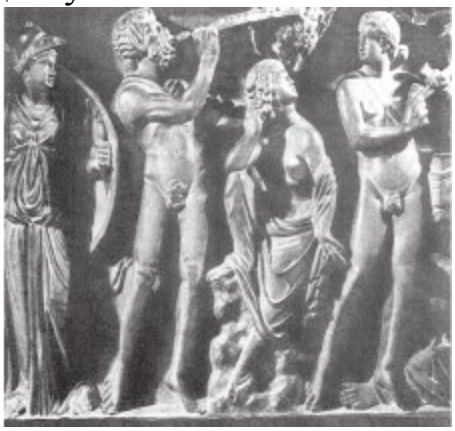
Фидий. Гибель Ниобидов

Платон писал, правда, что идеала достичь трудно, хотя и возможно. Но это может случиться тогда, «когда властителями в государстве станут подлинные философы». Будет ли их несколько или хотя бы один, возглавивший всю страну, «нынешними почестями они пренебрегут, считая их низменными и ничего не стоящими, и будут высоко ценить порядочность и ту честь, что с нею связана, но самым великим и необходимым будут считать справедливость; служа ей и умножая ее, устроят они свое государство». Только при таких условиях «государство расцветет, а народ, у которого оно возникнет, для себя извлечет великую пользу». Мечта философа не только не исполнилась, но Греция все дальше и дальше удалялась от этого идеала. Глядя на происходящее вокруг, она каменела и застывала, как несчастная Ниоба, превратившись со временем в один огромнейший музей под ясным небом Эллады.

Голова Ниобы

И все же интерес к Древней Греции, к ее великой культуре не утихал и в дальнейшем. После И. Винкельмана (1830 г.) в среде немецких ученых сформировалось особое направление в изучении древнегреческого искусства, известное как филологическая археология. Главные его представители: Генрих фон Брунн (1822—1894), К. Фридерикс и Адольф Фуртвенглер (1853—1907). Они видели свою задачу в собирании, исправлении, классификации, критическом анализе литературных источников по истории греческого изобразительного искусства. Другие его представители сличали полученные данные с римскими копиями с произведений греческого искусства, в основном скульптурными. В ходе работ устанавливали авторов, давалась датировка, история возникновения произведений,

выносились вкусовые, эстетические оценки. Итогом трудов этой группы ученых стало появление двух фундаментальных исследований Г. фон Брунна – «История греческих художников» (1859) и «История греческого искусства» (1893—1897). В них дана была широкая историческая панорама становления, развития древнегреческого искусства. Работу ученого продолжил И. Овербек, создавший обширный свод материалов – «Античные письменные источники по истории греческого искусства» (1868). Несмотря на его неполноту (нет источников по истории архитектуры, а также тех трудов, что дошли в переводах и пересказах), «Античные письменные источники» сохраняют свое значение и по сей день. Примером такой идентификации памятника греческого искусства стала статуя Апоксиомена работы Лисиппа (мраморная копия, найденная в 1849 г. в районе Рима Трастевере и хранящаяся в Ватикане, была уникальной в своем роде, что, конечно же, затрудняло работу ученых). Вслед за Апоксиоменом последовало опознание (по копии, находившейся в Неаполитанском музее) статуи Дорифора скульптора Поликлета. Так, тщательно изучив труды Плиния Старшего, Г. Брунн в «Истории греческих художников» указал на связь между статуей «Умирающего галла» (прежде ее называли «Умирающий гладиатор») и группой Лудовизи, определив последнего как изображение галльской четы. Направление получило яркого выразителя в лице А. Фуртвенглера, выпустившего «Шедевры греческой пластики» (1893). Пользуясь достижениями фотографической техники, он осуществил в труде множество идентификаций и реконструкций оригиналов греческого искусства, сделав его доступным.



Состязание бога Аполлона и сатира Марсия

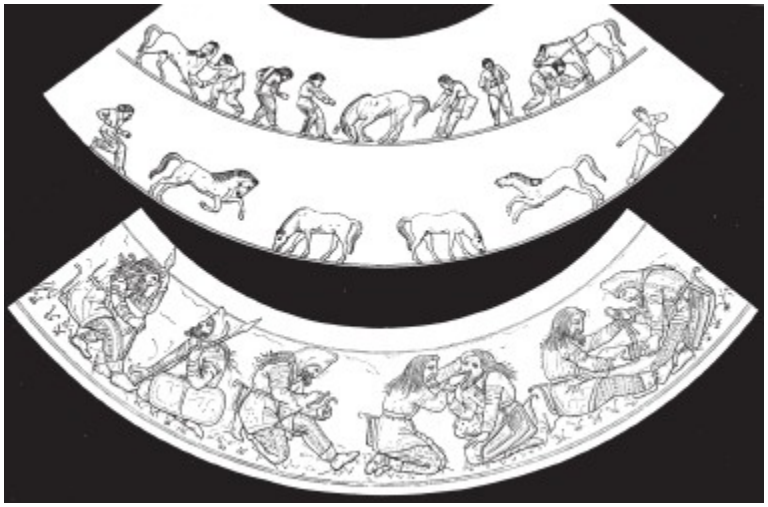
С каждым годом новые открытия совершаются в различных частях Пелопоннеса. Плеяда исследователей нового поколения, состязаясь друг с другом, нашла массу интереснейших деталей (Кристос Цунтас, Ален Дж. Вейс, Георгий Милонас, Карл Бледжен, Пападимитриу, Курунистис, Спиридон Маринатос и др.). В частности, греко-американская группа обнаружит дворец легендарного Нестора, его потомков, а также архивы или, точнее, бухгалтерию царского дома Пилоса. Поль Фор пишет: «Невероятное сокровище, несравнимо более драгоценное, чем все килограммы микенского золота, ибо оно позволило увеличить почти на 500 лет письменный период истории эллинской цивилизации! Плюс к тому мы увидели двадцатый дворец микенской эпохи в Греции и на островах… Какая громадная разница между этими терпеливыми «воскресителями» уснувшего мира, с почтением относящимися к любому черепку или обгорелому кусочку дерева, самым обычным следам на камне или глине, и Артуром Эвансом, знаменитым «раскопщиком» Кносса, не заметившим или не пожелавшим заметить, что последние слои и архивы его так называемого «дворца Миноса» принадлежат исключительно микенскому периоду!» И новые открытия продолжают сыпаться, как из рога изобилия: с 1984 по 1992 год экспедиция М. Кофманна открыла порт ахейцев возле Бешиктепе и внушительный город Илион у подножия Гиссарлыка. Причем за последние полвека толпы археологов из европейских стран и США прибывают в огромных количествах и работают так интенсивно, что каждая группа публикует ежемесячный отчет по 3—4 тысячи печатных страниц. Однако и эти находки часто отступают перед неожиданными удачами строителей, предпринимателей, крестьян, искателей сокровищ. Древняя земля Эллады стала одной большой Троей. Если в гомеровской «Илиаде» (II песнь) упоминается лишь 164 поселения, по большей части микенских, то к 1969 году только в континентальной Греции число поселений составило 413, а ведь еще обнаружено более 150 на Крите, Кипре, Сицилии и пр.

Музей под открытым небом

Так что Греция была и остается для всего мира, особенно европейцев, извечным храмом, алтарем культуры, куда мы и по сей день идем с глубочайшей благодарностью и любовью. Вскоре не только Европа, но и полуазиатская Россия уже заговорит языком и голосом греков.

Греческое наследие: скифы и Россия

Знаково то, что древнегреческие ученые были убеждены: скифы – самый древний народ в мире. Так, римский историк Трог Помпей, делая записи в I веке до н.э., подтвердил, что таковыми их считали все народы ойкумены, разве что кроме египтян (те долгое время оспаривали это утверждение). Хотя и считается, что скифы не создали своего государства ранее VIII века до н.э., но уже сам факт «соперничества» с одной из древнейших мировых цивилизаций говорит о многом. Может, греки и русские – близнецы-братья?



Сцены из скифского быта

Татищев в «Истории» писал: «Ниже из Диодора Сикилийского (Сицилийского) и других древних довольно видимо, что словяне первее жили в Сирии и Финикии… где по соседству еврейское, египетское или халдейское письмо свободно иметь могли. Перешед оттуду, обитали при Черном мори в Колхиде и Пофлагонии, а оттуда с именем генети, галли имешини, по сказанию Гомера, в Европу

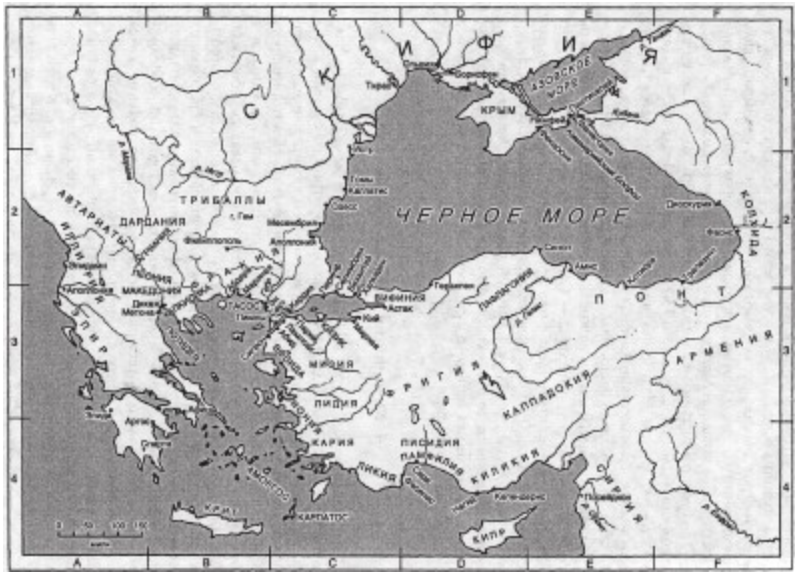
перешли и берег моря Средиземного до Италии овладели, Венецию построили и пр.». Этой же или схожей точки зрения придерживаются видные историки нашего времени. А. Г. Кузьмин, один из «последних могикан», писал: «По некоторым древним авторам, пафлагонские венеты были родственны «морским народам», обитавшим некогда в Палестине и вообще по восточному побережью Средиземного моря. Действительно, эти территории подвергались колонизации пришедших с моря племен, а топонимика района сохраняет следы пребывания индоевропейцев. По некоторым данным, к последним относились и ханаанцы – население Палестины, предшествовавшее еврейскому завоеванию. В позднейшей иудаистской традиции на Руси ханаанцами называли славян-руссов. Переселение части ханаанцев из Палестины в Малую Азию после завоевания ее еврейскими племенами вполне вероятно. Но для связи венетов со славянами оснований, естественно, нет». Однако что же касается Северного Причерноморья, то «оно неизменно во всей мировой литературе выступает в качестве «главного претендента» на роль индоевропейской прародины». Среди ветвей индоевропейцев многие – хетты, киммерийцы, скифы.

Скифы в свое время были важнейшей политической и военной силой. Порой приходится слышать досужие речи якобы о «младенчестве» скифов, их «рабской душе», «дикости» и т.д. Однако это не так. Известно, что скифы, как и славяне и русы, имеют очень давнюю историю. Задолго до возникновения греческих колоний в Северном Причерноморье, скифы вступали в торговые отношения со странами бассейна Эгейского моря (А. Иессен). Процесс черноморской колонизации греками занял сотни лет. Причем основная масса тех, кто устремился из Эллады в эти края, были земледельцы (малоимущий трудовой люд, вовсе не купечество). Тут селились эмигранты-переселенцы, оказавшиеся по тем или иным причинам без земли, дома и средств к существованию на родине, в Греции. В Причерноморье задолго до них обосновались киммерийцы, скифы, савроматы, сарматы, тавры, готы и другие. М.И. Ростовцев (1870—1952) отмечал, что скифы – ираноязычные племена, пришедшие из глубин Азии. Б.Н. Граков (1899—1971), исследовавший крупнейшее из скифских городищ степи (Каменное городище – столицу Скифии), пришел к выводу, что скифы не могли быть непосредственными предками славян. Тем не менее многое в их судьбе еще остается неясным. Т.

Райс в книге «Скифы» с сожалением отмечает, что хотя «их история занимает всего лишь несколько строк в наших наиболее полных справочниках» (на Западе), они и теперь, в XXI веке, все еще продолжают оставаться в памяти народов «удивительно живыми для нас, став источником некоторых из наших любимых легенд». Согласно этим легендам страна Одиссея, Страна восходящего солнца, и даже загробный мир находился в Скифии, на восточном побережье Черного моря, на полуострове Таманском. Ведь где-то в этих краях Ясон и аргонавты искали золотое руно, протекали самые яркие приключения Одиссея. Тут Ифигения служила Диане, легендарный царь Магог, преисполненный ярости, видимо, отсюда двинулся сокрушать твердыни иудеев.

Э. Квеллиний. Ясон и золотое руно

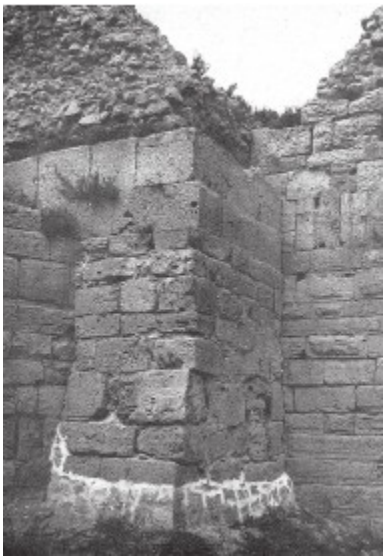
Известно, что еще в 657 году до н.э. милетцы основали первое поселение в Истрии, а Мильтиад Старший в 547 году до н.э. создал большую греческую колонию в Херсонесе, на северном берегу Геллеспонта. Близость греческих и русских культур, вер и экономик не вызывает сомнений. В начале VI века до н.э. греки основали на юге бывшей России ряд городов: полис Милет основал на берегу Буго-Днепровского лимана город Ольвию, на восточном берегу Крыма – Феодосию и Пантикапей (ныне Керчь), ставший к концу V века до н.э. центром крупного государства, Боспорского царства, город Теос создал колонию на Таманском полуострове – Фанагорию, затем был основан Херсонес Таврический (близ Севастополя)… Страбон писал о «скифском Херсонесе» и отмечал богатство этих областей хлебом.



Карта «Черное море и Восточное Средиземноморье»

Города Ольвия и Херсонес, будучи экономически теснее связаны с греческими полисами, и развивались в полисном духе. В VI—II веках до н.э. в причерноморские города ввозились в больших количествах вазы из греческих центров – из Коринфа, Родоса, Хиоса, керамика из эллинистических центров, а также чернофигурные и краснофигурные вазы из Аттики. Сюда же шли терракотовые статуэтки, бронзовые изделия, мраморные скульптуры. Вначале художественные изделия были привозными, но затем на юге появились местные ювелиры, резчики, керамисты, живописцы. Учитывая отсутствие мрамора и добротного камня для скульптур, а местный известняк не отвечает требованиям высокого зодчества, состоятельные жители Ольвии и Херсонеса предпочитали ввозить скульптуру из Греции и с островов Эгейского моря. Среди наиболее ярких образцов – стела с изображением атлета и скифа (Херсонский музей), голова богини из Ольвии (Эрмитаж). Однако в III—II веках до н.э. появляется скульптура и местных мастеров – гермы Геракла и Диониса из Пантикапея, надгробные стелы с рельефами из Боспора и Херсонеса (I в. до н.э.). Видимо, украшения в эти города доставлялись и из Афин, что были крайне заинтересованы в интенсивном обмене товарами с Причерноморьем.

Р. Воскресенский. Граждане на площади Херсонеса



Крепостные стены Херсонеса

Многочисленные курганные находки эллинских богов в причерноморской Скифии, курганах, относящихся к IV веку до н.э., указывают на высокий уровень эллинизации скифского общества (а точнее, его социальной верхушки). Таковы памятники Ахиллова цикла из Скифии (обучение Ахилла стрельбе из лука и т.д.). Как бы мы не трактовали это явление, факт культурного обмена налицо. Д.С. Раевский писал в этой связи: «Напротив, среди предметов IV в. преобладают такие, которые, будучи изделиями греческих ремесленников и имея в декоре эллинские мифологические мотивы, представляют в то же время собственно скифские формы и типы (гориты, ножны акинаков, нашивные бляшки и т.п.). Очевидно, мастер, наносивший на эти предметы изображения на сюжет греческого мифа,

имел в виду именно скифского потребителя и был достаточно уверен, что изделие с таким декором найдет сбыт в скифской среде». Поток товаров меж Грецией и Причерноморьем внушителен (хлеб, вино, масло, посуда, оружие, предметы роскоши, мясо, мед, меха, рыба и т.д.).

Уличная сцена в Ольвии. IV в. до н.э. Реконструкция

Как известно, греки и римляне получали зерно не только из Египта, но и из Херсонеса. При имевшем место в прошлой истории Греции нашествии племен с севера и колонизации греками Причерноморья, что доказанный факт, вызывает интерес и концепция близости происхождения и наших народов. Греки осваивали все побережье Черного моря. Они основали Синопу (Синоп), Трапезунт, Гераклею Понтийскую (Эрегли), Истр (Истрию), Одесс (Варна), Томы (Констанца), Ольвию, Феодосию, Херсонес и другие. Это были места благодатные. Обитатели Ольвии именовали город «счастливым». Тут были тучные пастбища, плодородная земля, а в устьях скифских рек водилась самая разнообразная рыба (осетр, макрель, тунец). Главным предметом торговли было зерно. По словам античных авторов, большое количество зерна доставлялось греками с плодородных украинских и молдаванских равнин. В урочище Широкая Балка были обнаружены огромные зерновые ямы. Из этих же мест доставляли скот, мех, мед, воск, строевой лес, металлы, а еще – массу рабов. Греки же везли сюда вино и оливковое масло, да и многие другие товары. Историк А. Тойнби писал: «Однако одним оливковым маслом жив не будешь, и афиняне стали обменивать масло на скифское зерно». Транспортировали масло морем, предварительно расфасовав его в

глиняные кувшины, а это, в свою очередь, стимулировало гончарное ремесло, развивало искусство мореплавания. Скифский рынок повлиял и на серебряные рудники Аттики. Международная торговля требует денежной экономики и тем самым стимулирует разработку полезных ископаемых, в данном случае – драгоценных металлов и гончарной глины. Все это, вместе взятое – экспорт, промышленность, торговые суда и деньги, – вызвало к жизни развитие военно-морского флота. Таким образом, в те далекие времена юг будущей России стал объектом масштабной колонизации со стороны греческих поселенцев.

Уличная сцена в Ольвии. IV в. до н.э. Реконструкция

Значительный вклад в исследование античного Херсонеса внес поляк-дворянин К. Косцюшко-Валюжинич (1847—1907). Обладая исключительной энергией, он все внимание обратил на изучение собственно Херсонеса как городского центра (вел раскопки жилых кварталов, изучал стены и оборонительные сооружения, вскрыл ряд погребений некрополя). Во многом благодаря его энтузиазму и трудовому подвигу были вскрыты сотни метров городских укреплений, открыто и изучено около двух десятков храмов, базилик, 10 часовен, 200 жилых помещений, около 2500 могил. В одном из писем начальству Косцюшко-Валюжинич признавался: «Я так предан делу расследования Херсонеса и, как фанатик, так далеко зашел, что возврата нет! Для меня расстаться с Херсонесом то же самое, что расстаться с жизнью…» Его заслуга и в том, что Археологическая комиссия приняла решение о строительстве Херсонесского музея. Этого ученого даже сравнивали со Шлиманом.

Численность населения Причерноморья росла… В Ольвии с ее 6—10 тысячами были купеческие дома с закромами для припасов, общественные здания с фигурами Зевса и Аполлона Дельфиния. Разительным контрастом выглядели бедняцкие хижины. Жители Ольвии старались во всем подражать ионийской метрополии – Милету. Они даже заключили договор с Милетом – о совместном гражданстве (исополитии). Скифы тщательно соблюли последовательность милетских месяцев года, сохраняли их название, заучивали строки Гомера. Милетцы в устье Танаиса основали аналогичную колонию. С ее помощью они хотели открыть доступ к скифским внутренним землям. Страбон писал о крупном греческом эмпории на Танаисе – этом общем торговом центре европейских и азиатских кочевников. С 1898 года Ольвию стал активно исследовать Б.В. Фармаковский (1870—1928), а после 1917 года эти места были объявлены государственным заповедником. В этих местах вели раскопки Л.М. Славин, С.Д. Крыжицкий и др., выявив около 100 городищ.

Фигура амазонки

Возможно, Танаис находился в районе нынешнего Таганрога. Путь греческих поселенцев лежал в легендарную Колхиду. Земля колхов и была той сказочной страной, куда, по Гомеру, и поплыли за золотым руном аргонавты. Согласно ряду данных, некоторые города на

западе Малой Азии (Кимы, Эфес и другие) были основаны женщинами-амазонками. Геродот решил «выдать» амазонок замуж за родственное скифам племя сарматов, что обитали на земле к северу от реки Танаис.

Электровый сосуд из кургана Куль-оба

Отметим важную роль, которую когда-то играла в жизни азиатского Боспора Фанагория, самый большой древнегреческий город в России. Создан город был еще в VI веке до н.э. Тогда на Таманский полуостров, спасаясь от орд персидского царя, пришли греки из города Теоса. Они основали тут свою колонию. В эпоху его расцвета площадь города превышала 60 га. С трех сторон город был окружен некрополем, а в долине, к югу от него, находилась хора – земельные владения фанагорейцев. В искусных руках греков Фанагория превратилась к IV—III веках до н.э. в важнейший торговый и культурный центр Причерноморья, как и другие центры.

Височная подвеска с изображением головы Афины

Город стал для многих лакомым куском. Во время войны с Римом его безуспешно пытался штурмовать Митридат, за активное сопротивление которому Рим даровал ему независимость. В IV веке н.э. город полностью разрушен племенами гуннов, пришедших из Северного Китая. В дальнейшем места возродились, стали одним из административных центров Хазарского каганата, столицей Великой Болгарии. Но в X веке нашествие разрушит столицу. Земля эта бесценна: толщина культурного слоя 7 метров, тогда как в средиземноморских античных городах таковой отсутствует, ибо те стоят на скальном грунте. Давно наладившие торговлю с Крымом, генуэзские купцы переправлялись через Керченский пролив – за «курганными» сокровищами. Они и стали обращать внимание на огромное скопление древностей неподалеку от почтовой станции Сенной, рядом с которой находились развалины Фанагории. Когда в конце XVIII века русские отбили Таманский полуостров у турок и Суворов стал строить крепость «Фанагория», по словам очевидцев, много кусков мрамора, добытых на городище, погибло (пошло в печи и т.д.). Пришлось издать приказ, запрещавший несанкционированную разборку древних сооружений и торговлю ценностями. Однако это помогало мало. В XIX веке начались масштабные раскопки фанагорийского некрополя усилиями Керченского музея и

Императорского археологического общества. Раскопаны были десятки курганов.

Афины поставляли восхитительные произведения искусства: золотые подвески с изображением Афины Парфенос (из кургана Куль-Оба), фигурные аттические сосуды в виде сфинкса, Афродита в раковине (из погребения в Фанагории), редчайшие вазы афинского мастера Ксенофанта и т.д. Местные художники, мастера постигли высокое искусство, особенно в резьбе по дереву (украшения саркофагов). Некоторые заказы скифов известны. Таковы всемирно известная электровая чаша из кургана Куль-оба, золотой гребень с пластическими изображениями скифов, серебряные сосуды из кургана Солоха, серебряная ваза Чертомлыцкого кургана и многие другие работы. Все выполнены на высочайшем художественном уровне, с особой экспрессией, глубоким знанием характера скифской жизни и поведения.

Так оживают «мертвые тайны земли», становясь живой памятью. В 1820 году некий грек, житель Керчи, случайно обнаружил склеп, в котором находилось множество золотых предметов. Находки передали генерал-губернатору Новороссийского края графу Ланжерону (эти первые находки куда-то исчезли, и судьба их неизвестна). Увы, первое открытие прошло незаметно. И только через 10 лет, в 1830 году, была обнаружена древняя гробница с погребением знатного скифа и его жены (или наложницы). Возможно, это был некий скифский царь (IV в. до н.э.). «Царица» похоронена в роскошном наряде, расшитом сотнями золотых бляшек. Голову ее украшала электровая диадема с тяжелыми золотыми подвесками (с изображениями богини Афины в шлеме). Шею «царицы» украшали ожерелье и тяжелая золотая гривна (473 г. до н.э.). Рядом находились золотые браслеты и зеркало. И тут же стояло редкое сокровище – круглый электровый сосуд со сценами из военного быта, этакая скифская чаша Грааля, изобразившая их облик удивительно живо и реалистично.

Археологи обнаружили ценнейшие произведения искусства. При раскопках кургана «Большая Близница» найдены были изумительные по красоте золотые перстни, тончайшей работы серьги, многое другое (хранятся в Золотой кладовой Эрмитажа). Но о методах работы этих «исследователей» К.К. Герц писал: «Работали спешно и небрежно, начинали курган, после первой неудачи оставляли его

неисследованным вполне; часто не доходили до материка… раскопками руководила одна жажда к золотым вещам. Близ станции Сенной нам показывали курган нетронутый, в котором искатели, предполагая присутствие построенной из камня гробницы, по-видимому, нерасхищенной, чтобы скорее и дешевейшим образом найти вход в нее, начали раскопку кургана сверху. Но каменный свод не выдержал натиска рабочих сил и рухнул вовнутрь гробницы: деревянный саркофаг с позолотою, металлические вазы, золотые вещи – все было раздавлено и разбито на куски». Эта сцена показывает, что мы, русские, ничуть не меньшие варвары, чем англичане, французы, итальянцы, американцы, турки (может, даже больше), когда речь идет о поисках золота, ценнейших предметов антиквариата. Планомерные раскопки Фанагории начались в советское время (1936) и ведутся по сей день. Руководитель Фанагорийской археологической экспедиции В. Кузнецов пишет: «…Фанагория – один из наиболее ценных археологических памятников России – представляет уникальные возможности для проведения исследований. Ее территория свободна от застройки и поныне, она неприкосновенна. На сегодня вскрыто менее одного процента (всего-то! – *В. М.*) площади этого крупнейшего античного поселения. Самые интересные открытия и находки – еще впереди». Нас ждут новые находки.

Сокровища сарматов

Связи между греческими городами и Римской империей способствовали тому, что Рим обратил внимание и на древнюю Русь. Экономическая жизнь эллинской половины Римской империи во многом зависила от привоза хлеба и сырья с юга России. Поэтому Цезарь и попытался установить твердую власть на Боспоре. Во всяком случае, есть надежда, что последующие раскопки на юге России, в Крыму, где на протяжении тысячелетий сталкивалось столько племен и

народов, дадут более точный ответ на то, откуда пошла и куда в конце концов пришла Русь. Мысль о причастности русских к возведению Рима, сколь бы сказочной она ни казалась, способна лишить покоя не одну мудрую голову. Котляревский, вроде бы шутя и как бы ненароком, напоминал о концепции монаха псковского Елеазарова монастыря о Москве как Третьем Риме. Православные мыслители XV—XVI веков, стоявшие у истоков идеи, вели родословную не только от Византии (Второго Рима), но и от Первого Рима – ойкумены, узнавшей явление Христа. Они исходили из идеи единой цивилизации, имеющей метаисторические основания и ведущей линию от Первого к Третьему Риму. Первые русские цари ведут родословную не от Палеологов династии византийских императоров, а от Августа.

Надгробие из Сухуми. Серый мрамор. V в. до н.э.

В великолепных сказках И. П. Котляревского явственно ощущается скифский, русско-украинский, казацкий дух. Там он даже троянцев называет «казаками»… Их боги бьются на кулаках, как это в обычаях у наших народов и не отказывают себе в удовольствии поднять чарку не где-нибудь, – на Олимпе! В его «Энеиде» читаем такие строки: «Эней был парубок бедовый и хлопец хоть куда казак…» Историк заключает веско: «Как видим, сказка Ивана Петровича Котляревского содержит крайне актуальный для того времени

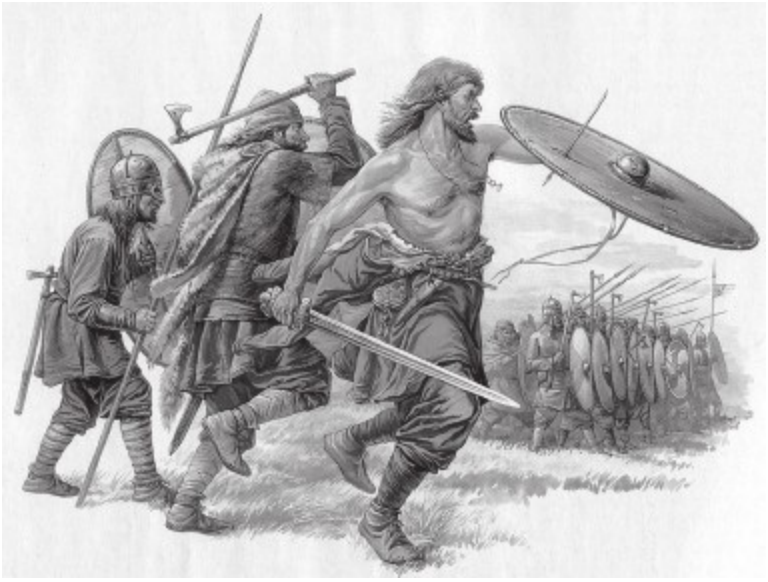
внутриполитический «сюжет». Самым сильным впечатлением от поэмы («Энеиды») является, по мысли многих, идея внешнеполитическая. Конечно, попытки найти корни в цивилизациях, воспетых древними поэтами, нам понятны. Жители древней Италии, ознакомившись с поэмами Гомера, стали называть себя потомками троянцев. Возникло «нечто вроде эпидемии: все ищут предков в Трое».

Наблюдается усиление роли русских (славян) на Балканах, на Кавказе и даже в Греции. Эти земли издавна подверглись мощному влиянию славян… Приведу слова Н. Марра о корнях их языка и народа (вне спора о «яфетической теории»). Он писал в работе «Постановка изучения языка в мировом масштабе»: «Абхазы в этом арабском памятнике VIII в. названы «русами». Казалось, это недоразумение. Вообще вся обширная литература по этому вопросу сплошное недоразумение, поскольку интерес направлен на его происхождение… Естественно потому, что в применении к русскому народу термин «рус» до сих пор не получил окончательного разъяснения своего происхождения. И пока в корне не переменится взгляд на генезиис вообще племенных названий, в числе их и национальных, никогда вопрос не будет решен. Появление этого термина в России, точнее – на Руси, связывается с призывом или приходом с севера норманнов, и rus производят от названия одного села в северных скандинавских странах. Я не говорю о полной несостоятельности кустарного производства племенных названий. Было известно, и теперь уточнено, что на черноморском юге, да и на Кавказе, да и далее в Малой Азии, да и далее в Средиземноморье были племена… с тем же названием в ряде закономерных разновидностей, в числе их пеласги и этруски… предшествовавшие возникновению греческого народа с латинской речью. И русы засвидетельствованы на черноморском побережье в таком районе древнего общественного строительства русских, как Тмутаракань». Это подтверждается многочисленными находками. В Крыму была великая Скифия, имевшая контакты с эллинами. Пусть поработают археологи – кудесники и маги, поднимающие вуаль истории. Брюсов писал:

Мы те, о ком шептали в старину
С невольной дрожью эллинские
мифы.

Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны – скифы!

Даже в мифах скифов и греков есть общие сюжеты. Сюжетный фриз электрового сосуда из Куль-оба Д. Раевский интерепретирует как «изображение скифского мифа» об испытании сыновей отцом, что передано еще в «Истории» Геродота. Как бы там ни было, когда Геродот посетил места рядом с Ольвией, греческой колонией у Борисфена (Днепра), он узрел там процветающее царство. Отметил и высокий уровень золотых изделий, которые тут распространены: «Не имеют себе равных во всем остальном греческом мире (где золота было гораздо меньше)». По версии Геродота, легенда гласила, что прародитель скифов Таргитай-Геракл якобы решил оставить власть тому из сыновей, кто будет в состоянии натянуть тетиву на отцовский лук. Двое сыновей с испытанием не справились и вынуждены были удалиться из страны. Победа осталась за третьим. Сюжет знаком нам и по «Одиссее», когда одному лишь Одиссею удается справиться с его луком.



Наши воинственные предки

Говорят, скифский царь Скилур нередко гостил в Ольвии. В этих местах найдено масса греческих предметов. Хотя по их сюжету большинство изображений связано со скифскими представлениями о

мире, но вещи, видимо, выполнялись греческими мастерами. Впрочем, обнаруженные тут бронзовые литейные цеха и ювелирные лавки свидетельствуют, что, возможно, греки заимствовали и усвоили искусство скифов в обработке металлов. Греков привлекали богатые медью, другими полезными ископаемыми районы Кубани и Кавказа. Понятно, почему в указах («Каллиевы законы», 434 г. до н.э.) говорится об их желании контролировать «хлебный путь» в Черное море. Тщательный надзор и контроль за торговлей в регионе возлагался на совет, известный под именем «стражники Геллеспонта».

Скифы на чужбине

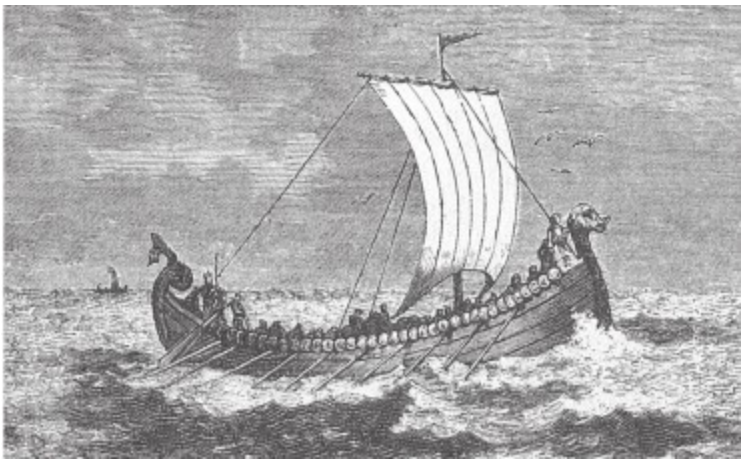
Находясь в окружении великих культурных народов, скифы, естественно, не могли не испытать на себе их влияния – персов, греков, римлян, египтян, заимствуя и перенимая у них многие черты. Т. Райс пишет: «И это влияние не происходило исключительно в одном направлении, так как самобытная культура жителей степи, в свою очередь, чувствовалась, пусть и в меньшей степени, и в культуре Востока, и в культуре Запада». Скифы образовывали организованные

общины, подчинявшиеся своим вождям с дисциплинированной готовностью. Они считали, что происходят от богов. Д.С. Раевский отмечал: «Происхождение от богов, принадлежность к сословию. Божественным указанием поставленному во главе общества, и бракосочетание с верховной богиней – вот три опоры, на которых покоится представление о скифских царях как о богоизбранных, высшею волею вознесенных над остальным обществом личностях». Но вместе с тем царские скифы были вольным, необузданным и свободолюбивым народом. Он обожествлял царскую власть, но не лично персону царя, он любил битвы и был силен в бою. За это его боялись и ненавидели. Отвага скифов-руссов была столь непривычной для Азии, да и для Европы, что это вызывало панику в гораздо более могущественных и богатых царствах прошлых веков – Ассирии, Мидии, Парфии, Греции, Иудеи, даже у Рима.

Святослав ведет дружину в Адрианополь. 970 г

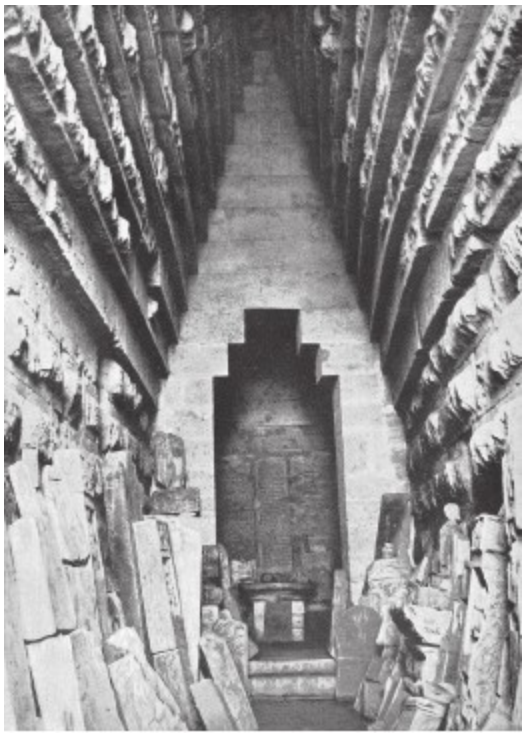
Если же говорить о русах, которые, судя по всему, выделились из среды славян востока Европы в I тыс. до н.э, то и они жили преимущественно набегами или же торговлей. Восточные авторы так характеризуют некоторые племена наших предков (Ибн Русте): «У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них

рождается сын, то он дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: «Я не оставлю тебе ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом». И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие – торговля соболями и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса. Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют. У них много городов, и живут они привольно. Гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, так же как и с теми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают и защищают последнего. Мечи у них сулеймановы. И если какое-либо их племя поднимается, то вступаются они все. И нет между ними розни, но выступают единодушно на врага, пока его не победят… Они храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Побежденных истребляют и обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют, и все свои набеги и походы совершают на кораблях». Кстати, любопытно, что Гомер троянцев называл «усмирителями коней» (и никого больше так не называл в «Илиаде»). Щедрость и широта натуры «русских» нравилась греческим купцам. Поэтому те охотно обустраивались на берегах Черного моря. Греческие мастера, поселившиеся в Боспорском царстве, передавали талантливым скифам искусство своих ремесел. «Даже на таком раннем этапе своей истории, – пишет Райс, – скифы уже проявляли чрезвычайную способность к пониманию и усвоению всего самого лучшего в современном им искусстве независимо от его происхождения и не замедлили обратиться за высококачественными изделиями к искуснейшим греческим макстерам, которые работали в понтийских городах, возникших на их южных границах в VII в. до н.э.». Мы помним о тесном родстве славян и скифов.



Боевые ладьи наших предков шли на Афины, Рим, Царьград

Скифские племена, населявшие пространство, включавшее в себя Северное Причерноморье, Кубань, Алтай, южную Сибирь, обладали общностью быта и оригинальной культурой. Скифы – название скорее собирательное, куда входили европейские скифы, арийцы, жившие рядом с ними сарматы и другие народы. Причерноморье и Кубань дали, во многом благодаря тесным связям с греческими городами-государствами, жизнь первому скифскому государству в Неаполе Скифском (около современного Симферополя). Событие это имело место во II веке до н.э. На всем пространстве своего обитания скифы оставили большое количество могильников и городищ. Как выясняется в ходе раскопок, основным видом художественной деятельности скифов было прикладное искусство. В погребальных курганах находят оружие, украшения, утварь, конскую упряжь и т.д. Обычно это изделия из бронзы, золота, серебра, кости или дерева. С ними появился не только «звериный стиль» в искусстве и политике, но и мощное скифское вооружение, а также любовь иных властителей к пышности. Погребения царей свидетельствуют о любви к роскоши и богатству. Так, скифский царь в парадном военном убранстве был буквально весь покрыт золотом – вплоть до его нагайки и точильного оселка.



Дромос Царского кургана

Скифские мастера в ранний период помещали на предметах фигурки зверей, характерные части животных, на рукоятках кинжалов головы или клювы птиц, конские уздечки украшались бляшками с головами коней, копыт, щиты украшались образами зверей (VII—IV вв. до н.э.). Найденные археологами вещи отличаются высоким мастерством и выразительностью. И хотя в науке нет царских путей, как в геометрии, но есть поистине «царские подарки истории», таящие удивительные загадки и открытия… Недавно, в начале III тысячелетия новой эры, в «Долине царей» (на севере Тувы, в районе поселка Аржан) русские и немецкие ученые нашли след древних скифских захоронений. В погребальной камере кургана (из бревен сибирской лиственницы) были найдены останки своего рода скифских Ромео и Джульетты. Богатство украшений и наряда указывает на то, что почившие, видимо, принадлежали к знатному аристократическому роду. Костюмы украшены прекрасно сохранившимися нашивными бляшками в виде искусно, можно сказать филигранно, выполненных кошачьих фигурок (их общее число – 5000). Ученым по ним впервые, возможно, удастся полностью воссоздать костюмы знатных скифов. В холме Аржан-2 в мае 2003 года обнаружены редчайшие по красоте сокровища.

Драгоценные изделия сарматов

Золотой гребень из кургана Солоха

Головные уборы скифов украшены пластинами, гребнями, фантастическими по технике и тонкости их исполнения, с изображением различных зверей. На шее погребенного «царя» нашли золотую гривну, символ власти, ее также украшают изображения в «зверином скифском стиле». Реставраторы говорят о ней как об энциклопедии искусства кочевников Центральной Азии. Обнаруженные там серьги, подвески и бусы изумительной красоты, украшавшие шею и грудь «царицы», по словам автора статьи, видимо, могли бы сформировать «комплекс неполноценности и у самых именитых современных ювелиров» (Ю. Кантор). В этой «Долине царей» Азии петербургские ученые обнаружили скифские захоронения VII—VIII веков до н.э., что может изменить в корне наши

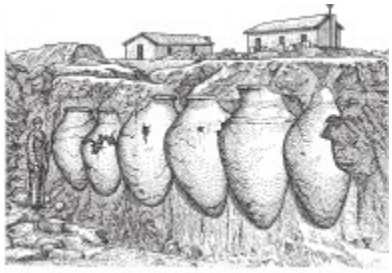
представления о черноморском происхождении скифов. Но тогда откуда они?

Неизвестный художник. Торг у древних славян

Любопытно и то, что один из самых значительных мыслителей Греции и Рима, Дион Хрисостом (Златоуст), в группе своих речей, произнесенных или написанных Дионом об Ольвии и имеющих название «Бористеника» (Ольвия, как известно, находилась в устье Днепра – Борисфена), идеализирует скифские обычаи, рисуя образ абсолютно свободного человека, выросшего в лесу и воспитанного суровой природой, добывающего средства охотой, ни от кого не зависящего. Сей человек выглядит предпочтительнее, чем «жадная и испорченная» публика Рима и Греции.

О. Федоров. Неволя. XIII в.

Это – идиллический образ наших предков, далекий от действительности. Ведь от скифов мы унаследовали некоторые не лучшие черты. За время своего господства в Азии скифы установили «гнилые порядки». Геродот отмечал: «Своей наглостью и бесчинством они привели все там в полное расстройство». Помимо того, что они собирали с каждого народа установленную дань, «скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось». Опустошительными набегами и даннические поборами скифы запугали население Передней Азии, и то воспринимало их как «кару божью». Ибн Русте отмечает, что наши предки «мало доверяют другу другу, и коварство между ними дело обыкновенное». Более того, ежели «кому из них удается приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и пытаться его убить или ограбить». Хотя Страбон вот пишет о скифах скорее уважительно и благожелательно: «Кочевники, правда, скорее воины, чем разбойники, (но) все же ведут войны из-за дани. Действительно, они передают свою землю во владение тем, кто хочет её обрабатывать, и довольствуются, если получат взамен известную условленную плату, и то умеренную, не для обогащения, но только для того, чтобы удовлетворить необходимые ежедневные потребности жизни. Однако с теми, кто им не уплачивает деньги, кочевники воюют. Поэтому-то Гомер и назвал этих людей одновременно «справедливыми» и «бедными». В самом деле, если бы им правильно выплачивали арендную плату за землю, то они никогда бы не начинали войны».



Большие керамические сосуды в земле

Время от времени надо вспоминать не только наши триумфальные победы, но и дурную наследственность (для равновесия). Так, в древних источниках отмечается, что и мы были огнепоклонниками. После сожжения покойников мы предавались веселью, попивая хмельной напиток из меда. Мы отличались и, как нынче сказали бы, половой невоздержанностью. Гардизи говорит: «И между ними распространены прелюбодеяния, и если женщина полюбит мужчину, то сближается с ним, и когда он берет себе жену, если она окажется девственницей, то делает ее женой, если же нет, то продает и говорит: «Если бы в тебе был прок, то сохранила бы себя»… Если же, став женой, предается прелюбодеянию, то (муж) убивает ее, (даже) не принимая извинений». Чрезвычайно любопытны сведения, что приводит Гиппократ относительно болезней и странностей, присущих правящей элите скифов. Он отмечал, что среди них имеется особенно много евнухов, называемых анареями, которые занимаются женскими делами, одеваются и говорят по-женски, да и ведут себя по-бабски. Местные жители их не уважают и не почитают. Впрочем, и сам Гиппократ ничего божественного в этой болезни не видел и откровенно называл ее импотенцией. По его мнению, она являлась следствием постоянной езды верхом. К этому добавилось и неудачное врачебное вмешательство при лечении. Геродот же, также наблюдавший эту картину, говорил, что причиной болезни стало то, что скифы разорили храм Афродиты Урании (Астарты) на обратном пути из Египта, за что богиня поразила их самих и их потомков во всех поколениях некой «женской болезнью» (историк не уточняет, какова эта болезнь). По Гиппократу, убедившись в своей импотенции, такой больной надевает женское платье, чем выказывает свое немужское состояние, обабивается, занимаясь вместе с женщинами свойственными им работами. Интересно и то, что подобной болезнью

страдают только богатые и знатные скифы (самые «благородные», обладающие властью и влиянием). Болезнь, судя по всему, действительно передалась с веками той властной элите, которая, не обладая другими (истинными) способностями, предпочитает уходить в политику.

Гегель однажды заметил: «В имени «Греция» каждому европейцу слышится что-то родное». Русскому человеку в имени слышится еще и что-то родственное. И хотя иные не назовут ни одной строки из Гомера (даже имя его мало что им скажет), ни одного закона Солона или Перикла, ни одной греческой поэтессы или историка, даже ни одной приличной гетеры, но вот по части праздников мы – «величайшие наследники» греческой цивилизации. Вспомним хотя бы праздник анфестерий (цветов), что праздновался три дня (примерно в конце февраля, когда в Афинах распускались первые весенние цветы). Каждый из дней имел свое наименование: первый день – открытие бочек, второй день – день кружек или жбанов, третий день – день глиняных котлов. Первые два из названий имели отношение к тем эпизодам виноделия, что и послужили поводом к установлению празднества. Первый день, когда открывали котлы с вином прошлого урожая, был особенно важен для дела. Тут начинался пир на весь мир.

«Мастер Ниобид». Кратер с изображением аргонавтов

Хозяин пробовал вино, определял его качество, достоинство и разливал в мехи для продажи. Крестьяне в этот же день привозили вино в город и пытались там найти покупателя. На следующий день, в день кружек, праздновали окончание трудов по сбору урожая винограда, выражали радость по поводу закупок вина и устраивали

веселые совместные застолья. Третий день обязан своим названием более позднему обряду, имевшему отношение к роли в мистериях бога вина Бахуса. Греки любили разного рода вакхические празднества, где выпивалось изрядное количество вина. В частности, весьма популярен был праздник пьяниц (финальное состязание шло в театре). Греки относились к этому действу серьезно и выбирали судей для определения победителей, как во время олимпиад. О каждой круговой чаше объявлялось звуками труб. Победителю доставался в награду лавровый венок и полный мех вина. Особые мастера винопития состязались, осушая чаши и стоя на скользких, намазанных маслом мехах. В празднике участвовали все, кто только хотел принять участие, но приличные люди предпочитали пить дома. Порой попойки продолжались ночи напролет.

Шествие Вакха. Вилла Боргезе в Риме

Русские долгое время поклонялись силам природы. Нам внутренне очень близок античный Бахус (Дионис), сын грома и молнии, бог, перед силой которого никто не мог устоять. Обычно в статуях его изображали удобно лежащим или восседающим на троне. В руках у него ритон (ваза для питья) или виноградная ветвь. Древние воины также воздавали дань Бахусу, как и наше воинство. Как выразился Нонн, этот бог мог просто играючи командовать целой армией. Фиванского Бахуса часто изображали верхом на пантере. Тигр, пантера и рысь всегда являлись частью его свиты. Однако наиболее частыми спутниками Бахуса являются те, кого почему-то не изображали скульпторы и художники – ярость, глупость, жажда убийства и наживы, добровольное безумие. Они так влияют на человека, что тот делается кровожаднее тигра, изворотливее пантеры, глупее осла или барана. Как заметил Крёзер: «Душа, утолив свою

жажду, захмелела, она больше не думает о своем высшем предназначении, а думает только о том, как воссоединиться с телом, и ищет путь, который приведет ее к земному жилищу. К счастью, там она находит вторую чашу – чашу мудрости, которую она там может испить, там она может избавиться от хмельного состояния, там она вспомнит о своем предназначении и обретет желание вернуться в небесный рай». Увы, любителей возлияний если не вторая, то последующие чаши ведут не к мудрости, а от нее… Хмелеет не только душа, но и ум, причем хмелеет настолько, что после таких пиров люд оказывается в особого рода «земных жилищах», где им, возможно, долго придется размышлять о своем предназначении, о пьяном преступлении и нелепой жизни, что оказывается зачастую сломана и погублена бесповоротно – и все благодаря власти Бахуса.

Вакх на пантере. Фреска

Необходимо строго придерживаться объективности в оценках (в том числе в отношении правителей и народа). То, что у нас на Руси люди не умеют пить, давно всем известно. Над любившими выпить греки посмеивались: «Вино и дедов заставляет танцевать!» В России же пьяниц зачастую даже жалеют, словно немощных или больных. Хотя трезвенник-то куда как лучше. Он пьет в меру, причем только с теми, кто ему очень приятен, кто принес с собой, говоря словами Афинея, запеленутую в свитки ученость или умную веселость, как взнос на складчинный обед. Греки считали лучшей компанию, на которой присутствует 3—4 участника, иначе и «не пир это будет, а сборище грубых солдат, что пришли перепортить припасы». В данном случае, конечно, речь не идет об «обеде с дамой», где лишние люди

вообще ни к чему, если, разумеется, вы в состоянии справиться и без их помощи. Но в любом случае ежели уж пить, то и делать это надо с умом, чтобы не превратиться в «винопийца со взором пса». Поэтому Гомер яростно и страстно обрушивался на неумеренное пьянство. Он изображает громадного Киклопа (циклопа), коего смогло погубить в пьяном виде ничтожное существо. По той же причине у него погибает и бедняга-кентавр Эвритион.

Несут дары Деметры

Спутники Одиссея превратились в свиней, испробовав некое зелье Кирки. Ломает себе шею предавшийся пьянству и распущенности Эльпенор. Антиной погибает, пораженный стрелой, так и не оторвавшись от кубка, отуманенный «медвяным вином». Гомер рисует и сцену того, как эллины выходят в море пьяными, там начинают бунтовать и погибают. Даже Эней, мудрейший на советах троянцев, из-за своей пьяной болтливости чуть не погиб. Агамемнон справедливо ставит вино на одну доску с безумием. Признавая полезным умеренное потребление вина, Гомер заявляет, что хлебать вино большими глотками – значит вредить самому себе. В столь остром вопросе важнее всего сохранять чувство меры. Платон в «Законах» говорит, что не стоит «безусловно порицать дар Диониса и говорить, будто он плох или недостоин быть принят в государство». Россия, как известно, близко к сердцу приняла дар Диониса. Поэтому одни думают, что «вино дано людям в наказание, чтобы мы впали в неистовство», другие, напротив, свято верят, что «вино дано как лекарство для того, чтобы душа приобретала совестливость, тело – здоровье и силу». Истина – лежит посередине.

Изображение пьяного Силена

Хотя что касается недостатков и пороков, присущих грекам, у кого их нет?! Иные пороки в ряде случаев могут стать жизненной силой. Лучше обратить внимание на собственные пороки, дабы изжить их. В отношении древней Греции можно принять образы и сравнения, используемые в платоновском «Пиру» Алкивиадом, когда тот говорит о философе Сократе. Внешне тот уродлив и похож на изваяния Силена. Речи его кажутся смешными, даже безумными. Но если раскрыть их внутренний смысл, обнаружится, что в них порой может быть заложена большая мудрость, благородство, великое число добродетелей, даже определенная душевная красота.

Обучение грамоте в России. Миниатюра XVII в.

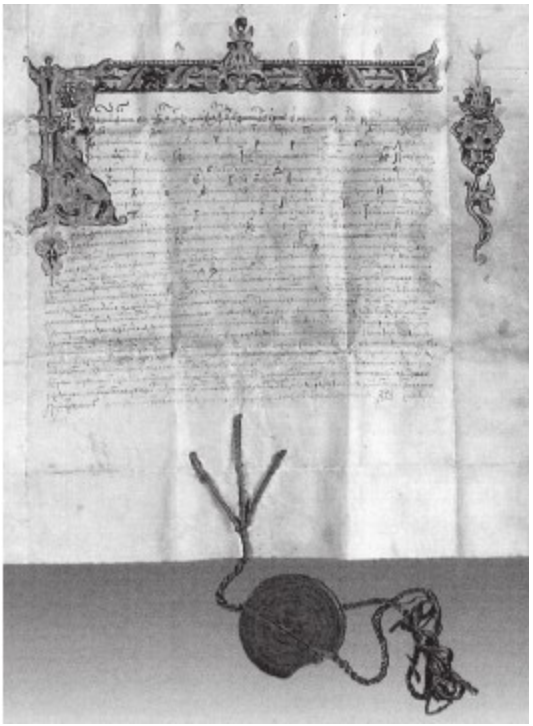
Греки передадут нам не только атрибуты государственности, но и христианскую веру. Этому тогда придавалось огромное значение. Когда после 860 года послы из страны Рос были крещены в Константинополе, патриарх Фотий с гордостью сообщал об этом в своей энциклике восточным патриархам. Там было сказано, что отныне русские находятся под духовным владычеством Византии и византийского епископа как «подданные и друзья» империи. Очень показателен и выбор терминов в послании. Фотий выбирает два (hypekooi и proxenoi), ведущих происхождение из времен классической античности: первый из них обозначал полуподданных-полусоюзников Афинского государства, а второй употреблялся применительно к тем лицам, которых иностранные государства назначали на роль «друзей» Афин (т.е. что-то вроде «почетных граждан») (Дм. Оболенский). Период тесного сближения Византии и Древней Руси будет нами рассмотрен позже. Замечу лишь, что в дальнейшей сложной и трагичной истории Греции будут страницы, когда немало греков и вообще иммигрантов-христиан из Османской империи и ее вассальных государств устремится в Россию, найдут тут пристанище, укрытие, судьбу.

СОФРОНІА
ІЕРОМОНАХА ЛИХУДА
ФІЛОСОФІЯ И СІЯ
НОВЫЯ-МОСКОВСКІЯ
ЛАТИНО УЧЕНІЕМЪ ПРО
ШРИТОРИЧЕСТІЙ СИЛЪ
И
ШРИТОРІЧЕСКІЯ БЯСТВЕННЫЯ
КНИГИ.

«Философия и риторика» Софрония Лихуда

Достаточно сказать о том, что именно ученые-теологи братья Иоанникий и Совфроний Лихуды стояли у истоков российского высшего образования. Греки по происхождению, они вели свою родословную от княжеского рода Лихудов. Семья эта занимала высокие посты в духовной и светской жизни Византии еще в XI веке.

После падения Константинополя многие из них вынуждены были бежать. Лихуды нашли пристанище на острове Корфу, учились в Венеции, затем в знаменитом университете в Падуе. Когда в 1682 году царь Федор Алексеевич задумал завести в России высшую школу, он обратился с просьбой к константинопольскому патриарху Досифею. Выбор того пал на Лихудов. В итоге они добрались до России, возглавили с 1687 года только что созданную Славяно-греко-латинскую академию. В ней на протяжении восьми лет они преподавали грамматику, пиитику, риторику, логику, математику, физику. Их перу принадлежит ряд учебников. Это была первая успешная попытка наладить светское образование в России, первый опыт по созданию учебников истинно европейского уровня. В обиход даже вошел термин «греченя». Под «греченами» подразумевались греки-христиане, арабы-христиане, славяне. Размеры миграции были таковы, что в Москве явилась особая иноземская греческая слобода, подворье в районе Воздвиженской слободы Греческого монастыря на Никольской улице. В этом плане интересна и практика «исправления веры греков». При крещении в христианскую веру «обусурманенные» получали от русского царя немалые деньги. Главное же, что они получали доступ к знаниям.



Грамота царя Федора Иоанновича

Мы многому научились у греков – не столько даже любви к вину, сколь любви к искусствам, мастерству, знаниям, навыкам торговли. А.С. Пушкин в письме к П.Я. Чаадаеву (1836) скажет: «У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений». В гимназиях России изучали греческий язык. Известный врач и египтолог А.В. Живаго высказался весьма критично о том, как и чему обучали в российских гимназиях, но сегодня все воспринимается иначе: «Греческий язык в то время считался в числе самых главных предметов нашего гимназического курса. Им, как и латинским языком, душили самым основательным образом несчастных классиков. Мало было знать грамматику (языков) со всеми ее неправильными глаголами, черт знает, на что нужными, требовалось (еще и) умение изящно по-гречески располагать слова фразы, помня разные хиазмы и другие обороты речи блестящих греческих ораторов. Совершенно необходимым считалось умение свободно переводить a` la livre ouvert (франц. – переводить с листа, без подготовки) «Анабасис» Ксенофонта и целый ряд песен (весьма трудной) гомеровской «Илиады»». И хотя далее автор говорит о том, что ученики упростили поставленные перед ними задачи и свели к минимуму потребности знания греческого, все ж высокая планка несомненна, и говорит о серьезности подготовки. Но чтобы упростить задачу читателю, мы попытались снять пласт научных терминов (modus discendi и docendi). Что до них обычному и живому человеку. Воззвав не только к уму, но и к душе, и к воображению, мы надеемся, что античная культура вызовет немалый интерес новых поколений. В.И. Иванов (1866—1949), «Вячеслав великолепный», «Сирин ученого варварства» (А. Белый), утверждал, что мы гораздо ближе к эллинству, нежели принято думать, считал, что классицизм, как тип школы и эстетическая норма, не прививается у нас; но «никогда, быть может, мы не прислушивались с такою жадностью к отголоскам эллинского миропостижения и мировосприятия». Но почему это происходит?

Петр I. Неизвестный художник XVIII в.

Античным наследием весьма интересовался и русский гений – Петр I… Беседуя с учеными людьми, он часто любопытствовал, «откуда язычницы производят начало суетного своего многобожия и есть ли о том некая языческая история». Услышав об Аполлодоре, он приказал перевести его на русский язык. И дело тут не в интересе к богословской тематике, но скорее в той заинтересованности античной мифологией и античной культурой, которая в то время пробуждалась широко в Европе. Первый перевод «Библиотеки» на русский язык был сделан «типографским справщиком» А. Барковым в Москве в 1725 г. Вела поиск греческих скульптур и Екатерина II. В 1787 году она приобрела в Англии коллекцию, где в частности находилась скульптура юноши, называемого «спутником Одиссея». В латинском каталоге о нем сказано было так: «Голова умирающего Ахилла, греческая скульптура превосходнейшего стиля, исполненная удивительной экспрессии…» Устойчивый интерес к наследию античности на русских землях возник в XVIII—XIX веках, когда отрезанная от южных морей Россия теперь получила в результате победоносных русско-турецких войн огромную территорию и морскую границу – от Дуная и до Кубани. Край получил название «Новороссия» и сохранял его до 1917 года. Кто заинтересуется проблемой археологических находок в этом регионе, да и историей края в целом, советуем обратиться к фундаментальному труду историка И.В. Тункиной «Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)». Мы же упомянем лишь ряд

эпизодических моментов. С петровских времен в коллекции Кунсткамеры Петербурга хранились некоторые памятники, вероятно, из скифских и сарматских курганов района Волги и Дона (так называемая Сибирская коллекция Петра I). Туда же поступали «восточные редкости» из частных коллекций. Большой вклад в формирование научного подхода в России при изучении памятников археологии разных эпох внесли академики Г.Ф. Юнкер, Г.Ф. Миллер, профессор Г.З. Байер, А.Л. Шлёцер, В.Н. Татищев, А.П. Мельгунов, И.С. Барков, В.Ф. Зуев и др. Миллер отметил сходство погребальных сооружений Сибири и юга России, считая, что большая часть оных вероятным образом происходит от одного народа.

Грамота Екатерины II, дарованная грекам-переселенцам Крыма

Начало раскопкам на западном берегу Днепра положил Мельгунов (1763 г.). Барков подготовил к изданию «Скифскую историю» московского стольника А.И. Лопатина, которую впоследствии и опубликовал Н.И. Новиков (1776). Зуев посетил Крым и стал описывать все городища и курганы, встреченные им по пути: «…Каких бы старинных покойников они ни покрывали, здесь по новости поселенцев никто не знает и даже никто еще и не любопытствовал, чтобы иметь какое-нибудь сведение об оных, или вырывать какие-либо достопамятности, хотя со внешнего виду они много сходствуют с находящимися в Сибири». Он пришел к выводу, что курганы эти оставлены разными народами. «Чем больше я слышу разговоров о

Крыме, – писал Зуев академику П. Палласу, – тем более я загораюсь желанием ехать туда». Екатерина II после того как совершила путешествие в Крым, охарактеризовала оный как «жемчужину в короне Российской империи». Были составлены и планы изучения регионов. В частности, говорилось: «Чрезвычайно важно как для империи, так и для науки знать действительное положение этих местностей на земном шаре и произведения Черного моря, природу Крымских гор и историю населяющих этот полуостров народностей». Кто же мог даже подумать тогда о том, что вырожденцы времен заката империи, разбазарят то, что было приобретено вековыми трудами и столькими героическими битвами нашего народа.

Таманский сфинкс

Таманский саркофаг. Мрамор. IV—III вв. до н.э.

Что касается античного влияния на нашу литературу, чтобы рассказать об этом, понадобилось бы специальное исследование, столь многочисленны и разнообразны примеры оного. Пушкин чтит

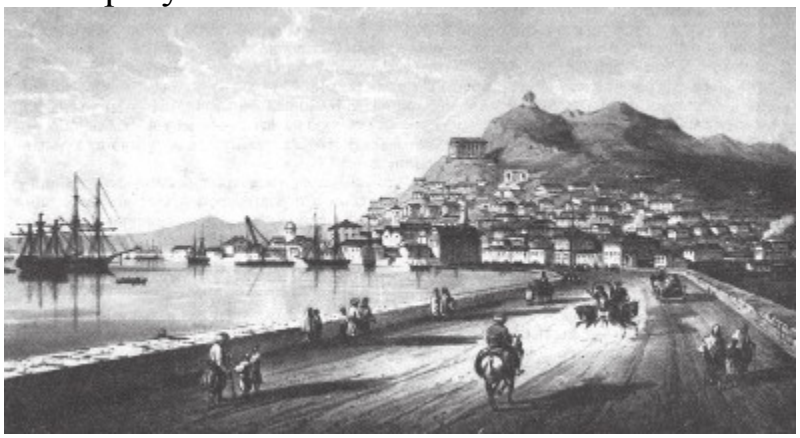
Аполлона, переводит Горация, прося судьбу одарить его даром Ювенала: «Вручи мне Ювеналов бич!» Вспоминают стихи Овидия и его «незримую гробницу». Кюхельбекер говорит, что «Гомер соединяет в себе поэзию с искусством писать – в той же степени, в которой Рафаэль – поэзию и искусство изображать». К. Рылеев призывал следовать примеру древних: «И на суждения завистников твоих, на площадную брань и приговор суровый с Гомером отвечай всегда беседой новой». Державин, говоря о богине трагиков, вспоминает Эсхила, Софокла и Еврипида. Радищев сравнивает глас Ломоносова с Пиндаровой трубой, а его ум с умом Платона. И примеров такого рода неисчислимое множество.

Выдающуюся роль в пробуждении в русском обществе все большего интереса к эпохе античности сыграл поэт, драматург и переводчик В.В. Капнист (1758—1823), происходивший из обрусевшего греческого дворянского рода. Он был убежденным сторонником того, что в русской культуре необходимо создавать аналоги явлениям античной культуры. Приверженец классицизма, он выступил с серией статей о связях культуры Греции с культурой России. В древних гиперборейцах усматривая предков русских, он считал, что те в давнее время создали независимую от греков изящную словесность, до «гипербореан» (от последних древние греки якобы и почерпнули все достижения). Довольно смелые построения поэт проиллюстрировал ссылками на античных авторов – Геродота, Павсания, Страбона, с которыми был знаком лишь по французским переводам. Капнист пытался доказать, что Одиссей странствовал не в Средиземном, а в Черном и Азовском морях. Эти захватывающие сюжеты он обсуждал со своим добрым другом и соседом И.М. Муравьевым-Апостолом. Когда же тот уехал в Москву, он сетовал в письме к сыну: «Некому будет мне Горация буквально переводить, и не с кем будет спорить о древностях».

Вспомним теорию немецкого историка первой половины XIX века Фальмерайера. Он провозгласил, что «эллинская раса в Европе была полностью истреблена», что ныне «ни единой капли подлинно чистой эллинской крови не течет в венах христианского населения современной Греции» и что «современные греки – лишь только славяне и албанцы». Такая точка зрения, конечно, является недопустимой крайностью. Теория была справедливо отвергнута

(1830). Но то, что едва ли не большая часть былой мощи Греции ушла в междоусобные войны, схватки со старыми противниками и с Османской империей, факт общеизвестный. Признав рабство как инструмент господства, греки в итоге сами стали его жертвой. За «грехи молодости» тоже, видимо, надо платить.

Примерно тогда, когда в Греции возникло новое греческое государство, в 1839 году в России возникло Одесское общество истории и древностей, его президентом стал ученый, серб по происхождению, Д. Княжевич (1788—1844). По его инициативе в Ришельевском лицее организовали новые кафедры, ввели преподавание «русских древностей». Общество ставило целью распространение историко-археологических сведений о Южной России. В его обязанности входили сбор, описание, сохранение остатков древностей на этих территориях, изучение сообщений древних авторов о Северном Причерноморье, его народах и всех его «достопримечательностях» (Новороссийский край, Бессарабия), а также отыскивание следов их в настоящем времени. Общество вменяло в обязанность проводить весь комплекс исследований и активно помогать росту знаний среди соотечественников, любителей древности. Причем на собраниях общества, согласно положению, «все суждения бывают и протоколы ведутся на русском языке». Спор о древности и месте народов не только не утих, но еще более разгорелся. Ныне от русских требуют забыть свой язык.



Панорама Керчи с видом на музей

Для подобных споров были и есть серьезные основания… Если вспомнить об учреждении на юге России в XIX веке коллекции Музея древностей в Феодосии (1811), равно как и Кабинета редкостей в

Николаеве (1803) или же Музея древности в Керчи (1826), сразу вспоминаются времена Боспорского царства и время Аспурга, что царствовал над всем Боспором и Феодосией… Ряд царей, начиная с Митридата Евпатора, развивали и укрепляли в этих краях традиции эллинизма. Рим, признав власть оных царей, заключив с ними договор о дружбе и союзе, фактически создавал и укреплял союз местных племен, греческих городов и поселений. Историки отмечали, что развитие боспорской государственности по типу эллинистических царств хотя происходило в труднейших условиях прямого давления и вмешательства Рима, в то же время способствовало росту экономики, военного потенциала и культуры всего региона. Археологические исследования в Прикубанье, Тамани, в окрестностях Анапы и Новороссийска указывают не только на наличие тут множества крепостей и укрепленных пунктов, но и говорят о смешанном характере населения. Жители этих регионов были, видимо, племенем меото-сарматского происхождения. Но гораздо важнее то, что уже тогда, т.е. в I в. до н.э., они воспринимали себя как оплот и важное военно-стратегическое звено, являющееся хранителем и защитником рубежей страны – Боспорского царства. Особую роль всегда играл Крым.

Русские, уводимые в татарский полон

Крым – это уязвимое подбрюшье России, Украины и всего славянского колосса… Стоит напомнить, что если отношения с Грецией и Византией у русских и киевлян были более или менее ровными, если не считать нечастых походов наших ратей на Царьград, то от крымских татар всегда приходилось ждать беды. Можно сказать даже, что мы жили в постоянном ожидании набега. Крым был

кровоточащей раной, откуда сочилась кровь многочисленных славянских рабов. Чуть ли не каждый год крымские татары устремлялись к Дону и Волге, нередко поддерживаемые мощным турецким войском. В 1571 году хан Девлет-Гирей пошел на Москву во главе рати из 120 000 человек. Причем татар пропустили беспрепятственно через Оку какие-то изменники, боярские дети (князь Мстиславский и другие). В итоге татары подошли к Москве и выжгли ее полностью. Город сгорел за три часа, уцелел один лишь каменный Кремль. Народу же погибло превеликое множество, ибо все окрестные жители сбежались под защиту московских стен (называли даже цифру в 800 000). Девлет-Гирей, радуясь победе, требовал от Руси возвращения Казани и Астрахани. Он писал царю Иоанну: «Жгу и пустошу все из-за Казани и Астрахани, всего света богатства применяю к праху». Этот поход так воодушевил крымского татарина, что он и в следующем, 1572 году, двинулся на Русь (А. Нечволодов). Все сказанное учит нас не забывать уроки. Дай иным господам палец, откусят не только руку, но и голову.

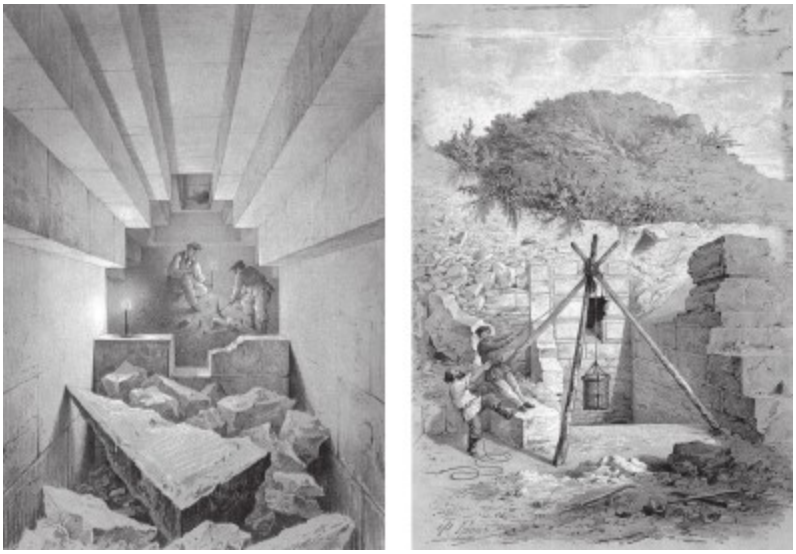
Погрузка постамента статуи Савромата II

К сожалению, довольно позднее начало изысканий древностей на территории Крыма, помимо ряда объективных трудностей, столкнулось и с другии проблемами, в том числе с нашествием

цивилизованных варваров – англичан. В неудачной войне России с англичанами и французами Керчь в 1855 году заняли неприятельские войска. Они совершенно разорили музей, «опустившись до обыкновенного мародерства». Иностранцы превратили музей в пороховой склад, а оставшиеся в нем коллекции, которые мы не успели вывезти, расхитили. После открытия Куль-обы древности Керчи были уже широко известны в Европе, поэтому все, что нашли там англичане (в том числе и в ходе раскопок 1855 г. в курганах близ Павловской батареи), было передано в Британский музей. К.Р. Бегичев так описал картину разгрома музея: «Дверь музея выломана и вместо нее вставлена другая, из простых досок, пол мраморный выломан, камины выломаны, стекла в люках выбиты, мебель и шкафы в нишах уничтожены». Расхищены многие хранившиеся в музее древние вещи. Иностранцы вывезли мраморных львов, стоявших у входа в музей, и надгробия из-под колоннады. Пол здания был выстлан на несколько вершков слоем битой античной посуды и стекла. Поразительно, англичанин Данкан Макферсон, генерал-инспектор, член Королевского географического общества и Археологического института Великобритании и Ирландии, автор работы о древних захоронениях Керчи (Antiquities of Kertch, London, 1857), тем не менее проводит через весь труд мысль о «русском вандализме» по отношению к археологическим памятникам, ни словом не упомянув о «славных подвигах» своих соотечественников на оккупированных землях.

Впрочем, с другой стороны, надо бы поблагодарить англичан, французов, немцев за то, что дали возможность любоваться творениями многих выдающихся мастеров античности (при посещении Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). В комплектовании коллекции музея в Москве приняли участие ряд деятелей искусств и известные ученые России. «С Поленовым и Васнецовым была у нас речь: как впоследствии было бы хорошо украсить залы музея декоративными фризами, изображающими главнейшие местности и руины древнего мира», – писал в 1899 году И.В. Цветаев. В начале 1890-х годов музейная экспозиция ограничивалась только древним Востоком и греко-римским периодом, но затем рамки музея и его экспозиций значительно расширились. Цветаев не раз выезжал в различные страны Европы для подробного ознакомления с музейными коллекциями, городскими архитектурными

памятниками, скульптурой соборов и монастырей. Он заказал и получил слепки с экспонатов, найденных в древней Трое, в Гиссарлыкском кургане; были выполнены копии бронзовых находок из Геркуланума и Помпей. Отливы изготавливались преимущественно в музеях, имевших оригиналы работ.



Ф.И. Гросс. Вид склепа кургана на Юз-обе

К примеру, из Британского музея поступили к нам слепки громадных рельефов из дворцов ассирийских царей, оттуда пришли слепки дивных скульптур Парфенона, которые некогда вывез в Англию из Греции лорд Эльджин. Помещенные в особом греческом зале, они должны были дать зрителям хотя бы малое представление о творчестве великого Фидия. Из Лувра поступили отливы двух крылатых быков-шеду и знаменитой Персепольской капители. Прекрасная копия богини Ники, Ники Самофракийской, имеет тот же источник – Лувр, что и статуи Афродиты и Венеры Милосской. Громадный угол Парфенона также отлит в школе Лувра. В Берлине снимали формы и делали отливы с рельефов Пергамского алтаря, а в Дрездене отлили слепок с портала Фрейбургского собора («Золотые ворота»).

Греческий дворик в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве

Греки и в последующие века расселялись по близлежащим к Крыму землям. При Екатерине II греков щедро награждали землею, чтобы заселить и освоить район, скажем, Мариуполя. В веке двадцатом мы видим изменившуюся ситуацию. Вот что говорилось в 1925 году в докладной записке С. Яли, члена ЦК нацменьшинств при ВЦИКе: «Хотя все греческое население называет себя греками, на самом деле, (их) происхождение неодинаковое …половина (народа) приблизительно происходит от настоящих греков (эллинов) и говорит на языке близком к греческому. Другая часть происходит от готов и алан, пришедших в Крым из Западной Европы во II или III веке, которые сначала находились под зависимостью крымских греков, а позднее – татар. Они утратили свою национальность и стали называться греками, хотя и приняли язык татарский. Они говорят теперь на турецко-татарском жаргоне. В данное время в Мариупольском и частью Сталинском округах имеется около 23 основных греческих сел, с новыми селениями – более 30. Всего населения можно считать около 100 тысяч в двух округах… Своей культуры (литературы, письменности вообще) мариупольские греки не имеют, обучение в школах велось и ведется на русском языке. Греки привыкли смотреть на свой язык как на язык некультурный, а язык

русский, поскольку приходится иметь дело с ними в сношениях с русскими, считается передовым. И грек, знающий хорошо русский язык, слывет среди греков «образованным» человеком. Это, понятно, относится прежде всего к зажиточной части греческого населения, которая обычно владеет русским языком более свободно, чем беднота и особенно женщины. Русский язык употребляется главным образом в общественных и государственных учреждениях, в обыденной же жизни, в быту греки говорят на своем родном языке, за исключением греческой интеллигенции и близкого к ней небольшого слоя зажиточной части греков. Греческие школы были в конце XVIII века и в начале XIX века закрыты. Перед революцией (была) одна греческая школа. Сейчас и ее нет. Греки сохранили свой быт и обычаи. Имеют свои народные песни…» Автор докладной записки отмечает, что «культурных сил» среди греков предостаточно: из школ России вышло много греков с высшим образованием – врачи, юристы, учителя.

Вклад древнего мира в мировую культуру, литературу, историю, философию, юриспруденцию, архитектуру, скульптуру, педагогику, в экономическую жизнь общества исключительно велик. Поверженные в битвах греки и римляне сумели распространить их культуру даже на стан победителей. Знание в итоге оказывалось всегда сильнее армий. Исчезнут иные греческие полисы, рухнет Римская империя, но античная культура будет сохраняться, расширять зону влияния. Знаменательны и слова философа Исократа: «Благодаря эллинской культуре имя «эллин» означает не происхождение, а духовный склад; эллинами теперь называют уже не людей, связанных кровным родством, а приобщившихся к нашему просвещению». Поэтому мы вправе сказать: все европейские народы безусловно состоят как бы в кровном родстве с античностью, донесенной до нас «народишком в тунике». Как скажет Пушкин, он «Тибуллом окрещен». Всех нас когда-то окрестила античность.

Надо все же как-то завершить эту бесконечную тему, что подобно Везувию вновь и вновь выплескивает новые факты, события и имена. Так что же такое античность? Каково ее место в истории цивилизации? Каковы преподанные уроки? Сохраняют ли они сегодня их значение? Античность – чертеж, образец, набросок к построению будущего мира самой совершенной культуры. Она – вечный источник познания и восхищения. Мы близки грекам нашими талантами, искусством,

одаренностью, но и пороками. Возможно, неким финальным аккордом к теме греческого наследия в России мог бы послужить рассказ о чрезвычайно интересных и многообразных сторонах византийского влияния на Русь. Недаром же иные говорят, что «религия и цивилизация России – византийского происхождения». И верно: великое прошлое античной Греции ожило в северной державе в блеске невиданном и уникальном. О трансплантации византийской культуры на нашу почву писано немало, но тема эта особая, и подавать ее лучше в связи с историей Руси, как гарнир к обильному столу.

Знаток античности – Ф.Ф. Зелинский

Мы стремились, чтобы эти веселые, героические, сказочные персонажи греческой истории вошли в ваш дом, как верные и хорошо знакомые друзья. Ф.Ф. Зелинский, говоря о греческой сказке, отмечал: «Древнегреческие сказки, к сожалению, не сохранились – по крайней мере, в рукописной традиции. Но, переходя в форме устных рассказов из поколения в поколение, они были вынесены на поверхность нынешней современности в виде живущих и теперь…» Вот и мы старались, чтобы вы увидели в прошлом черты настоящего, стали мудрее и даже могли строить это настоящее, обогащенные опытом прошлого. Право, история умственной культуры человечества усеяна не только «трупами умерших верований», но и полезными злаками, зернами великих надежд и свершений, которые могут прорасти и в вас.

Античность стала, таким образом, важным звеном истории, началом нового цикла цивилизации (находящейся ныне примерно в середине фазы на пути к земному «полнолунию»). Известно, что

Гераклит высказал суждение, согласно которому все течет, все изменяется в этом мире на протяжении 10 800 лет. Затем события, хотя и в несколько иных проявлениях, повторяются как бы сначала. Об этом же упоминал Фридрих Энгельс, считавший, что продолжительность существования цивилизации составляет около 10 тысяч лет. Другие авторитеты говорят уже о «вселенских сутках» длиною в 17 веков и «неделях» – около 12 тысяч лет. Как бы там ни было, но именно античности мы обязаны той точке отсчета истории человечества, которая стала если и не верным компасом для современников, то уж наверняка рабочим планом и ориентиром. Сегодня мы могли бы с полным правом повторить слова римского писателя и ученого Плиния Старшего: «Как много дел считалось невозможными, пока они не были осуществлены». Так может, и вашему поколению предстоит дать жизнь прекрасному цветку новой Русской Культуры?!

Титульный лист рукописи «Древности Боспора Киммерийского»

Если бы однажды на небесах собрался совет богов и стал решать, где и когда люди смогли проявить больший дар таланта и творчества, очевидно, они бы отдали пальму первенства гениям античной эпохи. Известный психолог и антрополог Ф. Гальтон (1822—1911), один из основателей евгеники, считал, что периодом, выдвинувшим наибольшее число творчески одаренных и наиболее выдающихся личностей в литературе и философии, было время от 500-х годов до н.э. и до начала нашей эры. Гениальная одаренность среди афинян между 530 и 430 годами до н.э. тогда была якобы в два раза выше, чем у современных ему англичан. Греки при этом немало сделали и для последующего расцвета эпохи Возрождения, ибо Италия являла собой «точную историческую параллель греческому расцвету».

Грекам были присущи некоторые роковые, непростительные ошибки, которые в конце концов и погубили их цивилизацию. И все же согласимся в данном случае с И. Гердером, который писал: «Несмотря на все ошибки, вечно будут славны имена Ликурга и Солона, Мильтиада и Фемистокла, Аристида, Кимона, Фокиона, Эпаминонда, Пелопида, Агесилая, Клеомена, Диона, Тимолеона, тогда как имена столь же великих людей – Алкивиада, Конона, Павсания, Лисандра – всегда будут произносить с упреком и порицанием, как имена людей, подрывавших дух общности и предававших свое отечество. И даже скромная доблесть Сократа вряд ли расцвела бы так в трудах некоторых из его учеников, не будь Афин, – погому что Сократ был просто гражданином Афин, и вся его мудрость была мудростью афинянина, ее сеял он в своих домашних беседах. Итак, что касается гражданского просвещения (греков), то одному-единственному городу – Афинам – мы обязаны самым лучшим и прекрасным во все времена». Если и говорить о закате греческой цивилизации, то закат сей, во-первых, продлился почти тысячу лет (от завоевания Греции Александром Македонским до падения Римской империи), во-вторых, древняя Греция даст жизнь византийско-русской культуре, вобравшей таланты и пороки греков-римлян, в-третьих, закат Греции великолепен, как закат солнца. Затем уже наступят «сумерки» Эллады, о которых расскажем в иной книге.

И. Глазунов. Слава предкам

Быть может, сами того не сознавая, мы примериваем на себя одежды героев, воинов, мудрецов, комедиантов и глупцов античности. Сопричастность к прошлому ощутил Л.П. Карсавин. В «Философии истории» он писал: «Познание прошлого ставит перед историком совершенно своеобразные задачи. Прошлое познается в настоящем, из настоящего, через настоящее. Оно самолично присутствует в настоящем, однако не во всецелости своей, а, подобно вспоминаемому, убледненно. Прошлое – действительность, вспоминаемая настоящим. И это больше, чем простое сравнение. Вспоминаемое мною не копия действительно бывшего, не реконструкция его мною, но само это бывшее, которое во мне еще существует как ослабленное, умаленное, умирающее. Оно – сам я прошлый во мне настоящем». Увы, порой сегодня это «прошлое в настоящем», эта, с позволения сказать, «убледненность» воплощаются в жалкой и отвратительной форме. И

мы вместе с автором эпиграммы «Золотая посредственность», П. Вяземским, говорим:

Мудрец Гораций воспевал
Свою посредственность златую:
Он в ней и мудрость полагал
И к счастию стезю прямую.
С тех пор наш изменился свет,
И как сознаться в том ни больно:
Златой посредственности нет,
Людей посредственных довольно.

А может быть, мы уже стали походить на скифского царя Скила? Известно, что сей царь, властвуя над народом, втайне презирал его и не любил его образа жизни. Еще в детстве его мать-истриянка научила его говорить и писать по-эллински. В силу полученного им воспитания царь был более склонен к эллинским обычаям. Войдя в город борисфенитов (милетян), он оставлял свиту, один входил в город, снимал с себя скифское платье и облачался в эллинскую одежду. В этом наряде царь ходил по городу, заходил на рынок, прогуливался по нему без телохранителей или других спутников. Он даже совершал жертвоприношения по обычаям эллинов. Там он жил и отдыхал в течение месяца или даже больше, а затем возвращался вновь к своим соотечественникам. Посещения эти становились частыми. Он построил себе дом за границей (в Борисфене), «большой роскошный дворец», как пишет Геродот, и поселил там жену, местную уроженку. Однажды на этот вот дворец «бог обрушил свой перун, и он весь погиб в пламени». Тем не менее Скил упорствовал в своем неприятии родной отечественной культуры и часто совершал обряд посвящения чужому богу (Вакху). Скифы же осуждали эллинов за вакхические исступления. По их словам, нельзя поклоняться божеству, которое делает народ безумным. Обряды царя стали известны войску скифов. Воины убили «царя-чужеземца».

Геракл Фарнезский (античная статуя)

Греки, римляне видели смысл жизни в борьбе и поэзии, в подвиге и дерзании, мы же – в жажде денег, накоплении и покорности судьбе. Так кто же мы на самом деле – сыны Геракла и Афины или дети Эхидны и Гермеса? А может, иные – наследники проклятых богами Кадма и Гармония? Те покинули родные места, приняли облик двух страшных драконов, а затем разрушили во главе чужеземных сил свою собственную страну?!

У греков мы черпаем саму мудрость. Известно, термин «София» (премудрость) встречается у Гомера в «Илиаде» (в 15-й песне), как мудрость, проистекающая от Афины Паллады. Божественной Мудростью называет Софию и греческий философ Платон (диалог «Федр»). Греки дали уникальную возможность наслаждаться ее сиянием, обрести частицу ее глубины и божественного откровения. Сегодня образ Софии потускнел, редко посещая политическую и финансовую элиту. Иными из них движет алчность и безумие, не то божественное безумие, под влиянием которого, как писал Аристотель, индивидумы делаются поэтами, пророками, мудрецами.

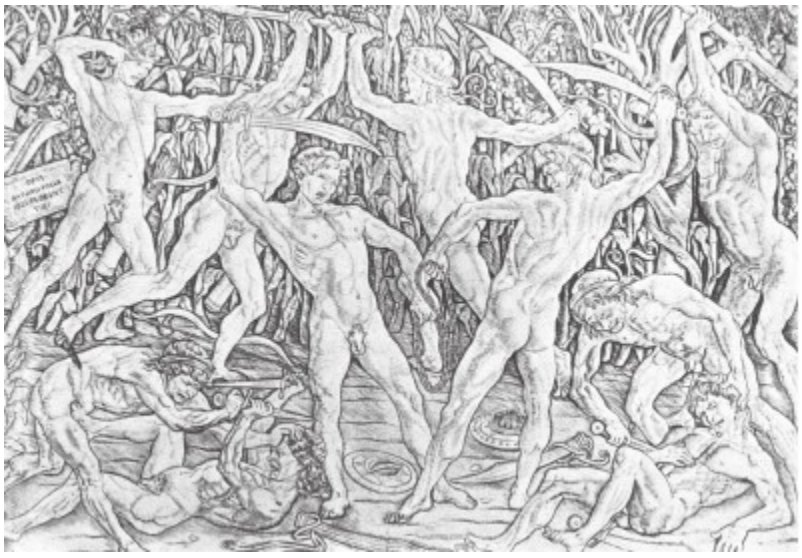
Скифский воин

Возможно, правы те ученые, которые указывали на близость многих фактов и явлений греческой истории, мифов, обычаев, нравов, наконец, богов греков к богам древних славян. Отечественный мифолог Г. Снегирев в XIX веке указал на близость образа нашего Ярилы и греческого Эроса (Эрота), которого греки полагали одним из древнейших, а может быть самым первым из богов. Он считался творцом мира. Гесиод относил его к числу четырех первоначал мира. Поэты же представляли его в виде сказочной птицы любви. Некоторые и вовсе полагают, что Эрос – это и был «воспринятый греками русский бог Яр». Как бы там ни было, сегодня любовь к России и Греции, к их культуре, вызывает чувство признательности нашим предкам за их деяния и идеи.

На земле КИММЕРИЙСКОЙ
Прощай, мой друг, волшебный
Коктебель…
Ты подарил мне радости земные:
Тут небеса бездонно-голубые,
Прозрачных бухт невинная купель.

Тут ночь бесшумно открывает дверь
В рай наслаждений, ветрениц и неги.
Любовь вас посещает в кои веки,
И страсть готовит пышную постель…
Тут все возможно, словно
в мире грез:
Вдруг чахлый вереск стал букетом роз,
Старик – юнцом, философ стал
пиитом,
Скупец – транжирой, аскет —
сибаритом.
В. Миронов

Индийская мудрость гласит: «Исполняй свой долг, не думая об исходе; исполняй свой долг, принесет это тебе счастье или несчастье. Кто исполняет долг спокойно, не радуясь и не печалясь, стойко встречая любые последствия, тот поистине велик душою». Надеюсь, мы так и сделали, стараясь выполнить долг перед златым веком античности и Россией: скупо, косноязычно поведали о прекрасной эллинско-восточной цивилизации, что по сей день согревает теплом и светом наши хладные, рационалистические умы и души. Быть может, в итоге вы возлюбите Античность?!



А. Поллайоло. Битва обнаженных. 1470 г.

Литература

Абрахам К. Сновидение и миф / Между Эдипом и Осирисом. Становление психоаналитической концепции мифа. М. – Львов, 1998. С. 98.

Абрашкин А. А. Тайны Троянской войны и Средиземноморская Русь. М., 2002.

Абрашкин А. А. Русь Средиземноморская и загадки Библии. М., 2003.

Абу Рейхан Бируни. Индия. М., 1995. С. 127—128.

Аверинцев С. С. К пониманию мировоззренческого стиля Плутарха / Древние цивилизации. Древний Рим. Сост. А. И. Павловская и др. М., 1997. С. 62—73.

Аккерман Д. Любовь в истории; Ларю Дж. Секс в Библии. М., 1995. С. 25, 27.

Александрийская поэзия / Сост. и предисловие М. Грабарь-Пассек. М., 1972.

Андреев Ю. В. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., 2002.

Андрееев Ю. В. Спартанская гинекократия / Женщина в античном мире. М., 1995.

Античная демократия в свидетельствах современников / Сост. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996.

Античная драма / Под ред. С. Апта. М., 1970. С. 94—96.

Античная лирика / Сост. и прим. С. Апта и Ю. Шульца. М., 1968.

Античная литература. Греция. Антология. Ч. II. М., 1989.

Античность Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1992.

Античность и Византия / Отв. редактор Л. А. Фрейберг. М., 1975. С.10—11.

Античные поэты об искусстве. СПб., 1996. С. 85, 146, 148, 149.

Античные риторики / Собрание текстов, статьи, комментарии А. А. Тахо-Годи. М., 1978.

Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред.

В. И. Кузищина. СПб., 2000.

Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М., 1984.

Антонян Ю. М. Миф и вечность. М., 2001. С. 138.

Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 49, 122—123.

Аппиан Александрийский. Римская история. М., 2002. С. 10.

Апухтин А. Н. Стихотворения. Л., 1961.

Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 1, 2, 3, 4. М., 1984.

Аристофан. Лягушки. М., 1954. С. 305.

Армстронг Х.А. Истоки христианского богословия. СПб., 2003. С. 15—16.

Арский Ф. Перикл. М., 1971.

Асмус В. Ф. Демокрит. М., 1960. С. 68.

Асмус В. Ф. Историко-философские этюды. М., 1984. С. 5.

Афиней. Пир мудрецов. М., 2003.

Байрон Дж. Г. Паломничество Чайлд-Гарольда. Дон Жуан. М., 1972. С. 88.

Басни Эзопа / Статья и комментарии М. Л. Гаспарова. М., 1968.

Басов Р. А. История древнегреческой философии. М., 2001. С. 169, 173.

Баумгартен Ф., Поланд Ф., Вагнер Р. Эллинская культура. Минск—Москва, 2000.

Башляр Г. Психоанализ огня. М., 1993. С. 36.

Белох. История Греции. Т. 2. М., 1989. С. 422—423.

Беляев Ю. Зверобоги древности. Мифологическая энциклопедия. М., 1998.

Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997.

Бержье Ж. Промышленный шпионаж. М., 1971. С. 33.

Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 96.

Блаватская Т. В. Черты истории государственности Эллады. СПб., 2003.

Блаватская Т. Из истории греческой интеллигенции. М., 1985. С. 55.

Блаватский В. Д. «Рабский вопрос» в идеологии эллинизма / Античное общество. М., 1967. С.15.

Блеген К. Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака. М., 2002. С. 15—16.

Блох И. История проституции. М., 1994.

Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 28, 29, 30, 325.

Бонгард-Левин Г. М. Палладий о брахманах и диспуте Александра / Культурное наследие Востока. Л., 1985. С. 66—71.

Боннар А. Греческая цивилизация. М., 1995.

Бузескул В. П. Введение в историю Греции. СПб., 2005.

Быт и история в античности / Под ред. Г. С. Кнабе. М., 1988. С. 42, 44.

Вайнер М. Троя раскрывает свои тайны // GEO, N№ 6, июнь, 2004.

Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941.

Ванденберг Ф. Золото Шлимана. Смоленск, 1996.

Васильев Л. С. История Востока. Т. 1. М., 1993. С.145—146.

Васильева Т. В. Афинская школа философии. М., 1985. С. 72.

Васильева Т. В. Путь к Платону. Любовь к мудрости, или Мудрость любви. М., 1999.

Вебер М. Аграрная история Древнего мира. М., 2001. С. 274.

Вейнингер О. Пол и характер. Ростов-на-Дону. 1998. С. 493, 494.

Вейс Г. История цивилизации. Классическая древность до IV в. н.э. Т. I. М., 1998.

Великие мыслители Запада / Под ред. Я. Мак-Грила. М., 1998. С. 68—69.

Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 201.

Вернан Ж. – П. Происхождение греческой мысли. М., 1962. С. 70—71.

Вийон Ф. Лирика. М., 1981. С. 69.

Вильдебанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. М., 1993. С. 22.

Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 382, 384—385, 388.

Виндельбанд В. История древней философии. Киев, 1995.

Винкельман И. И. История искусства древности. Малые сочинения. СПб., 2000.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.

Виппер Р. Ю. Лекции по истории Греции. Ростов-на-Дону, 1995.

Владиславлев М. И. «Философия Плотина». В. Плотин. Сочинения. СПб., 1995.

Войцеховский А. И. Загадки древних святынь. М., 2005. С. 255.

Войцеховский А. И. Тайны Атлантиды. М., 2000. С. 171—173.

Волков А., Катин Я. Воскрешение Трои // Всемирный следопыт, № 6, июнь, 2002.

Волошин М. Лики творчества. М., 1998. С. 314.

Вопросы классической филологии. Выпуск XIII. Argumenta classica. М., 2003.

Воронцов Н. Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М., 1999. С. 127.

Вселенная и человечество / Под ред. Г. Крэмера. Т. 1. СПб., 1907. С. 33, 339—402.

Вспоминая В. Ф. Асмуса. М., 2001. С. 153.

Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 51.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966. С. 221.

Гамильтон Э. Мифы и легенды. Боги и герои Древней Греции и Рима. М., 2003.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. М., 1932. С. 23, 29, 33.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 123.

Гегель Г. В. Ф. Философия религии в 2 т. Т. 2. М., 1977. С. 150.

Гелиодор. Эфиопика. М., 1965. С. 126—127.

Гераклит Эфесский. Фрагменты «О природе». М., 1910. С. 28.

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 370—371.

Геродот. История в 9 кн. Л., 1972.

Герцен А. И. Сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1955, С. 174.

Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995, С. 78—88.

Гигин. Мифы. СПб., 2000. С. 258—265.

Гиляров А. Н. Платонизм как основание современного миросозерцания / Платон: pro et contra. Антология. СПб., 2001. С. 331

—332, 354.

Гиппократ. Избранные книги / Под ред. В. П. Карпова. М., 1936.

Гиро П. Быт и нравы древних греков. Смоленск, 2002.

Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. С. – П., 1897.

Глебовский В. А. Древние педагогические писатели. СПб., 1903, С. 5.

Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967.

Гомперц Т. Греческие мыслители. Т. 1, 2. СПб., 1999.

Гончаренко Н. В. Гений в искусстве и науке. М., 1991. С. 198, 200.

Гончарова Т. В. Эпикур. М., 1988.

Гончарова Т. В. Еврипид. М., 1986.

Грабарь-Пассек М. Античные сюжеты, формы в литературе. М., 1966.

Грант М. Двенадцать цезарей. М., 1999. С. 165.

Грант М. Классическая Греция. М., 1998.

Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Кн. 1. М., 1999. С. 172.

Греки на украинских землях. Документы и материалы. Киев, 2000.

Греция – Культурное наследство. Древние театры. Афины, 1996. С. 12.

Грин П. Александр Македонский. Царь четырех сторон света. М., 2003.

Грифцов Б. Искусство Греции. М. – Л., 1923. С. 88—89.

Губарева М. В., Низовских А. Ю. Сто великих храмов мира. М., 2001. С. 33—37.

Гудзь-Марков А. В. Домонгольская Русь в летописных сводах V—XIII вв. М., 2005.

Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 323—324.

Гумилев Н. С. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М., 1991. С. 110—111.

Гусейнов Г. Аристофан. М., 1988.

Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. СПб., 1997. С. 7—11, 186—189.

Демосфен. Речи. Т. 3. М., 1996. С. 337, 400.

Диль Ш. По Греции. Археологические прогулки. М., 1913.

Дильс Г. Античная техника. Под ред. С. И. Ковалева. М. – Л., 1934.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.

Дитмар А. Б. География в античное время. М., 1980. С. 76.

Древние германцы. Сборник документов. М., 1937, С. 28, 115.

Древние цивилизации / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1989.

Древний мир глазами современников и историков. М., 1994. С. 17—24.

Древняя история К. Ф. Беккера, вновь обработанная В. Мюллером. СПб., 1890.

Древние цивилизации. Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1989.

Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1. М., 2003.

Дубровский И. Александр – сын Зевса // Вокруг света, апрель 2005. С.142—143.

Дэвис Дж. К. Демократия и классическая Греция. М., 2004. С. 208—211.

Дюпюи Р. Э., Дюпюи Т. Н. Всемирная история войн. Кн. 1. СПб. – М. 1997. С. 104.

Дюрант В. Жизнь Греции. М., 1997.

Евагрий Схоластик. Церковная история. Кн. 3—4. СПб., 2001. С. 120—121.

Еврипид. Трагедии. Т. 1, 2. М., 1969.

Европейский альманах. М., 1991. С.19.

Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М., 2001. С. 217, 251, 253.

Ефремов И. А. Таис Афинская. М., 1976.

Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С. 97—98.

Женщина в античном мире. Сборник статей. М., 1995. С. 242—243.

Живаго А. В. – врач, коллекционер, египтолог. М., 1998. С. 122.

Жигунин В. Д. Очерки античной естественной истории. / Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора В. Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 81—82.

Жизнь замечательных людей. Демосфен и Цицерон. Челябинск, 1996. С. 14—15.

Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности. СПб., 2002.

Жуана Жак. Гиппократ. Ростов-на-Дону, 1997. С. 84—90.

Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.

Жураковский Г. Е. Очерки по истории античной педагогики. М., 1963.

Зелинский Ф. Ф. Возрожденцы. Научно-популярные статьи. СПб., 1997.

Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. В 2 т. Т. 1. М., 1995. С.16.

Зелинский Ф. Ф. Соперники христианства. СПб., 1995. С. 240.

Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М., 1964.

Зеркало Лаиды. Истории античных гетер / Сост. Т. Крупа. М., 2002.

Знаменитые греки и римляне / Сост. М. Ботвинник и М. Рабинович. СПб., 1993.

Зурабова К. А., Сухачевский В. В. Мифы и предания. М., 1993. С. 170—171.

Иванов В. Родное и вселенское. М., 1994. С. 67.

Иванов В. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 401.

Иванов Л. Л. Вакханки и куртизанки. С древнейших времен до наших дней. М., 1993.

Ионина Н. А. Сто великих сокровищ. М., 2002.

Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994.

Историки Греции. Геродот, Фукидид, Ксенофонт. М., 1976.

Историки Рима. М., 1970. С. 39.

История Греции со времени Пелопоннесской войны. Выпуск второй. М., 1896.

История Греции со времени Пелопоннесской войны. Выпуск первый. Т. 2. М., 1896.

История искусства зарубежных стран / Под ред. М. В. Доброклонского. Т. 1. М., 1961.

История письма. Эволюция письменности от Древнего Египта до наших дней. СПб., 2002. С. 272.

История человечества. Всемирная история / Под ред. Г. Гельмольта. Т. 5. СПб., 1903.

История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 1. М., 1962. С. 220.

Исчезновение амазонок // Всемирный следопыт, N № 6, июнь, 2002. С. 32—37.

Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. М., 1997.

Казелли Д. Троя. Как был найден сказочный город Гомера. М., 2002.

Кант И. Вечный мир. Философский очерк. М., 1905. С. 1.

Кантор Ю. Привет от скифов // Журнал «Эрмитаж», нулевой номер, 2003. С. 63.

Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.

Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 283.

Катулл, Тибулл, Проперций. М., 1963. С. 407—408.

Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1968. С. 128.

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1963.

Кессиди Ф. Х. Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского. М., 1963.

Кессиди Ф. Х. Изучение философии Платона в СССР / Платон и его эпоха. М., 1979.

Книга античности и Возрождения о временах года и здоровье. М., 1971. С. 29—32.

Ковалев С. И. Греция. Второе издание. Л., 1937.

Коган П. С. Очерки по истории древних литератур. М., 1935. С. 72—62.

Колобова К. М., Озерецкая Е. Л. Как жили древние греки. Л., 1959.

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.

Коплстон Ф. История философии. Древняя Греция и Древний Рим. Т. 1, 2. М., 2003.

Коровина А. К., Сидоров Н. А. Города Кипра. М., 1973. С. 58, 113, 148.

Косидовский З. Когда солнце было богом. М., 1991. С. 205—208.

Кравчук А. Перикл и Аспазия. Историко-художественная хроника. М., 1991.

Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб., 1999. С. 289.

Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М., 1935.

Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993.

Ксенофонт. Греческая история / Пер.с древнегреч. и коммент. С. Я. Лурье. СПб., 2000.

Кудрявцев О. В. Запустение Эллады. / Древние цивилизации. Древний Рим. Сост. А. И. Павловская и др. М., 1997. С. 46—47.

Кузнецов В. Сокровища древней Фанагории // Вокруг света, апрель 2001.

Кузьмин А. Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003. С. 62.

Кулидж О. Троянская война. М., 2002.

Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII—V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 122, 125, 345.

Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Древнего Рима. М., 1990.

Кун Л. А. Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982.

Кун Л. А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1957, С. 28.

Курциус Э. История Греции в 3 т. Т. 1. М., 1876. С. 325.

Латышев В. В. Очерк греческих древностей. СПб., 1997.

Левек П. Эллинистический мир. М., 1989.

Леопарди Дж. Стих итальянский напоен слезами. М., 1998. С. 117.

Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М., 1957.

Ливанова Т. История западноевропейской музыки до 1789 года. М. – Л., 1940.

Лисий. Речи / Пер. С. И. Соболевского. Пред. Л. Маринович, Г. Кошеленко. М., 1994.

Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 417.

Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М., 2003.

Ломброзо Ц. Гениальность и помешательство. СПб., 1892. С. 11—12.

Лонг. Дафнис и Хлоя; Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел. М., 1969.

Лосев А. А., Тахо-Годи А. А. Платон и Аристотель. М., 1993. С. 296—297.

Лосев А. Ф. Гомер. М., 1996.

Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян / Сост. А. А.Тахо-Годи, М., 1996.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1992.

Лубченков Ю. Н. Все полководцы мира. Древний мир. Средние века. М., 2001.

Лукиан из Самосаты. Избранное. М., 1962.

Лукиан. Избранные атеистические произведения. М., 1955. С. 223.

Лукреций. О природе вещей / Под ред. Ф. А. Петровского. М., 1946.

Лункевич В. В. От Гераклита до Дарвина. Т. 1. М. – Л., 1936. С. 14—15.

Лурье С. Я. Архимед. М. – Л., 1945. С. 11, 12, 220, 226.

Лурье С. Я. Геродот. М. – Л., 1947. С. 9, 41, 96, 113, 156.

Магидович В. И., Магидович И. П. Открытия древних народов. М., 2003. С. 102.

Майков А. Н. Избранные произведения. Л., 1977.

Майяни З. По следам этрусков. М., 2003. С. 414—415.

Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский. М., 1993.

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 25.

Марр Н. Я. Вопросы языка в освещении яфетической теории. Л., 1933. С. 261—262.

Марченко О. И. Риторика как норма гуманитарной культуры. М., 1994. С. 11—12.

Мелихов В. А. Очерк воспитания и обучения в Древнем Риме. Харьков, 1913.

Менандр. Комедии. Герод. Мимиамбы. М., 1984. С. 72, 233.

Менар Р. Мифология в древнем и современном искусстве. Минск—Москва, 2000.

Менар Р. Мифы в искусстве старом и новом. М., 1992. С. 35.

Миронов В. Б. Пир мудрецов. М., 1994. С. 86—89.

Мищенко Ф. Г. Геродот и место его в древнеэллинской образованности. Т. 1. М., 1888.

Моисеева Т. А. Царская власть у фригийцев. (К интерпретации легенды о гордиевом узле) / Древние цивилизации. От Египта до Китая. М., 1997. С. 628—629.

Молев Е. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003.

Моммзен Т. История Рима. Т. 1. М., 1936. С. 28-30, 226.

Монтень М. Опыты. В 3 кн. Кн 1 и 2. М., 1980. С. 667—668.

Морган Л. Г. Древнее общество или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934. С. 21.

Мудрость тысячелетия. Энциклопедия. М., 2004. С. 86—87.

Муретов М. Д. Новозаветная Песнь Любви / Платон: pro et contra. СПб., 2001.

Мусский И. А. Сто великих мыслителей. М., 2000.

Мусский И. Сто великих диктаторов. М., 2000. С. 45—50.

Найдыш В. М. Философия мифологии. М., 2002.

Невчолодов А. Сказания о русской земле. Кн. 2. М., 1997. С. 531—532.

Немировский А. И. Мифы древности. Эллада. М., 2000.

Немировский А. И. История древнего мира. Античность. М., 1999. С. 201.

Немировский А. И., Ильинская Л. С., Уколова В. И. Античность: история и культура. Т. 1. М., 1994. С. 238—239.

Непомнящий Н. Н. Сто великих загадок истории. М., 2002.

Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1997. С. 423.

Нерсесянц В. С. Сократ. М., 1980. С. 98.

Низовский А. Ю. Сто великих археологических открытий. М., 2002. С. 250—252.

Низовский А. Ю. Древний мир. М., 2001. С. 182.

Никитюк Е. В. Псефизма Диопифа и обвинение Сократа / Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2002.

Никольский Н. М. Древний Вавилон. М., 1913. С. 7—8.

Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.

Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990.

Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 126—127.

Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. СПб., 1997.

О происхождении богов. М., 1990. С. 194—195.

О`Брайен П. Статус государства и будущее универсальной истории / Цивилизации. Вып. 5. Под ред. А. О. Чубарьяна. М., 2002. С. 11.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Византийские портреты. М., 1998.

Образование в Москве. История и современность / Под ред. Л. П. Кезиной и др. М., 2000.

Овидий. Метаморфозы. М., 1977.

Остерман Л. А. О Солон! История афинской демократии. М., 2001.

Павсаний. Описание Эллады. Т. 1. М., 2002.

Паллад. Застольная. Цит. по: Соколов Г. И. Искусство Древней Греции. М., 1980.

Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник – 2002. М., 2003. С. 260.

Памятники мировой эстетической мысли в 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 195, 199.

Памятники мировой эстетической мысли в 5 т. Т. 2. М., 1964. С. 685—687.

Панин Н. Ф. Александр Македонский: историко-биографический роман. М., 2000.

Парандовский Я. Олимпийский диск. М., 1979.

Пасютинская В. Волшебный мир танца. М., 1985, С. 5—7.

Педагогические воззрения Платона и Аристотеля / Под ред. Ф. Зелинского. П., 1916.

Пёльман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999.

Перевезенцев С. В. Практикум по истории западноевропейской философии. М., 1997.

Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2002.

Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики. Изд. А. К. Шапошников. М., 2004.

Платон. Диалоги. М., 1986.

Платон. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. Ч. 1, 2. М., 1972.

Платон. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. М., 1968.

Платон. Собрание сочинений в 3 т. Т. 2. М., 1970.

Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994.

Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.

Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2 т. Т. 1, 2. М., 1987.

Плутарх. Сочинения. М., 1983.

Полибий. Всеобщая история в 40 кн. Перевод Ф. Г. Мищенка. Т. 2. М., 1895.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., 1992.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 221—230

Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1982. С. 29.

Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. М., 1978. С. 287.

Радциг С. И. Демосфен – оратор и политический деятель / Демосфен. Речи. Т. 3. М., 1996. С. 422.

Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских плмеен. М., 1977. С. 162.

Раевский Д. С. Эллинские боги в Скифии? / Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье. М., 1997, С. 777.

Разин Е. А. История военного искусства. М., 1994. С. 242.

Райс Т. Т. Скифы – строители степных пирамид. М., 2003. С. 10, 13, 14.

Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. Л., 1950.

Ранович А. Б. Основные проблемы эллинизма / Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье. М., 1997. С. 450.

Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1997. С. 272.

Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 68.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Т. 1. СПб., 1994.

Розанов В. В. Возрождающийся Египет. М., 2002. С. 129.

Россия и христианский Восток. Выпуск II—III. М., 2004. С. 288, 293.

Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. М., 2002. С. 92.

Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. Л., 1975. С. 289.

Русские писатели о литературном труде. Т. 1. Л., 1954.

Самин Д. К. Сто великих памятников. М., 2002. С. 26—31.

Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже эпох. М., 2002. С. 178, 266.

Свенцицкая И. Представления греков о счастье и несчастье / В своем кругу. М., 2003.

Свечин А. А. История военного искусства. М., 2002. С. 52, 53.

Семашко И. И. Сто великих женщин. М., 2004. С. 14—17.

Семенцова Э. Восточные и средиземноморские традиции в сложении нового стиля в аттической керамике начала V в. до н.э. / Из истории искусства классического Запада. М., 1980. С. 15.

Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.

Сергеев В. С. История Древней Греции / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2002.

Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима. Очерки быта. СПб., 2002. С. 189—190.

Сисс Дж., Детьен М. Повседневная жизнь греческих богов. М., 2003. С. 101.

Ситников А. В. Философия Плотина и традиция христианской патристики. СПб., 2001.

Словарь античности / Пер. с немецкого. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1989.

Словацкий Ю. Стихи. Мария Стюарт. Перевод Б. Пастернака. М., 1975. С. 33.

Снисаренко А. Б. Властители античных морей. М., 1986.

Соколов М. Н. Вечный Ренессанс. М., 1999. С. 346, 347.

Солопова М. А. Александр Афродийский и его трактат «О смешении и росте». М., 2002.

Софокл. Трагедии. М., 1988.

Спафари Э., Петропулу К. Коринф—Микены. Тиринф—Эпидавр. Афины, 2000.

Степанова А. С. Философия Древней Стои. СПб., 1995. С. 7, 30, 42.

Сто великих музеев мира / Сост. Н. А. Ионина. М., 1999. С. 32—34.

Страбон. География. М., 2004.

Стратановский Г. А. Страбон и его география / Страбон. География. М., 2004.

Суд над Сократом. Сборник исторических свидетельств. Сост. А. Кургатников. СПб., 2000. С. 188.

Султанов Ш. Плотин. Единое: творящая сила созерцания. М., 1996.

Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян (V в. до н.э.). М., 2002.

Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995.

Таруашвили Л. И. Искусство Древней Греции. Словарь. М., 2004.

Тахо-Годи А., Лосев А. Греческая культура в мифах, символах, терминах. СПб., 1999.

Тейлор У. Микенцы – подданные царя Миноса. М., 2003.

Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1946.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник. М. – СПб., 1996. С. 208.

Тойнби А. Постижение истории. Сборник. М., 1991. С. 127.

Томан Й., Томанова М. Сократ. М., 1981.

Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Первые философы. Т. 2. М., 1959.

Торшилов Д. О. Античная мимография: мифы и единство действия. СПб., 1999.

Тронский И. М. История античной литературы. М., 1983, С. 138—139.

Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. М., 1997. С. 142.

Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб., 2002.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России. СПб., 2002.

Тураев Б. А. История Древнего Востока. Минск, 2002. С. 632.

Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972. С. 119.

Тэннэхилл Р. Секс в истории. М., 1995, С. 86—88.

Фаллос как член общества. Составители Сейдгазов М., Чугунова Т., Русаков В. СПб., 2004. С. 38—49.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты – свидетели прошлого. М., 1985. С. 8, 9, 25, 26.

Фет А. А. Вечерние огни. М., 1971. С. 103—107.

Финлей Г. Греция под римским владычеством со времени завоевания римлянами до падения империи на Востоке (146 г. до н.э. – 717 г. н.э.). М., 1877. С. 17—20.

Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1. Ч. 1. М., 1990. С. 326.

Фоменко А. Т. Новая хронология Греции.Античность в средневековье. Т. 2. М., 1996.

Фор П. Александр Македонский. М., 2006.

Фор П. Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны. М., 2004.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 171, 197.

Францев Ю. П. У истоков религии и свободомыслия. М. – Л., 1959. С. 336, 399.

Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М., 1991. С. 143.

Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики. СПб., 2001.

Фролов Э. Д. Ксенофонт и его «Киропедия» / В. Ксенофонт. Киропедия. М., 1977.

Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 144.

Фукидид. История. М., 1993.

Фукидид. История. Т. 1, 2. СПб., 1994.

Фуллер Дж. Военное искусство Александра Великого. М., 2003.

Хаммонд Н. История Древней Греции. М., 2003.

Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.

Ходасевич В. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М., 1996. С. 106.

Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. М., 1997. С. 187.

Хомяков А. С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 215—216.

Хомяков А. С. Церковь одна. Семирамида. М., 2004. С. 384.

Хуф Х. – К. Сфинкс. Загадки истории от Марко Поло до Распутина. М., 1996.

Целлер Э. Очерк истории греческой философии. СПб., 1996. С. 136.

Цит по: Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977. С. 108—109.

Цит. по: Scripta Gregoriana. Сборник в честь 70-летия Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003.

Цит. по: Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. М., 1998. С. 202—203.

Цит. по: Василиадис Н. Библия и археология. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2003.

Цит. по: Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003.

Цит. по: Гринбаум Н. С. Микенологические этюды (1959—1997). СПб., 2001.

Цит. по: Замятин Д. Н. Гуманитарная география. СПб., 2003. С. 11.

Цит. по: Очерки по истории мировой культуры. Под ред. Т. Кузнецовой. М., 1997.

Цит. по: Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991.

Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 260.

Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С. 83.

Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.

Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 1. СПб., 2006. С. 47.

Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1. СПб., 2006. С. 17.

Шантепи де ля Соссей Д. П. Иллюстрированная история религий. Т. 2. М., 1992.

Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1986.

Шахнович М. М. Парадоксы античного атеизма. // Диспут, январь —март 1992, №№ 1.

Шебек Ф. Вариации на тему одной планеты. Будапешт, 1972. С. 169—170.

Шиллер Ф. Драмы. Стихотворения. М., 1975. С. 749.

Шифман И. Ш. Александр Македонский. Л., 1988. С. 47, 202—203.

Шталь И. В. Эпические предания Древней Греции. М., 1989.

Шталь И. В. Поэзия Гая Валерия Катулла. М., 1977. С. 136.

Штоль Г. В. История Древней Греции в биографиях. Смоленск, 2003.

Щербаков В. И. Века Трояновы. М., 1995.

Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1995. С. 181—182.

Эриксен Т. Б. Августин: беспокойное сердце. М., 2003. С. 235.

Эстетика Ренессанса / Сост. В. П. Шестаков, Т. 1. М., 1981. С. 69.

Юм Д. Естественная история религии. Т. II. М., 1965. С. 195, 441.

Яблоков И. Н. Основы теоретического религиоведения. М., 1994. С. 16—18.

Якубанис Г. Эмпедокл: философ, врач и чародей. *Гёльдерлин Ф.* Смерть Эмпедокла. Киев. 1994. С. 47, 63, 68.

Ямвлих Халкидский. Комментарии на диалоги Платона. СПб., 2000. С. 7—9.

Ямвлих. Жизнь Пифагора. М., 1998.

Янин И. Т. Энциклопедия мудрых мыслей. М., 2000. С. 125.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 51, 95.

Day C. A history of commerce. N. Y. – L., 1917. P. 22.

Hibler R. W. Happiness through tranquillity. The school of Epicurus. N. – Y., 1984. P. 3—25.

---

notes

Примечания

1

Речь идет о двух вполне конкретных лицах – ученых, руководителе Центра военной истории ИРИ РАН г-не Г. А. Куманеве и директоре Института российской истории РАН г-не А. Н. Сахарове.